

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1965

Lubarsky, maron

Проф. М. К. Любавскій.

SIR PAUL VINOGRADOFE

Ocherk istrii ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

Li kousko-Russkago gosudanskus-NITODENO-PUCCIATO TOCUMPETDA

до Люблинекой унін включительно.

Съ приложеніемъ текста хартій, выданныхъ великому княжеству Литовскому и его областямъ.

Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Москва. Синодальная Типографія.

X63745

DK

THE LIBRARY OF CONGRESS

PHOTODUPLICATION SERVICE WASHINGTON 25, D. C.

Проф. М. К. Любанскій.

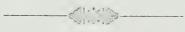
ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

11.102312-12331110 1037.113121.1

до Либаниской унін вилючительно.

Съ приложениемъ текста хартій, выданныхъ великому княжеству Литовскому и его областямъ.

Изданіе Импереторенаго Сіщества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Москов. Сиподаль за Типографы. 1910.

DK511 Ref. 13

Copy STOTP May 12,54 Kel.

: . PH Wines

предисловіе.

Настоящій "Очеркъ исторіи Литовско-Русскиго государства" составился изг лекцій, читанных ввтором вз Московском университеть за посльдніе годы. По содержанію своему онг является переработкою прежних спеціальных изслидованій автора по внутренней исторіи Литовско-Русскаго государства съ привлечениемъ изысканий и другихъ изслъдователей въ той же эбласти. Своимъ появлениемъ въ печати этотъ очеркъ обязанъ желанію автора пойдти навстръчу ощущаемой потребности въ общемъ доступномъ руководстви по внутренней исторіи Литвы и Западной Руси. Не смотря на то, что вз настоящее время импется уже не мало спеціальных трудовг, проливающих достаточный свътз на эту исторію, Литва и Западная Русь все еще продолжають оставаться terra incognita, и не только для широкой публики, но и для ученаго міра, исключая немногих сравнительно спеціалистовг. До сихг порг исторія Литовско-Русскаго государства не заняли надлежащаго мъста вз преподаваніи какг средней, такг и высшей школы, вз чемз можно убъдиться хотя бы по учебниками и разными руководствами по русской исторіи. Главы, отводимыя вт нихт Литовско-Русскому государству, отмичаются обычно безсвязностью и фрагментарностью изложенія, не говоря уже о всегдашнихг ошибкахг и искаженіяхг. Причина этому, очевидно, та, что вг научной литературь не импется легко обозримаго труда, который бы такъ или иначе сводилъ во едино результаты спеціальныхъ изслъдованій и даваль бы извъстную общую концепцію литовско-русской исторіи. Безь сомнынія, такое положеніе дыла можеть быть тормазомы и для дальньйшей научной разработки предмета. Предмагаемый очеркъ и является попыткою восполнить этотг пробълг и дать достаточное первое ознакомление съ общимъ ходомъ истории Литовско-Русскаго государства, съ его общественными классами и ихг взаимными отношеніями, съ государственными учрежденіями и их эволюцією. Авторг старался в своемь трудт быть на уровнт существующих научных гразысканій, не отставая от нихг, но и не опережая. Поэтолу, какт ни важно было бы освъщеніе экономической эволюціи Литовско-Русскаго государства и исторіи его духовной культуры, авторг вынужденг былг отказаться отг всякихг значительных попыток вз этом направлении вз виду отсутствія серьезных, достаточно широких и глубоких, спеціальных изслидованій по этой части.

Вг виду того, что очерк вышел вз значительной мирт историческим в комментаріем в основним государственным законам великаго княжества Литовского, содержащимся вз его общеземских и областных хартіях, или привилеяхь, авторь счель нужнымь приложить и текстъ этихъ привилеевъ какъ для ученаго, такъ и учебнаго удобства, для веденія въ связи съ ними практических занятій въ высшей школь. Текств привилеевз, выданных великолу княжеству и сес областяль, разбросант по разными малодоступными изданіями, ставшими при томи же и библіографическою ръдкостью. Вз настоящем зизданіи текстз общеземских привилеев перепечатанг вз томз полномз составь, вз какомъ они по требованію "становъ", т. е. чиновъ вальнаго сейма, были вписаны во второй Статутг, и вт каколи видъ изданы Юридическою Комиссією Краковской Академіи наукь (Archiwum Komisyi prawniczej, tom siódmy. Krakow 1900). При этома текста Горсдельского привилея 1413 года, согласно указаніями редакціи означенной Комиссіи, воспроизведент по изданію Пржездзецкаго Іоиппі Dlugosz Senioris Canonici Cracoviensis Opera omnia, tomus XIII, a mekema npubunea 1434 200a no изданію Исторической Комиссіи Краковской Академіи Наукт (Монитента medii aevi res gestas Poloniae illustrantia, tomus XIV). Umo kacaemca областных привилеевг, то, за исключением привилея Дорогицкой земли 1516 года, они напечатаны прямо съ копій Литовской метрики, хранящейся въ Московскомъ Архивъ Министерства Юстиціи. Изъ нихъ привилеи земляма Полоцкой, Волынской, Витебской и Жлудской напечатаны по списками, еще не бывшими во ученоми обороть. Во соотвытствіе съ общеземскими привилеями и областные напечатаны въ позднъйших их подтвержденіях, из которых явствует, что установившійся къ XVI въку въ наибольшей полнотъ текстъ ихъ затъмъ уже не мънялся, и они переписывались слово въ слово. Такимъ образомъ, и содержащаяся въ нихъ старина и пошлина оставалась неизмънною до самаго конца самостоятельного существованія Литовско-Русского государства.

Такъ какъ по мысли автора предлагаемый очеркъ долженъ быть какъ бы связующимъ высденіемъ въ изученіе спеціальной литературы по исторіи Литовско-Русскаго государства, то каждая глава его снабжена указаніемъ на тъ труды, которые ближай шимъ образомъ могутъ служить для изученія того или другого вопроса, а посліз вступленія указаны и общія библіографическія пособія для болье детальныхъ справокъ. Что касается источниковъ, то указанія на нихъ даются въ самыхъ спеціальныхъ изслъдованіяхъ по литовско-русской исторіи, вслъдствіе чего авторъ и не счелъ нужнымъ вводить ихъ въ свой очеркъ.

М. Любавскій.

Пушкино. 25 іюля 1910 г.

T.

Научное вначение истории Литовско-Русского государства.

Кіевская Русь и Литовская.—Необходимость изученія дитовско-русской исторіи для уясненія древняго періода русской исторіи.—Литовская Русь и Московская и необходимость ихъ сравнительнаго изученія.—Историческое значеніе Люблинской уніи.—Необходимость изученія внутренней исторіи Литовско-Русскаго государства для объясленія этого факта.

Изложенію исторіп Литовско-Русскаго государства необходимо предпослать насеолько общиха замічаній о томь мізсті, которое принадлежить ей вь общей системів науки русской исторіи, и о томь правіз на вниманіе, котораго она заслуживаеть при изученіи этой науки.

Прежде всего надо имъть въ виду, что въ настоящемъ случав приходится имъть дъло съ государствомъ, которое во время оно объединяло добрую половину Руси. На образование великаго княжества Литовскаго пошла не только область, населенная литовскимъ племенемъ, но и старинныя русскія земли въ бассейнахъ З. Лвины и Дивира-Полоцкая, Смоленская, Чернигово-Северская, Кіевская и Волынская. Это была исконная Русь, сидъвшая на старомъ корню, медленно эволюціонировавшая, но не срывавшаяся съ своихъ жизненныхъ устоевъ, -- въ противоположность Руси Суздальской, которая, разселившись по верхней Волгв и ен пригокамъ, устроила тамъ свою жизнь на новыхъ основаніяхъ, отличныхъ оть Приднъпровской и Подвинской Руси. Правда, Подвинская и Поднъпровская Русь подчинилась власти литовскихъ князей. Но при этомъ подчиненіи западная Русь не только не теряла своего историческаго наслідія, но и передавала его господствующей земль, которая сама во многомъ устранвалась по образцамъ этой Руси, вводила у себя русскій языкъ, русскія учрежденія, русское право и даже русскую в'ру. Всл'єдствіе всего этого и исторія Литовско-Русскаго государства является въ изв'єстномъ смыств прямымъ продолженіемъ, дальнійшимъ развитіемъ исторіи Кіевской Руси. Въ жизни Литовской Руси можно подмътить гораздо больше традицій, арханческихъ чертъ кіевскаго періода, чёмъ въ жизви Суздальской Руси. А если тавъ, то и ретроспективнаго уясненія разныхъ черть древн'єйшаго, такъ называемаго віевскаго періода русской исторіи приходится искать главнымъ образомъ въ позднениихъ данныхъ литовско-русской исторін, въ бытв и установленіяхъ государства Лиговско-Русскаго. Такое ретроспективное уясненіе важно не только само по себ'в, но и для того, чтобы можно было лучше представить оригинальность историческаго процесса, начавшагося

на свверо-востокъ, въ Суздальской землъ, съ отливомъ туда населенія изъ Приднъпровья. На ряду съ этимъ увеличивается возможность точнъе учесть и то историческое наслъдіе, которое при всемъ томъ Суздальская Русь получила отъ Руси Кіевской. Слъдовательно, говоря вообще, — изученіе литовско-русской исторіи является однимъ изъ средствъ къ углубленію пониманія русскаго историческаго процесса въ древнъйшій его періодъ.

Но то же самое справедиво и въ отношении къ последующимъсреднимь выкамы русской исторіи. Какы самостоятельный процессы, исторія Литовско-Русскаго государства поражаеть противоположностью своего направленія и своихъ результатовъ по сравненію съ исторією другого русскаго государства-Московскаго. Московское государство, какъ извъстно, развивалось въ направленіп монархическаго абсолютизма и административной централизаціи. Оно отлилось ві конців концовь вь форму наслідственной и неограниченной женархін, съ сильнымъ центральнымъ правительственнымъ механизмомъ, который пользовался органами местнаго управленія и самоуправленія, какъ своими орудіями по выполненію презмущественно общегосударственныхъ задачь. Соціальный процессь въ этомъ государствів праветь кь установленію крѣпостной зависимости крестынскаго населенія оть землевладывцевь. Но государство при всемь томъ не утратило своихъ правъ суда и обложенія надъ этимъ населеніемъ, и московскіе землевладъльци не сдълались полновластными государями въ своихъ имъньяхъ. Всв классы общества въ Московскомъ государстве обязаны были службою государству въ той или другой формъ, и внутреннее развитие его совершалось въ направленіи постепеннаго роста и закр'єпленія сословныхъ обязанностей, сословнаго тягла. Таково было государство Московское. - Веливое вняжество Литовское развивалось въ направленіи конституціонализма и политической децентрализаціи. Оно отлилось въ конц'я концовъ въ форму избирательной (въ династическихъ предълахъ) монархіи, ограниченной частью совътомъ вельможъ, или радою господарскою, частью сеймому изъ представителей дворянского сословія. Въ этомъ госудорствів слобо развивалось н не пошло далбе зачатковъ въ своей организаціи центральное управленіе, преобладало управленіе м'єстное, проникнутое автономическими тенденціями. Земли, изь которыхь составилось Лиговско-Русское государство, сохраняли въ немъ свою прежнюю обособленность и самобытность, и все государство было проникнуто началами федерализма. Землевладальцы въ этомъ государствъ пріобръли государственныя права надъ населеніемъ своихъ имъній, даже и не кръностнымъ, и сділались въ нихъ государями феодального тича. Все внутреннее развитие Литовско-Русского госудорства совершалось въ направленін роста и укрупленія привилегій высшаго класса — шляхты на счеть правъ государя и осгального населенія. — Чъмъ объясняется такая разница въ общемъ направленіи и результатахъ того и другого процесса-все это вопросы огромной важности, разръшение которыхъ должно способствовать болбе широкому и болбе глубокому пониманію средняго періода русской исторіи, стоящаго между віевскимъ періодомъ съ одной стороны и новимъ-петербургскимъ съ другой. Если при

этомъ смотрёть на исторію сѣверо-восточной, Великой Руси, какъ на главное и основное теченіе русской жизни, то и съ этой стороны изученіе параллельнаго литовско-русскаго теченіи чрезвычайно важно, ибо даетъ матеріалъ для всевозможныхъ сопоставленій и сравненій, а черезъ нихъ сблегчаеть умсненіе историческаго процесса сѣверо-восточной Руси.

Отдельная исторія Литовско-Русскаго государства, какъ изв'єстно, закончилась крушеніемъ его самобытности и самостоятельности, соединеніемъ съ Польшею въ одну рычь посполитую, т.-е. государство. Это полятичесвое сліяніе повело въ тесному духовному сближенію Литвы и западной Руси съ Польшею и къ отчуждению ихъ отъ Руси съверо-восточной, которое впоследствін, когда судьба возсоединила ихъ съ этою Русью въ одно государство, дало тяжело себя почувствовать обънмъ сторонамъ. Полигическое соединеніе Литвы и западной Руси съ Польшею вообще затрудкило я усложнило дело національнаго объединенія Руси, предпринятое Москвою, и надолго затянуло борьбу за объединеніе, сопровождавшуюся огромною тратою народныхъ силъ, матеріальныхъ и моральныхъ. Люблинская унія, соединившая великое хинжество Литовское съ Польшею, является, тажымь образомь, событіемь первостепенной важности вы общерусской исторіи. Но историческое объяснение этого события не возможно безъ надлежащаго ознакомленія съ внутреннимъ развитіемъ Литовско-Русскаго государства, съ его соціально-политическою организацією. Нельзя въ данномъ случав ограничиваться одними вижшними причинами, которыя ръшили вопросъ объ унін Литвы съ Польшею, — т.-е. Ливонскою войною, поставившею великое княжество Литовское въ затруднительное положеніе и заставившею его искать теснаго союза съ Польшею. Есля остановиться на этомъ, то все равно останется неяснымь, какъ создалось такое положение вещей въ Литовско-Русскомъ государствь, почему оно, при всей величинь своей территоріи и населенности, такъ скоро оказалось не въ состояніи безъ польской помощи бороться съ Москвою, истощенною и войною, и тиранніею Грознаго; остается далье неяснымъ, почему Литовско-Русское государство, вогда обнаружилась невозможность его самобытнаго существованія, предпочло применуть въ Польше, а не въ Великой Руси, съ которою у него было больше національнаго и религіознаго сродства, чёмъ съ Польшею. Всё эти вопросы не могуть получить удовлетворительнаго разръшенія безь должнаго уясненія техь государственных средствь, конми располагало великое вняжество Литовское, его внутренняго строя и общественныхъ отношеній и стремленій. Надо нивть въ виду, что еще съ конца XIV ввка Польша много разъ покущалась на государственную самостоятельность великаго княжества Литовскаго путемъ установленія уніп. И внъшнія обстоятельства въ высшей степени благопріятствовали ел стремленіямь. При великихъ князьяхъ Александръ и Сигизмундъ Казимировичахъ (1492—1544) шла напряженная борьба съ Москвою, при чемъ великое княжество Литовское находилось въ столь же затруднительномъ, если не худшемъ положенін, какъ и во время Ливонской войны. И однако въ то время не состоялось соединенія его съ Польшею, какъ ни хлопотали о томъ поляки.

Очевидно, что великое килжество Литовское не было еще готово къ такому соединенію по внугреннему своему состоянію, по строю и взаимоотношенію общественныхъ силь, которыя заправляли тогда его политическою жизнью.— Ко времени Люблинской уніи такая внутренняя подготовка уже совершилась, и великое княжество Литовское оказалось вь состояніи безъ особой ложки, безъ потрясенія основъ внутренняго быта соединиться съ Польшею въ одну рычь посполитую, т.-е. въ одно государство. Поэтому процессъ внутренней ассимиляціи великаго княжества Литовскаго съ Польшею и его успъхи необходимо должны войти въ историческое объясненіе факта Люблинской уніп, имъвшаго столь важное значеніе въ русской исторіи.

Сказаннаго, думается, совершенно достаточно для доказательства того положенія, что при изученій русской исторій никонить образомъ нельзя обходить исторін того государства, которое именовалось великимъ княжествомъ Литовскимъ. Если до недавняго времени этотъ предметь былъ какъ бы въ забросъ и небрежении, то это объясияется не маловажностью его, в состояніемъ исторической литературы. Эта литература мало знакомила съ организацією Литовско-Русскаго государства, съ ходомъ его внутреннаго развитія, -- точите сказать: давала рядь отрывочныхь, сбивчивыхъ и вередко противоречивых указаній по этой части, по которымь нельзя било составить себ' сколько нибудь связнаго и п'Ельнаго представленія о ходь литовско-русской исторіи. Въ настоящее время игнорированіе исторіи Литовской Руси уже не можеть имъть своего оправданія. Въ посл'яднее время какъ въ русской, такъ и въ польской литературъ появилось не мало трудовь, пролившихъ свъть на внутрениюю исторію Литовско-Русскаго государства, на его политическую и общественную организацію. Наступило время воспользоваться этими трудами и Литовскую Русь, уже бол'ье стожитія объединенную съ Русью восточною политически, объединить съ нею и вь научномъ сознаніи.

Библіографическія пособія.

С. Балтрамайтись, Сборникъ библіографическихъ матеріаловъ для географіи, этнографіи и статистики Литвы, Спб. 1904 г.; L. Finkel, Bibliografia historyi polskiej, сz. І—ІІІ, Ктако́м 1895—1906 г.; О. Н. Леонтовичь, Исторія русскаго права.—Выпускъ І. Литература исторіи русскаго права. Варшава, 1902 г. Дополненіе къ выпуску 1-му. Варшава, 1903 г. (Варшав. Унав. изв. 1903 г., т. ІІІ); М. С. Грушевскій, Історія України Руси том. ІV, Київ-Львів, 1907 г.

Π.

Общественный быть дитовцевь по древнъйшимь извъстіямь.

Данныя археологіи о м'єстожительств'є литовцевь.—Изв'єстіє Тацита объ Эстіяхъ и ихъ быть: вопрось о народности Эстієвъ.—Судины и Галинды Итоломея.—Готское вліаніе на Литву.— Усп'єхи литовской общественности къ концу X віка по изв'єстію Вульфетана.—Данныя сбъ экономическомъ быть, соціальномь д'єленій и политическомъ строф. Литвы XII—XIII в. въ польскихъ, н'ємецкихъ и русскихъ источникахъ.

Начальнымь вопросомь въ исторіи Литовско-Русскаго государства является естественно вопрось объ образованіи того политическаго ядра, изъ котораго опо развилось. Такимъ ядромь, какъ извѣстно, было великое княжество Литовское, создавшееся во второй половинѣ XIII вѣка подъ кластью Миндовга и его блажайшихъ преемниковъ. На созданіе этого государственнаго ядра пошло препмущественно литовское племя. Необходимо прежде всего ознакомиться съ этимъ племенемъ, съ его бигомъ и состояніемъ его общественности къ половинѣ XIII вѣка. Только при этомъ условія станутъ ясными та историческая почва, на которой зародилось новое государство, причины этого зарожденія, а также и его первоначальная конструкція и характеръ.

Итакъ, кто же такое были литовцы и какъ они жили во древивищее время? Уже въ первой половинъ XIX въка учение Боппъ, фонъ-Боленъ, Авг. Потгъ, Гильфердингъ и др. по даннымъ литовскаго языка установили, что литовское илемя принадлежить въ семьй индоевропейскихъ народовъ, въ той же самой семью, къ которой принадлежали греки, римляне, кельты, германцы и славяне. Ученые нашли вибств съ твиъ, что языкъ этого илемени по своему грамматическому и лексическому строю обнаруживаеть большую древность, чёмъ другіе европейскіе языки. Литовцы въ большей мъръ консервировали данныя праязыка, оть котораго пошли индоевропейскіе языки, чемъ другія народности Европы. Когда литовцы поселились въ Европъ, и какія мъстности первоначально въ ней занимали, на эти вопросы по настоящему состоянію науки н'ыть еще возможности отвътить болье или менье утвердительно. Съ увъренностью можно только полагать, что литовцы въ древивиния времена жили не только въ бассейнахъ Нъмана и нижней 3. Двины, но и далъе на востокъ, доходя до средней Оки. Археологи въ нынъшней Калужской губернін нашли куртаны съ трупосоликениемъ и съ предметами той же культуры, которая засвидетельствована раскопками, произведенными въ области исконныхъ литовскихъ поселеній, т.-е. въ области Нѣмана. На р. Протвѣ на памяти исторін жило племя Голядь, напоминающее своимъ именемъ одно изъ прусскихъ литовскихъ илеменъ—Галиндовг. Эти Галинды вибстъ съ Судинами являются обывателями Балтійскаго побережья уже по извъстіямъ александрійскаго географа ІІтоломея ІІ в'єка. Такъ какъ Судины и Галинды фигурирують въ поздивищихъ извъстіяхъ конца XIII въка, какъ подраздъленія

прусскаго литовскаго племени, то приходится признать, что древивищее извыстие о пребывании литовцевъ въ Европф относится ко И вфку по Р. Х.

Впрочемъ, ученые склонны видіть литовцевъ и въ тіхъ Эстіпхъ, о которыхъ сообщаеть Тацата въ своей "Германіи". По словамъ Тацита, на правомъ берегу Свевскаго моря обитали племена Эстіевъ, но наружности и обычаямъ близкіе къ Свевамъ, а по языку къ Британцамъ. Железное вооружение было у вихъ въ редкомъ употреблении, большею частью обходились палками; но съ большимъ усердіемъ, чёмъ германцы воздёлывали хавба и прочіе овощи; продавали также янтарь, который они называли на своемъ языкъ glaesum, и которому сами для себя не придавали никакой пъны. Были ли эти Эстін дъбствительно литовцы, трудно съ укъренностью сказать. Проф. Мержинскій считаеть тожество Эстіевъ съ литовцами за весомивници факть, ябо и позже подъ именемь Эстіевь являются литовцы, напр., Пруссы въ сообщении норвежскато мореплавателя Вульфстана. Мержинскій находить тожественными и вірованія и обычан Эстієвь въ изображенін Таңита съ верованіями и обычаями лиговскими. Ловоды Мержинскаго въ общемъ сильны. Остается только непонятнымъ, почему янтарь на язывъ эстіевь назывался glaesum, а не gentaras?

Когда прибыли готы въ нашу страну, литовцы, по всему въроятію, были покорены ими вмъсть съ другими насельниками западной части ныньшней Россіи. Доказательствомъ этого являются различныя заимствованія въ литовскомъ языкъ изъ готскаго, напр. названія металловъ и изділій изъ нихъ. Изъ готскаго языка заимствовали литовцы и названіе kuningas или kunigas для обозначенія вождя, князя, царя.

Прямыя и опредёленныя извёстія о литовцахъ идуть съ конца Х вёка. О Пруссахъ говорять сказанія о мученической кончинів св. Войтеха или Адальберта, написанныя вскор'в же посл'в его смерти († 997 года) монахомъ Канапаріемъ, епископомъ Брунономъ и неизвъстнымъ авторомъ. О Пруссахъ сообщаеть разныя свёдёнія и норвежскій путешественникь того же времени Вульфстанз, свёдёнія, которыя вы большей или меньшей степени характеризують быть и другихъ литовскихъ народовъ. "Страна Эстовъ, — пишетъ Вульфстанъ, - очень общирна, и тамъ дежить много городовъ, и въ каждомъ городъ свой король". Повидимому, здъсь ръчь идетъ не о городахъ въ собственномъ смыслъ, а о возвышеніяхъ естественныхъ и насыпныхъ, на которыхъ находились украпленные поселки. Въ Литва и Жмуди много и до сихъ поръ такихъ возвышеній со следами древнихъ поселеній, -- это такъ называемые пилькалнисы. Находимыя въ сбласти Пруссовъ абассидскія п сассанидскія монеты показывають, что и дитовцы въ то времи были втянуты вы торговый обмёнь между востокомы и западомы, совершавшійся черезъ Кіевъ и Новгородъ. О Пруссахъ, жителяхъ Самландін, разсказываеть Адамь Временскій въ своемъ сочиненін Descripsio insularum Aquilonis. Одновременно съ темъ, въ XI веке, начинаетъ говорить о Ятвягахъ, южномъ литовскомъ племени, наша актопись.

Въ XII вѣкѣ къ нашей лѣтописи, говорящей и о другихъ литовскихъ племенахъ, присоединяется древнъйшая польская хроника Мартина Галла,

доводящая свой разсказь до 1113 года. Въ XIII в. о литовцахъ, кромъ нашихъ летописей, много говорять немецкія хроники и летописи. Немцы въ лице рицарей ордена Меченосцевъ и Прусскаго ордена вступили въ XIII в. въ упорную и ожесточенную борьбу съ литовскими племенами. Ихъ двечисатели естественно поэтому должны были сообщать многое и о Литвь. Эти сообщенія выясняють не только географическое распространеніе Литвы и ел племенное деленіе, но также въ большей или меньшей степени экономическій, общественный и политическій строй Литвы, а также и народный характерь, какъ они сложились къ тому времени. Важиващія изъ этихъ сообщеній находятся: въ Chronicon Livoniae Генриха Латыша, которал, по его словамъ, не содержить инчего, кром'в видъннаго собственными глазами или слышаннаго отъ очевидцевъ (доходить до 1227 г.): въ риомованной Ливонской хроникъ (Die Livländische Reimschronik), стихами передающей событія Ливонін оть 1227 до 1290 г.; въ хропивъ Петра Дюсбиріскаго конца XIII и первой четверти XIV ст., которая наравив съ Ипатьевскою льтописью можеть служить основнымъ источнивомъ при изученій древней литовской исторіи. Кром'я того, сообщенія эта XIII в. вошли вь хроники и летоняси XIV и даже XV в., которыя пользовались недошедшими до нась источниками XIII в. Изъ хроникъ ливонскихъ XIV в. выдается въ этомъ отношеніи Chronicon Livoniae Германа Вартберіа, обвимающая періодъ лифляндской исторіи со времени перваго прибытія куп-. цовъ намецкихъ къ устью Івины до 1378 года. Изъ прусскихъ хроникъ заслуживають особеннаго вниманія старойшая Оливская хроника, обнимающая событія оть 1190 до 1350 г., Торнскій льтописець, обнимающій событія оть 941 до 1410 года.

Въ этихъ источникахъ и содержатся главнымъ образомъ данныя, рисующія состояніе литовской общественности наканунф перехода литовскихъ илеменъ къ государственнему быту. Разныя подробности относительно древняго быта литовскихъ илеменъ можно несомнѣнно почернать изъ данныхъ языка и отголосковъ древности, дошедшихъ въ литовскихъ иѣсняхъ, сказкахъ и другихъ произведеніяхъ народной словесности, а также и въ данныхъ археологичестихъ раскопокъ. Но этотъ матеріалъ во всякомъ случав можетъ имѣть только второстепенное, вспомогательное значеніе. Имъ можно пользоваться только при томъ освѣщеніи, какое даютъ письменные источники относительно древняго быта Литвы. Въ своемъ изложеніи я ограничусь только тѣмъ, что даютъ письменные источники о бытѣ Литвы наканунѣ ея государственнаго объединенія.

Въ концѣ XII и начатѣ XIII в. существовало нѣсколько народцевъ литовскаго племени, а именно: *Пруссы*, занимавшіе низменную полосу между нижнею Вислою и Нѣманомъ (приблизительно нынѣшнюю Восточную Пруссію); *Жемойть*, или нижняя Литва, населявшая область правыхъ притоковъ нижняго Нѣмана до Невяжи включительно (приблизительно нынѣшнюю Ковенскую губернію); *Аукстоте* (Augstaiten), или верхняя Литва, занимавшая бассейтъ Виліи и другихъ правыхъ притоковъ средняго Нѣмана до Гавьи включительно (нынѣшнюю Виленскую губ., часть Гродненской

и Ковенской); Жемгала на лъвомъ берегу нижней Двини (въ нынъшней Лифляндской и Курлиндской и частью Витебской губ.); Летьюла на правомъ берегу З. Двины приблизительно до р. Аа (въ южной части нынъшней Лифляндской губ.); Ятвяти въ Бъловъжской пущъ и далъе къ съверу отъ нея, въ полосъ, орошаемой притоками Буга и Нарева съ одной сто-

роны, Нъмана съ другой.

Край, занятый Литвою, быль лёсистый и болотистый, и такой характеръ онъ сохраниеть отчасти и по сіе время, хотя человіческій трудъ уже значительно изувниль его физіономію. Такъ, ныившиля восточная Пруссія, безл'єсная, въ XII в. была покрыта л'єсами, какъ это видко изъ разсказа Мартина Галла о походъ Болеслава Крироустаго въ 1110 г. въ Пруссію. Бей идущія до нась отъ конца XII и начала XIII в. изв'єстія указывають на то, что сообразно съ природою страны авъроловство, рыболовство, бортничество и скотоводство были обычными занятіями литовскихъ племень. Но при всемь томь эти племена не были бродячими, а осъдыми. Сама природа запятой ими страны не благопріятствовала передвиженьямь и кочеваньямъ съ мъста на мъсто и должна была способствовать установленію прочной оседлюсти. Земля ихъ, поворить Мартинь Галль о Пруссахъ, представляетъ какъ бы острога, окруженные болотами и озерами; эти острова и подблены между жителями селеній на наследственные участки". Итакъ, осъдлость является у пруссовъ уже прочно установившеюся въ началь XII в. Позднъйшія нзвъстія подтверждають свёдёнія, даваемыя Галломъ, и распространяють ихъ и на другія племена литовскія.

Въ XII в XIII в. у литовскихъ илеменъ достигло значительнаго развитія земледёліе. Польскій хронисть Янь Кадлубекь, описывая походъ Казимира Справедливаго на Ятвяговь въ 1192 году, говорить, что поляки предавали пламени села, дома и житницы, наполненныя хльбомь. О значительномъ развитін земледелія у Ятвяговь говорить и наша летопись (по Ипатьевскому списку), описывая походъ Данінла Галицкаго на Ятвяговь въ 1256 г. Разбивъ Ятвяговъ, Данінлъ остановился въ сель Корковичахъ, гдъ было только два двора, и нашелъ тамъ такое обиле хлъба, что всемъ достало и людямъ, и лошацямъ, и еще осталось, чему Даніилъ и его вонны не мало дивились. Но осли уже въ Ятвяжской земль земледъле сдёлало такіе успёхи, тёмь съ большимъ правомъ можемъ предполагать ихъ у другихъ литовскихъ племенъ, и источники вполнъ подтверждаютъ это предположение. Въ обмёнь на произведения своей страны-меха, воскъ и медъ литовцы получали между прочимъ и земледельческія орудія-серпы и восы, что служить восвеннымъ указаніемъ на развившуюся земледільческую культуру.

На продолжительную севдлость литовскихъ народцевъ указываеть и общественное устройство ихъ, какъ оно вырисовывается по источникамъ XII и XIII въсовъ. Въ это время вся территорія литовскихъ племенъ является подъленною на постоянные округа, носящіе свои названія. Эти округа остались и впоследствіи мелкими областными единицами, получившими въ верхней Литвъ и Жмуди русское названіе волостей. Каждый изъ

этихъ округовъ является территорією самостоятельнаго общественнаго союза. Эти мелкіе общественные союзы, повидимому, развились изъ родственныхъ союзовь, и въ нёкоторыхъ изъ нихъ можно еще и въ XIII в. разсмотръть такіе союзы, кать, напр., въ вышеупомянутыхъ Корковичахъ. На родственное происхожденіе волостныхъ общественныхъ группъ указывають и многочисленныя взаванія летовских волостей съ окончаніемь на ишки: Даудишки, Ейшишки, Граужишки и т. д. Съ такимъ названіемъ являются древнъйшій волости, и потому эти названія нельзя производить отъ пановь этихъ волостей, какъ названія ніжоторыхъ позднівишихъ, а скорвеоть родоначальниковъ. Что родственная организація предшествовала политической у литовцевь, какъ и у другихъ народовь, ва это прямое указаніе даеть Петръ Дюсбургскій, относя его къ Пруссамъ. "Если случаются у нихъ убійство, - говорить онъ, - то не можеть быть никалой сділки, пока родственники убитаго не убъють убійцу или его родственниковъ". Но эта организація, давъ начало медалив общественнымь союзамь, съ теченісмь времени превратилась у литовцевъ, какъ и у другихъ народовъ, въ организацію чисто политическую. Родичи размножились, утратили чувство родственной близости, подължи землю, приняли въ свою среду чужеродцевъ и въ такомъ видъ продолжали жить подъ одною властью, дъйствовать сообща и сольдарно въ отношеніяхъ къ соседнимъ общинамъ.

Въ концъ XII и начатъ XIII в. медкіе общественные союзы литовдевъ были въ большинствъ несомнънно уже чисто политическими соединеніями. Въ дитовскихъ водостяхъ мы зам'вчаемъ разд'яленіе земель, неравенство имуществъ и въ свези съ этимъ неравенство соціально-политическое. О разделенін земель мы уже приводили свидетельство Мартина Галла отъ 1108 г. Источники говорять, кромъ того, о лучших людях, о благородных, о знатных, ванывають даже князей и королей въ волостныхъ общественныхъ группахъ. Петръ Дюсбургскій говорить, что Жмудь управлялась 70 царьками (septuaginta reguli); вы другомы мёсть онь говорить уже o nobiles, per quos Samettia tunc regebatur. Риомованная лифляндская хроника говорить о kunige von Samaiten. Наши лътописи XIII в. полны извъстіями о меогочисленныхъ князьяхъ литовскихъ. Новгородская летопись сообщаеть, напр., что Александрь Невскій вь битве подъ Торопцомъ убиль 8 князей, а преследуя ихъ далее, побиль и остальныхъ. Волынская летопись, описывая бятвы Даніила Романовича съ Ятвягами, говорить одинъ разъ: и много князей ятвяжскихъ было избито; въ другой разь прямо указываеть число-40. Петръ Дюсбургскій, разсказыван о завоеванін Пруссін н'ємдами, постоянно упоминаеть о туземныхъ вождяхъ, власть которыхъ простирается на незначительные сельскіе округа, и которые действують самостоятельно, не подчиняясь одинь другому. Но кто же такое были эти вожди, къ котерымъ немцы не умели применить никакого титула западной феодальной јерархіп и называли ихъ безразлично именами: rex. regulus, dux, nobilis, magistratus, castellanus, capitaneus и т. д. Кто такое были ть, кого наши льтописи называють князьями, а литовскіе источники рикасами (rikai) и куншасами (kunigai)? Очень можеть быть,

что некоторые изъ нихъ были потомками родовыхъ старейшинъ, происходившими изъ старшихъ линій разросшагося рода—nobiles, die edelsten. Но чаще всего, по всемъ признакамъ, это были вожди, избираемые народомъ или навизавшіеся ему силою, крупные землевладальцы, им'ввшіе укр'впленныя усадьбы со множествомъ челяди, скота, хозяйственныхъ принасовъ и оружія. Такихъ именно praepotentes, pociores dominos изображаєть постоанно Петръ Дюсоургскій въ лиць прусскихъ вождей. Они являлись, такъ свазать, естественными предводителями, около которыхъ и подъ власть которых в должно было собпраться население волости вы случай нападения извыб. Весьма возможно, что такіе вожди и сами могли навязываться населенію, подчинять его себь и поборять. Дело въ томь, что въ XII веке война для литовцевь стала уже не только актомь самороороны, но и промысломъ. Польскія хроники и русскія літописи полны извістіями о набігахъ Литвы на соседей съ целью грабежа. Эти набеги производились чаще всего особыми шайзами, спеціально посвящавшими себя ділу войны, иногда даже нанимавшилися воевать. Въ Литвъ, по всъмъ признакамъ, уже въ XII въхъ имълся на лицо классъ, соотвътствующій германской и славянской дружинь. Геприхь Латынгь въ своей Ливонской хроник разсказываеть, что въ 1204 году подступаль въ Ригь богатый и могущественный (dives et praepotens) литвинъ Свельгате съ своими дружинниками (cum suis sodalibus). Вожди этого власса, обогащавшиеся на войнь, опправшиеся на своихъ товарищей и сподвижниковъ, становились естественно вождями и въ мъстныхъ обществахъ. Но могло случаться, что, опираясь на это значеніе, на свою матеріальную силу, эти вожди становились и настоящими царьками, властвовавшими надъ мъстными обществами. Разнообразіе названій, которыя дають нёмцы местнымь литовскимь вождямь и представителямь, объясняется, повидимому, разнообразіемь фактическаго значенія ихъ: въ иныхъ мъстностяхъ это были вожди по наподному избранію и согласію, въ другихъ традиціонные, насл'ядственные предводители, князья или царьки.

Въ такомъ видѣ обрисовывается литовская общественность накапунѣ объединенія Литвы подъ властью Миндовга и образованія великаго княжества Литовскаго. Нашимъ лѣтописямъ, преимущественно Волынской, мы обязаны тѣмъ, что имѣемъ возможность выслѣдить аb ovo зарожденіе и первоначальный ростъ этого политическаго тѣла.

Литература.

Для болье подробнаго ознакомленія съ древньйшимь бытомь Литвы и состоянія ея общественности наканувь объединенія могуть служить ниже-

следующіе труды:

А. Л. Погодинь, Наъ древивнией исторіи литовскаго племени. (Сборникъ статей по археологіи и этнографіи. Сиб. 1902 г.); А. Вrückner, Starożytna Litwa. Ludy i bogi. Szkice historyczne i mitologiczne. Warszawa 1904; Konstancya Skirmunt, Nad Niemnem i Baltykiem, zeszyt I, Warszawa, 1897; В. Б. Антоновичь, Очеркъ исторіи великаго кинжества Литовскаго до смерти в. книзи Ольгерла. (Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи, т. І. Кіевъ, 1885 г.); Н. П. Дашкевичь, Кинжепіе Да-

нішла Галицкаго. Кіевъ, 1873 г. (Кіевскія Университетскія извъстія 1873 г.); его же Замьтки по исторіи Литовско-Русскаго государства. Кіевъ, 1885 г. (оттискъ изъ Кіевскихъ Университетскихъ Извъстій того же года); Dr. Robert Krumbholtz, Samaiten und der Deutsche Orden bis zum Frieden am Melno-See. Königsberg, 1890; Antoni Merzynski, Zródła do mytologii litewskiej", cz. I.—И. Warszawa, 1892, 1896; его же Romowe, Роzлай, 1900; Л. Кришвицкій, Жмудекіе пилькаличсы. Сиб., 1908 г. (оттискъ изъ "Извъстій Императорской Археологической Комиссіи", вып. 29).

III.

Образование великаго княжества Литовскаго.

Книжная легенда о Криве-Кривейто и ел несостоятельность. —Временные союзы литовскихъ вождей въ XII в. и началь XIII; старъйшіе князья. —Возвышеніе Миндовга; захвать владьній родственняховь и занятіе Черной Руси. — Миндовгь — самодержень въ Литвь. — Заговоръ противъ него и его гибель. —Борьба за великое княженіе по смерти Миндовга. —Утвержденіе великоенняжеской власти на Литвь. — Превращеніе мѣстныхъ вождей въ подручныхъ князей и боярь. — Русскій элементь и русское вліяніе зъ ногообразовавшемся великомъ княжествь.

Во второй половин XIII в вка среди разбитой на мелкіе общественные союзы Литвы сформировалось крупное политическое тело, великое вняжество Литовское подъ властью Миндовга и его ближайшихъ преемниковъ. Прежде, чемъ следить за образованиемъ этого государства, необходимо разстаться съ однимъ, распространеннымъ въ научной литературъ и учебникахъ заблужденіемъ, будго бы на Литвъ до появленія великихъ внязей верховная власть находилась въ рукахъ главнаго жреца-Криво-Кривейто. Проф. Мержинскій во второй части своихъ "Источниковъ по литовской минологи", вышедшей въ 1896 г., доказалъ, что это утвержденіе-плодь чистаго недоразумінія. Утвержденіе это, какъ извістно, основано на извъстін Петра Дюсбургскаго, которое гласить: "Было въ средниъ этого развратнаго народа (Пруссовь), т.-е. въ Надровія, м'єсто, называемое Ромовъ, котораго название происходить оть Рима, гдъ жиль нъкто, называемый Криве, котораго почитають они за папу; ибо, какъ господинъ нашъ папа управляеть всеобщею церковью върныхъ, такъ однимъ знакомъ или приказомъ его управлялись не только названные народы, но и Летты и другіе народы земли Литовской. Власть его была такъ велика, что если бы не только онъ самъ или кто-нибудь изъ его родственниковъ, но даже его посланный съ его палкою или другимъ опредёленнымъ знакомъ, проходиль по землё невёрныхь, то всё князья и знатные и простой народъ оказывали ему величайшее почтеніе". Мержинскій спрачедливо указаль на то, что Петръ Дюсбургскій, очевидно, увлекся въ этомъ сообщенів аналогією съ паною, описыван значеніе одного вліятельнаго жреца, что другіе источники, болье древніе и современные, ни словомъ не упоминають о власти какого-либо верховнаго жреца на Литвъ, что самое имя "Криве"-не нарицательное, а собственное, принадлежавшее уважаемому

жрепу въ Надровіи, не единственному, однако, какъ не одно было и Ромове на Литвѣ; что, наконецъ, названіе Криве-Кривейто, невозможное въ литовскомъ изыкѣ, придумано позже, нѣмецкимъ хроникомъ XVI в. Грюнау, отъ когораго оно пошло и въ польско-литовскія и позднѣйшія нѣмецкія хроники. Такъ обстоитъ въ настоящее время вопросъ о языческомъ литовскомъ пашѣ. Теперь можно принимать за несомиѣнное, что до Миндовга на Литвѣ не было государственной власти, распространявшейся на всю территорію литовскаго племени, а были одни только волостные рижасы въ Пруссіи и куншасы въ Литвѣ.

Аля обороны и нападенія эти волостные вожди въ XII и вначаль XIII в. стали соединяться въ союзы. Очевидно, что походы русскихъ киязей и польскихъ, предпринимавшіеся въ XI и первой половинѣ XII в. въ глубь Литвы, не остались безъ вліянія на ея внутренній быть, вызвали въ ней тенденцію къ политическому объединенію. Этимъ объясняется и тоть факть, что литовцы со вгорой половины XII в. перешли въ наступленіе на Русь и Польшу. Едва ли это обстоятельство можно объяснять только внутренними веустройствами Руси и Польши: если бы къ тому времени среди самихъ литовцевъ не выработалась привычка пъ соедичению, къ общему дъйствію, едва ли бы мы слышали объ ихъ набъгахъ на Русь и Польшу. Въ союзы соединялись нередко князья ивлаго народна литовскаго. Такимъ образомъ, напр., еще въ 1106 г. соединилась вся Жемала и побъдила Всеславичей Полоцкихъ, всю братью, "и дружины убили 9 тысячь". Въ 1211 году, при нападеніи Данівла Романовича и поляковъ, "собралась вся земля Ятвяжская"; на помощь къ Ятвягамъ приходили даже Пруссы и Борты. Но еще болье крупное соединение видимъ мы въ собственной Литвь и Жмуди въ 1215 г. Въ этомъ году къ вдовь кн. Романа Галицваго и его сыновьямъ присыдали для заключенія мира своихъ уполномоченныхъ около 20 князей, между ними старьйшій ки. Живиноудъ, Довспрункъ и брать его Миндовгь. Десять леть спустя мы видимь новое крупное соединеніе литовскихъ князьковъ, но уже съ иною цілью. Въ 1225 году литовская "рать велика зіло, яка же не была оть начала міру", опустошила области Новгородскую, Смоленскую и Полоцкую. Весьма знаменательное явленіе представляють изъ себя упоминаемые стар'яйшіе князья, которые являются во глав' союзовъ. Повидимому это были наиболее сильные князья, къ которымъ примыкали более слабые. Литовскіе князья, по всьмъ даннымъ, въ то время уже были неодинаковыми политическими величинами и разнились по величинъ своихъ владъній. Объ отцъ Миндовга Лифляндская риомованная хроника, не называя его по имени, примо говорить, что онь быль сильнейшимь владетелемь на Литве, и никто не могь съ нимъ сравияться. Естественно, поэтому, что и Миндовгъ, унастедовавь оть отца его владенія, сталь во главе Литовской земли.

Такое положеніе Миндовгь занималь уже въ 1236 году. Волынская лѣтонись, разсказывая подъ 1236 годомъ, о нападеніи литовцевъ на Мазовію по наущенію Даніила Галицкаго, говорить объ этомъ такъ, какъ будто бы Миндовгь былъ главою и представителемъ всей Литвы: "Данилъ же воз-

веде на Кондрата Литву, Миндога". Лифляндская риомованная хроника, описывая подъ 1244 г. нападеніе на владѣнія Ливонскаго ордена 30 т. литовцебъ подъ начальствомъ Миндовга, называеть его уже могущественнымъ королемъ литовскимъ.

Возвышеніе Миндовга на первыхъ порахъ имѣло значеніе простого старшинства, предводительства въ совмѣстныхъ военныхъ операціяхъ литовскихъ внязей. Другіе литовскіе князья на первыхъ порахъ являются самостоятельными и дѣйствують отдѣльно и независнмо отъ Миндовга. Такъ, въ 1246 году, когда Миндовгъ находился въ мпрѣ съ Романовичами Волынскими, одинъ изъ Рушковичей—Айшвно вторгался въ Пересощицкую волость. Данилъ и Василько нагнали его около Пинска, отняли уднего добычу, перебили его воиновъ, и самъ Айшвно едва спасся бѣгствомъ. Въ слѣдующемъ году Литва подъ начальствомъ князт Лингвенья воевала около Мельницы и Лековни; Данилъ и Василько также нагнали литовцевъ, отняли полонъ, самихъ перебили, а князъ Лингвеній бѣжалъ раненый. Всѣ эти столкновенія не нарушили мира ихъ съ Миндовгомъ, который быль не причастенъ этимъ нападеніямъ, предпринимавшимся вышеупомянутыми князьями по своей волѣ, на свой страхъ и отвѣтственность.

Но съ 1248 года наступаеть новый періодь въ отношеніяхъ Миндовга къ князьямъ. Перемъну отношеній прежде другихъ почувствовали родственники Миндовга. Онъ коварно предложиль своимъ илемянникамъ Товтивилу и Едивиду вибств съ дядею ихъ по матери Жмудскимъ вняземъ Викинтомъ идти воевать на Русь, въ Смоленску, съ темъ, чтобы "што хто приемлеть, соб'в дерыжить". Когда они отправились въ походъ, Миндовгъ захватиль ихъ волости, движимое имущество и отрядиль свое войско, "хотя убити я". Разсказывая объ этомъ, лътопись говорить: "поимана бъ вся земля Литовьская и бесчисленное имѣніе ихъ, притрано бѣ богатьство ихъ". Летопись верно оценила значение факта: съ захватомъ владений и имущества самыхъ могущественныхъ князей Миндовгъ сделался полнымъ господиномъ положенія на Литвь, и всь другіе внязьки должны были безпрекословно подчиниться ему. Къ этому надо прибавить, что въ то время Миндовгь сумъть увеличить наследство, полученное отъ отца на Лигвъ, пріобр'єтеніями на Русп. Въ переполохъ и сумятицу, произведенную на Руси татарами, Миндовгъ захватилъ такъ называемую Черную Русь, т.-е. область правыхъ притоковъ Нёмана съ главнымъ городомъ Новгородкомъ. Этоть Новгородокъ сделался обычнымь его местопребываниемъ, и изъ этой Черной Руси Миндовгь почерналь, повидимому, не мало силь въ борьбъ сь своими врагами.

Намъ нёть надобности слёдить за всёми перипетіями борьбы Миндовга съ родственниками, которая осложнилась борьбою съ сосёдями—Галицео-Волынскими князьями, Поляками и Ливонскими нёмцами, вступившимися за изгнанныхъ родственниковъ. Достаточно отмётить только общіе результаты ея. Миндовгу удалось удержать въ своихъ рукахъ захваченным у родственниковъ владёнія на Литвё и поставить твердо дёло политическаго объединенія Литвы. Безпрерывная борьба съ сосёдями, ихъ непре-

станныя вторженія въ Литву, ихъ ясно сказавшіяся намеренія, пользунсь усобицею Миндовга съ родственниками, разобрать Литву по частямъ, поработить ее и навязать ей христіанскую віру, въ конців концовь тісніе сплотили Литву подъ властью Миндовга, поставили его самодержьнемъ во всей земли Литовьской", какъ выражается Вольчекая летопись. При сильно возбужденномъ чувстий самосохраненія власть Миндовга на Литви пріобрътала общее и прочное признание и подъ конецъ его княжения распространилась даже на Жмудь, именно посл'в того, какъ Миндовгъ разорваль съ намиами и освободиль Жмудь оть подчинения Ордену, которому прежде онь самъ же способствоваль (Миндовгь, какъ изейстно, не имби возможности противостоять коалиціи Романовичей, Поляковь и Ливонскаго Ордена, гъ 1250 году принядъ крещеніе и уступилъ Ордену часть Жмуди). Потъ конецъ своего княженья Миндовга, по словама латониси, "нача гордъти велми, и вознесеся славою и гордостью великою, и не творяще противу себе никого же . Извъстно, что такое поведение вызвало реакцию, и Миндовгъ паль въ 1263 году жертвою заговора подручныхъ ему князей, не вынесшихъ самовластья Миндовга. Но если паль Миндовгь, то не пало его діло. Образоваршееся при немь великое внижество Литовское настолько окрыно, что не разложилось среди междоусобій, наступившихъ по смерти Мяндовга. Сами заговорщики, тнготившіеся самовластіемъ Миндовга, посл'в его смерти сившили занять созданное имъ положение великаго князя Лятвы и вступили изъ-за этого въ борьбу между собою. Тройнать, кн. Жмудскій, съвши на мъсть Миндовга княземъ во всей земль Литовской и въ Жемойти", послаль приглашение въ Товтивилу Полоцкому явиться въ Литву дълить землю и добытокъ Миндовга. Въ дъйствительности же онъ пригласилъ его съ цёлью погубить и устранить отъ дёлежа, а Товтивиль съ своей стороны мечталь о томь же по отношению въ Тройнату. Кончелось темь, что Тройнать убиль Товтивила, но скоро и самъ быль убить конюхами Миндовга. Мъсто Тройната заступиль сынъ Миндовга Войшелкъ, скинувшій съ себя на время монашескую рясу (онъ сдълался ранъе христіаниномъ и постригся въ монахи). Видно, что дело Миндовга было прочно налажено, удовлетворяло общей потребности, находило себ'в общее сочувствие въ Лигв'в. Когда прибыль Войшелкь, то "Лигва же вся прияща и съ радостью великою своего господичича". Опирансь на это сочувствие, на общее признание своего права и своей власти, Войшелиъ диоча вороги свои избивати, изби ихъ бесчисленное множество, а другии разбътошася, камо вто видя". Его преемники, Шварно Даниловича и Тройдена, по всъмъ признакамъ, занимали такое же положение, какъ Миндовгъ. Тройденъ (1279-1282 г.) распоряжался силами всей Литвы, какъ это видно изъ его столкновеній съ Ливонскими намцами, которыхъ онъ не разъ поражаль и избиваль въ большомь количествь; онь развиваль свою дъятельность на всей территоріи собственной Литвы и Жмуди. На южномъ пограничь Литвы, въ городахъ Черной Руси-Городив и Слонимв, онъ селиль обжавшихь въ нему Пруссовъ и Бортевь; на съверъ, въ смежной съ собственною Литвою и Жмудью Жемгаль, онъ поддерживать возстание противь Ордена. Ятвяги были также

въ его распоряженін, и онъ посылаль ихъ въ составѣ большой рати на поляковъ подъ начальствомъ своего брата Сирпутья.

Итакъ, княжество Миндовга оказалось прочнимъ полигическимъ соединеніемъ. Оно пережило самого Миндовга и сдѣлалось ядромъ, изъ котораго мало по малу выросло обширное государство. Но что сталось съ мелкими волостными вождями, существовавшими на Литвѣ до возникновенія великокняжеской власти? Часть ихъ несомнѣнно была истреблена во время объединенія Литвы. Но истреблены были далеко не всѣ. Наша лѣтопись, разсказывая о нападеніи на Литву въ 1266 г. Исковскаго князя Довмонта, называеть по именамъ четырехъ литовскихъ князей и глухо говоритъ о другихъ литовскихъ князьяхъ, отправившихся за нимъ въ погоню. Петръ Дюсбургскій разсказываеть, что сынъ Тройдена Пелюза, отыскивавшій отповскій столь, вторгся въ 1286 году въ Литву, захватиль въ одномъ мѣстѣ около семидесяти царьковъ (regulos), собравшихся на свадьбу, и всѣхъ ихъ перебилъ съ женами и дѣтьми. Но и позже эти князьки и царьки постоянно появлются по источникамъ.

Какое же положение заняли они вы новообразовавшемся великомы княжесть В. Литовскомъ? Такъ какъ прежнее положение ихъ, по всъмъ признакамъ, было неодинаковое, то и теперь они размыстились не на одинаковыхъ ступеняхъ общественной іерархіи. Часть ихъ такъ и осталась мѣстными князьями, правившими своими волостями подъ рукою великаго князя. Такіе князья старыхъ литовскихъ династій являются и въ позднѣйшее время, въ XIV-XVI вѣкахъ, въ Гольшанахъ, Гедройти и на Свирѣ. Другая часть образовала высшій слой того власса, который вь XIV в. получиль русское название бояръ. Это позднъйшие паны литовские. Такой переходъ волостных вождей въ классъ бояръ даеть себя выследить по источникамъ съ полною ясностью на Жмуди. Въ той роли народныхъ вождей, въ какой въ XIII-мъ и даже вь XIV в. являются жмудскіе царыки или знатные люди, къ концу XIV и въ началъ XV в. выступають уже жмудскіе бояре. Несомивнно, что подобное же превращение сильныхъ, знатныхъ, благородныхъ людей, кунигасовъ въ боярз имкло место и въ собственной Литовской земль. Если такъ, то и значительная землевладъльческая аристократія, которая впоследствін играла такую важную роль вь политической жизни великаго вняжества Литовскаго, родилась одновременно съ этимъ государствомъ.

И еще одна черта, отличавшая великое княжество Литовское, сказалась въ немъ съ момента его возникновенія. Государство это съ самаго начала было не просто литовскимъ, а литовско-русскимъ. Мы видѣли, что Миндовгь утвердился въ такъ называемой Черной Руси, силами которой онъ, повидимому, пользовался для распространенія своей власти въ Литвѣ. Черная Русь послужила опорою и его сыну Войшелку, который послѣ убіенія отца ношель не прямо на Литву, а на Русь, "а оттолѣ поя съ собою Новгородцѣ и пойде на Литву княжитъ". Даже "окаянный и немилостивый", по характеристикъ нашего льтописца, Тройденъ смотрыть на Черную Русь, какъ на базисъ своей силы и власти, и здѣсь именно селилъ бѣжавшихъ къ

нему Пруссовъ. Въ русской общественности литовские князья, по всёмъ признакамъ, могли почернать болбе силъ и средствъ для установленія власти, чёмь въ общественности литовской. Русь давала въ ихъ расноряжение военный людь, привыкшій находиться въ опреділенныхъ и постоянныхъ служебныхъ отношеніяхъ къ князю, по военной выправкъ и храбрости. какъ свидътельствуеть Петръ Дюсбургскій, не уступавшій западному рыцарству. На Руси литовские князья находили массу городского и сельскаго населенія, связаннаго съ княземъ опреділенными п постоянными податными и разными другими повинностями. Здёсь же въ услугамъ внязя была и организованная администрація, ряду определенных должностей и званій, которыми утверждалась книжеская власть надъ обществомъ. Едра ли чтонибудь подобное было въ то время на Литвь. Правда, что здъсь обозначилось уже соціальное разділеніе общества, появились и зародыши государственной власти, но все это было еще пока простымъ фактомъ, не пріобржно твердаго, юридическаго характера и погому было шатко и измънчиво. Поэтому Миндовгь и его преемники, утверждая свою власть на Литве. естественно стремились искать опоры на Руси и пользоваться ея политическами сплами и средствами. Но отсюда уже быль одинъ шагъ до перенесенія на Литву тахъ русскихъ порядковь и установленій, на которыхъ могла утверждаться книжеская власть, и которыя могли въ этомъ отношеніи оформливать и закрынлять данныя литовской общественности. Къ этому надо присоединить и тоть факть, что однимъ изъ преемниковь Миндовга быль его обрусьвшій сынь—Войшельь, а другимь—русскій родственникъ, князь Шварно Даниловичъ. Уже самь по себъ этотъ фактъ не быть простою случайностью, а результатомь солиженія литовской народности съ русскою. Но онъ въ свою очередь долженъ быль способствовать ассимиляціи Литвы съ Русью: названные князья должны били естественно пропагандировать и утверждать на Литвъ русскіе порядки, русскіе обычаи н установленія. Такъ великое книжество Лиговское съ самаго возникновенія своего выходило полурусскимъ государствомь. Это обстоятельство обдегчило ему въ сильной степени дальнейшее расширение его на счетъ западно-русскихъ земель.

Литература.

Кром'в вышеупомянутых в трудовь Антоновича и Дашкевича для ознакомленія съ начальною исторією великаго книжества Литовскаго служать монографія:

Juliusz Latkowski, Mendog, król litewski. Kraków 1892. (Rozprawy i Sprawozdania Wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności w Krakowie, tom XXVIII); Iohann Totoraitis, Die Litauer unter dem König Mindowe bis zum Jahre 1263. Freiburg 1905; Konstancya Skirmunt, Nad Niemnem i Baltykiem, zeszyt III. Warszawa 1909.

IV.

Присоединение къ Литвъ Полоцкихъ княжествъ, Польсья и Подляшья.

Ноходы полоденую князей въ Литву въ XI—XII в. —Колонизація Черной Руси. —Политическое раздробленіе и слабость Полодкой земли въ концё XII и въ XIII в. — Нападенія Литвы на Полодкую землю и натискъ нёмцевь. —Подчиненіе Полодкой земли смоленскимъ князьямъ. —Смута въ Смоленскі и захвать полодкихъ князьествь родными Миндовга. —Полодкія княжества подъ властью Литвы, Смоленска и німцевъ въ концё XIII и начать XIV віка. —Окончательное включеніе Полодка и Витебска въ составъ литовскихъ владіній. —Подчиненіе Минскаго княжества и другихъ. —Присоединеніе Турово-Пинскаго Полісья. —Земля Берестейская съ Подлишьемъ подъ властью вольнекихъ князей и Конрада мазовецкаго. —Захвать ел Гелимивомъ.

Новообразовавшееся великое княжество быстро стало обростать съ востока и юга западнорусскими землями, и прежде всего расширилось на счеть Полоцкой земли.

Полоцкая земля въ данномъ случав стала на первую очередь не случайно, а по тресованіямъ своей географіи и исторіи. Изъ всехъ западноруссынхь земель Полоциан ближе всёхъ примыкала въ Литве, тёснёе другихъ связывалась географически. Географическая близость обусловила между ними давнишнее житейское общение и знакомство. Въ течение XI и первой половины XII въка полодеје князыя много разъ навъщали Литовскую землю въ поискахъ добычи и полона. По следамъ князей пробиралось въ Литву, по всемъ признакамъ, и мирное население, искавшее здёсь удобныхъ земель и угодій. Такъ называеман Черная Русь, повидимому, была полоцкою колонією въ Литовской земль. Съ половины XII в. отношенія между Литвою и Полоцкою землею сдёлались обратными. Полоцкая земля въ тому времени подобно всемъ другимъ русскимъ землямъ утратила свое политическое единство, разорвалась на ибсколько книженій подъ управленіемъ потомковь Изяслава, какъ то: Полоцкъ, Витебскъ, Минскъ, Друцкъ, Изяславль, Логожскъ и т. д. Преданія родового старшинства слабо держались между Изяславичами полоцкими, и столы либо добывались силою, либо зам'вщались по соглашению съ населениемъ. Посл'вднее чаще всего имѣто мъсто въ главномъ городъ Полоцкой земли, средоточін спльнаго боярства и богатаго купечества. Въ усобицахъ изъ-за столовъ Изяславичи полоцкіе, какъ и южнорусскіе князья, обращались за помощью къ поганымъ, но только этими погаными въ настоящемъ случав были не половцы, до которыхъ было далеко, а литовны-сосъди. Къ литовцамъ полоцкіе внязья стали обращаться за помощью и противь нёмцевь, которые въ вонцѣ XII и нач. XIII в. сдѣлались ихъ сосвдями, отняли у нихъ данниковь на низовыяхь Двины-Ливь и Летьголу и грозили дальнъйшимъ наступленіемъ на полоцкія владёнія. Опасность отъ нёмцегь заставляла полоцыяхъ князей дружить съ литовскими, и мы видимъ, напр., князи Герсики Всеволода зятемъ литовскаго князя Довгерда (Доугеруте). Но литовцы

стали часто являться въ Полоцкую землю со второй половины XII в. и непрошенными гостями. Мы знаемъ, что къ тому времени литовцы стали соединяться въ крупиня общества и привыкли ходить на войну большими партіями, раздакомились добычею и начали уже промишлять войною. Напаленія ихъ со второй половины XII в. участились и заставили півща Слова о Полку Игорев в тревожно смотрыть на будущее полечаны: "Лвина, читаемъ у него, —болотомъ течеть онымъ грознымъ полочаномъ подъ кливомъ поганыхъ". Полоцкіе князыя, обезсиленные ділежомъ и усобицами, уже не въ состояніи были давать имъ отноръ. "Ярославе и вси внущи Всеславли! обращается къ нимъ пъвецъ, уже понизите стизи свои, вонзите свои мечи вережени, уже бо выскочисте иль дедней славы". Одинъ только Изяславъ Васильковичъ, — плакался пѣвецъ, — позвонилъ было своими острыми мечами о шлемы литовскія, но, покинутый родными братьями, лежить подъ красными щитами на кровавой траев, изрубленный лиговскими мечами, выронивъ жемчужную душу изъ храбраго тъла черезъ золотое ожерелье. Въ 20-хъ годахъ XIII в. литовцы стали уже рыскать по Полоцкой земль, какъ по своей собственгой. Они безпрепятственно проходили по ней изъ конца въ конецъ, нападая на владенія черниговскія (1209 и 1220 г.), на смоленскія (1226), на тверскія п московскія (оть руки ихъ пать и первый Московскій князь Миханль Хоробрить), на новгородскія волости (они опустошили окрестности Торопца въ 1223 г., Русы въ 1224 и Торжка въ 1226—1227). Слабость, обнаруженная при этомъ полочанами, которые не препятствовали литовцамъ проходить черезъ ихъ землю и даже, повидимому, не прочь были дружить съ ними, заставила смоленскихъ князей предпринять въ 1222 году походъ на Полоцкъ и занять его. Въ Подоцей поль рукою великаго князя Смоленскаго сыль одинь изъ младшихъ смоленскихъ князей, который долженъ быль оберегать землю оть Литвы. Но это ему не удавалось, и литовцы по прежнему хозяйничали въ Полоцвой землъ. Зависимость Полоцка отъ Смоленска въ началъ 30-хъ годовъ прекратилась и вовсе. Сидъвшій въ немъ смоленскій князь Святославь Мстиславичь ушель на княжение въ Смоленскъ. Наступили затемъ смуты въ Смоленскъ, во время которыхъ Полоцкъ предоставленъ былъ собственной участи и отделился отъ Смоленска; въ Полоцев сель какой-то князь Брячиславъ, судя по имени, изъ мъстнаго княжескаго рода Изяславичей. Литовцы тёмъ временемъ продолжали свое дёло, и шайки ихъ появлялись въ новгородскихъ волостяхъ, торонецкихъ и около Дубровны. Наконецъ, вакой-то литовскій князь напаль даже на Смоченскь и заняль его. Великій князь Владимірскій Ярославь Всеволодовичь предприниль въ 1239 г. походъ на Смоленекъ, выгналь отгуда литовекаго князя и урядилъ Смоленсвъ, посадивъ на старшемъ столъ Всеволода Метиславича. Но ничего подобнаго не сдёлаль онь относительно Полоциой земли. Наводняемая каждий годь литовцами эта земля все более и более отрывалась оть осгальной Руси и спанвалась съ Литвою. Покинутое на произволь судьбы руссвое население этой земли естественно должно было искать себъ спасения и защиты отъ погромовь вы покорности литовскимы князьямы. Послё этого не

неожиданнымъ является и появленіе литовскихъ князей на столахъ Полоцкой земли. Въ началъ пятидесятыхъ годовъ XIII в. тамъ разсълись родственники Миндовга: въ Полоцкъ его племянникъ Товтивалъ, въ Друпкъ другой племянникъ Едивидъ, въ Витебскъ дядя этихъ внязей по матери жмудскій князь Викингь. Миндовгь, какъ уже было сказано, воспользовался уходомъ этихъ князей для того, чтобы захватить себф ихъ земли и имущества, покинутыя на Литвь. Это заставило князей побросать полоцкіе столы и начать борьбу противъ Мицовга вь союзь съ Романовичами волынско-галицкими и нъмдами. Но Товтивилъ спустя нъкоторое время, помирившись съ Миндовгомъ, вернулся въ Полоцкъ и продолжалъ княжить тамъ въ зависимости отъ Миндовга. Поэтому и въ последовавшихъ войнахъ Миндовга съ Романовичами, татарами и смольнянами мы видимъ Товтивила Полоцкаго на сторонъ Миндовга: Полоцкъ сдълался какъ бы вассальнымъ владеніемь великаго князи Литовскаго. Это положеніе вещей продолжалось ибкоторое время и при преемникахъ Товтивила, погабшаго вскор'в посл'в Миндовга. Сначала въ Полоцк'в сид'влъ какой-то князь Константинъ, посаженный сопершикомъ Товтивила-Тройнатомъ (извъстіе о его вняженін относится въ 20 августа 1264 г.), а затымь внязь Изяславь, который считаль себя "въ воли Молшелгове", т.-е. Войшелка, великаго князя Литовскаго, какъ гласить его грамота, писанная къ немцамъ. Въ вол'в Войшелка, по всемь даннымь, быль и союзникь этого князя Витебскій князь Изяславь. Оба эти князя вскор'в же, уже вь конці 1264 г., должны были уступить свое мъсто литовскому князю Герденю, продержавшемуся въ Полодкъ и Витебскъ до 1267 г. включительно, когда онъ былъ убить исковичами. Послъ этого и на полоцкомъ, и на витебскомъ столахъ мы видимъ уже русскихъ князей. Полочане и витбляне, очевидно, воспользовались смутами, происходившими на Литвъ по смерти Миндовга, междоусобіями за великое вняженіе, и эмансипировались ибсколько оть Литвы. Они стали принимать къ себь на вняжение природныхъ русскихъ князей, хотя съ увъренностью нельзя утверждать, что эти князья были независимы отъ Литвы. Только Витебскъ въ восьмидесятыхъ годахъ XIII ст. освободился совершенно отъ Литвы и подчинился было Смоленскому князю Өедөрү, который и управляль имь черезь своихъ намёстниковь. Но вь Полоцк въ конц XIII в. мы видимъ снова литовскаго князя. Этотъ князь, не изв'єстный по имени, будучи не въ состояніи бороться съ німцами и не получая надлежащей помощи отъ соплеменниковъ, принялъ католичество и, не им'я наследниковь, зав'ящаль свое княжество Рижской архіепископін. Пость его смерти немцы вступили въ Полоцкъ и принялись заводить тамъ свои поридки, вводить католичество и обирать жителей. Полочане, возмущенные всемъ этимъ, обратились за помощью туда, откуда она и прежде въ такихъ случалхъ приходила, въ Литву. Великій князь Витень въ 1307 г. явился въ Полоцкую землю и перебилъ почти всёхъ застигнутыхъ тамъ нъмцевъ, а католическія церкви разрушилъ. Нъкоторое время онъ посылаль въ Полоцкъ своихъ намъстниковъ, предоставляя полочанамъ ведать свои дела самимъ и решать ихъ по старому на вече.

Позже, около 1326 г., въ Полоциъ сътъ на княженье уже братъ Витеня Воинъ. Съ этого времени Полоциъ соединился уже прочными политическими связами съ Литвою и никогда отъ нея не отдълялся. Поэтому и 1307 г. можно считатъ годомъ окончательнаго присоединения Полоцка къ Литовской землъ.

За Полоцкомъ наступила очередь Витебска, который обособился оть Полоцка въ самостоятельное княженье.

Въ Витебскъ въ конць XIII в. княжилъ какой-то князь Ярославъ Васильевичь, быть-можеть, изъ рода килзей смоленскихь, утвердившихь свое владычество въ Витебскъ какъ разъ въ концъ XIII в. Въ 1318 году этотъ внязь выдаль свою единственную дочь за литовского князя Ольгерда Гедиминовича, а въ 1320 году скончался, не оставивъ послъ себя мужского потомства. Въ Витейскъ съть тогда зять его Ольгердъ, крестившійся въ русскую въру. Ольгердъ, кромъ Витебски, имъль еще особое княженье на Литвь, въ Кревь, данное ему отцомъ. Съ увъренностью можно полагать, что Ольгердь подчинялся отцу не только какъ князь Кревскій, но п какъ Витебскій, ибо и вь Влебскі онь сіль, конечно, не безь волк огда, а можетъ-быть, и его содъйствія. Витебскъ такимъ путемъ вошель въ сферу политическаго господства великаго князя Лиговскаго. Подчиненіе Витебской земли Литв'в было при Гедимин'в только возстановленіем и упроченіемь литовскаго господства, и ранбе уже устанавливавшагося вь этой земль. Гедиминъ простеръ свою дъятельность и далье въ томъ же направленіи. Онъ привель въ зависимость и кчязя Минскаго. Летопись поль 1326-мъ годомъ сообщаеть между прочимъ, что приходили въ Новгородъ послы изъ Литвы: брать великаго князи Гедимина Воннъ, Полоцкій князь, Василій, князь Минскій, и кн. Өедоръ Святославичь. Значить, кп. Минскій въ 1326 году быль уже подручникомъ Гедимина. Но если Минское княжество, Полодкое и Витебское были въ зависимости отъ Литвы, то необходимо предположить, что и промежуточныя между ними княжества, каковы были княжества Лукомское и Друцкое, были также приведены въ зависимость отъ Литвы. По крайней мъръ позже владътели этихъ княжествь выступають уже въ качествъ вассаловъ великаго князя Литовскаго.

Съ подчиненіемъ всёхъ этихъ владёній Литвё подъ верховною властью великаго князя Литовскаго очутилась уже вся Полодкая земля въ древнёйтемъ и общирномъ смыслё.

Въ началъ же XIV въка молодое великое книжество Литовское включило въ свой составъ и Турово-Пинское Польсье, т.-е. бассейнъ Приняти.

Около половины XIII вѣка мелкіе и слабые турово-пинскіе князья изъ рода Святонолка Изяславича (Ярославова внука) подчинялись князю Даніилу Романовичу и его брату, галицко-волынскимъ князьямъ. Но подчиненіе ихъ не отличалось постоянствомъ: князья, по выраженію лѣто-писи, имѣли "лесть" къ Даніилу и Васильку и склонялись нерѣдко на сторону другого могущественнаго сосѣда, великаго князя Миндовга, утвердившагося въ Черной Руси. Это колебанье Полѣсья изъ стороны въ сто-

рону въ концѣ концовь и разрѣшилось присоединеніемъ Полѣсья къ Литвѣ. При какихъ обстоятельствахъ состоялось это присоединеніе и когда именно, въ точности неизвѣство. Мы знаемъ только, что Гедиминъ еще при жизни своей посадилъ въ Пинскѣ, главномъ городѣ Полѣсья, сына своего Наримунта-Глѣба. На другихъ городахъ Полѣсья, впрочемъ, и послѣ того встрѣчаемъ русскихъ князей, какъ, напр., на Несвижѣ. Но эти русскіе князья уже находились подъ верховною властью великаго князя Литовскаго, служили и подчинялись ему наравнѣ со всѣми другими подручными ему князьями, литовскими и русскими. Изъ сего явствуетъ, что одновременно съ утвержденіемъ въ Пинскѣ Наримунта все или почти все Полѣсье подчинилось Литвѣ.

. Тогда же или еще ранве приросла къ Литвв и земля *Берестейская*, въ западной своей части называвшаяся *Подляшьемъ*.

Подъ именемъ Берестейской земли въ XIII въкъ слыла южная часть Ятвяжской области, колонизованная сь юга русскими людьми сь Вольчин, съ запада-поляками изъ Мазовіи. Въ составъ этой области входили во второй половинь XIII выка города Верестье, Каменець, Кобринь, Дорогичина и Мельника съ ихъ волостями. Эта область клиномъ връзывалась между Мазовісю съ одной стороны и литовскими владеніями съ другой, мало имкла территоріальной связи съ Вольнью, отділиясь оть нея болотами и лъсами по верхней Припяти и Мухавцу. Въ первой половинъ XIII въка значительную часть ея съ городомъ Дорогичиномъ во глава захватиль было внязь Конрадъ Мазовецкій. Конрадъ пом'єстиль здісь такъ называемыхъ Добринскихъ рыцарей, услугами которыхъ онъ пользовался для борьбы съ Пруссами и другими литовцами. Но князь Галицкій Данінлъ Романовичъ вытесниль изъ нея "крижевниковь" и воротиль свою отчину. Внукъ Данінла—Юрій Львовичь, помогавшій крестоносцамь противь великаго князя Витеня, вызваль противь себя нападеніе брата его Гедимина. Въ 1315 году Гедиминъ захватилъ Берестье и Дорогичнить, а затъмъ продвинулся къ самой стольце Вольнской земли-Владиміру. Въ происшедшей затёмъ подъ стынами Владиміра битвы паль Юрій Львовичь. Его сыновья, по ныкоторымъ извёстіямъ, продолжали борьбу съ Гедиминомъ и пытались вернуть Берестейскую землю, но безуспъшно. Гедиминъ, ставшій вскоръ великимъ княземъ, удержалъ за собою Берестье, Каменецъ, Дорогичинъ и другіе здешние города и посадиль здесь на княженье еще при жизни своей доблестнаго сына своего Кейстута.

Съ присоединеніемъ Подляшья коренная Литовская земля окружилась цёлымъ поясомъ подвластныхъ литовскимъ князьямъ русскихъ земель, и великое княжество Литовское еще больше, чёмъ прежде, приняло видъ и характеръ государства литовско-русскаго.

Литература.

Вь качестве ближайших пособій кроме вышеупомянутаго труди Антоновича могуть быть рекомендованы следующіе труды:

В. Е. Данилевичь, Очеркъ исторін Полоцкой земли до конца XIV стол. Кіевъ, 1896 (отгискъ изъ Кіевскихъ Университетскихъ Извъстій 1896 г.); А. М. Андріншевъ,

Очеркъ исторін Вольнской земли до конца XIV стольтія. Кіевъ, 1887 г. (оттискъ изъ Кіевскихъ Университетскихъ Извъстій за 1887 г.); П. А. Пиановъ, Историческія судьбы Вольнской земли до конца XIV в. Одесса, 1895 г.; А. С. Грушсьскій, Очеркъ исторін Турово-Пиневаго княжества въ XI—XIII вв.: К. Stadnicki Olgierd і Кіејstut. Lwów 1870; Synowie Gedymina, Lwów 1881: J. Wolff, Ród Gedimina. Kraków 1886.

Исторін территоріальнаго образованія Литовско-Русскаго государства посвящены "Очерки негорін литовско-русскаго права" О. И. Леонтовича, печатавшіеся въ Журналіз Министерства Народнаго Просвіщенія за 1893 и 1894 г. и вышедине загімъ и отдільною кингою (Спб. 1894). Но, къ сожалічню, кингою нельзя пользоваться безъ посточниой провірки, такъ какъ авторъ не подвергаль надлежащему критическому разбору свои источники и пособія. Объ этомъ см. мою рецензію на трудъ г. Леонтовича "Къ вопросу объ удільныхъ князьяхъ и містномъ управленіи въ Литовско-Русскомъ государстві" (Журц. Мин. Нар. Просв. 1894, № 8).

Краткій очеря территоріальнаго образованія Литовеко-Русскаго государства данъ и въ книга автера настоящихъ очерковъ "Областное дъленіе и мастное управленіе Литовеко-Русскаго государства во времени изданіи перваго Литовекаго Статуга". Москва, 1892. (Чтенія въ Императорскомъ Обществъ Исторіи и Древностей Рессійскихъ, 1892, кн. ИІ и IV, 1893, кн. ИІ и IV).

V.

Распространеніе литовскаго владычества въ южно-русскихъ земляхъ.

Подчиненіе Кієвскаго внязя Гедимину.—Заміна русскаго внязя въ Кієві дитовскимъ при Ольгерді.—Ослабленіе орды, какъ благопрідтное обстоятельство для распространенія дитовскаго владычества.—Битва на Синей Воді и вытісненіе татара съ Подолья.—Князья Коріатовичи на Подольі и зависимость ихъ оть Польши.—Разділь Подолья между Польшею и Литвою.—Смуты въ Брянскі и занятіе Чернигово-Сіверскихъ княжествь.—Возвышеніе Галицко-Волынской земли съ половины XII віка.—Тенденція къ образованію малорусскаго государства.—Разгромь татарами Галицко-Волынской земли и ен разділеніе и ослабленіе.—Прекращеніе династіи Даніила Романовича и борьба Польши и Литвы за Галицко-Волынское наслібдіе.—Присоединеніе къ Литві Волыни.

Первый и ближайшій поясь русских земель, которыми окружило себя съ востока и юга новообразовавшееся великое княжество, составили Полоцкая земля въ обширномъ смыслѣ, Полѣсье и земля Берестейская съ Подляшьемъ. Уже при Гедиминѣ Литва начала окружать себя вторымъ повсомъ, въ составъ котораго вошли Волынь съ Подольемъ, Кіевская земля, Чернигово-Сѣверская на югѣ и юго-востокѣ, Смоленская—на востокѣ. Наиболѣе успѣшно шло это дѣло сначала въ южно-русскихъ земляхъ, которыя къ концу XIV вѣка сдѣлались прочнымъ достояніемъ Литвы.

Въ числ'в пословъ Гедимина, вздившихъ въ 1326 году въ Новгородъ для завлюченія мира, русскія л'втописи называють посл'в Минскаго князя Василія князя Өедора Святославича. Можно догадываться, что это былъ князь изъ рода путивльскихъ Ольговичей, воторому припадлежалъ тогда Кіевъ, и который, очевидно, сталъ подручникомъ Гедимина подобно своему сос'вду—Минскому князю Василію. Подчиненіе Кіевскаго князя Литв'в было,

въроятно, слъдствіемъ побъды Гедимина на р. Ирпени надъ отцомъ Оедора Святославича около 1320 года. Не всъ ученые, впрочемъ, признають этотъ факть. Антоновичь въ своемъ "Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго" и по его следамъ г. Грушевскій въ своей "Исторіи Кіевской земли" отвергають этоть факть, считая его летописными вымысломь. Ловоды ихъ основываются на критическомъ разборъ сказанія о походъ Гедимина на южную Русь, содержащагося въ пространной литовско-русской лътописной компиляцін (Быховца). Разсказъ этогь дійствительно содержить много хронологическихъ и другихъ несообразностей, но при всемъ томъ едва ли можеть быть отвергнуть цёликомь. Составитель неискусно сгруниироваль въ немь подробности, перепуталь и исказиль имена, но едва ли выдумаль самый основной факть, о которомь встрачаются краткія извастія и въ другихъ льтописяхъ. Ловоды, приводимые въ пользу такого поняманія Дашкевичемъ въ его "Замъткахъ по исторіи Литовско-Русскаго государства", Л. И. Иловайскимъ во второмъ томъ его "Исторіи Россін" и отчасти Зотовымь въ его трудъ "О Черниговскихъ книзьяхъ по Любецкому синодику", являются болье убъдительными, чьмъ отридательные доводы Антоновича и его последователей.

Подчинение Киевскаго князя и Киевщины Гедимину легко понять, если принять во внаманіе, что такое представляль изъ себя Кіевскій князь того времени, какими средствами онъ располагаль. Кіевскій князь быль вь то время однимъ изъ тъхъ бъдныхъ князьковъ, которые еле держались съ горстью русскаго населенія, уцъльниаго посль татарскихъ погромовъ на степной окраинъ. Мать и краса русскихъ городовь въ былое время-Кіевъ быль посль татаръ ничтожнымъ городномъ, въ которомъ Илано-Карпини, провзжавшій черезь него въ 1246 году, насчиталь не болье 200 домовь. Во второй половинѣ XIII вѣка въ немъ не о́ыло князей, а въ 1300 году его покинуль и митрополить Максимъ, удалившийся со всемъ своимъ "житьемъ" на съверъ отъ татарскаго насилья. Тогда же, -прибавляеть лътописецъ-и Кіевъ весь разовжался. Едва ли Кіевъ успыть собраться вновь, какъ следуеть, въ то время, когда въ немъ утвердились Ольговичи путивльскіе съ соизволенія хана. Но съ горстью людей Кіевскій князь не могь держаться въ качествъ самостоятельнаго владътеля и долженъ быль подчиниться могущественному состду, тымь болье, что этоть состдъ могь до извъстной степени оберегать его отъ тагаръ.

Князь Оедоръ Святославичь въ качествъ подручника, вассала веливаго князя Литовскаго, продержался до 1362 года. Въ этомъ году, — сообщаетъ такъ называемая Густынская лътопись, — великій князь Ольгердъ взяль Кіевъ подъ княземъ Оедоромъ и посадилъ въ немъ своего сына Владиміра. Смъщая князя Оедора, который быль не только подручникомъ великаго князя, но и данникомъ татарскаго хана, Ольгердъ, по всёмъ признакамъ, воспользовался неурядицами, происходившими въ то время въ Ордъ. Надо сказать, что со смертію Бердибека (1359 г.) ханская властъ нъкоторое время не существовала фактически. Безпрестанно смънялись эфемерные ханы, гременщики и авантюристы; по словамъ современнаго

арабскаго историка Ибнь-Хальдуна "было нёсколько эмировъ монгольскихъ, подълившихся управленіями въ округахъ Сарая; они были не согласны между собою и правили своими владеніями порознь". Позже, уже въ семидесятыхъ годахъ XIV стольтія, изъ среды этихъ правителей выдвинулся крымскій эмиръ Мамай, захватиль вы свои руки власть въ Ордів и достигь значительного могущество. Но въ шестидесятых годохъ не было въ Орде хановъ или князей, которые могли бы дать действительное значене ханскому суверенитету въ южнорусскихъ областяхъ. Ольгердъ и воспользовался благопріятнымъ моментомъ для освобожденія Кіевщины оть татарской зависимости и окончательнаго присоединенія ея къ великому княжеству Литовскому. Последнее ему удалось; но эмапсипировать Кіевщину отъ татаръ Ольгердъ оказался не въ состояніи. Впоследствін, когда возстановилась въ Ордъ сильная ханская власть и прекратились усобицы, князь Владиміръ Ольгердовичь должень быль по прежнему обычаю выплачивать имъ дань. Воть почему и на монетахъ его встречаемъ татарскую тамгу, вугорая служила обычнымь выражениемь полданничества по отношению къ татарскому хану.

Что Сльгет дъ стремился пользоваться неурядицами въ Орде для освобожденія южнорусскихь земель оть татарскаго ига и присоединенія ихъ въ Литвъ, на это указываеть и походъ его, предпринятый въ то же время на Подолье. Подолье принадлежало къ числу тъхъ южнорусскихъ населенныхъ мъстностей, которыми непосредственно владъли татары. Такихъ мъстностей можно указать несколько, кроме Подолья. Таковы, напр., Тула и нныя "татарскія міста" въ верхнеокскомъ бассейнь, селенія по рікамъ Хопру, Ворон'в и Черленому Яру и т. д. Въ разсматриваемое время Подольемъ владели вавіе-то три брата: Хачибей, Кутлубугъ и Димитрій, "дедичи и отчичи" Подольской земли, какъ ихъ называеть литовско-русская льтопись. Оть нихъ поставлены были атаманы, которые собирали дань съ населенія и отдавали ее прівзжавшимь къ нимь баскакамь. Эти три брата, очевидно, принадлежали въ тъмъ областнымъ эмирамъ, о которыхъ упоминаеть Ибиъ-Хальдунь, и которые въ разсматриваемое время сделались независимыми отъ хана Золотой орды. Ольгердъ поразилъ этихъ трехъ братьевъ на голову въ битвъ на Синей Водъ (при Днъпробугскомъ лиманъ). Послѣ того съ соизволенья Ольгерда на Подолье отправились его илемянники, сыновья Коріата Гедиминовича, и заняли Подолье, войдя въ пріязнь сь мъстными атаманами. Этогь факть въ высшей степеня характерный. Онъ указываетъ на то, что литовское владычество утверждалось въ южнорусскихъ областяхъ при сочувствін населенія, которое искало у Литвы защиты и покровительства отъ татаръ. Весьма въроятно, что сочувствіе населенія играло не малую роль и въ присоединенін Кіевской земли, которое совершилось легко, безъ всякой борьбы.—Вирочемъ, Подолье на первыхъ порахъ не удержалось за Литвою. Коріатовичи сочли болье выгоднымъ для себя примкнуть къ Польш'в и стали въ зависимыя отношенія къ Польскому королю. Это дало возможность Польшъ овладъть Подольемъ и распоряжаться имъ, какъ леномъ короны. Въ 1411 году Подолье выхлопотать себв въ ленъ великій князь Витовть. Когда онъ умеръ, поляки заняли было Подолье снова на корону, по утвердившійся вскорт на великомъ княженіи Свидрагайло отняль у нихъ восточную часть Подолья. Эту часть Педолья онъ удержаль за собою и послів потери великаго княженія. Когда избрань быль на великое княженіе Казимиръ, Свидригайло поддался ему съ своими владініями, и съ того времени восточное Подолье уже не отділялось отъ Литвы до самой Люблинской уніп. Поляки долго и усиленно добивались отъ Литвы на общихъ сеймахъ возвращенія восточнаго Пололья, но литовцы упорно стояли за свое историческое право на эту землю и не отдавали ее полякамъ.

Неурядицы въ Ордъ дали возможность Ольгерду распространить свою верховную власть и политическое вліяніе также и въ предълать Чернигово-Сферской земли. Эта земля въ разсматриваемую эпоху разбивалась на ибсколько мелкиль гилжествь, образовывавшихъ двъ группы: собственно Чернигово-Съверскую въ бассейнъ Десны и ея пригоковъ, и группу такъ называемихъ "верховскихъ" княжествъ по верхней Окъ и ея притокамъ. Сначала присоединена была къ Литвъ первая групла. Совершилось это послъ внутреннихъ смутъ въ тогдамиемъ въ главномъ городъ Чернигово-Съверской земли—Брянскъ. По смерти князя Брянскаго Василія, —разсказываетъ лътопись, —въ Брянскъ произошелъ мятежъ отъ лихихъ людей и великая "замятня" и опустъніе города; и потомъ началъ обладатъ Брянскомъ великій князь Литовскій. Когда это случилось, въ точности нечизвъстно; скоръе всего—во время похода Ольгерда на Русь восточную въ 1368 году, ибо уже въ 1370 году великій князь Московскій посылалъ воеватъ городъ Брянскъ, очевидно, желая выбить изъ него Литву. Ольгердь отдалъ Брянскъ вмъстъ съ Черниговомъ сыну своему Димитрію, который по источникамъ выступаетъ Брянскимъ княземъ уже съ 1372 года. Одновременно съ занятіемъ Брянска и Чернигова занято было и княжество Новгородъ-Съверское, которое Ольгердъ отдалъ сыну своему Димитрію-Корибуту.

Ольгердъ распространилъ свое вліяніе и на верховскія княжества. Но крайней мірів мы знаемъ, что двое изъ здішнихъ князей Святославъ Титовичъ Карачевскій и Иванъ Новосильскій были женаты на дочеряхъ Ольгерда. Но твердою ногою Литва стала въ верхнеокскомъ країв только въ княженіе Витовта, о чемъ будеть рібчь внереди.

Ири Ольгердь за Литвою утвердилась и большая часть Вольнской земли. Историческія судьбы этой земли заслуживають особаго вниманія съ нашей стороны. Діло вы томы, что вы половины XIII в. Волынская земля вы соединеній сы Галицкою была соперницею Литвы по части собиранія во едино западной Руси. Тогда еще, можно сказать, стояль знакы вопроса нады тымь, кому удастся превратиться вы западнорусское государство, молодому им великому княжеству Литовскому или Галицко-Волынской землы. Сто лыть сы небольшимы спустя вопросы этоты рышился такы, что вы западнорусское государство превратилось великое княжество Лиговское, а Волыны и Галицкая земли подылены были между этимы государствомы и

Польшею. Въ высшей степени важно дать себѣ отчеть, почему это такъ произошло, и почему собирателемъ западной Руси явилась иноплеменная, а не своя національная политическая сила.

Прежде всего надо предварительно уяснить причины и обстоятельства, возвысившія Галицко-Волынскую землю къ половинѣ XIII вѣка и сдълавиня ее соперинцею Литвы. Уже со второй половины XII в. стало намвчаться это будущее могущество Галицко-Волынской земли. Показатедемъ этого является та политика на большую ногу, которую вели волынскіе внязья Изяславъ Мстиславичъ, его сынъ Мстиславъ и внукъ Романъ, а затыть и поншлый внязь Метиславъ Метиславичь Удалой. Эти князья вели борьбу съ самыми могущественными князьями Руси въ родъ Юрія Делгорукаго, Андрея Боголюбскаго и Всеволода III, и даже съ цёлыми коалиніями князей, и сами были душею цілыхъ коалицій. Очевидно, что Волынская земля давола имъ не мало финансовыхъ и военныхъ рессурсовъ для такой борьбы Могущество Галицкаго князя Ярослава Осмомысла краснорёчнео засвидетельствовано певцомъ Слова о Полку Пгореве. Отъ имени в. кн. Святослава онъ обращается къ нему съ такими словами: "Галичьскый Осмомысле Ярославе. Высоко съдиши на своемъ златокованьномъ столь, подперь горы Угорьския своими жельзными пълкы, заступивь королеви путь, затворивь Дунаю ворота, меча бремена черезъ облакы, суды рядя до Дуная. Грозы твон по землимь текуть: отворяещы Кыеву врата; стрълнеши съ отъня злата стола салтаны за землями" и т. д. Чъмъ же объясняется все это могущество? Не чёмъ инымъ, какъ увеличениемъ населенія въ этихъ земляхъ. Къ половинъ XII в. вслъдствіе княжескихъ усобицъ и набъговъ половцевъ въ Придивировъв создались почти невозможныя условія для жизни мирнаго землед'яльческаго населенія, и оно стало эмигрировать отсюда либо на сфверо-востокъ, въ землю Ростово-Суздальскую, либо на западъ, въ Галицко-Волынскую землю, подъ защиту горъ и льсовь. Татарское нашествие еще болье сбило население въ Галицко-Волынскую землю. Хотя на первыхъ порахъ и сама Галицко-Волынская земля сильно пострадала отъ татарскаго погрома, но не въ такой степени, какъ Придибировье. Когда прошла первая гроза, южнорусское населеніе, бъжавшее отъ татаръ изъ Приднъпровья, не воротилось на прежнее мъсто, а осталось тамь, куда бъжало, т.-е. въ бассейнахъ верхней Десны и Оки, въ Галицкой и Волынской земляхъ. Находившіяся по близости лібсистыя Карпатскія горы представляли надежное уб'яжище для населенія, и потому не удивительно, что съ прибытіемъ татаръ опо потянуло именно въ этотъ край. Князь Даніиль Романовичь Галицкій съ своей стороны пошель на встръчу этому народному движению и постарался использовать его въ своихъ интересахъ. Послѣ ухода татаръ онъ развилъ сильную колонизаторскую дѣятельность въ Галицко-Волынскомъ краѣ. По условіямъ времени эта дентельность должна была выразиться прежде всего въ постройке городовъ. "Созда городы многы, — говоритъ лѣтопись, — и церкви постави и украси ѣ разноличными красотами". Въ свой любимый городъ Холмъ Данінль, по словамь літописи, созываль прихожай, Німцы и Русь, иноязычникы и Ляхы; идяху день и во день, и уноты, и мастеръ всяции бъжаху ис татаръ, съдълници и лучницы, и тулници, и кузницъ желъзу и меди и сребру; и бъ жизнь, и наполниша дворы окресть града, поля и села". Весьма въроятно, что такими же "прихожалми" заселялись и другіе города, созданные Даніиломъ, какъ напр., Даниловъ, Стожекъ и Львовъ. Увеличеніемъ населенія въ Галицко-Вольпской землів объясняется, конечно. и та выдающаяся роль, которую играль Даніиль Романовичь съ братьею въ политическихъ событіяхъ своего времени. Его самочувствіе въ этомъ отношенін, какъ извістно, шло такъ далеко, что онъ хотіль даже остаться независимымъ отъ татаръ и послъ подчиненія делаль попытки къ низверженію ихъ ига. Несомитнио, что не все въ данномъ случать надо отнести на счеть южнаго темперамента князи; многое туть вызывалось сознаніемъ дъйствительной силы. Объ этой силь галчико-волынскихъ князей свидътельствуеть и борьба ихъ съ Миндовгомъ, великимъ кначемъ Литовскимъ, борьба, которая едва было не привела къ утворждению въ Литвъ власти галицко-волынскихъ князей. Несомнънно, что кн. Данішть Романовичь быль въ свое время самымъ сильнымъ, самымъ могущественнымъ на юго-западъ Руси. Онъ болъе другихъ располагалъ и военными, и финансовыми средствами. Этоть факть можно объяснять не чёмъ инымъ, какъ наполнениемъ его княжества людьми, населеніемъ.

И однако въ концъ копцовъ не Галицко-Волынская земли заняла первенствующее положение и явилась въ роли объединительницы западной Руси н Литвы, а именно Литва. Отчего же это произошло? Здесь действовало нъсколько причинъ, и прежде всего географическая. Бълая Русь имъла горазло болъе географической связи съ Литвою чъмъ съ Малою Русью, какъ стала называться къ началу XIV в. Галицко-Волынская земля. Запустъвшая Кіевщина и лъсисто-болотистыя дебри Иольсья лежали широкою раздёльною полосою между Бёлою и Малою Русью. Благодаря этому между ними не было почти никакого житейскаго общенія, которое создаєть политическія связи. Білая Русь иміла боліве житейскаго общенія съ. Інтвою н потому естественно должна была тяготьть къ ней, а не къ Малой Руси. Географически изолированное положение Малой Руси было причиною ея постепеннаго ослабленія. Посл'є разоренія и опуст'єнія Кіевщины она могла только на время усплиться и возвыситься. Сделавшись окраинною русскою областью, Галицко-Волынская вемля должна была сосредоточиться на оборонительной д'вятельности, а не наступательной, и, стоя одиноко, расходовать и истощать свои силы въ этой оборонительной д'вятельности. Туть ее постигь страшный татарскій погромъ, отъ котораго она уже не могла оправиться долгое время. Въ 1283 году Галицко-Волынскую землю наводнили татарскія подчища, которыя шли подъ начальствомъ хана Телебуги въ Польшу и Венгрію. Главныя силы татаръ схлынули на западъ, но часть осталась на Волыни подъ Владиміромъ кормить коней. Эти татары, какъ разсказываеть летопись, "учинили пусту" всю землю Владимірскую; безчисленное множество народа, совжавшагося во Владиміръ, перемерло отъ "остою"; а кто вывзжаль за городь "въ зажитье", того татары либо уби-

вали, либо забирали въ плънъ. Такой же погромъ постигъ и Галицкую землю, когда Телебуга гостиль въ ней двѣ педѣли на возвратномъ пути изъ Польши. Князь Левъ Даниловичь по уходъ татаръ насчиталь около 121/2 тысячь человькь побитых и взятых вь плыть. Оть погрома, постигшаго Галицко-Волынскую землю, она долгое время не могла уже оправиться. Тымъ временемъ молодое Литовское сосударство, огражденное отъ татаръ разстояніемъ, л'єсами и болотами Польсья и Подибировья, усибло оправиться отъ внутреннихъ потрясеній, последовавшихъ вследь за смертью Миндовга, и выросло уже въ такую политическую силу, съ которою не подъсилу было тягаться Галицко-Волынской земля. Къ тому же эта последняя раздробилась политически между потомками Даніила Романовича и естественно ослабъла вслъдствіе этого раздъленія. Во второй четверти XIV стожетія въ Галицко-Волынской земле перевелись князья изъ рода Ланіила Романовича, и она стала эреною домогательствь сосудинхъ государей и происходившихъ отсюда внутреннихъ полигическихъ смутъ. Первоначально въ ней утвердился было Мазовецкій князь Болеславъ Тройденовичь, внукъ по матери Галицкаго князя Юрія Львовича (Даниловича). Но онъ заявиль себя такимы фанатическимы пропагандистомы католицизма и вийсты сы тык тираномь, что галичане рышили во что бы то ни стало оть него отжыаться. Болеславь погнов въ 1340 г. оть поднесенной ему отрави. Польскій король Казимиръ сейчась же вступился вь его наследіе, но на первыхъ порахъ не имъть успъха. Налегит онъ вторгся въ Галициую землю, овладель Львовомъ и другими городами, но вскоръ потеряль все это. Одинъ изъ сильныхъ галицкихъ бояръ Детко и князь Острожскій Данінль, призвавъ татаръ, вытёснили польскіе гарнизоны изъ Галицкой земли и заняли ее на литовскаго князя Любарта Гедиминовича, который, какъ зять одного изъ последнихъ вольнекихъ князей, утвердился темъ временемъ на Вольни. Литвь, впрочемь, не удалось удержать за собою Галицкую землю. Въ 1349 году Казимиръ, воспользовавшись пораженіемъ литовскихъ князей на р. Стравь отъ крестоносцевь, снова вторгся вы Галицкую землю и на этоть разъ овладъть ею уже окончательно. Онь много разъ пытался отбить у Литвы и Волынскую землю и по временамъ имфль въ этомъ частичный усибхъ. Но въ концъ концовь по договору 1366 года онъ должень быль уступить Волынь литовскимь князьямь: Бельзъ и Холмь-Юрію Наримунтовичу, Владиміръ и Кременецъ-Александру Коріатовичу, Луцкъ Любарту Гедиминовичу, при чемъ Юрій Наримунтовичъ и Александръ Коріатовичь признали себя вассалами Казимира. Любарть Гедиминовичь заключиль съ Казимиромъ особый договоръ, въ силу котораго онъ обязался быть нейтральнымъ въ столкновеніяхъ короля съ братьями Любарта, но помогать ему противъ другихъ недруговъ. По смерти Казимира, въ 1370 г., Любарть въ союзь съ братомъ Кейстутомъ отнялъ у Александра Коріатовича Владиміръ и присоединиль его къ своимъ владініямъ, а по смерти Людовика Венгерскаго, преемника Казимирова на польскомъ престоль, въ 1382 году присоединиль и Кременець, занятый передь тымь венграми. Такиять образомы, вся Волынь за исключениемы Холма и Бельза, утвердилась за Любаргомъ, примкнувшимъ къ великому княжеству Литовскому.

Литература.

Кромѣ указанныхъ уже трудовъ Антоповича, Дашкевача, Леонтовича, Андріяшева и Иванова, ближайшими посебіями при изученів исторія подчиненія Литвѣ комнорусскихъ земель могуть служить: Илосайскій, Исторія Россія, т. И. Москва, 1884 г.; М. С. Грушевскій, Очеркъ исторія Кіевской земль. Кіевъ, 1891 (Кіевскія Университетскія Павѣстія 1891 года); его же Історія Украіни - Русп, том. ІV. Кийв-Львів, 1907 г.; И. Молиановскій, Очеркъ извѣстій о Подольской земль до 1434 года (Сборникъ сочиненій студентовъ университета св. Владиміра, выпускъ VІН. Кіевъ, 1886 г.); Stadnicki, Synowie Gedymina, tom. І. Lwów, 1881; Olgierd і Кіејьчі, Lwów, 1870; Вгасіа Wł. Jagiełły, Lwów, 1867 Wolf, Ród Gedimina, Kraków, 1886; И. П. Филевичь, Борьба Польши я Лятвы - Гусп за Гамико-Вольнское наслѣдіе. Сиб., 1890 г. (Журналъ Мин. Народн. Просвѣщ. 1889, 1890); Д. И. Балалый, Исторія Сѣверской земли до половины XIV ст. Кіевъ 1882 (Кіевскія Университетек. Извѣстія 1882 г.); Зомовь, О князьяхъ Черниговскихъ по Любецкому синодику и Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время. Спб., 1892 г.; П. Голубовскій, Исторія Сѣверской земли до полованы XIV вѣка (Сборникъ сочиненій студентовъ св. Владиміра, выш. П.; Кіевъ, 1882 г.).

VI.

Распространеніе литовскаго владычества въ Смоленской землѣ и верхнеокскомъ краѣ. Причины успѣховъ Литвы.

Усобицы въ Смоленской землів въ первой половинів XIV в.—Натискъ Москвы.—Зависимость Смоленска отъ великаго князя Литовскаго при Гедиминів и Ольгерді.—Разрывъ съ Литвою въ началів пятидесятымъ годовъ.—Занятіе Литвою Ржевы, Білой, Метиславля и Торопца.—Возстановленіе зависимости Смоленска отъ Литвы.—Неудачная попитка Юрія Святославича освободиться отъ этой зависимости; в. вн. Смоленскій вассаломъ Ягайла.—Окончательное присоединеніе Смоленской земли къ великому княжеству Литовскому при Витовті.—Утвержденіе дитовскаго владычества въ верхнеокскомъ край.—Общія наблюденія нады ходомъ территоріальнаго образованія Литовско-Русскаго государства; причины успіховъ Литвы.

Уже при Гедимин'в положено было начало подчиненія Литв'в и Смоленской земли.

Земля Смоленская въ то время сильно страдала отъ княжескихъ усобицъ, сопровождавшихся татарскими нашествіями, и отъ натиска усилившейся Москвы. Особенно тяжела была для Смоленщины борьба великаго князя Ивана Александровича съ княземъ Димитріемъ Романовичемъ Брянскимъ. Въ 1333 году этотъ князь привелъ съ собою въ Смоленскую землю татарскіе полки, и хотя не имѣлъ удачи, но вреда надѣлалъ много: князья, по выраженію лѣтописи, бились много. Но еще болѣе зла дѣлала Смоленской землѣ Москва. Юрій Данилоричъ, пользуясь неладами смоленскихъ князей, отнялъ у нихъ Можайскъ. Москва стала покровительствовать удѣльнымъ смоленскимъ князьямъ въ распряхъ ихъ съ великими, хлопотать за нихъ въ Ордѣ, принимать къ себѣ на службу. Факты въ этомъ родѣ относятся какъ разъ къ разсматриваемому времени. Все это заставило великаго князя Смоленскаго искать себѣ опоры и поддержки въ Литвѣ. Съ

Литвою связывала Смоленскъ и торговля его съ Ригою, шедшая воднымъ путемъ по Касилъ и З. Двинъ, черезъ подвластную великому виязю Литовскому территорію. Неудивительно поэтому, если въ грамотъ в. кн. Ивана Александровича, коею онъ скръпляль торговый договоръ Смоленска съ Ригою, мы встръчаемъ наименованіе Гедимина его старшимъ братомъ и указаніе, что торговый договоръ Смоленска съ Ригою быль завлюченъ "по докончанью" этого старшаго брата. Ясное дъло, слъдовательно, что при Гедиминъ установилась уже нъкоторая зависимость Смоленска отъ великаго внязя Литовскаго.

Положеніе, создавшееся при Гедиминь, сохранялось первое время и при Ольгердь. Смоленскіе князья пребывали въ союзѣ и дружоѣ съ веливимъ кияземъ Ольгердомъ. Литовскіе полки ходили на помощь смольнянамъ, которые добывали Монайскъ, смоленские полки бились вифств съ литовцами противь нъмцевь на р. Стравь въ 1348 г. Но въ пятидесятыхъ годахъ стольтія эти отношенія разстромлись, и вельдь за этимъ последовать рядь нападеній Ольгерда на Смоленскую землю и захвать ен волостей. Въ 1355 г. Ольгердъ занялъ г. Ржеву (нынёшній Ржевь на Волгь), лежавній на самой границь владьній смоленских московских и тверскихъ. Но чтобы подойти къ Россевъ, Ольгердъ въ то же время или еще ранте заняль смоленскія волости, лежавшія вы бассейнт ріки Межи съ Общею, между ними городъ Бълую. Смольняне въ 1357 и 1358 годахъ пытались было въ союзъ съ москвитянами выбить лиговскій гарнизонь изъ Ржевы и отнять Бълую, но не только не успъли въ этомъ, а наоборотъ-понесли даже новыя территоріальныя потери. Ольгердь отвітиль новыми нападеніями, на этоть разь уже на южныя части Смоленской земли, и завладіль важнымъ смоленскимъ пригородомъ Метиславлемъ. Ржева, сильно укръпленная литовцами, сдёлалась опорнымь пунктомь для дальнёйшихъ завоеваній ихъ на счеть Смоленской земли. Въ 1362 году они заняли Торопець съ волостьми, который подув занятія Литвою бассейна Межи и Обши оказался уже отружаннымь оть Смоленской земли. Литовны стали прорываться уже внутрь Смоленской земли. Такъ, въ 1367 году кн. Андрей Ольгердовичь Полоцкій заняль два пригорода-Родию на юго-западѣ оть Смоленска и Хорвачъ на юго-востокъ.

Все это заставило тогдащияго зеликаго князя Смоленскаго Святослава Ивановича перемёнить политику и возстановить прежнія отношенія къ Литвѣ. Поэтому вь 1368, 1370 п 1372 годахъ мы видимъ его съ смоленскимъ войскомъ въ ополченіи Ольгерда, нападавшаго на Москву; смоленскіе полки снова стали ходить съ Литвою на крестоносцевъ. Малѣйшія уклоненія отъ подчиненія Литвѣ навлекали на Смоленскъ жестовія репрессаліи Ольгерда. Такъ, въ 1375 году Ольгердъ сильно опустопилъ Смоленскую землю и вывель изъ нея много полона за то, что удѣльные смоленскіе внязья Иванъ и Александръ Васильевичи приняли участіе въ походѣ Москвы противъ Ольгердова союзилка, Тверского князя Михаила Александровича.

Смольняне попытались было освободиться оть подчиненія Лигві во

время усобицы, наступившей тамъ по смерти Ольгерда. Великій князь Смоленскій Святославь Ивановичь присоединился къ князю Андрею Ольгердовичу Полоцкому, поднявшему возстаніе противъ великаго князя Ягайла. Но въ битвъ подъ Мсгиславлемъ въ 1386 году онъ потерпълъ пораженіе и погибъ вмъстъ съ своимъ племянникомъ Иваномъ Васильевичемъ. Новый великій князь Юрій Святославичъ долженъ былъ признатъ себя уже настоящимъ вассаломъ короля Польскаго и великаго князя Лиговскаго Ягайла. 20 мая гого же года онъ выдалъ ему письменное обязательство, скръпленное крестнымъ цълованіемъ, никогда не отступать отъ него и помогать ему во всъхъ войнахъ его, не имъть никакихъ сношеній съ кн. Андреемъ и Полочанами и во всемъ быть върнымъ польско-дитовскому господарю. Но вассалитеть Смоленскаго князя, какъ естественно ожидать, былъ только прелюдіею къ окончательному включенію Смоленской земли въ территорію великаго князя Витовскаго. Это включеніе произошло уже благодаря стараніямъ великаго князя Витовта.

Витовть началь съ того, что перем'естиль великаго князя Смоленскаго Юрія Святославича, зяти Олега Рязавскаго, со старшаго смоленскаго стола на удъть въ Рославль, а на его мъсто посадиль брата его Глеба. Вскоръ онъ нашель неудобавить для Литвы оставлять Смоленскую землю подъ управленіемъ ея природныхъ князей. Въ 1395 году онъ неожиданно явился съ войскомъ подъ стънами Смоленска, распустивъ предварительно слухъ, что идеть на татаръ. Въ Смоленскъ въ то время происходилъ княжескій съёздъ, на которомъ князья рёшали свои распри. Витовтъ вызвалъ ихъ къ себъ въ лагерь, объщая быть ихъ посредникомъ, а затъмъ всъхъ ихъ арестоваль вытесть съ боярами и опправиль въ Литву, кромъ князя Юрія, который успыть убылать въ Рязань. Въ Смоленски вмисто князей стали править литовскіе нам'єстники. Но въ 1401 г. кн. Юрій Святославичь снова занялъ смоленское княженье, при помощи тестя своего Олега и при поддержив смольнянь, при чемь быль убить литовскій намастникь и персонты бояре, сторонники литовскаго господства. Тогда Витовтъ повель д'кло иначе. Смоленская земля охвачена была съ съвера, запада и юга литовскими владъніями и только на востокъ свободно и безпрепятственно сообщалась съ восточною Русью. Витовгь поручиль въ 1404 г. своему подручному князю Мстиславскому Лингвенью Ольгердовичу занять Вяземское княжество, восточный удёль Смоленской земли, и охватить такимъ образомъ Смоленскую землю и съ востока. Лингвеній успъшно выполниль порученіе великаго внязя, взяль Визьму и привель ея внязей въ плену из Витовту. Тогда же "приложились" къ Витовту и удъльные смоленскіе князья Ооминско-Березуйскіе, владенія которыхъ лежали на севере земли. Въ следующемъ, 1405 году, Витовть уже самъ явился съ большимъ войскомъ и артилиерією подъ стінами Смоленска. Князь Юрій отправился за помощью въ Москву и затемь въ немцамъ. Въ его отсутстве Витовтъ взилъ городъ, не безъ содъйствія самихъ смольнянь. Желая упрочить за великимъ княжествомъ Смоленскъ, Витовтъ вновь посадилъ въ немъ своихъ намъстнивовь и на этоть разь даль имъ приказь чинить людямъ смоленскимъ всявую льготу, "отводя ихъ оть князя Юрія". Такая политика ув'єнчалась полнымъ усп'єхомъ, и Смоленскъ утвердился за Литвою.

Одновременно съ Смоленскою землею утверждалось литовское владичество и въ верхнеокскомъ краф. Уже въ 1396 году мы видимъ Витовта въ обладаніи Любутском на Окф (на границф нынфинихъ Калужской и Тульской губерній). Онъ овладѣть этимъ пунктомъ, очевидно, послф того, какъ занялъ Смоленскъ и получить въ обладаніе бассейнъ Угры рѣки. Во время борьбы съ великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Дмитріевичемъ, въ 1407—08 годахъ, Витовтъ пріобрѣть Миенскъ на р. Зушф, и вскорф послф того мы встрфчаемъ въ Мценскъ и Любутскъ его воеводу. Судя по тому, что верхнеокскій край былъ ареною борьбы тестя съ зятемъ, надо думать, что онъ былъ и ен объектомъ. Пріобрѣтеніемъ Любутскъ самострательныя русскія княжества съ востока, послф чего ихъ князья стали быстро переходить къ нему на службу. Въ концф великокняженія Витовта его подручниками являются по источникамъ князья Новосильвскіе, Перемынльскій, Воротынскій, Одоевскій и до.

Такъ, великое княжество Литовское выросло въ обширное Литовско-Русское государство. Это государство охватывало бассейны верхней и средней Западной Двины, Нѣмана, Ю. Буга, Дпѣпра и верхней Оки, т.-е. нынѣшнюю Литву, Бѣлоруссію, большую часть Малороссіи и небольшую часть Великороссіи (восточную часть Смоленской губ., Калужскую, Тульскую и Орловскую).

Мы разсмотр'єли данныя, относящіяся до территоріальнаго образованія Литовско-Русскаго государства. Данныя эти въ общемъ скудны: изв'єстія источниковъ о территоріальныхъ присоединеніяхъ Литвы сухи и отрывочны. Но при всемъ томъ они даютъ возможность сд'єлать н'єкоторыя общія наблюденія надъ т'ємъ, какъ строилось Литовско-Русское государство, какія причины обусловили его территоріальный рость на счеть западнорусскихъ земель.

Изъ этихъ данныхъ явствуетъ прежде всего, что Литовско-Русское государство создавалось частью завоеваніемъ Литвою различныхъ русскихъ земель и волостей, частью путемъ добровольнаго присоединенія ихъ къ основному государственному ядру— великому княжеству Литовскому въ древнемъ и тѣсномъ смыслѣ слова. Но общее впечатлѣніе отъ всѣхъ этихъ данныхъ таково, что сила оружія въ данномъ случаѣ имѣла второстепецное значеніе, ибо, не говоря уже о добровольномъ подчиненіи Литвѣ земель и владьній, самая завоевательная политика Литвы не находила въ западной Руси энергическаго отпора, такъ что въ иныхъ случаяхъ трудно опредѣлить, что рѣшило присоединеніе, сила ли литовскаго оружія или добровольное подчиненіе. Обращаясь къ вопросу о причинахъ, обусловившихъ уснѣхи Литвы въ дѣлѣ собиранія западной Руси, мы должны прежде всего отмѣтить національно-политическое объединеніе Литвы, вызванное ея напряженною борьбою съ сосѣдями въ ХІІ и ХІІІ вв., сосредоточеніе ея силь, и наряду съ этимъ политическое раздробленіе западной Руси, раз-

бившейся на отдъльныя земли и мелкія владінія, утратившей политическій центръ, вокругь котораго могли бы группироваться ел силы. Въ такой раздробленной и разслабленной Руси, разоренной къ тому же татарами, . Інтві сравнительно легко было производить свои захваты и завоеванія. Мало того: западно-русскія земли сами должны были идти въ объятія Литвы. Онъ, какъ сказано, утратили политическій центръ, вокругь котораго могли бы группироваться. Между тымь въ XIII и XIV в. множество обстоятельствъ требовали отъ нихъ политическаго единенія, общей жизни, совм'єстной д'ятельности. Со всёхъ сторонъ стали напирать на заподно-русскія земли враги. Съ юга шло перабощение и разорение отъ татаръ; съ съверо-занада напирали нъмецкие рыцари, порабощавшие и насильно крестившие въ латинскую въру; въ XIV в. стало напирать на Русь и молодое Польское королевство, только что возставшее изд развалинь удільной эпохи; а съ востока пошли обиды и разоренія оть усиливающагося Московскаго княжества. При такихъ обстоятельствахъ новообразовавшемуся великому княжеству Лиговскому легко и естественно было стать политическимъ тъломъ, къ которому стали тяготъть западно-русскія земли, тьмъ болье, что съ самаго зарожденія своего оно было не просто Литовскимъ, а Литовско-Русскамъ государствомъ. Это молодое государство, утъсняемое постоянно чъщами Прусскаго и Ливонскаго ордена, чуть не ежегодно совершавшими вторженія ("рейзы") въ предълы Литвы вмъсть съ своими "гостями", т.-е. рыцарями, являвшимися съ запада для спасительныхъ подвиговъ въ средъ язычниковъ и схизмативовь, само должно было въ сильнейшей степени испытывать потребность въ поддержей западно-русскихъ земель, въ расширении своихъ владеній на ихъ счеть. Общее давленіе со всехъ сторонъ естественно должно было, въ концъ концовъ, спаять Литву и западную Русь, соединить ихъ въ одинъ политический союзъ подъ верховною властью великаго князя Литовскаго. Объединеніе западно-русскихъ земель вокругъ Литвы въ извъстномъ смыслъ было только повтореніемъ того, что происходило на той же западно-русской территоріи въ ІХ и началь Х в. Какъ тогда, такъ и теперь, вибшиее давление заставило ифсколько земель, дотолф разъединенныхъ, примкнуть къ сильнейшей, соединиться съ нею въ одинъ союзъ. Ихъ соединенными силами легко были покорены и подчинены общей верховной власти и другія земли, тёмъ болье, что это не противорьчило и ихъ собственнымъ выгодамъ. Объединение западно-русскихъ земель вокругь Литвы было въ сущности возстановленіемъ разрушеннаго политическаго единства кіевской эпохи, нахожденіемъ утраченнаго политическаго средоточія. Разница была лишь въ томъ, что это средоточіе теперь, въ силу историческихъ обстоятельствъ, помъстилось на р. Вилін, а не на Дивпръ, какт это было вы концё IX в. Такимъ средоточіемъ сталь г. Вильна, стольный городъ княженія, заключавшаго въ себ'в восточную Литву и прилегающую къ ней непосредственно Русь. По условіямъ своего географическаго положенія это княжество наименье страдало оть нападеній извив, имело возможность тусто заселиться и стать сильнейшимь въ ряду другихъ литовских княжествь. Стольный городь этого княжества и сталь со времени Гедимина резиденцією великаго князя Литовскаго, который и сталъ называться великимъ княземъ Литовскимъ, Жмудскимъ и Русскимъ.

Литература.

П. В. Голубовскій, Исторія Смоленской земли до начала XV ст. Кієвь, 1895 г. (Кієвскія Упиверситетскія Извѣстія 1895 г.); вышеукомянутые труды по исторія Чернигово-Сѣверской земли Голубовскаго, Багалѣя и Зотова; М. Любавскій, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства. Москва, 1892 г.: Ө. И. Леонтовичь, Очерки по исторія литовско-русскаго права, вып. І.

VII.

Внутренній строй Литовско-Русскаго государства въ ХІУ въкъ.

Общій характерь политическаго объединенія Латвы и западной Руси; симбіозъ поладческихь организацій.—Князья Рюриковичи на своихъ удблахъ; ихъ отношенія къ великому внязю.—Областные князья Гедиминовичи.—Отсутствіе удбльныхъ отношеній въ ихъ средь.—
Обязанности ихъ по отношенію къ великому князю.—Вліяніе Руси на политическій и обшественный быть.

Въ своемъ территоріальномъ образованіи Литовско-Русское государство на сто слишкомъ лёть опередило другое русское государство—Московское. Но это скоросп'єлое объединеніе не выходило столь тёснымъ, какъ объединеніе с'єверо-восточной Руси вокругъ Москвы. Присоединявшіяся къ Литв'є западнорусскія земли и владінія въ большинств'є случаевъ сохраняли свою особность и самобытность, свой внутренній строй, не сливались воедино съ основнымъ государственнымъ ядромъ.

Существовавше въ западно-русскихъ земляхъ князья Рюриковичи по большей части оставались на своихъ мъстахъ и продолжали вмъстъ съ своими боярами править м'встними обществами на положении вассаловъ великаго князя Литовскаго, обязанныхъ ему военною службою, а также я платежомъ дани. Таковы были, напр., князья Лукомскіе, Друцкіе, Вяземскіе, Одоевскіе, Воротынскіе и др. Крупныя западно-русскія земли и княжества получили изъ руки великаго князя Литовскаго его родичей въ качествъ мъстныхъ князей, которые должны были быть у него въ покоръ и послушаніи. Но за исключеніемъ этого-никакихъ другихъ перем'янь не происходило въ положении этихъ земель и кияжествъ. Литва не трогала ихъ старины, ихъ внутренняго уклада и обычая, и литовскіе князья продолжали править ими такъ же, какъ и ихъ русскіе предшественники, и съ тъми же русскими боярами. Такимъ образомъ, напр., князь Новгородка Съверскаго Димитрій - Корибуть Ольгердовичь въ 1388 году приносиль присягу королю и коронъ Польской вмъсть съ своими боярами и земянами, съ своею "доброю радою". Эта рада почти вся состояла изъ русскихъ людей, каковы были: кн. Давидъ Димитріевичъ, кн. Русанъ Плаксичъ, Василій Данильевичъ и т. Д

Прямыя и опредъленныя извъстія о сохраненіи политической старины въ западно-русскихъ областяхъ идуть съ начала XV вѣка, со временъ Витовта. Но Витовть имъть дъло, очевидно, съ установившеюся уже традицією. На сохраненіе политической старины западно-русских земель и вняжествъ указываетъ и территоріальная ихъ неприкосновенность. Въ какихъ мъстностяхъ обыкновенно создавались повыя княженія въ теченіе XIV в.? Во первыхъ, въ предълахъ собственной Литовской земли. Здъсь ко времени объединенія не образовалось крупныхъ территоріальныхъ подраздыеній. Вся Литва, какъ мы видыи, состояда изъ мелкихъ волостей. Поэтому здёсь легко было создавать разнообразныя территоріальныя комбинаціи при образованіи новыхъ княженій, безъ всякой ломки в разрушенія стараго. Во вторыхъ, новыя княженія создавались въ техъ русскихъ земляхъ, которыя раньше распались на множество мелкихъ владъній, вообще разбились и раздробились политически, такъ что и здёсь можно было создавать новыя вняженія путемъ простого сочетанія существующихь, безъ эсобой ломки и разрушенія сложившихся отношеній. Таковы были земля Чернигово-Съверская, Полъсье и отчасти земля Волынская. Наконедъ, новыя вняжества возникали на территоріяхъ, оторванныхъ отъ русскихъ земель силою оружія прежде подчиненія самихь земель. Таковы были, напр., вняжества Мстиславское и Бъльское основанныя на территоріяхъ, оторванныхъ отъ Смоленской земли. Но крупныя и болье или менье пъльныя политическія территоріи, поступившія подъ власть Литвы, обыкновенно не дънились и въ цъюмъ составъ переходили изъ рукъ одного князя въ руки другого. Очевидно, что не смотря на присоединение ихъ къ великому княжеству Лиговскому, въ нихъ такъ еще было много мъстной политической жизни и силы, что литовские князья не считали возможнымъ посягать на ихъ цёлостность и единство, бережно относились къ ихъ политической старинъ. Таковы были русскія земли: Полоцкая, Витебская и Кіевская. Въ Полоцкой земль со времени ея окончательнаго утвержденія за Литвою всегда сидъть одинъ литовскій князь: сначала Воннъ, брать Гедимина, потомъ Андрей Ольгердовичъ, наконецъ Скиргайло Ольгердовичъ. Въ Витебской земль княжили преемственно Ольгердъ, его сынъ Ягайло, затьмъ вдова Ульяна, наконецъ Свидригайло Ольгердовичъ; въ Кіевской землъ-Владиміръ Ольгердовичъ, позже въ XV в. Олелько Владиміровичъ и Семенъ Олельковичъ. Смоленская земля присоединилась къ великому княжеству Литовскому подъ управленіемъ своего великаго князя, признавшаго себя вассаломъ литовско-русскаго государя. Всё эти факты въ общей сложности убъкдають, что Литовско-Русское государство въ XIV в. представляло въ сущности конгломерать земель и владеній, объединенныхъ только подчинениемъ верховной власти великаго князя, но стоявшихъ особнякомъ другъ отъ друга и не сплотившихся въ единое и компактное политическое цьтое. Сильныйшій политическій организмы не поглотиль здысь слабыйтихъ, какъ это было позке на северо-восток Руси, и не претворилъ ихъ

въ своемъ существъ. Литовско-Русское государство въ XIV в. представляло не единый политическій организмъ, а своего рода *симбіоз*ъ нѣсколькихъ политическихъ организацій, и такой характеръ оно удержало отчасти и въ послѣдующее время.

Великокняжеская власть была главнымъ скрѣпленіемъ литовско-русскаго государственнаго союза. Въ этомъ можно наглядно убѣдиться, разсмотрѣвъ отношенія между великимъ княземъ и мѣстными, областными князьями.

Эти отношенія въ литературѣ сплошь и рядомъ опредѣляются, какъ отношенія удѣльныхъ князей къ старшему, великому князю. Высказывается положеніе, что въ Литовско-Русскомъ государствѣ XIV выка господствовала та же самая удѣльная система, что и на Руси сѣверо-досточной. Но это утвержденіе грѣшить черезчуръ большою общностью. Будучи справедливымъ до изыѣстной степени въ отношеніи къ уцѣлѣвшимъ князьямъ Рюриковичамъ, владѣтелямъ мелкихъ княжествь, опо является неправильнымъ въ отношеніи къ князьямъ Гедиминовичамъ, правителямъ крупныхъ областей. Между этими послѣдними и великимъ княземъ въ XIV в. господствовали совершенно неыя отношенія, чѣмъ между Рюриковичами сѣверо-восточной Руси.

Начать съ того, что между ними не происходило окончательнаго дълежа владьній. Правда, Гедиминъ роздаль своимь сыновымь еще при жизни различныя области государства. Но эта раздача не имкла характера выдъла имъ удъловъ: скоръе это была раздача намъстничествъ. Поэтому, когда умираль тоть или другой князь изъ сыновей Гедимина, его княжество не шло въ раздъть между его сыновьями, а иногда и совсъмъ не попадало въ ихъ руки. Чаще всего въ такихъ случаяхъ на отцовскомъ столъ садился одинъ изъ внуковъ Гедимина, а другимъ Ольгердъ назначалъ княженія въ другихъ областяхъ; ибкоторые даже уходили кормиться на сторону. Такимъ образомъ, напр., когда умеръ въ Пинсків Наримунть Гедиминовичъ, то на его месть остался вняжить одинь изъ его сыновей-Михаиль, а другіе ушли на сторону: Юрій держаль одно время Кременець оть князей литовскихъ и короля Польскаго Казимира, а затёмъ былъ княземъ въ Бельзв и Холмв на Волыни; Натрикви быль киндемъ въ Стародубь Съверскомъ, который онъ получилъ отъ Ольгерда и въ свою очередь передаль одному только изъ трехъ сыновей-Александру (двое другихъ убхали служить въ Москву). Изъ сыновей Коріата Гедиминовича, получившаго оть отпа Новгородокъ Литовскій, одинь только Оедоръ остался на отцовскомъ княженіи, а остальные уходили на сторону, княжили на Подольт, а одинъ изъ нихъ Юрій даже въ Молдавіи. Ольгердъ, раздавая вняженія своимъ сыновьямъ, также не придаваль имъ значенія уділовъ. Поэтому и послъ его смерти преемникъ его Ягайло вновь подтверидалъ своимъ братьямъ княженія, полученныя ими отъ отца. По крайней мірь, ны знаемь это объ одномъ изъ нихъ-Андрев Полоцкомъ изъ его же собственнаго признанія. Но у ніжоторых виязей по смерти Ольгерда были отобраны владенія, перешедшія къ нимъ отъ отцовъ. Такимъ образомт, напр., отобранъ быль у кн. Өедөра Любартовича, княжившаго послё отца на Вольны, сначала Луцкъ, а потомъ Владиміръ, въ замѣнъ котораго ему данъ быль Новгородъ Съверскій. Очевидно, следовательно, что областныя княженія не составляли еще удёловь, и князья владёли ими "до воли" великаго князя. И позже, въ XV и XVI в. нужна была особенная грамота великаго князя, гарантирующая потомственное владение княжествомь, чтобы создался удыть. Въ противномъ случай княжество считалось владъніемь до воли великаго князя и отбиралось имъ при первой надобности. Такимъ образомъ, напр., король Казимиръ отобраль у князя Ивана Андреевича Можайскаго Брянскъ, пожалованный ему въ 1450 г., и далъ ему въ замънъ Стародубъ и Гомель. Итакъ, владънія Гедиминовичей въ XIV в. не были еще ихъ удълами. Гелиминовичи княжили въ зависимости отъ великаго князя, который давать имъ княженія, отбирать ихъ, заменяль другими, руководствуясь не чёмъ инымъ, какъ соображениями своей и государственной пользы, а не изебстными правами самихъ князей. Значение удбловъ владенія Гедиминевичей получили позже, въ XV в., когда закончился процессь государственнаго сложенія, упразднены были крупныя областныя вняженів, и остальсь сравнительно мелкія владінія Гедиминовичей и Рюпиковичей. Эти владваія и приравнены быля въ отношеніи принципа отчинности во всемъ другимъ земельнымъ именіямъ. Впервые такое приравніе нашло себ'є общее законодательное выраженіе вы земскомы привилей: Сигизмунда Кейстутьевича 1434 г., гарантировавшемъ ненарушимое владъніе отчинами не только для бояръ, но и для князей. Но возстановлявшіяся въ XV в. крупныя областныя княженія—Волынское, Кіевское по старинь носили характеръ только временныхъ, пожизненныхъ владьній Свидригайда, Оделька и его сына Семена.

Вообще областные князья Гедиминова рода находились въ большой зависимости отъ великато. Уже не говоря о томъ, что они обязаны были являться на помощь великому князю съ ополченіями своихъ земель, они обязаны были вивств съ темъ илатить великому князю известную дань въ знакъ подданства-подданщину. Хронистъ ивмецкаго ордена объясняеть причину похода великаго князя Кейстуга на племянниковъ-Ягайла, кн. Витебскаго, и Корибута, ки. Новгородъ-Съверскаго, тъмъ, что они не заплатили великому внязю своей дани (die em seyne zins hatten uff gehalten). Илатежь в. князю "подданщины" быль болбе или менбе общимъ правиломъ, которому подчинялись накъ князья Гедиминовичи, такъ и русскіе князья Рюрикова рода, уцелевшіе на своихъ родовыхъ княженьяхъ. Акты и хроника Стрыйковскаго констатирують платежь "подданцины" подольскими князьями-Константиномъ Коріатовичемъ и затемъ Свидригайломъ. Договорныя грамоты короля Казимира съ княземь Новосильскимъ и Одоевскимъ Осдоромъ Львовичемъ показывають, что и чернигово-съверскіе князья платили въ казну великаго князи литовскаго "пол'єтнее" (solitum annuum censum, какъ выражается латинская грамота). Есть данныя на то, что и смоленскіе уд'яльные князья вносили въ великожняжескую казну ежегодно опред кленную сумму денегь подъ именемъ посощины. Весьма возможно, впрочемъ, что нѣкоторые областные князья, пользовавшіеся особымъ значеніемъ и милостью у великаго князя, въ родѣ, напр., Кейстута и Скиргайла, не платили этой дани. Но если это было, то было исключеніемъ, а не общимъ правиломъ.

И во внутреннемъ управленій своими княжествами областные князья были до известной степени ограничены. Въ исторической литературе было справедливо отм'вчено, что при Ольгерд'в ни единъ изъ Гедиминовичей, за исключеніемь Кейстута, не пользовался правомь наділять своихъ сыновей или приближенныхъ людей владеніями въ пределахъ своихъ княжествъ. Великій виязь издаваль иногда изв'єстныя распоряженія, обязательныя для всёхъ областныхъ княженій. Такимъ образомъ, напр., 22 февраля 1387 г. Ягайло издаль приказь для всёхъ литовскихъ и русскихъ земель своего государства, чтобы родовитые литвины обоего пола принимали ватолическую въру и вступали въ браки и оставались въ бракахъ съ русскими не иначе, какъ по приязтін тою и другою стороною католической віры. Это распоряжение издано было Игайломъ съ совета и соизволения братьевъ Свиргайла, Владиміра и Корибута. Между тёмь сила его распространялась несомивное и на соласти другихъ кинзей. По крайней мъръ, мы знаемъ, что позже обыватели Витебской земли должны были добиваться оть великаго князя особой гарантіи въ томъ, что онъ не будеть "нудить" въ латинскую втру Литву и Ляховъ, живущихъ въ Витебскт и крещенныхъ въ русскую въру. Великій князь разсматриваль областныхъ князей не какъ владетельных особь, а скорее какь помощниковь и сотрудниковь по управленію великимъ княжествомъ, и потому собираль ихъ къ себф на думу. когда приходилось ръшать важные вопросы вившней политики и внутренняго управленія. Всѣ важнѣйшіе государственные акты XIV и начала XV въка совершены великими князьями при участіи областныхъ.

Такимъ образомъ, не смотря на существованіе особыхъ княженій по областямъ, не смотря на сохраненіе особности и самобытности этихъ областей, Литва и Западная Русь, составляли единый государственный союзъ, скрѣпленіемъ котораго была власть великаго князя Литовскаго.

Русская стихія окончательно возобладала въ этомъ государственномъ союзѣ въ теченіе XIV вѣка. Русскіе порядки, русскія учрежденія, русскій языкъ и вѣра не только не колебались въ собственныхъ русскихъ областяхъ, но распространялись и въ собственной Литвѣ. Князья Гедиминовичи по русскому образну уряжали княжества въ предѣлахъ собственной Литовской земли. Такимъ образомъ, въ княжествахъ Виленскомъ и Троцкомъ появились городишіе, тивуны, конюшіе, ключники въ стольныхъ городахъ, намъстники и тивуны въ пригородахъ и волостяхъ. Нѣмецкія лѣтониси, очевидно, со словъ самихъ литовцевъ стали называть литовскихъ землевладѣльцевъ, княжескихъ дружинниковъ, болрами, а простой народъ смердами. Нѣкорые изъ Гедиминовичей, напр. Наримунтъ и его сыновья, Ольгердъ и др. крестились въ русскую вѣру; нѣкоторые обрусѣвали на столько, что умѣли говорить только по русски, какъ напр. Ягайло. Короче—великое вняжество Литовское въ XIV вѣкѣ стало еще болѣе, чѣмъ

въ XIII в., государствомъ русскимъ, въ которомъ политически господствующая народность подпала подъ духовное и культурное преобладаніе народности подчиненной.

Литература.

Н. Даникевиль, Замътки по исторіи Литовско-Русскаго государства. Кіевъ, 1885 г. Ө. И. Леонтовичь, Очерки по исторіи литовско-русскаго права, вып. 1; Правоснособность дитовско-русской шляхты (Жури. Мин. Народ. Просв. 1908, № 5); М. Любавскій, О распредъленіи владьній и объ отношеніяхъ между великими и другими князьями Гедиминова рода въ XIV и XV в. (Изданія Московскаго Историческаго Общества, том. 1, 1896 г.); вытеупоминавшіеся труды В. Стадницкаго и Вольфа.

VIII.

Внутренніе политическіе кризисы въ Литовско-Русскомъ государствъ въ XIV въкъ и инкерпорація его въ корону Польскую.

Низведеніе Явнута съ великокняжескаго престола.—Договоръ Ольгерла и Кейстута и ихъ совитетная діятельность.—Усобица между Ягайломъ и Кейстутомъ.—Скиргайло, какъ блидайній помощникъ Ягайла.—Военно-политическій характеръ княжеской власти на Литвѣ.—
Борьба Ягайла съ Витовтомъ и другими братьями.—Договоръ 1385 года объ инкорпорадін великаго княжества Литовскаго въ корону Польскую.—Присяга литовско-русскихъ князей на върность коронъ Польской.—Привилей литовскому боярству 1387 года.

Великокняжеская власть, служившая главнымъ скрепленіемъ литовско-русскаго государственнаго союза, въ XIV веке не разъ подвергалась кризисамъ, которыя грозили молодому государству распаденіемъ. Литовско-Русское государство иёсколько разъ собственными силами и средствами преодолёвало свои внутренніе кризисы. Но въ конце XIV века великовняжеская власть оказалась уже въ столь затруднительномъ положеніи, что для спасенія государственной целости и единства должна была решиться на инкорнорацію великаго княжества въ королевство Польское.

Великокняжеская власть очутилась въ критическомъ положени уже по смерти Гедимина (въ 1341 году). Гедиминъ посадилъ на великомъ княжествъ въ Вильнъ одного изъ среднихъ своихъ синовей.—Явнута, котораго онъ болье всъхъ любилъ. Но Явнуть по своимъ личнымъ качествамъ оказался не на висотъ положенія: его перестали слушаться остальные братьм и родственники, вслъдствіе чего молодому Литовскому государству стала угрожать серьезная опасность со стороны нъмцевъ. Потребность во чтобы то ни стало соединиться для борьбы съ внъшними врагами заставила нъвоторихъ братьевъ Явнута войти въ особое соглашеніе для спасенія великокняжеской власти и распадавшагося государственнаго единства. По разсказу древнъйшей литовско-русской лътописи, Явнутъ, "въ большинствъ буди", не полюбился особенно Ольгерду и Кейстуту. Они сговори-

лись свести его съ великаго княженія и особымъ договоромъ опредёлили свои будущія отношенія. Великимъ княземъ признанъ былъ Ольгердъ, а Кейстуть не только самь обязался повиноваться ему, но и другихъ братьевъ приводить въ нослушание. Съ своей стороны Ольгердъ обязался делить съ Кейстутомъ пополамъ все, что они придобудутъ, городъ ли или волость, и быть съ нимъ до живота въ великой любви и милости. Итакъ, авторитетная великокняжеская власть возстановлена била вь Литвъ вследствіе тъснаго союза двухъ литовскихъ князей. Союзь этотъ продолжался до самой смерти Ольгерда, причемъ власть Ольгерда признавалась и вебми другими князьями. Чтобы понять, почему этоть союзь Ольгерда и Кейстуга оказался столь могущественнымъ, необходимо принять во внимание тЕ силы, коими располагали оба брата. Ольгердь владыть по женъ княжествомъ Вимебскима; отъ отца онъ получиль княжество Кревское въ восточной части собственной Литовской земли; после низвержения Явнута въ рукахъ его оказалось и книжество Виленское. Его союзникъ Кейстуть быль едва ли не самымь сяльнымь изь всехь литовскихь князей. Его отець, ценя его военныя дарованія, обнаружившіяся въ борьб'є съ престочосцами, поручиль ему въ управление всю западную окраину своего государства, т.-с. землю Жмудскую, Троцкую половину Литвы, западную половину Черной Руси (Городенскую область) и Подляшие. Такимъ образомъ, союзъ Ольгерда и Кейстуга представляль такое соединение силь, предъ которымъ должны были склониться остальные князья. При томъ же обостренная борьба, которую вело въ это время Литовско-Русское государство съ вибшними врагами, главчымь образомь съ нёмцами, вовсе не располагала отдёльныя его части къ сепаратизму, а наоборотъ -- заставляла ихъ тяготъть къ государственному средогочію, стремиться къ единенію вокругь одного вождя, въ каковой роли естественно и должень быль выступить самый сильный, энергическій и предпріимчивый изъ всехъ князей. До самой смерти (въ 1377 г.) Ольгердъ занималъ властное положение въ государстве, и никто изъ областныхъ князей не пытался отказывать ему въ послушаніи. По смерти Ольгерда положеніе его заняль Ягайло всябдствіе поддержки того же Кейстута. По договору, заключенному между Ольгердомъ и Кейстутомъ, на ихъ мъстахъ послъ ихъ смерти должны были състь ихъ любимые сыновья: на мъсть Ольгерда Ягайло, а на мъсть Кейстуга-Витовть. Такъ какъ изъ договорившихся братьевь умерь раньше Ольгердь, то великимъ княземъ сталь Ягайло, не смотря на то, что Кейстуть быль старше его и пользовался большимъ уваженіемъ и авторитетомъ. Для поддержанія престижа племянника Кейстуть подаваль другимь князьямь примъръ послушанія, подчинялся Ягайлу, какъ великому князю, прівзжалъ въ нему "ко старымь думамь", какъ прівзжаль ранве къ брату старвишему.

Но вскор'в отношенія между племянникомъ и дядею испортились, между ними завязалась борьба, приведшая къ новому кризису великокняжескую власть. Этоть кризись наступилъ вь тоть моменть, когда Кейстуть согналъ племянника съ великаго княженія и самъ сталъ великимъ княземъ: ему отказалъ въ послушаніи ки. Корибуть Новгородъ-С'вверскій, а всл'ядь

затвиъ поднялся и Ягайло, сведенный съ великаго княженія на отчину свою Крево и Витебскъ; даже стольный городъ Вильна вышелъ изъ повиновенія Кейстуту и приняль сторону мятежниковь. Кейстуть наль жертвою этого возстанія. Но и его поб'єдитель Ягайло, снова сд'єлавшійся великимъ княземъ, очутился въ трудномъ положении. Власть его не признали искоторые изъ его братьевь, а именно Андрей Полодкій, Димитрій Брянскій и Витовть, котораго поддерживали ивицы. Чтобы удержаться на великомъ княженін, Ягайло последоваль примеру своего отца и солизился тесно съ однимъ изъ своихъ братьевъ-Скиргайломъ. Скиргайло получилъ отъ веливаго князя Тродкое княженіе и заняль при немъ то же положеніе. которое занималь прежде Кейстуть при Ольгердь, и которое близко подходиле къ положению соправителя. Всё договоры съ иноземными государстрами съ 1382 года заключались отъ имени Ягайла и Скиргайла. Скиргайло сталь правою рукою Ягайла, главною опорою, в благодаря ему Ягайло выдержать первую борьбу съ братьями и усидель на великомъ княженін.

Изъ всего этого явствуеть, что высокое значение великокняжеской власти въ эпоху территоріальнаго сложенія Литовско-Русскаго государства держалось на согласіи, на единеніи старейшихъ князей Гедиминова рода и тъхъ общественныхъ силъ, на которыя они опирались. Это единение въ свою очередь вызывалось напряженною борьбою, которую Литва и соединенная съ нею Русь должны были вести съ своими соседями, и которая требовала единенія силь вокругь одного вождя. Князья, чувствовавшіе въ этомъ особую потребность, не только сами подчинялись великому князю, какъ верховному вождю, но и помогали ему держать въ покоръ и другихъ внязей. Благодаря напряженной борьбь за существование и вняжеская власть Гедиминовичей долгое время носила преимущественно военно-политическій, а не гражданскій характерь. Эти князья являлись вь областяхъ не столько въ качествъ сонаслъдниковъ государства, сколько въ качествъ военачальниковь и правителей, поставленныхъ великимъ княземъ. Областныя вняженія не были еще уділами, а поэтому не могь преуспівать политическій сепаратизмъ, являющійся естественнымъ последствіемъ удельнаго порядка. Военно-полическимъ характеромъ княжеской власти Гедиминовичей объясняется и самый порядокъ замъщения какъ великокняжескаго, такъ и другихъ столовъ. Великое княжение въ семь влитовскихъ князей доставалось въ XIV в. лицамъ, которыя въ данный моментъ были сильнее другихъ по личнымъ качествамъ, благодаря поддержкъ другихъ князей и сочувствію населенія. Въ преемств'в великокняжескаго стола не замътно только дъйствія одного фактора-извыстнаго обычая, извыстнаго права. Точно также и областныя княженія доставались разнымъ князьямъ не по праву или обычаю, а по усмотренію великаго князя, руководившагося при этомъ личными качествами князей, ихъ популярностью среди населенія, соображеніями своей и государственной пользы.

Въ концъ XIV въка наступилъ, однако, новый кризисъ великокияжеской власти, который сталъ угрожать распаденіемъ литовско-русскому государственному союзу. Для предотвращенія его великій князь Литовскій Нгайло сталь искать поддержки на сторонь, вив великаго княжества Литовскаго. Вившиня обстоятельства видвинули благопріятную для того коньюнетуру вь видв унін великаго княжества Литовскаго съ Польшею.

Выше было отмічено, что Ягайло, ставь вторично великимь княземь на Литвь, тесно сблизился съ братомъ своимъ Скиргайломъ и въ единеніи съ намъ старался утвердить и упрочить свою великокияжескую власть. Скиргайло заняль при Ягайль то же самое мысто, какое при отць Ягайла-Ольгерд'я занималь Кейстуть. Скоро обнаружилось, однако, что этого братскаго союза недостаточно для удержанія другихъ князей въ покорности и послушакія великому князю. Дело въ томъ, что мятежные областные князья стали находить себь поддержку и помощь у прусскихъ ивищевъ. Ифицы, доголь истощавшие великое вняжество Литовское отпрытыми нападеніями, послѣ смерти Ольгерда стали домимать его дипломатическими интригами и вывызательствомъ во внутреннія распри. Они старались иль всёхъ силь свять раздоръ и смуту на Литве и такимъ путемъ ее обезсилисать. Они помогли Ягайлу свергнуть съ великаго княженія Кейстуга, но затімь стали помогать уже темь князьямь, которые возставали противь Ягайла, какъ напр., Андрею Полоцкому и Витовту. Последній при ихъ помощи добится оть Ягайла волостей, назначенныхъ ему еще отцомъ, - Городна и Берестья съ ихъ округами. Недовольный темъ, что Ягайло не отдалъ ему Троцкаго княжества его отца, Вптовть не прочь быль снова войти въ союзъ съ нъмпами и силою отстанвать свои нарушенныя права. Ягайлу и Скиргайлу уже не подъ силу становилось вести борьбу заразъ и съ вившними, и съ внутренними врагами. При такихъ обстоятельствахъ Ягайло и пришель въ решенію жениться на польской королевъ Ядвигъ съ тъмъ, чтобы обезпечить себя и великое княжество польскою помощью какъ противъ нёмцевъ, такъ и противъ мятежныхъ братьевъ. Какъ велика была нужда въ этой помощи, показываютъ письменныя обязательства, данныя Ягайломъ польскимъ посламъ въ Кревъ 14 августа 1385 года. Ягайло обязался принять католическую вфру со всфии своими братьями и родственниками, знатимми и простыми людьми отъ мала и до велика, выложить свою казну на нужды Польши и въ частности на возвращение отторгнутыхъ отъ Польши земель, заплатить бывшему жениху Ядвиги неустойки 200 т. флориновъ, выпустить пленицув христіанъ на волю и навсегда присоединить свои земли къ коронъ Польской. Едва ли эти обязательства продиктованы были простымъ честолюбіемъ Ягайла, желавшаго сділаться польскимь королемь. Какъ самое сватовство Ягайла, такъ и выдача имъ перечисленныхъ обязательствъ, состоялись по совъту Ягайла съ матерью своею, великою киягинею Ульяною, и съ нъкоторыми братьями — областными князьями, Скиргайломъ, Корибутомъ, Лингвеньемъ и друг. Очевидно, что не личные только питересы Ягайла, но и государственные настойчиво рекомендовали такой именно образь действій. Такъ и состоялась первая унія великаго княжества Литовскаго съ Польшею, закрышенная бракомь ихъ государей. Унія эта, следовательно, была порождена не одинии только вибшиними причинами, на которыя принято

обикновенно указывать въ данномъ случаћ, но и внутренними, коренившимися въ самомъ строћ молодого Литевеко-Русскаго государства, въ шаткомъ и необезпеченномъ положеніи великокняжеской власти. Въ единеніи съ Польшею Ягайло стремился не только обезопасить свое государство отъ общаго врага Польши и Литвы—нѣмдевъ, но и укрѣпить свое положеніе въ великомъ княжествѣ Литевскомъ и спасти его отъ разложенія.

На какихъ же основаніяхъ устроплось это первое соединеніе великаго княжества Литовскаго съ Польшею? Отвечая на этоть вопросъ, приходится констатировать, что унія 1385—1386 г. не была ни персональною, ни династическою, а инкорпорацією великаго княжества въ королевство Польское. Принимая Польскую корону, Ягайло присоединиль къ ней на въчныя времена свои литовскія и русскія земли. По смыслу даннаго имъ въ Кревь обязательства индивидуальное существование великаго княжества Литовскаго прекращалось совершенно, и оно сливалось съ короною Польскою вь одно политическое тело. Воть почему вследь за коронацією Ягайла въ Краков'в со всёхъ литовско-русскихъ киязей взяты были присяги на вірность королю, королеві и короні Польской. Эти князья стали теперь лененками, вассалами Польши, и потому естественно должны были присягать на вфриость своему новому отечеству. Поэтому и литовскіе бояре-католики получили вскоръ затъмъ, въ 1387 году, права, одинаковыя съ поляками. Они стали теперь подданными одного съ поляками государства, и потому уравнение ихъ въ правахъ съ поляками было и логическою, и реальною необходимостью. Только такимы путемъ можно было ввести ихъ въ польскую соціально-политическую организацію и привязать ихъ къ новому отечеству. Унія 1385—1386 г. была, следовательно, такая же государственная, какъ п унія 1569 года, а въ пдев даже поливе сливала оба государства въ одно целое, чемъ унія 1569 года, не уничтожившая вполнъ индивидуальности великаго княжества Литовскаго.

Но одно д'єло—нам'єренія, другое—ихъ выполненіе. Ягайло оказался не єъ состояніи выполнить въ точности своихъ обязательствъ передъ поляками и соединить Литву съ Польшею въ одно государство.

Литература.

Кромѣ трудовъ Стадинцкаго, бликайшими пособіями являются: Шайноха, Ядвига и Ясайло, пер. Кеневича, т. І—И. Сиб., 1880 г.; Stanislaw Smolka, Kiejstut i Jagiełło. Kraków 1888 (Pamiętnik Wydziału filologicznego i historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności, tom VII); Dr. Feliks Koncczny, Jagiełło i Witold, cz. 1. Lwów 1893; Stanislaw Smolka, Rok 1386. Kraków 1886; Fritz Boldt, Der deutsche Orden und Littauen 1370—1386 (Altpreussische Monatsschrift 1873, V—VI Heft); Dr. Robert Krumbholtz, Samaiten und der Deutsche Orden bis zum Frieden am Melno-See. Königsberg in Pr. 1890; A. Lewicki, Powstanie Swidrygiełły, Kraków 1892 (Rozprawy i sprawozdania z posiedzień wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności w Krakowie, tom XXIX).

IX.

Возстановление великаго княжения на Литвъ подъ суверенитетомъ Польской короны.

Старанія Ягайла и поляковъ примирить лиговенихъ князей и бояръ съ инкориорацією великаго княжества Лиговенаго и ихъ безусившность. — Агитація Виговта и возстаніє въ Литвъ. — Островеное соглащеніе 1392 года о назначеніи Витовта пожименнымъ великимъ княземъ. — Подтвержденіе этого соглащенія на сеймѣ 1401 года. — Усиленіе Витовта и стремленія нѣмцевъ поссорить его съ Ягайломъ и Иольшею. — Городельскій сеймъ 1413 года и новый договоръ Польши и Литвы; окончательное возстановленіе великаго княженія на Литвѣ подъ суверенитетомъ Польской короны.

По смислу договора, заключеннаго Ягайломъ съ польскими панами, въ Литвъ не должно было быть отдъльнаго великато князя. Такъ и было на первыхъ порахъ по заключеній уній. Ягайло убхаль въ Польшу и оттуда сталь править великимь княжествомъ, совътуясь въ важивищихъ вопросауъ съ окружавшими его польскими предатами и панами. Но вскоръ онъ долженъ быль делегировать высшую власть на Литвъ и назначить для нел отдъльнаго великаго князя. Къ этому вынудило его возстаніе пъкогорыхъ князей и литовскаго боярства.

Съ цёлью примирить князей и бояръ съ инкорпораціею великаго вняжества Ягайло старался всячески ихъ ублаготворить и наградить. Такъ, онъ увеличилъ владение своего брата Скиргайла, бывшаго его главною поддержкою и опорою и до заключенія унін. Въ 1387 году онъ придаль ему къ Троцкому вняжеству еще Полоцкое, отнятое у Андрея Ольгердовича, Минскъ и рядъ другихъ волостей на "Руси" Литовской. Въ выданной по этому случаю грамоть Ягайло обязался не отнимать у Скиргайла его владеній, не слушать и не давать веры лихимъ людямь, которые будуть доносить на Скиргайла, держать его выше всей братьи и слушать его больше, чёмъ другихъ, никому не давать въ обиду и т. д. Кромё того, Ягайло старался умиротворить своего главнаго противника на Литве Витовта и въ 1387-мъ году даль ему Луцкую землю въ добавление къ прежнимъ его владеніямъ. Бояръ, какъ уже было сказано, Ягайло старался ублаготворить дарованіемъ правь и вольностей польской шляхты въ томъ же 1387 году. Но всёхъ этихъ средствь оказалось недостаточно для удержанія литовскихъ князей и боярь въ послушанін и вёрности новому отечеству-Польшв. Ягайло и его ближайшіе советники, инкорпорирун веливое княжество, очевидно, слишкомъ легко смотрели на такое дело, какъ внезапная потеря страною своей политыческой самостоятельности и са-

Въ свое время нами было отмъчено, что въ составъ боярскаго класса на Литвъ вошли многіе крупные землевладъльцы, пользовавшіеся властью и вліяніемъ въ мъстныхъ обществахъ до образованія великаго княжества и послъ того. Эти знатные и сильные люди вмъсть съ второстепенными

и мелкими литовскими и русскими князьями въ общей сложности составляли крупную политическую силу. Пока великій князь съ своими ближайшими родственниками правильно служили интересамъ Литовско-Русскаго
государства, эти князья и бояре охотио подчинялись имъ и служили вѣрою и правдою. Но унія съ Польшею заставила ихъ измѣнить свое поведеніе. Эта унія уничтожила самобытность великаго княжества Литовскаго, сдѣлавшагося частью Польши, и оттѣснила отъ великаго князя на
задній планъ его прежнихъ слугь, замѣнивъ ихъ поляками. При такихъ
условіяхъ эти слуги должны были почувствовать и сознать, что унія принесла имъ не братскій союзъ съ поляками, а политическое униженіе и
порабощеніе виѣстѣ съ нарушеніемъ существенныхъ матеріальныхъ интересовъ, связанныхъ съ службою своему государю. Недовольство превратилось въ открытый мятежъ, руководство которымъ взялъ на себя Витовтъ,
раздраженный тѣмъ, что Ягайло не отдаль ему Троцкаго княжества и не
выдать инсьменнаго документа на пожалованное незадолго передъ тѣмъ

княжество Лупкое.

Виговть, улучивъ моменть, когда Свиргайло Ольгердовичъ, бывшій главною опорою своего брата на ЛитвЪ, увлаль въ пожалованный ему Полоцкъ, собралъ къ себъ многихъ князей и бояръ литовскихъ и началъ передъ ними печаловаться по поводу того, что чужестранцы завладъли великимъ княжествомъ. Князья и бояре съ полнымъ сочувствіемъ отнеслись къ сътованію Витовта и положили на совъщаніи овладъть Вильною. Такъ началась новая борьба въ великомъ княжествъ, въ которой приняли участіе по обычаю и нізмцы. Витовть нашель всеобщее сочувствіе и поддержку въ населеніи велинаго княжества, ибо выставиль на своемъ знамени возстановление независимости великаго княжества. Его войска всюду находили на Литвъ и Жмуди дружественный пріемъ; имъ подвозили вдоволь всякихъ събстныхъ припасовъ-муки, мяса, корма для лошадей и т. д. Для спасенія своей власти въ великомъ княжествѣ Ягайло ввель польскія войска и разставиль польскіе гарнизоны чуть не по всёмь городамъ великаго княжества. Но жители, соединяясь съ войсками Витовта, нападали на польскіе отряды и истребляли ихъ. Въ конц'в концовъ Ягайло увидалъ себя въ необходимости пойдти на уступки. Онъ попытался было отдёлить жью литовцевь отъ дъла Витовта и удовлетворить однихъ литовцевъ. Последовало назначение брата его Вигунта-Александра, кн. Керновскаго, великимъ княземъ Литовскимъ. Но Вигунтъ какъ разъ въ эте самое время умеръ, и Ягайлу по неволъ снова пришлось считаться съ Витовтомъ. Посовътовавшись съ Скиргайломъ, Ягайло ръшилъ помириться съ Витовтомъ и саблать его великимъ княземъ на Литвъ. Это примирение состоялось на събзде въ Острове 5 августа 1392 года, на которомъ участвовала и королева Ядвига въ качествъ представительницы интересовъ польской короны.

На этоть разь Ягайло отдаль Витовту Троцкое княжество его отца и сверхъ того пожаловаль ему ибсколько другихъ державь и имфий. Но главное—приняль его къ соучастію въ управленіи государствомъ, вручивъ ему великое княженіе на Литев и русскихъ землихъ по конецъ его жизни.

Съ своей стороны Витовть обязался стоять неотступно при королъ, коронъ и земянахъ королевства Польскаго и выдаль въ этомъ же смислѣ особую запись королевь Ядвигь, какъ наследниць королевства Польскаго. Условлено было, что по смерти Витовта всв его владвијя перейдуть подъ непосредственную власть польскаго короля, за исключеніем техъ, которые Витовть, съ согласія короля, выділить брату своему Сигизмунду съ обязанностью повиноваться и служить королю подобно всты другимъ литовскорусскимъ князьямъ; кромъ того король обязался за себя и своихъ преемниковъ не лишать жены Витовта Анны, техъ именій, котория мужъ назначиль ей въ качествъ пожизненнаго "въна." Изъ всего этого видно, что Островское соглашение 1392 года, не измѣнял Кревскаго договора 1385 года въ принципъ, внесло въ него существенную поправку и дополнение въ интересахъ великаго княжества Литовскаго. Оставаясь соединеннымь неразривно съ Польшею, великое кляжество пріобратало теперь извъстную автономію, по крайней мере, на время жизни Витовта, которому въ качествъ великаго князя предоставлялась болъе самостоятельная роль, чемъ простому наместнику короля. Въ формулировие акта 1392 года поляки старались затушевать это значение Острозского соглашения и изложили дело такинь образомь, что Ягайло взиль себе только товарища по управленію своимь соединеннымь государствомь и въ этомь единомь и нераздывномъ государствы выдынить ему для ближайшаго завыдыванія извъстную часть его, т. е. бывшее великое княжество Литовское. Но по существу дѣла нельзя не признать, что Островское соглашеніе 1392 года положило начало возстановленію независимости и самобытности великаго вняжества Литовскаго. Факть этоть быль результатомъ вмёшательства второстепенныхъ литовскихъ князей и бояръ. Это било ихъ дело, въ которомъ они наглядно показали свою общественную силу и политическое значеніе.

Получивь великое княжение на Литвь, Витовть на первыхъ порахъ держался действительно товарищемъ-соправителемъ Ягайла. Во всёхъ важныхъ делахъ онъ спрашиваль согласія Ягайла. Такимъ образомъ, напр., съ согласія Ягайла онь вывель изь областей кинзей Владиміра, Корибута и Свидригайла Ольгердовичевь, Оедора Любартовича и Оедора Коріатовича, которые не захотъли подчиняться ему, какъ великому князю. Ягайло часто прівзжаль въ Вильну и сообща съ Витовтомъ издаваль разныя распоряженія, касающіяся Литвы Въ письмахъ къ великому магистру Прусскаго Ордена Ягайло хвалилъ Витовта за рвеніе и в'фриость королю, проявлявшіяся имъ въ управленіи и расширеніи его королевских владьній (circa gubernacionem et ampliationem dominiorum nostrorum). Но такая политическая идиллія продолжалась сравнительно недолго и обусловливалась въ значительной степени тактомъ Ягайла, огносившагося въ Витовту не какъ къ своему вассалу и подчиненному, а какъ къ равноправному товарищу. Пость уничтоженія областныхъ княженій Витовть почувствоваль себя полнымъ хозянномъ въ великомъ княжествъ, и стоило только задъть его самолюбіе, дать ему почувствовать, что онъ не самостоятельный государь, а вассаль и ставленникъ Польши, чтобы онъ круго изміниль свое

огношеніе къ Польш'в и сталь держать себя, какъ государь самостоятельнаго и независимаго государства. И не удивительно: за Витовтомъ стояли литовскіе князья и бояре, вся литовская земля, которан не желала поступаться своею самостоятельностью. Въ 1398 г., въ бытность короля Ягайла въ Вильнъ, въ Польшъ процесся слухъ, что Ягайло хочетъ совершенно сравнять съ собою Витовга и дать ему титулъ короля. Польскіе паны, а еще болье агенты Ордена, всически старавшагося разорвать унію Литвы и Польши, научили королеву Ядвигу потребовать отъ Витовта дани, такъ какъ мужъ ел записаль ей будго-бы Русь въ качествь въна. Это требование страшно возмутило Витовта. Онъ собраль своихъ бояръ и спросиль ихъ, желають ли они быть данниками Польши, при чемъ прочель имъ грамоту Ядвиги. Буря негодованія разразилась тогда въ сов'єть литовскихъ бояръ, которые заявили, что они ничении данниками не быди и не будуть. Витовть сталь готовиться къ борьбъ съ Польшею. Онъ заключиль союзъ съ Орденомъ, при чемъ собственною властью, не спрашиваясь Ягайла, уступиль Ордену часть земель великаго княжества. Вы договоръ постановлено было, что Орденъ обратится за утвержденіемъ этой уступки къ Ягайлу лишь при томъ условіи, если это Витовту не будеть непрілтно. Договоръ быль подтверждень при личномъ свиданіи Витовта съ магистромъ на островъ Салинъ 12 окт. 1398 года. Витовть пріъзжаль съ множествомъ дитовскихъ внязей и бояръ. Когда по окончании переговоровъ магистръ пригласилъ всъхъ въ себъ на пиръ, то произошель интересный эпизодъ. Бояре литовскіе и русскіе провозгласили Витовта королемъ. Хотя это провозглашеніе и не им'єю посл'єдствій, такъ и осталось застольнымъ эпизодомъ, но хорошо характеризуеть настроеніе Литвы и Руси по отношенію въ Польшъ, даеть знать, что унія Польши и Литвы была фактомъ сомнительной прочности.

Такту Ягайла Польша обязана была тёмъ, что не произошло разрыва съ Литвою. Ягайло игнорировалъ происшедшее и обходился съ Витовтомъ такъ, какъ будто бы никакихъ недоразумбий между ними не было. Очень можеть быть, что онъ колебался, не зналь, что ему делать. что предпринять, и искаль руководства въ обстоятельствахъ. Темъ временемъ подоспълн событія, которыя снова закръпили узы, готовыя уже было разорваться. Витовть потериклъ страшное поражение отъ татаръ на р. Ворскив и должень быль смириться. Противь Виговта сталь обнаруживать непрілзненные замыслы Свидригайло, незадолго передъ тымъ освободившийся изъ заключенія. Опасность со стороны Свидригайла была тімь значительніве, что онъ усп'єть сд'єтаться уже популярнымь у русскихъ людей великаго вняжества. Все это заставляло Витовта поневол'є искать сближенія съ Ягайломъ и поляками. Съ другой стороны, въ 1399 году умерла королева Ядвига, и Ягайлу, державшемуся въ Польш' въ качеств ея супруга, стала угрожать опасность лишиться Иольской короны. По крайней мере, мы знаемъ, что опасенія на этоть счеть у него были. Эти опасенія имѣли свое основаніе въ томъ, что Ягайло не выполниль точно своихъ обязательствъ передъ Польшею и не слилъ съ нею въ единое политическое

тело великое княжество Литовское. Чтобы возстановить свое пошатнувшееся положеніе, Ягайло и сталь хлопотать о поновленіи унів Литвы съ Польшею, дабы разсвять всякія сомнічнія поляковь на этоть счеть. Въ данномъ случав съ нимъ долженъ быль вполив сходиться и Витовть, которому не могла улыбаться перспектива возвращенія въ Литву государя, посадившаго его вивсто себя на великомъ княжении. Все это и побудило Игайла и Витовта поновить договоры упін ч такимь образомь обезнечить другь друга. Въ 1401 г. Витовтъ подтвердилъ грамотою объщание сохранять върность и покорность королю и коронь Польской, снова призналь, что нослы его смерти великое княжество должно перейдти не къ кому иному, какъ только къ королю Польскому и его преемникамъ. По его примъру присяту въ върности принесли и другіе литовскіе князья. Для болье прочнаго скрыпленія унін привлечено было и литовское болрство, проявившее себя къ этому времени крупною политическою силою. Литовские предаты, князья, бароны и знатные люди, собравшіеся въ Вильні, за себя и всю знать и обывателей великаго княжества Литовскаго объщали королю Польскому и панамъ никогда не покидать ихъ, не помогать имъ и оборонять ихъ отъ всьхъ враговъ, стеречь ихъ добро, какъ свое собственное; далье письменче же признали, что по смерти Витовта великое княжество должно возвратиться снова къ королю Польскому Владиславу и его преемникамъ, оговоривъ только при этомъ, что въ случав бездвеной смерти короля Ягайла поляки не выберуть себъ короля безь предварительнаго соглашенія съ ними и Витовтомъ, буде онъ останется еще въ живыхъ. Такимъ образомъ, н Виленскій акть 1401 г. подтверждаль сліяніе Литвы съ Польшею въ одно государство, подтверждаль, что унія между ними должна оставаться навсегда, даже съ прекращениемъ литовской династи на польскомъ престолъ.

Новую фазу въ отношеніяхъ Польши и Литвы знаменуеть собою договорь уніи, заключенный въ 1413 году на Городельскомъ польсколитовскомъ сеймъ. Новый договоръ понадобился вслъдствіе перемънъ, совершившихся къ тому времени во внутреннемъ и вибинемъ положении великаго княжества. Къ этому времени великое княжество Литовское успѣло уже оправиться оть последствій пораженія на Ворскле, возстановило свой престижъ среди татаръ и заняло твердое и внушительное положение на Руси. Витовть, какъ и прежде, до битвы на Ворский, сталъ вифиниваться въ борьбу происходившую въ Ордъ между разными претендентами на ханскій престоль и вліять на ея исходь въ интересахъ великаго княжества. Смоленская земля, выбившаяся было изъ подъ власти реликаго князя Литовскаго, вновь была покорена и отдана въ управление литовскимъ нам'естникамъ; съ книжествами и землями съверо-восточной Руси, т. е. съ Новгородомъ, Исковомъ, Москвою и Рязанью послъ нъкоторыхъ столкновеній заключены были большею частью благопріятине для великаго килжества Литовскаго договоры. Посл'в Грюнвальденской поб'єды, которая принесла равную честь и Польшев, и великому княжеству Литовскому, последнее сделалось крупною политическою величиною и въ мибији запада. Съ Витовтомъ завязалъ непосредственныя сношенія императоръ Спгизмундъ; съ Витовгомъ же сносился чаще всего и Орденъ, хлопотавшій о миръ, прямо или черезъ посредство императора. Самосознание великаго князя Литовскаго н его ближайшихъ сотрудниковъ и помощниковъ по управленію-князей и боярь подъ впечатленіемь всего этого должно было повыситься, а это должно было въ свою очередь сказаться и въ большей независимости и самостоятельности ихъ государственной политики. И хотя въ общемъ Витовть держаль себя корректно въ отношении къ Игайлу, какъ своему сюзерену, темъ не менте его поведение въ отдельныхъ случаяхъ возбуждало въ полякахъ тревогу и опасенія. Эти опасенія питались и безпрестанными происками нъмпевъ, изо всъхъ силь стремившихся разорвать унію Польши и Литвы. Въ этомъ направлении дъйствовали не только должностныя лица и агенты Прусскаго и Ливонскаго Орденовъ, но даже самъ императоръ Сигизмундъ. Во время диплематического събзда въ Кезмаркъ въ 1410 году онъ предлагаль Ентовту возвести его вы королевское достоинство, освободить оть всякой зависимости оть Польши и оказывать ему въ случа в нужды помощь противъ Ягайла и всёхъ другихъ враговъ. Всё эти "возни н махинаціи, " направлевныя къ расторженію уніи Литвы и Польши, побудили поляковъ позаботиться о новомъ ея подтвержденія и скрышленіи, тыть болье, что отношенія къ нымцамь посль Торунскаго мира 1411 года прогрессивно ухудшались и вели къ неизбъжной войнъ. Такъ создался акть унін 1413 года.

Согласно измёнившимся обстоятельствамы поляки вы этомы актё должны были сублать новую существенную уступку литовской самостоятельности. Въ разсматриваемомъ актъ уже нъть упоминанія, что по смерти Витовта великое княжество Литовское поступаеть подъ непосредственную власть короля Ягайла или его преемниковь. Городельскій акть говорить только о томъ, что по смерти Витовта литовскіе паны п шляхта (barones et nobiles) никого не изберуть и не возьмуть себъ въ великіе внязья, кром'в того, кого признають подлежащимъ избранію и поставленію король Ягайло или его преемники и предаты, паны и шляхта королевства Польскаго. Съ своей стороны и польскіе прелаты, паны и шляхта объщали въ случав прекращенія рода Ягайла не выбирать никого въ короли безъ въдома и совъта великаго князя Литовскаго, предатовъ, пановъ, и шляхты великаго княжества Литовскаго. Такимъ образомъ Городельскій акть предполагаль что Литва, оставаясь въ неразрывномъ соединеніи съ Польшею, всегда будеть имъть особаго великаго князя, котораго будеть облекать властью король Польскій. При такихъ условіяхъ п унія 1385—1386 г. жакъ будто бы оказывалась ненарушенною. Составители акта Городельской уніи, желая подчеркнуть это съ особою сплою, вложили въ уста Ягайла н Витовта всѣ глагоды, какими только можно было обозначить сліяніе обонхъ государствъ въ одно. Ягайло и Витовть заявляли въ документахъ, что свои земли, коими они полноправно, непосредственно и посредственно владели и владеють до сихъ поръ, какъ законные государи, они вновь инкорпорирують и виёдряють въ королевство Польское, присвоивають ему,

объединяють и соединяють съ нимъ, связывають союзомъ и навсегда скръпляють, по волъ, одобренію и согласію пановъ и шляхты великаго княжества.

Итакъ, полное сліяніе Литвы съ Польшею, предусматривавшееся договоромъ 1385 года, фактически не осуществилось. Уже по Островскому соглашенію 1392 года, подтвержденному затьмъ Виленскимъ догочоромъ 1401 года, Литва добилась того, что Ягайло утвердиль Витовта пожизненнымъ великимъ княземъ на Литвъ и тъмъ до извъстной степени признать особность и самобытность великаго княжества Литовскаго. На Городельскомъ сеймъ 1413 года Литва получила гарантіи того, что и по смерти Витовта, она будетъ имъть особыхъ великихъ князей и останется и впредь особымъ государствомъ, состоящимъ только подъ суверенитетомъ польскаго короля.

Изъ всей уніи 1385—1386 г. остался, такимъ образомъ, одинъ только суверенитеть польскаго короля. Но и этоть результать не надо оп'бникать слишкомъ низко. Провозглашевіе и признаніе польскаго суверенитета надъ Литвою сділалось юридическимъ основаніемъ ноздибійнихъ польскихъ домогательствъ въ отношеніи великаго княжества, приведшихъ при благопрінтныхъ обстоятельствахъ къ реальной уніи обоихъ государствъ.

Литература.

A. Барбашевъ, Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы (1410 г.). Спб. 1885; его же, Витовтъ, постѣднія дваддаль лѣтъ вняженія (1410—1430). Спб. 1891; J. K. Kochanowski, Witold, wielki książę Litewski. Lwów 1900; Antoni Prochaska, Szkice historyczne z XV wieku. Kraków i Warszawa 1884; Władysław Iagiełło, t. I, II. Kraków 1908; St. Smolka, Szkice historyczne, Serya pierwsza, Warszawa 1882; A. Lewicki, Powstanie Swidrygiełły, Kraków 1892.

X.

Возвышение великокняжеской власти при Витовть.

Упраздненіе крупных областных княженій въ Литовско-Русском государствь.— Новая организація областного управленія и старина областей.—Увеличеніе великокняжеских до-ходов.—Возвышеніе внутренняго и внышняго престижа великаго князя Литовскаго.—Луцкій съёздъ.

Возстановленная на Литвѣ великокняжеская власть, проигравь отъ уніи съ Польшею во внѣшнемъ своемь значеніи, много вынграла во внутренней своей силѣ. Опираясь на своего сюзерена—Польскаго короля съ одной стороны, на боярство Литовской земли съ другой, великій князь Литовскій консолидироваль свое государство, упрочиль и возвысиль въ немъ свою власть. Этотъ результатъ стояль въ связи съ упраздненіемъ областныхъ княженій въ Литовско-Русскомъ государствь.

За время борьбы за великокняжескій престоль, происходившей по смерги Ольгерда, областные князья, по всёмъ даннымъ, въ значительной степени эмансипировались отъ власти великаго князя. Пока шла борьба, великіе виязья, находившіеся въ данное время у власти, не могли осуществинть полностью своихъ правъ, своей власти въ отношении къ областнымъ князьямъ. Съ прекращеніемъ борьбы за великое княженіе, съ утвержденіемъ на великокняжескомъ престоль эпергичнаго и властнаго Витовта, обстоятельства измінились, и при томь не вь пользу областных внязей. Витовть чувствораль, что за нимь, кромь Польскаго короля, стоить мощная сила большинства мелкихъ князей и крупныхъ литовскихъ бояръ, помогавшихъ ему въ достиженіи великаго княженія. Поэтому онъ энергически сталь предъявлять къ областнымъ князьямъ требованіе "покоры" и послушанія. Результатомъ было почти всеобщее возстаніе областных, князей противъ Витовта. Но такъ какъ они дъйствовали въ одиночку, порознь, то и Витовтъ легко справился съ матежомь. Прежде другихъ подиялся противъ Витовта внязь Новгородка Съверскаго Димитрій-Корибуть, который некогда возставаль и противь отца Витовгова и отказываль ему въ платеже дани. Корибуть съ своимъ войскомъ вторгся даже въ глубь Литвы, но потерпътъ пораженіе и должень быль быль быль вы Новгородокь, гдё и захвачень быль въ плень съ женою и детьми. Витовть отослаль пленника въ Ягайлу въ Польшу. Вслёдъ за Корибутомъ отказалъ въ "покоръ" Витовту и Кіевскій князь Владимірь Ольгердовичь. Последній отвазался идти въ походъ вмёсть съ Витовтомъ противъ Подольскаго князя Оедора Коріатовича, который отдался въ подданичество Венгерскаго короля. Но когда Витовтъ взялъ Житомпръ и Овручъ, Владиміръ прібхаль къ Витовту и покорился ему. Витовть пока оставиль его въ Кіевь, но спустя нъкоторое время вывель его изъ Кіева и даль ему Копыль, а въ Кіевь перевель изъ Полоцка Скиргайла Ольгердовича, который, впрочемъ, вскоръ умеръ. Өедоръ Коріатовичъ также лишился своей области и, взятый въ пленъ, посаженъ быль въ заключеніи. Вптовть присоединиль къ великому княжеству восточное Подолье, т. е. Побужье, уступивъ западную часть Ягайлу. Витовгъ кромъ того вывель изь Витебской земли Свидригайла Ольгердовича, самовольно вопияжившагося въ Витебскъ по смерти своей матери, в. княгини Ульяны. Изъ Волынской земли Витовть вывель въ 1393 году остававшагося тамь Владимірскаго внязя Федора Любартовича и даль ему взамінь Владиміра Новгородовъ Съверскій, гдь тоть, впрочемь, недолго оставался, убъжавь въ Венгрію. Такимъ образомъ, Витовть упраздниль крупныя областныя княженья въ Полоцив, Витебсив, Смоленсив, Новгородив Северскомъ, Кіевь, на Волыни и Подольъ. Изъ прежнихъ значительныхъ князей Гедиминовичей остались только князья въ Метиславлъ и Пинскъ; остальные правили въ сравнительно мелкихъ территоріяхъ, принадлежали къ разряду волостныхъ, а не областныхъ князей.

Описанное крушеніе системы областных княженій въ свою очередь имѣло важныя послѣдствія во внутрешнемъ развитін Литовско-Русскаго государства. Прежде всего благодаря ўпраздненію областныхъ княженій

савлало некоторые успехи внутрениее объединение Литовско-Русскаго государства. Правда, что и послъ упраздненія княженій управленіе областями сосредоточивалось преимущественно въ ихъ стольныхъ городахъ и велось великокияжескими намъстниками при дъятельномъ участіи областного барства, какъ это было и при князьяхъ. Выводя князей изъ различныхъ облыстей великаго княжества и самая на ихъ мъсто своихъ намъстниковъ, Витовтъ во все остальномъ не трогалъ "старины" областей, которыя по премнему сохраняли свою особность и внутреннюю самобытность. Объ этомъ говерять какъ нѣкоторыя свидътельства лѣтописей, такъ и позднъйшие пригалеи областей. Но при всемъ томъ нельзя не признать, что съ упраздненіемъ областных вняженій затянулись крівиче узы, соединявшія области веливаго вняжества въ одно политическое цѣлое. Хотя и при областанхъ княжахъ государственный союзь великаго книжества Литовскаго, какъ мы видыи, такъ или иначе держался, но при всемъ томъ не разъ проявлялась и тенденція въ распаденію государства. Поставляемые великимъ княземъ областные князья по самой природъ вещей склонны были переходить къ роли самостоятельных в государей, что совпадало и съ приверженностью самихъ областинув обществу ак особности и политической самобытности. Ира помоши своихъ нам'ястниковъ изъ бояръ великій князь могь криче держать области въ своихъ рукахъ, чъмъ при помощи областныхъ князей. И это тыть болье справедине, что съ упразднениемь областныхы княжений веляковняжеская власть сама по себъ стала сильнье, чъмъ была прежде, стала обладать гораздо большими матеріальными рессурсами для поддержанія внутренняго единства и пълостности государства.

Здесь на первомъ плане надо поставить умножение казны великаго внязя и вообще его финансовыхъ средствь. До упраздненія областныхъ жняженій великій князь кром'є обычных княжеских доходовь съ областей, находившихся подъ его непосредственнымъ управленіемъ, получаль еще осторю подать со всего государства, называвшуюся по латыни contributio, tributum. Эта подать по отдельнымы м'естностямы государства носила разныя назганія. Въ собственной Литвъ и на Руси, въ земляхъ Полодкой и Витебской она слыла подъ именемъ серебряной дани, или серебщины; въ землѣ Смоленской и частью на Полесье-подъ именемъ посощины; въ Чернигово-Северской землъ-подъ именемъ поголовщины; въ Кіевской и Волинской землъподъ именемъ подымщины и поволовщины. Эту именно подать подъ именемъ "поданщины" и вносили областные князья великому, собирая ее въ предыахь своихь книженій сь населенія всьхь земель — княжескихь, болрскихъ и церковныхъ (имънья католическаго духовенства были освобожлены оть уплаты этихъ податей уже въ концъ эпохи областныхъ княженій. Съ упраздненіемъ областныхъ княженій въ распоряженіе великаго князл поступили и тъ доходы, которые прежде пли областнымъ князьямъ. Тадовы были: разнообразныя поземельныя подати деньгами и натурою, т. е. фань грошовая, медовая, бобровая, куничная, бёлочья, лисья, хлёбная, или по литовски дякло, мясная, или по литов. мезлева, и т. д.; разноображия таможенныя пошлины, или мыта, и другіе торговые сборы; судебныя пени, или вины, и т. д. Всё эти подати и пошлины платились князьямъ не только смердами, жившими на княжескихъ собственно земляхъ, но и населеніемъ земель боярскихъ и церковныхъ, за исключеніемъ, быть можетъ тёхъ, которые были изъяты изъ этого по особымъ пожалованьямъ. Большое подкрёпленіе получилъ великій князь и съ доходовъ отъ княжескаго хозяйства.

Сельское хозяйство князей вь русскихъ областяхъ было давнишняго происхожденія. Изв'єстно, что еще въ XII в. русскіе князья устранвали на незанятыхъ земляхъ сельскохозяйственныя усадьбы, на которыхъ селили свою челядь, заставляя ее нахать пашию, косить свио, стеречь стада и исполнять разныя другія работы подъ надзоромь особыхъ тічновъ. Съ теченіемъ времени, когда вияжескіе переходы прекратились, князья осёлись по мъстамъ, а хозяйство ихъ получило большее развитіе, -- и къ работамъ на княжескихъ усадьбахъ, поляхъ и угодьяхъ привлечены были въ помощь челяди дворной свободные земледельцы, жившіе по близости оть этихъ усадебь. Подобное же вняжеское хозяйство развилось и на Литвь, и даже еще болбе, чемъ въ западноруссеихъ областяхъ. Вся Литва и отчасти даже Жмудь покрылись княжескими дворами и дворцами, въ которычь проживала княжеская челядь, кормился клижескій скоть и хранились различные сельскохозяйственные продукты и инвентарь. Эти дворы и дворцы были центрами хозяйства, развивавшагося на окрестныхъ пахатныхъ земляхъ, лугахъ, лъсахъ и водахъ. Часть этихъ дворовъ и дворцовъ Гедиминовичи унаслъдовали оть своихъ предковъ и устраненныхъ ими мелкихъ князей, а часть устроили сами на земляхъ, не занятыхъ боярами и смердами. Къ работамъ по своему хозяйству литовскіе князья приставили рабовь, которыхь доставляли имъ война, рынокъ, преступность, а также естественный приплодъ. Сверхъ того они обложили барщинными повинностями и свободных в смердовъ, жившихъ по близости оть ихъ дворовь и дворцовь. Такимъ путемъ вокругъ княжескихъ дворовъ и дворцовъ появились княжеские тяллые люди, конюхи, конокормцы, кобыльники, стадники, кухари, садовники, рыболовы, бортники, осочники, ловцы, сокольники, бобровники, псарцы и т. д. Повинности, наложенныя на свободныхъ смердовь въ связи съ развитіемъ княжескаго хозяйства, въроятно, уже тогда же породили тъ ограниченія свободы передвиженія крестьянь, съ которыми мы встрічаемся поздніве. Візроятно, уже въ XIV в. существовали "извъчные", "селянитые" "засъдълые" крестьяне, которые были людьми "непохожими", т. е. не имъющими права свободнаго ухода съ своихъ земель, наряду съ людьми несвободными въ собственномъ смыслъ, челядью и паробками (eigene итмецкихъ документовъ XIV в.). Развитіе княжескаго хозяйства въ великомъ княжествъ повело даже въ тому, что на помощь княжескимъ рабамъ и людямъ стали привлекаться и владёльческіе, боярскіе, люди. Съ упраздненіемъ областныхъ княженій всі княжескіе дворы и дворцы съ полями, угодьями, челядью, скотомъ и инвентаремъ скопились въ рукахъ великаго винзя. Для заведыванья своимъ хозяйствомъ, а также для суда и управы надъ мъстнымъ населеніемъ и для сбора доходовъ великій князь посажаль по этимъ дворамъ и дворцамъ своихъ намъстниковъ и тивуновъ. Великокинжеские намъстники и тивуны

разсажены были и по такимъ волостямъ, гдѣ не было княжескаго хозяйства, каковы были, напр., такъ называемыя Поднѣпрскія и Задвинскія волости. Въ этихъ волостяхъ они уже не были въ роли дворцовыхъ прикащиковъ, а въ роли только судей и сборщиковъ деходовъ. Черезъ руки всѣхъ этихъ должностныхъ лицъ великій князъ сталъ получать неизмѣримо большіе доходы, чѣмъ прежде. Сверхъ того, съ упраздненіемъ областныхъ княженій увеличилось количество пустыхъ земель и угодій, находившихся въ непосредственномъ распоряженіи великаго князя, на которыхъ онъ могъ развивать дальше свое собственное хозяйство, или которыя онъ могъ раздавать за службу разнымъ лицамъ. Такимъ образомъ, возросло матеріальное могущество великаго князя.

Этоть рость въ свою очередь обусловиль и усиление великокняжеской власти, какъ политического фактора. Великій князь, получивъ подъ свою непосредственную власть множество военнаго и должностного люда, получиль выбеть съ тымь возможность оплачивать его услуги, а слъдовательно и пользоваться ими въ своихъ и государственныхъ цъляхъ. Внутрепнее усиление великаго князя Литовскаго, переда которымъ покорно склонились всё уцёлёвшіе князья, въ свою очередь повело въ значительнымъ успъхамъ во вившней политивъ и подилло престикъ великаго княжества при Витовтв на небывалую дотоль высоту. Любопытны повазанія одного современника о томъ, какъ много значилъ Витовть у себи дома и за границей въ концу своего великокняженія. Въ 1428 году Вптовть совершать объёздъ своего государства. На дороге въ нему присоединился шуть его Генне, состоявшій тайнымъ агентомъ Ордена. Воть что онъ писаль между прочимъ великому магистру: "Я прибыль къ великому князю во время его четвертой стояным на пути отъ Троко до Смоленска. Доставлено ему во время похода 2700 коней, не считая тёхъ, которые ему еще имъють доставить въ Смоленскъ. Князь Сигизмундъ, когда великій князь прибыль въ его край, доставилъ ему десять коней, а когда приняль его въ замкъ, доставиль двести коней; а кроме того поднесь вы подарокь дорогіе меха, соболи и много татарскихъ денегъ; миъ Сигизмундъ подарилъ шелковый платокъ. Затемь побхаль въ Свидригайлу; этогь князь доставиль девяносто коней, много мёховь, соболей и много другихъ подарковъ. Потомъ поёхаль въ вамовъ Минскъ, куда прибыло много татаръ съ южныхъ границъ Литовскаго государства, и они привезли въ даръ коней, верблюдовъ, стрълы к много другихъ подарковъ. Далъе двинулись къ одному замку, гдъ князь посадиль своего воеводу; тоть доставиль 150 коней, мёха п деньги; жена его и дъти поднесли большіе подарки. А когда мой господинь, великій внязь, отправился далье, Рязанскій великій князь вышель на встрьчу вмёстё съ пятью другими князьями, съ княгиней и съ огромной массой людей. Они принесли ему присягу въ подданствъ и дали много подарковъ, коней, собольи мёха и татарскія монеты. Затёмъ другіе князья и паны, его воины, встрвчали насъ, доставляя по 30, 20, другіе по 12, 10, 5, 6, 8 коней, собольную мёховы и денегы, такы что трудно было бы все это записать. А особенно дарили моей госпожь, великой княгинь... Знайте еще,

что у великаго князи были и посольства изъ Великаго Новгорода, Москвы, Смоленска, и постоянно все прівзжають къ нему послы: отъ Татарскаго царя, оть Турецкаго султана и отъ многихъ другихъ христіанскихъ и нехристіанскихъ князей. Пріёзжають они съ богатыми подарками-трудно быле бы вев ихъ описать, разскажу о томъ устно, когда возвращусь". Прівать Рязанскаго князя и другихъ пяти князей объясняется темь, что въ предшествующемъ году, когда Витовгъ объезжалъ восточныя области своего государства, къ нему явились великіе киязья Рязанскій, Передславскій, Пронскій, Новосильскій, Одоевскій и Воротынскіе, об'єщали ему върность и послушание и поднесли большие подарки-золото, серебро, коней и соболиныя шубы. Объ этомъ сообщаль самъ Витовть вь письмъ къ великому магистру, и это сообщение вполнъ подтверждается и договорными грамотами внязей Ивана Оедоровича Рязанскаго и Ивана Владиміровича Прояскаго. Въ этихъ грамотахъ они давали письменное обязательство Витовту служить ему върно, безъ хитрости, помогать противъ недруговъ и не заключать ни съ къмъ договоровъ безъ его воли, выговариван для себя неприкосновенность своихъ удбловъ. Такимъ образомъ власть великаго князя Литовскаго распространилось даже на Рязанскую землю. Нагляднымъ выраженіемъ могущества Витовта является и събздъ къ нему европейскихъ государей въ Луцкъ на предполагавшуюся коронацію Витовта и для совъщанія объ общеевропейскихъ ділахъ, главнымъ образомъ о церковныхъ распряхъ, раздиравшихъ тогда христіанскій міръ, и о борьбъ съ турками. Въ Луцкъ прівзжали къ Витовту: императоръ Сигизмундъ, король Польскій Ягайло, магистры Прусскій и Ливонскій, панскій легать и византійскій посоль, великій князь Московскій, Тверской, Рязанскій, князья Одоевскіе, послы оть короля Датскаго, изъ Новгорода, Пскова и даже изъ Орды. Самая мысль о вънчанін королевскою короною была признаніемъ величія и могущества великаго князя Литовскаго какъ со стороны его самого, такъ н со стороны императора.

Литература.

Кром'я трудовъ, указанныхъ въ предшествующемъ очеркъ, ближайшими пособіями могутъ послужить: книга М. В. Довнаръ-Запольскаго—Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ. Кіевъ 1901 г. (Кіевскія Университетскія Изв'єстія 1901 г.); О. И. Леонтовича—Очерки исторіи литовско-русскаго права, вып. 1; М. Н. Ясинскаго—Уставным земскія грамоты Лятовско-Русскаго государства, Кіевъ 1889 (Кіевскія Университетскія Изв'єстія 1889 г.); И. Б. Якубовскаго—Земскіе привилен веливаго княжества Литовскаго (Журн. Мин. Нар. Просв. 1903, № 4,5).

XI.

Соціально-политическіе результаты уніи съ Польшею; привилегіи литовскаго боярства.

Нэбирательная великокняжеская власть. — Ел ограниченія по привилею 1387 года; личныя и имущественныя права боярь-католиковь. — Политическое возвышеніе лятовскаго боярства при Виговть. — Сословно-политическія права боярь-католиковь по привилею 1413 года; преграды для развитія монархическаго абсолютизма. — Облая опытка вліянія унін на сопідльно-политическое развитіе Литовско-Русскаго государства.

Усиленіе великовняжеской власти въ Литовево-Русскомъ государствъ, происшедшее въ послъднемъ десятильтіи XIV-го и въ первой четверти XV въка, не повело, однако, къ установленію наслъдственной и неограниченной монархіи въ этомъ государствъ. Причинъ этого надо искать отчасти въ отсутствіе у Ветовта сыновей, но главнымъ образолъ въ политическихъ обстоятельствахъ и общественныхъ условіяхъ, въ связи съ которыми совершилось вышеуказанное возвышеніе великокняжеской власти.

Это усиленіе произошло въ то самое время, когда установилась унія великаго княжества Литовскаго съ Польшею. Но эта унія, какъ мы уже видѣли, предполагала замѣщеніе великокняжескаго стола по избранію литовцевь съ согласія польскихъ пановь и короля Польскаго. Такимъ образомъ, устанавливалась въ будущемъ не наслѣдственная, а избирательная великокняжеская власть. Съ другой стороны, привилегіи, выданныя литовскому боярству послѣ установленія уніи съ цѣлью ублаготворить его и расположить къ уніи, поставили извѣстныя ограниченія великокняжеской власти и укрѣпили сильную соціально-политическую позицію, занятую въ то время литовскимъ военно-служильную классомъ, или боярствомъ.

Начало этому положено было, впрочемъ, еще до возстановленія великаго княженія на Литві привплеемъ 1387 года. Этогь привилей гарантировать всёмь литовскимь боярамь, принявшимъ католическую вёру, въ непосредственныхъ владеніяхъ Ягайла и вь области Сапргайла, право неотъемлемаго владенія и свободнаго распоряженія своими отчинными имъніями, свободу въ выдачь своихъ дочерей и родственниць замужъ, а вдовамъ-право оставаться на имънь мужа до смерти или вторичнаго выхода замужъ, после чего именье должно отходить къ детямъ или родственникамъ покойнаго мужа. Сверхъ того, привилей освобождалъ названныхъ бояръ отъ всякихъ барщинныхъ работъ по дворцовому хозяйству и обявываль ихъ только военною службою и участіемь вь постройкі и починкі государственныхъ крѣпостей. Въ общемъ всѣ эти привилегіи и льготы клонились къ обезпеченію изв'єстнаго праворого положенія; изв'єстной независимости литовскаго боярства въ отношении къ господарю великому князю и его брату. Особенно важно было вы данномъ случав освобождение отъ барщинныхъ повинностей по дворцовому хозяйству. Нельзя не признать,

что вивств съ этимъ уменьшалось вившательство княжеской администрація въ жизнь боярскихъ вивній, и населеніе этихъ имвній связывалось теснве съ ихъ владельцами, чемъ прежде.

Но настоящимъ родоначальникомъ своихъ правъ и вольностей литовцы считали впослѣдствіи привилей Городельскій, выданный въ 1413 году по случаю новаго подтвержденія уніи. Этоть привилей обезпечиваль не только вмущественныя и личныя, но и сословно-политическія права высшаго слоя литовскаго боярства, оформливаль и утверждаль не только общественное, но и политическое значеніе, которое успѣло къ тому времени пріобрѣсти литовская боярская знать.

Литовское боярство, какъ мы уже видели, проявило себя крупною политическою силою въ реставраціи великаго вняженья на Литвь. Кто помогь Витовту добиться оть Ягайла уступки велидаго княженья на Литвъ въ 1392 году?-Второстепенные литовско-русскіе князья, а главнымъ образомъ литовское болрство, въ высшей степени недовольное уничтожениемъ самостоятельности веливаго княжества. Съ возстановленіемъ веливаго княженья на Литв' политическое значение литовского боярства поднялось еще выше. Этоть факть стояль вь связи съ упразднением областныхъ княженій, которое произошло всл'єдь за возведеніемь Витовта на великое кимженіе. Большая часть литовскаго боярства сгруппировалась теперь вокругь одного вождя и, объединенная, стала еще большею политическою силою, чьмь прежде. Съ устраненіемъ областныхъ князей литовскіе знатные бояре заняли ихъ мъста при великомъ князъ, сдълались его главною опорою и поддержкою, преимущественными советниками и сотрудниками какъ въ будничной правительственной работь, такъ и въ ръшени чрезвычайныхъ и особо важныхъ вопросахъ государственной жизни. Знатные литовскіе бояре наполнили думу, или, какъ она стала называться, раду великаго князя, оттъснивъ на задній планъ уцъльвшихъ князей. Они же преимущественно стали назначаться на должности великокняжескихъ намъстниковъ въ областяхъ. Сгруппировавшись вокругъ великаго князя, котораго они возвели на престоль, расширивши свою политическую дъятельность на все государство, литовские бояре должны были до известной степени почувствовать себя хозяевами государства, вершителями его судеба. Когда Витовть заключиль съ Прусскимъ магистромъ сенаратный договорь на островъ Салинъ въ 1398 г., то находившіеся при немъ литовскіе бояре наравнъ съ внязьями дали ручательство въ томъ, что Витовтъ и его преемники будуть исполнять договорь, и дали обязательство приводить ихъ къ тому убъжденіемъ и даже дъломъ. Такую силу они сознавали за собою. Но, очевидно, что эта сила признавалась за литовскимъ боярствомъ и на стуронь, если магистрь счеть нужнымь внести въ договорь съ Ягайломъ такое обязательство. Еще яснъе сказалось это признание политическаго значенья за литовскимъ боярствомъ въ 1401 г. Когда попадобилось Ягайлу и Витовту поновить унію, они не ограничились уже одними записими на вфрность Польше самого Витовта и другихъ князей, но привлекли къ делу подтвержденія унін и литовскихъ бояръ. Съ этою цёлью въ началі 1401 г.

ихъ собрали въ Вильит на сейму. Въ одинъ день съ Витовтомъ литовскіе предаты, князья, паны, шляхта и всё земяне (terrigenae) земель литовскихъ и русскихъ дали отъ себя письменныя обязательства въ соблюдении уніи. По смыслу договора, заключеннаго въ 1401 г., литовскіе бояре и впредь должны были участвовать въ разръшени важныхъ попросовъ, вытекавшихъ изъ унін обоихъ государствь: поляки обязались въ случав бездетной смерти Ягайла не избирать себъ новаго короля безъ въдома и совъта Витовта, предатовъ, князей, пановъ, пляхты и всёхъ земянъ великаго княжества Литовскаго. Но еще определените призналъ политическія права за литовскимъ боярствомъ привилей 1413 года. Этотъ привилей прямо устанавливаль участіе литовскихъ предатовъ, "пановъ" и "піляхти" въ совивстныхъ совъщаніяхъ съ поляками объ избраніи будущихъ королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ. Привилей предполагалъ также участіе литовскихъ предатовъ, пановъ и пляхты въ совъщаніяхъ великаго князя о государственныхъ делахъ великаго княжества (pro bono publico). Сопоставляя эти статьи Городельского привилен съ фактами, имъвшими мъсто въ промежуть времени отъ 1387 до 1413 года, видимъ, что эти статьи были не чемь инымь, какъ юридическимъ закрепленіемъ действительнаго положенія вещей.

Но разъ за боярскою знатью признано было столь высокое политическое значеніе, великокняжеская власть оказывалась въ изв'єстной зависимости отъ этого боярства и во всякомъ случать ставилась въ необходимость дъйствовать въ важныхъ дѣлахъ совм'єстно и сообща съ этимъ боярствомъ.— Выданные этому боярству привилен сдѣлались своего рода основными законами великаго княжества Литовскаго, которыя поставили великокняжескую власть въ опредѣленныя рамки, исключили ея развитіе въ напракленіи абсолютизма.

Теперь мы можемъ подвести итоги тому, что внесла на первыхъ порахъ въ жизнь Литовско-Русского госудорство его унія съ Польшею и оцвинть до извъстной степени историческое значение этого факта. Въ исторической литературь нерыдко высказывалось мивніе, что унія съ Польшею повернула, такъ сказать, исторію Литовско-Русскаго государства въ новомъ направленіи. Это утвержденіе приходится принять съ большими оговорками и ограниченіями. Конечно, принятіе католицизма и постоянное политическое и житейское общение съ Польшею открыли дорогу вліянію нольской вультуры на жизнь Литовско-Русскаго государства, усвоенію идей и формъ польской государственности. Но самое содержание для этихъ формъ давалось внутреннимъ развитіемъ Литовско-Русскаго государства. Танимъ образомъ, не унія съ Польшею установила впервые избирательность великоеняжеской власти на Литвъ. Мы видъли, что и въ XIV в. великовняжескій престоль замінался не по праву или обычаю, а по договорамь и соглашеніямъ князей при поддержив стоявшаго около нихъ боярства. Унія запръпила этоть порядокъ, ввела въ него большую опредъленность, большую правильность, правом'врность. Не унія съ Польшею создала вліятельный и могущественный классь литовского панства. Генезись этого

класса мы выследили при самомы образованіи великаго княжества Литовскаго. Но упія съ Польшею принесла этому классу права и привилегіи нольской шляхты и такимъ путемъ оформила юридически его положение, заврепила и усилила пріобретенную имъ соціально-политическую позицію. Не унія съ Польшею создала литовскіе сеймы. Зародышь ихъ надо видіть вь техь совещаніяхь, которыя великій князь имель съ другими князьями и литовскими болрами въ важныхъ случаяхъ въ XIV веке. Но унія опять таки оформила, закръпила фактъ юридически. Не унія создала раду, или сенать великаго князи Литовскаго; предшественницею его была дума литовско-русскаго государя. Но унія уподобила до изв'єстной степени эту думу польской королевской радь, или сенату. Городельскій привилей 1413 года создаль высшія должности — воеводь и каштеляновь по польскому сбразну: ноявились при великомъ князъ Литовскомъ маршалки земскій и дворный: ябкоторые намбетники, какъ напр. Жмудскій, получили польское названіе "староста". Всв эти лица стали членами господарской рады, или антовскаго сената. Въ общемъ, такимъ образомъ, можно признать, что унія великаго вняжества Литовскаго съ Польшею, оказавъ поддержку самому существованию великаго княжества, какъ государственнаго союза, закръпила виъстъ съ гъмъ результаты его предшествующаго соціальнополитическаго развитія и оформила ихъ, наложивъ на нихъ клеймо нольской государственности.

Съ изданіемъ Городельскаго привилея литовскіе знатиме бояре достигли наивысшаго значенія въ Литовско-Русскомъ государствъ. Плотнымъ кольцомъ окружили они своего господаря великаго князя, котораго возвели на престоль, следались его обычными советниками и сотрудниками и стали пользоваться его милостими предпочтительные переды князьями и боярами другихъ земель великаго княжества. Витовть сталь сажать своими намъстниками даже по русскимъ областямъ великаго княжества знатныхъ литовскихъ бояръ, или, какъ они стали называться теперь по польскому примъру, пановъ; съ ними же пренмущественно сталъ ръшать важнъйшіе государственные вопросы въ своей думѣ или радъ, и на общихъ съездахъ нли сеймах. По своему политическому значеню литовское высшее боярство стало брать верхъ даже надъ уцълъвшими литовскими и русскими внязьями. По свониъ владеніямъ князья были удалены отъ государственнаго пентра и развивавшейся въ ней политической жизни, имъли мало единенія другь съ другомъ и общихъ интересовъ и соединялись не столько съ тъмъ, что группировалось вокругь великаго князя, сколько съ областными землевладельцами. Между темъ литовская боярская знать наобороть-сопвалась по своимъ служебнымъ отношеніямъ къ центру, около котораго сосредоточивалось и ен землевладение, и, все более и более сбликаясь въ центре и проникаясь общими интересами, консолидировалась въ правительственный классъ Литовско-Русскаго государства. Въ рядахъ этого класса нашли себъ постоянное мъсто католические бискупы ведикаго княжества-Виленский, Луцкій и Берестейскій, Мідницкій, или Жмудскій, Кіевскій, для которыхъ учреждены канедры при Ягайль и Витовть.

Но всё эти привилегіи, полученныя литовскимъ боярствомъ, внесли въ вёдра Литовско-Русскаго государства національно-политическій антагонизмъ между Литвою и поделастною ей Русью, антагонизмъ, который быль причиною сильныхъ внутреннихъ потрясеній этого государства послё смерти Витовта, въ тридцатыхъ и частью сороковыхъ годахъ XV вёка.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-Русскій сеймъ. Москва 1901.

XII.

Національно-политическая борьба внутри Литовско-Русскаго государства въ тридцатыхъ годахъ XV въка и ея результаты.

Недовольство русских в князей и бояръ привилегами. Лятвы; дерковная рознь и вражда при Витовтъ.—Вопросъ о Литовскомъ королевствъ; натянутыя отношения литовдевъ съ поляками и сближение съ русскими. Смерть Витовта и избрание Свидригайла великимъ княземъ.—Возвышение русскихъ князей и бояръ.—Примирение литовдевъ съ поляками и возведение на великое княженье Сигизмунда Кейстутьевича. Возобновление уни и привилей 15 окт. 1432 года.—Борьба русскихъ земель съ Литвою подъ знаменемъ Свидригайла.—Привилей 6 мая 1434 года.—Побъда Сигизмунда; подтверждение старины русскихъ земель.—Уравнение князей съ боярами въ правахъ и вольностяхъ.

. Установившимся послѣ Городельской уніи порядкомь не могли быть довольны многочисленные русскіе князья и бояре великаго княжества. Какъ православные, схизматики, они по новому закону не допускались до занятія высшихь должностей вы государстьь, до участія вы совыть великаго князи и въ ръшени важнъйшихъ государственныхъ вопросовъ, близко затрогивавшихъ интересы не только Литвы, но и встхъ другихъ земель великаго княжества. На основаніи Городельскаго привилея русскіе люди устранялись даже и оть избранія великих виязей, которое должно было производиться высшимъ католическимъ боярствомъ Литвы съ въдома и совъта польскихъ предатовъ, пановъ и шляхты. Русскіе князья и бояре не получили ни имущественныхъ, ни личныхъ гарантій, ни техъ льготь въ податяхъ и повинностяхъ, какія получили литовскіе бояре. Воинствующій католицизмъ воздвигъ цёлую стёну между литовскимъ боярствомъ и русскимъ, пробудиль національную вражду къ Литвъ, которой не замъчалось прежде. Въ 1387 году 22 февраля новообращенный Ягайло издалъ указъ, воимъ предписивалось вевмъ литовцамъ знатнаго рода, проживающимъ на Литвъ и Руси, принимать католическую въру и запрещалось вступать въ бракъ съ русскими, которые не пожелають перейдти въ католическую въру. Русскій или русская, вступившіе въ бракъ съ литовцами, обязывались непремынно переходить вы католическую выру поды страхомы ты-

лесныхъ наказаній. Конечно, такой указъ не могъ не породить горькаго чувства въ православномъ населенін великаго княжества. Браки между литовцами и русскими были не ръдкость, особенно въ высшихъ классахъ. Теперь русскіе люди, вступившіе въ бракъ сь литовцами, должны были разстаться съ своею греческою вурою и принать чуждую, латинскую, которую они уже со времень Ярослава привывли считать неправою. Тоть, вто не быль обязанъ къ этому, долженъ быль бользненно сознавать униженіе, оскорбленіе православной вёры подобнымъ указомъ. Правда, впоследствін Виговть и Ягайло всически старались смягчить національнорелигіозный антагонизмъ и хлопотали объ ній православной церкви съ римскою, для чего посылали на Констанцскій соборъ митрополита Григорія Цамблака съ некоторыми западнорусскими епископами. Но эти хлопоты не увънчались успёхомъ. Все это въ общей сложности должно было настроить русскихъ людей великаго книжества, книжей и боиръ, противъ Литвы и ен правищаго класса, породить въ нихъ желаніе діятельно вмішаться въ политику центра и повернуть ее въ направленіи, болье благопріятномъ для ихъ интересовъ. Но пока быль живъ Витовть русскіе люди мало что могли сділать по этой части. Вигоеть опирался не только на собственную Литву, но и на Польшу, какъ это было, напр., въ дътъ подавленія мятежей областныхъ внязей. Почти до самого конца великовняженія Витовта отношенія между правящею Литвою и поликами были въ общемъ дружественныя, и они дъйствовали заодно въ вопросахъ внъшней и внутренней политики, чему доказательствомъ служать совмъстная борьба съ Орденомъ, общіе съ'взды для решенія такихъ напр., вопросовъ, какъ принятіе чешской короны отъ гусситовъ, заключеніе мира съ Орденомъ, принятіе міръ противь распространенія гусситской ереси, противъ мазовецкаго князя Земовита, выбивавшагося изъ послушанію королю п т. д. Русскіе люди получили бозможность сь усп'єхомъ вм'єтться въ устроеніе государства только по смерти Витовта. Благопріятнымъ обстоительствомъ для этого послужиль разрывь правящей литовской знати съ Ягайломь и поляками, который заставиль самихъ литовцевъ пойдти на встречу къ русскимъ людямъ и привлечь ихъ къ участію въ решеніи стоявшихъ на очереди государственныхъ вопросовъ.

Разрывъ правящей Литвы съ Польшею начался еще подъ конецъ великокняженія Витовта. Изв'єстно, что Витовть задумалъ в'єнчаться королевскою короною. Въ этомъ нам'єреніи, внушенномъ со стороны, Витовта усердно поддерживали прелаты, князья и бояре Литовской земли. Коронація великаго князя ставила Литву на равную доску съ Польшею и поднимала Литву изъ униженія, въ какое она попала благодаря уніи. Ягайло, уступая настоякіямъ императора Сигизмунда на съ'єзд'є въ Луце'є, сначала далъ было свое согласіе на коронацію Витовта, но по оть'єзд'є императора посп'єшиль взять свое согласіе назадъ. Въ письм'є къ Витовту онъ объясняль, что коронація не об'єщаеть ничего хорошаго и можеть послужить только причиною раздора между Польшею и Литвою, ибо литовцы, возгордившись, по смерти Витовта могуть, пожалуй, выбрать себ'є новаго государя помимо

поляковъ. Этотъ отказъ привель въ негодованіе Витовта и литовцевъ, которые рѣшились устроить во чтобы то ни стало коронацію, не обращая вниманія на Ягайла и поляковъ. Но такъ какъ этотъ актъ грозиль имъ разривомъ съ Польшею, то они поспѣшьли сблизиться съ русскими князьями и боярами и привлечь ихъ къ участью въ торжествѣ коронаціи. Поэтому въ назначенному дню коронаціи съѣхалось много князей и бояръ не только изъ Литвы, но и Руси. Но имъ не пришлось быть свидѣтелями коронаціи. Поляки перехватили корону, которую везли Витовту послы императора Сигизмунда, и престарѣлый Витовтъ умеръ, не дождавшись ея (1430 г.). Собравшимся князьямь и боярамъ взамѣнъ коронаціи пришлось участвовать въ избранія новаго великато князя. Ягайло не прочь быль отъ того, чтобы взять великое княженіе на Литвѣ въ свои руки. Но литовцы, раздраженные предшествующимъ поведеніемъ поляковъ, и слышать не хотѣли объ этомъ. Русскіе князья и бояре, пользуясь возникшимъ раздоромъ, выставили своего кандидата на великое княженіе—Свидригайла Ольгердовича.

Свидригайло уже давно сталь популярною личностью въ русскомь населенін великаго винжества. Это быль безполойный, неугомонный человыкь, давнымь давно стремпвшійся състь на великомь княженью. Онь въсколько разъ возставалъ противъ Витовта, териълъ неудачи и платился изгнаніемъ и даже тюремнымъ заключеніемъ. Гдё-гдё онъ на перебываль въ теченіе своей многомятежной жизни. Онъ быль княземъ въ Витебскъ, въ восточномъ Подольт, въ Стародубт и Брянскт, въ Черниговт, Новгородъ Съверскомъ и Трубчевскъ. Во время своихъ скитаній Свидригайло пріобрѣлъ себѣ множество друзей и пріятелей среди русскихъ князей и боярь. Неутомимо стремясь въ великокняжескому престолу, Свидригайло занскиваль у всёхъ и дружиль со всёми, кто могь быть ему полезнымь. Русскихъ людей онъ привлекаль къ себъ своею щедростью, гостепримствомъ и расположениемъ, какое оказывалъ ихъ въръ и обрядамъ, котя самъ и оставался все время католикомъ. Неудивительно поэтому, что русскіе люди горою стояли за Свидригайла и готовы били жертвовать для него всёмъ. Когда умеръ Витовть, русскіе князья п бояре предложили его въ великіе кинзья. Литовскимъ панамъ послѣ разрыва ихъ съ Польшею не оставалось иного выбора, и они, скръин сердце, приняли кандидатуру Свидригайла, котораго до сихъ поръ гнали и преследовали.

Возведеніе Свидригайла на великое княженіе било первымъ ударомъ, нанесеннымъ порядку, созданному Городельскимъ привилеемъ 1413 г. Это возведеніе совершилось не только помимо воли Ягайла и польскихъ пановъ, но и съ участіемъ русскихъ людей, которое не только не предусматривалось, но прямо исключалось Городельскимъ привилеемъ. Собраніе 1430 года, избравшее Свидригайла, не было сеймомъ польскихъ и литовскихъ прелатовъ, пановъ и шляхты, а собраніемъ литовскихъ и русскихъ князей и бояръ, предвозвѣстникомъ позднѣйшаго "великаго вальнаго сойма" всѣхъ земель великаго княжества. Въ этомъ собраніи наглядно сказалось сближеніе литовской правящей знати съ князьями и боярами русскихъ земель. Но вскорѣ эти союзники разошлись.

Свидригайло, возведенный на великое княжение при поддержкъ князей и бояръ русскихъ земель в. княжества, опирался на нихъ и въ управленіи своимъ государствомъ. Его "върная рада" состояла не изъ однихъ только католиковъ-литовцевъ, но и изъ схизматиковъ-русскихъ. Онъ не держался точки зрвнія Городельскаго привилея, утверждавшаго, что различіе вброиспов'язній можеть порождать политическія разногласія и оглашеніе того, что должно храняться въ тайнъ. Православные русскіе люди участвовали и на сеймахъ при ръшени важныхъ государственныхъ вопросовъ въ родъ, напр., заключенія оборонительно-наступательнаго союза съ Прусскимъ Орденомь противъ Польши. Свидригайло сталь назначать русскихъ людей и на разныя должности, которыя согласно привилею 1413 г. должны были отдаваться только литвинамъ-католикамъ. Въ январъ 1432 года бискупъ Краковскій Збигн'явъ Олесиннкій писаль въ кардиналу Юліану Цезарини, что Свидригайло во всемъ слушается русскихъ схизматиковъ и роздалъ имъ всъ важивищие замки и уряды, чего не было при покойномъ Витовтъ, нбо въ актахъ унін Литвы съ Польшею выразительно гарантировано, что русскіе схизматики не будуть никогда держать замковь на Литвь и не будуть допускаться до государственных в совыщаній. Итакъ, политическій перевысь оть собственной Литвы сталь уже склоняться на сторону подчиненной ей Руси. Свидригайло не только пренебрегаль литовскою знатью, но и сталь расточать на нее свои опалы, на которыя онь быль щедрь во хмелю. А это было его обычное состояніе. Все это заставило литовскихъ пановъ примириться съ поляками и въ союзѣ съ ними устранить Свидригайла съ великаго княженія. *

Свидригайло быль быльмомъ на глазу у поляковь, которое они жаждали во что бы то ни стало снять. Мало того, что онъ вокняжился самовольно, безъ ихъ води и согласія: онъ не отдаваль имъ западнаго Подолья. Это Подолье Ягайло отдаль въ 1411 г. Витовту въ пожизненное владение. Когда умеръ Витовтъ, и разнеслась въсть о вокняжении Свидригайла, польскіє паны поспъшили прогнать литовскихъ намъстниковъ изъ подольскихъ городовь и занять ихъ своими гарнизонами. Но литовцы считали Подолье землею великаго княжества и ни за что не хотъли поступаться имъ. Свидригайло задержаль въ Литвъ короли Ягайла, прівхавшаго къ нему для инвеституры его на великое княжение (Ягайло и поляки старались хотя бы такимъ признаніемъ совершившагося факта спасти унію Литвы съ Польшею) и отпустиль его только тогда, когда Ягайло послаль приказъ начальникамъ польскихъ гарнизоновъ на Подольъ сдать города литовцамъ. Польскіе паны, однако, не послушались и Свидригайлу пришлось выбивать ихъ отгуда сплою, въ чемъ онъ отчасти и усп\u00e4лъ. Свидригайло не слагалъ оружія и готовился къ дальн'яйшей борьб'я съ Польшею, ища всюду союзниковъ противъ нея. Поэтому, польскіе паны, какъ только прослышали о томъ, что литовцы сильно тяготятся Свидригайломъ и не прочь отдълаться отъ него, немедленно спарядили въ Литву посольство съ явнымъ порученіемъ вести переговоры съ Свидригайломъ и съ тайнымъ предложеніемъ литовскимъ панамъ помощи и поддержки противъ Свидригайла. Заручившись этою поддержкою, литовцы рѣшились дѣйствовать съ цѣлью избавиться отъ ненавистнаго в. князя. Во главѣ ихъ сталъ брать Витовта Сигизмундъ Кейстутьевичъ. Въ ночь на 1 сентября 1432 г. Свидригайло подвергся нападенію заговорщиковъ и долженъ былъ бѣжать въ Полоцкъ съ нѣсколькими преданными ему панами. Великимъ княземъ литовцы провозгласили Сигизмундъ Кейстутьевича. Послѣ того Ягайло снарядилъ на Литву торжественное посольство для подтвержденія договора объ унія и инвеституры новаго великаго князя. Этому посольству удалось возобновить унію на основаніи договора 1401 года и кромѣ того добиться отъ Сигизмунда Кейстутьевича уступки Подолья, а по смерти его и Волыни въ

пользу Польши.

Низверженіе Свидригайла и возведеніе на великое вниженіе Сигизмунда Кейстутьевича были торжествомъ литовской знати, возстановленіемъ ея положенія въ великомъ княжествь, поколебленнаго при Свидригайль. Но эта побъда и эта реставрація въ конц'я концовъ оказались неполними. Ягайло и польскіе паны для умиротворенія великаго княжества рішили дать русскимъ людямъ некоторыя компенсаціи за низверженнаго Свидрагайла, ихъ любимда. Отправляя въ Литву пословъ, они дали имъ полномочія измінить нікоторыя статьи въ предіпествующих актахъ уніп въ пользу русскихъ подданныхъ великаго книжества. Въ силу этого полномочія польскіе послы въ тотъ же самый день, когда быль заключень договоръ объ унін, т. е. 15 октября 1432 года, отъ имени короля Ягайла и съ согласія в. вн. Сигизмунда выдали привилей, коимъ русскіе князья, знатные люди и бояре, подданные Лиговской земли, уравнивались въ правахъ съ католиками-литовнами. Имъ такъ же, какъ и литовскимъ князьямъ, знатнымъ людямъ и болрамъ гарантировалось неприкосновенное владение отчинными и пожалованными имфньями и право свободнаго распоряженія ими съ соблюдениемъ только необходимыхъ формальностей, давались тѣ же льготы, что и литовцамъ, по части отправленія государственныхъ повинностей; предоставлялось брать у литовцевь тъ же самые гербы или клейноты, которые тр получили отъ польскихъ пановъ, а литовцамъ вменялось въ обязанность принимать русскую знать въ свои гербовыя братства по сношеню съ своими польскими одногербовниками. Въ привилет ясно былъ обозначень и мотивъ всёхъ этихъ уступокъ русскимъ людямъ: дабы на будущее время не было между обоими народами разд'ыенія или какого нибудь неравенства, коими можеть наноситься ущербъ государству, но что бы всв, утвшенные одинаковыми милостями, единодушно и согласно, съ одинавовымъ рвеніемъ и постоянствомъ раділи о благі и преуспівній государства и ревностно и верно исполняли повеленія короля Ягайла и брата его, в. кн. Сигизмунда.

Но не смотри на выдачу этого привилея, русскіе люди въ большинствъ продолжали кръпко держаться Свидригайла. Надо сказать, что привилей 1432 года по точному смыслу его ублаготворяль тъхъ русскихъ князей и бояръ, которые были обывателями Литвы и соединеной съ нею Руси въ тъсномъ смыслъ (т. е. той части Бълоруссіи, которая не обнималась

Полоцкою и Витебскою землею). Земли Полоцкая, Витебская, Смоленская, Чернигово-Северская, Кіевская, часть Вольни и восточное Подолье остались върными Сигизмунду. Съ ополченіемъ этихъ земель и иноземною помощью (Тверскими полками) Свидригайло вторгался въ Литву и соединенную съ нею Русь и производиль въ ней страшныя опустошенія. Это обстоятельство въ связи съ вторженіемъ орденскихъ войскъ покелебало вбриость литовцевь Сигизмунду Кейстутьевичу. Когда факть обнаружился, поляки поспъшили прислать Сигизмунду вспомогательный отрядь, а встедь затёмъ, въ началь 1434 года, отправился на Литву и самъ престарълый король Ягайло для того, что бы разсвять всякія колебанія литовцевь на счеть Сыгизмунда Кейстутьевича. Встръченный Сигизмундомъ и литовскими панами въ Кринкахъ, Ягайло объявиль имъ, что свою милость и помощь онъ даруеть Сигизмунду, минуя своего брата, и облекаеть его великокняжескою властью, а князьямъ, прелатамъ и панамъ дитовскимъ приказываетъ повиноваться ему, какъ законному великому князю. Сигизмундъ Кейстутьевичъ съ своей стороны поспъщилъ привлечь въ себъ князей и бояръ новыми милостями. Шестого ман того же 1434 года онъ выдаль князьямъ и боярамъ (principibus et bojaris) привилей, вы которомъ объщаль никого не карать безь суда, отправленнаго по обычаю земли, по простому доносу тайному или явному; освобождать книжескихъ и боярскихъ подзанныхъ отъ уплаты "дякла" великому князю, предоставляль русскимъ князьямъ и боярамъ брать отъ литовцевъ гербы, или знаки шляхетства, и наконецъ подтверждалъ князьямъ и боярамъ всѣ вообще права и вольности, дарованныя имъ его предшественниками. Все это возымкло свое тействіе: Литва и соединенная съ нею Русь остались вёрными Сигизмунду Кейстутьевичу.

Этоть факть вь связи съ утомленіемъ оть борьбы оказаль свое моральное дійствіе и на русскія области в. княжества, которыя держались Свидригайла. Въ нихъ стала обнаруживаться шатость и изміна. Свидригайло съ своей стороны постарался оттолкнуть оть себя русскихъ людей. 26 іюля 1435 г. въ Витебскі онъ приказаль сжечь митрополита Герасима, заподозрівннаго въ изміні. Обнаружились затімъ его сношенія съ папою, у котораго онъ искаль поддержки противъ своего соперпика, и которому обіщаль за то соединить русскую церковь съ римскою. Поэтому послі погрома, который Свидригайло потерпіль въ сентябрі 1435 г. отъ Сигизмунда Кейстутьевича на р. Свенті, русскія земли одна за другою стали покидать его и переходить на сторону Сигизмунда. Послідній старался укрічнть ихъ за собою, подтверждая ихъ старинныя права и установленія. Свидригайло вь конців концовь удержаль за собою только Кременсців и восточную часть Подолья.

Такой исходъ имѣла борьба Сигизмунда Кейстутьевича съ Свидригайломъ за великокняжескую власть. Побъда досталась Сигизмунду и поддерживавшимъ его литовцамъ не только цъною человъческихъ и денежныхъ жертвъ, принесенныхъ войнъ, но и цъною различныхъ уступокъ, данныхъ рускимъ киязъямъ и боярамъ съ цълью отклонить ихъ отъ Свидригайла. Для русскихъ людей великаго княжества это былъ, можно сказать, положительный результать, совершенно иначе опредълившій ихъ положеніе въ этомъ государстев, чёмъ Городельскій привилей 1413 г.: русскіе люди сравнены были въ правахъ съ литовцами. Хотя это уравненіе въ правахъ относилось только къ русскимъ людямъ, жившимъ въ предълахъ собственной Литовской земли и Руси Литовской въ тесномъ смыслѣ, по оно имѣло значеніе и для остальныхъ земель. Дъйствіе привилеевъ 1432 и 1434 должно было распространяться и на тѣхъ князей и бояръ русскихъ областей великаго княжества, которымъ удавалось такъ или иначе пріобрѣтать земельныя имущества въ предѣлахъ великаго княжества Литовскаго въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. на Литвѣ и примыкавшей къ ней тѣсло Руси.

Изъ сравненія этихъ привилеевъ съ привилеемъ 1413 года обнаруживается, кром'ь того, и еще одна крупная новость въ соціально-политической жизни великаго княжества — распространение различных гарантій, данныхъ знатному боярству, и на князей, извъстное уравление обонхъ влассовь въ правахъ и вольностяхъ. Мы видели, что вистее литовское боярство, какъ привилегированный и правищій классь, стало оттіснять на задній плавъ князей. Куязьи поэтому приняли д'ятсльне участіе въ борьбь противь политическаге преобладанія высшаго литовскаго боярства н сгрупнировались подъ знаменемъ Свидригайла. Въ битев подъ Вилькомиромъ подъ знаменемъ Свидригайла сражалось более пятиделати внязей, изъ которыхъ 13 было убито, сорокъ два князя были взяты въ пленъ, а одинь бъжаль съ Свидригайломъ. По источникамъ можно насчитать поименно свыше сорока князей, бывшихъ въ разное время стороннявами Свидригайла, такъ что и все политическое движеніе, во главь котораго онъ стояль, пріобр'втаеть окраску какъ бы княжеской реакцін противъ политическаго господства лиговскаго панства. Но разъ классъ князей привималъ столь значительное участіе въ борьб' противъ порядка, установизшагося при Витовть, естественно, что и всь положительные результаты больбы должны были распространиться и на этоть классь. Воть почему и пудзилеи 1432 и 1434 года даны были уже не однимъ только панамъ и бырамъ, но и внязьямъ. Князья стали нуждаться въ такихъ привилеяхъ не меньше бояръ. Размиоженіе князей и измельчаніе ихъ владіній приблизило этотъ классь по общественному положению въ боярамъ. Многіе изъ вняжа стали пріобретать именья оть боярь и нести съ нихъ боярскую слудбу; другимь такія имінья были пожалованы оть великаго князя. Вслідствіе всего этого гарантін, права и вольности, даруемыя боярству, оказались не только не лишними, но даже прямо необходимыми и для князей.

Литература.

Иловайскій, Исторія Россін, т. II; Любавскій, Литовско-русскій сейть: Коцебу Авг., Свидригайло, в. князь Литовскій, Сиб. 1835; К. Stadnicki. Втасіа W. . лісіту; А. Семіскі, Ромустапіс Swigrygietty; А. Г. Вальдемирь, Національная борьба въ Реликомъ Княжествь Литовскомъ въ XV и XVI въкахъ (Извъстія Отдъленія русскаго явила и словесности Императорской Академіи Наукъ 1909 г., томъ XIV, книжка 3, стр. 160—198).

XIII.

Политическій движеній въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ началѣ великокняженій Қазимира и изданіе общеземскаго привидей 1447 года и сбластымхъ.

Насильственная смерть Сигизмунда Кейстутьевича.—Избраніе великимъ княземъ королевича Казимира; разрывъ уніи 1432.— Мятелли областей и ихъ усмиреніе.—Избраніе Казимира на польскій престоль и противодъйствіе со стороны Литвы; вопросы о Вольин и Подольъ.—Изданіе общеземскаго привилея 2 мая 1447 года.—Значеніе этого привилея во внутренней исторіи Литовеко-Русскаго государства.—Распространеніе полученныхъ Литвою правъ и вольностей на русскія земли; областные привилеи.

Внутренній миръ, установившійся въ Литовско-Русскомъ государствъ нослѣ покоренія русскихъ областей в. князю Сигизмунду Кейстутьевичу, продолжался недолго. Въ 1440 г. великій князь Сигизмундь былъ убитъ заговорщиками, и вслѣдъ затъмъ Литовско-Русское государство испытало новое сильное внутреннее потрясеніе, которое грозило ему распаденіемъ.

Сигизмундъ Кейстутьевичъ палъ жертвою заговора, вызваннаго, по всёмъ дошедшимъ до насъ извёстимъ, его тиранніею. Предшествовавшая восьмилътняя борьба съ Свидригайломъ, богатая всевозможными измѣнами и предательствами высшаго класса, истерзала его нравственно и поселила въ немъ недовѣріе и нерасположеніе къ высшему классу литовскаго общества. Эти чувства въ концѣ концовъ приняли у него болѣзненный характеръ, граничившій съ умономѣшательствомъ въ формѣ маніи преслѣдованія. Великій князь сталъ удаляться отъ князей и пановъ, сталъ окружать себя людьми низкаго званія и раздавать имъ уряды, а князей и пановъ преслѣдовать по простому подозрѣнію. При такихъ обстоятельствахъ простого слуха о томъ, что в. князь замышляеть перебить всѣхъ князей и пановъ на предстоящемъ сеймѣ, оказалось достаточнымъ для того, чтобы составился заговоръ на его жизнь. Въ вербную субботу 1440 г. заговорщики ворвались въ Троцеій замокъ, гдѣ проживать Сигизмундъ, и убили его.

Въ то самое время, когда зрѣть заговоръ, литовскіе князья и паны, знавшіе о томъ чуть не поголовно, не поднимали вопроса о преемникѣ Сигизмунду, инстинктивно избѣгая всякихъ разногласій, могущихъ помѣшать успѣху заговора. Къ рѣшенію этого вопроса князья и паны пристунили уже постѣ убіенія Сигизмунда Кейстутьевича, при чемъ между ними оказалось большое разномысліе въ этомъ дѣтѣ: одни предлагали вернуть Свидригайла, другіе присягнули на вѣрность королю Владиславу III, третьи стояли за сына Сигизмунда Кейстутьевича—Михаила; но большинство примънуло къ кандидатурѣ королевича Казимира. Въ возможность правленія Свидригайла послѣ пережитаго опыта уже перестали вѣрить; кандидатура Владислава III была непопулярна, потому что влекла за собою соединеніе Литвы съ Польшею подь однимъ государемъ; относительно Михаила Сигизмундовича было распространено опасеніе, что опъ будеть мстить за

смерть отца. Наиболье подходящимъ кандидатомъ, такимъ образомъ, оказывался королевить Казимиръ. Вокругъ лицъ, выставившихъ кандидатуру королевича, собралась поэтому напболье многочислениам и сильная партія. Приверженцы Казимира рышились дыйствовать какъ можно быстрые, дабы опередить сторонниковь Михаила Сигизмундовича и не дать разгоръться новой междоусобной борьбъ въ великомъ княжествъ. Королевичъ Казимиръ въ то время проживаль въ Польше, при дворе браза своего, короля Владислава III. Литовскіе князья и наны, не медля долго, отрядили въ Польшу пословъ въ королю Владиславу съ просьбою отпустить Казимира на великое княженіе, а сами побхали вслёдь за послами въ Берестье, что бы встрётить и проводить Казимира въ Вильну. Владиславъ согласился отпустить Казимира въ Литву, но не въ начествъ великаго князи, а въ качествъ простого намъстника польскате короля, ибо согласно договору 1432 г. великое кияжество Литовское по смерти Сигизмунда Кейстутьевича должно было перейдти непосредственно къ королю и коронъ Польской. Но литовци не вь силахъ быти помириться съ этимъ. Съ прибытіемъ Казимира въ Литву паны, державшіе стерону Свидригайла и Владислава, примкнули къ сторонникамъ Казимира, и всъ ръшили возвести его на великое пилкенъе. Когда въ Вильну събхались литовские паны изъ разныхъ земель, подвластныхъ великому княжеству, литовцы стали просить прибывшихъ съ Казимиромъ польскихъ пановъ сообща съ ними посадить Казимира на великомъ княжествъ. Когда же польскіе паны отвътили категорическимъ отказомъ на просьбу литовцевъ, последние самовольно провозгласили Казимира великимъ княземъ.

Такъ нарушенъ былъ актъ уніи, заключенный въ 1432 году. Литовцы, впрочемъ, не желали окончательнаго разрыва и обратились къ королю Владиславу III за утвержденіемъ избраннаго ими великаго князя. Но Владиславъ отказалъ имъ въ этомъ. По словамъ Длугоша, у него созрѣлъ въ то время планъ раздѣлить великое княжество на нѣсколько частей, что бы тѣмъ легче держать его въ подчиненіи, а именно: для себя и короны Польской удержать нѣкоторыя земли, между прочимъ Берестье и Каменецъ; Михаила Сигизмундовича удовлетворить отдачею владѣній согласно договору 1432 года; Болеслава Мазовецкаго утвердить во владѣніи Дорогицкою землею, которую онъ захватилъ послѣ смерти Сигизмунда Кейстутьевича, а остальныя кияжества Литвы и Руси отдать королевичу Казимиру.

Но великое княжество Лиговское въ то время и помимо намфренія Владислава едва, было, не распалось на свои составныя части. Дѣло въ томъ, что возведеніе королевича Казимира на великое княженіе возбудило сильное неудовольствіе противъ господствующей земли въ областяхъ великаго княжества. Это возведеніе было собственно дѣломъ самой сильной партіи литовскихъ пановъ, совершено было наскоро и скорѣе въ формѣ соир d'état, чѣмъ правомѣрно, по общему совѣту и согласію. Князья и бояре изъ областей не привлекались къ этому дѣлу, ихъ не вызывали на сеймъ, но литовскіе намѣстники, отъѣзкая изъ областей въ Вильну по полученіи извѣстія о гибели Сигизмунда Кейстутьевича, брали съ обывателей ихъ присягу

въ томъ, что они не отступять оть того великаго князя, кого посадять на великомъ княжествъ въ Вильнъ князья, паны и вся земля Литовская. Такой образъ дъйствій литовцевь и на этоть разъ, какъ и при возведеніи на великое вниженье Сигизмунда Кейстутьевича возбудиль въ областихъ оппозицію, хотя на этоть разъ оппозиція проявилась по разному и не съ такимъ единодушіемъ, и потому сравнительно легко была подавлена. Возмущеніе противъ Литвы подиялось прежде всего въ Смоленскъ. Черные люди кузнецы, кожемяки, шевинки, мясники, котельники и др. ремесленники вооружились, собрадись на вече и вступили въ бой съ наместникомъ и боярами, которые оставались върными Литвь. Хотя въ первой стичкъ побыла осталась за намыстникомы и боярами, во уже на другой день они принуждены были удалиться изъ Смоленска. Наместникъ убхалъ въ Литву, а бояре въ своп имънья. Черные люди сначала посадили воеводоко въ Смоленсы внязя Андрея Дорогобужского, а загым взяли себь "государемь" Мстиславского князя Юрья Лингвеньевича. Последній похваталь смоленсвихь боярь, посажаль ихъ въ эковы, а имвныя ихъ роздаль своимъ метиславскимь боярамь, намбреваясь отделиться совсемь от великаго княжества и возстановить древиее Смоленское княжение въ полномъ объемъ. Въ то же время онъ, "возгордясь", какъ говоритъ летописецъ, присоединиль въ своимъ владеніямъ Полоцев и Витебсев. Точно такъ же и земля Волынская обнаружила стремленіе устроить свою судьбу независимо оть Литвы. Князья и бояре Луцкой земли приняли къ себь на княжение Свидригайла, который посифшиль принести вассальную присягу не Казимиру, а королю Польскому Владиславу III. Землевладельцы Владимірскаго и Кременепкаго повътовъ Волынской земли послъдовали примъру князей и пановъ Луцкой земли. - Одновременно съ Смоленскою и Волинскою землею . отторглась оть великаго княжества и земля Подляшская съ городами Дорогичиномъ. Бъльскомъ и Мельникомъ. Начальствовавшій въ этой земль староста-Носуга, мазуръ по происхожденію, поддался со всёми названными городами князю Мазовецкому Болеславу, къ которому эта земля должна была перейдти по смерти Сигизмунда Кейстутьевича вследствіе особаго договора съ нимъ. — Вследъ за другими и земля Жмудская не захотела подчиняться Казимиру. Жмудины прогнали отъ себя намъстниковъ старосты Кезгайла и выбрали себъ сами старосту — нъкоего Довмонта, а княземъ признали надъ собою Михаила Сигизмундовича. - Даже и Кіевская земля обнаружила склонность къ отпаденію оть великаго княжества. Когда бежавшій вь Москву Михаиль Сигизмундовичь вернулся оттуда съ вспомогательнымъ войскомъ и подступиль къ Кіеву, кіевляне легко сдались ему и приняли его намъстниковъ и гарнизонъ.

На счастье Казимира между областями не было того единодушія, съ какимъ прежде они боролись за Свидригайла. Каждая область действовала сама по себе, преследовала свои собственныя цёли, и всё они въ сущности тянули въ разныя стороны. Поэтому паны, стоявшіе вокругь Казимира, съ Яномъ Гаштольдомъ во главе сравнительно легко сиравились съ ихъ сенаратистическими поползновеніями и заставили признать власть Казимира.

Прежде всего они выслали войско для усмиренія смоленскаго мятежа, а когда оно не исполнило своей миссіи, то юный Казимиръ лично отправился въ походъ на Смоленскъ, осадилъ его и пожегь посади и монастыри. Смольняне принуждены были покориться и принять намастника изъ руки Казимира, а князь Юрій Лингвеньевичь біжаль въ Новгородь. Для окончательнаго умиротворенія Смольнянъ великій князь выделть имъ грамоту, въ которой подтвердиль различныя права и вольности Смоленской земли. - Точно такъ же скоро разділался Казимирь и съ возстаніемъ Жмуди. Онъ собрать было большое войско въ Ковив съ намереніемъ вторинуться отсюда въ Жчудь. Но сопроводдавний его пань Янь Гаштольдь посоветоваль ему послать къ Жмудинамъ пана Контовта, племянинсъ которато быль избранъ ими въ старости, и попытаться склонить ихъ къ покорности, не изможгая къ силь. Кочтовть успъшно выполниль возложенное на него поручение. Жмудвин "призвольни" служить в. внязю Казимиру, прібхали въ нему въ Ковно и принесли присягу въ върности. Казимпръ съ своей стороны далъ имъ присяту сохранять ихъ въ своей милости и не отнимать у нихъ пийній. Онъ выдаль имъ особую грамоту, въ которой торжественно призналь, что они не мечемъ покорены, а добровольно пристали къ великому книжеству; кром'в того, пожаловаль имъ право избирать себ'в старосту, оставляя за собою утверждение его, и обратно-право принимать оть него только такого воеводу и тивуновь, которые будуть имъ любы. - Легко удалось Казимиру вернуть подъ свою власть и Кіевъ. Кіевляне поддались Казимиру, какъ только прибыло въ нимъ литовское войско подъ начальствомъ Яна Гаштольда. Тъмъ не менье Казимиръ и его рада сочли необходимымъ въ госуларственныхъ интересахъ великаго княжества удовлетворить желаніе кіевлянь иметь у себя правителемь князя. Поэтому, когда вскоре после покоренія Кіева въ Вильну пріфхаль изъ Копыля князь Олелько Владиміровичь съ сыновьями и большою свитою и сталъ просить о возвращени ему отчины его - Кіева, Казимиръ по сов'ту своей рады даль ему Кіевъ со всіми пригородками (около 1442 г.). - Больше хлоноть доставило Казимиру и литовскимъ панамъ Подляшье. Сначала они пытались вернуть его мирнымъ путемъ и вопын въ переговоры съ поляками. Но эти переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ. Литовци послъ того не разъ импались вернуть Подляшье силою оружія, но безусившно. Имъ удалось возвратить Подляшье только въ 1444 году посредствомъ соглашения съ Мазовеннимъ вняземъ Болеславомъ, которому они заплатили 6000 конъ пражскихъ грошей. При этомъ для удовлетворенія м'єстныхъ земянь польскаго происхожденія Казимиръ пожаловатъ имъ права и вольности, котормя содержатся въ статутахъ королевства Польскаго. После того, какъ все эти области воротились въ великому княжеству Литовскому, и Свидригало съ Вольнянами не захотым отставать оть прочихъ и въ концъ 1445-го или въ вачалъ 1446 года перешли на сторону Литвы. Вмёстё съ Волынью приминуло къ Литве и восточное Подолье, остазавшееся все время въ рукахъ Свядригайла.

Итакъ, Казимиру удалось въ концѣ концовъ утвердить свою власть во всѣхъ областихъ великаго княжества. Но полежение его въ Литовско-

Русскомъ государствъ вскоръ опять стало затруднительнымъ. Брать его, Польскій и Венгерскій король Владиславь III, погибъ при Варнъ въ 1444 году. Всябдствіе этого поляки на Серадзьскоми сейм'в 1445 года постівнили избрать Казимира королемъ Польскимъ. Такимъ путемъ они надъялись возстановить унію съ великимъ княжествомъ, разорванную въ 1440 году. Но вольный сеймъ литовскихъ и русскихъ нановъ, собравшійся въ январѣ 1446 года въ Вильив, не разрышилъ Казимиру принять польскую корону и посладъ полякамъ отказъ. По словамъ Длугона, литовцы опасались, что сь отъёздомъ Казимира въ Польшу великимъ княженьемъ окладетъ Миханль Сигизмундовичь, что этоть князь будеть имъ мстить за смерть отца, и они потеряють при немъ пожалованія, которыми съ юношескою щедростью одариль ихъ Казимиръ, а равно окажется напрасною и надежда ихъ утвердить за великимъ княжествомъ Вольнь и Иодолье, которыя отбивали у нихъ поляки. Получивъ отказъ, поляки избрали королемъ Болеслава Мазовецкаго, но решили повременить съ оффиціальнымъ приглашеніемъ его на престоль и попытаться вновь склонить Казимира къ принатію короны, наублев, что на этогь разъ Казимиръ и литовцы образумятся. Они не ошиблясь ва своихъ разсчетахъ. Возведение на польский престоль Болеелава Мазовецкаго, шурина и пріятеля Михаила Сигизмундовича, грозило Казимиру и литовцамъ большою опасностью. Дъло въ томъ, что Михаилъ Сигизмундовичь не переставаль еще интриговать противь Казимира на Литвъ и все еще имълъ своихъ сторонинковъ. Съ восшествіемъ на престолъ польскій Болеслава Мазовецкаго можно было опасаться, что Михаилъ найдеть себ'в поддержку и въ Польш'в и тогда сгонить Казимира съ великаго княженья. Поэтому Казимиръ и его советники отправились на зовъ поляковь въ Берестье и вступили въ переговоръ съ польскими уполномоченными. Результатомъ этихъ переговоровъ было согласіе Казимира на принятіе Польской короны и письменное обязательство, выданное имъ польскимъ посламъ, -- прибыть въ Краковъ къ 24 іюля 1447 года на коронацію. Литовскіе паны согласились на эту коронацію, взявъ предварительно съ Казимира клятвенную запись, въ которой онъ, въ качествъ Польскаго короля, признавать владеніями велинаго кинжества Волынь и Подолье и констатироваль право литовцевъ послъ его смерти избрать себъ отдъльнаго или общаго съ поляками государя. Казимиръ потребовать было, что бы и уполномоченные поляковъ скрепили эту запись и подтвердили содержащіяся вь ней уступки для великаго кинжества. Но польскіе послы категорически отказались отъ этого и собрались даже убажать изъ Берестья, не кончивъ дъла. Тогда Казимиръ, по совъту ибкоторыхъ изъ нихъ, пересталъ ставить вопрось объ уступкахъ для Литвы, какъ conditio sine qua non, надъясь уладить это дело вноследствін, и заявиль окончательно о своемь согласін на принятіе короны. Титовцы остались съ одною записью Казимира, не скрыпленною поляками. Что бы успононть ихъ и задобрить въ свою пользу, Казимиръ передъ самымъ отправленіемъ своимъ на коронацію въ Краковъ, 2 мая 1447 года, выдаль имъ привилей, въ которомъ пожаловаль имъ рядъ новыхъ правъ и вольностей, и при томъ весьма существенныхъ по сравненію съ правами и вольностями, дарованными его предшественниками.

Своею грамотою Казимиръ освобождаль всёхъ кинжескихъ, панскихъ, шляхетскихъ, боярскихъ и мъщанскихъ "кметей", т. е. крестьянъ, не только отъ платежа натуральныхъ податей ("дякла") и отъ барщинныхъ повинностей на господаря, но и отъ платежа денежной подати - "серебщины"; обязывался не принимать на свои земли владельческихъ крестьянъ-отчичей н невольныхъ, запрещия то же самое владъльцамъ въ отношения къ господарскимъ крестьянамъ; устанавливалъ, что судъ надъ владъльческими "подданными" принадлежить владёльцамь, и эти подданные не должны впредь привлекаться къ суду великаго князя и его урядниковъ, за исключениемъ тьхъ случаевъ, когда владелець не даеть на нихъ управы, при чемъ судебныя пени во всикомъ случав должны идти въ пользу владвльцевъ. Литовскому католическому духовенству дана была гарантія въ томъ, что впредь вакантныя духовныя должности будуть замінцаться предпочтительно уроженцами великаго кинжества и только при отсутствій годнихъ кандидатовъ-иностранцами. Въ интересахъ свётскихъ пановъ Казимиръ обязался за себя и своихъ преемниковь не давать никому, помимо уроженцевъ велигаго пняжества, земель, замковь и мъсть въ полную собственность, временное владение или въ держание, равно не раздавать иноземцамъ уряды нии почетныя званія. Наконець, въ виду пригла ній поляковъ на Волынь в Подолье Казимиръ обязался не уменьшать владеній великаго княжества. но сохранить его въ целости въ техъ самыхъ пределахъ, въ какихъ оно заключалось при великомъ князъ Витовтъ.

Привилей 1447 года является новою иллюстрацією того действія, которое оказывало тесное солижение съ Польшею на внутрениее развитие Литовско-Русскаго государства. Избираемые на польскій престоль великіе князья Литовскіе старались всически ублаготворять сильныхъ людей великаго кинжества, дабы имъть возможность сидъть сразу на двухъ престолахъ и держать свои государства въ союзъ и братской любви. Средствомъ для этого явлелось распространение въ великомъ княжествъ Литовскомъ "правъ вольныхь, добрыхь, христіанскихь, какь вь корунт Польской". Къ этому средству прибыть и Казимирь, какъ это видно изъ заявленія его въ привилев 1447 года, что онъ даруетъ прелатамъ, князьямъ, панамъ, шляхтъ, боярамъ и мъщанамъ Литовской, Русской, Жмудской и другихъ земель великаго княжества всв вообще права, вольности и изъятія, какими пользуются предаты, князья, паны, шляхта и мъщане королевства Польскаго. Привилею 1447 года принадлежить весьма важное м'есто въ исторіи соціальнополитического развитія Литовско-Русского государства. Этоть привалей дополниль и завершиль рядь уступокь, сдёланныхь великокняжескою властью землевладівльцамь Литовско-Русскаго государства. Въ общемъ всі эти уступки были не чёмь инымь, какъ раздёленіемь государственной власти надъ народною массою между великимъ княземъ и военностужилыми землевладельцами. Благодаря этимъ уступнамъ добрая половина населенія, если не большинство, почти совсёмъ вышла изъ непосредственной власти великаго князя и попала подъ власть землевладельцевь, которые стали въ отношенін къ ней чуть не такими же господарями, какт самъ великій князь по

отношенію къ остальной части. Въ Литовско-Русскомъ государствъ установился политическій строй, имфющій много сходнаго съ среднев вковымъ западно-европейскимъ феодализмомъ. Вместе съ темъ великій кинзь утратиль и шансы на то, что бы стать единственнымъ и полнымъ хозниномъ въ своемъ государствъ и волею-неволею долженъ быль для ръшенія болье или менъе важныхъ вопросовъ государственной жизни обращаться и къ другимъ "господарямъ", чаще всего, конечно, къ наиболфе крупнымъ и знатнымь, но въ особо важныхъ случаяхъ и ко всемъ остальнымъ. Привилей 1447 года нарадизоваль возможность развитія абсолютной монархической власти въ великомъ княжестей Литовскомъ. Въ этомъ отношении особенно важна была та статья этого привилея, которая освобождала владельческихъ крестьянъ отъ государственныхъ податей. Эта статья съ теченіемъ времени, когда война истощила совершенно скароъ великаго князя, заставила его выпрашивать у землевладельцевь субсидін на нужды государства, а этимъ постъянимъ дала возможность добиваться отъ своего государя новыхъ правъ и вольностей, клонившихся къ ограниченію его власти и значенія.

Этоть результать коснулся одинаково какь литовцевь, такъ и русскихъ князей и бояръ великаго княжества. Выдавая 2 мая 1447 года привилей на различныя права и вольности военнослужилымъ землевладельцамъ, Казимирь не могь обойдти вь немъ князей, бояръ и военнослужилыхъ мѣщанъ областей-аннексовъ. И эти области приходилось задабривать, располагать къ върности разными пожалованіями, темь болбе, что Михаиль Сигизмундовичъ не прекращаль своей борьбы съ Казимиромъ. Поэтому и привилей 1447 года быль выданъ прелатамъ, князыямъ, панамъ, шляхтъ, боярамъ и мешанамъ Литовской, Русской и прочихъ земель великаго княжества. Такимъ образомъ привилей 1447 года былъ первымъ общеземскимъ привелеемъ, уравнивавшимъ въ правахъ литовцевъ и русскихъ всехъ земель виликаго вняжества (привилен 1432 и 1434 г. уравнивали съ литовцами русскихъ землевладёльцевъ великаго княжества въ тёсномъ смыслё, т. е. Лятвы и Руси Литовской). Что бы устранить всякія сомивнія, которыя могла порождать общность выраженія въ общеземскомъ привилев, Казимиръ счелъ нужнымъ подтвердить свое пожалованье въ новыхъ привилеяхъ, которыя онъ повыдаваль областямь въ подтверждение ихъ старинныхъ правъ и вольностей. Указаніе на это встрічаемъ въ позднійшихъ подтвердительныхъ грамотахъ, выданныхъ областямъ Смоленской, Кіевской и Полоцкой. Что касается Витебской и Волынской земель, то самое содержание ихъ привилеевъ показываеть, что и на эти области распространилось то самое право, которое дано было Литвь, Руси и Жмуди въ 1447 г., ибо нъкоторыя статьи этихъ привилеевъ прямо соотвётствуютъ статьямъ привилея 1447 г.

Земли Полоцкая, Витебская и Смоленская получили отъ Казимира новые привилеи, по всей въроятности, въ 1451 г. Въ началъ этого года Казимиръ собиралъ въ Вильнъ общій сеймъ князей, пановъ и бояръ всёхъ вемель великаго княжества для устроенія различныхъ внутреннихъ дълъ великаго княжества. Весьма возможно, что на этомъ общемъ сеймъ Казимиръ и выдалъ названнымъ землямъ свои привилеи. Можетъ быть, впрочемъ,

Казимиръ сдѣлалъ это и во время объѣзда этихъ земель, которое онъ предпринималъ въ томъ же году, непосредственно послѣ роспуска сейма. Какъ бы то ни было, но отъ 1456 г. мы имѣемъ указанія на "листы", выданные Казимиромъ областимъ. Волынской землѣ, по всѣмъ даннымъ, Казимиръ выдалъ привилей съ новыми правами и вольностями въ 1452 г., когда эта земля по смерти Свидригайла добровольно отдалась подъ власть Литвы, а не Польши. Что касается Кіевской земли, то привилей выданъ былъ ей только по смерти кн. Семена Оленьковича, случившейся въ 1471 г. Дарованіе Кіевской землѣ новыхъ правъ и вольностей было средствомъ ен замиренія, ябо, какъ извѣстно, Кіевляне къ высшей степени были недовольны отмѣною у нихъ княженія и приняли къ себѣ литовскаго воеводу, только уступая силѣ.

Иодводи итоги политическимъ движеніямъ, происходившимъ въ великовняжение Казамира, мы должны констатировать во первыхъ увеличение правъ военнослужилаго власса Литовской земли и во вторыхъ распространене этихъ правъ и на военнослужилыхъ землевладельцевъ областейаннелеовъ геликаго книжества. Первый результагь стояль въ связи съ основнымъ фактомъ, который мы отмечали уже не разь, --съ существованіемъ въ Литовской земль солидарнаго класса крупныхъ землевладьльцевъкнязей и боярь, отъ которыхъ зависило утверждение великихъ князей на престол'в и заключение уни съ Польшею. Второй результать стоялъ въ связи съ тою энергичною борьбою, которую вели области-аниексы великаго княжества противъ исключительности господствующей земли въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XV ст. Во время этой борьбы он'в наглялно показали свою силу и значеніе и заставили господствующую землю пойдти на компромиссь и сдълать имъ черезъ посредство великаго килзи рядъ уступокъ въ смыслъ уравненія въ правахъ и вольностяхъ. Источникъ той силы, которую обнаружили области веливаго вняжества въ борьб съ господствующею землею въ свою очередь заключался въ ихъ внутренией соціально-политической консолидаціи, унаслідованной ими съ древнихъ временъ. Со временъ кіевской эпохи населеніе западно-русскихъ областей представляло изъ себя не разбитую народную массу, надъ которой легко было властвовать изъ центра, а рядъ довольно крупныхъ и компактныхъ обществъ, имъвшихъ своихъ вождей и руководителей и бывшихъ въ состояніи постоять за свои права и интересы. Въ литовскую эпоху областное единство и солидарность держались преимущественно на военнослужилых землевладальцах областей, которые, имън въ зависимости отъ себя мъстное престъянство, объединялись въ местныхъ ополченіяхъ и на местныхъ вечахъ, или сеймахъ, иде решались различные вопросы мъстной жизни. Эти военнослужилые землевладъльцы имъли и своихъ вождей и руководителей въ лицъ мъстныхъ князей и старшихъ бояръ, или пановъ, владвишихъ относительно крупными имвньями и участвовавшихъ въ мъстномъ управленіи на различныхъ урядахъ.

Съ изданіемъ общеземскаго привилея 1447 года и областныхъ внутренній строй Литовско-Русскаго государства опредълился въ главныхъ своихъ основаніяхъ. Таковыми являются: политическая обособленность и внутрен-

няя самостоятельность областей, государственныя права землевладыльцевь, избирательная и ограниченная основными законами въ пользу землевладъльцевъ великокняжеская власть. На этомъ фундаменть созидалась и вся дальныйшая стройка Литовско-Русского государства. Въ этой стройкы можно различить тва періода. Первый изъ нихъ совиздаеть съ великокняженіемъ Казимира и его сыновей, т. е. съ конца сороковыхъ годовъ XV-го и до конца сороковыхъ годовъ XVI столетія. Главная роль въ деле государственнаго строительства за это время принадлежить, кром'в господаря, литовско-русской аристопратіи-князьних и панамъ какь собственной Литовской, такъ и западнорусскихъ земель великаго княжества. Все внутреннее строеніе Литовско-Русскаго государства за это время носить на себ'в отпечатки госполства и компромисса двухъ силъ — великокилжеской власти и литовско-русскаго панетва. Третья сила-пляхта является только вспомогательною и только къ концу періода начинаеть пріобр'єтать большее значеніе и направлять государственную жизнь въ своихъ интересахъ, но не достигаеть еще преобладанія. Второй періодь совпадаеть съ временемь парствованія Сигизмунда-Августа. За это время піляхта вступаеть въ парламентскую борьбу съ господарскою властью и панствомъ, добивается отъ нихъ существенныхъ уступокъ въ свою пользу, перестранваеть законодательство, мъстное управление и сеймование. Благодари этимъ перестройкамъ внутренній строй Литовско-Русскаго государства въ значительной степени приближается въ польскому. Что бы окончательно утвердить свое политическое положение, литовско-русская шляхта поднимаеть вопросъ объ осуществленін унін съ Польшею, идя на встрічу одновременнымъ усиліямъ польской шляхты, и результатомъ ихъ соединенныхъ усилій является парламентарная унія 1569 года, положившая конецъ самостоятельному существованию Лиговско-Русскаго государства.

Литература.

Д. Н. Наовайскій, Исторія Россін т. ІІ; М. Любавскій, Литовеко-русскій сеймь; Саго. Geschichte Polens, В. ІV; А. Lewicki, Wstąpienie na tron Kazimierza Jagiełłończyka, Kraków 1886. (Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umejętności: w Krakowie, t. XX); М. Н. Ясинскій, Уставныя земскія грамоты Литовеко-Русскаго государства; Н. Б. Якубовскій, Земскіе привилен великаго княжества Литовекаго; Ө. И. Леонтовичь, Истечники литовеко-русскаго права (Варшавскія Университ. Изв'єстія 1894, кн. 1).

XIV.

Областное дъленіе Литовско-Русскаго государства при Казимиръ и его сыновьяхъ и политическое значеніе этого дъленія.

Территоріальный составъ Литовско-Русскаго государства во второй половинѣ XV-го и первой половинѣ XVI вѣка.—Область великаго книжества Литовскаго въ тѣсномъ смыслѣ и ся обособленное положеніе; политическая гегемонія Литвы.—Удѣльныя книжества въ качествѣ самостоятельныхъ частей литовско-русской территоріи; ихъ происхожденіе и судьба.—Остатки прошлой политической самостоятельности областей-аннексовъ въ ихъ привылеяхъ.—Федералистическій характерь Литовско-Русскаго государства.

Съ изданіемъ областныхъ привилеезъ при Казимирѣ надолго установился и опредѣлился областной строй Литовско-Русскаго государства. Привилеи эти подтверждалисъ и въ послѣдующее время, въ теченіе всего XVI вѣка. Помимо традиціи здѣсь дѣйствовала и политика—стремленіе господствующей Литовской земли парализовать сепаратизмъ областей въ эпоху напряженной борьбы съ Московскимъ государствомъ и тагарами. Во время этой борьбы среди Руси, подвластной Литвѣ, не разъ обнаруживаласъ шатость и измѣна, и чтобы предупредить отнаденіе областей, господствующая Литва старалась ублаготворить ихъ подтвержденіемъ ихъ правъ и вольностей. Такимъ образомъ, напр., въ самый разгаръ движенія, вызваннаго Глинскимъ, при Сигизмундѣ I, получили подтвердительные привилеи земли Вольностая и Витебская. Благодаря этому, Литовско-Русское государство продолжало сохранять тотъ федералистическій характеръ, который оно получило послѣ своего территоріальнаго образованія.

Главною его областью, центральною землею, къ которой тяготѣли всѣ другія земли и владѣнія, по прежнему оставалась терригорія, бывшая основнымь историческимь ядромъ эгого государства, т. е. великое княжество Лиговское въ тѣсномъ смыслѣ съ нѣкоторыми его наростами второй половины XIII-го и первой половины XIV вѣка. Терригорія эта состояла изъ собственной Литовской земли, Руси въ особомъ тѣсномъ обозначеніи, простиравшемся на города и волости по Березинѣ и ея притокамъ, по среднему Днѣпру и Сожу, по нижней Припяти, и изъ земли Всрестейской (съ исключеніемъ Подляшья). Такимъ образомъ эта основная часть литовско-русской государственной территоріи обнимала приблизительно нынѣшнія Виленскую, восточную часть Ковенской, Гроднейскую, Минскую и Могилевскую губерніи. Старое дѣленіе этой территоріи на Виленскую и Троцкую половины, установившееся со временъ Ольгерда и Кейстута, утвердилось въ формѣ военнаго и административнаго дѣленія на Виленское и Троцкое воеводства.

Область эта занимала доминирующее положение въ Лиговско-Русскомъ государстив. Она была самою населенною, самою многолюдною изъвствъ другихъ. Здёсь сосредоточено было наибольшее количество господарскихъ, великокняжескихъ, имвий, тутъ же преимущественно скучены

были и имінья правляцей литовской знати-князей Гольшанскихъ, пановъ Гаштольдовъ, Радзивиловъ, Заберезинскихъ и др. Эта область обособлялась оть другихъ, своими внутренними порядками по части управленія и суда, своимъ обычаемъ, своимъ литорскимъ правомъ. Ея военныя силы мобилизировались въ особые полки, стоявшие подъ командою воеводъ Виленскаго и Тронкаго и не сливавшиеся съ остальнымъ войскомъ (подъ начальство воеводы Виленскаго и Троцкаго ставились также ополченія вняжествъ Слуцкаго и Метиславскаго, Подляшья и Полъсья). Всъ должности по мъстному управленію въ этой территоріи раздавались мъстнымь землевладывнамъ, изъ нихъ державы и тивунства-по представленію воеводъ Виленскаго и Тродкаго, пограничные замки-по совъту великаго князя съ радою, которая составлялась преимущественно изъ литовскихъ пановъ. Эти должности были въ большинствъ наследіемъ политической старины этой территорін, когда она была поділена на нісколько княженій. Судь въ этой области до изданія общегосударственнаго свода, т. е. Статута 1529 года, производился по мъстному обычному праву и узаконеніямъ, вь родь, напр., судебника Казимира 1468 года, разнившимся отъ дъйствовавшихъ въ другихъ областяхъ нормъ. Подобно другимъ областямъ и эта главная область Литовско-Русского государства имкла свой земскій привилей. Таковымъ былъ Городельскій привилей 1413 года, подтверждавшійся всёми великими князьями, не смотря на то, что уже составленъ быль, подтверждался и дополнялся общеземскій привилей 1447 года. Литовцы дорожили этимъ Городельскимъ привилеемъ, который давалъ имъ нъкоторыя важныя политическія преимущества передъ другими землевладъльцами, и при случав ссылались на него въ ограждение этихъ преимуществъ. Такъ, когда король Сигизмундъ въ 1522 году назначилъ православнаго русскаго князя Константина Ивановича Острожскаго воеводою Троцины и даль ему первое мъсто "въ лавицъ" господарской ради, литовскіе паны протестовали противъ этого назначенія, ссылаясь на то, что по Городельскому привилею такія высокія должности на Литвь, какъ воеводства, каштелянства, должны предоставляться обязательно католикамь, не схизматикамъ. И король долженъ быль объщать, что этотъ случай не будеть прецедентомъ для будущаго, и впредь подобные уриды и достоинства не будуть даваться русскимь, безь совьта старшихь пановъ рады, но только литовдамъ римской католической въры.

Съ востока и юга къ этой основной области примыкали, связываясь съ нею въ военномъ отношеніи, удёльныя княжества Мстиславское (по верхнему Сожу и частью по среднему Днёпру), Слуцкое (на верхней Случи, л'явомъ приток'я Припяти, и частью въ бассейн'я Птича) и Пол'ясскія—Пинское, Клецкое, Городецкое и Кобринское (въ бассейн'я Припяти). Какъ было уже сказано въ своемъ м'яст'я, Витовть упраздниль только крупныя областныя княженья, какъ Витебское, Полоцкое, Смоленское, Кіедское, Подольское и Волынское. Но на бол'яе мелкихъ территоріяхъ князья Гедиминовичи остались и при немъ, и посл'я него, и сд'ялались уже насл'ядственными влад'яльцами своихъ княжествъ. Число такихъ удълося,

стоявшихъ виъ территорій областей и бывшихъ такими же самостоятельными частями государства, какъ и "земли"-области, даже увеличилось при Казимир'в новыми пожалованіями Гедиминовичамъ и и которымъ обжавшимъ изъ Московскаго кинжества потомкамъ Калиты. Такъ произощли вышеупомянутыя княжества. Изъ нихъ княжество Метисливское стало потомственнымъ достояніемъ князя Семена-Лингвенья Ольгердовича, его сына и внука; въ концѣ ХУ вѣка, послѣ прекращенія мужского потомства вн. Лингвенья, владклыцемъ Метиславского княжества сталь съ утвержденья в. кн. Александра кн. Михаплъ Ивановичъ Жеславскій, мужъ правнучки Лингвенья. Въ 1527 году ки Михаилъ Ивановичъ, лишившись обоихъ сыновей, изъ которыхъ одинъ убъжаль въ Москву, а другой умеръ, записаль Метиславскій уділь по смерти своей господарю великому князю. Такимъ путемъ въ 1529 году Мстиславское княжество перешло подъ испосредственную власть в. князи. Но его особность вмёстё съ этимъ не исчезда, и оно составило особую территорію, особую область, сділавшуюся вноследствін воеводствомь. - Княжество Случкое возникло, какъ потомственное владение кн. Владиміра Ольгердовича, получившаго его отъ Витовта, посте того какъ онъ вывель его изъ Кіева. Въ роде Владиміра Ольгердовича Слуцкое княжество пребывало до конца XVI въка, когда этотъ родъ угасъ. — Пинское княжество до семидесятыхъ годовъ XV-го въка было во владенін потомковъ Наримунта Гедиминовича. По прекращеніи этого рода король Казимиръ пожаловаль его вдовъ послъдняго Кіевскаго князи Семена Олельковича и ен сыну, а по смерти последняго зятю ен кн. Өедөрү Ивановичу Ярославичу (около 1500 г.). Этотъ кн. Өедөръ Ивановичь быль внукъ московскаго бъгмеца Василія Ярославича Боровского, сторонника Шемяки, бъжавшаго въ Литву послъ проигрыша ихъ дъла и торжества Василія Темнаго. Синъ этого Василія Иванъ, отецъ ки. Өедора Ивановича, получиль отъ короля Казимира два Полъсскихъ княжества: Клецкое (на верхней Лани и ел притокамъ), бывшее передъ темъ во влажийн князя Михаила Сигизмундовича, Казимирова конкуррента на великое княженіе, и княжество Городецкое (по р. Припяти съ резиденцією въ Городей Лавыдови), бывшее передъ тимъ во владини вдовы Свидригайла Анны. Отъ кн. Ивана Васшъевича оба эти княжества перешли къ упомянутому его сыну Өедөрү, который, такимъ образомъ, соединилъ въ своихъ рукахъ цалыхъ три Полъсскихъ княжества — Пинское, Клецкое и Городецкое. Не имъя мужского потомства кн. Оедоръ и его жена еще при жизни записали всё эти княжества королю Сигизмунду, который пожаловалъ ихъ своей супругь Бонь (въ 1521 году). Бона получила еще по сосъдству вняжество Кобринское (на верхней Припяти), въ XV и въ началь XVI-го выка составлявшее потомственное владыне въ родь князя Өедора Ольгердовича. — Всъ эти кинжества были особые политические мірки, маленькія государства въ государств'ь, знавшія только своихъ господарей-князей, а великаго князя Литовскаго только черезъ этихъ госнодарей. Эти господари должны были выводить свои ополченія на ратное поле вмёстё съ литовеннии полками, при чемъ князья Мстиславскій и

Слуцкій ставились подъ знамя Виленскаго воеводы, остальные подъ знамя Троцкаго.

Такими же обособленными политическими мірками, государствами въ Литовско-Русскомъ государствъ, были книжества Бъльское, Стародубское, Новгородъ-Съверское и "верховскія" княжества на верхней Окъ- Новосильское. Одоевское, Воротынское, Бълевское и др. Бъльское княжество (на сверв Смоленской земли) образовано было Витовтомь для сына кн. Владиміра Ольгердовича-- Ивана, оть котораго оно перешло по насл'ядству въ его сыновьямъ Семену и Өедөру. Въ 1500 году эти князья поддались съ своею отчиною — Бълою великому книзю Московскому. — Книжество Стародубское въ Черниговской землъ было образовано Казимиромъ для московскаго выходца кн. Ивана Андреевича Можайскаго, сторонника Шемяки. Около 1465 года Казимиръ пожаловалъ ему Стародубъ, Гомель и Бряпскъ. По смерти Ивана Андреевича Стародубъ и Гемель унаслъдовать сынь его Семень, которому в. кн. Александръ пожаловать еще Черниговъ, Корачевъ и Хотимль; Брянскъ унаследовалъ второй сынъ Ивана Апдрей; такъ какъ Андрей умеръ бездетнымъ, Брянскъ взять быль въ непосредственное владение вороли. Въ 1500 кн. Семенъ Ивановичь Можайскій передался Москв'я съ своими владініями-Стародубомъ, Черпиговомъ и Гомелемъ. - Княжество Новгородз-Спверское было образовано воролемъ Казимиромъ для сына Димитрія Шемяки-Ивана, б'єжавшаго въ Литву въ 1454 году, изъ городовъ Новгородъ-Съверска и Рыльска. Сынъ этого князя — Василій Ивановичь Шемячичь въ 1500 году поддался съ этими городами Москвъ.-Что касаетси "верховскихъ" княжествъ, то это были исконныя владенія потомковь св. Михаила, князя Черниговскаго, которые во второй половинѣ XIV-го и нач. XV-го вѣка подчинились великому князю Литовскому, обязались ему служить и давать полетнее. Эти вняжества нельзя даже назвать государствами въ Лиговско-Русскомъ государству, а скоруе союзными съ кимъ владуніями, связанными обоюдными договорами, при нарушении которыхъ связь порывалась. Такъ, кн. Өедөръ Львовичь Новосильскій заключиль сь в. княземъ Казимиромъ договорь, въ силу котораго онъ, князь Өедоръ, обязывался служить Казимиру, его преемникамъ и Литовской землъ върно, безъ всякой хитрости, быть въ его воль, ни съ къмъ не канчивать и никому не пособлять "никоторыми делы", быть въ миру или не въ миру съ темъ, съ кемъ великій князь Казимиръ будеть миренъ или не миренъ, платить ему полътнее; съ своей стороны Казимирь обизывался держать князя Оедора Львовича и его потомковь въ чести и жалованьъ, оборонять ихъ отъ всякаго недруга, не вступаться въ ихъ земли и воды, давать судъ въ случаяхъ пограничныхъ столкновеній безъ перевода, разбирать распри самихъ Новосильскихъ князей, по смерти ки. Өедөра выдать его дётямь такую же докончальную грамоту. При неисполнении этихъ обязательствъ со стороны Казимира или его преемниковъ, крестное целование снималось съ киязей, и они были свободны. Такой же договоръ Казимиръ заключилъ и съ сыновьями Оедора-Димитріемъ и Семеномъ. Въ силу этого договора ки, Семенъ Осдоровичь, когда в. ки,

Александръ не оборониль его отчину отъ Москвы и не вознаградилъ его другимъ владѣніемъ, не принялъ его въ докончанье и посланнаго къ нему боярина не "учтилъ", сложилъ съ себи крестное цѣлованье и перешелъ съ отчиною на службу къ Москвѣ.

Особное положеніе зачимали въ составъ Литогеко-Русскаго государства земли Жмудская, Полоцкая, Витебская, Смоленетая (остававшаяся въ его составъ до завоссанія ен Москвою въ 1514 году), Кіевская, Волынская, Подляшье и Подолье. Государственно-правовое положеніе всёхъ этихъ земель, за исключеніемъ Подолья, опредѣлялось ихъ земскими привилеями, которые начали выдаваться имъ еще Витовтомъ, а его преемниками подтверждались и расширялись. Изъ этихъ привилеевъ ясно видно, что, хотя эти земли и перестали быть княженьями, особыми государствами, тѣмъ не менѣе они удержали много чертъ изъ этого своего политическаго пропилаго.

Прежде всего уцълъли и сохранялись свято ихъ прежнія границы, а нарушенныя возстановлялись. Привилей Смоленской земли содержить указаніе на то, что король Казимпръ привернуль въ Смоленску волости, отерванныя было отъ него Вяговтемь и Свидригайломь. Привилей гарантироваль, что этихъ волостей Смоленскихъ никому не держать, "нижьли бояромъ Смоленскимъ же". Аналогичная гарантія дагалась и земль Кіевской: "А городки и волости Кієвскіе Кіяномъ деревати, а никому иному". Такой же порядокъ наблюдался, какъ видно изъ актовъ, и въ земляхъ Полодкой, Витебской, Волынской, Подляшской и Жмудской. Но съ этимъ порядкомъ неизобжно связывалась и та территоріальная неприкосновенность земель, о которой говорить Смоленскій привилей. Факты подтверждають это наблюдение и показывають, что предёлы названныхь земель, имъвшихъ своз право, все время оставались непомънными. Въ данномъ случав Литовско-Русское государство представляеть полную противоположность Московскому, въ которомъ присоединявшіяся земли и владінія скоро теряли свою прежнюю особность, раздавались въ управление и кормленье изъ центра князьямъ и боярамъ по усмотрѣнію великаго князя, безъ всякаго соображенія съ ихъ землевладініемь, а иногда по соображеніямь какъ разъ обратнымъ по сравненію съ теми, которыя содержатся въ областныхъ привилеяхъ Литовско-Русскаго государства. Если послъ образованія Московскаго государства и сохранялись прежнія границы и перегородки между составившими его землями и владеніями, то оне имели чисто административное, а не политическое значеніе.

Следы прежней государственной самостоятельности областей сказываются и въ областномъ характере подданства велиному князю Лиговскому ихъ обывателей. Привилей Витебской земли гарактироваль ея обывателямъ спокойное житье "всякому, покуль хто всхочеть"; въ частности великій князь обязался "местичовъ Витебскихъ зъ города Витебска не вести вонь". То же самое почти буквально повторяется и въ привилев Полоцкой земли. Въ грамотахъ другихъ земель истъ такихъ положеній, но они косвенно вытекаютъ изъ другихъ, въ роде, напр., обязательства

великаго князя не отнимать ни у кого безвинно имѣній. Въ данномъ случав литовско-русскіе порядки рёзко расходятся съ московскими. Великій князь Московскій свободно тасоваль своихъ подданныхъ, переводиль ихъ изъ одной области въ другую, отнималъ у нихъ имънья и замънялъ ихъ другими. Такъ поступали Иванъ III, его сынъ и внукъ. Областной характеръ подданства обнаруживается также изъ постановленій объ отправленіи военной службы. Всѣ князья и паны, и бояре литовскіе, пріобрѣтшіе имінья въ Кієвской землі, согласно ел привилею, должны были отправлять съ нихъ военную службу съ кіевлянами сами "своими головами", т. е. лично. Военнослужилые землевладыльцы всыхъ вообще земель составляли особыя ополченія, которыя состояли подъ командою м'єстныхъ военачальниковъ-воеводъ, особыми полками шли на войну, особыми полками стояли и на ратномъ пель. Областнымъ характеромъ подданства объясняются и гарантін, которыя даваль великій князь нікоторымь землямь, какъ напр. Полодкой и Витебской, - не посылать ихъ обывателей вв заставу" въ другіе города я къ нимъ не ставить "заставъ" изъ другихъ областей "безъ ихъ воли". Ез данномъ случав Литовско-Русское государство нисколько не походило на Московское, гдф военныя силы тассвались и располагались по усмотрению правительства, согласно чисто стратегическимъ соображеніямъ, а не какимъ либо инымъ. Наконецъ, областной характеръ подданства, вытеклющій изъ изв'єстной политической самостоятельности земель, проявляется и въ постановленіяхъ земскихъ привилеевъ касательно вызова на судъ господаря. Въ привилев Витебской земли господарь объщаль не вызывать къ себь на судь въ Литву витблянина, на котораго будеть жаловаться витолянинъ, "безъ истца", т. е. безъ согласія отв'єтчика, но давать въ такихъ случанхъ свой листь къ воеводъ, "хотя бы о смертной винъ". То же самое буквально повторяется и въ привилев Полоцкой земли. Жмудинамъ великій виязь тавже гарантироваль, что онъ не будеть вызывать ихъ на судь за предълы земли, посылать дъцкихъ (приставовъ) за ръку Невижу, которая служила границею между Литвою и Жмудью. Великое княжество Литовское, Литва, въ данныхъ случаяхъ выступаеть какъ бы чужимъ, иностраннымъ государствомъ, гдв пребываеть общій государь, и куда тяжущіеся могуть повхать только добровольно, по обоюдному соглашенію. Иное діло, конечно, если господарь великій князь являлся лично въ главный городъ той или другой земли: тугъ онъ уже быль властенъ привлечь къ своему суду всякаго, на вого была подана жалоба.-Итакъ, областное деленіе, установившееся въ конц'в концовъ въ Литовско-Русскомъ государств'в, им'вло значение политическое, далеко выходившее за предълы простого административного дъленія. Въ рамкахъ этого дёленія улеглись прежнія самостоятельныя политическія организаціи. Эти организаціи не умерли, но продолжали жить въ изв'єстной м'єр'є своєю особою жизнью, такъ что и содержащіеся въ областныхъ привилеяхъ следы государственной самостоятельности земель не являются простыми пережитками, формами безъ содержанія. Факты повавывають, что области пользовались на дель большою самостоятельностью

въ устройствъ своихъ внугреннихъ дълъ. При такихъ условіяхъ Литовско-Русское государство и въ разсматриваемое время носитъ федералистическій характеръ, не утрачивая его и въ послѣдующемъ, до самаго конца своего самостоятельнаго существованія.

Литература.

М. Н. Ясинскій, Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства; М. К. Любавскій, Областное діленіе и містное управленіе Литовско-Русскаго государства во времени изданія перваго Литовскаго Статута; Ө. П. Леонтовичь, Очерки исторіи литовско-русскаго права; Wolff, Kniaziowie litewsko-ruscy. Warszawa 1895.

XV.

Областная автономія въ Литовско-Русскомъ государствѣ во вуорой половинѣ XV и первой половинѣ XVI вѣка.

Участіе областей въ назначеніи мѣстной администраціи.—Областные сеймы и мхъ дѣятельность распорядительная, законодательная и судебная; участіе въ рѣшеніи вопросовъ виѣшней политики.—Внутренняя самостоятельность удѣльныхъ княжествъ.—Значеніе областной автономіи въ дальнѣйшемъ развитіи Литовско-Русскаго государства.

Въ эпоху территоріальнаго образованія Литовско-Русскаго государства и постудовавшей за нею національно-политической борьбы его области неръдко проявляли свою самостоятельность въ избраніи или принятіи къ себъ того или другого князя. Войшелкъ принять быль на веливое вняжение мимо другихъ претендентовъ населениемъ Литовской земли, какъ объ этомъ свидетельствуеть современникъ-летописецъ. Ольгердъ сталъ Виленскимъ княземъ постѣ Явнута также съ согласія населенія: Вильна, пригороды и замки охотно отворили ворота Кейстуту, помогавшему брату въ достижении великокнижескаго престола. Витовтъ, Сигизмундъ Кейстутьевичь и Казимиръ стали великими князьями по избранію князей, пановъ и болръ Литовской земли. Жмудская земля, высвободившись изъ подъ власти Ордена, признала своимъ государемъ Витовта съ условіемъ, чтобы онъ никому не отдавать ее въ залогъ, но управляль самъ непосредственно. Послъ гибели Сигизмунда Кейстутьевича жмудины взяли къ себъ отдъльнаго отъ Литвы князя Михаила Сигизмундовича. Такую же самостоятельность проявляли по временамъ и западнорусскія земли: Полоцкая и Витебская, державшіяся Свидригайла Ольгердовича; земля Кіевская, выпросившая себ'в на впяжение Олелька Владиміровича, а по смерти его сына Семена требовавшая къ себъ въ князья его сына Михаила; земля Смоленская, избиравшая кн. Юрья Лингреньевича мимо Казимира; земля Волынская, принявшая къ себъ на княжение Свидригайла и поддавшанся витеть съ нимъ Польшт. Областный вниженья съ теченіемъ времени препратили свое существованіе, стали уже невозможны въ Литовско-Русскомъ государствт. Но проявлявшаяся въ ихъ замъщеніи политическая самодъятельность областей не изчезла полностью. Въ нтвоторыхъ областяхъ она стала выражаться въ томъ участій, которое высшіе влассы мъстныхъ обществъ принимали въ назначеніи областной администрацій, главныхъ правителей, и которое было имъ даже гарантировано областными привилеями.

Постоновленія на этоть счеть содержатся въ привилеяхъ земель Еитебской, Полоцкой и Жмудской. Господарь объщаль витблянамь давать имъ воеводу по старому, по ихъ волъ. То же объщание буквально повторяется и въ Полодкомъ привилеъ. Жиудинамъ великій князь обязычался давать техъ старость (такъ назывались тамъ главные правители) и даже тивуновъ (волостныхъ, подчиненныхъ правителей), "которыхъ бы они собъ образи съ своихъ новътовъ, або которыхъ бы у насъ просили". Эти опредъленія не оставались на бумагь, но имъли силу и въ жизни. Въ 1526 году бояре и мъщане Витебскіе, жалуясь на различныя "тилекости" и "кривды" оты воеводы Ивана Богдановича Сопеги и не хотя болбе имъть его воеводою, били челомь королю Сигизмунду, чтобы онъ, согласно привилеямь скоихъ предвовь и его самого, даль имъ иного воеводу. Король вынуждень быль удовлетворить ихъ челобитье. Въ 1532 году въ Жмудской земл'в происходило прямое избрание старосты, каковымы быль выбрань панъ Станиславъ Станиславовичъ Яновичъ. Другія области не принимали правомърнаго участін въ назначенін къ нимъ правителей.

Но выборы предподагають соответственныя собранія, веча или сеймы. Въ источникахъ разсматриваемой эпохи можно найти множество указаній на эти собранія или сеймы, и при томь во всёхь областяхь Литовско-Русскаго государства. Напоолбе характерное показаніе даеть грамота великаго князя Казимира, писанная въ 1456 году къ полочанамъ поств разбирательства одного недоразуменія, происшедшаго между боярами съ одной стороны, городскими дворянами, черными людьми и всёмъ поспольствомъ съ другой. Казимиръ приказывалъ, чтобы бояре, дворяне городскіе, мъщане и все поспольство были "въ згодъ" между собой, всъ дъла справляли "згодою" на томъ самомъ мёсть, гдь и прежде "сыймывались"; а безъ болръ мѣщанамъ и дворянамъ городскимъ и черни соймовъ не надобъ чинпти". Читая эту грамоту Казимира, невольно переносишься мыслью на вычевую площадь Велинаго Новгорода или Искова, гдъ также собирались издавна бояре, купцы и черные люди, и гдъ также шла борьба между боярами и чернью, вызывавшая выбшательство со стороны Московскихъ великихъ внязей. - Кром'в Полоцкой земли м'встные сеймы собирались и въ собственной Литовской земль, и въ Жмудской, и въ русскихъ земляхъ-Витебской, Смоленской, Кіевской, Волынской, и на Подляшь в. Лля чего же собирались эти сеймы, что на нихъ происходило?

Во первыхъ—избраніе нёкоторыхъ должностныхъ лицъ. Выше было сказано объ участіи областныхъ сеймовъ въ назначеніи главныхъ прави-

телей. Кром'в того, въ Кіевской земл'в князья, паны и земяне сообща съ кіевопечерскими старцами выбирали кіевопечерскаго архимандрита; въ землъ Вольнской князья, паны и земяне выбирали игумена самаго уважаемаго воз волынскихъ монастирей-Жидичинскаго. Затъмъ, на этихъ сеймахъ вырабатывались различныя важныя мъропріятія, касавшіяся мъстной жизни или же связанныя съ общегосударственными нуждами и потребвостями. Въ бытность воеводою въ Витебсків пана Яна Юрьевича Глівбовича въ 1530 году "панове бояре вси посполито поднялися веснолокъ зъ жёщаны и людьми Витебскими тридцать и три городии новыхъ заробити" въ замет Витеоскомъ. Тогда же они "призволили" выставлять къ городовымъ воротамъ сторожей съ техъ дворовъ и дворищь, которыми владели въ мъсть Вичебскомъ и по селамъ Витебскаго повъта, не держать въ замкв бань, тупить огни въ домахъ, вакъ только пробъетъ болоколъ и т. д. Въ следующемъ году владыва Полодкій, Витебскій и Мстиславскій и все кназья, паны бояре и міщане Витебекіе "зволилися" о томъ, какъ держать за собою "вольныхъ похожихъ людей", т. е. ввели однообразныя условія для перехожихъ крестьянь, чтобы не перебивать ихъ другь у друга и не переманивать. Аналогичное же постановление состоялось на соединенномъ сеймъ Витебской и Иолоцкой земли въ 1551 году, на который събажались мъстные урядники господарскіе, бояре-шляхта, попы, м'в тане и слуги панцырные. На областныхъ же сеймахъ первоначально происходили опредъление и раскладка субсидии господарю на военныя нужды и опредъление размъровъ военной повинности. Изъ вышеупомянутой грамоты короля Казимира, посылавшейся въ Полоцкъ въ 1456 году, видно, что на полоциомъ сеймъ происходила раскладка "помочи", которую земля давала въ известныхъ случаяхъ великому князю. Привилей Волынской земли предусматриваль такую же распладку и вь этой земль: когда панырада величаго вняжества Литовскаго на какую нибудь великую потребу земскую "зволять" дать съ своихъ людей "которой плать", тогда князья, паны и вся шляхта земли Волынской должны дать и съ своихъ людей аналогичный "плать". Есть извёстіе, что и размёры военной службы, опреавлявшіеся въ XVI в. на великихъ вальныхъ сеймахъ всёхъ земель великаго княжества, первоначально также опредъинись на областныхъ сеймахъ. По врайней мъръ, справедливо это относительно Волынской земли. Владыка Лупкій Кирилль получиль въ 1508 году подтвержденье на одно дарственное имънье съ темъ, что онъ и его преемники будуть посылать людей своихъ на службу земскую вмёстё съ князьями, панами и земянами противъ всякаго непріятеля, "подлугъ (сообразно) уставы и ухвалы (постановленія) земли Волынское".

Описанная діятельность областных сеймовь близко подходить по роду своему кь законодательной. Но и законодательная діятельность въ собственном смыслі даеть себя вислідшть на областных влитовеко-руских сеймах разсматриваемаго времени. Такь, на областном сейм велинаго княжества Литовекаго въ тісном смыслі составлень быль и вздань нав'єстный судебнить 1468 года, который начинается словами: "мы съ князьями

и съ паны-радою великаго князьства и со всимъ поспольствомъ согадавши урядили есмо такъ". Въ Полоцкой землъ въ началъ тридцатыхъ годовъ XVI в. на областномъ сеймъ вырабатывались уставы о размърахъ вознагражденія за "переемъ" на шляху подъ непріятельскимъ войскомъ лошадей или какой другой заблудшей скотины, о доходахъ мельниковъ и т. под.

Но особенно часто разныя общія опреділенія вызывались судебною деятельностью, совершавшеюся на областных сеймахь. Въ собственной Лятви въ значения такого областного сейма выступаеть сеймъ пановърады, на который съёзжались по деламъ и другіе землевладельци. Этоть сеймь, фактически бывшій нер'ядко областнымь, при всемь томъ им'яль значение общегосударственное, ибо на немъ разбирались тяжбы и обывателей другихъ земель, аппеллировавшихъ къ господорю великому князю. Но въ другихъ областяхъ судовые сеймы имъли уже чисто мъстное значеніе. На кихъ разбирались важивищія судебныя діла, требовавшія соображенія съ містными обычании и законами или же новыхъ законодательныхъ определеній. Тавъ, въ 1533 году воевода Полоцкій панъ Янъ Юрьевичь Глебовича отложиль разборь дела киязей Соколенскихь до собранія полоцкаго сейма, чтобы "со всею землею обмовити" о томъ, какъ поступать съ теми, которые уклоняются оть явки на судъ, отговариваясь своими служебными обязанностями передъ панами, а не передъ господаремъ великимъ княземъ. Не только мфстные правители, но и самъ господарь переносиль иногда ибкоторыя дёла на областной сеймь. Такъ, въ 1527 году, встрътные затруднение при разборъ земельной тяжбы между ки. Андреемь Сангушковичемъ и земянами Ставецкими, король Сигизмундъ писалъ владыкъ Владимірскому и Бересгейскому, владыкъ Луцкому, старость Луцкому, нам'встнику Кременецкому, князьямь, панамь и всёмь земянамь земли Волынской, чтобы они, какъ будугь на сеймъ въ Луцкъ, "на зборь" (сборное воскресенье), решили: "будеть ли то въ обычат, у правъ (на судъ) вашемъ Волыньскомъ, ижъ хто о землю ся правуеть, самъ не присягаеть, нижли светки (свидътели) ихъ присягу дълають", или же "и сами съ светками мають присягати, а хто будеть къ присягъ близшій". Ръшивъ этоть принципіальный вопрось м'єстнаго судопроизводства, сеймь должень быль дать соответствующую "науку" судьямь и привызать сообразно съ этимъ кончить дело "подте права земли Волынское". Участіе областныхъ сеймовъ въ отправленіи правосудія не ограничивалось решеніемъ однихъ принципіальных вопросовь, но по временамь шло и дальше. Такъ, въ 1536 году король Сигизмундъ приказалъ своимъ волинскимъ урядиявамъ собрать на сеймъ князей, пановъ и всю шляхту земли Воличекой и произвести "обыскъ и каранье" всехъ техъ, кто занимался разбоями и вражами или не унималь оть того своихь модей, отобрать у всёхь присягу въ томъ, что не будуть у себя передерживать воровь и расбойниковъ и будуть тщолельно следить за своими людьми. Въ непоторыхъ земляхъ судорые сеймы были частымъ и періодическимъ явленіемъ. Въ Жмуди согласно "уставъ" 1529 года судовые сеймы должны были обязательно собираться четыре раза въ году въ Крожахъ. На нихъ собирались староста, тивуны и бояре-шляхта, имфвине дъла.

Области не устранены были даже отъ решенія вопросовъ вившней политики, хотя, казалось бы, такія дела должны были решаться исключительно общегосударственными органами. Чаще всего политические вопросы разсматривались и рашались на областных сеймахъ главенствующей Литовской земли. Въ 1456 году, напр., отъ имени прелатовъ, пановъ и всего народа Литовскаго посылалось королю Казимиру въ Польшу требованіе, чтобы онь, согласно об'вщанію своему, возвратиль великому княжеству Подолье. Къ этому требованію литовскіе послы присоедпилли угрозу, что литовцы не будуть долее терпеть своихъ обидъ и оружіемъ напомнять полякамъ о Подоль и другихъ владеніяхъ, отореанныхъ отъ великаго княжества. Такое посольство, очевидно, было результатомъ извъстнаго решенія, принятаго на сеймъ великаго княжества. Въ 1478 году уже самъ Казимирь собираль на сеймъ литовскихъ господъ для обсужденія того, что предпринять противь великаго князя Московскаго, который захватиль Новгородъ и ве время похода надълать много зла и Литогской земль. Литовцы хотели воевать съ Москвою, но Казилиръ откленыть ихъ отъ этого намбренія, указавъ на ненадежность русскихъ людей великаго княжества. Изъ этого видно, что сеймъ 1478 года былъ мъстнымъ сеймомъ Литовской земли. Съ конца XV въда важнъйшие вопросы внъшней политики стали решаться уже на великихъ вальныхъ сеймахъ всёхъ земель великаго вняжества. Но менбе важные вопросы по прежнему разсматривались иногда на сеймахъ пановъ радныхъ и рыцарства Литовской земли, напр., вопросъ о выделеніи удела королевичу Сигизмунду въ 1496 году. Въ ХУ в. можно выследить участіе во внешней политике и другихъ областныхъ сеймовъ, кромѣ Лиговскаго. При Казимирѣ, напр., полоцкіе бояре, мъщане и все поспольство, Полоцкое мъсто, посылали своихъ пословъ "сь верющимъ листомъ" въ Ригу для заключенія мирнаго, торговаго договора.

Всѣ приведенные факты въ общей сложности указывають на то, что слъды государственной самостоятельности областей великаго княжества Литовскаго, содержащися въ ихъ привилеяхъ, не были простыми переживаниями старинныхъ формъ безъ содержания, что эта государственная самостоятельность не умерла, не изчезла полностью, но продолжала еще житъ, хотя уже и не въ полномъ объемъ.

Какъ привилен, выданные областямъ, такъ и отдельные акты показываютъ, что автономія областей Литовско-Русскаго государства базировалась на существованіи въ нихъ сильнаго и солвдарнаго власса землевладёльцевъ—князей, пановъ и бояръ, которые держали подъ собою землю и земледёльческое населеніе и пополняли собою ряды м'єстной администраціи. Кое-где, именно въ земляхъ Полоцюй, Витебской и частью Смоленской и Кіевской, къ землевладёльцамъ въ устроеніи дёль области присоединялось и м'єщанство главныхъ городовъ. Въ Полоцюй и Витебской земляхъ въ этомъ устроеніи, какъ мы уже видёли, участвовали по временамъ и слуги,

мелкіе землевладільцы, занимавшіе среднее положеніе между боярами и крестьянами, а на Жмуди—даже и "кмети", свободные крестьяне. Но доминировали при всемь томъ землевладільцы—князья, паны и бояре. Эти землевладільцы въ Литвіз и Жмуди стали господствующимъ сословіемъ уже въ ХІІІ віні. Что касается русскихъ земель, то и здісь бояре стали ділаться земскимъ классомъ и принимать большое участіе на візчахъ уже въ конціз ХІІ и началіз ХІІІ віна, такъ что и позднійшіе областные сеймы въ нихъ были только дальнійшимъ развитіемъ и видоизміненнемъ візчь Кіевскаго періода.

Еще болбе, чёмъ земли, обладали внутреннею автономією улёльныя винжества, составлявшія самостоятельныя части Литовско-Русскаго государства на ряду съ областими-аннексами, имъвшими свои областиме привылен. Эта автономія связана была, конечно, съ существованіемъ въ нихъ особыхъ государей, которые, оставаясь вассалами великаго князя, пользовались при всемъ томъ большою свободою во внутреннемъ управлени своихъ удиловъ, - по выражению одного акта, прибавляючи и резиприваючи, кокъ то самъ налънъй разумьючи". Въ колествъ государей-отчичей удъльные князья чинили судь и управу, жаловали церквамь, монастырямь, боярамъ земли и людей на вѣчность, подтверждали имфиья, данныя предшественниками "до воли" дарителя, освобождали желуемыя нивныя и ихъ население отъ повинностей въ свою пользу, отъ платежа податей, отъ присуда своихъ намъстниковъ и тивуновъ и т. д. Ихъ свобода въ данномъ случав была ограничена только опредвленными распоряженіями предковъ. Такъ, напр., князь Миханлъ Ивановичъ Жеславскій, подучивь оть в. князя Александра Мстиславль въ вотчину "со всимъ правомъ и панствомъ", обязывался самою жалованною грамотою не отенмать у мастных болръ иманій, которыя они выслужили у ки. Лингвенья Ольгердовича, его сына и внука, если эти бояре будуть продолжать служить ему такъ же, какъ и названнымъ князьямъ. Но въ этомъ нельзя видъть какого-либо специфического ограниченія власти уд'яльных виязей. И великіе князья Лиговскіе въ силу земскихъ привилеевъ не могли отнимать у духовенства, князей, пановъ, бояръ и мъщанъ имъній отчинныхъ или выслуженных у ихъ предшественниковъ. Ограниченія налагались на удёльныхт князей лишь въ техъ случаяхъ, когда устанавливалось пожизненное владение уделами. Такъ, ки. Өедоръ Ивановичъ Ярославичъ, записавшій свой удёль королю Сигизмунду и получившій оть него въ 1509 году подтверлительный привилей на пожизненное владение этимъ уделомъ, обязанъ быль ничего не раздавать изъ этого удела безъ разрешения вороду. Вся правительственная д'ятельность уд'яльных князей такъ же, какъ д'ятельность самого великаго выязя или его нам'встнивовь-воеводь въ областяхъ, протекала при участін м'єстнаго болрства, которое зам'єщало различныя должности и образовывало раду, или думу удёльныхъ князей. Если стольный городъ уділа быль вмісті съ тімь резиденцією епискона, то последній ташке входиль вь составь рады. Въ удельномъ княжестве въ миньятюрь воспроизводились вообще всв порядки, которые можно наблюдать въ прежнихъ областныхъ княженіяхъ и въ самомъ великомъ княжествѣ Литовскомъ: тамъ были также воеводы (Кобринскій и Грушевскій въ Кобринскомъ княжествѣ), намѣстники и тіуны, существовалъ тоть же судъ, тѣ же налоги и повинности, съ нѣкоторыми только варіантами, смотря по мѣстностямъ.

Итакъ, области Литовско-Русскаго государства пользовались широкою авгономію въ сьоемъ внутреннемь управленіи. Областная автономія имѣла огромное значеніе въ общемъ ходѣ внутренняго развитія Литовско-Русскаго государства. Съ нею стояло въ связи между прочимъ слабое развитіе административной централизаціи въ этомъ государствѣ, возникновеніе и упроченіе того учрежденія, которое получило названіе "великаго вальнаго сейма" съ проникавшимъ его принципомъ представительства не единаго Литовско-Русскию государства, а всѣхъ земель великаго княжества Литовскаго.

Литература.

М. Любавскій, Областное діленіе Литовско-Русскаго государства; Литовско-русскій сеймь; Н. А. Максимейко, Сеймы интовско-русскаго государства до Люблинской унін 1569 года. Харьковъ 1902; Ө. И. Леонтовичь, Очерки исторіи литовско-русскаго права. Спб. 1894.

XVI.

Великокняжескіе домены и ихъ тяглое населеніе при Қазимирѣ и его сыновьяхъ.

Происхождение господарских имъній.—Значение шхъ, какь матеріальной опоры великокняжеской власти и государственных в муществъ.—Господарское хозяйство въ доменахъ; дворы и дворцы.—Челядь дворная; ея происхождение и хозяйственное назначение.—Люди тягме и ихъ повинности.—Крестьяне спеціальныхъ служебъ. Добавочныя подати и повинности этихъ крестьянъ.—Оброчные крестьяне.—Крестьяне данники; ихъ территоріальное распространеніе и повинности.—Отличіе крестьянъ отъ челяди.

Съ изданіемъ общеземскаго привилея 1447 года матеріальною опорою великокняжеской власти въ Литовско-Русскомъ государствъ стали почти исключительно такъ называемыя господарскія импивя.

Подъ этимъ именелъ разумълись всъ земли государства, населенныя и пустыя, которыя не имъли инпамихъ другихъ верховнихъ собственниковъ, кромъ господаря великато книзя. Первоначально великій князь считался верховишть собственникомъ всъхъ земель, которыми не владъли князьяотчичи, литовскіе и русскіе. Но съ конца XIV въка княжеское право на землю (jus ducale) или "полное право и панство" (plenum jus et dominium) стало признаваться также и за церковными учрежденіями, и за крупными

землевладальцами боярскаго класса, получившими названіе "бароновь", или "пановь". Всладствіе этого и территорія собственныхъ великовняжескихъ иманій сузилась. Тавъ какъ великій князь Литовскій не сдалался насладственвымъ монархомъ, и такъ какъ власть его подверглась вообще большимъ ограниченіямъ, то и господарскій иманій, которыя обслуживали не только потребности господаря, но и государства. Въ силу этого на великаго князя стали налагаться различныя ограниченія въ распориженій и пользованій этими иманьями. И первое ограниченіе въ этомъ родь содержаль уже привилей 1447 года, по которому великій биязь обязался не раздавать въ земляхъ великаго княжества замковъ, масть, державъ и вотчинь иноземцамъ, но только "тубыльцамъ" этихъ земель. Впосладствій, какъ увидимъ ниже, каложесь были на великаго княся и другія ограниченія въ томъ же направленіи.

Какъ бы то ни было, но съ половины XV въка господарскія имънья были главною матеріальною опорою великокняжеской власти въ Лиговско-Русскомъ государствъ. Какъ же господарь пользовался ими, извлекаль изъ

нихъ свои выгоды?

Въ этомъ отношении литовско-русский господарь походиль на всехъ другихъ землевладъльцевь своего государства. Прежде всего онъ вель въ этихъ имъньяхъ собственное хозяйство, эксплуатировалъ пахотныя земли и различныя угодья. Въ великокняжескихъ доменахъ, или волостяхъ, раскиданы были господарскіе дворы и дворцы, т. е. сельскохозяйственныя усадыбы сь челядью, скотомъ, инвентаремь и различными запасами. Жившіе здёсь великокняжескіе приказчики наряжали окрестное населеніе господарскихъ именій на работы въ огородахь, садахь, поляхь, лугахь, лесахь, рекахь и озерахъ, собпрали и хранили или продавали на деньги земледъльческие продукты, собиравшіеся съ господарской занашки, приплодъ отъ скота, добычу въ лъсахъ и водахъ. Но и номимо собственнаго хозяйства великій внязь извлекаль доходы изь своихъ имфній, облагая натуральными и денежными поборами поселившихся въ нихъ крестьянъ и мѣщанъ земледъльцевь, промышленниковъ и ремесленниковъ. Наконецъ, великій князь извлекаль изъ своихъ доменъ и ту пользу, что содержаль на нихъ множество военнослужилаго люда-слугь и болръ разнаго званія. Ясибе все это станеть, когда ознакомимся подробные съ составомы населения вы господарскихъ имъньяхъ, съ различными разрядами этого населенія и ихъ повинностями. На первой очереди разсмотримъ тякное население господарскихъ именій, служившее великому князю либо непосредственно трудомъ, либо продуктами этого труда, чаще всего темъ и другимъ.

Въ камдомъ почти господарскомъ дворѣ и дворцѣ жила челядь двормая, паробки и жонки. Эта челядь составляла изначальную рабочую силу господарскаго хозяйства, благодаря которой оно и зародилось какъ въ собственной Литеѣ, такъ и въ русскихъ земляхъ великаго княжества. Извъстно, что княжескія села въ Кіевской Руси первоначально били не что иное, какъ дворы, населенные княжескою челядью. По всѣмъ даннымъ,

и литовскіе князья устранвали свое сельское хозяйство первоначально при помощи рабовъ. Въ XV и XVI въкахъ не рабы преимущественно работали на господарскомъ хозяйствь. Но при всемъ томъ обывновенно при каждомъ господарскомъ дворъ было извъстное количество челяди, паробковъ и жонокъ. Источники, откуда набирался этотъ классъ въ Лиговско-Русскомъ государствъ, были почти тъ же самые, что и въ Кіевской Руси: купля, полонь, естественное нарождение, бракь съ невольнымъ челов вкомъ. Сюда надо присоединить еще выдачу истцу головою за преступление (кром'в воровства), при чемъ истецъ соглашался не губить человъка, а оставить его у себя въ рабстев. Но литовско-русское право, какъ кажется, не знало уже ни тіунства, ни влючничества безъ ряда, какъ источниковъ рабства; не знало въ этомъ качествъ и продажи самого себя или дътей отъ голода, а также имущественной несостоятельности, которан влекла за собою не отдачу въ въчную неволю, а отдачу "до искупа", съ зачетомъ важдаго года по извъстной таксь. По крайней мърь, опредъленія въ этомъ родь встрычаемъ въ первомъ Литовскомъ статуть 1529 года (раздъл XI), который по всьмъ признакамъ санкціонироваль уже д'яствовавшее право. Великовияжеская челядь, кром'ь работь по возд'ялыванью и уберя в пашень, исполняла и другія работы по дому и хозяйству господарскаго двора, напр., раздълывала огороды и сады, стерегла стада, пашни и т. д., женщины прили ленъ и ткали полотна для господарыни великой княгини. Жили челядинцы или на господарскомъ дворъ, или вив его, на сель и въ своихъ домахъ, имъя свой обиходъ и свою движимость-"бонду", и свои "приробки" въ пустыхъ земляхъ. Содержалась челядь невольная "мёсячиною", которая отпускалась ей съ господарскаго двора въ видъ хлъбныхъ запасовъ, при чемъ тв паробки, которые имън свои "бонды" и "приробки", получали менте сравнительно съ теми, у которыхъ ничего не было.

Но самую многочисленную ватегорію трудового населенія господарских имѣній составляли господарскіе люди, или врестьяне, разныхъ наименованій. Эти наименованія разнообразились частью въ зависимости отъ ихъ главныхъ повинностей, которыя они несли на господаря, частью въ зависимости отъ ихъ главныхъ промысловъ и ремеслъ. (Взамѣнъ "люди" въ автахъ попадаются и другія названія: мужи, мужики, смерды, черные люди, вмети, хлопы, чаще—подданые).

Тъ крестьяне, которые обязаны были постоянною барщинною повинностью, служили "уставичне" на господарскомъ дворъ съ сохою, бороною, косою, серпомъ, топоромъ и лошадью, назывались просто тельими людьми. Но наряду съ ними въ составъ тяглаго населенія были различные спеціальные разряды, отправлявшіе особенныя повинности по господарскому хозяйству, которыя замъняли имъ барщинныя повинности тяглыхь людей, всъ или частью. Будучи тяглыми и называясь по временамъ этимъ именемъ, эти крестьяне при всемъ томъ противополагаются въ источнимахъ теглымъ людямъ въ тъсномъ, узкомъ смыслъ. Таковы были предде всего престъяне, обслуживавшіе скотоводство великаго князя. Самою валиюю его отраслью было воневодство. Лошади не только пополняли рабочій инвентарь велико-

княжескихъ экономій, но и шли въ раздачу въ видъ жалованья военнослужилымь людямь. Книги пожалованій короля Казимира пестрять записями о пожалованій тому или другому князю, пану, боярину, дворянину, слугь коня или жеребенка съ того или другого господарскаго двора. На этихъ дворахъ обычною принадлежностью была стайня, конюшня, на которой несли свою службу конюхи разныхъ наименованій-конюхи, конюхи съдельные, машталеры и др. Въ нѣкоторыхъ дворахъ находились конскіе заводы, стада матокъ съ жеребятами, по уходу за которыми несли службу кобыльники, или лейти, стадные конюхи, или ройтиники. Въ некоторыхъ нивныхъ господарскихъ коней разбирали на покормъ крестьяне конокормим. Кром'в лошадей, въ господарскихъ дворахъ разводился рогатый скоть, овцы и свиньи, за которыми ходили стадники, пастухи, свинари и т. д. Такъ же, какъ и всъ землевладъльцы, господарь великій внязь эксплуатироваль вь свом пользу бортные ухожан, рыбные ловы, бобровые гоны, звериные и пташьи ловы, разрабатываль лесь, т. е. добываль деготь, смолу, пепель и другіе лівсные "товары", добиваль соль и руду. Эти отрасли его хозяйства также обслуживались крестынами соотвётствующихъ спеціальныхъ службъ. Такъ, бортички и подлазники смотрели за бортями и выбирали изъ нихъ медъ; рыболовы и неводники "волочили" ръки и озера на господаря и дълали для него съти и невода; бобровники гнали и били бобровъ на господаря по известнымъ "полосамъ"; осочники стерегли господарскія пущи, следили затемь, чтобы никто въ нихъ не билъ звърей и не жегъ зели, а главное-выслъживали звъря и участвовали въ облавахъ на него; ловцы, мысливцы, стръльцы ловили и били зверя на господаря; псариы кормили и дрессировали охотничьихъ исовъ для господарской охоты и "полевали" съ ними; сокольники ловили, кормили н дрессировали соболовъ для господарской охоти; пташники и шатерники ловили периатую дичь для господарскихъ дворовъ; будники, смоляры, дентяри, угольники, клепачи разрабатывали господарскія купы или буды, т. е. жили золу, уголь, гиали деготь, смолу, готовили клепки (доски для бочекъ), ванчосъ (тесъ); соляники разрабатывали соль, рудники добывали руду и извлекали изъ нея металлъ въ плавильныхъ печахъ. Спеціальными службами обслуживали господарское хозяйство и огородники, раздёлывавшіе дворные огороды, садовники, млынари, или мельники, завъдывавшіе господарскими мельницами и т. д. Необходимо, конечно, имъть въ виду, что не вездь, не во всьхъ господарскихъ имъньяхъ, быль полний комплекть перечисленныхъ хозяйственныхъ статей. Господарское хозяйство въ этомъ отношеніи сильно разнообразилось по отдёльнымъ м'єстностямъ. Кром'є того, не вездё доходы извлекались хозяйственнымъ путемъ. Иногда различныя угодыя сдавались вы аренду, на откупъ, съ обязаностью платить съ нихъ "врокъ", или "чиншъ", натурою и деньгами. Такъ, на откупъ сдавались бортныя дередья, рыбныя ловли, лёсныя буды и купы, соляныя варницы, рудныя заведенія и т. д.

Спеціальную службу по господарскому хозяйству трудомъ или из-

волостяхъ. Таковы были: кухари и пекари, изготовлявшіе пищу для населенія господарскаго двора, для самого господаря и его свиты во время его прівзда до того или другого двора; писовары, медосытцы и винники, изготовлявшие напитки для господарского двора; ковали, кузнецы, котляры, слесари, изготовлявшіе различныя желізныя изділія; дойлиды и тесли (плотники), колесники, санники, бондари, судники, приготовлявшие деревянныя изділія: путники и скляры—стеклянныя; гончары, мурали (каменьщики), плитники, стрихари (кирпичники), меловщики (обжигальщики извести), жерновники, изготовлявшие глиняныя и каменныя издёлія; кашнеры (сворняки), кожемяки, римари (шорники), хомутники, съдельники, шенцы и чоботари, служнение но выделев меховь, кожь и приготовлению нздёлій изь нихь; ткачи, убрисные или скатертники, кравцы (портные) и др., служившие по выработкъ тканей и изделий изъ нихъ и т. д. Часть этихъ ремесленниковъ были дворные, т. е. не занимавшиеся ремесломъ помимо господарскаго двора. Но большая часть практиковала свои ремесла и вив господарскаго двора, отдавая последнему только часть своего труда или служа ему уже готовыми изделіями, вапр. кузнецы давали "нороги" (социнем?). Некоторая часть ремеслениихь людей обслуживала господарское хозяйство выділкою оружія для охотничьих и военных надобностей. Таковы были: рогатинники, лучники, тульники, мечовники, платнеры (панцырники), пушкары и др.

Большая часть крестьянь спеціальных службь сверхь своихь спепіальныхъ повинностей несла еще добавочныя. Н'екоторые изъ нихъ вм'ест'в сь тягими людьми давали дякло и мезлеву. Дякломъ называлась натуральная подать, платившался рожью или пшеницею, овсомь, свномъ, пентиниками (пенькою или льномъ), дровами, курами и яйцами; мезлевоюнатуральная подать, вносившаяся яловицами, свиньями, баранами, курами и яйцами. Эти подати, особенно дякла сённыя и дровяныя и меслева, перелагались неръдко и на деньги. Кромъ дякла и мезлевы, крестьяне платили и разныя другія "дачки", смотря по величинь и хозяйственному составу своихъ "земель", напр. давали "штось меду преснаго до ключей". Но чаще всего, крестьяне спеціальныхъ службъ обязывались ходить на толоку, т. е. на подмогу тяглымъ людямъ въ разгаръ сельскохозяйственныхъ работь: косить съно, три дня пахать "на паренину", три дня "на жито", три дня жать озимые, три дня яровые. Затымь, всь эти крестьяне обязаны были являться, "на клеалть", напр. прудить реку, неправлять прорвавшуюся мельничную плотину, участвовать въ облавь на звъря, волочить неводъ на господаря и т. д.

Среди врестьянь, служившихъ на господарские двори тягломъ и другими, специальными, службами, жили такъ же и люди осадные, оброчники или врочники. Осадные врестьяне являлись въ результать либо совращения господарскаго хозяйства на томъ или другомъ дворъ, либо увеличения врестьянскихъ тяглыхъ и специальныхъ службъ свише потребностей этого хозяйства. Въ такихъ случаяхъ лишине тяглые и другие врестьяне переводились на оброкъ, осаживались "на вроцъ", —почему и назывались "осад-

ными" людьми или "врочниками". Эти оброчные крестьяне появлялись и въ тъхъ случаяхъ, когда управители господарскихъ дворовъ раздавали пришлымъ крестъянамъ пустовавшіе крестьянскіе участки. Общимъ правиломъ при этомъ было то, что крестьяне, садившіеся на пустовщинахъ, обязывались служить съ нихъ ту же самую службу, какая и передъ тъмъ шла съ этихъ земель. Но иногда такой службы впредь не требовалось, или же въ данное время не находилось охотниковъ брать пустовщину на прежнихъ условіяхъ. Въ такихъ случаяхъ пустовщины сдавались на оброкъ на продолжительное пользованіе или же "съ позему пахати", т. е. въ аренду на годъ. Такая арендная плата называлась куницею, а крестьяне, бравшіе землю въ аренду, куничниками.

Въ некоторыхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства оброчныя отношенія оказались наибол'є выгодными, а посему упрочились и приняли характерь уже известной системы крестьянских повинностей. Такъ было прежде всего въ Жиудской земль. Здысь существоваль въ XV и XVI выкахъ пъзый разрядъ крестьянъ куничниковъ, постоянныхъ арендаторовъ господарскихъ земель. Жмудинамъ дало тяжело себя почувствовать уже орденское хозяйство въ концъ XIV в., во время подчиненія ихъ земли Ордену. Поэтому они добились себь оть в. кн. Казимира гарантіи, что въ ихъ земль не будеть строиться новыхъ господарскихъ дворовъ, сверхъ тьхъ, которые существовали при в. кн. Витовть. Но такое обязательство заставило и великаго князя принять свои мёры для обезпеченія доходовъ съ Жмудской земли. Цълый рядъ земель, очевидно, наиболъе плодородныхъ, изъять быль изь подъ свободной заимен и заселенія престьянами и сталь сдаваться имъ на "куничномъ плать". Кромъ Жмуди, оброчная система очень рано утвердилась въ Подляшьб. Тамь действоваль примеръ соседней Польши. Великіе внязья Литовскіе, начиная съ Витовта, заселяя свои земли крестьянами, налагали на нихъ не столько барщинныя работы по своему хозяйству, сколько чиншъ (census), оброкъ, который они платили въ определенномъ размере съ отводившихся имъ волока, или лановъ (около 19-20 десятинъ), деньгами и отчасти натурою.

Великовняжеское хозяйство, какъ уже было свазано, наибольшаго развитія достигло въ собственной Литовской землё и прилегающей къ ней "Руси". Область эта была наиболье густо заселена сравнительно съ другими областями и послё разгрома силь Ордена въ 1410 году пользовалась наибольшею безопасностью. Развитію здёсь великовняжеского хозяйства должны были сод'єйствовать также близость къ великовняжеской резиденціи и внёшнимъ рынкамъ сбыта. Въ другихъ областяхъ великовняжеское хозяйство было развито въ общемъ слабо. По насл'єдству еще отъ прежнихъ внязей великіе князья Литовскіе получили здёсь по н'єскольку дворовъ съ селами, расположенныхъ около центральныхъ городовъ и обслуживавшихъ прежде хозяйственныя нужды княжескихъ резиденцій. При великомъ княз'є Казимир'є и его сыновьяхъ хозяйство въ этихъ дворахъ влачило жалкое существованіе и, видимо, прогрессивно падало, а приписанныя къ нимъ села шли въ раздачу. Вс'є доходы съ этихъ дворовъ уходили почти ц'єли-

комъ на содержание челяди дворной и администрации, которая, по встмъ даннымъ, и злочнотребляля своимъ положениемъ вдали отъ конгроля и надзора центра. Въ восточныхъ и южныхъ областяхъ, открытыхъ для нападеній извиб, слаббе населенныхъ и удаленныхъ отъ центра, для великаго внязя Литовскаго не было особенныхъ побужденій заботиться о развитіи собственнаго хозяйства. И это темъ боле справедиво, что господствовавшіе здісь крестьянскіе промыслы бортинчій, бобровничій, куничный и др. давали возможность извлекать хорошіе доходы и безь хозяйственныхъ хлопоть, одинив сборомъ дани въ повышенномъ размъръ. Дань взималась и въ собственной Литовской земль, гдъ велось собственное ходайство великаго князя, съ тъхъ крестьянъ, которые почему либо не обложены были тяглою и другими издёльными службами, напр. по дальности мъстолительства отъ господарскихъ дворовъ или по своей промышленности и зажиточности. Но чаще всего дань взималась тамъ, гдъ господарскихъ дворовъ было мало вли совству не было. Настоящее царство крестьять данниковъ представлени изъ себя такъ называемыя Зальинскія волости, находившіяся въ Витебской земль, Подивирскія волости по среднему Дивиру, Березинь и Сожу и имъ притокамь, Съверскій волости по Десив, Сейму и Суль, а также и Кіевскія. Дань платилась или денежная-грошовая, серебряная, ни натуральная-медовая, боброгая, куничная, былочья, житная, пшеничная, съ теченіемъ времени все чаще и чаще перелагавшаяся на деньги. Кром'в дани, данники по отдельнымъ м'встамъ несли и другія повинности, напр., ходили на толоку, волочили неводъ на господаря, давали овесъ и свно на господарскихъ лошадей, когда ихъ прогоняли черезъ волость, давали разныя "подачки", напр. насадку пива, меру жита, стогъ сена и т. под.

Соединяясь съ челядью дворною въ разнообразныхъ работахъ по господарскому козяйству, крестьяне отличались юридически отъ этой челяди. Правда, нѣкоторые разряды нхъ уже лишились свободы передвиженія, выбора мѣста жительства и занятій, прикрѣплены были къ своему тяглу, но это было не безусловно, и даже такіе крестьяне при извѣстныхъ условіяхъ, какъ увидимъ ниже, имѣли возможность уйдти въ другое мѣсто, даже къ другому владѣльцу. Наряду съ ними другіе крестьяне еще не были ограничены въ правѣ передвиженія и устройства своей судьбы. Но главное—всѣ крестьяне имѣли отъ господаря землю, которою они владѣли и которою пользовались фактически, почти какъ собственники, имѣли собственное имущество, пользовались гражданскими правами въ защитѣ своей личности и имущества. Такихъ правъ не имѣла челядь дворная. Ел личныя и имущественныя правонарушенія разсматривались почти исключительно, какъ убытки господарскаго двора, и какъ убытки перелагались и возмѣщались на деньги.

Литература.

М. Любавскій, Областное діленіе и містное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени Люблинской унін; М. В. Довнарь-Запольскій, Государственное хозяйство

великаго княжества Литовскаго при Ягелюнахь. Томъ 1, Кіевъ 1901.; Ө. И. Леонтовичъ, Крестьяне юго-западной Руси по Литовскому праву XV и XVI вв. (Кіевскія Унив. Извъстія 1863, № 10 и 11) и статьи: Литовско-русскіе друскенники—солярии и соляники (Варшавскія Университетскія Извъстія 1896, ки. V, VI); Сельскіе промышленники въ литовско-русскомъ государствъ (Варш. Унив. Извъстія 1897, ки. IV, V, VII; Сельскіе ремесленники въ литовско-русскомъ сосударствъ (Варшав. Унив. Извъстія 1898, ки. П, ІІІ); И. Новщийй, Очеркъ всторіи крестьянскаго сословія вмо-западной Россіч въ XV—XVIII в. (Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VI, т. 1. Кієвъ 1876); А. Пубимсико, Литовско-русскіе данники и ихъ дани (Журн. Мин. Народ. Просв. 1903 г., январь, и въ книгъ "Южная Русь", т. 1. Сиб. 1905).

XVII.

Крестьянское землевладьніе и землепользованіе въ великокняжескихъ доменахъ до полозины XVI въка.

Разнообразіе разм'єровь и хозяйстьеннаго состава крестьянских участковь вы господарских иміньяхь; причина этого явленія.—Семейно-родовое товарищеское владінье и пользованіе этими участками; дольники и сабры изь стороннихь лиць.—Разділь земель и угодій.—"Земли", дворища и селища вы качестві крестьянских участковы.—Тормы общаго крестьянскаго владінія; ихъ происхожденіе.—Распоряженіе крестьяны землями и угодьями и доменіальное право господаря великаго князя.—Судьба описаннаго крестьянскаго земельнаго строя.

Великокняжескіе крестьяне въ .Іптовско-Русскомъ государствѣ до половины XVI въка въ подавляющемъ большинствъ сидъли на земельныхъ участвахъ самыхъ разнообразныхъ размъровъ и хозяйственнаго состава. Исключеніемь были одив только волоки, на которын съ начала XV выка стали разм'вряться пустыя земли на Подляшьв, а въ XVI-мъ веке и въ нъкоторыхъ другихъ сосъднихъ съ Подляшьемъ мъстностяхъ. Крестьянскіе участки состояли обывновенно изъ усадебной и огородной земли, пашни, сънныхъ покосовъ, лъсной заросли (ган, боры, хворосты), болоть, бортныхъ "ухожаевъ", иногда бобровыхъ гоновъ и звериныхъ лововъ, рыбныхъ тонь или "вступовъ" въ рѣки и озера, разбросанныхъ по разнимъ мѣстамъ въ обругъ даннаго села или даже волости. Величайшая черезполосица парила въ распредѣленіи врестьянскихъ земель и угодій: врестьянскіе участки переплетались не только другь съ другомъ, но даже и съ землями другихъ владъльцевъ. Причина такого земельнаго строя кроется въ самомъ происхожденій врестьянских участковь. Эти участки создавались исторически, въ теченіе долгаго времени, были результатомъ свободной заимки и разработки пустыхъ земель и угодій ц'ялымъ рядомъ крестьянскихъ покол'яній. Госнодарская власть на Литев и западной Руси до половины XVI въка, за малыми исплючениями, не принимала планомърнаго участия въ земельномъ устроеніи крестьянъ, не отводила имъ и не изм'єряла земли. Она имела дело съ крестъянами, уже занявшими или занимавшими земли и угодья по собственной иниціативь, и только облагала ихъ податьми и по-

винностями, принимая во вниманіе величину и хозяйственныя качества занятыхъ земель и угодій и число эксплуатировавшихъ ихъ крестьянскихъ "дымовъ". Каждый крестынскій участокъ поэтому им'ы свое особое обложеніе, традиціонно державшееся изв'єстное время и м'єнявшееся только тогда, когда изменилась его величина и хозяйственных качества вследствіе расширенія заимокь или всл'ядствіе д'ялема. Въ тягловомъ отношенін было такое же разнообране, какъ и въ размърахъ и качествахъ крестьянскихъ участковъ. Такимъ образомъ, напр., въкоторые тягиме люди сверхъ обичной тяглой службы и дачекь-дякла и мезлевь давали "штось меду" до ключей (погребовь) господарскихь; бортники сверхь своихь пядёльныхь повинностей ния дани медовой вносили иногда дякло; конюхи сверхъ своей спеціальной службы давали дякле, иногда еще дань грошовую, медовую и куничную и т. д. Бывалг случан и обратные, когда крестьяне, несшіе изв'єстную службу, исправляли ее не сполга, напр., не давали дявла, выходили не на всь толоки, платили дань вы меньшемы размырь, чымы другіе, такы какъ и самыя владеніч ихъ были меньшаго размера и доходности.

Крестьянскій земли и угодья въ большинств' случаевь находились во владении и пользовании не единичных хозяевъ, а сложных врестъянскихъ товариществъ. Эти товарищества составлялись обыкновенно изъ разросшихся семей. Взрослые сыновья съ семьями не отделялись стъ родителей и продолжали жить съ ними на одномъ дворъ и разрабатывать сообща нивы и угодья даннаго участва; такимъ же путемъ устанавливалось иногда сожительство затьевь съ семьями, братьевь по смерти родителей, дядей и племянниковъ, двоюродныхъ братьевъ и т. д., которые, имъя идеальныя доли вь участью, не делились, а сообща эксплуатировали его и сообща служили съ него положенную службу господарю великому князю. Такое экономическое общение вызывалось самымъ строемъ тогдашняго крестынскаго хозяйства, которое основывалось на корчевань в лёса подъ пашню и на одновременной эксплуатаціи разныхъ угодій. Такое хозяйство удобнъе всего было вести силами большой семьн-рода или товарищества, на артельныхъ началахъ. Вследствіе этого, когда семьи или роды оказывались малочисленными и не могли уже собственными сплами справляться съ хозяйствомъ и выполнять лежавщихъ на ихъ земляхъ и угодьяхъ повинностей, они принимали къ себъ для подмоги стороннихъ людей-потужниковь, на разныхъ условіяхь. Одни изъ нихъ становились лишь пользователями врестьянского владения въ известной доле доходадольниками, половинниками, но не совладёльцами. Владёльцами, или господарами земли и угодій оставались по прежнему "отчичи"-крестьяне. Но другіе становились не только пользователями, но и совладельцами въ извъстной доль-сябрами. Таковыми становились тъ сторонніе люди, которыхъ присаживало въ долю къ отчичамъ начальство, и которые долгое время замирались на этой дол'в вм'есть съ отчичами. Таковыми становились также и всё тё крестьяне, которые покупали у отдыльных отчичей доли въ ихъ владыніяхь и въ силу этого становились ихъ "потужниками". Необходимо заметить, впрочемь, что пріємъ потуж-

никовъ не всегда стоялъ въ связи съ уменьшениемъ рабочихъ силъ крестьянской семьи или рода, а наобороть-вызывался стремленіемъ увеличить эти силы для расширенія заимокъ и увеличенія хозяйственнаго оборота. Расширеніе крестьянскихъ "отчинъ" путемъ заимки пустопорожнихъ господарскихъ земель, разчистки господарской иущи и продоженія "входовь" въ нее, и въ разсматриваемое время не встръчало обыкновенно препятствій. Вследстіе этого создавались по временамъ огромные престыянскіе участки, эксплуатируемые силами многочисленной крестьянской семьирода или цълаго товарищества. Правительство реагировало на это тольно тымь, что съ теченіемъ времени, когда хозайство прочно налаживалось на расширенномъ врестьянскомъ участкъ, увеличивало размъръ обложенія, требовало не одну, а двъ и болъе служебъ, прибавляло податей и т. д. Встедствіе этого иногда такіе крестьянскіе участки разрывались на два и болбе тагло-податныхъ участка. Хотя очень часто, даже съ пріемомъ стороннихъ людей въ сябры, держалось общее владение и пользование врестьянсвими наслудственными участками, но все таки это не было везлув и всегда безусловно. Н'якоторые крестьянскіе участки съ теченісмъ премени распадались на отдельныя части, или слиды (въ Смоленской земль-выши). и между прежними совладъльцами-сябрами оставалась связь только по служов, которую они по прежнему сообща служили господарю великому внязю, да развъ еще по совиъстному владънію нъкоторыми недълимыми угодьями, напр., озерами, ръками, пастонщами и т. под.

Крестьянскіе участки въ собственной Лигвь съ прилегающей въ ней Русью, а также въ земляхь Полоцкой и Витебской, не имѣли нарицательнаго имени, назывались просто землями съ прибавлениемъ обыбновенно собственнаго имени перваго заимщика, прежинго владетеля: земля Петковщина, земля Мацковщина, земля Горностаевщина, земля Римтишки и т. под. Въ Волынской земль, Польсьъ и частью въ Подляшьъ крестьянскіе участки, бывшіе хозяйственными единицами владічія и пользоганія, назывались дворищами, указывая темь прямо на свое происхождение оть той совокупности земель и угодій, которая эксплуатировалась крестьянскою семьею или родомъ, жившимъ на одномъ дворъ. Въ Смоленской землъ въ такомъ же значени, какъ дворище на юго-западъ, выступаеть по актамъ сельно и селище. Селище вы значение крестыянского земельного участка, какъ хозийственной единицы, является и въ другихъ мъстностяхъ Литовско-Русскаго государства, гдъ господствовали однодворныя и мелкодворныя поселенія. Съ селищами въ такомъ значеній мы встрачаемся по актамъ въ вняжествъ Мстиславскомъ и въ повътахъ – Бранскомъ, Мценскомъ, Любутскомъ и Кричевскомъ, которые были частями Смоленской земли. Изредка встречаемь "селище" въ значени отдельнаго крестьянскаго участка н въ актахъ, относящихся къ землямъ Кіевской и Витебской. Въ частяхъ бывшей Берестейской земли въ общирномъ обозначении, т. е. въ повътахъ Берестейскомъ, Каменецкомъ, Кобринскомъ (кияжествъ), Бъльскомъ, Мельницкомъ и Дорогицкомъ для обозначенія крестьянскихъ участковъ било въ ходу слово "жребій". Эти "жеребьи" были такого же происхожденія,

какъ и указанные выше крестьянскіе участки, т. е. даны были естественнымъ развитіемъ семейно-родовой крестьянской коопераціи и совладѣнія. Впрочемь, дѣленіе на жеребы въ разсмітриваемое время здѣсь все болѣе и болѣе вытѣсинлось дѣленіемъ искусственнымъ на волоки, участки опредѣленной геометрической мѣры. Это дѣленіе вводилось при отводѣ пустыхъ земель для заселенія и разработки, на сыромъ корню, или же земель замустѣвшихъ. Необходило; впрочемъ, имѣть въ виду, что вышеизложенная терминологія не всегда выдерживается строго по районамъ; терминъ "земли" прилагается и къ крестьянскимъ участкамъ другихъ областей, кромѣ Литвы и Бѣлоруссіи; терминъ "дворище" можно встрѣтить въ актахъ, касающихся, напр., Кіевщины и т. д.

Среди врестыянскихъ участковь, находившихся въ потомственномъ владъчін и пользованін крестьянъ-отчичей, находились земли и угодья, которыя счигались достояніемъ и находились въ пользованіи цёлаго села, состоящаго изь ивсколькихъ крестьянскихъ "службъ", и даже волости. Въ литературъ долгое время держалось митие, что эти общинныя земли и угодья были остатлами глубокой древности, когда господствовало общинное землегладение и земленользование. Новейшия изследования въ этой области показывають, что для объясненія происхожденія этихь общихь земель и угодій ніть надобности восходить кь этой глубокой старині, которая въ тому же является непзвестнымъ нисомъ. Общія земли и угодья образовывались на памяти исторін, появлялись, какъ результаты экономиской и тягло-податной исторіи села или волости. Ходъ діла схематически можно представить такимъ образомъ. Поселившись въ извъстномъ мъстъ и образовавь село, крестьянскія семьи принимались за разработку вокругь лежащихъ земель и угодій. Земля, распаханная тою или другою семьею или родомъ, расчищенный и скошенный ею лугь, заклейменныя бортныя деревья, пройденные "ухожан" становились досгояньемъ этой семьи или рода, входили въ составъ ен дворища или жеребън (последнее названье указываеть на то, что при первоначальной заимев могь имыть мысто выборь участвовь по жребію). Каждый крестьянскій участокъ свободно расширался заимкою новыхъ земель и угодій, и съ увеличеніемъ населенія села расширался и районъ его хозяйственной дъятельности, пока не доходилъ до предъловь, куда ходила соха и топоръ сосъдняго села, или до такихъ мёсть, которыя недоступны были для культуры. Такъ опредёлялась граница села, т. е. всъхъ земельныхъ участковъ, принадлежавшихъ отдъльнымъ крестыянскимъ семьямъ или родамъ, пущъ и степника пространствъ, куда они имъти свои "входи". Въ этой границъ могли находиться и пустопорожнія земли и угодья, обойденныя почему-нибудь при первоначальной заимых. Съ определениемъ пространственныхъ границъ для экономической деятельности села рано или поздно должно было устанавливаться и общинное владение теми землями и угодьями, поторыя еще не были освоены отдёльными дворами. Односельчане не могли теперь допускать, чтобы кто-нибудь одинь изъ ихъ среды захватываль эти земли и угодья и тыть лишаль возможности пользоваться ими остальныхъ. Такъ

какъ не всегда границы хозяйственной дѣятельности сосѣднихъ селъ смыкались, иногда терялись въ какомъ нибудь смежномъ лѣсу или степи, то могло такимъ же образомъ съ теченіемъ времени устанавливаться общее владѣніе землями и угодьями сосѣднихъ сель, а плогда даже и цѣлой волости, если, напр., цѣлая волость ходила въ нущу на промыслы бортные, звѣриные, на сѣнокосъ и т. под. Здѣсь въ миньятюрѣ совершался тотъ же самый процессъ объобществленія земель при установленіи границъ для заимокъ и хозяйственой дѣятельности, который еп grand совершался въ образовавшихся государствахъ и приводилъ къ обращенію всѣхъ незанятыхъ частными землевладѣльцами земель въ государственную собственность.

Владъя и пользуясь своими участками потомственно, великокняжескіе крестьяне продавали и закладывали свои земли другимъ крестьянамъ и даже лицамъ другихъ сословій. Но всь эти сділки не иміли самостоятельнаго юридическаго характера, практиковались въ силу допущения высшей власти, которая по временамъ вибшивалась въ эти сублен и аннулировала ихъ, если он в состоялись безъ ен разръщения. Въ 1501 году король Александръ, пожаловавъ на въчность городничему Виленскому Занку человъта Тъшила Пуполевича съ братьею и землею, написаль въ жалованной грамоть: "Тежь, што будеть тоть Тышило и зъ братьею земли свои попродали або заставили кому въ пенязбхъ а любо кому отдали, и мы и тын ихъ земли дали Занку въчно, зань же людемъ нашимъ нельзъ земель продавати ани запродавати безъ нашого призволенья". Король Сигизмундъ въ своихъ привилеяхъ неоднократно выражалъ: "неволно въ людей нашихъ земль безъ дозволенья нашого никому купити". Рельефнымъ выраженіемъ доменіальнаго права великаго князя на земли своихъ крестьянъ является пожалованіе этихъ земель подъ врестьянами, даже вольными, военнослужидымь людямь или духовенству, при чемь крестьянамъ предоставлялось на волю или служить новымъ владъльцамъ, или уходить съ земли прочь, хотя бы эта земля была давнишняя, исконная принадлежность крестьянскаго рода. Фактически въ ибкоторихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, особенно тамъ, гдъ среди великокияжескихъ крестьянъ преобладали данники, крестьянскія земли довольно свободно переходили изъ рукъ въ руки.

Описанный земельный строй господарскаго врестьянства просуществоваль до аграрной реформы, произведенной во второй половинъ XVI въка и извъстной подъ именемъ "волочной помъры и уставы". Новый земельный строй прежде, чъмъ получилъ значение общей реформы, вводился по частямъ въ нъкоторыхъ мъстностяхъ уже и въ разсматриваемое время. Волочная система, какъ уже сказано, вводилась постененно, исподоволь, на Подлящь на сыромъ корию или на пустовщинахъ какъ господарскими уридниками, такъ и частными владъльцами, вытъсняя старое дъление на жеребъи. Чаще всего волоки вымърялись для осады мъстъ; но и новоустранвавшится села также осаживались на волокахъ. При Сигизмундъ I волочное измърение стало распространяться уже и на засе-

ленныя земли Подляшья, а въ самомъ началѣ великокняженія Сигизмунда Августа перекинулось въ сосѣднюю Черную Русь и на Литву, напр. въ Волковыйскій повѣть, въ дворы тивунства Виленскаго и т. д. Въ концѣ концовь, какъ увидимъ, вся Литва, Жмудь и Бѣлоруссія получили новое вемельное устройство, и только Украйна удержала исконный древнерусскій поземельный строй, какъ результатъ заимочнаго пользованія и освоенія.

Литература.

Кромѣ трудовъ, указанныхъ въ предшествующемъ очеркѣ, для изученія вопроса мотуть служить:

О. И. Леонтовичь, Крестьянскій дворъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ (Жур. Мин. Нар. Просв. 1896, № 2, 3, 4, 7, 10, 12; 1897, № 4, 5; И. В. Довнаръ-Запольскій, Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ 1905; И. К. Любавскій, Рецензія на книгу Довнаръ-Запольскаго "Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ" (Отчеть о третьемъ присужденіи премій П. Н. Батюшкова, изд. Академією Наукъ. Сиб. 1907 г.); И. Ф. Владимірскій-Будановъ, формы крестьянскаго землевладѣнія въ Литовско-Русскомъ государствъ XVI вѣка (Кіевскій Сборникъ въ лемощь пострадавшимъ отъ неурожая, Кіевъ 1892 г.); А. Ефименко, Дворищное землевладѣніе въ Южной Руси (Русская Мысль 1892, № 4 и въ книгѣ "Южная Русь", т. І. Сиб. 1905); И. В. Лумикий, Сябры и сабринное землевладѣніе въ Малороссіи (Сѣверный Вѣстникъ 1889, № 1); Займанщина и формы заимочнаго владѣнія въ Малороссіи (Юридическій Вѣстникъ 1890, т. І); М. С. Грушевскій, Барское староство. Кіевъ 1893 (Архивъ Юго-Западной Россіи, т. VIII, т. І и ІІ).

XVIII.

Непохожіз и похожів крестьяне и вольные слуги въ господарскихъ имѣньяхъ при Қазимирѣ и его сыновьяхъ.

Старожильсто, какъ юридическое основаніе "непохожаго" состоянія, и его происхожденіе в признави. — Обязательственный характеръ прикрѣпленія крестьянъ-огчичей; случан ухода ихъ на сторону и превращенія въ вольныхъ, "похожихъ" людей. — Вольные, похожіе люди на самостоятельномъ тягтѣ или оброкѣ; "жалобники" или "слободичи"; потужники я дольники крестьянъ-господарей. Элементы, изъ которыхъ составлилось "похожее" крестьянство. — Слуги и ихъ главная повинность; происхожденіе этого класса. — Слуги путные, панцырные, доспѣшные, пличые, конные; ордынцы. — Личная вольность, какъ главное отличіе этого состоянія отъ "простыхъ" людей. — Бояре-крестьяне.

Тяглое врестьянство, жившее въ господарскихъ имёньяхъ, раздёлялось на непохожихъ, невольныхъ, и похожихъ, вольныхъ, людей. Всё врестьянеотчичи, жившіе цёлыми поколініми на своихъ земельныхъ участкахъ, de jure считались непохожими, не имівшими права покидать свои земли и свои службы господарю великому килзю. Тотъ самый принципъ старожильства, который вріниль престьянъ въ тиглу и владёльцу въ сіверо-восточной Руси, дёйствоваль въ той же м'врів, если не въ большей, и въ Литовско-Русскомъ государстве, гдів "старина" вообще была юридическою опорою

и соціальныхъ, и политическихъ отношеній. Въ отношеніи въ положенію крестьянь принципь старожильства сталь опредёляющимъ главнымъ образомъ благодаря условіямъ тогдашняго господарскаго и вообще крупнаго хозяйства. При малочисленности рабочаго населенія сравнительно съ величиною территоріи, при натуральномь характер'в крестьянских "служов", господарское, какъ и всикое другое крупное хозяйство, могло держаться только на невольномъ трудъ. Одной челяди дворной было недостаточно для надлежащаго обезнеченія господарскаго хозяйства рабочею силою и доходами. Поэтому литовско-русскіе господари, какъ и всѣ другіе землевладъльцы, стали держаться правила, что крестьяне, прочно осъвшіе въ нхъ имьньяхь, люди застьольные, старожильцы, не могуть покидать своихь земель, бросать свою "службу" господарю или владыльцу. Извыстный привилей 1447 года, устанавливавшій, что господарь и его урядники не будуть принимать въ великовняжескія села изъ имбній внязей, панова, рыцарстваплахты и мещань людей данныхъ, извечныхъ, селянитыхъ, невольныхъ" и требовавшій того же оть землевладільцевь въ отношеніи господарскихъ крестьянь, не вводиль никакой новости, а только подтверждаль, санкціонироваль уже сложившіяся отношенія. Старожильство господарскихъ крестьянь было основаніемь для сыска ихъ, какъ былыхъ, и возвращенія на свои отчины. Напр., въ 1533 году пану Альбректу Мартиновичу Гаштольду, какъ державцъ Бобруйскому, данъ быль такой приказъ: "которыя земли пустовскій лежать впусть, а ихъ никто не держить, на таковыхъ повинни будете ваша милость, отчичовъ отыскавши, и посадити". Признакомъ старожильства крестьянъ было отчинное, наследственное владение тымь или другимь участкомь — землею, дворищемь, селищемь, жеребьемь или его долею. Кром'в того, старожильство устанавливалось и десятил'втнею земскою давностью владенія крестьянскимъ участкомъ, безъ особихъ гарантій свободнаго выхода.

Вызванное потребностями господарского хозяйства приврѣпленіе врестьянь-отчичей носило при всемь томъ обязательственный характерь, не было въ жизни безусловнымъ. Крестьянинъ-отчичъ могъ освободиться отъ своей неволи, сдавь или продавъ свою отчину прихожему крестьянину. Такая сдача и продажа господарскими крестьянами своихъ отчинъ практивовалась въ широкихъ размърахъ. Продавшіе или сдавшіе свои отчины (подразумъвается: съ разръшенія господаря или его уряда) крестьяне уже не подлежали возвращению на эти отчины, съ которыхъ полнилась служба новыми владильцами. На это указываеть, напр., такой случай. Тивунь господарскій Черсвятской волости въ 1522 году предъявиль требованіе къ одному полоциому боярину, чтобы онъ выдаль человых своего Климяту, на томъ основанін, что челов'якь этотъ господарскій, изъ Лодостна. Но Климята объясниль, что хотя онъ и изъ Лодостиа, но отецъ его еще при жизни своей продаль свою отчину старцу Лодостнеченому Тетеръ. На основани этого показания воевода Полоцкий оставиль Климяту за его владъльцемъ. Обязательственнымъ характеромъ прикранленія объясняется и широко практиковавшійся отходъ членовъ крестьянской семьи на сторону.

Крестьянскія отчины вы нёкоторых случаях оказывались недостаточными для всёхъ наличныхъ членовъ крестьянской земли. Поэтому часть ихъ уходила на сторону, порывала всякую связь съ отчиною и не подвергалась возвращенію, разъ съ отчины и безъ того исправно полиплась служба. Такимъ образомъ, напр., въ 1514 году Сигизмундъ I разрёшилъ своему дворянину Костъ Пищикову принять на пожалованную ему землю двухъ господарскихъ крестьянъ, которые "отошедши отъ братьи своем колко лётъ ходили по людемъ по наймомъ", между тёмъ какъ тамъ, "гдъ они передъ тымъ жили, четыре брата ихъ живуть и службу супольно служать". Разъясвеніе мотива, которымъ король руководился въ своемъ дозволеньѣ, указываетъ ка то, что здёсь мы имѣемъ дёло не съ простымъ разрёшеніемъ принять господарскихъ крестьянъ-отчичей, а съ признаніемъ того, что эти этчичи перестъли быть въ сущности отчичами, стали вольными, похожими людьми, не связанными болёе обязательною "службою" своему господарю.

Обязательственный характерь прикрапления господарскихъ крестьянъ сказывается и въ отношенін литовско-русскаго правительства къ уходу крестьянь безъ зам'естительства на ихъ отчинахъ. Крестьяне-отчичи неръдко покидали свои дома и земли вслъдствіе бъдности и невозможности служить службу господарю. Они расходились "въ покорми", поступали въ наймы или "запродавались въ пънязяхъ", т. е. становились закупами, наконець — присаживались къ зажиточнымъ крестьянамъ въ потужники, въ дольники и подсустаки. Великокнижеская администрація не возвращала такихъ разорявшихся крестьянъ на ихъ отчины, где отъ нихъ не могло уже быть пользы. Такихъ крестьянъ надо было ставить на ноги, поднимать экономически. Но такая задача была не по плечу великокияжеской администраціи, и потому правительство предпочитало терп'єть уходы разорившихся крестьянъ въ надеждъ, что они сами поправятся на сторонъ, воротятся на свои отчины или сядуть на другой господарской земль. Господарь могь бы распоряжаться такими ослабъвшими крестьянами и другимъ образомъ, напр., продавать ихъ или жаловать безъ земли другимъ владельцамъ. Но продажа господарскихъ крестьянъ безъ земли совершенно не практиковалась, а пожалование безъ земли бывало очень редко. Намъ известна только одна запись такого пожалованья, состоявшаяся при Казимиръ въ 1447 году: "Билятовичамъ Твирмунтову землю, а самого Твирмунта пану Кезегайлу". Обычно врестьяне жаловались частнымъ владъльцамъ съ землями и угодьями, съ обязательствомъ нести съ нихъ новому нану ту же службу, какую несли и самому господарю великому кинзю или какую друѓую, по его усмотренію. Крестьянинъ-отчичь кренко сростался съ своею землею, съ которой онъ служилъ свою службу, и мыслился вместе съ нею, ванъ живая служба, а не отдельно оть нея. Сами врестьяне обычно тяготын ка своимь отчинамь, ка своимь родовимь гивадамь, и неохотно разставались съ ними. Въ источникахъ сохранились многочисленные следы борьбы ихъ съ нуждою, стремленія удержаться такъ или иначе на своихъ отчинахъ. Самый отходъ крестьянина на сторону иногда имёлъ цёлью

простой заработокъ, поправленіе матеріальныхъ рессурсовъ для продолженія хозяйства и службы господарю на своей отчинъ. Для поправленія своего матеріальнаго положенія крестьяне прибътали тавже къ долгамъ у зажиточныхъ сосъдей, которые они погашали либо работою, либо прибытками своего хозяйства, либо отдачею въ пользованіе арендитору своихъ земель и угодій, либо, наконецъ, продажею части своей отчины. Но все это сплошь и рядомъ еще болье обезсиливало крестьянина, который и бросаль тогда свою отчину, становись похожимъ человькомъ, на котораго господарской администраціи приходилось только махнуть рукою.

Какъ бы то ни было, но крестьяне-отчичи de jure были людьми "непохожими", и господарь великій князь въ извъстныхъ случанхъ, когда представлялась возможность, осуществляль это право въ жизни, выводиль крестьянъ-отчичей, зашедшихъ за другихъ владельцево или даже въ другія господарскія волости, и водворяль ихъ на міста премняго жительства. Но наряду съ отчичами непохожими въ господарскихъ имёньяхъ проживало немало престыянь вольныхь, "похожихь". Эти вольные престыяне устраивались въ господарскихъ пивньяхъ разнычь образомъ. Часть ихъ оседала на пустовщинамъ, новинутымъ отчичами, либо на той самой служов, которая шла прежде съ этого участка, либо на оброкъ, арендной платъ. Эти крестыне, если они не засидъти земской давности или если особымъ договоромъ гарантировали себъ право выхода, оставались людьми вольными, которые могли уйдти въ другое м'есто. Ограничение существовало для такъ называемыхъ "жалобниковъ" и "слободичей", которые садились "на волъ", "на жалобь" или "на свободь", т. е. съ условіемь въ теченіе извъстнаго количества лътъ не платить всъхъ или части податей и не нести повинностей (въ большинств случаевъ это были вольные прихожіе люди, которые садились не на пустовщинахъ, а на сыромъ корию, новозаселяли имѣнье). Такіе прихожіе крестьяне должны были отсидёть не только волю, но и таковое же число льть уже безь воли, и въ случав самовольнаго ухода подзежали возвращению "не мней, яко и отчичи" (Статуть 1529 г., раздъль VIII, арт. 20). Вольные похожіе люди, не сидевшіе на воле, не были привизаны въ своей земле и могли всегда попинуть ее. Когда великому винзю приходилось жаловать князю, пану или боярнну въ составъ того вли другого имънья земли, на которыхъ сидъли вольные похожіе люди, онъ постоянно оговариваль въ своихъ привилеяхъ, что люди вольные, сидящие въ томъ нивньв, вольны: вехотять ему служить, служить, а не вехотять ему служить, и онъ имъеть отпустить ихъ добровольно "со всими ихъ статки". Лругая часть вольныхъ похожихъ людей устраивалась въ господарскихъ именьяхь не самостоятельными хозяйствами, а въ потужникахъ, въ дольникахъ, половинникахъ, третчикахъ у крестьянъ-отчичей. Эти крестьяне имъли дъло не съ господарского администраціею непосредственно, а съ крестьянами-"господарями", съ которыми они и заключали свои ряды и

Откуда набирались вольные похожіе люди? Прежде всего несомивнию, что часть ихъ наслёдственно пребывала въ этомъ званіи. Вольные похожіе

люди, чтобы не подпасть д'виствію земской давности и не сд'влаться людьми засиделыми, брали особыя удостовбренія или записи своего вольнаго состоянія, которое переходило такимъ соразомь и на ихъ дътей. Часть набиралась пов вольно-отпускной челяди и отчичей, получавшихъ формальное разрѣшеніе "уходить прочь, вуза вто хочеть". Но значительная часть набиралась изъ отчичей и безъ этого прямого разръщенія. Таковы были прежде всего тъ престъяне, которые сдавали или продавали свои отчины другимъ, а сами шли кормиться на сторону. Сюда присоединялись также и ть крестьяне-отчачи, которые по бъдности бросали свои отчины и долгое время "волочились" по людямь въ наймитахъ и закупахъ. Давность дълала ихъ свободными вы глазахъ правительства. Поэтому, жалуя ихъ пустовщины какому-инбудь боярану, господарь сплошь и рядомъ оговариваль: "А придугь ли отчичи тое земли, а ьсхотять ли ему служыть по своей доброй воли, и они нехай служать, а не есхотять ли ему служити, и они мають повти, куда хотячы". Наконець, въ разрядъ вольныхъ, похожихъ людей попадали и тъ крестьяне-отчичи, которихъ выпускали отъ себя на сторону престыянскій семьи-товарищества, бакъ лишнихъ членовъ, ненужныхъ для выполненія службы господарю. Въ составь вольныхъ похожихъ людей попадали приходии изъ-за рубежа, тверичи, москва, и пребывали въ этомъ состояній до тёхъ поръ, пока не становились людьми засёдёлыми, старожильцами или отчичами. Вольные, похожіе люди набирались также и изъ мъщанъ, которые покидали свои услабом и земли въ городъ и шли на покорыть вы села. И, наконець, контингенть вольныхъ похожихъ людей пополнялся изъ класса такъ называемыхъ слугь, которые по природному состоянію своему въ разсматриваемое время были еще вольными людьми.

Люди служебные, слуш разныхъ наименованій составляли вторую многочисленную категорію населенія господарскихъ имѣній на ряду съ тяглымъ крестьянствомъ. По своему экономпческому положенію слуги близко стояли къ тяглому крестьянству. Такъ же, какъ и тяглые крестьяне, слуги были маленькими землевладѣльцами, а сплошь п рядомъ и земледѣльцами и промышленниками, сидѣвшими цѣлыми гиѣздами на своихъ "отчинахъ". Но они отличались отъ крестьянь своею спеціальною службою. Главною ихъ повинностью была воениля служба и разъѣзды по порученіямъ великовиямеской администраціи въ мирное время. Всѣ другія повинности, котория они отправляли вмѣстѣ съ тяглыми крестьянами, были только побочними, добавочными къ главной повинности.

Первоначальное ядро этого класса составили младшіе дружинники, тѣ самые гриди и отроки, которые били у князей Кіевской Руси, и которые подъ именемъ слугъ постоянню фигурирують рядомъ съ боярами въ договорныхъ грамотахъ удъльныхъ князей съверо-восточной Руси. Такъ же, какъ и старшіе дружинники-бояре, слуги съ теченіемъ времени съли на землю, за невозможностью книзей содержать ихъ на всемъ готовомъ. Потребности военныя и административныя заставляли литовско-русскаго господаря пополнять этоть основной контингентъ слугъ различными элементами изъ тяглаго крестьянства. Вотъ, напр., характерный въ этомъ от-

ношенім прим'єръ. Въ 1514 году в'єкто Лавринъ Станкевичъ, слуга изъ Кіевской земли, билъ челомъ господарю, прося вызволить его отца и братьевъ отъ тяглой службы. Онъ могивировалъ свою просьбу тімъ, что его отецъ и братьи—люди "достаточные" и могутъ "гораздо службу земскую заступовати". Господарь исполнилъ просьбу, освободилъ крестьянина Станка и его двухъ сыногей отъ трехъ тяглыхъ службъ, которыя они служили, отъ дякла и другихъ "дачекъ", которыя они платили господарю и его уряднивамъ, и велісь имъ "службу земскую заступовати у трехъ зброяхъ". Они должны были имѣть коней добрыхъ и зброя, и брони "такъ достаточие", какъ предписано было боярамъ-шляхтъ. Слуги или служки, не тадившіе на войну и служившіе только по порученіямъ администрація, набирались веогда не только не изъ достаточныхъ, а наобороть—изъ "привбожалыхъ", "зубожалыхъ" людей, когорые не въ сестояніи были полнить своей тяглой службы.

Слугь было несколько разрядовъ. Наиболее многочисленный изъ нихъ составляли слуги путиме (по лат. servitores expeditionarii), названные такъ отъ того, что спеціальною повинностью имъ быль "путь" или "листовная служба". Они вздили по разнообразнымь поручениямь местной великокняжеской администрацін съ "листами", съ деньгами, съ Вильну и другіе города, куда было нужно. Но когда начиналась война, они виступали въ походъ подъ командою м'встнаго державцы, или нам'встника. Н'якоторые изъ нихъ по отдёльнымъ мёстностямъ несли и другія повиниости, давали дякло, дань медовую и грошовую, коней, бобровщину и разныя другія "подачки" господарю и мъстной администраціи. Наиболье распространенною повинностью путныхъ слугь было кошенье свиа на господаря. Слуги путные въ Полодкой земль назывались сельскими путниками. Въ Кіевской земль, на Волыни и Полѣсьѣ къ этому же разряду слугъ относились слуги посельскіе. Путные слуги иногда только по традиціи назывались путными, нбо не несли путной собственно службы, а только военную, панцырицю. Такіе слуги назывались иногда путными боярами. Въ Смоленской и Витебской земл'в слуги, несшіе панцырную службу, такъ и назывались панцырными слугами или даже панцырными боярами. Панцырная служба счигалась тяжеле обыкновенной военной, и потому панцырные слуги обыкновенно не несли уже никакихъ другихъ повинностей, кромъ панцырной службы, которую они отправляли "посполъ зъ бояры". Вирочемъ, бывали и тугь исключенія, и панцырные слуги несли и разныя другія повинности. Кром'в панцырных слугь, въ Смоленской земл'в были еще слуги доспъшные, щитные и конные. Это были все разновидности одного и того же разряда слугь, несшихъ военную службу. Слуги конные являются по актамъ и въ другихъ областяхъ Лиговено-Руссиаго государства, въ томъ числъ и въ собственной Литвь. Всь они, сверхъ своихъ спеціальныхъ службъ, несли и другія повинности, давали дани деньгами, лошадьми, медомъ, косили съно, ходили на толоку, сынали ставы. Слуги Кіевской земли, провожавшіе пословъ въ орду, назывались ордынцами.

Виходя силошь и рядомъ изъ тяглаго крестьянства, неся за одно съ нимъ разныя повинности, слуги разсматривались, какъ крестьяне, и вмъств

сь крестьянами назывались "людьми" (напр., люди служебные, люди путные и т. под.). Но при всемъ томъ въ разсматриваемое время они не приравнивались внолий къ таплимъ крестьянамъ, не почитались за людей "простыхъ" и "регольныхъ", хотя бы и были отчичами, людьми засидельми (во второй половинь XVI выка положение ихъ въ этомъ случав уже намънилось). Въ склу этого въ 1511 году королю Сигизмунду били челомъ "люди служебные" Городенскаго повъта Сенька Климовичъ и Мицута Ивановичь, жалуясь на то, что король отдаль ихъ дворянину Сеньку Тверитину за простыхъ людей", не ведая того, что они люди служебные и живутъ большею частью при господарскомъ дворъ. Король уважиль ихъ жалобу н вернуль ихъ снова въ Городну. Въ составъ того или другого господарскаго села и волости слуги нередко жаловались господаремъ разнымъ лицамъ, наряду съ тяглыми престъявами. Но жаловались собственно не они лично, а ихъ земли. Поэтому, пожаловавъ въ 1511 году князю Михаилу Ивановичу Мстиславскому дворъ Молодечно въ готчину, король Сигизмундъ счель нужнымь оговорить: "которые люди путные и иные люди вольные тамъ въ Молодечив, тые и теперь вольны: всхотять ли ему служити, и они мають ему служити, а не всхотять ему служити, ино имъ поити добровольно, гдв хотячи, землю оставивши". Въ одномъ судебномъ "вырокв" по поводу путныхъ слугь, господарь и паны-рада въ опровержение притязанія на этихъ слугь въ силу господарскаго пожалованья разъяснили: "то не слушная ръчь (не подходящая вещь), абы слуги путные мяли кому въ неволю даны быти". Но съ теченіемъ времени старожильсто, какъ принцигь прикрыпленія, стало дёйствовать и въ отношеніи слугь, которые стали такими же невольными людьми, какъ и тяглые отчичи (см., напр., Статуть 1588, раздель 12, арт. 12—13).

Потребности государственной обороны заставляли литовско-русскаго господаря привлекать къ военной служов зажиточныхъ крестьянъ, снимая сь нихъ решительно все тяглыя повинности. Примеры такой вербовки идуть со времень Витовта. Витовть вызволиль, напр., предковъ Городищскихъ земянъ на Подлишь Сабней и Головеневъ отъ тяглой службы, отъ "порубовь" (раскладки крестьянскихъ повинностей) и дякла и предоставиль имъ "однимъ конемъ на войну ходить, какъ и иншии бояре ходять". Великій князь Спинамундъ Кейстутьевичь во время похода своего къ Брянску вызволить съ тяглой службы предка и вкоего Яна Ганцевича и велъль ему "боярскою службою служить". Нереходъ съ тяглыхъ и другихъ служебъ совершался пногда по иниціатив'в самихъ врестьянь. Такъ, въ 1541 году сокольникъ Стапіко Тузиковичь просиль вызволить его оть службы соколницкой и дать ему вемли, которыми онь владеть, "на службу болрскую земскую". Король исполниль его просьбу, обязаль служить его тою же службою, какъ и иные бояре, и освободиль отъ всёхъ другихъ служебъ и дачекъ. Всв эти лица служившие вмёстё съ боярами, и слыли обыкновенно за боярь, хотя и не приравнивались къ благороднымъ боярамъ, шляхть. Поэтому, напр., когда вышеупомянутый Янъ Ганцевичь захотыль получить съ прибившаго его лица шляхетское безчестье, т. е. 12 руб.

грошей, Сигизмундъ отказалъ ему, на томъ основаніи, что хотя великій князь Сигизмундъ и велѣлъ его предку служить боярскою службою, но шляхетства ему не далъ. Король присудилъ ему безчестья только рублъ грошей, "какъ которому путному слугъ". Изъ этого видно, что многіе бояре восили только имя бояръ, не отличаясь по своимъ правамъ отъ слугъ.

Литература.

М. К. Любивскій, Областное діленіе и містное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго статута; Литовско-русскій сеймь; Ө. И. Леоямовичь, Крестьянскій дворъ въ Литовско-Русскомъ государстві (Жур. Мин. Народ. Просвіщ. 1897, № 4, 5); Бояре и служилые люди въ Литовско-Русскомъ государстві (Жури. Мин. Народ. Просв. 1907, № 5, 6).

XIX.

Мъщане и евреи въ господарскихъ имъньяхъ до половины XVI въка.

"Мѣста", какъ торговопромышленныя городскія и сельскія поселенія. Разнообразіе занятій, повинностей и юридическаго положенія мѣщанъ.—Привилегированное положеніе евреевъ; грамоты Витовта.—Ихъ распространеніе по литовско-русскимъ городамъ въ XV вѣкѣ; временное изгнаніе въ концѣ XV и нач. XVI вѣка.—Еврейское засилье и его причины; кредитныя операціи евреевъ и откупа.

Кромф сель и селець, населенныхъ тяглыми и служебными людьми, въ господарскихъ имъньяхъ существовали еще миста съ жившими въ нихъ мышанами. Такъ назывались въ Литвь и западной Руси селенія, соотвътствовавийя московскимъ посадамъ, въ которыхъ происходили торги п ярмарки, находились гостиные дворы и лавки, винныя, пивныя и медовыя корчмы и разныя другія торговыя и промышленныя заведенія. Такія м'єстапосады располагались либо вокругь военныхъ пунктовъ-замковъ или остроговъ, либо вокругь центральныхъ господскихъ дворовъ, бывшихъ административными средоточіями, либо отдільно въ качестві особых поселковъ. Некоторыя изъ этихъ месть были крупными торгово-промышленными селеніями, обыватели которыхъ жили исключительно или преимущественно торговлею и ремеслами. Таковы были старыя городскія поселенія Литвы и занадной Руси, каковы были: Вильна, Троки, Ковно, Берестье, Новгородокъ, Минскъ, Полоцкъ, Витебекъ, Смоленскъ, Кіевъ, Луцкъ, Владиміръ и Кременець. Другія въ сущности были только торговыми селами, жители которыхъ занимались торговлею и ремеслами только въ придачу къ земледваю. Мещане таких в месть кроме усадебных участковы и домовы вы месте ("садибъ") имфли еще по близости земли пахотныя, бортныя, сфиные попосы и другія угодья, на которыхь они устранвали свои хутора-фольварки.

Сообразно съ этимъ были не одинакови и повинности, и юридическое положение господарскихъ мѣщанъ. Мѣщане крупныхъ торговыхъ горо-

довъ платили обыкновенно общій "плать" со всего м'еста за освобожденіе отъ всякихъ тяглыхъ повинностей и за предоставление имъ самоуправления по магдебургскому праву (это самоуправление стало жаловаться имь съ конца XIV въка). Кромъ того, они платили палотъ и за усадебныя мъста, называвтійся по разнымъ м'встамъ разными именами: подымщина, поворотщина, верховщина (во Владимір'в), прутовое (егь міри пруть", пол. pret), и промысловые налоги: торговые пенязи съ лавонъ, китокъ и "ятокъ" (хлъбныхъ закромовъ), куншчное съ домовъ, гд в пяво п медъ варять и продають; корчолиме пъням пли капщину съ домовь, гдв пивомъ, медомъ и виномъ горъзымъ шинкують, и т. д. Мещане незелчительныхъ месть, пакавшіе земли и разрабатывавшіе угодья, пром'є промысловыхъ м'єстевихъ налоговъ, платили съ своихъ земель тъ же разнообразния "дачки" и несля тъ же "тягли", что и крестьяне, т. е. платили дань (напр., въ Подафпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ), дякло, чиншь (плать съ волосъ деньгама и ватурою-овсомъ, курами и яйцами), серебщину и ордынщину (въ Подивирскихъ волостяхъ), давали стации и подводы проважающему господарю, его посламъ, гондамъ и урядинкамъ, хомам на толоки и на звалты вивств съ господарскими крестъянами и т. д. Система обложения всеми этими податями и повинчостими находилась въ полномъ соответствии съ обложеніемь престыянь, поо и м'вщанское землевладініе представляло полное сходство съ престъянскимъ. Мещанскія "земли" представляли такія же исторически сложившеся комплексы пашень и угодій, какъ и крестьянскія, самаго разнообразнаго разм'єра и состава. Только въ западнихъ частяхъ государства вошло въ практику при пожалованій містамь магдебургскаго права размърять мъщанскія земли на волоки, и это не только на Подляшьт, но и на Волыни, Польсьт и въ собственной Литвъ. Въ отношеніц волочной пом'єры" м'єщанское землевладініе шло впереди врестьянскаго и влекло его, такъ сказать, за собою.

Мы виділи, что значительная часть крестьянства въ господарскихъ иміньяхь, кромі податей и барщиннихъ повинностей, несла военную службу. На войну ходили не только слуги разнихъ наименованій, но и и вікоторые ремесленные люди, какъ, напр., когали, дойлиды, клепачи и т. под. Точно такъ же и мінцане обложены были военною повинностью. Они выполняли эту повинность "водув устави", т. е. виставляли столько ратниковъ со всего міста, сколько опреділено било для него по постановленію господаря и пановъ-рады на каждый дамині случай. Независимо отъ сего отдільные мінцане, пріобр'ятавшіе земскій имінья у бояртышляхты или земли слугь, несли военную службу по замиь своимъ пріобр'ятеніямъ.

Въ соответствии съ экономическимъ положениемъ и повидностями разнообразилось и юридическое положение ибитлив. Въ то время накъ мъщане такихъ, напр., городовъ, какъ Полоциь и Вятебскъ, въ силу мъстныхъ земскихъ привилеетъ, не могли быть отдатаемы господаремъ въ частное подданство, не могли быть выводимы изъ своихъ мъстъ, сами имъя право вольнаго выхода изъ нихъ, мъщане не имчительныхъ мъстъ и мъстечекъ сплошь и рядомъ жаловались въ составъ велекомияжескихъ имъній частнымъ лицамъ на ряду съ крестьянами, по своимъ владѣньямъ были такими же отчичами-непохожими, какъ и крестьяне. Въ то самое время, какъ мѣщане крупныхъ мѣсть обособились отъ крестьянъ по управлению и повинностямъ, особенно въ мѣстахъ, получившихъ магдебургское право, мѣщане незначительныхъ мѣстъ и мѣстечекъ на литовскомъ и русскомъ правѣ едва отдѣлялись отъ крестьянъ, съ которыми они сообща несли разныя повинности и виѣстѣ подлежали суду и управѣ однихъ и тѣхъ же должностныхъ лицъ и т. д.

Совершенно особое и исключительное положение занимали въ господарскихъ мъстахъ еореи, разселившіеся въ нихъ изъ Польши. Положеніе это определено было грамотами Витовта, которыя подтверждались затёмь его преемниками на великомъ княжении. Въ общемъ евреямъ даны были пе только личныя и изущественныя обезпеченія, но и значительныя преимущества передъ мъщанами-туземцами. За убійство еврея грамоты полагали смертную казнь и конфискацію имущества; за нанесеніе рапъ и побоевь еврею-штрафъ въ пользу великаго киязя и вознаграждение потерпъвшему въ томъ же размъръ, въ какомъ полагалось шляхтичу. Чикто не вывль права принуждать евреевь къ уплать долга или вообще къ отвъту въ еврейскіе праздничные дни. Строгое наказаніе полагалось за нарушеніе еврейскаго богостуженія, а также за нападеніе или разрушеніе еврейскихъ кладбицъ. Такъ какъ евреи хоронили своихъ покойниковъ только въ определенныхъ городахъ, где были ихъ кладонща, грамоты, предусматривая перевозъ мертвыхъ еврейскихъ тълъ, запрещали чинить евреямь на таможенных заставахь препятствія и брать что-либо съ перевозимыхъ ими мертвыхъ тёль. Запрещалось, согласно папскимъ декретамъ, обвинять евреевь въ употребленіи христіанской крови. Самыя широкія права предоставлены были евреямъ по части ссудныхъ операцій. Еврей могъ принимать въ закладъ всякую вещь, за исключениемъ церковныхъ вещей и одеждь мокрыхъ и окровавленныхъ, могь принимать во всякое время, за исключеніемъ лошадей, закладъ которыхъ долженъ происходить непремыно днемь. Онь не обязань быль наводить справки о принадлежности залогодателю вещи, которая представлялась вы закладъ. Въ случав, если бы открылось, что заложенная вещь украдена или пограблена, еврею достаточно было присягнуть вь томъ, что онъ не зналь этого, а также вь томъ, какая сумма выдана подъ закладъ этой вещи, и хозяннъ найденной вещи долженъ быль внести ему эту сумму и половину наросшихъ процентовъ. Соблюденія какихъ либо формальностей при пріем'в въ закладъ, въ родь, напр., занесенія стопмости заклада въ книгу и выдачи соотв'ютственной росписки въ принятіи, не требовалось. Въ случав, если еврей отрекался оть принятія заклада, діло різшалось присягою. Просроченный закладъ еврей могь обратить въ свою пользу, пость заявленія передъ уридомъ о просрочкъ. Еврен получили право брать въ залогъ и недвижимия имущества съ правомъ входа во владъніе ими, въ случат просрочки платежа, впредь до выкупа. Что касается права торгован, то грамоты Троцкимъ и Брестскимъ евреямъ предоставляють имъ свободную торговлю всеми

предметами наравић съ христіанами съ обязанностью уплачивать съ товаровь пошлины наравић съ другими жителями великато книжества Литовскато. Грамота Гродненскимъ евремиъ предоставляла имъ право торговать въ лавкахъ и по улицамъ наравић съ мѣщанами христіанами, заниматься ремеслами и даже земледѣліемъ, уплачиван въ великокнижескій скарбъ тѣ же подати, что и другіе мѣщане, карить и продавать пиво, медъ и горѣлое вино подъ условіемъ платежа "канщины" и т. д. Всѣ свои внутреннія дѣла евреямъ предоставлено было рѣшать самимъ, между прочимъ разбирать гражданскій тяжбы. Только по дѣламъ уголовнымъ и искамъ христіанъ евреи должны были судиться господарскими урядниками.

Пользуясь защитою и покровительствомъ власти, евреи стали распространяться и по другимъ городамъ Литовеко-Русскаго государства. Ихъ распространеніе и засиме вызвало въ концъ XV въка реакцію. Въ 1495 году великій князь Александръ приказалі "жидову зъ земли вонъ выбити". Изгнаніе коснулось всёхъ еврейскихъ общинъ Литовско-Русскаго государства: Берестье, Городно, Троки, Луцкъ, Владиміръ и Кіевъ были очищены оть евреевь. Вся поземенная собственность, какая къ тому времени навопилась въ рукахъ евреевъ, была конфискована. Ссуды, далныя евреямъ подъ залогь недвижамости, велёно было должникамъ вносить въ скарбъ; ссуды же, данныя подъ залогь движимости, погашались. Евреи могли избавиться оть постигшей ихъ бъды только принятіемъ христіанства. Мотивъ изгнанія быль-религіозный, но вырось онъ несомнічно на экономической почвъ. Недолго, однако, продолжалось это изгнаніе. Въ 1503 году Алевсандръ, "помысливши съ паны радами", принялъ опять евреевъ въ свое государство и дозволилъ имъ проживать тамъ, гдъ они и раньше жили. Имъ возвращались дома, лавки, огороды, поля и луга и проч., -все, чъмъ они владели до изгнанія. Евреи должны были только заплатить владельцамъ ихъ имуществъ то "челобитье", которое было уплачено этими последними при пожалованій имъ конфискованныхъ еврейскихъ педвижимостей, а равно и всякія издержки по устройству и улучшенію этихъ недвижимостей. Если эти имущества новыми владельцами были проданы или заложены, евреи должны были выкупить ихъ. Имъ предоставлено было взыскивать долги со всёхъ своихъ должниковъ, по всёмъ долговымъ обязательствамъ, взятымъ еще до изгнанія. Всъ литовскіе евреи обязались сообща виставлять на войну 1000 всадникость. Но скоро эта повинность была сняга съ нихъ, и они обязаны были за одно съ мъщанами тъхъ городовъ, гдъ жили, платить обыкновенныя и чрезвычайныя подати и нести всё вообще повинности. Въ XVI въкъ евреи заполонили чуть не всъ города великаго книжества Литовскаго. Общины ихъ, или "жидовскіе зборы", кром'в упоминавшихся уже городовъ, видимъ въ Новгородиъ, Слонимъ, Мстибоговъ, Клецкв, Пинскв, Кобринв, въ Полоцкв, Витебскв, Острогв, Турцв и т. д. Распространение евреевъ и ихъ экономическое засилье вызвало уже въ половин'в XVI въка сильное раздражение въ лиговско-русскомъ обществъ. "Въ эту страну, - писалъ Михалонъ Литвинъ, - собрался отовсюду самый дурной изь всёхъ народовъ-іудейскій... народъ вёроломный, хитрый, вредный. Онъ портигь напи товары, поддёлываеть деньги, печати, на всёхъ рынкахъ отнимаеть у христіанъ средства къ жизни, не знаеть другого искусства, кром'ь обмана и клеветы". Еще різче писаль объ евреяхъ современный поэть Кленовичь въ поэм'ь "Roxolania". "Ты спросишь, что ділаеть жидъ въ этомъ славномъ городі? А то же, что ділаетъ волкъ, попавшій въ полную овчарню. Посредствомъ долговъ къ нему попадають въ закладъ цілые города; онъ утісняеть ихъ процентами и сіть нищету. Червь медленно точить дерево и понемногу събдаетъ дубъ. Оть моли погибаютъ ткани, отъ ржавчины портится желізо. Такъ жидъ-тунеядецъ събдаеть частное имущество, истощаеть общественныя богатства". "Даже казна государственная не безопасна отъ его изворотовъ". Приведенные отзывы не были единичными голосами. Противъ евреевъ выражала свое неудовольствіе шляхта на великихъ вальныхъ сеймахъ. Такъ, на сейм'ь 1551 года шляхта жаловалась на то, что евреи захватили въ свои руки купли немалыя и откупа мытъ и корчомъ.

Чамъ же объяснить это преуспание еврейства въ Литовско-Русскомъ государствъ? Да тъми же самыми исконными свойствами еврейскаго племени, коими и теперь обусловливается его преобладание на рынкъ, биржъ и въ промышленности, -- необывновенною подвижностью и изворотливостью, энергіею и уміньемь собирать капиталы и пускать ихъ вь обороть. Туземное литовско-русское мъщанство не отличалось этими вачествами. Мы видьли, что значительная часть его занималась торговлею и ремеслами не исключительно, а только въ придачу къ земледълю. Недостаточно спеціализировались въ торговл'є и индустріи и богатые м'єщане Вильны, Ковна, Полоцка, Витебска и Кіева, пріобретавшіе земскім именья, имевшіе крестьянь и служившие съ нихъ военную службу наравнъ съ боярами. Будучи либо земледыльцами, либо землевладыльцами, крыпко привязанные къ мъсту своего жительства, литовско-русскіе мъщане не вырабатывали въ себь той подвижности и предпримчивости, какими отличались евреи, а наобороть-отличались всёми тёми чертами, которыя свойственны земледъльческимъ влассамъ, - извъстною неподвижностью, косностью. Они не прочь были торговать и промышлять, но непремённо дома, не отрываясь оть земли, оть домашниго хозийства, не такъ, какъ евреи, стремившиеся поспъвать всюду, гдъ была надежда на прибыль. Литовско-русскіе мъщане ждали обыкновенно къ себъ покупателя и заказчика, а евреп искали и находили ихъ. Но особое преимущество евреевъ передъ туземнымъ мъщанствомъ состояло въ необыкновенномъ умени ихъ собирать капиталъ и пускать его вь обороть, ссужать нуждающихся въ деньгахъ. Этимъ своимъ уменьемъ евреи и снисмали себе покровительство какъ у господаря, такъ и у правищей аристопратіи.

Литовско-русскій господарь рано научился цёнить евреевь, какъ откупщиковь корчомъ и мыта. Уже у великаго князя Витовта были такіе откупщики изъ евреевь. Когда великое княжество Литовское превратилось въ огромное государство, и политическая и придворная жизнь пошла на широкую ногу, литовско-русскій господарь вынуждень быль нерёдко жить въ счеть будущихъ поступленій, приб'єгать подобно частнымъ лицамъ къ кредиту. Этоть кредить и оказывали ему евреи. Взимая у нихъ деньги, великій князь предоставляль имъ выбирать эти деньги съ разныхъ доходныхъ статей. Чаще всего великіе князья сдавали евреямъ на откупа или "въ аренду", какъ говорилось тогда, мыта и корчмы. Туземные мъщане неохотно брались за эти хлопотливыя и рискованныя предпріятія. Еще иветныя корчмы, доходность которыхъ имъ была известна, они брали въ аренду, ибо это не отрывало ихъ отъ домовъ. Но если предлагалось взять ворчму въ аренду гдв-нибудь на сторонв, на большой торговой дерогвгостинцъ", литовско-русскій мъщанинъ ръдко ръшался бросить дли этого свое хозайство и върное дъю мънять на невърное. Въ такомъ случав обыкновечно являлся еврей и браль корчму вы аренду. Еще ръже туземное мъщанство бралось за хлопотливое и рискованное дъло собиранія мыта, для котераго надо было покидать домъ, убражать на границу, бдительно смотрыть за пробажающими, держать надежныхъ сторожей и т. д. Еврен охотно брались за все это, не будучи въ такой степени привязаны къ месту своего жительства, какъ туземные мещане. Даже и въ техъ случахъ, когда ивстние мъщане соглашались взять на откупъ ту или другую регалію, еврен обыкновенно перебивали у нихъ откупъ, давая надбавку противъ цены, предложенной мъщанами. Свои обизательства предъ вазною они обывновенно выполняли точно и добросовъстно, правильно понимая свои выгоды. Поэтому и господари литовскіе предпочитали еврея корчмаря н мытника всякому иному. Принимая на откупъ казенные доходы, евреи обыкновенно вносили впередъ часть суммы, за четверть года, за полгода, иногда даже за несеолько леть. Такіе откупщики сделались положительною необходимостью для Литовско-Русскаго государства, которое силою историческихъ обстоятельствъ вынуждено было жить въ счеть будущихъ доходовъ. Разумвется, снабжая авансомъ лиговскій скарбъ, еврен не забывали о своихъ процентахъ, и казна должна была поступаться въ пользу нхъ значительною частью своихъ доходовъ.

Итакъ, евреи нашли себъ покровительство у литовско-русскаго правительства потому, что снабжали его "готовизною", готовыми деньгами.

Но откуда же сами они орали эти деньги? Было бы ошибочно думать, что евреи въ массъ были богатыми людьми, если могли оказывать
кредить государству. Факты, приводимые изслъдователями, показывають,
что богачей-капиталистовъ было сравнительно мало въ средъ евреевъ, что
масса, какъ и теперь, влачила убогое существование. Евреи вели свои операціи компаніями, составляли крупныя суммы изъ маленькихъ взносовъ.
Воть почему около таможень жила обыкновенно цълая колонія еврейская. Наиболье богатие кть евреевь были заправилами предпріятія и юридическими его представителями. Они заключали контракть съ казною. Бъдняки вносили въ сбидее предпріятіе гроши, свои хлопоты по его устройству и веденію и перебивались со дия на день на ту микроскопическую
прибыль и заработки, которые давало имъ предпріятіе. Евреи дълали обороть не съ одними только собственными капиталами, но и съ чужими.

Они сами брали въ долгъ деньги у туземныхъ состоятельныхъ людей подъ большіе проценты, довольствуясь тѣмъ остаткомъ прибыли, который имъ удавалось съэкономить для себя. Евреи тѣмъ были и сильны, что принесли съ собою на Литву умѣнье составлять крупиые капиталы изъ мелкихъ, умѣнье выполнять тѣ самыя функціи, которыя выполняютъ теперь банки и акціонерныя общества. Въ интимныхъ отношеніяхъ съ еврействомъ по этой части стояли богатые литовскіе паны, пускавшіе черезъ евреевъ въ обороть свои сбереженія и потому обыкновенно имъ покровительствовавшіе. Евреи сумѣли стать необходимыми какъ для великаго князя, такъ и для литовско-русскаго панства, какъ финансовые дѣльцы, умѣвшіе ковать деньгу. Одинъ изъ такихъ дѣльцовъ Аврамъ Езофовичь сдѣлался при великомъ князѣ Александрѣ подскарбіемъ земскимъ, т. е. министромъ финансовъ.

Литература.

М. К. Любавскій, Областное діленіе и містное управленіе Литовско-Русскаго госуларства ве времени изданія перваго Литовскаго статута; М. В. Довиарт-Запольскій, Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго; С. А. Бершадскій, Литовскіе евреи. СПБ. 1883; Аврамь Езофовить Ребичковичь, подскарбій великаго княжества Литовскаго, Кієвь 1888 (Кієвская старина 1888 г.).

XX.

Шляхта въ господарскихъ доменахъ при Казимиръ и его сыновьяхъ.

Бояре-шляхта, какъ высшій классь населенія господарскихъ доменъ.—Составъ шляхты по Городельскому привилею 1413 года. Расширеніе этого состава по привилеямъ 1432, 1434 и 1447 годовъ; отсутствіе рѣзкой грани между боярами-шляхтою и людьми, несшими боярскую службу.—Значеніе судебнаго пересмотра правь отдѣльныхъ бояръ въ дѣть обособленія шляхетскаго сословія; устава о "выводь" шляхетства. Значеніе "земскаго пописа" 1528 года и хозяйственныхъ "уставъ" 1529 года.—Возведеніе въ шляхетство и привилен на это званіе; виѣшніе знаки шляхетства.—Особыя права и преимущества шляхетскаго званія.—Земяне, какъ равнозначительный боярамъ-шляхть классъ, въ западныхъ областяхъ.—Служилые татары и ихъ положеніе.

Не всв военнослужилые землевладвльцы Литовско-Русскаго государства утвердили во всей полнотв право собственности по отношеню къ своимъ имъньямъ (plenum jus et dominium). Такое право досталось только на долю крупныхъ и вліятельныхъ землевладвльцевь, которые въ латинскихъ хроникахъ XIV в. назывались domini praepotentes, viri famosi, а въ латинскихъ документахъ—barones, proceres, въ русскихъ псточникахъ—старшіе, наилъпшіе бояре и затъмъ—паны. Земельныя имущества средняго, рядового боярства остались подъ доминіумомъ господаря великаго князя, который регулировалъ владвніе ими въ своихъ военно-политическихъ и

отчасти финансовыхъ цъляхъ. Такимъ образомъ, высшимъ классомъ въ составъ населенія господарскихъ доменъ оказалось среднее или рядовое боярство.

Это среднее или рядовое боярство исподоволь превращалось въ шля-

жетское сословіе и получиле имя боярг-шлятты (отчасти земянь).

Основаніе шляхетскому сословію въ Лиговско-Русскомъ государствъ положиль Городельскій привилей 1413 года. Этогь привилей, какъ изв'єстно, предоставиль разныя права польской шляхты тёмъ литовскимъ "баронамъ" и знатнымъ боярамъ, которые были исповедниками рамской католической въры, и которыхъ поляки сопричислили къ своимъ гербовымъ братствамъ. Привилен Ягайла 1432 года и Сигизмунда Кейстутьевича 1434 года даровали и русскимъ князьямъ, панамъ и боярамъ великаго княжества тъ же плихетския права и вольности, какия получили литовские паны и бояре въ 1413 году, при чемъ имъ дозволялосъ, но не предписывалось обязательно, брать себь гербы отъ лиговцевъ, по соглашению сихъ последнихъ съ своими польскими одногербовинками. Привилей Казимира 1447 года распространиль шляхетскія права и на боярь земель-аннексовь великаго вняжества Личовскаго, при чемъ совсемъ оставилъ вопросъ о гербахъ, считая, повидимому, боярское званіе собершенно достаточнымь для пользованія шляхетскими правами. Кругь шляхты великаго княжества Литовскаго благодаря этимъ привилеямъ сильно расширился. Но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и та ясная черта, которая прежде отграничивала этоть классь оть остального населенія: признакомъ шляхетства стала не только принадлежность къ тому или другому гербу, но и простая боярская служба, безъ герба. Но мы уже видели, что боярская служба отправлялась не только тыми, кто "зъ въковъ" были болре, но и "простыми" людьми, которые освобождались оть "дачекъ" и "тяглей" спеціально для несенія этой службы. Шляхетское сословіе, такимъ образомъ, въ боярстві стало незамътно сливаться съ простыми людьми, съ крестьянствомъ. И это тъмъ болъе справедливо, что и "извъчные" болре, шляхта, неръдко нисходили до тяглаго, податного состоянія. Происходило это разнообразными путями. Въ Жмудской землъ, напр., при Сигизмундъ I многіе болре-шляхта "за великими упадками своими" перестали служить военную службу и начали давать съ своихъ земель "подачки" великому князю. Ихъ перестали уже различать отъ податныхъ людей, и король долженъ былъ поручить старость Жмудскому произвести спеціальное "вывьданье", кто изъ нихъ "правые" бояре. Иногда бояре-шляхта пріобрътали врестъянскія земли и вивств съ ними принимали на себя и крестьянскія повинности, не переставан вы то же время быть боярами и нести военную службу. Въ общемъ можно сказать, что хотя привилен, даровавшіе литопско-русскимъ боярамь права и вольности польской шляхты и создали въ Литовско-Русскомъ государствъ особое илляхетское сословіе, но это сословіе не выдынлось сразу и не обособилось рызко оть остальной народной массы.

Обособленіе это совершалось исподоволь, постепенно, и значительныхъ усп'єховъ достигло только къ половин'є XVI в'єка. Въ этомъ процесс'є

значительную роль сыграль прежде всего судебный пересмотръ правъ отдёльныхъ бояръ.

Вследствіе того, что болре-шляхта сплетались съ верхними слоями крестынства какъ на почвъ землевладънія и повинностей, такъ и въ самомъ названін, и правительственные органы, и крестьянскія власти, и частныя лица по временамъ не различали бояръ-шляхту отъ "простыхъ" людей, нарушали ихъ шляхетскія права или унижали ихъ шляхетское достоинство. Боярамъ-шляхтичамъ поэтому цередко приходилось возстанавливать судебнымъ порядкомъ свою принадлежность къ плихетскому сословію, или "выводить" свое шляхетство. Въ такихъ случаяхъ они различвыми документами или свидътельскими показаніями старались доказать, что они "гъ въковъ" -- бояре, что предки ихъ служили военною службою, назывались болрами, держали волости въ кормленьв и т. под. Практика, установившаяся въ решени дель о шляхетстве, нашла себе въ конце концожь законодательную формулировку въ уставь о "выводь шляхетства" 1522 года и въ статуть 1529 года. Въ 1522 году господарь и паны-рада постановили: шляхтичь имбеть выводить свое имяхетство двумя шляхтичами, которые должны подъ присигою показать, что онъ отъ прадъда и дъда одного рода съ ними и брать имъ по прози; если не можеть поставить двухъ, а только одного, то должень самъ лично подтверждать его показаніе присягою; если же не можеть поставить на судь ни одного свидетеля, то должень представить, по крайней мере, старинные листы Витовта, Сигизмунда и Казимира или ибкоторыхъ высокихъ пановъ-рады, въ которомъ онъ самъ или его предки писалы болрами независимо отъ ихъ собственныхъ показаній. Статуть 1529 года предоставляль право представлять вь качествъ свидътелей, если родъ перевелся, и околичныхъ бояръшляхту, которые подъ присягою должны показать, что данное лицо шляхетскаго рода. Такимъ образомъ, путемъ судебныхъ решеній въ составь шляхетского сословія подбирались всь ть бояре, предки которыхъ уже во времена дарованія шляхетскихъ привилегій были настоящими боярами, а не вновь набраны были на боярскую службу. Лица, возстановившія судебнымъ порядкомъ свои шляхетскія права, получали соотв'єтствующіе "листы," при помощи которыхъ доказывалось ихъ шляхетство впоследствін, и которые они хранили, какъ фамильное сокробище, могущее пригодиться для ихъ потомковъ.

Помимо судебных дёль о шляхетстве, возникавших спорадически и более или менее случайно, внясненю наличности шляхетскаго сословія и обособленю его отъ соседних низших классовъ помогли не мало и некоторыя общія административныя мёры, принятыя въ великокняженіе Сигизмунда Стараго. На первомъ плане здёсь надо поставить "понисъ земскій" 1528 года, въ которомъ поименно были перечислены всё бояре-шляхта, долженствовавшіе отправлять военную службу. Къ этому реестру нозже стали обращаться за справлями при разборе дёль о шляхетстве. Помещеніе въ списокъ боярь 1528 года стало считаться оффиціальнымъ признаніемъ шляхетскаго достоинства лица и основаніемъ

для возстановленія этого достоинства. Въ 1528 году, такимъ образомъ, составлена была своего рода дворянская книга, определившал, хотя бы и приблизительно, наличность имяхетского сословія въ Литовско-Русскомъ государствъ. Въ следующемъ году принята была новая мера, которая въ своемъ результать должна была еще болье отграничить бояръ-шляхту отъ нешляхты. По вовой "уставь", данной въ 1529 году въ руководство державцамъ дворобь Виленскаго и Троцкаго повътовъ и Жмудской земли, путные бояре, соязанные "войну служити и съпо косити", обложены былиеще сверхъ того тяглыми повинностями, такъ называемою толокою- "три дни на паренину орати, три дни на жыто, а три дни серпомъ жыто жати, а три днь ярыну". Кром'ь того, некоторые изъ нихъ отставлялись отъ военной службы и переводились на оброкъ, облагались "осадными коаами". Этотъ переводъ производился писарями господарскихъ дворовъ, которые согласно съ новою уставою стали объезжать эти дворы, устанавливать "и пописывать" господарскіе "пожитки". Въ тахъ случаяхъ, вогда писари по недоразумѣнію облагали тяглыми повинностями бояръшляхту, последние доходили до господаря и возстановляли свое шляхетство. Все это въ обмей сложности солбиствовало вищиему обособленію и выделенію собственнаго шляхетскаго сословія.

Тому же служили и спеціальныя грамоты на шляхетство, выдача которыхъ участилась какъ разъ съ конца дваддатыхъ годовь XVI въка. Возведение въ шляхетство производилось и ранбе на оффиціальныхъ торжествахъ. Такимъ образомъ король Сигизмундъ на торжественномъ празднествь, которое отправлялось по случаю принесенія ленной присяги Прусскимъ герцогомъ Альбрехтомъ въ 1525 году, возвелъ въ шляхетское сословіе своего мытника еврея Михеля Езофовича, во вниманіе въ заслугамъ покойнаго брата его Аврама Езофовича, бывшаго подскарбія земскаго, и въ его собственнымъ. При этомъ король выдалъ ему особый привилей, въ силу котораго Михель Езофовичь должень быль пользоваться всёми правами, вольностями, милостями и льготами, которыми пользовались и остальные шляхтичи, и между прочимъ гербомъ, перстнемъ, цёпью и другими "рыцарскими" знаками. Что касается герба, то Сигизмундъ утвердилъ за нимъ гербъ "Лелива", въ который принялъ его панъ Юрій Глебовичъ, и предоставиль изображать его знакъ всюду, гдв изображаются гербовые знаки шляхтою, - на печатяхъ, коврахъ и другихъ предметахъ (этотъ знакъ написанъ быль врасками въ подлинномъ привилећ). Изъ всего этого видно, что и на Литовско-Русское государство распространилось вліяніе различныхъ обычаевъ и установленій западно-европейскаго среднев вкового рыцарства, и что название "рыцарь", фигурирующее довольно часто въ оффиціальномъ литовско-русскомъ языкі, - не пустой звукъ, а слово, обозначающее извістное реальное, жизненное явленіе. Въ Литовско-Русскомъ государствъ дъйствительно было свое рыцарское благородное сословіе на манеръ западноевропейскаго, съ его инсигніями, а также, по всёмъ даннымъ, и съ его сословными попятіями и предразсудками. Возведеніе въ шляхетство съ конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ участилось, именно потому, что къ тому времени плихетское сословіе довольно уже рѣзко обособилось и отграничилось оть простонародья, такъ что и нопадать въ него стало возможно только по особой милости господаря. Въ актахъ попадаются случаи возведенія въ шляхетство тяглыхъ крестьянъ, годныхъ "службу земскую заступовати. Но чаще всего гозводились въ шляхетство не прямо съ тяглой, а съ панцырной, путной или какойнибудь другой военной службы за особыя заслуги и отличія. Кром'є военной службы, ступенью къ достиженью шляхетства била также канцелярская и придворная служба. Господарь возводиль въ шляхетское званіе не только своихъ подданныхъ, отличавшихся на ратномъ пол'є, но и своихъ заслуженныхъ дворцовыхъ служителей—одверныхъ (чвейцаровъ), машталеровъ (конюховъ), коморниковъ (лакеевъ) и т. д., а также и выслужившихся канцелярскихъ служителей.

Въ чемъ же состояли особенности положения бояръ-шляхты по сравненію съ "простыми людьми," населявшими господарскіе домены? Боярешляхта были и оставались вольными людьми, сколько бы времени ни жили въ господарскихъ доменахъ. Они всегда могли покинутъ свои имънья, которыя они держали подъ господаремь, хотя бы то были ихъ "извъчныя отчины, " и въ протавоположность крестьянамъ-отчичамъ не подлежали возращенію на свои отчины. Изъ другихъ правъ шляхты надо отмітить гарантированную имъ земскими привилеями личную и имущественную неприкосновенность: шляхтичь безъ судебнаго разбирательства не могь быть наказываемъ ни смертію, ни телеснымъ наказаніемъ, ни заключеніемъ въ тюрьм'в, ни конфискацією пувнья, ни денежнымъ пітрафомъ. За пораненье, увъчье, и непредумышленное убійство шляхтича полагались повышенные денежные штрафы въ 12 рублей, 30 копъ и 100 копъ грошей (простые люди, ударившіе шляхтича, наказывались даже отсеченьемъ руки). Шляхтичъ признавался вообще человъкомъ "добрымъ," благороднымъ, достойнымъ веры, и потому силошь и рядомъ въ судебныхъ тяжбахъ "шляхетская присяга" принималась за ръшающій доводь. Какъ люди благородные, не простые, шляхтичи подлежали юрисдикціи воеводъ, старость, маршальовь земскаго и дворнаго (на сеймахъ), но не обланы были являться на судь державцевь, которые переименованы были изъ тивуновъ, и которые судили преимущественно простыхъ людей, холоповъ. Шляхтичи могли судиться у этихъ державцевъ только по своей доброй волъ. На судъ вызывались "позвами", судебными пов'єстками, а не привлекались черезь "дътскихъ," въ формъ привода: дътскій посылался за шляхтичемъ лишь послъ того, какъ шляхтичъ не явился на судъ за двумя "позвами." Наконецъ, только пляхтичи участвовали съ половины XV в. на великихъ вальныхъ сеймахъ, созывавшихся для решенія важнейшихъ вопросовъ виешней и внутренней политики и законодательства.

Бояре-шляхта владіли подъ господаремь иміньями главнымь образомь въ Литовской землів и слившейся съ нею "Русп" и въ земляхъ Жмудской, Полоцкой, Витебской, Смоленской и Кіевской. На Подляшь въ Берестейской области, на Вольни, Подоль в и въ западныхъ пов тахъ земли Кіевской классъ,

соотвътствующій боярамъ-шляхть, носиль польское названіе земянь, чередующееся вирочемь, неръдко съ именемь "бояре-шляхта." Здъсь дъйствоваль, очевидно, примъръ сосъдней Польши. Дъло въ томъ, что нѣкоторил изъ этихъ областей попадали въ XIV и XV в. подъ властъ Польши. Въ этихъ областяхъ не мало было землевладъльцевъ, переселившихся изъ Польши; независимо отъ этого поддерживалось тъсное житейское общеніе съ Польшею. Неудивительно, если здъшніе бояре-шляхта усваивали себъ польское имя земянъ, которое къ тому же лучше отличало отъ "простыхъ" людей, чъмъ имя "бояринъ." Здъшніе "земяне" удерживали это имя даже и въ тъхъ случаяхъ, когда пріобрътали имънья на Литвъ и въ другихъ областяхъ. Съ теченіемъ времени проявилась общая тенденція къ вытъсненію названія "бояре-шляхта" названіемъ "земяне," и статуть 1529 года мъшаетъ уже названія "бояре-шляхта" и "земяне," Вирочемъ въ другихъ памятнякахъ оффиціальной письменности, современныхъ и нозднъйшихъ, названіе бояре-шляхта было преобладающимъ.

На одинаковомъ почти положении съ боярами-шляхтою и земянами, не пользуясь ихъ политическими преимуществами, находились татары, испомъщенные въ великовняжескихъ доменахъ. Извъстія о служилыхъ литовскихъ татарахъ идуть со временъ Витовта, который после похода на Лонъ въ 1397—1398 годахъ поселилъ множество пленныхъ татаръ въ западныхъ частяхъ Литовской земли-по Виліи, Вакъ и Лососнъ. Изъ переписи военно-служилаго люда, произведенной въ 1528 году, видно, что татары жили преимущественно въ разнихъ мёстахъ Троцкаго воеводства, а также и въ Новгородскомъ повете. Многіе изъ нихъ имели своихъ врестьянь, вследствіе чего фадили на войну самь-другь, самь-третей, самьшесть и т. д. Но многіе изь нихь были "казаки, " "што людей не мають", а ивкоторые даже сидели на огородахъ, не имбя пашень. Татары делились на стяги, которыми командовали хоруже изъ татарь, а казаки ставились подъ начальство хоружихъ своими атаманами. Въ техъ местностяхъ, где татары были разселны спорадически, они ставились на войну вивств съ местными боярами-шляхтою. Вообще татары землевладельцы пользовались теми же правами, что и бояре-шляхта, на техъ же основаніяхъ владели именьями, отправляли военную службу и т. д.

Литература.

М. К. Любавскій, Литовско-русскій сейиц; Ө. Н. Леонтовиць, Бояре и служилые люди въ литовско-русскомъ государствѣ (Жури. Мин. Народ. Просв. 1907, № 5, 6); Правоспособность литовско-русской шляхты (Жури. Мин. Народ. Просв. 1908 № 3, 5, 6, 7; 1909, № 2, 3).

XXI.

Землевладъніе и повинности шляхты въ господарскихъ доменахъ при Казимиръ и его сыновьяхъ.

Фактическое владьніе, какъ древивійшій типъ боярскаго землевладьнія.—Появленіе гарантированнаго "ввинстаго" землевладьнія и основныя его черты; ограниченія въ правт распоряженія отчинами и вислугами.—Имфиья "до воли господарской", "дочасныя" и "ленныя". — Господарскій доминіумъ надъ имфиьями боярь-шляхты и передача его въ частныя руки; прекращеніе этой передачи ко времени перваго Статута.—Военная служба съ имфий боярь-шляхты и ея разміры.—Замкован, дорожная и мостовая повинности; подводная, стаційная, сторожевая, и др. повичности съ выслугь.—Бояре, слуги и крестьяне въ шля-хетскихъ имфиьяхъ.—Сябринное боярское землевладьніе и землепользованіе и отправленіе повинностей.

Бояре-шляхта, земяне и татары держали подъ господаремъ земельныя именья на разныхъ условіяхъ. Древитішимъ типомъ боярскаго землевладьнія было фактическое владьніе съ допущенія или пожалованія господаря. Это владение сплошь и рядомъ было наследственное и потомственное. Но при всемъ томъ такія фактическія владінія въ иныхъ случаяхъ могли отбираться отъ владёльцевь по усмотрению господаря. Съ конца XIV века, со времени выдачи изв'єстныхъ привилеевъ, это фактическое землевладініе стало разделяться на разные виды. Изъ него выделилось прежде всего "въчистое", т. е. неотъемлемое, при условіяхъ службы, владініе "отчинами, материзнами, выслугами и куплями". Такія въчности" переходили по наследству къ жене, детямь, "счадкомъ" (дальнейшимъ нисходящимъ) и "близкимъ" (боковымъ родственникамъ), и только при неимфніи таковыхъ возвращались къ верховному собственнику - господарю великому князю. Владельцы "вечистыхь" именій могли продавать ихъ, дарить, отдавать въ приданое и на поминъ души и вообще "къ своему пожиточному обернути, вакъ самъ налъпъй розумъючи". Единственное ограничение по существу въ данномъ случав констатируется актами и статутомъ 1529 г. въ интересахъ рода: нельзя было отчуждать самовольно, безь согласія родныхъ, болбе одной трети отчины. Кромф того, для отчужденія выслугь въ виду разнообразныхъ условій ихъ пожалованія требовалось вообще разрѣшеніе господаря великаго князя. Съ появленіемъ этого гарантированнаго типа боярскаго землевладёнія, прежній фактическій типь боярскаго землевладёнія юридически опредъпился уже, какъ владъніе "до воли и ласки господарской". Даруя "въ вотчину", "на въчность" имънья своимъ боярамъ и земянамъ, подтверждая вы частныхъ и общихъ земскихъ привилеяхъ вотчины и старыя выслуги "на въчность", литовско-русскіе господари на ряду съ этимъ въ интересахъ службы продолжали раздавать изъ состава своихъ доменъ имънья и до воли и ласки своей господарской, не определяя срока владения и пользованія. Но такъ какъ такой порядокъ не особенно былъ удобенъ для землевладельневь, держа ихъ въ неизвестности и неуверенности относительно владенія, то господарь сталь опредёлить срокъ владенія. Появился новый типъ "дочаснаго" землевладенія— "до живота", т. е. пожизненнаго, "до дву животовъ", т. е. съ правомъ передать д'тямъ, "до трехъ животовъ", т. е. съ правомъ передачи дътямъ и внукамъ. Иногда именья жаловались временно, "до очищенья отчины" владыьца, занятой непріятелемь, или просто "до осмотренья" инымъ, более подходящимъ именьемъ. Все подобныя временныя владенія называются по временамъ въ актахъ XV и XVI в. помистыями. Въ интересахъ же господарской службы съ теченіемъ времени возникъ особый типъ землевладения на ленном право, т. е. съ правомъ перехода къ наследникамъ только мужского пола. Источники рано, въ XIII в., упоминають объ именьяхъ jure feodali. Но неизвестно точно, въ какомъ смысле разуменся тогда этоть латинскій терминь. О "ленахъ" упоминаеть затыв статуть 1529 года и современные акты, которые и разъясняють лены именно, какъ наследственныя въ мужскомъ потомстве именья. Такіл имьнья стали возникать, очевидно, въ то время, когда пришлось считаться сь огрицательными последствіями установившагося "вечистаго" землевлаафия съ полнымъ правомъ распоряжения и съ свободою выхода за мужъ боярскихъ наследницъ. Статуть 1529 года приняль целый рядь меръ противъ "вдовъ", которыя остаются по смерти мужа на его имфиьф, противъ дъвиць, которыя своевольно выходять замужь. Общая тенденція его стеснить по мере возможности землевладение женщина, невыгодное для интересовъ земской, военной службы. Въ административной практикъ эта борьба съ развитіемъ женскаго землевладенія и породила раздачу именій боярамъ-шляхть и земянамъ на ленномъ правъ, т. е. съ правомъ наслъдованія только для нисходящихъ потомковь мужскаго пола. Уступка частнымъ интересамъ въ свою очередь порождала комбинированныя формы землевладенія: именья давались иногда мужу, женю и нисходящимь мужского пола, а при неимъніи ихъ-дочери, внукъ или правнукъ и ея нисходящимъ мужского пола и т. д. Вообще надо сказать, что формы болрскаго шляхетскаго землевладенія въ разсматриваемое время все более и более дифференцировались, умножались и усложнялись, по мере того, какъ опрежелялись и закреплились юридически самыя основанія, на которыхъ покоилось шляхетское землевлальніе.

Всьми своими имъньями бояре-шляхта владъли только при условіи службы верховному собственнику, господарю великому князю. Каждый бояринь-шляхтичь съ своимь "почтомь", т. е. съ извъстнимь числомь слугь, смотря по размърамъ имънья, должень быль ставиться подъ повътовое знамя, подъ начальство мъстнаго хоружаю. Имънье, все равно какого бы типа изъ перечисленныхъ оно ни было, отбиралось отъ владъльца, если онъ не явился или служилъ съ него неисправно военную службу. На этомъ основаніи бояре-шляхта, имъвшіе земли подъ господаремъ, не имъли права поддаваться съ этими землями на службу къ князьямъ и панамъ. На этомъ же основанія всъ лица, покупавшія или получавшія въ даръ, по наслъдству или въ приданое за женами боярскія шляхетскія имънья, должны были нести съ нихъ службу господарю великому князю. Боярскія шляхетскія

имьныя составляли принадлежность господарских домень, источникь земской боярской службы господарю, и потому не могли отдёляться оть его домень по желанію владільцевь этих иміній. Самь литовско-русскій господарь въ качествъ верховнаго собственника этихъ имъній долгое время считаль себя въ правъ передавать имънья бояръ-шляхты въ составъ другихъ земель во владенье князьямъ и панамъ. Господарь отчуждаль въ такихъ случаяхъ только свой доминіумъ надъ этими им'єньями. Бояре-шляхта въ такихъ случаяхъ не лишались своихъ имъній и не могли быть лишены и новыми владельцами. Но они обязаны были нести съ нихъ новому пану ту же службу, которую до этого несли самому господарю великому князю; въ противномъ случат должны были сойдти съ нихъ прочь, взявши свое движимое имущество. Съ теченіемъ времени выяснилось, что передача господарского доминіума надъ иміньями бояръ-шляхты въ частныя руки нередко приводила бояръ-шляхту къ необходимости покидать свои именья, была, следовательно, косвеннымъ отнятіемъ этихъ именій, что противоречило общему имахетскому праву. Въ двадцатыхъ годахъ XVI стольтія господарь пришелъ къ сознанию этого противоречия и призналъ, что "пляхта не маеть, а не можеть быть никому въ моцъ подана". Въ общеземскомъ привилет 1529 года господарь далъ торжественное объщание за себя и своихъ потомковъ не отдавать шляхту, своихъ подданныхъ, или ен имънья никому изъ пановъ и князей. Съ того времени, хотя и бывали случаи пожалованія разнымъ лицамъ въ составѣ волости или крупнаго имѣнья боярь съ ихъ землями, но собственно бояре-шляхта съ ихъ отчинами перестали включаться въ это число. По отношению къ имъньямъ пожалованнымъ-выслугамъ господарь остался на прежней точкъ зрънія и передавалъ свой доминіумъ надъ ними въ частныя руки, за исключеніемъ техъ случаевь, когда вь жалованныхъ грамотахъ на эти именья было примо оговорено, что владельцы ихъ обязаны служить съ нихъ только одному господарю.

Таково было землевладение бояръ шляхты въ господарскихъ доменахъ. Что касается повинностей ихъ, то главною была, какъ уже сказано, военная боярская служба. Долгое время размёрь этой службы съ каждаго даннаго имбиья опредблялся чисто исторически, какъ и съ крестьянскаго участка. Все завискло здвеь оть размеровь именья, зажиточности владельца, условій, на которыхъ пожалована была земля и т. под. Мелкіе землевладъльцы самолично выбажали на войну, "водлъ можности своее", т. е. на такихъ коняхъ и въ такомъ вооружении, какое доступно было по ихъ средствамъ. Иные выдажали на войну самолично, но на добромъ конт и въ волномъ вооруженін — "зброн", какъ полагалось; иные выдажали самъдругь, самъ-третей и т. д., съ "почтомъ" слугь. Съ начала XVI въпа военная повинность уже регулировалась сеймовыми "ухвалами", т. е. постановленійми, при чемъ за основаніе принималось количество крестьянскихъ служебъ въ шляхетскомъ имъньъ. Опредълялось выставлять коннаго ратника въ полномъ снаряжень съ 10, иногда более, иногда мене крестъянскихъ служебъ. Что же касается мелкихъ землевладальцевъ, то они по прежнему

должны были лично выбажать на войну "водив можности своее". Кромв военной, общею повининостью шляхетских имений была повинность замковая, дорожная и мостовая, т. е. обязанность ставить работниковъ при постройкъ и ремонтъ замковъ, военныхъ дорогь и мостовъ. Эти повинности оставлены были на имфиьяхъ бояръ-шляхты земскими привиленми 1413, 1434 и 1447 года и последующими, которые освобождали эти именья оть всякихъ другихъ "тяглей" и "дачекъ" на господаря великаго князя. Но на именьяхъ, которыя жаловались вновь боярамъ-шляхте, сплошь и рядомъ оставлялись и другія повинности. Литовско-русскіе господари считали себя связанными въ данномъ случав только въ отношении къ имвислиъ бояръшляхты отчиннымъ или выслуженнымъ въ давнее время, при пожаловани же иміній вновь сплошь и рядомъ оговаривали, что съ этихъ иміній должны выполняться ть или другія повинности, сверхъ перечисленныхъ выше. Чаще всего на боярскихъ выслугахъ оставлялись повниности: подводная, стаційная, сторожевая и заставная, т. е. бояре-шляхта съ своихъ имфий должны были давать подводы профажающимъ господарю и его урядникамъ, за одно съ госпедарскими крестьянами "стеречь недели", давать стацін, или кормы, господэрю в его урадникамъ при проёзді, держать сторожу при замкахъ или въ полъ, въ степи, отправляться въ заставу, т. е. на гариновную службу вь тогь или другой городь и т. д. Въ отдельныхъ случаяхъ на выслугахъ бояръ-пляхты оставлялись и другія повинности, напр., хожденіе на толоку на господарскія пашни и сенокосы. Впрочемъ, это были уже сравнительно редкія исключенія.

Бояре-шляхта и земяне выполняли дежавшія на ихъ иміньяхъ "земскія" повиннести не только самолично, но и при помощи своихъ "подданныхъ . Тъ изъ нихъ, которые владъли болъе или менъе значительными имъньями, держали на участкахъ этихъ имъній даже собственныхъ своихъ бояръ и слугь, которые и выблажали на войну въ ихъ "почтахъ". Но большинство шляхетскихъ подданныхъ составляли крестьяне разныхъ наименованій-тяглие, данники и др. И въ шляхетскихъ имфиьяхъ констатируется разнообразіе престыянскаго населенія по роду запятій и повинностей, хотя и не такое, какъ въ непосредственно эксплуатируемыхъ великимъ княземъ частяхъ его доменъ. Сходство въ настоящемъ случай происходило частью оть сходства хозийственныхъ условій, частью оть того, что многія шляжетскія вмінья обязаны были своимь существованіемь пожалованіемь боярамъ-шляхтичамъ и земянамъ господарскихъ людей съ землями. Такъ же, какъ и въ непосредственныхъ владъніяхъ великаго князи, крестьяне шляхетскихъ выбый делились на людей непохожихъ, извечныхъ (отчинныхъ) н людей походихъ, вольныхъ, обладавшихъ правомъ перехода, съ соблюденіемъ извістныхъ условій. То обычное право, которое дійствовало въ данномъ случав по отношению къ господарскимъ крестьянамъ въ собственномь, тесномь смысле, находило себе еще более полное и резкое примененіе въ биту плахетскихъ подзанныхъ.

Такъ какъ и шляхетскія имфнья въ большинстві не отличались крупными размірами, то и среди бояръ-шляхты такъ же, какъ и среди "простыхъ становъ распространено было сябринное землевладение и землепользование и совместное отправление военной службы и другихъ повинностей. Статутъ 1529 года постановлялъ, что, если будетъ несколько братьевъ неделеныхъ, тогда съ ихъ "сумесного" имёнья долженъ служить одинъ изъ нихъ—"годнейной". Съ мелкихъ шляхетскихъ имений отбывалась одна земская служба даже и въ томъ случав, когда они разделялись и попадали во владение чужеродцамъ. Такъ было, напр., на Подлящье, где жила убогая шляхтичей въ отдельности не мыслимо было выправляться на войну. Поэтому бедные шляхтичи складывались и свобща отправляли "коня" на войну, либо вызажали по очереди, при чемъ остававшиеся дома помогали ехавшему снаряжаться на войну.

Литература.

М. К. Любавскій, Областное діменіе и містное управленіе Литовско-Русскаго государства во времени паданія перваго Литовскаго Статута; Лятовско-Русскій сеймь; М. В. Довнаръ-Запольскій, Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго при Ягелдонахъ, томъ І; Ө. И. Леонтовичъ, Правеспособность литовско-русской шляхты (Журн. Мин. Народ. Проевіщ. 1909, № 2 и 3); М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Помістья Литовско-Русскаго Государства (Чтенія въ Историческомъ Обществъ Нестора Літописца, вн. ПП).

ХХП.

Княжеское и панское землевладъніе и его значеніе въ соціальнополитической организаціи Литовско-Русскаго государства; церковныя имънья.

Общая характеристика владінія съ полнымі правомі и панствомъ.—Уділы князей Рюриковичей, Гедиминовичей и древнихъ дитовскихъ династій.—Имбиья литовскаго панства; древность ихъ происхожденія.—Военное могущество землевладільческой аристократіи по даннымъ переписи 1528 года; паны хоруговные.—Земскія повинности съ имбиій князей и пановъ.—Положеніе церковныхъ имбиій.

На ряду съ великовняжескими доменами, которые давали господарю финансовыя средства для содержанія двора и удовлетворенія государственныхъ потребностей и военныя силы для обороны отъ внѣшнихъ враговъ и для поддержанія власти и порядка внутри государства, въ великомъ княжествѣ Литовскомъ существовала большая наличность независимыхъ имѣній, владѣльцы которыхъ владѣли и распоряжались ими "съ полнымъ правомъ и панствомъ". На этихъ имѣньяхъ не лежало тѣхъ ограниченій, которыя лежали на имѣньяхъ "подъ господаремъ". Великій князь, сохраняя въ отношеніи къ нимъ права верховнаго правителя страны (salvis juribus nostris regalibus), не простиралъ на нихъ правъ своихъ, какъ вер-

ховнаго собственника, своего землевладѣльческаго доминіума. Вслѣдствіе этого, напр., ихъ собственники жаловали части этихъ имѣній своимъ слугамъ съ правомъ служить съ нихъ, "кому хотя", а не непосредственно только великому князю.

Какъ создальсь въ Литовско-Русскомъ государствъ такого независимаго типа земельныя владънія? Отвъть на это данъ отчасти въ шложеніи территоріальнаго образованія Литовско-Русскаго государства.

Мы видели, что, присоединяя русскія земли, великіе князья Литовекіе замішали своими родичами или намістниками только главные столы областныхъ вняженій, оставлян мелкихъ удільныхъ внязей на ихъ отчинахъ. Такимь образомъ, напр., въ Полоцкой землъ остались на своихъ отчинахъ виязья Лукомскіе, давшіе оть себя вітвь виязей Щидуцкихъ, Мелешковскихъ и т. д.; въ Витебской земль остались князья Доцикіе, развытвившеся на князей Толочинскихъ, Соколинскихъ, Озерецкихъ, Одинцевичей-Багриновскихъ, Одинцевичей-Гольдовскихъ, Зубревицкихъ, Путятичей, Горскиув, Шишевскихв, и др., а также князья Вяземскіе, развытвившіеся на киност Емвалицкихь, Козловскихь, Крошинскихь, Жилинскихъ и т. д.; на Волыни оставались киналя Четвертинскіе, оть которыхъ произошли князья Сокольскіе; затіль князья Острожскіе, Ружинскіе, Острожецкіе, Несвецкіе, оть когорыхъ пошли князья Збаражскіе, Вишневецкіе и т. д. Всь эти князья Рюриковичи помимо отчинъ пріобреди именія и въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства путемъ покупокъ у другихъ князей и пановъ или путемъ пожалованья великаго князя "съ полнымъ правомъ и панствомъ". Число ихъ, кромъ нарожденія, увеличилось некоторыми пришельцами изъ Москвы, въ роде, напр., князя Матвея Микитинича, прибывшаго съ великою внягинею Еленою и давшаго начало роду княжей Головчинских (оть пибнія Головчина). Мы видын также, что и Гедиминовичи далеко не всв лишены были своихъ вняженій при установленій на Литві едиподержавія. Владівшіе мелкими выяжествами остались на своихъ столахъ, и княжества ихъ съ теченіемъ времени были признаны ихъ вотчинами. Такимъ образомъ, на Руси Литовской упъльти князья жеславские, потомки Явнута, получившаго жеславль, или Изяславъ подъ Минскомъ, после низведенія его съ великаго княженія; ви. Чорторыйские на Волыни и Литвъ, потомки внязя Константина Олегердовича; многочисленные князья Сангушковичи на Волыни, потомки Өедора Ольгердовича; ви. Корецкие и Буремские тамъ же, потомки Наримунта Гедиминовича и т. д. Наконецъ, некоторыя вняжескія владенія образовались еще въ древивищую эпоху, предшествующую объединению Литвы, каковы были владенія винзей Гольшанских, Гедройтских, Свирских въ предълахъ собственной Литвы. Эти князья спасли свои владенья подчиненіемъ великому князю Литовскому. Некоторые изъ этихъ старинныхъ литовскихъ династовъ получили имбиья уже отъ величихъ князей Литорскихъ, въ родъ, напр., князя Ямунта, родоначальника князей Подберезскихъ. Наконецъ, нъкоторыя вняжескія имінья образовались путемъ пожалованья ихъ князьямъ изъ татарскихъ выходцевъ, въ родь напр. князей Глинскилъ.

Такимъ путемъ и создался огромный контингентъ княжескихъ имъпій въ Литовеко-Русскомъ государствъ. Большею частью эти имѣнья лежали въ русскихъ областяхъ великаго княжества. — Что касается собственной Литовской земли, жмуди и Подлишья, то здёсь были сосредоточены преимущественно имънія литовскихъ пановъ-Гаштольдовъ, Радивиловичей, Остиковичей, Кезгайловъ, Заберезинскихъ, Кишковъ, Падовъ, Ходпевичей, Воловичей, Немировичей, Довойновь, Ильиничей, Глебовичей, Нарбутовичей, Сологубовичей, Сопетъ, Солтановичей, Хребтовичей, Зеновьевичей, Монтыгирдовичей, Тишковичей и т. д. Эти имфиья такъ же, какъ и имфиья князей литовскихъ династій, въ значительной части были древияго происхожденія. То были имына тыхь domini potiores, domini praepotentes, о которыхъ говорять намь нъмецкія хроники XIII и XIV въковь, и которые наряду со всеми другими нетитулованными землевладельцами, яесшими военную службу великому князю, получили русское имя бояръ. Въ концъ XIV-го и началь XV въка эти врупные землевладъльцы, или "бароны", вмъстъ съ другими боярами (armigeri, milites) получили отъ великаго князя права неотъемлемаго владенія и свободнаго распоряженія своими отчинами, вуплями и выслугами. Но эти права вь отношении въ нимъ имъли другое значеніе, чёмъ въ отношеніи къ простому, рядовому боярству. Для нихъ они явились только юридическимъ опредъленіемъ и закръпленіемъ фактической землевладільческой независимости ихъ оть великаго князя, тогда какъ среднему и мелкому болрству они гарантировали только извъстную устойчивость землевладенія подъ господаремъ, какъ верховныхъ собственниковъ. Число панскихъ независимыхъ имъній возрастало съ теченіемь времени отъ пожалованія цілыхъ волостей знатнымъ боярамъ, или панамь, отъ перехода къ нимъ княжескихъ имений и т. д. Ибкоторая доля крупныхъ панскихъ имѣній оказалась и въ русскихъ земляхъ великаго княжества, но сравнительно съ собственною Литвою-небольшая.

Какъ владъльцы крупныхъ пезависимыхъ имѣній, киязья и паны представлили въ общей совокупности такую крупную политическую силу, которая могла всегда соперничать съ великимъ княземъ во вліяніи на ходъ внѣшней и внутренней жизни государства. Въ этомъ можно убѣдиться, познакомившись, напр., на основаніи земскаго "пописа" 1528 г. съ количествомъ панскихъ "почтовъ", которые выходили на войну. Трое нановъ Кезгайловъ выставляли 768 коней, только на 53 кони меньше, чѣмъ вся земля Волынскан (282 владѣльца, исключая князей Острожскихъ), на 56 ратниковъ больше, чѣмъ всѣ землевладѣльцы Полоцеой земли, на 80 ратниковъ больше, чѣмъ всѣ землевладѣльцы (1995 человѣкъ) Бѣльской хоругви. Паны Радивилы выставляли 621 коня, родственная имъ фамилія Остиковичей 337 коней, князья Острожскіе—424, Заберезинскіе—258, Кишки—244, Глѣбовичи—279, Ходкевичи—198 и т. д., и т. д. Одинъ панъ Гаштольдъ съ своимъ сыномъ выставляли 466 коней, т. е. на 64 ратника больше, чѣмъ всѣ землевладѣльцы (331 человѣкъ), составлявшіе хоруговь Вилкомирскаго повѣта (выставляли 402 ратника) и въ 7½ разъ больше, чѣмъ всѣ бояре и мѣщане, служившіе подъ хоруговью Витебской земли.

Изъ этого сравненія можно видъть, какими крупными величинами въ окружавшемъ ихъ обществъ были князья в "паны хоруговные". Эти князья и паны на самомъ дълъ, а не по одному только титулу, были "вельможными", настоящими магнатами среди окружавшей ихъ землевладёльческой мелкеты, такими же reguli, homines praepotentes, viri famosi, какими были ихъ предки вь XII-XIII вв., тёми же "баронами", какими были ихъ пражеды, деды и отцы въ XIV и XV в. Среди нихъ не выдавались нисколько и тв удельные князья, владенія которыхь были самостоятельными территоріями Литовско-Русскаго государства. Кінязь Слуцкій, напр., выставляль всего 433 коня, мен'ве н'всколькихъ пановъ, мен'ве кн. Острожскаго; внязь Мстиславскій 152 коня. Къ этому надо прибавить, что большинство князей въ Лиговско-Русскомъ государствъ по сравненію съ вельможными панами были средними и даже мелкими землевладальцами. Обладая такими средствами, литовскіе паны были дійствительно "властелями" великаго вняжества, какъ называеть ихъ лиговская лътопись, хозяевами страны на ряду съ великимъ княземъ, исключавшими возможность его полнаго и безпредёльнаго хозяйничанья въ государстве.

По общему правилу княжескія и панскія имінья подлежали тімь же "земскимъ" повинностямъ, какимъ подлежали и именья бояръ-шляхты, находившися подъ господаремъ, и прежде всего военной. Крупные землевладальцы, киязья и паны выбажали самолично и выводили отряды своихъ слугь ("почты") подъ собственными хоругвями, съ которыми они и ставились въ ополченіи той или другой земли или воеводства. Въ этомъ случав они отличались отъ бояръ-шляхты и земянъ, которые ставились подъ пов'етовою хоруговью, подъ команду своихъ хоружихъ. Поэтому и приказы о снаряженін или выступленін на войну ("листы военные") князья и паны "хоруговные" получали непосредственно, тогда какъ бояре и земяне шляхта оповъщались о томъ своими хоружими, а гдъ ихъ не было, - мъстными державцами (намъстниками) и тивунами (въ Жмудской землъ). Крупныя вняжескія и панскія им'внья выставляли свои ополченія подъ особыми хоругвями даже и тогда, когда уже раздроблялись на мелкія части между многими владъльцами. Таково было, напр., княжество Гедройтское, владъльцы котораго-князья и паны (въ 1528 году 84 человъка) ставились съ своими "почтами" подъ одною хоруговью. На этихъ хоругвяхъ изображались гербы князей и пановъ. Въ отношеніи размёровъ военной службы крупныя вняжескія и панскія имёнья подчинялись тёмь же самымь сеймовымъ "ухваламъ" и "уставамъ", какимъ подчинялись и имънья бояръшляхты и земянъ. Отчины князей и пановъ, кром военной повинности, подлежали еще замковой, дорожной и мостовой, а выслуги по временамъ и подводной, кормовой, сторожевой и другимь повинностямъ. Но по этой части бывали и исключенія. Н'вкоторые князья и паны, напр., кн. Острожскій, обизаны были строить и чинить только свои собственные замки, имъвшіе значеніе самостоятельных укрыпленных центровь даннаго округа, и не участвовали выбств съ другими землевладильцами въ отстройев центральнаго замка земли или даннаго повъта.

Сходное съ внижескими и панскими имѣньями положеніе занимали въ Литовско-Русскомъ государствъ имънья церковныя, принадлежавшія епископскимъ каоедрамъ, соборнымъ церквамъ и монастырямъ. Привилей Ягайла 1387 года освободиль имьнья католической церкви оть всякихъ повинностей — военной, подводной, сторожевой, дорожной, отъ платежа всявихъ податей деньгами и натурою въ великокняжескій скароъ, оть суда вняжескихъ урядниковъ. Послъ Флорентійской уніи эти изъягія, повидимому, распространены были и на церковныя имбнья греческаго закона. Но вогда началась напряженная борьба Литовско-Русскаго государства сь татарами и Москвою, литовско-русскій господарь пересталь жаловать подобные иммунитеты церковнымъ учрежденіямъ. Оставляя полныя изъятія за старыми, исконными имъньями, великіе князья литовскіе стали требовать военной службы съ техъ именій, которыя церковь вновь пріобретала путемь ли пожалованія оть господаря, путемь ли записей частныхъ лицьвнязей, пановъ, бояръ-шляхты. Изъятіями духовенства отъ государственныхъ повинностей всегда недовольны были свътскіе землевладъльцы, съ чувствами и мибніями которыхъ приходилось считаться литовеко-русскимъ господарамъ. Исэтому, напр., утверждая за Луцкою канедрою имънля Колодези и Жабче, отказанныя ей на поминъ души паномъ Оедоромъ Янушевичемъ и его женою, -- король Сигизмундъ оговорилъ: "а владыка Ки-рилъ и по немъ будучын епископы мають съ тыхъ имѣней на службу земскую посылати посполу съ князи и паны и земяны, противъ всякого непріятеля нашого, подлугь уставы и ухвалы земли Волыньское". При такомъ порядкъ виолиъ естественно, что и Кіевонечерскій монастырь, напр., выставляль съ своихъ имений десять человеть на конехъ у зорояхъ". Статуть 1529 года сдёлаль общимь правиломь, чтобы съ земскихъ именій, записанныхъ на церковь, отправлялась военная служба. Поэтому и церковныя учрежденія держали въ своихъ иміньяхъ боярь и слугь, которые владели известными участками земель и обязаны были вздить на войну.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-русскій сеймь; Ө. Н. Леонтовичь, Правоспособность литовско-русской шляхты (Журн. Мин. Народ. Просв. 1908, № 3, 4, 6).

XXIII.

Населеніе княжескихъ и панскихъ имѣній и права надъ нимъ вдадѣльцевъ; элементы феодализма на Литвѣ и Западной Руси.

Сходство книжескихъ и нанекихъ имъній съ господарскими доменами по составу крестьянскаго населенія и его причина. — Отчинные люди въ этихъ имъньяхъ; отличіе ихъ отъ господарскихъ крестьянь-отчичей. — Происхожденіе ърестьянской зависимости въ вняжескихъ и нанекихъ имъньяхъ. — Бояре и слуги въ этихъ имъньяхъ; сходство и различіе ихъ положенія сравнительно съ положеніемъ господарскихъ бояръ и слугь. — Происхожденіе бояръ и слугь въ княжескихъ и панскихъ имъньяхъ. — Комменлація мелкихъ землевладъвцевъ крупнымъ. — Бояре и слуги у княжескихъ и нанекихъ бояръ и слугь. — Мъста въ княжескихъ и нанекихъ и панскихъ имъньяхъ. — Черты и формы феодализма въ Литовско-Русскомъ государствѣ.

Вельможные паны и князья иміли въ своихъ владіньяхъ тамихъ же "поданчихъ", какъ самъ господарь великій князь. Наиболье многочисленный разредь иль составляли, вонечно, ихь люди, или врестьяне разнихь наименованій. Въ иміньяхъ князей и пановъ существовали такіе же дворы, наи сельскохозяйственныя усадьбы, какіе мы видёли въ великокняжескихъ доменахъ. Эти дворы обслуживались прежде всего ихъ челядью дворною, паробками и женками, а затёмъ крестьянами тяглыми и различныхъ спеціальныхъ службъ. Въ именьяхъ князей и пановъ жили также и крестьяне данники. Вообще повинности крестьянъ въ княжескихъ и панскихъ имфиьяхъ были приблизительно ть же самыя, что и въ господарскихъ. Объясняется это, конечно, какъ общими экономическими условіями, такъ и темъ, что многія княжескія и панскія именья были не чемъ инымъ, какъ выслугами, отделились отъ техъ же господарскихъ доменъ. Тяглые в различныхъ спеціальныхъ службъ крестьяне такъ же, какъ и въ господарскихъ имфиьяхъ, делились на непохожихъ и похожихъ. Первые, называвшіеся людьми отчинными, соответствовали врестынамъ-отчичамь господарскихъ доменъ. Юридическимъ основаніемъ ихъ прикрапленія такъ же, какъ и основаніемъ прикрівпленія господарскихъ крестьянъ-отчичей, служила старина, давность. Тъ крестьяне, которые достались князю или пану отъ его отца и своевременно не заявили и не доказали, что они люди вольные, становились въ силу этого людьми отчинными, непохожими, и когда опи начинали "выламываться изъ подданства", судъ обыкновенно присуждать ихъ владельцу. Вообще вольные, "похожіе" крестьяне не должны были засиживаться на земляхъ владъльца, нбо только "незасъдълые" могли уйдти отъ него, "выходъ" давши. По статуту 1588 года достаточно было прожить на земль владыльца десять лыть, чтобы понасть въ разрядъ "отчинныхъ непохожихъ людей". Это правило дъйствовало несомнънно и ранъе: по статуту 1529 года отчинные люди, бъжавшіе оть своего владельца въ другому, подлежали выдате лишь въ томъ случав, если не засиживались за новымъ владъльцемъ десятильтией давности,

изъ чего можно заключить, что эта давность имбла свою силу также и относительно вольныхъ "похожихъ" людей. Впрочемъ, земская давность не действовала въ такихъ случанхъ, когда, садясь на владельческую землю, крестьяне заключали спеціальным условія, что они могуть уйти отъ владъльца, отдавъ ему "выходъ". Отчинные врестьяне князей, пановъ въ противоположность престынамъ-отчичамъ господарскимъ почти не отдъляли отъ себя вольныхъ похожихъ людей. Если врестьяне эти оказывались лишними или ненужными, то владёльцы отчуждали ихъ на сторону безъ земли. Съ другой стороны частные владъльцы имъли большую возможность устранвать своихъ об'єдн'євшихъ крестьянъ, и потому не относились такъ равнодушно въ уходу ихъ изъ своихъ именій, какъ господарь великій внязь, энергично отыскивали и возвращали въ свое подданство. Они переводяли ихъ изъ одного своего именья въ другое, менялись и т. д. Въ общемъ, такимъ образомъ, и прикрапление крестьянъ въ частновладальческихъ имъніяхъ было болье дьйствительное, чыть въ господарскихъ доменахъ. Къ этому надо прибавить, что и землевладение крестьянское въ княжескихъ и панскихъ имъньяхъ не пользоралось такою свободою, какъ землевладьние крестьянское въ господарскихъ доменахъ. Мы видъли, что тамъ крестьяне довольно свободно расширили свои участки "приробками", продавали части своихъ земель и угодій или даже отчуждали свои земли целикомъ. Въ княжескихъ и панскихъ именьяхъ, конечно, не было такого земельнаго простора, какъ въ господарскихъ доменахъ, и потому здъсь естественно было больше стесненій по этой части, и гораздо резче и осязательнъе сказывалась идея, что земля подъ крестьянами есть земля панская, княжеская, а не ихъ собственная.

Какъ создалась эта зависимость крестьянъ отъ князей и пановъ? Начало этого процесса скрывается въ темной древности. Но такъ какъ процессь этоть продолжался на памяти исторіи, то и по продолженію его можно судить до изв'єстной степени о начал'я. И въ разсматриваемое время господарь великій внязь нередко налагаль новыя повинности на своихъ врестьянь, какъ носитель высшей власти, ихъ защитникъ. То же самое делали внязья и паны на своихъ сеймахъ, постановляя сборъ серебщины съ своихъ крестьянъ на военныя нужды. Можно думать, что и въ старину сильные люди, мъстные вожди или князья, установивъ свою власть надъ мъстнымъ обществомъ и выступивъ въ роли его защитниковъ, облагали земледъльцевъ различными податями и повинностями. Далъе: и въ разсматриваемое время случалось, что господарь, князья и паны, дозволяя крестьянамъ вновь занимать и разрабатывать земли и угодья въ своихъ имфиьяхъ, налагали на нихъ за пользование этими землями и угодьями вновь различныя "тягли" и "дачки" или же прибавляли "тягли" и дачки" къ существующимъ. Можно думать, что и въ старину сильные люди, освоивавшіе крупныя территоріи около своихъ дворовъ, разрѣшали селиться на этихъ территоріяхъ пришлымъ земледільцамъ не нначе, какъ подъ условіемъ платежа "дачекъ" п несенія разныхъ повинностей въ ихъ пользу. Зависимость крестьянь оть князей и другихъ крупныхъ землевладёльцевъ до

поры до времени созидалась, какъ обычай, на почвъ мъстныхъ политическихъ и экономическихъ отношеній. Съ конца XIV вѣка эта зависимость стала закрѣпляться и усилизаться общегосударственными законами. Въ привилеяхъ, виданныхъ князьямъ и панамъ, великіе князья Литовскіе стали отказытаться отъ разныхъ барщинныхъ повинностей и податей съ имѣній князей, пановь, бояръ и мѣщанъ, которые и обращали всѣ трудовия и платежныя силы населенія этихъ имѣній въ свою пользу. Привилей 1447 года, какъ мы видѣли, укрѣплялъ за владѣльцами ихъ отчинныхъ, "селянитыхъ", невольныхъ людей и отдавалъ ихъ подъ вотчинную юрисдивцію. Такъ исподоволь возросла и оформилась законами зависимость крестьянъ въ княжескихъ, панскихъ и боярскихъ имѣньяхъ.

Но кром' крестьянъ, въ им'вньяхъ князей и пановъ проживали и вольные люди, которые ни при какихъ условіяхъ не становились людьми вепохожими, пользовались личною свободою, какъ своимъ сослознымъ правомъ. То были бояре и слуги, составлявшие тв самые "почты" ихъ, съ которыми они выважали на войну. Лично эти слуги и бояре былк свободны и могли при желаніи оставить свои земли и служить, кому хоган. Такъ, король Сигизмундъ, подъливъ имбиьями пана Петра Станиславича съ сестрою, написалъ въ "дъльчемъ листь": "а бояре съ обу сторонъ, земли оставивши, кому хотять, тому мають служить, а одинъ къ другому маеть ихъ пустити со всими статки ихъ домовыми, и съ челядью купленою, и со всими рухомими речьми, и зъ житомъ и яринами, што у гумнь, и што въ земляхъ посъяно". Но земли слугъ и бояръ считались собственностью владёльца, и слуги и бояре могли переходить съ своими землями на службу къ другимъ лицамъ лишь тогда, когда эти земли были пожалованы имъ оть владальцевъ съ правомъ служить съ нихъ, кому хотять; въ предивномъ случав, т. е. если не было такой оговорки въ жалованныхъ грамотахъ, бояре и слуги могли переходить на службу къ другимъ владёльцамъ только лично, земли свои покинувши. Формы землевладенія подъ князьями и боярами были те же самыя, что и подъ господаремъ. Шляхта, служившая кинзыямъ и панамъ, пользовалась такими же гарантіями неотъемлемости своихъ отчинъ и выслугь на въчность, какъ и бояре-шляхта въ господарскихъ имъньяхъ. Въ случав нарушения этихъ гарантій служилые шляхтичи могли жаловаться на своихъ владёльцевь господарю великому князю, который и возстановляль нарушенное право. Такъ же, какъ и въ господарскихъ доменахъ, и въ княжескихъ и панскихъ наряду съ отчинами и "въчистыми" выслугами было распространено владене до воли внижеской или панской", до живота" и т. под. Но даже и давая гарантін неотьемлемости иміній своимъ слугамъ-шляхтичамъ, виязья и паны считали себя вь правъ отчуждать свой доминіумъ надъ этими имёньями, продавали ихъ и дарили другимъ владёльцамъ цёликомъ въ составъ всего имънья, и по частямъ. Служилые шляхтичи въ данномъ случан уже не им'яли техъ гарантій, которые получили въ 1528 году господарские бояре-шляхта. На ряду со всёми другими "подданными" князей и нановъ болре и слуги по жалобамъ на нихъ другихъ подданныхъ и стороннихъ людей подлежали суду этихъ владельцевъ.

Какъ создался этотъ классъ кинжескихъ и панскихъ бояръ и слугъ? Въ вияжескихъ именьяхъ часть этихъ бояръ и слугь несомненио была унаслідована отъ русской старины. Кром'є того, многіе бояре и слуги попали въ подланство въ князьямъ и панамъ вследствіе пожалованій ихъ имьній великимь княземь вь составь волостей тому или другому князю и пану. Часть навербована была книзмини и панами изъ зажиточныхъ крестьянь въ интересахъ военной службы, какъ это имъло место и въ господарскихъ доменахъ. И наконецъ, бояре и слуги переходили на службу къ князьямъ и панамъ оть господаря великаго князя. Между литовскорусскимъ господаремъ съ одной стороны, князьями и панами съ другой, въ настоящемъ случав дваствоваль тоть же уговоръ, хотя и не писанный, какой заключали между собою князья съверовосточной Руси въ XIV и XV в.: "а бояромъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля". Разресшіяся семьн и роды господарскихъ боярь и слугь обыкновенно отпускали лишнихъ членовъ на сторону, такъ какъ всемъ на отчине часто не съ чего было служить. Ушедшіе поступали на службу кь частнымь владельцамь и служили имъ либо "съ сукна", т. е. за жалованье, либо съ имъній, которыя получали отъ нихъ во временное, пожизненное или потомственное пользованіе. Наконець, контингенть княжескихъ и панскихъ боярь и слугь пополнялся и тыми свободными земледыльцами, которые поддавались съ своими имбныями на службу къ книзьямъ и панамъ. Такъ, напр., въ 1541 году нівкій Өедоръ Петеля, получивь оть вдовы пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда три службы людей въ Койдановъ, записался въ ней на службу со всеми крестьянами, которыхь онъ самъ и его отець покупили у пановъ Скиндеревичей изъ ихъ Суетицкаго имънья: "а такъ и съ тыми моими людми куплеными маю ен милости, панеи моей милостивой, я самь и потомки мон службу военную конно и збройно служити, такъ, какъ и иншни бояре ее милости шляхта, -- си милости и потомкамъ ее милости на въчность". Повидимому, въ данномъ случат побужденьемъ въ переходу въ наиское подданство было желанье увеличить свое именье. Кром'в того, къ этому же склоняли иногда и притесненія, чинимыя могущественными сосъдями, князьями и панами. Свободные мелкіе землевладъльцы въ такихъ случаяхъ не придумывали ничего лучшаго, какъ поддаться съ имѣньями обидчику или другому могущественному сосъду, князю или пану.

Участки, которые получали отъ князей и пановъ болре и слуги, по временамъ были такихъ значительныхъ размъровъ, что они должны были выъзжать на войну въ "почть" владъльца не только сами лично, но и съ извъстнымъ количествомъ слугъ, подобно тому, какъ и господарскіе бояре выъзжали на войну самъ другъ, самъ третей и т. д. Благодаря этому случалось иногда, что княжескіе и панскіе бояре, какъ и господарскіе, пмѣли своихъ бояръ, путныхъ и другихъ слугъ. Если сами княжескіе и панскіе бояре были вассалами второго разряда, то эти боярскіе бояре, подчинявшіеся непосредственно власти и присуду своихъ "господарей", были уже вассалами третьяго разряда. Такъ усложиялась этими отношеніями система частнаго подданства въ великомъ княжествъ Литовскомъ.

Въ княжескихъ и панскихъ имѣньяхъ такъ же, какъ и въ господарскихъ доменахъ, находились замки съ облегавшими ихъ мѣстами или одни мѣста съ торговопромышленнымъ населеніемъ, называвшимся мозщанами. Положеніе этого класса было здѣсь въ общемъ такое же, какъ и въ господарскихъ мѣстахъ. Необходимо телько отмѣтить, что новыя мѣста устранвались князьями и панами съ разрѣшенія великаго князя. Дѣло въ томъ, что устройство новыхъ мѣстъ съ ихъ торгами, ярмарками, корчмами, со всѣми доходами, которые получаль владѣлецъ, могло наносить существенный ущербъ уже существующимъ великокилжескимъ мѣстамъ, и потому на это устройстве и требовалось спеціальное разрѣшеніе великаго князя. Точно такъ же князья и паны испрашивали разрѣшеніе великаго князя на предоставленіе своимъ мѣстамъ "майтборскаго права", такъ какъ и этотъ фактъ косвенно загрогиваль интересы сосѣднихъ господарскихъ мѣстъ.

Раздробленіе государственной власти между землевладівльцами и система частнаго подданства, констатированный нами въ предшествующемъ изложенін, ясно показывають, чть въ Лиговско-Русскомъ государствів господствовать такой же феодализмь, какъ и на западъ въ средніе въва. Мы видимъ, что всь литовско-русскіе "господари" образують приблизительно такую же јерархическую лестницу, какая была и въ западнихъ государствахъ феодального типа. На верху ея стоить великій князь, наивысшій государь, суверень; подъ нимъ находится ивкоторые удвльные внязья, соотвътствующіе принцамъ крови, какъ, напр., князья Слуцкій и Метиславскій; ниже стоять другіе князья и паны, соотв'єтствующіе западнымъ гердогамъ, графамъ и баронамъ; еще ниже шляхта-рыцарство, вассалы всъхъ перечисленныхъ государей и сами государи надъ населеніемъ своихъ имъній, им'єющіе иногда своихъ подвассалловь и т. д. Сами современники этого строя чувствовали и сознавали его сходство съ феодальными порядками и отношенівми запада. Въ различныхъ латинскихъ грамотахъ, писанныхъ уже въ первой половии в XV в., встръчаемъ упоминанія о "баронахь", "рыцаряхъ", "вассалахъ", "присяжникахъ" (homagiales), "феодальныхъ службахъ" и т. д. Позже эта терминологія проникла отчасти и въ русскій канцелярскій языкъ великаго княжества. Точно такъ же по западному феодальному обычаю, ближайшимъ образомъ по польскому примъру, знатные литовскіе бояре уже въ XV в. стали обозначаться не только личными и родовыми именами, но и по имъньямъ, имъ принадлежавшимъ: Протасій съ Островка, Корева съ Солечникъ, Михаилъ Кезгайловичъ съ Дявилтова, Миколай Радивиловичь съ Мушникъ и т. д. Та же самая претензія на княжеское значеніе, которая проявилась въ этихъ величаньяхъ по имъньямъ, позже стала искать себъ болье опредъленныхъ выраженій и привела къ принятію знатными литовскими панами соответствующихъ титуловъ. Такъ, напр., изв'естний панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гангольдъ сталь называть себя графомъ Каменныхъ Гераноннъ; панъ Миколай Миколаевичъ Радивилъ во время пребыванія на Вінскомъ конгрессь 1515 года досталь себ'в оть императора Максимиліана титуль князя священной Римской Имперін на Ганаст и Мядели; императоръ Карлъ V въ 1547 году

пожаловать титуль кинзей на Несвижь и Олыкъ братьямъ Миколаю и Нну Яновичамъ Радивиламъ, а ихъ двоюродному брату Миколаю—князя на Биржахъ и Дубинкахъ—и т. д. Здъсь уже замъчается нъкоторая переоцънка значенія литовскихъ пановъ, какъ феодальныхъ государей, ибо пожаловавіе ихъ князьями и графами имперіи какъ бы уже выводило ихъ изъ подъ суверенитета великаго князя. Какъ бы то ни было, но литовско-русскій феодализмъ—фактъ не подлежащій сомнѣнію.

Литература.

М. Любавскій, Областное діленіе и містное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута; Литовско-Русскій сеймь; О. И. Леонтовичь, Панскій дворь вы литовско-русскомы государстві (Варшавскія Университетскія извістія 1895, кн. V); Бояре и служилые люди вы литовско-русскомы государстві (Журналь Министерства Юстиція 1907, № 5, 6); Правоснособность литовско-русской шляхты (Журн. Мин. Народ. Просв. 1908, № 3, 5, 6, 7; 1908, № 2, 3); М. Любавскій, Литовско-русскій феодализмы (Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, т. ХХХV); І. Т. Вагапошскі, Z dziejów feudalizmu na Podlasia (Przegląd historyczny 1907, tom IV, zeszyt 1; 2).

XXIV.

Организація містнаго управленія при Қазимирі и его сыновьяхь: сословныя власти въ господарскихъ доменахъ.

Общая классификація органовь м'встнаго управленія въ Литовско-Русскомъ государств'в. — Тивуны и подтивуны при нам'єстникахъ-державцахъ и ихъ функціп. —Пристава, сотники, сорочники, десятники, приказники и путники, атаманы въ роли непосредственныхъ крестьянскихъ властей. —Старцы, какъ главы крестьянскаго самоуправленія въ данническихъ волостяхъ. —Войты въ селахъ на німецкомъ правів. —Урядники, відавшіе спеціальныя повинности крестьянъ. —Общія власти у крестьянъ и міщанъ, не состоявшихъ поть магдебургскимъ правомъ. —Хоружіе бояръ-шляхты и ихъ функціп.

Въ государствъ, проникнутомъ началами федерализма и феодализма, естественно должно было получить перевъсъ, наибольшее развите, управлене мъстное какъ по числу органовъ, такъ и по пхъ функціямъ. Поэтому и обзоръ судебно-административнаго строя Литовско-Русскаго государства естественно приходится начинать съ организацін его мъстнаго управленія.

Органы этого управленія были разносбразны. Одни изъ нихъ обслуживали исключительно либо господарскія волости, либо княжескія, панскія и церковныя имѣнья, при чемь распадались на двѣ категоріи: сословные, вѣдавшіе тоть или другой классь населенія, и общесословные, вѣдавшіе все населеніе господарскихъ волостей или княжескихъ, панскихъ и церковныхъ имѣній. Другіе обслуживали заразъ не только господарскія волости, но и княжескія, панскія и церковныя имѣнья, были органами не

только доменіальнаго, но и государственнаго управленія въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Къ сословнымъ органамъ доменіальнаго и вотчиннаго управленія относились прежде всего различныя престынскія и міщанскія власти. Мы ограничимъ свой обзоръ этихъ властей господарскими волостями, гді эти власти по источникамъ боліе извістны, чімъ въ княжескихъ, панскихъ и церковныхъ иміньяхъ. Насколько позволяють видіть источники, между господарскими волюстями и частновладівльческими иміньями въ настоящемъ случай была большая или меньшая аналогія.

Въ качествъ крестьянскихъ властей по актамъ выступають прежде всего тивуны. Тивуны были при господарскихъ дворахъ и дворцахъ, гдъ велось собственное хозяйство великаго князя. Они были ближайшими помощниками великокняжескихъ намёстниковъ-державцевъ по надгору за работами, производивнимися на господарской паший и угодыяхь, по охраненію собраннаго урожая и всякихъ всобще господарскихъ "пожитковъ". По "уставв" 1529 года они должны были присутствовать обязательно на судъ намъстника-державци и записмиять "сини", т. е. собираемия судебныя пошлины, двъ трети которыхъ или господарю. Тивуны выважали иногда сами разбирать поземельныя столкновенія и мелкія "спорчизны" между крестьянами. Тивуны въ качествъ помощниковъ намъстниковъ-державцевъ являются по актамъ преимущественно въ собственной Литовской земль, но встрычаются также вы земляхы Кіевской, Смоленской и др. Тивуны состояли при главныхъ дворахъ; при дворцахъ были у нихъ помощники-подтивны. Родоначальниками этихъ тивуновъ были, очевидно, ть "сельскіе" и "ратайные" тивуны, о которыхъ говорить Русская Правда, и которые, повидимому, были тогда изъ рабовъ. Въ разсматриваемое время эти тивуны вибирались нам'естниками-державцами изъ крестьянъ "л'еншихъ служебъ", но были также и изъ челяди дворной. Вывсто тивуновъ помощниками намъстниковъ-державцевъ по хозяйственному управленію бывали понамистнички изъ слугь нам'естника-державцы.

Тивуны не были исключительными крестьянскими властими, ибо распоряжались также и челядью дворною. Ихъ дѣятельность сосредоточивалась
главнымъ образомъ на господарскихъ дворахъ, пашняхъ и гумнахъ (гумнами
завѣдывали иногда и особые гуменники). Въ селахъ распоряжались уже
другія, въ собственномъ смыслѣ врестьянскія власти. Эти власти по разнымъ мѣстамъ носили разныя названія. Въ земляхъ, населенныхъ литовскимъ илеменемъ, т. е. на Литеѣ и Жмуди, эти власти назывались приставами и выбирались намѣстниками-державцами изъ врестьянъ "лѣпшихъ
служебъ". Приставовъ было иѣспольно въ волости, которая дѣлилась вслѣдствіе этого на "приставництва". Одинъ изъ нихъ былъ старшимъ, или
волостнимъ, а другіе назывались посельскими, иногда десятишками. Пристава выгонями престьянъ на работы и въ подводы, собирали съ нихъ
дякло, мемеву и разныя другія натуральныя подати, слѣдили за тѣмъ,
чтобы никто не уклонялся отъ волостнихъ повинностей, вслѣдствіе чего
передъ намѣстниками-державцами "прінскивали" въ "потягли" разныхъ

людей, владъвшихъ крестьянскими землями, которые обнаруживали стремленіе "бояритися". Какъ и на Руси сіверовосточной, эти крестьянскія власти присутствовали на судъ державцевъ и тивуновъ, когда разбирались престъянскія тяжбы, за что получали 2 пенязя сь рубля грошей судебныхъ пошлинъ. Кромъ того, они получали разныя другія "подачки" съ крестьянъ, денежныя и натуральныя, вслёдствіе чего въ свою счередь платили "доходы" назначаешему ихъ на прибыльную должность господарскому уряднику. Въ той части собственной Литовской земли, гдъ население было смъщанное, съ преобладаниемъ русскаго элемента, т. е. въ такъ называемой Черной Руси (поветы Новгородскій, Городенскій, Слонимскій и Волковыйскій) въ роли приставовъ встр'ячаемъ сотниковъ, сорочниковъ и десятниковъ. Это были старинныя русскія крестьянскія власти. Изъ нихъ сотники ведали крестьянь всего повета, состоявшаго изъ нескольких волостей, въ отношении тъхъ повинностей, которыя они несли на замокъ или центральный дворъ повёта, сорочинки были волостные пристава, десятники-посельские. Сотники и десятники встречаются по актамъ, кроме того, въ Берестейской земль, на Польсьь, т. е. въ бывшей Турово-Иннской земль, въ земляхъ Кіевской, Чернигово-Съверской, частью въ Смоленской н Полоцьей (въ Полоцьей десятники были по станамъ, на которые дълились волости). Въ южныхъ окраинныхъ волостяхъ Кіевской земли, какъ и въ соседней Подольской, въ качестве крестьянскихъ властей действовали атаманы, установленные здесь еще татарами для сбора доходовъ. Въ Смоленской земль въ роли волостимхъ крестьянскихъ властей были приказники, назначаемые изъ слугь, а иногда и бояръ. Въ техъ волостихъ, которыя носили название путей, крестыянския власти носили название путниковъ.

Въ Подивпревихъ, Задвинскихъ и другихъ волостихъ, гдв не было господарскаго хозяйства, и гдъ крестьянское население состояло изъ данниковъ, въ качествъ крестьянскихъ властей дъйствовали старцы. Эти старцы были выборными мёстных в мірова и утверждались въ своемъ званіи самимъ господаремъ, которому они вносили "платъ" отъ своего "старченья", бывшаго доходною должностью. Старцы собирали дань грошовую, медовую, бобровую и куничиую и отвозили ее либо въ скарбъ (грошовую), либо до ключей. Они же "меты метывали" на волость, т. е. раскладывали и собирали съ отдъльныхъ крестьянъ "недополнки", т. е. недоимки дани (дань была фиксирована для каждой волости), нам'ьстичьи доходы и разные другіе "розрубы" и "розметы". Старцы д'ялали это не единолично, но на мірскомь сходь, или вычь. Въ данническихъ волостяхъ, какъ и въ черныхъ волостяхъ сѣверо-восточной Руси, крестьянское самоуправленіе было развиго гораздо более и крепче держалось, чемъ въ другихъ. Бывали случаи, что престыянское самоуправление здёсь замёняло управление господарскихъ урядшиковь. Такой примъръ можно указать, напр., въ Торопецкомъ повътъ, гдь была особая Старцева волость. Наместники Торопецкіе не имели права въбзжать вь эту волость за данью и тивунщиною, судить и рядить данниковъ этой волости, привертывать ихъ въ подводы и другіе "податки"

и "розмети": судилъ и рядилъ ихъ во всемъ старецъ ихъ или особий "въъздчій", котораго великій князь посыдаль собирать съ нихъ дань или по другимъ дъламъ. Впрочемъ, полное устраненіе великокияжескихъ урядниковъ било крайнею ръдкостью. Тамъ, гдъ судъ судили намъстники-державци, старцы разбирали бортния и пежевыя дъла между крестьянами, какъ дълали это и литовскіе пристава. Какъ представители своимъ волостей, старцы отъ лица ихъ вели иски противъ намъстниковъ-державцевъ и другихъ должностныхъ лицъ по поводу ихъ "кривдъ" или "новинъ", которыя они заводили по части волостныхъ повинностей, прінскивали въ "розрубы" и "розметы" разныхъ лицъ, уклонявшихся отъ нихъ, раздавали крестьянскіе "пустовщины" съемщикамъ за извъстную плату, которая шла въ пополненіе недоимковъ и т. д.

Въ техъ местностихъ, где въ разсматриваемое время вводилась водочная система, т. е. на Подлящье и вы западныхы поветахы Велыни и Литвы, врестьянскія власти древнерусскаго происхожденія вытёснялись войтами намецко-польскиго типа. Войтами становились обыкновенно устроетели новыхъ поселеній на німецкомъ праві, или осадчики. Опи размърнедли земли на волоти и сезирали на нихъ вольшихъ прихожихъ людей на чиншъ. Въ награду за это войты получали обыкновенно двъ-три вольныхъ, т. е. свободныхъ отъ податей и повинностей, волоки, чиншъ сь каждой десятой волоки изъ вымъренныхъ, юрисдикцію надъ осадою съ правомъ получать въ свою пользу третій грошъ съ "винъ", т. е. судебныхъ пеней, и мельницы. Войты получали это въ собственность съ правомъ передавать по наследству, отчуждать по доброй воль и съ обязанностью нести со всего этого земскую службу вмёстё съ земянами. М'єстные державцы-намъстники не должны были вступаться въ подначальныхъ войтамъ людей, въ ихъ земли, платы и пожитки. За правильнымъ поступленіемь доходовь въ пользу господаря следили и отвечали войты, заменившіе собою такимъ образомъ не только прежнихъ сотниковъ и деситниковъ, но отчасти и самихъ намъстниковъ-державцевъ.

Крестьянскія власти ведали престьянь въ отношеніи повинностей, бывшихь боле или мене общими, и мало, а быть можеть и вовсе не касались некоторыхь спеціальныхь повинностей, которыми заведывали особые центральные дворцовые урядники, напр., конюшіе и подконюшіе, каевники, мьсничіе, бобровничіе, сокольничіе, ловчіе, несшіе свои обязанности по эксплуатаціи угодій на великаго князя, а также слуги нам'єстниковь-державцевь или же сами они непосредственно. Конюшіе существовали при техь господарскихь дворахь, которые были въ резиденціяхь областнихь княженій. Такимъ образомъ были конюшіе Виленскій, Троцкій, Полоцкій, Витебскій, Смоленскій, Луцвій, Новгородскій, Пинскій, Брянскій. Они зав'єдывали конскими заводами и табунами и спеціальными службами бонюховь, конобормцевь, стедниковь и т. д. Ихъ в'єдомство охватывало обыкновенно всю территорію бывшаго княженія пли почти всю. То же самое надо сказать и относительно ловчихь, сокольничихъ и бобровничихь. Что касается гаевпиковь и л'єсничихь, то они существовали

въ тъхъ мъстностихъ, гдъ были господарския лъсния пущи. Гаевники завъдывали въ господарскихъ пущахъ бортными деревьями, которые крестьяне "подлазили" или на господаря, или на себя подъ условіемъ платежа опредъленной дани; лъсничіе слъдили за тъмъ, что бы никто не билъ звърей и не разрабатывалъ "будъ" (не гналъ смолы, дегтя, не жегъ голы) въ господарскихъ пущахъ безъ надлежащаго разръшенія.

Старцы, существовавшіе вь Поднѣпрскихъ, Задвинскихъ и другихъ данническихъ волостяхъ, атамани въ Кіевской землѣ, сотники и соцкіе въ нѣкоторыхъ восточныхъ территоріяхъ были не только крестьянскими, но и мѣщанскими властями. "Мѣста" здѣсь не обособлялись отъ сель въ платежѣ податей и несеніи повинностей, и волостная организація распространялась здѣсь и на мѣста, включала ихъ въ себя. Только въ мѣстахъ Смоленской земли мы встрѣчаемъ особыхъ старостъ, какъ, напр., въ Смоленскъ, Кричевъ (Кричевъ былъ, повидимому, завоеванъ Литвою въ XIV в. отъ Смоленска). Мѣста на Литвъ и другихъ областяхъ, гдѣ было развито великовняжеское хозяйство, соединены были съ господарскими дворами и, по всѣмъ даннымъ, находались подъ управленіемъ великовняжескихъ уръдниковъ до поры до времени. Но съ теченіемъ времени въ литовскорусскихъ мѣстахъ стало распространяться ссобое управленіе, несявшее до извѣстной степени характеръ самоуправленія, по нѣмецкому образцу, или такъ называемому "майтборскому праву".

Не одни крестьяне и мъщане господарскихъ доменъ имъш своихъ сословныхъ властей. Имъш ихъ и бояре-шляхта и земяне. Таковы были прежде всего хоружіе, которые выводили бояръ-шляхту и земянъ данной господарской волости, или повъта, на войну, оповъщали ихъ о мобилизаціи, слъдили за тъмъ, что бы никто изъ нихъ не оставался дома и служитъ съ тъмъ числомъ слутъ, какое полагалось по величинъ его имънъя. Кромъ того, хоружіе "подъ свъдомомъ" намъстниковъ-державцевъ выбирали чрезвичайный налогъ — серебщину, когда она налагалась по опредъленіямъ сейма, съ людей боярскихъ, земянскихъ и татарскихъ. Повътовые хоружіе назначались обыкновенно самимъ господаремъ изъ состава мъстнихъ бояръ или земянъ, по представленію намъстниковъ-державцевъ, и отъ своей должности получали нъкоторые доходы. Кромъ хоружихъ, значеніе шляхетскихъ властей имъли и тъ земяне, которые должны были выбираться намъстниками-державцами для обязательнаго присутствованія на судъ ихъ намъстниковъ и маршалковъ, когда разбирались шляхетскія тяжбы.

Литература.

М. Любавскій, Областное діленіе и містное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваю Литовскаго Статута; Ө. И. Леонтовичь, Крестьянскій дворт въ литовско-русскомъ государстві (Журн. Мин. Народ. Просв. 1897, № 4); М. В. Довнарь-Запольскій, Очерки по организацій западно-русскаго крестьянства въ XVI вікі. Кієвъ 1905.

XXV.

Управление мъстъ съ магдебургскимъ правомъ.

Распространеніе магдебуртекаго права въ містахъ Литовско-Русскаго государства и причины этого явленія.—Податныя в позициостныя льготы при дарованіи магдебургскаго права; "плать" за это право.—Доходы мість, получивнихъ магдебургское право.—Право склада товаровъ.—Выгоны и права пользованія лісами.—Містекій войть и его функціи.—Містекая рада я лава, ихъ составъ и функціи.—Шаферы я контрольная коллегія въ Вильнъ.—Органы еврейскаго самоуправленія.

Маглебургское городское устройство ранке другихъ месть въ Литовско-Русскомъ госудорстви получила великокняжеская столица-Вильна. Привилей на магдебургское право быль выдань Вильн'в въ 1387 году. Въ ХУ веве магдебургское право даровано было Трокамъ, Берестью, Ковну, Луцку, Кременцу, Владиміру, Полоцку, Кіеву, Минску и Новгородку; въ XVI въкъ его получили и многія другія, менте завчительным жьста. Изъ вступительныхъ заявленій, содержащихся въ привілісяхъ на магдебургское право, видно, что великіе гиязья литовскіе, даруя своимъ городамъ это право, руководились господствовавнимы тогда и у поляковъ, и у чеховь убъяденіемь, что это право содійствуєть преуспівнію городовь, умноженію въ нихъ населенія и увеличенію ихъ матеріальнаго благосостоянія. Прямымъ образомъ это содійствіе выражалось вь тіхъ мірахъ, конми сопровождалось введение магдебургского права въ городахъ. Таковыми были: во первыхъ, освобождение мищанъ отъ разныхъ повинностей, которыя они несли заодно съ волостными людьми-врестьянами; во вторыхь, предоставление местамъ различныхъ доходныхъ статей для ихъ оправы", т. е. для удовлетворенія ихъ общественныхъ нуждъ; въ третьихъ, освобождение ихъ отъ "моци, владности и суда" воегодъ, старость, державцевь, оть городового и болрского права, оть всехъ вообще правь, "уставь" и обычаевь, которые противны магдебургскому праву, и организація одновременно съ темъ особаго, спеціально городского управленія.

Выше быль дант общій очеркь тяглыхь повинностей, которыя несли господарскіе крестьяне. Тѣ же повинности за одно и сообща съ крестьянами несли и мѣщане незначительныхъ мѣсть, обыватели которыхъ занимались главнымь образомь земледѣліемь и мало спеціализировались на торговть и реместь. При дарованіи этимъ мѣщанамъ магдебургскаго права мѣщане освобождались отъ этихъ повинностей. Такъ, мѣщане Кременца были освобождены отъ хожденія на толоки и въ ловы; мѣщане Волковыйска—отъ косьбы сѣна, отъ работъ по выдѣлкѣ извести, отъ сторожи дворной, отъ пастьбы господарскихъ коней, отъ подводъ дли урядниковъ, отъ платежа дяколъ и т. д. Мѣщане крупныхъ торговопромышленныхъ центровъ, населенныхъ богатымъ купечествомъ и ремесленниками, какъ напр. Вильна, Полоцкъ, Новгородокъ, Минскъ, конечно, не несли барщинныхъ повинностей и до дарованія имъ магдебургскаго права. Но при

всемь томь на нихъ лежали некоторыя общія съ волощанами новинности, какъ напр. подводная, кормовая и сторожевая. Привилен на магдебургское право обычновенно освобождали ихъ и отъ этихъ повичностей, съ оговоркою, что мъщане обязаны давать стаціи, овесь и също, и сторожу на дворъ господарскій въ случав прівзда господаря и подводы на готребу земскую по листамъ, запечатаннымъ господарскимъ "сыктиетомъ", т. е. перстнемъ. Изъ прежнихъ повинностей оставлялись на мъстахъ: военная въ видъ обязательства выставлять извъстное количество ратниковъ со всего мъста по уставъ, серебщина и ордыницина, которыя мъщане обязаны были платить осго всякое вымовы" всякій разь, когда этогь податогь налагался господаремъ на военныя нужды. Впрочемъ, съ нЕкоторыхъ м'Естъ слагались не всв барщинныя повинности. Такъ, мѣщане Волковыйскіе и после пожалованія имъ магдебургскаго права должны были ходить на толоку на господарскую нашню, два дня нахать и два дня жать. За освобождение оть барщинныхъ повинностей и за дарование вообще льготь мъщане должны были вносить ежегодный "плать" со всего мфста, варыпровавшійся по отдільными містами-30, 50, 100 и боліве золотыхи, копь грошей и т. д. Разъ прекращались или сокращались повинности, которыя находились въ въдъніи дворныхъ уридниковъ, естественно прекращалась или сокращалась ихъ распорядительная д'ятельность въ м'естахъ.

Для "полъпшенья" мъсть и ихъ "оправи", какъ сказано, имъ жаловались разныя доходныя статьи. Мъщане получали право выстроить ратушу, въ нижнихъ помъщенияхъ ел имъть "крамницу" (мануфактурный магазинъ), хлебныя "ятки" (закрома), "комору пострыгалную" для стрижки суконъ, "бочку мърную" для сыпучихъ тёлъ и "мъдницу мъдную" для жидкихъ. Доходы съ этихъ статей войтъ и бурмистры должны били употреблять на общественныя нужды. Некоторымь местамь давалось право всь вообще хлюбные закрома (ятки) и "клютки" мисныя держать и сдавать оть города и не допускать частныхъ ятокъ и клътокъ. Впрочемъ, для тёхъ, которыя уже существовали, делалось иногда исключеніе, и частнымъ лицамъ не дозволялось только вновь устраивать ятки и клътки. Тамь, гдь быль большой прівздь купцовь со стороны -гостей, места получали право выстроить гостиные дворы для стоянья этихъ гостей съ ихъ товарами. Въ числъ доходныхъ статей постоянно давалось право имъть мъстскую важницу, т. е. городскіе выси, воскобойню и капницу для отливанья въ формы (камени) воска и для наложенія на нихъ м'єстской печати (эти формы и печати были гарантіями полнов'єсности и чистоты воска за границею, куда онъ шелъ), "посполитую лазню", т. е. торговыя бани, н "мамиз", т. е. мельницу. Некоторимъ местамъ давалось право держать и "посполитую кухню", харчевию или трактиръ, по нашему, очевидно, для потребностей прівзжающаго люда. Что касается корчомъ винныхъ, медовыхъ и пивныхъ, то по этой части дело обстояло различно. Корчмы вообще составляли господарскую регалію, и великій князь либо сдаваль ихъ на откупъ, либо предоставлялъ держать ихъ отдёльнымъ мъщанамъ, внося обычный плать, или капщину. Но бывали случан, что все м'всто

брало въ аренду корчмы, и опъ уже сдавались тогда отдъльнымъ лицамъ оть города. Мъста получали въ свое распоряжение всъ пустыя усадебныя земли, которыми должны были распоряжаться войть и бурмистры. Всв доходы съ этихъ статей должны были поступать въ местскую "скрыню", вь общественный сундукъ, ключи оть котораго ваходились у бурмистровь. Изъ этихъ доходовъ илатились плать за магдебургское право, серебщина, а также оплачивались всё вообще расходы, которые падали на мёсто по доставленію подводъ и стацій, по постройк укрыпленій — стыть, рва и т. д. "Мъсто" вело цълое общественное хозяйство, которое давало не только приходы, но и расходы, напр. на содержание "плитницы", или киринчнаго завода, выдылывавшаго кирпичи на мыстскій нужды, мостовыхы, гостинаго двора, лазни, мельници и т. д. Однимъ изъ самыхъ видныхъ правъ, которыя давались при пожаловании магдебургского права, было право склади, дававшееся прупнымъ мъстамъ. Въ силу этого права прівзжавшіе въ мъсто сторонніе гости не им'єли права отвозить свои товары въ другіе города, но должны были продавать ихъ въ данномъ мѣстѣ, и притомъ не въ розницу, а оптомъ: сукно - поставами, соль - ластомъ; передъ, имбирь, миндаль и другія простыя "зелья" - каменемъ; болье дорогія - шафрань, мускать, гвоздику, цвёть мускатовый, калгань, цытварь-фунгомъ; топоры, ножи и другія подобныя вещи "тахромъ" либо "тузинами" (dutzend, дюжина); жельзо, олово, мъдь, свинець, латунь и т. д. центнеромъ; фиги, изюмъ - "кошемъ"; вино и пиво нъмецьое - бочками. Продавая оптомъ всъ свои товары мъстнымъ купцамь, сторонніе гости должны были закупать товары у тыхь же купцовь оптомъ: воскъ штуками по полуберковцу; дорогіе м'яха соболей, куниць и хорьковь-по сорока; дешевые-б'ялку, горностая, лисицу и норицу-по 250; золу и смолу-ластомъ. Такъ, слъдовательно, покупка и продажа въ розпицу сосредоточивалась въ рукахъ мъстнаго купечества. Прібзжіе купцы могли торговать въ розницу только въ дни ярмарокъ. Кромъ того особая привилегія давалась въ этомъ отношенін нікоторымь мінцанамь, напр. Виленскимь, которые свободно могли торговать не только у себя въ Вильнъ, но и въ другихъ мъстахъ.

Къ числу правъ, обезпечивающихъ матеріальное благосостояніе мѣщанъ, надо отнести также право ихъ пасти скоть тамъ, гдѣ и прежде пасли его, брать лѣсъ на строеніе хоромъ (не на продажу) и дрова на извѣстное разстояніе вокругъ города, напр. на милю.

Кто же распоряжался въ этихъ привилегированныхъ мѣстахъ, кто судилъ и рядилъ послѣ устраненія воеводъ, старостъ, державцевъ и другихъ господарскихъ уридниковъ? Во главѣ мѣстскихъ властей стоилъ войтъ, первоначально назначавшійся господаремъ съ правомъ передаватъ свою должность по наслѣдству и отчуждать ее за деньги въ чужія руки. Должность войта была доходная: онъ получалъ обыкновенно третій грошъ съ "винъ" и вообще судебныхъ доходовъ, нѣсколько "клѣтокъ мясныхъ" съ платомъ ихъ, одну или двѣ корчмы вольныхъ и т. д. и за все это долженъ былъ не только отправлять свою войтовскую должность, но и нести военную службу виѣстѣ съ боярами шляхтою или земянами. Съ теченіемъ

времени города перекупали насл'Едственныя войговства, и эти должности становились выборными. Войть сообща съ поспольствомъ мъста избираль радцевь, совътниковъ, въ количествъ 6, 12 и даже 24, какъ въ Вильнъ, а эти последніе избирали изъ своей среды на годъ бурмистровъ-двухъ, четырехъ, шесть, двънадцать, смотря по величниъ мъста, половину римскаго закона и половину греческаго. Съ этими бурмистрами и радцами войть и вершиль всё дёла какъ судебныя, такъ и административныя. Войть съ бурмистрами и радцами разбиралъ обыкновенно какъ гражданскія, такъ и уголовныя діла-о злодійстві (пражі) и разливаній крови, о мужебойствь, отнятін членовь и о другихъ проступкахъ. Во всьхъ этихъ дълахъ войть получаль "суполную моць судити и осудити, карати и стинати, и на кола бити, и потопляти, яко жъ то право ивмецкое майтоорское во всёхъ своихъ роздёлёхъ и члонкахъ держить и жадаеть" — (требуеть). Только дела о гвалте (нападенін на домъ), поджоге, разбов, шляхетской ранъ и насиліи надъ женщинами обыкновенно изъяты были изъ мъстскаго суда и подсудны были господарскимъ урядникамъ, которые судили ихт съ радлами. Въ тъхъ случаяхъ, когда тягались на судъ мъщанинъ съ волостнымъ человъкомъ, устранвался общій судъ господарскаго намъстника съ войтомъ на дворъ господарскомъ или ратушъ по правилу actor forum rei sequitur". Недовольные рышеніемы войтовскаго суда аппеллировали непосредственно къ великому князю, минуя всв инстанціи, и великій князь пересматриваль діло на основаніи того же магдебургскаго права (кодексами его служили Саксонское Зерцало и Магдебургскія узаконенія). Въ нъкоторыхъ мъстахъ, — впрочемъ, мъстскій судъ распадался на раду и лаву. Рада состояла изъ бурмистровъ и радцевъ, которые завъдывали хозийствомъ города и всёмъ его благоустройствомъ и разбирали гражданскія діла мінцанъ. Лава состояла изъ войта и присяжныхъ, лавниковъ, которые разбирали уголовныя дела. На решенія рады можно было аппеллировать къ войту (въ Полоцкъ), но на ръшение войта аппеляція должна была уже идти къ великому князю. Впосл'єдствій когда войть становился выборнымъ, устанавливалось и обратное отношение-отозванье оть войта до суда бурмистровь и радцевь. Иногда рада и лава соединялись витеть для решенія какихъ либо дель. Но вообще рада была боле административнымъ, чемъ судебнымъ учрежденіемъ. Рада въ Вильне заботилась о боевой готовности мѣста, принимала мѣры къ тушенію пожаровь, заботилась о снабженіи города водою, наблюдала, чтобы мясники не били нездоровый скоть и не продавали порченаго, наблюдала за въсами п мърами, скупала хлъбъ для снабженія жителей во время голода и т. д. Въ нъкоторыхъ крупныхъ мъстахъ это судебно-административное устройство съ теченіемъ времени осложнялось. Такъ, въ Вильнъ имущество мъста, его доходы и расходы въдали съ 1536 года особые шаферы въ числъ четырехъ. Двухъ изъ нихъ выбирала изъ поспольства рада непосредственно, а двухъ выбирала изъ числа восьми, которые избирались самимъ поспольствомъ. Этихъ шаферовъ провъряла особая коллегія, состоящая изъ двухъ радцевь, представителей оть каждаго цеха по выбору рады и шести человъкъ отъ поспольства, избираемыхъ радою изъ состава 18 кандидатовъ, избранныхъ поспольствомъ (купечествомъ и всёми постоянными обывателями).

Когда вводилось въ мѣстѣ магдебурское право, то не только мѣщане, но и владъльческие люди, проживавшие въ мъстахъ, - церковные, княжеские панскіе, боярскіе и міщанскіе объявлялись подъ "послушенствомъ этого права". Они освобождались отъ присуда своихъ господъ и подчинялись жестскому суду; своимъ же "господарямъ" они обязаны были только платить "поземь", т. е. плату за пользование ихъ усадебною землею. Исключеніе представляли собою обыкновенно евреи, которые группировались въ особыя самоуправляющися общины -- зборы", вокругъ своихъ синагогь и кладонить. Они выбирали своихъ старшихъ, которые подъ предсъдательствомъ доктора (раванна) составляли коллегію. Эта коллегія налагала духовныя наказанія (проклятіе, отлученіе), а также разбирала гражданскія діла между евреями (діла между евреемь и христіаничомь разбираль господарскій урядникь). По всёмь діламь, не нивющимь отношенія из религін, возможна была аппеліяція въ господарскому нам'єстнику, т. е. къ воеводъ, старость и державцъ, смотря по тому, кто сидъль въ городь. По дёламъ духовнымъ аппелляція на різшеніе довтора и старшихъ дозволялась въ "старшимъ докторамъ". Въ ведени раввина и старшихъ находились канторъ, школьникъ и ръзникъ, находившіеся на иждивеніи "збора". По уголовнымъ дёламъ еврен были подсудны господарскому намъстнику. Нъкоторыя еврейскія общины, какъ, напр., Троцкая, получили свое магдебургское право, обособлявшее ихъ оть остального мъста.

Литература.

М. В. Довнаръ-Запольскій, Государственное холяйство великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ, т. І. Кіевъ 1901; С. А. Бершадскій, Литовскіе еврен. Спб. 1883; В. В. Антоновичъ, Изслѣдованіе о городахъ Юго-Западнаго края (Монографіи, т. 1); М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Иѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ. Спб. 1866 (и въ Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. того же года, № 8—12); А. Halban, Zur Geschichte des deutshen Rechts in Podolien, Wolhynien und der Ukraina. Berlin. 1896; Ө. В. Тарановскій, Обзоръ памятниковъ магдебургскаго права западно-русскихъ городовъ литовской эпохи (Варшав. Унив. Извѣстія 1897 и отд.).

XXVI.

Намъстники-державцы, какъ органы хозяйственнаго и финансоваго управленія въ господарскихъ доменахъ.

Намбетники и тивуям на пригородахъ п волостяхъ великато кияжества Лиговскато въ древибійнее время. Замбна тивуновъ намбетниками въ XV въкъ. Сближеніе намбетниковъ съ польскими державцами и усвоеніе этого названія.—Хозяйственно-административная діятельность намбетниковъ-державцевъ въ господарскихъ имбньяхъ.—Намбетники-державцы въ роли сборщиковъ натуральныхъ и денежныхъ податей.—Доставленіе стацій и подводъ господарю, его посламъ и гонцамъ.—Доходы намбетниковъ-державцевъ отъ господарскаго хозяйства.

Главными правителями въ господарскихъ имѣньяхъ, коимъ подвластно и педсудно было все населеніе этихъ имѣній, были намистички-державцы и тивуны. Ихъ судебно-административная власть простиралась на округа, называвніеся волостями или повитами (косл'яднее названіе предпочиталось, если округь состояль не изъ одной велость).

Нам'встники и тивуни въ качеств'в правителей пригородовъ и волостей были унаследованы Литовско-Русскимъ государствомъ отъ древней Кіевской Руси. При этомъ тивуны, по всёмъ даннымъ, первоначально преобладали надъ нам'встниками, которые сажались только по большимъ городамъ. Но въ XV вѣкъ тивуны постепенно исчезали и замѣнялись намѣстниками; состоявше при этихъ нам'встникахъ тивуны изъ челяди дворной или врестьянь были помощниками ихъ по управлению челядью же и врестынами. Въ качествъ органовъ общаго управления и суда тивуны ущълъли только въ Жмудской землъ, составляя ея особенность. Замъна тивуновъ нам'встниками, по всей видимости, стояла въ связи съ твмъ обстоятельствомъ, что литовско-русскому господарю ихъ должности пришлось все чаще и чаще раздавать знатнымъ боярамъ, панамъ, для которыхъ имя "тивунъ" было мало подходящимъ. Вследствіе развитія господарскаго хозяйства и порученія его веденія нам'єстникамь, всл'єдствіе изъятій частновладъльческихъ имбній оть несенія повинностей на господаря и отъ присуда его урядниковъ, намъстники пригородовъ и волостей, особенно на Лигвь и Жмуди, почти низошли на положение управителей господарскихъ имьній, парадзельныхь сь управителями княжескихь и панскихь волостей, называвшихся нередко также наместинками. Солизившись въ этомъ своемъ значенін съ польскими державцами королевскихъ иміній (крулевщизить), они и стали съ конца XV въка сплошь и рядомъ именоваться державцами. Съ теченіемъ времени это названіе вытёснило прежнее русское названіе "намъстникъ". Будучи параллельными, близкими къ вотчиниымъ, властями, намъстники-державцы при всемъ томъ, однако, не сравнялись съ пими полностью. Ломены въ Литовско-Русскомъ государствъ не были вотчиною, наслъдственнымъ достолніемъ великихъ князей, которые получали свою власть по избранію кинзей, нановъ и бояръ-шляхты. Господарскія имінья были государственными имуществами, съ которыхъ доходы шли не только на содержаніе великаго килзя, но и на нужды государства. Въ этомъ смыслѣ намѣствики-державцы (равно какъ и жмудскіе тивуны) были органами общегосударственнаго управленія на мѣстахъ.

Намъстники-державцы сдълались главными органами хозяйственнаго управленія преимущественно въ собственной Литві и Жмуди. Чрезвывайно разнообразна была ихъ двательность въ этомъ качестве, какъ она вырисовывается яль отдёльныхъ показаній актовь и данныхъ имь "уставъ", или инструкцій. Нам'єстники-державцы распоряжались постройкою и ремонтомъ господарскихъ дворовъ и дворцовъ, городьбою огородовъ и садовъ, устройствомъ ставовъ и млыновъ (запрудъ и мельниць), расчисткою и обработкою папіснь, эксплуатацією рыбныхъ лововъ и бобровыхъ гоновъ, бортныхь и звёриныхъ ухожаевь, господарскихъ "будъ" или "купъ" въ пушахъ; заботвлясь о томъ, чтобы было достаточное количество рабочаго скога и земледёльческого инвентаря, а также и о томъ, чтобы великовняжеское хозяйство было обезпечено крестьянскимъ трудомъ, чтобы для потребностей его было должное количество службъ таплыхъ и спеціальныхъ. Эта последняя забота находила себе применение въ разнообразныхъ случаяхъ. Такъ, пожалованіе людей изъ состава велигонняжеской волости, решалось окончательно только по докладу нам'встника-державцы, что это пожалование будеть двору господарскому "не шкодно". Получивъ просьбу о пожаловании тыхь или другихь людей съ ихъ землями, великій князь запрашиваль своего нам'встника, не будеть ли это "шкодно" для двора его, и только получивъ отрицательный отвътъ, утверждать имънье за просителемъ. Пожалованія, состоявшіяся въ обходъ этого порядка, иногда отмінялись по представленію нам'ястниковь-державцевь или зам'янялись другими. Поэтому господарь великій князь очень часто поручаль самому нам'встнику-державц'в "обыскать" въ волости извъстное число людей съ землями для того или другого лица, съ тъмъ, чтобы пожалование этихъ людей двору господарскому не было убыточно. Въ интересахъ господарскаго хозяйства и для увеличенія доходности своей "державы" нам'єстники-державцы "осаживали" людьми пустые врестьянскіе участки. Они посылали особыхь "выводчихь", которые сводили съ владъльческихъ земель господарскихъ крестьянъ, ушедшихъ недавно изъ волости, буде возвращение такихъ крестьянъ представляло интересъ, или же старались разными льготами заставить крестьянъ вернуться на покинутые ими участки. Особенно эта деятельность развивалась въ волостяхъ, опустъвшихъ или отъ непрінтельскаго разоренія, или оть дурного управленія. Пустовщины осаживались не только отчичами, но и сторонними прихожими людьми; когда же отчичи возвращались въ волость, нам'встники-державцы прінскивали вмъ другіе участки. Пустовщины раздавались не только вольнымъ похожимъ людямъ со стороны, но и мъстнымъ многосемейнымъ крестьянамъ, имършимъ уже свои отчины, "на особную службу". "Вольныхъ похожихъ" людей намъстники-державцы не только салзали на самостоятельные пустовавшие участки, но также и присаживали въ "потужники" къ маломочнымъ крестьянамъ, имфвинимъ подъ собою большія отчины.

Осаживая пустовщины людьми, нам'встники-державцы налагали на этихъ людей обывновенно т'в же самыя повинности, которыя и прежде шли съ этихъ пустовщинъ, руководись опредълившимися уже потребностями и порядками господарскаго хозяйства. Но такъ какъ въ этихъ потребностяхъ съ теченіемъ времени происходили изм'вненія, то и нам'встники-державцы осаживали пустовщины нер'вдко на оброк'в взам'виъ шединихъ съ нихъ ран'ве повинностей. Уставы, дававшіяся при Сигизмунд'в І нам'встникамъ-державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго пов'втовъ, предписывали имъ произвести общій пересмотръ врестьянскихъ службъ съ точки зр'внія потребностей господарскихъ дворовь и лишнихъ врестьянь осадить на "врок'в". Это предписаніе было крупнымъ нововведеніемъ въ управленіе господарскихъ волостей, ибо до этого въ немъ господствовала тенденція соблюдать крестьянскую старину. О причинахъ, вызвавшихъ это нововведеніе, будетъ свазано въ своемъ м'вст'в.

Организуя крестьянскія службы, нам'єстники-державцы сл'єдили и за ихъ надзежащимъ выполненіемъ. Крествянскія власти получали распоряженія по этой части оть нам'єстниковъ-державцевъ и контролировались ими. Точно такъ же намъстники-державцы имъл въ своемъ въдъніи и всь сборы съ господарскаго хозяйства, хлюбный урожай и приплодъ скета. Гумна и житницы состояли подъ ихъ надзоромъ и контролемъ. По сборъ урожая изъ него выдагалась прежде всего церковная десятина, затымъ откладывалась мёсячина для челяди дворной и сёмена, а остальное дёлилось на три части, изъ которыхъ одну бралъ себъ намъстникъ-державца, а двъ шли въ пользу господаря. Этоть хльов либо продавался, либо раздавался разнымъ лицамъ по "квитаціямъ", или ассигновкамъ изъ центра. Такъ обстояло дело въ дворахъ Впленскаго и Троцкаго воеводствъ, т. е. въ предълахъ великаго княжества Литовскаго въ тъсномъ смыслъ. Въ окраинныхъ областяхъ, гдъ господарское хозяйство было сравнительно слабо развито, весь урожай уходиль на содержание уряда и замковыхъ "залогъ" (гарнизоновъ). Намъстники-державцы вели точный учеть и приплоду скота, особенно лошадей, которыхъ они переписывали въ особые реестры. Лошадей также выдавали разнымъ лицамъ "по квитаціямъ".

Въ связи и наряду съ административно-хозяйственною дѣятельностью выступаеть и значеніе намѣстниковъ-державцевъ, какъ главныхъ органовъ финансоваго управленія вь господарскихъ волостяхъ. Во всѣхъ великокняжескихъ волостяхъ какъ въ тѣхъ, гдѣ велось господарское хозяйство, такъ и въ тѣхъ, гдѣ его не было, намѣстники-державцы были сборщиками податей какъ натуральныхъ, такъ и денежныхъ. Одною изъ самыхъ распространенныхъ податей было дакло, взимавшееся рожью (иногда пшеницею), овсомъ, сѣномъ, дровами, пентиниками (пенькою или льномъ), съ прибавкою куръ и яицъ, иногда еще колодины и глинныхъ пенязей. Дякольный хлѣбъ и овесъ намѣстники-державцы частью расходовали по "квитаціямъ", но большею частью препровождали въ распоряженіе городничихъ. Городничіе существовали въ крупныхъ замкахъ, бывшихъ базисами обороны областей: въ Вильнъ, Трокахъ, Ковнъ, Городнъ, Новгородвъ, Минскъ, Бе-

рестьй, Каменци, Полоцки, Витебски, Смоленски, Кіеви, Луцки, Владимір'є и Кременці. Должность ихъ состояла въ надзор'є за исправностью укръпленій, вы руководствъ ихъ постройкою и починкою. Это была старая русская должность, прототиномъ которой быль еще "городникъ" Русской Правды. Хлебъ и овесь, который получали городничее отъ наместниковъ-державцевъ, предназначался собственно на содержание "залоги", или гаринзона, на пополнение крыностныхъ провіантскихъ магазиновъ; лишній продавался за деньги. Вмівсті съ хлібомь городничимь шла еще и колодина. - деньга взамёнь колодь для укрупленій, а также глинные пенязи взамънъ обязанности поставлять глину для укръпленій. Съпо, дрова и живность оставались на господарскихъ дворахъ, либо замънялись деньгами. Намъстники-державцы собирали также мезлеву-натурою, когда это было нужно, а чаще всего дельгами, а также и разные другіе платежи натурою, какъ напр., солью (съ соляниковъ), рыбою (съ рыболововъ), углемь (съ угольниковъ), хмелемъ-и т. д. Къ натуральнымъ податямъ, которыя собирала нам'встники-державич, относилась и дань медовая, бобровая, куничная и др. Исключеніе въ этомъ случай представляли Подніпрскія в Задвинскія волости, которыя сами отправляли дань до скаро́а и до ключей Виленскаго и Троцкаго; впрочемъ, по временамъ и здъсь сборъ дани поручался иногда намфетникамъ-державцамъ. Что касается денежныхъ сборовь, производившихся намъстниками-державцами, то здъсь, прежде всего, надо упомянуть пенази, собиравшіеся взам'янь перечисленных натуральных податей, осадные пенязи, или оброкъ, собиравшийся взамынь нздельныхъ повинностей; куницы, или арендную плату, взимавшуюся за пользование пустовщинами и разными доходными статьями, прошовию, ни серебрянию дань и, наконецъ, земскій податокъ", называвшійся на Литвь и въ темляхъ Жиудской, Полоцкой и Витебской серебщиною, въ Смоленской посощиною, въ Кіевской подымщиною, въ Волынской воловщиною. Этотъ земскій податокъ, шедшій на военныя нужды, быль податью чисто политического происхожденія, tributum pacis. Въ русскихъ земляхъ его платили первоначально, повидимому, татарамъ, а затъмъ областные литовские и русские внязья стали платить его великому внязю Литовскому, верховному повелителю и защитнику государства. Въ Подибирскихъ и Задвинскихъ волостяхъ намъстники-державцы собирали на ряду съ серебщиною еще и ордыницину, которая взималась первоначально едва ли не на уплату поминковъ Кримскому хану.

Хозяйственно-административная и финансовая двятельность нам'ьстниковъ-державцевъ въ равной м'тр'т охватывала и м'тоста. Нам'тостники-державци осаживали м'тоданскіе усадебные и полевые участки пришлыми людьми, разрітнали купли и продажи этихъ участковъ и вообще заботились о полнот'т тяглыхъ и податныхъ силъ м'тоста. Иногда имъ поручалось вновь осаживать м'тосто на магдебургскомъ прав'т. Нам'тостники-державцы сл'тдили за выполненіемъ м'тодати и налоги, какъ общіе съ крестьянскими, такъ и спеціально м'тосткіе, гд'т эти налоги не шли въ пользу самого мѣста. Такъ, черезъ ихъ руки шли въ скарбъ прутовое, поворотнос, мыто мостовое, перевозъ, бочечное полиърное, вага, или въсчее, торговые пенязи (лавочный сборъ), кунтоное отъ домовъ, гдѣ пиво и медъ варятъ и продаютъ, капидина, или корчемные пенязи и т. д. Впрочемъ нѣкоторые изъ этихъ сборовъ отдавались иногда въ аренду на откупъ, напр. мостовое, помѣрнос, корчомные пенязи. Пошлины съ продаваемыхъ товаровъ собпрали особые мытники, соляничіе (съ соли) и восковничіе (съ воска), получавшіе этотъ сборъ или "къ вѣрной руцѣ", или въ аренду, на откупъ. Но бывали случаи, когда сборъ мыта отъ товаровъ, приходившихъ сухимъ путемъ и водою, поручался намѣстникамъ-державцамъ, какъ, напр., въ Рѣчицѣ.

Какъ главные приказчики въ господарскихъ имѣньяхъ, намѣстники-державцы обязаны были принимать и кормить господаря съ его свитою въ случаѣ пріѣзда ихъ въ данное имѣнье, а равно господарскихъ пословъ и гонцовъ, поднимать ихъ, какъ говорилось тогда, "стаціями" и доставлять имъ подводы для дальнѣйшаго путешествія. Для продовольствія господаря и его свиты шла мезлева, которую намѣстники-державцы отправляли иногда въ заранѣе опредѣленные пункты, но сверхъ того собиралась и экстренная стація, которая также не только расходовалась ка мѣстѣ, но и отвозилась по указанію господаря. Стацію и подводы намѣстники-державцы давали не изъ своихъ доходовъ, а собирали съ тѣхъ же волостныхъ крестьянъ, даже и не однихъ господарскихъ, но и владѣльческихъ, пожалованныхъ изъ состава волости тому или другому князю, пану, боярину или мѣщанину съ обязанностью давать стацію и подводы.

Сделавшись во многихъ местностяхъ главными приказчиками по господарскому хозяйству, нам'встники-державцы (и тивуны) стали получать и такіе доходы, которыхъ не питли ихъ русскіе предшественники. По "уставамъ" дворовь Виленскаго и Троцкаго воеводствъ и Жмудской земли, выданнымъ вь 1529 году, по несомнъчно регулировавшимъ частью дъйствовавшіе уже порядки, нам'єстники-державцы получали третью часть чистаго урожая, а съ 1529 года четвертую съ ярового хлъба. Огородными овощами имъ представлено было пользоваться полностью и только въ случав прітада господаря доставлять на его кухню положенное количество овощей. Въ техъ державахъ, где производился ловъ рыбы на господаря, наместникамъ-державцамъ предоставлялась также третья часть улова. Въ другихъ случаяхъ, державцъ на замокъ рыболовы давали десятую рыбу. Тамъ, гдъ водилось много зверей, наместникамь-державцамь предоставлилось ловить ихъ по извъстнымъ мъстамъ и посылать съ этою цълью стръльцовъ и т. д. Въ техъ областяхъ, где господарское хозяйство было слабо развито, всь продукты его обыкновенно шли на державцу и состоявшихъ при немъ слугь и военныхъ людей. На Жмуди, въ тъхъ волостяхъ, которыя состояли въ держань старость и тивуновь, господарскія пахотныя земли даже всецью эксплуатировались въ пользу этихъ державцевъ, считались принадлежностью ихъ урядовъ, такъ что господарскихъ дворовъ фактически не было, а были только дворы старостинскій и тивунскіе. Но такъ какъ

староста и тивуны черезчуръ обременяли мѣстныхъ крестьянъ работами и вызвали тѣмъ усиленную эмиграцію изъ Жмуди, Сигизмундъ въ 1527 году освободилъ Жмудскихъ ерестьянъ отъ барщинныхъ повинностей и разныхъ платежей въ пользу старосты и тивуновъ и замѣнилъ все это опредѣленными кормами въ пользу старосты и тивуновъ.

Литература.

М. Любавскій, Областное д'яленіе и м'ястное управленіе Литовско-Русскаго государства во времени изданія перваго Литовскаго Статута 1529 года; М. В. Довнаръ-Запольскій, Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ, т. І.

XXVII.

Намъстники-державцы, какъ военно-административные и судебные органы въ господарскихъ доменахъ.

Преемство военной власти нам'єстниковъ-державцевъ отъ дрегнерусскихъ нам'єстниковъ.— Оборона пов'єта и мобилизація м'єстныхъ вооруженныхъ силъ; зав'єдываніе кр'єпостями.— Юрисдикція нам'єстниковъ-державцевъ и ея ограниченія.—Суды общіе, полюбовные и конные.—Должностныя лица при нам'єстникахъ-державцахъ изъ ихъ слугъ.—Судебные и другіе доходы нам'єстниковъ-державцевъ.—Вилядъ на ихъ должность, какъ на кормленіе; "челобитья" отъ нам'єстничествъ.

Намъстники-державцы были не только органами хозяйственнаго и финансоваго управленія господарских домень, но и военными начальниками и главными судьями въ этихъ доменахъ. Военно-административныя функціи ихъ были прямымъ настедіемъ западно-русской старины. Западно-русскіе намъстники въ старину были комендантами городовъ, которые давались имъ въ держанье, и начальниками мъстныхъ вооруженныхъ силъ, вслъдствіе чего даже и назывались восводами. Такіе восводы-нам'єстники сид'єли, напр., по городамъ Галицкой земли во время присоединенія ея къ Польшъ, по городамъ Волынской земли въ княженье тамъ Любарта Гедиминовича, въ Чернигово-Съверской землъ въ княжение Дмитрія-Корибута Ольгердовича. Воеводъ встръчаемъ даже въ удъльныхъ княжествахъ Острожскомъ, Кобринскомъ и т. д. Подобно этимъ воеводамъ-наместинкамъ и позднейтіе литовско-русскіе нам'єстники-державцы были военоначальниками, которые выводили мёстныя вооруженныя силы для отраженія непріятелей (особенно въ пограничныхъ повътахъ), подјерживали въ исправности укръпленія, мосты и военныя дороги. По этой должности нам'ястники-державцы распоряжались всёмъ населеніемъ своего пов'єга. На ихъ вовъ всё обыватели повъта, способные носять оружіе, обязаны были выступать вы погоню за непріятелемъ въ случав вторженія его въ повыть. Во время мобилизаціи земской рати намъстники-державцы не только выводили господарскихъ слугь и военнослужилыхъ крестьянъ, но следили также и за темъ, что бы

всѣ бояре-шляхта ихъ повѣта шли на войпу "по уставѣ земской", т. е. съ извѣстнымь числомъ конныхъ ратниковъ, согласно опредѣленію сейма. Ближайшіе комъндиры шляхты—хоружіе дѣйстьовали въ данномъ случаѣ подъ "свѣдомомъ" намѣстниковъ-державцевъ, которые несли отъѣтственность наравиѣ съ хоружими за упущенія и влоупотребленія при мобилизаціи. Всѣ землевладѣльцы за одно съ господарскими мѣшанами и крестьянами обязаны были строить и чинить укрѣпленія, мосты и дороги; многіе сверхъ того несли "сторожу" въ замкѣ и "полѣ". Распоряженія и приказанія по этой части отдавали намѣстники-державцы. Въ данномъ случаѣ власть намѣстниковъ-державцевъ простиралась даже на такія имѣнья, которыя вышли уже изъ состава господарскихъ доменъ, пожалованы были съ нолнымъ правомъ и панствомъ, но съ оставленіемъ на нихъ прежнихъ земсвихъ повинностей.

Какъ начальники мѣстныхъ вооруженныхъ силь, намѣстнаки-державцы по временамъ принимали дѣятельное участіе въ организаціи военнослужилаго землевладѣнія, особенно въ пограничныхъ повѣтахъ. По собственной иниціативѣ они раздавали иногда пустовавшія земли "на военную службу" "до воли и ласки господарской" и дѣлали затѣмъ соотвѣтствующія представленія господарю великому князю. Съ вѣдома и разрѣшенія намѣстниковъ-державцевъ совершались различныя сдѣлки на военнослужилыя имѣнія въ ихъ повѣтѣ и т. д.

Но съ особенною ясностью проявлялось значение намъстниковъдержавцевь, какъ органовь общаго управленія въ господарскихъ доменахъ, вь ихъ судебныхъ функціяхъ. Ихъ юрисдивцій подлежали господарскіе крестьяне, м'єщане непривилегированных м'єсть, бояре-шляхта и другіе землевладынцы, державшіе пмінья изь состава господарских домень и подъ господаремъ. Мъщане привилегированныхъ мъстъ, состоявшихъ на нѣмецкомъ правъ, а равно и владъльческие крестьяне и другие подланные подлежали суду намёстниковъ-державцевъ только по важнейшимъ уголовнымь діламь, каковы были: гвалть домовый (вторженіе вь домъ и насилія въ немъ), разбой, поджогъ, шляхетская рана, изнасилование женщинъ. По искамъ въ владъльческимъ "подданнымъ" давали судъ и управу владъльцы; но если владельцы отказывали въ правосудін, тогда вступали въ свои права намъстники-державцы и привлекали уже владъльцевъ на свой судъ. Вообще же въ тяжбахъ лицъ разныхъ подсудностей по действовавшему тогда праву судиль судья обвиняемой стороны въ присутствіи уполномоченнаго судья, коему подсуденъ истецъ; если судивний судья не удовлетворяль истца, тогда назначался обчій, или смъсный судъ. Юриедикціи нам'встниновъ-державцевъ не подјежали тъ обыватели ихъ повътовъ, коимъ даны были несудимыя грамоты, предоставлявшія имъ право судиться, непосредственно передъ господаремъ или уполномоченными имъ людьми. Чаще всего это были откупщики мыта и корчомъ и другихъ доходныхъ статей. Кромъ того, боярамъ-шляхть по Статуту предоставлялось право не становиться на судь передъ тым намыстниками-державцами, которые передъ тымь были переименованы изъ тивуновъ.

Въ предълахъ, ограниченныхъ перечисленными изъятіями, намъстникидержавцы чинили судь и управу по всевозможнымь дёламь, гражданскимь н уголовнымъ. Ихъ дъятельность въ этой области ограничивалась главнымъ образомъ фактически - желаніемъ тяжущихся, которымъ предоставлено било право въ великихъ дълахъ отзываться до господаря. Къ этимъ "великимъ леламь" относились: насплыственный захвать имбиья, нанадение на домъ (гвалть домовый), "безправный грабежь" (самоуправство), убійство, тяжба объ отчинномъ имъньъ, о шляхетской чести и нъкоторыя другія. Стороны нивли право отзываться до господаря, "не вступуя въ право", т. е. не принимая доказательствъ, коими решалось дело. Если стороны не изглявляли желанія судиться у господаря, всё эти великія дела" могли разбираться н решаться наместниками-державцами. Наместники-державцы не имели права только постановлять такія рішенія, коими рішался вопросъ о чьемълибо шляхетствь: такія дела они должны были перевосить къ господарю, такъ какъ нобилитація и денобилитація были исключительнымь его правомъ. Кром'в того, въ силу привилеевъ, пожалованныхъ некоторымъ землямъ, напр. Кіевской, нам'яствики-державцы не могли приводить вы исполненіе своихъ приговоровъ по важномъ уголовнимъ деламъ безъ указа господаря.

Фактически судебная деятельность наместниковь-державцевь ограничивалась кром' того д'янтельностью дворных тивуновъ и крестьянскихъ властей, напр., старцевь, разбиравшихъ земельныя тяжбы, бортныя и межевыя дыз и разныя мелкія "спорчизны" между крестьянами, а также дъятельностью полюбовных судей, которых брази себъ стороны у намъстника-державцы, каждая "съ своее руки" для разбирательствъ столкновеній и недоразуменій на местахъ. Все эти дела обыкновенно разрешались такъ называемымъ "копнымъ правомъ", т. е. при участіи окольныхъ людей, которыхъ соберали тяжущіеся. Копные суды были въ большомъ ходу у литовско-русскихъ крестьянъ. Кона велась и въ техъ случаяхъ, когда приходилось отыскивать престужчика. Потерпевшіе вызывали "на сокъ" всёхъ овольныхъ жителей, и никто не имъть права отказаться отъ этого подъ страхомы быть обвиненнымы копою. Копный судь быль не чёмы инымы, какъ продолжениемъ того следственнаго суда, который совершался еще въ эпоху Русской Правды. Известно, что въ то время искали по верви разбойника, поджигателя, коневаго татя, клётнаго, кто краль чужихъ бобровъ, пчелъ и т. д. Точно такъ же и въ разсматриваемое время копа собиралась тогда, когда нужно было разыскать въ данной мъстности разбойника, поджигателя, татя, покравшаго лошадей, сено или хлебъ съ гумна, бобровъ и птицъ изъ чужихъ ловушенъ и сътей и т. д. Этогъ розыскъ естественно превращался въ судъ, ибо въ старину представление доказательствъ, розыскъ преступника уже решали дело, и вырокъ судьи быль уже простою формальностью, а съ другой стороны при отыскиваніи преступника коп'в приходилось оцінивать доказательства виновности и невиновности. Даже въ частностяхъ можно видеть сходство копнаго процесса съ темъ, что происходило въ эпоху Русской Иравды. Такъ, напр., если следъ татя приводилъ разыскивающихъ къ селу, село должно било или найдти татя въ себъ,

или платить за воровство, или "отсочить", отвести оть себя слёдь. Копы собирались на опредёленныхъ мёстахъ — коновищахъ, при чемъ всё крестьяне, жившіе на извёстномъ разстоянін отъ коновища, чьи бы они подданные ни были, обязаны были являться на копу. Кром'в тивуновъ и крестьянскихъ властей, тяжущіеся брали на копу иногда нам'встника державцы или его "вижа".

Намѣстники-державцы производили свой судь обычно въ присутствіи людей изъ мѣстнаго общества—боярь, мѣщань и даже крестьянскихъ властей, смотря по тому, чье дѣло разбиралось. Всѣ эти лица пграли роль свидѣтелей суда и виѣстѣ съ тѣмъ знатоковъ мѣстныхъ обычаевъ и отношеній, къ которымъ судья обращался по временамъ за совѣтомъ, съ которыми онъ "намовлялся" о дѣлѣ. Статутъ 1529 года виѣнилъ въ обязанность державцамъ вмбрать изъ среды мѣстныхъ земянъ двухъ человѣкъ, людей добрыхъ и вѣры достойныхъ, для непремѣннаго участія въ судѣ, который будутъ производить въ отсутствіе державцевъ ихъ намѣстники и маршалки.

Намфстники-державцы въ данныхъ имъ волостяхъ держали цёлый штать слугь, которые помогали имъ въ судь и управлении. Изъ среди этихъ слугь выходили прежде всего намъстники намфстниковъ-державцевъ, замънявшіе ихъ во время ихъ отсутствія, и маршалки, чинившіе суды по отдельнымъ порученіямъ своихъ господъ. Дело въ томъ, что паны, державшие господарския волости, отвлекались постоянно какъ своими собственными делами, по именьямь, такъ и "справами господарскими и земскими". Сплошь и рядомъ они были придворными сановниками, членами рады великаго кинжества и, кромъ того, господарскими намъстникамидержавцами въ другихъ волостяхъ (знатные паны постоянно имѣли въ держань в по наскольку господарских волостей). Но и незэвисимо отъ отсутствія ихъ, слуги были имъ необходимы для управленія пов'єгами. Слуги наместниковъ-державцевъ фадили отъ нихъ дъцкими, когда нужно было кого-нибудь приводомъ доставить на судъ, или когда надо было произвести полицейскимъ порядкомъ имущественное взыскание по суду. Изъ среды ихъ брались вижи, на обязанности которыхъ лежало оффиціальное засвидетельствование различныхъ правонарушений и удовлетворений по нимъ н вообще обезпечение частныхъ лицъ "урядовимъ" свидътельствомъ въ цъляхъ полученія правосудія. Посылка вижей давала возможность намѣстникамъ-державцамъ, не выважая изъ своей региденціи, чинить правосудіе по дъламъ, требовавшимъ ознакомленія съ правонарушеніемъ на мъсть. Вижи вызывались, какъ уже было сказано, и на копные суды, решенія которыхъ получали отъ того большую силу и законность. Изъ среды слугъ намъстниковъ-державцевъ выходили и увязчіе, которые вводили во владенье именьями, присужденными кому-нибудь за долгь или по какой-либо другой причинь. Всв эти лица получали за свои труды доходы-дъцкованье, вижовое, увязчее, которыми делились съ своимъ паномъ. Къ нимъ надо отнести еще писарей и дьякова, составлявшихъ канцелярію нам'єстниковьдержавцевъ.

При отправленіи суда нам'єстники-державцы получали въ свою пользу: изв'єстный проценть съ суммы иска, называвшійся пересудомъ, съ истца, донскавшагося своего, а съ 1509 года и съ оправданнаго отв'єтчика; повинное, или изв'єстный проценть съ "винъ", т. е. судебныхъ штрафовъ, шедшихъ въ пользу господаря, а иногда взам'єть этого "вины малыя" (не свыше 50 грошей); выметное, т. е. деньги, которыя условливались платить нам'єстнику-державців такущіеся, державшіе между собою судебное пари; заклады, или заруки, которыя тяжущіеся устанавливали по обоюдному соглашенію въ пользу пам'єстника-державцы съ цілью пресёчь дальнійшія правонарушенія; поколодное или повежное съ тіхъ, кого выпускали взъ колоды и тюрьмы, часть д'єцкованья, вижоваго и увязчаго.

Перечисленные судебные доходы нам'естниковъ-державцевъ были несомненно наследіем западнорусской старины. Въ этомъ можно убедиться, сравнивъ ихъ съ доходами судей по Русской Правдъ и другимъ памятникамъ древняго русскаго права. Такимъ же наследіемъ были и ибпоторые другіе доходы, получавшіеся намістниками-державцами русских волостей, тав не велось господарского хозяйства, а именно: узывада нъбадь, полюдованье, т. е. дары, приносившееся въ старину каязю или его наибетнику при объезде волости; стации, или кормы, дававшиеся мещанами и крестьянами деньгами или натурою; обывстки съ стороннихъ купцовъ, прівзжавшихъ торговать въ ту или другую волость; выводныя куницы съ жениховъ, воторые выводили невъсть изъ мъста или села на сторону. По особому пожалованью оть господаря нам'естники-державцы получали иногда разные сборы, которые въ старину шли особымъ должностнымъ лицамъ, а въ разсматриваемое время, переживь ихъ, собпрадись господаремъ въ свою пользу, какъ обыкновенныя подати, или же раздавались въ видъ особаго жалованы, или "волостокъ". Таковы были: тивунщина великая и малая, бобровщина, ловчое, доводничое, данничое, сокольничое въ Поднепрскихъ, Задвинскихъ и ивкоторыхъ другихъ волостяхъ. Наконецъ, намъстники-державцы по особому пожалованью или "уставь" получали въ свою пользу и часть собстренных господарских доходовь. Господарь руководился при этомъ разными соображеніями: или тымь, что намыстничьи доходы въ данномь повъть были черезчуръ малы, или особыми заслугами лицъ, или тъмъ, что намъстники-державцы принимали на себя нъкоторыя лишнія обязательства, не свизанныя съ ихъ должностью, въ родь, напр., отстройки мъсгнаго замка "своимъ накладомъ".

Доходы, которые нам'встники-державцы получали съ своихъ державъ, разсматривались не только, какъ вознагражденіе за исполненіе обязанностей по ихъ должности, но и какъ вознагражденіе за ихъ службу господарю вообще, какъ средства содержанія высшаго слоя военнослужилаго класса, его кормленое. Взглядъ этотъ находилъ себ'в выраженіе во многихъ отношеніяхъ: Великіе князья въ своихъ грамотахъ, выданныхъ русскимъ областямъ, постоянно подтверждали, что города и волости они будутъ раздаватъ м'встнымъ боярамъ. И д'в'йствительно города и волости въ этихъ земляхъ, раздавалнсь м'встнымъ землеклад'вльцамъ, большею частью на годъ, "колеею",

т. е. по очереди, чтобы не обидёть никого. Того же правила держались великіе князья и въ отношеніи нам'єстичествъ и тивунствъ на Литв'я и Жмуди, раздавая ихъ мфстнымъ панамъ и князьямъ, съ тою разницею, что здёсь эти нам'єстничества и тивунства давались либо "до воли господарской", чаще "до живота" или "до осмотр'єнья иншимъ лёпшимъ врадомъ". Годовыя намъстничества вслъдствіе развитія здъсь господарскаго хозяйства не были въ-ходу. Въ раздачь этихъ должностей отдъльнымъ лицамъ великіе князья руководились не только заслугами и исполнительностью лицъ, но иногда желаніемъ дать "поживленье" тому или другому лицу, у котораго, напр., имънье было занято или разорено непріятелемъ. Воззръніе на "держанія", вакъ на кормленья, приводило иногда къ тому, что лица, державшія замки н дворы съ волостями передавали ихъ съ согласія великаго книза своимъ роднымъ и близкимъ людимъ. Такъ, поступилъ, напр., ки. Коист. Ивановичь Острожскій, получившій оть великаго князи Александра замки Браславъ, Въницу и Звенигородъ, "до живота" и въ 1517 году передавшій ихъ "сестренцу своему" кн. Роману Андреевнчу Сангуликовичу. Взглядъ на "держанья", какъ на кормленья, ясно обнаруживается и въ обычать давать одному и тому же лицу по нёскольку держаній за разь въ разныхъ частяхъ государства, вследствін чего нам'єстники-державцы поручали все управление въ нихъ своимъ намфстникамъ.

Получая вормленья отъ великаго князя, намѣстники-державци и тивуни платили ему особое "челобитье". Въ XV вѣкѣ раздача доходныхъ должностей, по всѣмъ признакамъ, принимала иногда характеръ настоящей продажи ихъ, велѣдствіе чего и намѣстничества кое-гдѣ (напр., въ Торопцѣ) отдавались иногда состоятельнымъ людямъ изъ мѣщанъ и волостныхъ людей. Великій князь Александръ въ общеземскомъ привилеѣ 1492 года обѣщалъ не требовать ничего съ назначенья на должность и довольствоваться тѣмъ, кто что дастъ по доброй волѣ. Такое обѣщаніе по существу дѣла мало къ чему обязывало, а потому и послѣ того встрѣчаемся по актамъ съ "челобитьями", которыя платились господарю намѣстниками-державцами при назначеніи на должность. "Челобитья" платились также воеводамъ и старостамъ, по представленію которыхъ господарь раздавалъ державы.

Литература.

Тѣ же труды, что и въ предыдущемъ очеркѣ.

XXVIII.

Старосты и возводы, какъ органы общегосударственнаго управленія въ областяхъ.

Предшественники старость и воеводь.—Староста Жмудскій, какъ державца и главный правитель Жмудской земли; подчиненіе ему другихъ державцевъ и тивуновъ.—Старосты Луцкій, Владимірскій и Кременецкій, какъ главные правители бывшихъ въяженій.—Старосты Берестейскій, Городенскій, Ковенскій, Дорогицкій, Быльскій и Мельницкій и воевода Новгородскій; ихъ значеніе, какъ державцевъ и органовъ общегосударственнаго управленія въ повітахъ.—Воевода Виленскій и Троцкій, какъ наслідники власти областныхъ князей. Нхъ судебно-административная власть въ собственныхъ державахъ и въ державахъ намістниковъ-державцевъ; ихъ власть по отношенію къ княжествить и панскимъ имісьямъ.—Виленскій и Троцкій военные округа; подчиненіе воеводамъ староствъ и удільныхъ княжествъ въ военномъ отношеніи —Воеводы Полоцкій, Вилебскій, Смоленскій и Кієвскій, какъ преемники областныхъ княжей; областныя думы и сеймы.—Значеніе воеводъ и старость, какъ земскихъ правителей, главъ областного самоуправленія.

Намъстники-державцы и тивувы были органами доменіальнаго управленія въ областяхъ Литовско-Русскаго государства. Имъ парадлельны и аналогичны были управители крупныхъ княжескихъ и панскихъ вотчинъ, носившіе по временамъ то же имя намъстниковъ и тивуновъ. Но кромъ доменіальныхъ властей, въ областяхъ великаго княжества существовали и такія власти, которыя могутъ быть признаны органами общегосударственнаго управленія въ собственномъ смыслъ. То были старосты и воеводы, судебная власть которыхъ простиралась не только на господарскіе домены, но и на независимыя княжескія, панскія и церковныя имѣнья. Эти старосты и воеводы большею частью вышли изъ тѣхъ намъстниковъ, которыхъ великій князь сажаль въ главныхъ городахъ областей, бывшихъ резиденціями областныхъ князей, и которые должны были замѣнять собою этихъ послъднихъ.

Ранфе других областей староста утвердился въ значении главнаго великокняжескаго намфетника въ Жмудской землъ (со времени возвращенія ея отъ Ордена въ 1411 году). Часть господарскихъ волостей староста получилъ въ непосредственное завъдыванье и сталъ править ими на положеніи намъстника-державцы, пользуясь при этомъ и всёми его обычными доходами. Нъсколько господарскихъ дворовъ съ волостями въ XV въкъ и позже стали раздаваться господаремъ намъстникамъ-державцамъ, а остальные раздавались старостою тивунамъ. Но съ 1527 года тивунства въ Жмудской землъ стали раздаваться самимъ господаремъ. Для всѣхъ господарскихъ урядниковъ Жмудской земли—тивуновъ и намъстниковъ-державцевъ староста былъ главою и непосредственнымъ начальникомъ. Устава, данная Жмудской землъ въ 1529 году, регулируя существующій порядокъ, предписывала тивунамъ быть во всемъ послушнымъ пана старосты, "яко рады а мъстца нашого", особливо въ тъхъ дълахъ, которые относятся "ко споможенью доброй справъ речи посполитое" Жмудской земли. Изъ актовъ

частнаго характера видно, что "послушенствомъ" Жмудскому старостъ обязаны были и мъстные намъстники-державцы. Не мъшаясь въ ихъ хозяйственную деятельность вы господарских волостяхь, староста при всемъ томъ участвоваль въ управлении этими волостями. Онъ раздавалъ въ пределахъ этихъ волостей пустыя земли исстнымъ боярамъ на земскую службу до воли господарской. Къ нему великій князь обращался за справками, не будеть ли пожалованье той или другой земли убыточно для него, господаря. Староста отдаваль распоряженія по части ввода во владенія тою или другою землею тивунамъ и державдамъ и т. д. Въ техъ волостяхъ, которыя находились въ держань тивуновъ, староста Жмудскій творилъ даже и судъ. Ежегодно его намъстники разъфажали по этимъ волостямъ и вижстю съ тивунами чинили судъ господарскимъ людямъ, т. е. крестьянамъ, взимая съ нихъ "вины", т е. пенп. Очевидно, тивуны, получая волости изъ рукъ старосты, делжны были дёлиться съ нимъ своими судебными доходами. Наконецъ, тивуны и намфетники-державцы подлежали суду старосты по жалобамъ на нихъ господарскихъ людей или бояръшляхти. Судъ этоть отправлялся на сейм'в земли Жмудской, собправшемся ежегодно. Забев разбирались дела и шляхты, которая была неподсудна, какъ уже было сказано, тивунамъ. Кромъ господарскихъ волостей, ихъ державцевъ и населенія подъ веденіемъ и властью старости Жмудскаго состояли владельцы и населеніе независимых в отъ господарскаго доминіума иміній. Съ этихъ иміній шла военная служба и другія земскія повинности, о которыхъ была рачь въ свое время, и сладилъ за выполнениемъ этихъ повинностей староста. Староста вообще быль блюстителемъ господарскихъ интересовъ по отношенію къ такимъ иміньямь. Разрішенія осаживать въ нихъ мъста, заводить ярмарки, торги и корчии давались господаремъ только на основанін попазаній старосты, что это будеть жестамъ, торгамъ и корчмамъ господарскимъ "не шкодно". Наконецъ, владельцы этихъ именій, кроме пановъ радныхъ, которые судились самимъ господаремъ и его радою, подлежали юрисдикціп старосты; населеніе же этихъ имѣній на общихъ основаніяхъ судилось старостою или его намъстникомъ по такъ называемымъ "старостинскимъ артикуламъ".

Изъ приведенныхъ данныхъ относительно старосты Жмудскаго можно видъть, что онъ какъ бы замѣнилъ собою въ Жмуди областного князя. Такая же замѣна произошла и на Волыни. Въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка здѣсь было три княжества во владѣніи потомковъ Гедимина— Луцкое, Кременецкое и Владимірское. По упраздненіи княженій на Волыни стали править три великокняжескихъ намѣстника. Когда Волынь попала въ руки Свидригайла Ольгердовича, эти намѣстники стали областными правителями Волынскаго княженія и получили польское названіе старость. Свидригайло, какъ извѣстно, призналъ себя вассаломъ Польскаго короля и урядилъ свое княженіе по польскому образцу. По смерти его эти старосты снова сдѣлались великокняжескими литовскими намѣстниками, при чемъ староста Луцкій, имѣвшій резиденцію въ стольномъ городѣ Волынскаго княженія, удержалъ имя старосты и сдѣлался старшимъ уряд-

никомъ Волынской земли. При немъ остались нёкоторыя должностныя лица Свидригайла, какъ-то: маршалокъ земли Волынской, подъ команду котораго становились всё землевладёльцы земли Волынской —киязья, паны и земяне шляхта; хоружій земли Волынской, подъ знамя котораго собиралась шляхта; ключникъ Луцкій. Владимірскій нам'єстникъ въ 1503 году получилъ названіе старосты, а Кременецкій назывался спачала державцею, а затёмъ, въ 20-хъ годахъ XVI стольтія получилъ также имя старосты.

Каждый изь этихъ старость быль державцею господарскихъ доменъ въ своемъ повете и правиль ими, какъ и все другіе державцы, получан въ свою пользу обычные доходы державцы. Но сверхъ того подъ его властью и присудомъ находились и владельцы техъ именій, которыя не были подъ господарскимъ доминіумомъ, княжескихъ и панскихъ. Старосты следили за выполненіемъ военней, дорожной, мостовой, кормовой, подволной и сторожевой повинности съ этихъ имъній, утверждали сділки на эти именья, собирали съ нихъ "податокъ земеній", судили ихъ владельцевь по искамь и жалобамь на нихь какь мёстнихь, такь и чужестороннихъ обывателей и т. д.; население эгихъ имбий они судили по своимъ "старестинсками артикулами" и т. д. Важивищія тяжбы и уголовныя двла разбирались, какъ уже было сказано въ свое время, на сеймахъ Волынскей земли, которые собпрались ежегодно въ Луцкъ. Здъсь предсъдательствоваль либо староста Луцкій, либо маршалокъ земли Волынской, именно, когда разбирались дела по аппельяцій оть старость. На суде присутствовали владыка Луцкій и Берестейскій, старосты, князья и паны.

Аналогичные мъстные правители съ болъе общирною компетенціею, чъмъ простые намъстники-державцы, были также и на Литвъ и тъсно связанномъ съ нею въ военномъ отношенін Подіяшьт. То были намъстники Берестейскій, Городенскій, Ковенскій, Дорогицкій, Мельницкій, Бъльскій и Новгородскій. Подъ ихъ властью и присудомъ находились не только господарскіе домены, но и пифнья князей и пановъ, находившіяся въ ихъ повътахъ. Повидимому, и эти намъстники получили свою болъе обширную власть по наследству отъ прошлаго своихъ поветовъ, бывшихъ въ старину особыми политическими организаціями—княженьями и областями княженій. На это указывають состоявше при нихъ штаты должностныхъ лицъ. Такъ, при намъстникъ Берестейскомъ, были уряды-ключництво, данничое, житщина, бобревничое, ловчое, раздававшіяся по общему правилу м'єстнымъ землевлядывынамь; при намыстникы Городенскомь-конюшій, городиший, ключника, льсничій, тивуна и подчиненные главному нам'єстнику нам'єстники и тивины отдельныхъ волостей; при наместнике Ковенскомъ были намъстники отдельныхъ волостей Ковенскаго повета; при наместникъ Новгородскомъ-конюшій, ключника, городничій, нам'встники отд'яльныхъ волостей. Вск перечисленные главные нам'встники съ теченіемъ времени получили название старость, за исключениемъ Новгородскаго, которому дано было даже название воеводы (въ началъ XVI въка). Они творили судъ и управу не только въ господарскихъ волостяхъ, гдъ они были державцами, но и во всемъ своемъ повътъ, обнимавшемъ сверхъ того госпо-

дарскія волости, раздававшіяся въ держанье особымь нам'єстникамъ, княжескія и панскія им'внья. По отношенію къ господарскимъ доменамь помощвиками ихъ, кромъ ихъ слугъ, были перечисленние выше урядники. На судь ихъ присутствовали по общему правилу и мъстные землевладъльцы сначала случайные, а затъмъ особо для того назначенные, какъ и на судъ намастниковь-дет шавцевь. На Подляшьй, т. е. въ повитахъ Дорогицкомъ, Мельницкомъ и Бъльскомъ судебная дъятельность мъстныхъ старость ограничивалась земенчеми судами, состоявшими изъ судьи, подсудка и писаря земскаю и судавлими мъстную шляхту по всъмъ деламъ, кромъ старостинских вартикуловь. Эти земскіе суды были введены по примъру Польши для удовлетворскій містной шляхты, которая наполовину состояла изъ полябовь. Но владальцы непоторых врупных именій изв литовскихъ паноть были изваты изв мёстной юрисдикцій и состояли въ литовскомъ правъ, т. е. подсудны были великому книзю и его радъ. Надо сказать, что пани разные вообще не судились въ повътахъ, а только въ центръ. Иногда это правило распространялось и на ихъ вдовъ и дътей.

Съ такою же и отчасти даже съ большею компетенціею, чъмъ старости, были нажъстники областей, получившіе има воеводъ.

Ранве другихъ это ими упрочилось за намъстниками Виленскимъ и Троцкимъ. Въ концъ XIV и началъ XV въка эти намъстники назывались старостами подобно польскимъ намъстникамъ, правившимъ въ общирныхъ территоріяхъ. Виленскій и Троцкій нам'єстники зам'єнним собою тёхъ областныхъ вызвей, которые были здёсь въ моментъ заключенія уніи съ Польшею въ лицъ Ягайла и Скиргайла Ольгердовичей. Областныя княженья упразднились здесь после того, какъ Ягайло удалился въ Польшу, а на Литвъ сталъ великимъ княземъ Витовтъ. Этогъ великій князь, сводя князей съ областныхъ столовъ, браль на себя однако только важнёйшія политическія функція, большую же часть текущей, такъ сказать. будничной правительственной работы, которую они производили, оставиль въ стольныхъ городахъ бывшихъ книжествъ, въ рукахъ посаженныхъ тамъ намъстниковъ. При этихъ намъстникахъ остались исполнять свои обязанности и всь прежнія должностныя лица княжескихъ резиденцій, каковы были тивуны, конюшіе, ключники, ловчіе, сокольничіе и т. д. Этимъ же главнымъ намъстнивамъ подчинены были намъстники и тивуны пригородовъ и волостей бывшихъ областныхъ княженій, которые стали назначаться по ихъ представленію. Главные нам'єстники сділались военачальниками и судьями въ областяхъ, коимъ подвластны были всё остальные военачальники и судьи и все население областей. Съ 1413 года эти главные нам'встники въ Вильна и Тробахъ, бывше вмасть съ темъ первышими советниками великаго князя въ его думѣ, или радѣ, получили въ подражаніе Польшѣ имя воеводъ. Это оффиціально было утверждено въ Городельскомъ привилев 1413 гола.

Каждый изъ этихъ воеводъ быль прежде всего нам'ьстникомъ-державцею въ н'ькоторыхъ волостяхъ, данныхъ ему "къ воеводству", т. е. въ непосредственное управленіе и "поживенье". Судебно-административная д'ятель-

ность Виленскаго и Троцкаго воеводъ въ этихъ волостяхъ вырисовывается въ техъ же самыхъ подробностяхъ, какъ и раземотрънная уже нами судебноадминистративная двательность намветниковъ-державцевъ. Но наряду съ этимъ воеводы распоражаются и производить судъ и управу надъ населеніемъ тіхъ волостей, которыя держали особые намістники-державцы и тивуны по ихъ представленію. Надо сказать прежде всего, что населеніе этихъ волостей тянуло своими повянностями не только къ своимъ мѣстнымъ волостнымъ центрамъ, но и къ главнымъ областнымъ. Такимъ образомъ, напр., дизломъ господарскіе мізщане и крестьяне тянули, какъ мы видъти, къ городинчему Виленскому и Троцкому, медовою данью Поднъпрекія волости тинули къ ключу Виленскому и Троцкому; по уходу за господарежими лошадьми къ конюшему Виленскому и Троцкому, по лова в звърей-къ ловчему и т. д. Волости, находившіяся въ державъ намъстнивовъ-державцевъ, отряжали своихъ людей на сторожу при главныхъ замкахъ, или въ заставу, косить съно къ Трокамъ, на городовее дъло и т. д. Вследствіе эгого, и на эти волости неизб'єжно должна была распространяться власть восводь, какъ и другихъ урядниковъ областамхъ центровъ. Поэтому, когда въ XVI въкъ эти волости стали поиздать въ залогь къ разнымъ панамъ, въ "заставныхъ листахъ" и приходител сплошь и рядомъ читать: "А панъ воевода Виленскій (или Троцкій) не маеть въ тую волость д'вцкихъ своихъ всилати, а ни тежъ тое волости... людей не маеть судити; и вые и врядники наши Виленскіе (или Троцкіе): городничій, тивунъ и ключникъ не мають ни по что у волость того двора нашого всылати и доходовъ нашихъ и своихъ тежъ не мають правити". Но и независимо оть этого воеводы распоряжались въ волостихъ намъстниковъ-державцевъ въ качествъ высшихъ администраторовъ, замънившихъ областныхъ князей. Они раздавали въ этихъ велостяхъ пустовщины на врестьянскую или боярскую службу, отдавали въ этихъ случаяхъ приказанія нам'єстникамъдержавцамъ, прінскивали земли для пожалованія разнымъ лицамъ по порученію господаря и т. д. Воеводы судили тёхъ людей, которые отзывались до ихъ суда отъ суда наместниковъ-державцевъ, въ частности бояръ-шляхту тьхъ волостей, которыми правили тивуны и замънившее ихъ намъстникидержавцы, буде тяжущіеся не желали передъ ними судиться. Наконецъ, сами нам'встники-державцы по жалобамъ на нихъ разныхъ лицъ подсудны были тымь же воеводамь.

Такова была судебно-административная власть Виленскаго и Троцкаго воеводь по отношению къ господарскимъ волостямъ, находившимся въ ихъ непосредственномъ держань или въ держань намыстниковъ-державцевъ и тивуповъ. Судебно-административная власть названныхъ воеводъ простиралась и на имънья княжеския и панския, находившияся въ Виленскомъ и Троцкомъ повътахъ. Владъльцы этихъ имъний, за исключениемъ пановъ раднихъ, и отчасти население (по старостинскимъ артикуламъ) были подсудны воеводамъ; воеводамъ же подвъдомственны были всъ эти имънья въ отношения лежавшихъ на нихъ земскихъ повинностей, о которыхъ намъ уже не разъ приходилось говорить.

Военная власть Виленскаго и Троцкаго воеводъ захватывала боле обширную территорію и была выше, чім ихъ собственно старостинская власть. Воеводы Виленскій и Троцкій были начальниками военныхъ округовъ, въ составъ которыхъ, кромъ Виленскаго и Троцкаго судебно-административныхъ округовъ, входили судебио-административные округа намѣстниковъ-старостъ Ковенскаго, Городенскаго, Берестейскаго, Дорогицкаго, Бъльскаго и Мельницкаго (въ составъ Троцкаго воеводства), намъстникавоеводы Новгородскаго (въ составъ Виленскаго воеводства), а также и удъльныя вияжества: Кобринское, Пипское съ Городецанив и Клецкимъ (въ составъ Троцкаго воеводства), Слуцкое в Метиславское (въ составъ Виленскаго). Воеводы Биленскій и Троцкій были начальниками ополченій, мобилизировавшихся не только съ ихъ собствемныхъ территорій, но и съ территорій другихъ, въ гражданскомъ отно пеніи имъ равнозначительныхъ м'встныхъ правителей. Такое военное устройство ведыната кнажества Литовскаго въ тесномъ самсте было наследиемъ военно-политическаго дуализма, установившагося еще при Ольгерді и Кейстугі. Уже тогда установилось деленіе Литвы на Виленскую и Троцкую половину въ зависимости оть борьбы съ одной стороны съ нъмцами, съ другой съ Москвою и татарами, борьбы, которая требовала сосредоточенія военныхъ силь на два фронта. Этотъ военно-политическій дуализмъ держался и послѣ смерти Ольгерда, при Ягайл'я и Кейстуг'я, а затым при Ягайл'я и Скиргайл'я и вь конц'в концовъ отвердъть въ указанномъ военномъ дъленіи Литвы.

Еще болье, чыть Виленскій и Троцкій воеводы, напоминають областныхъ князей своею правительственною деятельностью главные нам'естники русскихъ земель Полоцкой, Витебской, Смоленской и Кіевской, переименованные въ концъ XV и началъ XVI в. въ воеводъ. Они отправляли ту же самую діятельность, что и литовскіе воеводы въ свояхъ повітахъ, подобно имъ были также непосредственными державцами извъстныхъ господарскихъ волостей, главными администраторами и судьями по отношенію къ господарскимъ волостямъ, раздававшимся м'єстнымъ землевладівльцамь въ держанье по ихъ представленію, администраторами и судьями въ отношения въ владъльцамъ и населению вилжескихъ и панскихъ имфий, пачальниками всёхъ военныхъ силъ земель. Но всю свою правительственную работу они выполняли не только съ отдёльными должностными лицами прежнихъ областныхъ князей, но и съ ихъ думами, или радами. Такъ, воевода Смоленскій судиль и рядиль съ владыкою, казначеемь, окольничимь, старостою мёста Смоленскаго, конюшимь, чашникомъ, ловчимь, князьями и болрами Смоленской земли; воевода Витебскій — съ городничимъ, ключникомъ, конюшимъ, ловчимъ, сокольничимъ, кухмистромъ, съ князъями и боярами Витебской земли; воевода Полоцкій съ владыкою, городинчимъ конюшимъ, тивуномъ, бобровничимъ, князьями и панами Полоцкой земли; воевода Кіевскій съ архимандритомъ Печерскимъ, князьями и панами Кіевской земли и т. д. Эти правительственные сов'яты прежнихъ областныхъ князей расширялись иногда въ мъстиме сейми всъхъ военнослужилыхъ вемлевладъльцевъ, а въ Полоциъ и Витебсиъ съ участіемъ даже мъщанъ

и слугъ. На этихъ сеймахъ разрѣшались важнѣйшія судебныя дѣла, принимались разныя административныя мѣропріятія и издавались, какъ мы уже видѣли, мѣстные законы.

Воеводы и старосты была несомивино намветниками великаго князи въ областяхъ. Но выходя изъ состава местныхъ землевладельцевъ, въ ивкоторыхъ областяхъ назначаемые великимъ княземъ по избранію или согласію м'єстных вемлевладівльцевь, управляя областами при содійствін этихъ же землевладъльцевъ, воеводы и старосты и сами смотръли на себя, и на нихъ смотръли со стороны не только какъ на великокняжескихъ намъстниковъ, но и какъ на земскихъ правителей, выдвинутыхъ землею и призванныхъ радъть объ ея интересахъ. Съ особенною силою это самочувствіе проявлялось по временамь у старосты Жиудскаго, который чувствоваль себя гораздо болье вняземь Жмуденинь, чемь наместникомь, и шель во главъ политической оппозиціи, проявляемой землею по отношенію къ распоряженьямъ государственнаго центра. Въ нъкогорыхъ областяхъ, какъ напр. на Волыни, значение старость, какъ великокняжескихъ намъствиковъ, стояло на заднемъ планъ въ силу того обстоятельства, что Волынскан земля съ теченіемъ времени почти вся оказалась во владіній княрей, пановъ и земянъ, господарскаго въ ней осталось уже мало, з потому и старостамъ приходилось изъть дъло не столько съ интересами и нуждами вь этой области великаго князя, сколько съ интересами и нуждами м'естныхъ землевладильневъ. Въ общемъ можно сказазать, что, такъ какъ областное управление въ великомъ княжествъ Литовскомъ въ значительной степени носило характеръ самоуправленія, то и воеводы и старосты были не только нам'єстниками великаго князя въ областяхъ, но и ихъ политическими представителями передъ центральною властью, главами земскаго самоуправленія областей.

Литература.

М. Любавскій, Областное діленіе и містное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута; Ө. И. Леоктовичь, Областное управленіе въ великомъ княжествів Литовскомъ до и послів Люблинской уніи (Юрилическія Записки, издаваем. Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемь, вып. И, 1908; вы. III, 1909 г.).

XXIX.

Высшіе урядники земскіе и дворные при литовско-русскомъ госпо-

Правительственная децентральнація въ Литовско-Русскомъ государстві; отсутствіе центральных учрежденій съ самостоятельных відомствомъ, кромі господаря и его рады.—Маршалокъ земскій, какъ главный распорядитель и охранитель порядка въ господарской резиденцій, въ раді и на сеймі; маршалокъ дворный, какъ его товарищь и начальникъ господарскихъ дворянь; охмистръ, какъ маршалокъ великой княтини. — Придворныя должностныя лица: подчашій, чашникъ, крайчій, подстолій, стольникъ, кухмистръ, конюшій дворный, ловчій, подкоморій, ложинчій, мечный; ихъ обязанности. —Канплеръ, какъ начальникъ государственной канцелиріи, состоявшей при господарт и его раді; подчипенные сму писари, секретари и дьяки. —Подскарбій земскій, какъ начальникъ государственнаго казначейства; связь скарба съ канцелярією в. княжества. —Доходы скарба, порядокъ ихъ поступленій и расходованія. — Финапсовое управленіе въ рукахъ господаря и рады. — Подскарбій дворный, какъ товаращъ подскарбій земскаго. — Гетманъ, какъ главнокомандующій, но не военный министръ; его товарищъ—гетмапъ дворный или польный; хоружіе земскій и дворный.

Изь представленнаго очерка судебно-административной дінтельности старость и воеводь можно убъдиться, что упразднение областныхъ княжений въ Литовско-Русскомъ государствъ не сопровождалось переносомъ ихъ управленія въ центръ въ такой мъръ, какъ происходило это въ другомъ русскомъ государстве-Московскомъ. Благодаря этому и въ рукахъ литовскорусскаго господаря и его рады не могло наконляться такъ много текущей правительственной работы, какъ въ рукахъ великаго князя Московскаго и его думы. Это обстоятельство въ свою очередь объясняеть тоть факть, что въ Литовско-Русскомъ государствъ не создалось почти никакихъ центральныхъ учрежденій, кром'є господаря и его рады. Всіє текущія діла, приливавшія изь областей къ центру, разбирались и вершились господаремъ и панами радою непосредственно или черезъ коммиссіи ad hoc. Въ важныхъ вопросахъ политики и законодательства господарь и паны-рада прибытали въ содыйствію сеймовъ, созывая ихъ для важдаго даннаго случая. Но они совству не пользовались услугами какихъ либо посредствующихъ центральныхъ учрежденій, въ род'в московскихъ приказовъ. Правда, при литовско-русскомъ господар' возникъ целый штатъ должностныхъ лицъ, аналогичный штату польскаго двора. Но большинство этихъ лицъ имъли чисто придворное значение. Некоторые изъ нихъ, какъ канцлеръ, подскарбій и гетманъ, играли болье важную роль, но при всемъ томъ не самостоятельную, а только вспомогательную при господаръ и его радь, технически-исполнительную.

Въ справедливости сказаннаго можно убъдиться изъ болъе детальнаго обозрънія функцій высшихъ урядниковъ земскихъ и дворныхъ, состоявшихъ при литовско-русскомъ господаръ.

Изъ этихъ урядниковъ значительною властью пользовался маршалокъ земскій, министръ великокняжескаго двора. Но власть эта не шла однако

датье того мъста, гдъ въ данное время пребывать господарь или собирался сеймъ, такъ что съ этой стороны маршалка земскаго можно считать органомъ м'встнаго, а не центральнаго управленія. Маршалокъ земскій быль блюстителемь порядка и этикета при дворв и на сеймв. Онъ отводиль квартиры посламь, гостимь, нанамь раднымь, прибывавшимь къ господарю, и господарскимъ дворянамъ, а также и лицамъ, събожавинимся на сеймъ. Всв лица, искавшія аудіенцін господаря, предварительно должны были являться къ маршалку земскому, который и докладываль объ нихъ господарю. Когда происходиль пріемь пноземныхъ пословь, маршалокъ земскій даваль имь слово. Точно также и въ собраніи рады онъ раздаваль голоса. Онъ же объявляль о господарскихъ решеніяхъ и пожалованіяхъ, судиль всь преступленія и праконарушенія, совершенныя въ м'ястопребываніи господаря или на сейм'є, устанавливаль таксу на събстные припасы, следить за темъ, чтоби на господарскомъ дворе и на сеймахъ не было никакихъ ссоръ, дракъ, оскорбленій, распутства и наказываль за все это по закону и "водле воли и росказанья" господаря. По выраженію одного документа, маршалокъ земскій носиль на себ'в "зверхность господарскую": съ своею маршалковскою "лескою" (жезломъ) онъ имълъ право "росказанья и владности" надъ головами рыцарскими; въ отсутствіе господаря держаль между панами радными м'всто самого господаря. -- За отсутствіемъ маршалка земскаго его обязанности исполняль товарищь его, называвшийся маршалкома дворныма и бывшій непосредственнымь начальникомь господарскихъ дворянг.

Лворяне состояли при господарскомъ дворъ для исполнения разныхъ порученій. Ихъ разсылали по областимъ съ приказами о мобилизаціи, о сборъ серебщини, о събздъ на сеймъ (листы военные, серебщинные и сеймовые); посылали къ отдъльнымъ лицамъ съ "листами позовными" и "мандатами" (вызовы на судъ); имъ поручали вводить разныхъ лицъ во владение именьями въ силу пожалованья господари или судебнаго решенья, производить различныя следствія, собирать жь верной руце" мыта и корчомные пенязи и т. д. Въ дворяне опредълялись обыкновенно молодые люди изъ аристократіи, стремившіеся выслужиться на глазахъ у господаря и получить какой-нибудь урядь, а также и совствиь бъдиме, безземельные шляхтичи и выходцы со стороны, изъ Польши и Москвы, для куска хлеба и въ надежде выслужить именье. Дворянская служба была, такимъ образомъ, для однихъ началомъ служебной карьеры, для другихъ пропитаніемъ. Дворяне получали отъ господаря "датокъ" въ видъ суконъ, хлъба, соли, лошадей, овса, съна, а иногда и денежнаго жалованья; когда ихъ услуги не требовались, ихъ разсылали "на лежи" по господарскимъ дворамъ, гдв имъ отводились квартиры и выдавался кормъ. При исполненін возлагаемыхъ на нихъ порученій дворяне получали въ свою пользу некоторые доходы, напр. "увяжчее" оть ввода во владёнье имъньями, "выгончое", когда они выгоняли людей въ работамъ на украинныхъ замкахъ, постькерщину, когда наблюдали за этими работами, и т. д. Лворяне, повидимому, имфин еще значение дворцовой гвардии, охранившей личную безопасность господари. Они участвовали въ походахъ, составляя особый отрядь, "гуфъ" при войскѣ. Подъ "свѣдомомъ и справою" маршалка дворнаго дворяне находились лишь на господарскомъ дворѣ и въ чисто служебномъ отношеніи. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ они подвѣдомственны были мѣстнымъ властямъ, въ округахъ которыхъ находились ихъ имѣньи, или непосредственно самому господарю, при чемъ маршалокъ дворный не былъ посредствующею инстанцією между мѣстыми властями и господаремъ.

Ть обязанности, которыя при господарь выполняли маршалки земскій и дворный, при великой княгинъ выполняль ел охмистрь (гофмейстерь), называющійся въ латинскихъ актахъ magister curiae reginalis. Въроатно, подъ его "справою" находились дворяне великой княгини, коморшки, ключникъ двора и разные другіе дворцовые служители. Исключительно придворное значение имъли и другие уряды дворные, заведенные по образду польскаго двора. Подчашій (subpincerna) имыть въ своемь выдынін напитки, подаваемые къ господарскому столу, наливать господарю вино и предварительно пробоваль его. Такъ бывало въ торжественныхъ случаяхъ; обычно же эту должность выполняль чашнева (pincerna). Крайчій (incisor) на торжественныхъ объдахъ разръзалъ кушанья, подаваемыя господарю. Подстолій, а въ обычное время стольника запедываль сервировкою господарскаго стола; кухмистръ заведиваль господарскою кухнею; конюшій . дворный — придворною конюшнею; ловий (venator) — придворною охотою; подкоморій (succamerarius) - порядкомъ и убранствомъ въ покояхъ господаря, ложничій - господарскою оночивальнею; мечный держаль мечь господарскій на различных в торжествахь; хоружій дворный командоваль "гуфомь" господарскихъ дворянъ. Всв эти урады существовали для того, чтобы, какъ выражается одинъ актъ, "здоровья и учтивости маестату господарского перестерегати", т. е. для личныхъ услугь господарю и оказанія вящшаго почета его сану. Подъ въдъніемъ этихъ дворныхъ урядниковъ находились низшіе придворные служители: скатертные и убрусные (подъ въдъніемъ стольника), кухари дворные и пекари (подъ въдъніемъ кухмистра), конюхи дворные, возницы, машталеры (надъ въдъніемъ конюшаго дворнаго), нагончій, ловцы, псарцы, сокольники и другіе "мысливци" (подъ въдъніемъ ловчаго), коморники и одворные (подъ въдъніемъ подкоморія) и др. Всь эти служители вербовались изъ крестьянь, причемь за свою службу при двор'в освобождались отъ всехъ или отъ части крестьянскихъ повинностей, навсегда или на то время, когда служили при дворъ. Они были подведомственны перечисленнымъ дворнымъ урядникамъ лишь вь то время, пока находились при двор'в и несли свою спеціальную службу; въ другое же время ихъ въдали судомъ и управою мъстные правители, при чемъ дворные урядники не были посредствующею инстанціею между этими мъстными правителями и господаремъ. Трудъ всъхъ этихъ дворцовыхъ служителей, кром'в владения господарскою землею, вознаграждался отдёльными дачами денегь, суконь, шубь, хлеба, соли, овса, свна и т. под. Такія же дачи получали и ихъ начальники.

Остается теперь разсмотрѣть, чѣмъ были, какія функціи выполняли канцлерт великато княжества Литовскаго, подскарбій земскій и подскарбій дворный, гетмина зеликій и дворный, или польный.

Канцаерь быль правителемь государственной канцеляріи великаго вняжества, состоявшей при господарь и его радь. Подъ его началомъ состояли писари, секретари и ихъ помощники-дьяки, которые изготовляли всь инсьмениме акты, выходившее отъ господари и нановъ рады, вписывали ихъ копін въ особыя книги, а подлинники выдавали по причадлежности, равно также принимали всѣ письменные документы, поступавшіе въ господарю и панамъ раднымъ, и вписыеали ихъ копіи въ внити. Эти акты и документы были чрезвычайно разнообразны: земскіе привилем, выданные великому княжеству; областные привилен; "уставы", выраболанныя на совъщаніяхъ господаря съ панами-радою; "земскія ухвалы" т е. постановленія сеймовь, утвержденныя господаремь и разсылавшіяся въ копіяхъ по областямъ въ видъ листовъ военныхъ, серебщинныхъ и т. под.; отвъты господаря на петицін, подавазшіяся ему "станами", т. е. сословіями, на сеймахь; грамоты къ сосъднимъ государямъ и правительствамъ; "науки", или инструкцій посламъ в гондамъ, отправлявшимся заграницу; правилен городамъ на магдебургское прако; "уставы" волостямъ относительно ихъ повинностей; депломы не должности и званія; жалованныя грамоты на нивнья; арендные листы на мыта, коморы восковыя и соляныя, корчмы, "мынцу", рыбныя озера и другія регаліп и доходныя статып; "выроки" господаря и пановъ-рады по судебнымъ дъламъ; "мандаты", т. е. судебныя повъстки о явкъ на первый и окончательный срокъ на судъ господаря и пановъ рады; листы "кглейтовные", гарангирующие безопасность лицамъ, желающимъ очиститься судомъ отъ взводимыхъ на нихъ обвиненій; листы "запов'єдные", отсрочивающіе частнымъ лицамъ явку на судъ по уважительнымъ причинамъ; листы "желъзные", отсрочивающие по уважительнымъ причинамъ расплату съ долгами; листы "заручные", гарантирующіе имущественную и личную безопасность со стороны противника до суда и послъ суда, подъ страхомъ уплаты за ел нарушение господарю извъстнаго "заклада"; листы "закривальные", освобождающіе оть подсудности всемъ судьямъ, кромъ господаря и т. д. При господаръ, гдъ бы онъ ни находился, всегда быль писарь или секрегарь, т. е. тоть же писарь, но умъвшій писать по латыни и по польски, который и писаль документь по его личному приказу или по приказу канцлера, или по приказу коголибо изъ другихъ пановъ радныхъ, уполномоченнаго на то господаремъ, а иногда даже и всёхъ пановь, находившихся при совершеніи акта. Иногда писарь составляль документь на основаніи того, что самъ слышаль, присутствуя на зас'яданій рады. Изготовленный документь скр'яплялся приложеніемъ печати или большой, "маєстатной", находившейся у канцлера, или "сыкгнетной", находившейся всегда при господарт, и подписью писаря, изр'єдка канцлера. Грамоты, посылавшілся въ другія государства, скръплялись поднисью руки господарской; Сигизмундъ сталъ крънить своею подписью и другіе документы. Посл'є скрівны писарь вписываль конію

документа въ находившуюся при немъ книгу или же поручаль это сдёлать своему дьяку. Если при немъ не было книги, онъ пересылалъ всё изготовленные документы виёстё съ реестромъ ихъ въ канцелярію, гдё они в вписывались въ книги. Подлинные документы во всякомъ случай сдавались писарями въ государственную канцелярію, откуда они уже и выдавались на руки просителямъ, при чемъ взыскивались съ нихъ канцелярскія пошлины.

Не только копін исходящихъ документовъ, но и копін всёхъ входящихъ вписывались въ книги государственной канцеляріи, изъ которыхъ н составлялась такъ называемая метрика великаго княжества Литовскаго, т. е. государственный архивъ. Въ книги метрики вносились въ копінхъ: грамоты, полученныя сть сос'єднихъ государей; отписки украинныхъ воеводъ и старостъ по вибиннить дъламъ; инвентари, или описи господарскихъ дворовъ и замновъ, составленные на мъстъ по порученью господаря или пановъ рады; наконецъ, всё заявленія, которыя дёлали господарю или панамъ-радъ частния лица согласно закону, о продажъ своихъ имъній, о дареніи, о завъщаніи, о дълежь и другихъ имущественнихъ сублюдув, которыя черезъ это пріобретали юридическую силу. Первоначально не было никакой сортировки при внесеніи документовь вь книги метрики, и въ одну и ту же книгу вписывались въ перемежку и привилен на имънья, и дипломатические документы, и судебныя ръшения господаря и пановъ-рады. Книга состояла не при столь, гдь сосредоточивалось то или другое делопроизводство, а при писаре, который вписываль въ нее всв вышедние и поступпвиие документы въ бытность его при господаръ. Позже стали дълаться попытки группировать документы по ихъ роду. Такимъ образомъ стали составляться книги "справъ судовыхъ", книги посольствъ, сеймовыхъ "ухвалъ" и т. д. Но при всемъ томъ эта классификація не выдерживалась строго, и разділеніе на столы по реду дълъ, очевидно, не осуществилось.

Изъ приведенныхъ подробностей обнаруживается, что государственная канцелярія великаго княжества Литовскаго съ канцлеромъ во главѣ, со всѣмъ ея штатомъ секретарей, писарей русскихъ, латинскихъ, татарскихъ или арабскихъ и дъяковъ не была какимъ-либо особымъ органомъ центральнаго управленія, а состояла при господарѣ и радѣ, какъ вспомогательное, технически-исполнительное учрежденіе. Эта канцелярія была только канцеляріею и не чѣмъ инимъ, не походила, напр., на разрядъ, посольскій и помѣстный приказы Московскаго государства, которые, будучи отдѣленіями канцеляріи при государѣ и думѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли и самостоятельную распорядительную и судебную власть по извѣстнымъ дѣламъ и падъ извѣстнымъ родомъ людей.

Тавимъ же вспомогательнымъ, технически-исполнительнымъ учрежденіемъ, былъ въ разсматриваемое время и скарбъ великаго княжества Литовскаго съ подскарбіемъ земскимъ во главѣ и его помощниками—скарбными.

Необходимо прежде всего зам'ятить, что скароть въ разсматриваемое время былъ соединенъ самыми т'ясными узами съ государственною канце-

лярією великаго кинжества: это были какъ бы два отділенія одного и того же учрежденія, состоявшаго при господарів и его радів Скароїв быль только хранилищемъ разныхъ ценностей, которыя поступали въ распоряженіе господаря и его рады. Но письменное ділопроизводство по приходу п расходу государствечныхъ суммъ велось писарями великокняжеской канцелярін, къ числу которых в съ 1509 года принадлежаль обыкновенно и подскарбій земскій. За главнымь же начальникомь канцелярін—канцлеромь признавалась обязанность "доходовъ господарскихъ и земскихъ стеречи". Иля государственной же канцелярін скарот быль архивомь, гдё хранились ел документы и книги, между прочимъ и земскіе привилен великаго княжества. Скароъ быль также хранилищемъ "клейноть и оздобъ" великаго вняжества, т. е. великовняжескихъ регалій-шанки Гедимина, "ласки" или синистра, меча и хоругви земской. Наконець, скароъ быль и главнымъ арсеналомъ, въ которомъ хранилось отнестръльное оружіе и боевые принасы-- дела, гаковинцы, салетра, свинецъ, аркебузы, формы для литья адеръ, съра" и т. д. Постому при спаров состояли различные мастера, которые изготовляли для него слесарскія рещи и т. под.

Но главнымь образомь скароть быль все таки государственнымь казиачействомь, куда сдавались всё государственные доходы, не израсходованные на мёсть. Кромъ серебщины и равнозначительныхь ей налоговь, собиравшихся экстрению, большею частью на военныя нужды, въ скароть поступали разнообразныя таможенныя пошлины— мыта, перевозы и др., корчомные пенязи, судебныя пошлины— вины и пересуды, доходы съ господарскихъ домень: дань, чинши, пенязи осадные, деньги, вырученныя оть продажи хлюба и разной живности, деньги, полученныя взамыть натуральныхъ сборовь съ господарскихъ крестьянъ и мыщанъ, отъ сдачи въ аренду разныхъ хозяйственныхъ статей, доходы отъ "мынцы", т. е. чеканки монеты и т. д. Короче сказать въ скароъ земскій шли всевозможные доходы, которые только получаль литовско-русскій господарь на свои и государственных надобности.

Состоявній при скаров подскароїй земскій не быль министромь финансовъ, а только государственнымъ казначеемъ. Его функцін состояли въ пріем'є суммъ, въ выдач'є ихъ по приказанью господаря и веденін кассовой отчетности скарба. Подскарбій, выдавая деньги или вещи, выдавалъ лицу, доставившему ихъ росписку или "вызнанье" въ полученіи, когорое и служило для этого лица оправдательнымъ документомъ при сдачь отчета господарю или уполномоченнымъ отъ него лицамъ. Выдачи изъ скарба денегь и вещей подскарбій производиль "на устное росказанье" господаря или пановъ рады, по чаще всего "на листы" и "квитацеи", т. е. ассигновки, выданныя получателямь изъ канцеляріи великаго килжества. Реестръ сделаниныть расходамъ выбств съ "листами" и "квитацевми" подскарбій предъявляль господарю и панамъ-радь при сдачь "личбы", т. е. подсчета суммъ. Кассовыя ведомости спарба вель особый спарбный писарь, всегда находившійся при скарбі. Кром'в писаря скарбнаго, при подскарбіи земскомъ состояль еще скароный Троцкій, хранитель той кладовой скарба, которан находилась въ крепкомъ замке Троцкомъ.

Итакъ, роль подскарбія земскаго была чисто пассивная, исполнятельная. Онъ не управляль финансами государства. Всв распоряженія по этой части, разначение финансовыхъ агентовъ, надзоръ за ними принадлежали господарю и нанамъ-радв. Уже не говори о старостахъ, державцахъ, ключникахъ, городничихъ и тивунахъ, господарь назначалъ мытниковъ, которые собирали дань "къ върной руцъ; онъ же сдавалъ въ аренду мыта, корчмы, "мынцу", "купы" или "буды" въ лъсахъ, рыбныя озера и разныя другія хозяйственныя статьи, избираль агентовь по продажь своихъ товаровъ, назначаль техъ агентовъ, на которихъ возлагалась обязанность не только собирать, по и находить господарскіе "пожитки", устанавливать ихъ вновь, въ родъ, напр., писарей дворовъ Виленскаго и Троцкаго повътовъ, Жмудской земли и Подибирскихъ волостей. Всё эти агенты, назначаемые господаремъ при участін пановъ рады, и подчинялись непосредственно господарю и панамъ-радъ. Распоряженія о выдачь денегь и другихъ ценностей они получали отъ господаря в нановъ-рады; господарю и нанамърадѣ или особо назначеннымъ комиссіямъ они сдавали отчеты по сбору и расходу государственныхъ поступленій; господарю и панамъ рад'я вся эти лица были и подсудны по должностнымъ унущеніямъ и влоупотребленіямъ. Въ управленіи финансами по существу въ разсматриваемое время больше значиль канцлерь, чемъ подскарбій земскій. Господарь поручаль, напр., канцлеру пану Гаштольду устройство таможеннаго дела на Подляшье, судь нады мытниками во взаимныхъ ихъ тяжбахъ или по жалобамъ на нихъ стороннихъ лицъ и т. под. Подскарбій земскій вышель изъ своей незначительной роли и превратился въ министра финансовъ уже при Сигизмундь-Августь, въ связи съ общими финансовыми преобразованіями, произведенными при этомъ государе въ великомъ кияжестве Лиговскомъ.

Товарищемъ подскарбія земскаго быль подскарбій дворный, въ въдъніи котораго находилась домовая казна литовско-русскаго государя, его драгоцънности и деньги, шедшія на его личные расходы. Когда не было нодскарбія земскаго, подскарбій дворный завъдываль и земскимъ скарбомъ.

Министромъ не былъ въ разсматриваемое время и *иетманъ наивысшій* съ своимъ товарищемъ гетманомъ дворнымъ, или польнымъ. Военною частью такъ же, какъ и финансовою, въ разсматриваемое время завѣдывалъ непосредственио господарь съ панами-радою. Господарь и паны-рада заботились о комплектованіи арміп, обращаясь къ сейму въ особо важныхъ случаяхъ, когда надо было увеличивать военную повинность шляхты или облагать ее новыми налогами на содержаніе "служебныхъ". По ихъ порученью разныя лица вербовали этихъ "служебныхъ", т. е. наемныя войска. Господарь и паны-рада распоряжались и выдачею "заслужонаго" этимъ наемпикамъ. Кромъ того, господарь съ панами-радою раздаваль земли на военную службу, переводилъ съ тяглой службы на военную или подтверждалъ распоряженія касательно этого, сдѣланныя мѣстными правителями. Отъ господаря и пановъ рады исходили распоряженія о мобилизаціи, о ремоитъ укрѣшленій, о спабженіи ихъ боевыми и съѣстными принасами, о переписи имѣній военнослужилыхъ землевладѣльцевъ въ цѣляхъ болѣе исправниси имѣній военнослужилыхъ землевладѣльцевъ въ цѣляхъ болѣе псправниси имѣній военнослужилыхъ землевладѣльцевъ въ цѣляхъ болѣе исправниси имѣній военнослужилыхъ землевладѣльцевъ въ цѣляхъ болѣе псправниси имѣній военнослужилыхъ землевладѣльцевъ въ цѣляхъ болѣе псправниси имѣній военнослужилыхъ землевладѣльцевъ въ цѣляхъ болѣе псправне

наго отбыванія военной службы и т. д. Все письменное ділопроизводство по военной части велось чинами государственной канцеляріи, въ архивъ которой - скаров хранились и вев нужные документы. Что же касается гетмана, то роль его начиналась въ сборномъ пунктв, гдв подъ его команду становились ополчения земель и наемные отряды, продолжалась за тёмъ на театръ войны и оканчивалась съ прекращениемъ войны и роспускомъ войска. Въ сборномъ пунктъ гетманъ производилъ всъмъ смотръ и перепись, кто явился, съ какимъ почтомъ слугь и на какихъ коняхъ. Этотъ гетманскій "реестръ" служиль средствомъ проверять наличность служилыхъ людей и после и отмечать техт, кто самовольно уехаль со службы. На основаній гетманских отметокъ и налагались наказанія господаремъ и панами-радою на всёхъ тёхъ, кто не явился на войну совсёмъ, кто явился не съ надлежащимъ числомъ слугъ и снаряжениемъ иля кто, наконецъ, сановольно убхаль съ войны. Гетману предоставлялось право тёхъ лиць, которые оказывались больными на смотру или послё смотра, этпускать домой, оставляя слугь ихъ въ войскв, а также разрешать заменяться взрослыми сыновьями, если онъ найдеть ихъ годными къ службв. О всехъ. выказавшихъ особое рвеніе къ служов и храбрость, гетману представлялось писать къ господарю для ихъ награжденія. Какъ главному военачальнику, гетману во время похода давалась большая власть. Вев безъ различія званія: воеводы, князья, паны, старосты, нам'єстники, тивуны, дворяне и все рыцарство шлихта должны были слушаться его такъ же, какъ самого госполаря, все время, пока войско будеть въ полв. Непослушныхъ и виновных вы нарушении военной дисциплины оны могы караты смертью или вязеньствомъ согласно "уставъ", которую давали ему господарь и панырада, снаряжая его въ походъ. Гетманъ судилъ всёхъ лицъ, бывшихъ подъ его командого, по жалобамъ ихъ другь на друга или по жалобамъ на нихъ мъстныхъ жителей, при чемъ въ пользу его пли и судебныя пени. Кром'в того, гетманъ собираль деньги оть "пописа", съ каждаго коня извъстную сумму. Въ тъхъ случаяхъ, когда должность гетмана оставалась незамъщенною, его замъняль гетмань дворный или польный. Въ войскъ при гетман'в состояль хоружій земскій сь хоруговью земскою; его зам'вналь по временамь товарищь его-хоружій дворный. Итакъ, гетманъ наивысшій быль собственно фельдмаршаломь, который пользовался властью только во время похода. Только позже, при Сигизмунде-Августе, гетманъ сталь более, чемь фельдмаршаломь. Затянувшаяся Ливонская война потребовала отъ него д'вятельного участія въ комплектованіи армін, въ снабженін ея жизнепными средствами, въ распоряженін ея бюджетомъ, и гетманъ, оставаясь фельдмаршаломь, въ то же время сталь отправлять функціп и военнаго министра. Но факть этогь определился уже незадолго до Люблинской унін.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ; Ө. И. Леонтовичь, Литовскіе господари и пентральные органы управленія до и послѣ Люблинской уніп (Юридическія Записки, издаваемыя Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ, вып. І. 1908).

XXX.

Господарская рада, ея составъ и правительственное значение въ XV и первой половинѣ XVI вѣка.

Правительственная дѣятельность господаря и пановъ-рады. Судовые и другіе сеймы пановъ-рады. Система коммиссій.—Составъ господарской рады и его образованіе. Напвысшая или тайная рада.—Порядокъ мѣсть въ радѣ.—Рада, какъ органъ землевладѣльческой аристократіи, литовской по преимуществу.—Возвышеніе политическаго значенія рады при Казимирѣ.—Рада, какъ ограничивающее власть господаря учрежденіе по привилемъ 1492 и 1506 и Статуту 1529 года.

Обозрѣніе функцій высшихъ урядниковь земскихъ и дворныхъ, состоявшихъ при Литовско-Русскомъ государъ, приводить въ заключенію, что въ Литовско-Русскомъ государствъ не было въ сущности особыхъ органовъ центральнаго управленія помпмо господаря и его рады. Госпополарь и пани-рада вершили всё текущія дёла, возбуждавшіяся въ центрё или приливавиля въ центръ: издавали "устави", или отдъльные законы, вели дипломатическія сношенія, принимали міры государственной обороны, разбирали судебныя діла лиць, не судившихся въ повітахъ или отозвавшихся отъ мъстныхъ судей, а также ифкоторыя дъла, изъятыя изъ юрисдикцін м'єстныхъ судей (напр., о шляхетской чести), в'єдали государственные приходы и расходы и монетное дело и издавали по этой части разнообразныя распоряженія, раздавали имінья на вічность, до живота, леннымь правомь и т. д.. Чтобы понять, какимъ образомъ господарь и рада управлялись со всеми делами, необходимо прежде всего иметь вы виду, что между господаремъ и его радою фактически осуществлялось изкоторое разд'вленіе труда. Господарь, проживая въ Польш'в или въ Литв'в, но вн в столицы, издаваль разным распоряжения и разбираль судебныя дёла вмёстё съ теми панами, которые находилисъ при немъ. Въ то же время паны радные, находившіеся въ Вильнів, съ своей стороны вершили рядъ текущихъ дълъ, принимали и отправляли пословъ и гонцовъ, разсылали разныя распоряженія относительно обороны государства и судили судъ по уполномочію господаря. Чтобы не было задержекъ въ отправленін правосудія, было установлено (Статутомъ 1529 года), чтобы паны-рада събажались ежегодно на сеймъ (въ 1532 году было установлено два такихъ съвзда) и разбирали всѣ дѣла. Судъ этоть имъль значение суда самого господаря въ томъ смыслъ, что на разсмотръне его шли дела, котория разбиралъ самъ господарь. Но при всемъ томъ отъ этого суда въ извъстныхъ случаяхъ возможно было анпеллировать къ самому господарю. Кром'в этого разделенія труда, въ центральномъ управленія Литовско-Русскаго государства за недостатномъ постоянныхъ органовъ въ широкихъ размърахъ практиковалась система коммиссій, частныхъ порученій. Такъ, для пріема денежныхъ отчетовъ отъ арендаторовъ и разныхъ сборщиковъ государственныхъ доходовъ назначались очень часто коммиссіи изъ нановь радныхъ

и писарей. Судебныя діла господарь поручаль разбирать своимь маршалкамь. Для разсмотрівнія земельных тяжбь и исковь о бояхь, гвалтахь, на іздкахь, грабежахь и татьбахь, требовавшихь производства слідствія на мість, опроса множества свидітелей, великій князь посылаль судейкоммиссаровь сь полномочіемь произвести слідствіе и постановить рішеніе. Иногда тяжущіеся сами брали у господаря такихь судей полюбовно, каждый сь своей стороны, и эти полюбовные судьи разбирали діло такь же, какь и судьи, посланные господаремь или оть него "высажоные". Иногда, когда накоплялось особенно много діль, господарь назначаль особыя коммиссіи изь пановь радныхь для ихь разсмотрівнія. Такь бывало обыкновенно на сеймахь, когда судебныхь діль накоплялось особенно много.

Въ обычное время господарскую раду составляли тв члены ея, которые въ данное время находились при господарв, чаще всего — бискунъ Виленскій, воевода и панъ Троцкій, староста Жмудскій, маршалки земскій и дворный и подскарбій земскій, которые пребывали либо въ Впльнв, либо въ недалекомъ отъ нея разстояніи и потому легче и скорве другихъ могли быть въ сборв. Но въ особо важныхъ случаяхъ, когда обсуждались, напр., двла вившней политики или законодательства, господарская рада собпралась въ болве или менве полномъ составв. Такія собранія назывались соймами пановъ-рады.

Кто же входиль въ составъ господарской-рады, игравшей столь важную роль въ управленіи Литовско-Русскимъ государствомъ, и какін отношенія были между господаремъ и этимъ его совѣтомъ.

Составь господарской рады слагался постепенно. Предшественница ея-великокияжеская дума XIV века не была определеннымъ учрежденіемъ и не представляла изъ себя какой-либо опредъленной корпораціи. Это быль совыть, поставлявшийся при великомъ княжь, такъ сказать, нарочию изъ разныхъ лицъ, кого онъ считалъ полезнымъ или возможнымъ имфть около себя въ данное время. Такимъ образомъ, напр., въ совъть Гедимина въ 1324 году постоянно засъдаль доминиканецъ Николай, а гедъ тому назадъ Виленскіе минориты, которые въ 1324 году уже не пользовались этою честью. Сынъ Гедимина Ольгердъ и внукъ Ягайло совътовались съ своими родичами, областными князьями, какіе при нихъ въ данное время находились, или какихъ они считали нужнымъ пригласить. По временамъ они приглашали вь свой совъть и своихъ бояръ, которые были ихъ сотрудниками по управлению ихъ собственнымъ Виленскимъ княжествомъ, въ особенности въ техъ случаяхъ, когда обсуждались и решались дела этого княжества, а равно также и вліятельныхъ Виленскихъ м'єщанъ. Съ утвержденіемъ Витовта на великомъ княжествів и послів погрома, постигшаго областныхъ князей, великокияжеская дума, или рада, стала составляться преимущественно изъ знатныхъ литовскихъ бояръ. Эти бояре играли главную роль въ возведении Витовта на великое княжение и въ дальнъйшемъ еделались его главною опорою и поддержкою. Въ качествъ наместниковъ великаго князя они заступили м'есто прежнихъ областныхъ князей; ими стали замбщать некоторыя высокія должности, созданныя по примеру

Польши, -- воеводъ, каштеляновъ, маршалковъ и т. д. Всв эти бояре, сдъдавије Витовта великимъ княземъ и сами сделавијеса его согрудниками по управленію великимь княжествомь, естественно сублались общиными и частыми его совътнивами. Поэтому и именемъ нановъ радныхъ стали обозначаться воеводы Виленскій и Троцкій, каштельны Виленскій и Троцвій, староста Жмудекій, различные нам'єстники областей, маршалокъ земскій и дворный, маршалки господарскіе и разныя другія должностныя лица. Въ составъ ради вошли и католические бискупы. Но весь этоть кругъ лицъ, изъ которых з составлялся совыть Витовта, пока еще не быль очерчень точно в замкнуть. По временамь въ этотъ совыть входили и разныя другія лица, обычно въ немъ не участвовавшія, которыхъ великій князь считалъ нужнымь или возможнымь имъгь при сеоб при совершении того или другого правительственного акта, —писари, секретари, дворяне изъ польскихъ піляхтичей и т. под. Въ то время роль великокняжескаго сов'єгника не отдължась еще ръжо отъ роли простого свидътеля при совершении того или другого правительственнаго акта. Самый акть исходиль собственно отъ великато киная, который быль его творцомь и видаваль его даже и единолично, безъ совещания съ радою. Это слиние роли советника съ ролью простого свидътеля, продолжавшееся долгое время и послъ Витовта, нашло себь виражение и въ языкъ актовъ, которые заканчиваются неръдко стереотипною фразою: "А при томъ были сведоки паны-рада наша". Но если совыть великаго внязя играль нерыдко такую, чисто нассивную роль, то естественно, что и доступъ въ него былъ довольно широкій и открытый. До роли "севдоковъ" легко допускались и такія леца, которыя не занимали какихъ либо должностей, дававшихъ основание быть советниками великаго киная. Въ отношенін доступа въ великокнижескій совъть было установлено одно только ограничение по Городельскому привилею 1413 года: въ совъщанія о государственныхъ дълахъ должны допускаться только католики, на томъ основании, что разница въръ порождаеть иногда разномысліе и во всемъ остальномъ, и иновърцы не держать государственныхъ тайнъ. Но и это ограничение, повидимому, не касалось православныхъ киязей правищей династін, которыхъ видимъ въ советь Витовта после 1413 года. Но хотя при Витовтв великокняжескій советь не представляль еще установившейся корпорацін, темь не мене уже при этомь государь за нькоторыми должностными лицами утверждалось значение совытниковь, такъ сказать постоянныхъ членовъ рады (consiliarii). Таковы были упоминавшіеся выше воеводы и каштеляны Виленскій п Троцкій, староста Жмулскій, маршалки земскій и дворный, нам'встники, зам'внившіе областныхъ внязей, и упртрымие еще значительные князья, ватолические бискупы. Значить, если кориорація не сложилась окончательно, не замкнулась, то во всякомъ случав при Витовтв нам'втился изв'естний персональ государевых советниковь по должности и званію, завязалось ядро господарской рады, какъ опредвленнаго учрежденія.

Положение вещей, сложившееся при Витовть, продолжалось и при его ближайшихъ преемникахъ—Свидригайль, Сигизмундь Кейстутьевичь

и Казимиръ. Въ это время возросло количество земскихъ и дворныхъ урядовъ по польскому образцу. Появились канцлеръ, подскарбіе земскій и дворный, подчашій, крайчій, кухмистръ, стольникъ, подстолій, подкоморій, конюмій дворный, хоружій земскій, хоружій дворный, мечникъ; увелячилось число тосподарскихъ маршалковъ. Всѣ эти должностныя лица стали также приглашаться на совътъ великаго князя, сдѣлэлисъ панами радными. По временамъ въ радѣ великаго князя бывали, какъ и раньше, князья и паны, ке носившіе перечисленныхъ выше званій. Но большинство всегда состояло изъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, урядниковъ земскихъ и дворныхъ. Въ концѣ концовъ они и составили постоянный контингентъ рады, стали панами радными въ собственномъ смыслѣ.

Составъ господарской рады опредълился окончательно уже при сыновьяхъ Казимира — Александръ и Сигизмундъ I, когда къ перечисленнымъ должностнымъ лицамъ присоединились еще гетманы наивысшій и дворный. Составъ этотъ оказался очень большимъ, всятдствіе чего въ немъ съ теченіемъ времени выдъилась наивисшая, или тайная рада, сенатъ въ собственномъ смыслъ, состоявній изъ католическихъ бискуновъ, воеводъ, каштеляновъ, старостъ Жмудскаго и Луцкаго, маршалковъ земскаго и дворнаго и подскарбія земскаго. Съ этими старшими нанами радными господарь сталь обсуждать и ръшать наиболъве важныя дъла, требовавшія сохраненія тайны, гез secretiores. Но при ръшеніи будничныхъ, текущихъ дълъ присутствовали силошь и рядомъ и остальные паны радные, маршалки господарскіе и другіе дворные урядники. Въ болье или менъе полномъ составъ рада собиралась обыкновенно въ тъ моменты, когда созывались вальные соймы.

Паны радные, разсаживались въ "лавицъ" рады господарской въ извъстномъ порядкъ, опредълявшемся важностью занимаемыхъ ими должностей и носимыхъ званій. Въ этомъ отношеній съ теченіемъ времени выработался известный обычай, оть котораго отступленія делались въ исключительныхъ только случаяхъ. Такимъ образомъ, первыя мфста занимали бискупъ Виленскій, воевода и каштелянъ Виленскіе, воевода и каштелянъ Троцкіе и староста Жмудскій. Это была "передня" лавица, или "передняя рада". Туть были представители коренной Литвы. На второй лавиць сидьли остальные католические бискупы — Луцкій и Берестейскій, М'єдницкій (Жмудскій) и Кіевскій, воевода Кіевскій, староста Луцкій, воеводи Смоленскій и Полоцкій, староста Городенскій, воеводы Новгородсвій, Витебскій и Подлишскій. Такой порядокъ мість отпрывается частью изъ прямыхъ свидътельствъ нъкоторыхъ источниковъ, частью изъ обычнаго перечисленія пановъ радныхъ въ актахъ, частью изъ самаго движенія ихъ по службъ. Что касается маршалковъ земскаго и дворнаго и гетмановъ наивысшаго и дворнаго, то они сидъли большею частью по другимъ своимъ званіямъ, ибо на должности эти назначались обыкновенно лица, носившія званія воеводъ, каштеляновъ или старостъ. Маршалки господарскіе сидъли въ господарской радъ ниже всъхъ только что перечисленныхъ урядниковь, при чемъ мѣсто каждаго маршалка опредѣлялось уже степенью его знатности и личныхъ заслугъ. Въ среду маршалковъ, а иногда и выше ея вдвигались дворные урядники, какъ подчашій, крайчій, кухмистръ, стольникъ, подстолій, подкоморій и ловчій. Между дворными урядниками наблюдалась также извѣстная іерархія: подчачій, напр., сидѣлъ выше крайчія, крайчій выше кухмистръ, кухмистръ выше сгольника, и т. д..

Большая часть этихъ сановниковъ, становившихся по своему званію членами рады господарской, при Казимир'в и его сыновьяхъ, какъ и раньше, выходила изъ рядовъ литовской землевладёльческой аристократіи. Число фамилій завідомо русскаго происхожденія, посылавшихъ своихъ представителей въ раду господарскую, было не велико. Таковы были Ходкевичи изъ Кіевскихъ боярь п родственная имъ фамилія Воловичей; Ильпничи, Глебовичи и родственная имъ фамплія Вяжевичей изъ Витебской земли; Соцеги, происходившие по всемъ даннымъ изъ бояръ Смоленской земли; Кирубевичи изъ Вольнской земли; княмья Друцкіе, Острожскіе и Глинскіе. Чёмь объяснись тогь факть, что Казимирь и его сыновья подобно своимъ предшественникамъ набирали свою раду преимущественно изъ литовскихъ князей и пановъ? Нельзя объяснять это, какъ делалось это прежде, действіемъ Городельскаго привилея 1413 года, преграждавшаго схизматикамъ доступъ вь господарскую раду. Какъ показываеть практика королей Казимира, Александра и Сигизмунда, они не придерживались строго предписаній этого привилея, ибо со времени Флорентійской уніи и православные русскіе люди великаго княжества не считались уже всегда и ръшительно схизматиками. Преобладание въ господарской радъ князей и пановъ лиговскаго происхожденія объясняется тымь, что и вы разсматриваемое время они составляли самую значительную общественную силу въ Литовско-Русскомъ государствъ. Мы видъли уже, какими крупными величинами они были въ обществъ, среди окружавшей ихъ землевладъльческой мелкоты. По переписи 1528 года княжескія и панскія фамилін, изъ которыхъ выходили паны радные, выставляли въ общей сложности 7190 коней, на 21 коня больше, чыть вей остальные князыя, "значивищая шляхта" и рядовое боярство изъ собственной литовской земли и примыкавшей къ ней Руси, т. е. воеводства Виленскаго и Тропкаго, и на 2023 человека более, чемъ все остальныя земли, взятыя вийстй, за исключеніемь Кіевской, реестръ которой до насъ не дошель. Естественно, что на этихъ сильныхъ людей преимущественно и старался опираться Литовско-Русскій господарь и потому привлекаль ихъ на должности и въ свою раду.

Общественнымъ положеніемъ фамилій, изъ которыхъ набиралась господарская рада, объясняется и то значеніе, которое она пріобрѣла съ теченіемъ времени въ своихъ отношеніяхъ къ господарю. Состоя изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ великаго княжества, въ рукахъ которыхъ находилась большая военная сила и денежныя средства, а также и государствениая власть надъ многочисленнымъ населеніемъ ихъ имѣній, господарская рада съ самаго образованія своего носила въ себѣ тенденцію стать болье, чѣмъ простымъ совѣщательнымъ учрежденіемъ при господарѣ. Эта тенденція при благопріятных вобстоятельствах и привела къ превращенію рады въ учрежденіе, разділявшее съ господаремъ высшую власть и формально его ограничивавшее.

Въ XIV и первой половинъ XV въка великокняжеская рада была de jure и de facto совътомъ, къ содъйствио котораго великій князь обращался, когда чувствоваль въ этомъ нужду, при обсуждения и рѣшении важнъйшихъ вопросовъ визиней политики и внутреналго управленія. При Казимиръ значение господарской рады увеличилось. При частыхъ отсутствіяхъ его изъ великаго княжества рада по необхолимости становилась и выступала въ роли высшаго правительства страны. Такимъ образомъ, напр., въ 1474 году паны-рада, а не самъ Казимиръ, уведомляли начальство Прусскаго ордена о томъ, что по случаю морового повътрія не можеть состояться събздъ уполномоченныхъ для заключения мира между великимъ внижествомъ и орденомъ. И самъ Казимиръ сталъ признавать за своею радою вышеуказанное значеніе. Выданный имъ въ 1468 г. судебникъ предписываль подавать жалобы на тёхъ, кто будеть самовольно захватывать земли и наважать на имвнья непосредствение самому господарю, а въ его отсугстве нанамъ-радъ, которые должны разследовать дело по существу и посадить виновлаго "у казнь" до прибытія господаря, когда должень різшиться окончательно вопрось о наказанін. Паны-рада при Казимир'я стали признаваться высшимъ правительствомъ страны въ отсутствіе господаря и заграницею. Заключая договоръ съ Казимиромъ въ 1470 г., новгородцы между прочимъ выговорили, чтобы въ томъ случав, когда на нихъ нападеть непріятель въ отсутствіе Казимира, помощь имъ обазывала рада литовская. Рада литовская была въ глазахъ новгородцевъ отдъльною отъ господаря политическою силою, вследствіе чего они заставляли Казимира цъювать имъ кресть не только за себя лично, но и за всю раду Литовскую. Можно сказать, такимъ образомъ, что господарская рада при Казимирь стала не только личнымь великокняжескимь, но и государственныму совытому великаго княжества. Этоть совыть въ своей самостоятельности ношель даже далее простого заместительства господаря вы его отсутствіе и приняль на себя попеченіе объ интересахъ государства и защиту ихъ отъ возможнаго нарушенія со стороны самого господаря, бывшаго одновременно и Литовскимъ великимъ килземъ, и королемъ Польскимъ. Въ такой роли рада выступала во времи продолжительнаго конфликта съ Польшею, когда Казимиръ не прочь быль иногда становиться на сторону поляковь. Въ эти минуты пелостность и самостоительность великаго кияжества ограждались энергіею и патріотизмомъ пановъ-рады великаго княжества. Такимъ образомъ, личная чил, фактически установившался между Польшею и Литвою при Казимирь, поставила на стражь государственныхъ нитересовь великаго княжества господарскую раду преимущественно п твит способствовала ея эмансипаціи оть господаря, пріобратенію ею извастной самостоятельности и независимости.

По смерти Казимира въ 1492 году эта фактическая личная унія порвадась, и Литва получила для себя особаго, отдільнаго отъ Польши

государи въ лицѣ Александра Казимировича. При такомъ условін господарской радь предстояло верпуться къ своей первоначальной роли совъщательнаго учрежденія при господаръ. Но напы-рада, набиравшіеся изъ крупной землевладальческой знати князей и пановъ, за время великокняженія Казимира привыкли чувствовать себя и сознавать "властелями" великаго книжества, его хозяевами и защитниками, и потому не моган помириться съ тею подчиненною ролью, которая ихъ ожидала. Поэтому, избирая Александра на великое кпяженіе, они воспользовались случаемь для того, чтобы оградить юридически пріобрітенное ими политическое значение и ограничить формально власть великаго князи въ свою пользу. По ихъ настоянию в. кн. Александръ не только подтвердилъ обывателниъ великаго княжества права и вольности, дарованныя его предшественниками, но и отъ "своей щедрости", какъ выражается его грамота, придалъ имъ рядъ новыхъ милостей. Онъ обязался вести дипломатическія сношенія съ другими государствами не иначе, какъ по совъту съ панами-радою, по обычаю, наблюдавшемуся его предшественниками. Въ дълахъ внутренняго управленія в. кн. Александръ обязался не изм'єнять ничего, что уже было рвшено вивств съ панами-радою; въ случав несогласія пановъ-рады съ его мибніемъ при обсужденій государственныхъ діль, не держать на нихъ за то гибва и выполнять то, что они посоветують для его и государственнаго блага. Затъмъ великій князь обязался не отнимать ни у кого уридовъ безъ вины и безъ совъта съ панами-радою, раздавать державы нам'єстникамъ и тивунамъ по представленью воеводъ, а въ украпиныхъ областихъ по совету съ панами-радою; всё доходы съ мыть, корчомъ, судныхъ штрафовъ, или винъ, отлагать въ своемъ скаров и расходовать ихъ не иначе, какъ по соглашению съ панами-радою. Паны-рада, такимъ образомъ, брази въ свое въдъне и финансы государства. Наконецъ, привилеемь 1492 г. обезнечивалось и участіе пановъ-рады въ суд'в господаря. Великій князь облуался всь баживищія діла (causas graviores) рышать съ панами-радою.

Всв эти права признаны были за литовскимъ панствомъ и в. кияземъ Сигизмундомъ, который при избраніи своемъ на великое княженіе подтвердиль всв права и вольности духовныхъ и свътскихъ "становъ" в. княжества. Выданный имъ въ 1506 г. подтвердительный привилей еще яснѣе и категоричнѣе установилъ непремѣнное участіе пановъ-рады въ высшемъ управленіи Литовско-Русскаго государства, въ законодательствъ, администраціи и въ судѣ. Земскій привилей 1492 года устанавливалъ только, что рѣшенія господаря съ нанами-радою имѣютъ силу законовъ, обязательныхъ для самого господаря, который не властенъ измѣнять ихъ иначе, какъ по совѣту съ панами-радою. Но онъ не говориль прямо, что господарь долженъ всѣ важнъйшія рѣшенія принимать по совѣту съ панами-радою. Привилей 1506 г. устранилъ всякое недоразумѣніе въ данномъ случаѣ: на основаніи его всѣ законы и распориженія общаго характера, направленныя ко благу государства, должны издаваться не иначе, какъ по зрѣломъ обсужденіи съ нанами радою, съ ихъ вѣдома, совѣта и согласія.

Нозже, въ статутв 1529 года Сигизмундъ, сверхъ всвхъ этихъ обязательствъ, датъ еще новое--выдавать привилеи на въчное владвије только въ бытность свою на вальномъ сеймъ съ панами-радою.

Такъ ограничена была власть Литовско-Русскаго государя въ политическомъ отношеніи. Это ограниченіе было дальнійшимъ развитіемъ того вонституціонализма, основаніе которому положили земскіе привилен первой половины XV въка. Привилен 1413, 1434 и 1447 года установили извъстные законные предълы для великокимжеской власти въ отношени къ дичности, имуществу, государственнымъ повинностямъ и власти надъ зависимыми людьми духовенства, внязей, пановъ, болръ и мъщанъ великаго княжества. Но во всемъ остальномъ великокняжеская власть пока еще не ограничивалась формально. Однако, естественный ходъ вещей рано или поздно долженъ быль привести къ формальному ограничению великокняжеской власти и въ сферф политами въ собственномъ смыслъ слова. Этоть ходъ вещей вытекаль изъ основныхъ условій, въ которыя поставлено было внутреннее развитіе Литовско-Русскаго государства, т. е изъ существованія многочисленной и сильной землевладыльческой аристократіи, избирательности великокняжеской власти и теснаго политическаго общения съ конститупіонною Польшею.

Развите и расцейть политическаго значенія господарской рады совпадають по времени съ зарожденіемъ и первоначальною организацією того учрежденія, которое съ теченіемъ времени стало надъ господарскою радою, т. е. великаго вальнаго сойма. Это учрежденіе вызвано было къ жизни борьбою, которую правящей литовской аристократіи пришлось вести противъ настойчивыхъ поползновеній Польши на государственную самостоятельность великаго княжества, выращено было затёмъ тою продолжительною борьбою, которую великому княжеству Литовскому пришлось вести за свое существованіе съ Москвою и татарами.

Литература.

М. Любазскій, Антовско-русскій сеймь; Новые труды по исторін Литовско-русскаго сейма (Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1903, № 2 и 4); М. В. Дочнаръ-Запольскій, Спорные вопросы въ исторін литовско-русскаго сейма. Спб. 1901. (Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1901, № 10); І. Малиновскій, Рада Великаго Княжества Литовскаго въ связи съ Боярскою Думою древней Россіи, ч. 2, выпускъ І. Томскъ 1904; Ө. И. Леомтовичъ, Рада великихъ князей литовскихъ (Журп. Мин. Народ. Просвѣщ. 1907, № 9, 10); М. Любавскій, Къ вопросу объ ограниченіи политическихъ правъ православныхъ князей, пановъ и плихты въ великомъ княжествѣ Литовскомъ до Люблинской уніи (Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому. Москва 1909).

XXXI.

литовско-польскія отношенія при Қазимирѣ и его сыновьяхъ; утвержденіе великаго вальнаго сейма.

Спорь о Волыни и Подоль и о форм уніи между Польшею и Латвою при Казимир фактическая дичная унія.—Разрывь этой уніи съ избраніемь на великое княженіе Александра.—Возобновленіе Городельской уніи въ 1499 году.—Избраніе Александра королемь Полькимъ и договоръ 1501 года о сліяніи Польши и Литьи вь одно государство.—Отказълитовцевь и русскихъ отъ принятія этого договора.—Избраніе Сигизмунда великимъ княземъ помимо поляковъ.—Возстановленіе дичной уніи съ Польшею съ избраніемъ Сигизмунда на польскій престоль.—Безуспѣшныя попытки поляковъ возобновить унію 1501 года.—
Вліяніе дитовско-польскихъ отношеній на внутреннюю жизнь Литовско-Русскаго государства; утвержденіе великаго вальнаго сейма.

Съ избраніемъ Казимира на великое княженіе Лиговское вопреки желанію поляковь и вопреки договору 1432 года порвалась унія Литовско-Русскаго государста съ Польшею. Этотъ разрывь не прекратился и съ избраніемъ Казимира въ короли Иольскіе. Правда, что въ грамотъ Казимира, содержащей изъявление согласія на принятіе короны и обязательство явиться на коронацію, говорилось, что онъ соединиль оба государства въ братскій союзь (in unionem fraternam), желая править ими обоими и защищать ихъ оть нападеній враговъ. Но здісь констатировался, такимъ образомъ, только факть естественнаго союза двухъ государствъ, находящихся подъ однимъ государемъ, независимо отъ какихъ либо опредъленныхъ условій н обязательствь сь той и съ другой стороны. Эти условія и обязательства предстояло еще опредълить. Обстоятельства настойчиво требовали этого опредъленія. Діло вь томъ, что поляки и литовцы діаметрально разошлись въ своихъ требованіяхъ къ новому государю, и Казимиру стала угрожать перспектива състь не на двухъ престолахъ заразъ, а между ними. Литовцы согласились на принятіе польской короны Казимиромъ только на томъ условін, если онъ оставить великое княжество въ тёхъ предёлахъ, въ какихъ оно было при Витовть, и не будеть отрывать отъ него Волыни и Подолья. Поляки съ своей стороны захотели взять съ Казимира обязательство не отрывать отъ Польши земель Луцкихъ, Русскихъ и Подольскихъ. Вследствіе этого Казимиръ на первомъ же вальномъ сеймъ, собравшемся въ Петрковъ посл'в его коронаціи, отказался подтвердить права и вольности поляковъ, прежде чемь они не придуть къ соглашенію съ лиговцами и не выяснять окончательно взаимныхъ отношеній.

Съ этою цёлью лётомъ 1448 года поляки и литовцы съёхались на сеймъ въ Люблинё. Въ переговорахъ, происходившихъ на этомъ сеймѣ, ярко выступило различіе стремленій литовцевъ и поляковъ. Литовцы желали установить между обоими государствами ту самую "братскую унію", о которой говорили записи Казимира, данныя полякамъ до коронаціи, другими словами—постоянный оборонительно-наступательный союзъ съ сохраненіемъ политической индивидуальности каждаго государства. Они прямо заявили

полякамъ, что считають себя обиженными тёми выраженіями предшествующихъ актовъ унія, где говорится объ инкорпораціи Литвы въ Польшу, т. e. incorporamus, adjungimus, appropriamus etc., и потребовали исключенія этихъ выраженій изъ текста договора объ уніи: этими де выраженіями они какъ будто бы отдаются въ подданство полякамъ, а не соединяются съ ними въ братскій союзъ, какъ равные съ равными. Вмёсть съ темъ ляговцы потребовали возвращенія къ великому княжеству той части Подолья (западнаго) и Волыни (замковъ Олеска, Ветелъ, Лонатина и Городна), которыми завладели Иоляки въ смутное время, наступившее по смерти Витовта. Поляки, выставляя на видъ литовцамъ неосновательность ихъ требованій съ юридической и исторической точекъ зрѣнія, предложили имъ одинъ върный способъ для устраненія всякихъ споровъ и недоразумьній между ними: пусть оба государства сольются въ одно, въ королевство Польское, чусть уничтожится самый титуль великаго княжества, и литовскія области стануть темь же самымь, чёмь и земли Краковская, Сандомирская, Сърадзьская и т. д., т. е. воеводствами Польши; пусть лиговцы возьмугъ себъ тъ же права и вольности, что и полны, сдълаются подданными единаго государства, и тогда имъ не о чемъ будеть спорить, не пов-за чего ссориться. Способь дъйствительно быль върный, но онь не понравился литовцамъ, которые залвили, что для нихъ будеть позоромъ, потерею славы и имени, уничтожение титула великаго княжества и полное сліяние его съ Польшею. Поляки возражали, что это сліяніе уже установлено въ договорахъ чнін Ягайла и Витовта, и измінять что либо въ этихъ договорахъ, скрітленныхъ согласіемъ предковъ, людей мудрыхъ, не годится, ибо въ противномъ случав никакіе договоры не будуть крвпко стоять и соблюдаться и т. д. Но эти доводы не подъйствовали на литовцевъ, и переговоры въ Люблинъ не привели ни къ какимъ результатамъ.

Переговоры возобновились посл'в этого только два года спустя, въ 1451 году, въ Парчовъ, куда събхались по 12 уполномоченныхъ съ той и другой стороны. На этоть разъ лиговцы уже прямо потребовали кассаціи прежнихъ договоровъ объ уніи, которые ихъ предшественники подтверждали, не зная объ ихъ содержаніи, по одному только приказу великаго князя, н замьны ихъ новымъ актомъ, изъ котораго должны быть исключены такія выраженія какъ jugo servitutis obnoxios, incorporamus, invisceramus, appropriamus et unimus terras Lithwaniae et Russiae Regno Poloniae, и который утверждать бы не инкорпорацію или подчиненіе Литвы, а союзъ ея съ Польшею; кром' того, повторили свое прежнее требование относительно Водыни и Подолья. Отъ имени поляковъ отвечалъ литовцамъ Збигнёвъ Олесницкій. Онъ указаль на то, что литовцы, въ томъ числѣ и нѣкоторые изъ настоящихъ делегатовъ (бискупъ Виленскій Матвій) не разъ подтверждали договоры объ унін и потому не могли не знать ихъ содержанія; указаль далке и на то, что поляки владели Волынью и Подольемъ, отбивъ нхъ у татаръ, въ то самое время, когда о литовцахъ въ этихъ странахъ не было и слуха, и въ концѣ концовъ сослался на недавній договоръ съ Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ, въ силу котораго эти земли по смерти его

должны перейти къ Польшѣ, и который подтвержденъ быль также согласіемъ литовскихъ пановъ, въ томъ числѣ и самихъ делегатовъ. Но всѣ эти выводы не убѣдили литовскихъ уполномоченныхъ, и они уѣҳали изъ Парчова, не прида на къ какому соглашенію съ поляками.

Въ такомъ же родъ или переговоры и на коследующихъ съездахъ поляковъ и литовцевъ и не только не призодили къ соглашенію, но даже грозили кончиться восруженнымь столиновеніємь поляковь и литовцевь. Когда Польша втянулась въ трудную и продолжительную борьбу съ Орденомъ, Литовцы настойчиво стали требовать Волыни и Подолья и грозить полякамъ войною. Самому Казимиру стала угрожать опасность лишиться веливаго княженія на Лятвь. Среди литовскихъ князей и пановъ образовалась сильная партія противниковъ Казимира, во главѣ которой стали воевода Виленскій Янъ Гаштольдъ и кн. Юрій Семеновичъ Гольшанскій. Эта партія рішила совершенно разорвать съ поляками и для этого возвести на великое внамение Кисьскаго внязя Семена Олельковича, зятя Гаштольда. Въ этомъ направления партія развила агитацію среди литовцевъ, результатомъ которой было обращение литовцевъ къ Казимиру на сеймъ 1461 года съ требованіемь, что бы онь или самъ постоянно пребываль на Литв'в, или отдалъ бы великое княжение Семену Олельковичу. Казимиру удалось кое-какъ дотянуть до окончанія войны съ Пруссією. Посл'я того, какъ поляки развязались съ этою войною, всецьло поглощавшею ихъ силы, литовцы естественно должны были сделаться скромнее въ своемъ поведении и понизить свой тонъ въ отношенін къ полякамъ. Кромъ того, пропаганда церковной уніи, начавшаяся съ 1458 года, съ назначеніемъ митрополитомъ Кіевскимъ Григорія Болгарина, принявшаго Флорентійскую унію, испортила отношенія между католическою Литвою и православною Русью въ великомъ княжествь и снова возбудила между ними улегшуюся было національнополитическую вражду. То сихъ поръ Литва см'яло выступала противъ поляковъ между прочимъ и потому, что имъта за собою всю свою Русь. Нагляднымъ выраженіемъ добрыхъ отношеній, установившихся между ними, служить участіе русскихь людей въ созываемыхъ тогда государственныхъ совъщаніяхъ. Такъ, на сеймъ 1446 года, гдъ ръшался вопросъ о принятіи Казимиромъ польской короны, присутствовали князья и паны не только польскіе, но и русскіе. На общемъ сеймѣ съ поляками въ Люблинѣ въ 1448 году, кром'в литовскихъ пановъ и шляхты, были и п'вкоторые русскіе князья, напр., кн. Василій Красный (изъ Друцкихъ) и князь Острожскій. Въ 1451 году для решенія вопроса о Волыни и Подоль'в собирался общій сеймъ всёхъ земель великаго княжества и т. д. Но съ начала шестидесятыхъ годовъ снова возгорёлась національно-религіозная вражда между русскими и литовдами. Эта вражда, нашъ явствуеть изъ свидътельства самого Казимира, связала руки Литев въ ел отношениять къ сосъдямъ. Когда литовцы пость покоренія Новгорода велинимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ въ 1478 году, хотили взяться за оружіе и воевать съ Москвою, Казимиръ, по разсказу Длугоша, сталъ уговаривать ихъ, что бы они не начинали войны, не обезпечивши себя предварительно польско; помощью,

и не полагались на русских людей, которые, какъ вѣдомо имъ самимъ, не благоволятъ къ нимъ по причинъ различія въроисповѣданій. При такихъ условіяхъ никакія крайности въ непріявленныхъ отношенічуъ къ полякамъ стали уже невозможными для литовцевъ. Они перестали поднимать вопросы о Подольѣ и Вольни и ограничивались только тѣмъ, что по временамъ обращались на своихъ сеймахъ къ ћазимиру съ просьбою дать имъ кого либо изъ сыновей въ великіе князья. Съ своей стороны и поляки перестали выступать рѣзко и настойчиво съ своими требованіями возобновленія прежнихъ договоровъ объ уніи и присоединенія Вольни и Подолья къ коронѣ. По окончаніи Прусской войны вниманіе и силы поляковъ были отвлечены отъ Литвы широкою династическою политикою короля Казимира, силившатося посадить своихъ сыновей на престолахъ Чехік и Венгріи. При такихъ обстоятельствахъ Польну и Литва до самой смерти Казимира держались установившихся отношеній, не заключали договора объ уніи и не рѣшали вопроса о Волыни и Подольѣ.

Какъ только умеръ Казимиръ, литовцы посибшили воспользоваться благопріятнымь случаямь для осуществленія своего зав'єтнаго желанія имъть отдельного отъ Польши госудора. Казимиръ умеръ въ велиценъ квяжеств'ь, въ Городн'ь. При немъ находился сынъ его Александръ. Пани-рада великаго кинжества Литовскаго упросили его не сопровождать така отца въ Польшу, мотивируя свои настоянія опасеніемъ, что враги нападуть на великое княжество, оставшееся безъ главы. Въ этой мотивировкъ была доля правды, нбо отношенія къ Москві в Крыму въ послідніе годы великокняженія Казимира действительно были вь высшей степени натянутыя. Но главнымъ побужденіемъ, заставившимъ литовскую раду удерживать королевича Александра въ Литвѣ, было несомнѣнно желаніе возвести его на великое княжение. Паны рада, впрочемъ, не решились самолично предпринять такой шагь, который грозиль полнымъ разрывомъ съ Польшею, въ высшей степени опаснымъ при тогдашнемъ международномъ положении великаго княжества. Кром' того, можно было опасаться внутреннихъ замъшательствъ вследствіе того, что въ государстве существовала многочисленная партія князей и бояръ, которые хотіли видіть на великокняжескомъ столъ кн. Семена Михайловича (Олельковича) Слуцкаго. Поэтому паны рада ръшились произвести пораніе Александра на великомъ вальномъ сеймъ всъхъ земель великаго княжества.

Уже изъ Городна они разослали грамоты по всёмъ областямъ съ извёщеніемъ о смерти Казимира и съ приглашеніемъ въ "старшимъ" изъ всёхъ земель явиться на сеймъ къ 20 іюля для избранія новаго господаря. Въ этихъ грамотахъ они напоминали внязьямъ, панамъ и земянамъ, или боярамъ, что они всегда прежде были заедино съ великимъ княжествомъ Литовскимъ, и выражали увёренность, что и на этотъ разъ они не отстунятъ отъ него и сообща съ нимъ выберутъ одного изъ сыновей покойнаго короля. Въ такомъ же духё разосланы были грамоты и отъ имени королевича Александра. Эти напоминанья и увёщанья вызваны были именно тёмъ, что много сторонциковъ, особенно въ русскихъ областяхъ великаго

вняжества, имѣла кандидатура вн. Слуцкаго. Когда собрался сеймъ, приверженцы внязя Семена Олельковича выставили было его кандидатуру. Самъ князь пріѣхалъ съ цѣлымъ отрядомъ въ 500 человѣкъ для большей внушительности. Но наны рада объявили сейму, что предсмертнымъ желаніемъ покойнаго короля было, чтобы поляки взяли себъ въ вороли его сына Яна Альбрехта, а Литовцы въ великіе внязья Александра. Это сповойное и твердое заявленіе разбило шансы Олельковича, и сеймъ провозгласилъ Александра великимъ княземъ.

Избраніе великаго князя Александра совершилось безъ всякого участія поляковь, которое требовалось предшествовавшими договорами унін. Литовцы ограничились только посылкою извъщенія полякамъ, что они согласно съ волею покойнаго короля хотять посадить у себя великимъ княземъ королевича Александра, и предложениемъ, чтобы поляки согласно той же воль посадили у себя королемь Яна Альбрехта. Обт уніи не было и помину. Польскіе наны прислали было приглашеніе литовцамъ прибыть въ Польшу и принять участін въ избранін короля. Но литовцы счень хорошо понимали, что появление ихъ на избирательномъ сеймъ въ Польшъ означало бы признание съ ихъ сторены деговоровъ объ уни, и потому отвъчали уклончиво, что де они уже объявили поликамъ свою мысль и волю покойнаго короля "братскимъ обычаемъ". Когда состоялось избраніе Яна Альбрехта, великій князь Александръ послаль пословъ поздравить брата и напомнить ему о "дружов", какая существовала издавна между ихъ государствами, которыя при покойномь отце ихъ всегда помогали другь другу противъ всякаго непріятеля. Итакъ, вм'єсто акта субмиссіи, который сл'ядоваль бы со стороны великаго князя Александра, было послано братское поздравленіе и напоминаніе о дружов государствъ. Ясное діло, что акты унін въ глазахъ литовцевъ не имѣли болѣе никакой силы, и они разсматривали свое великое килжество, какъ вполив независимое государство. Порвалась и та связь, которую представляль собою для Польши и Литвы общій государь.

Но отношенія къ сос'єдямъ въ самомъ скоромъ времени заставили и Литву, и Польшу бол'єзненно почувствовать взаимный разрывь и предпринять шаги къ возобновленію уніи. Литва подверглась нападенію Москвы, которая отобрала у нея часть клад'єній на восток въ Въ то же время Крымскіе татары стали громить южныя области Литвы и Польши. Къ нимъ присоединились турки, которые въ 1498 году страшно опустошнли Подолье и Галицкую землю и увели до 100 тысячъ плённыхъ. Посл'є продолжительныхъ переговоровь о возобновленіи "ровныхъ и слушныхъ записовъ", безь ущерба для чести и достоинства обоихъ государствъ, въ 1499 году возобновлена была Городельская унія, съ бол'є точнымъ обозначеніемъ порядка избранія королей Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ. Въ грамотахъ опред'єлялось, что литовцы на будущее время не будуть приступать къ избранію великаго князя безъ в'єдома и участія поляковь, лишь бы они пожелали прибыть въ Литву ко времени избранія; точно такъ же и поляки съ своей стороны не будуть обходить литовцевъ при выбор'є королей.

Унія, заключенная въ 1499 году, въ сущности мало гарантировала и Польшев, и Литве взаимную поддержку. Правда, оба государства обязались номогать другь другу omni consilio, auxilio et fauore. Но пока сохранялось ихъ отабльное существование, пока они не сливались въ одно государство съ однимъ правительствомъ, эта поддержка всегда должна была сводиться до минимума, а иногда и на ивть. У каждаго государства были свои враги, которыхъ оно должно было остерегаться; каждое государство естественно должно было всячески щадить и приберегать свои силы для самого себя. Все это обнаружилось на другой же годъ по заключении унии 1499 года. Весною 1500 года московскія войска вторгнулись вь великое вняжество Лиговское и заняли множество городовь и волостей. Высланное противъ нихъ литовское войско 14 іюля потерпъю полное пораженіе на р. Ведрошть близь Дорогобужа. Поляки не оказали никакой помощи великому вняжеству, потому что собпрались въ то время идти въ походъ на Турокъ и должны были оборонять свои земли отъ татаръ, два раза въ этомъ году вторгавшихся въ юго-западную Русь. Янъ Альбрехть оказаль своему брату Александру только дипломатическое содъйствіе, отправиль своего посла въ Москву хлопотать о миръ, т. е. сдълаль для него то же, что и другой брать его, Венгерскій король Владиславь. Литва должна была искать себъ помощи на сторонъ, и хотя нашла себъ союзниковъ въ лицъ Ливонскаго магистра Илеттенберга и Заволжскаго хана Шигь-Ахмата, темъ не менье правящіе литовцы приложили всь старанія и къ тому, чтобы связаться для борьбы болбе тесными узами сь Польшею. По обстоятельствамъ момента этого можно было достигнуть возведениемъ на польскій престолъ, осиротевшій за смертію Яна Альбрехта, великаго князя Александра и заключеніемъ новой унін съ Польшею. Литовскій сеймъ, собравшійся въ Городнъ, отправиль въ концъ августа 1501 года пословъ на польскій избирательный сеймъ и съ полномочіями на заключеніе новой уніи. Все это оказало свое действие на избирателей, и Александръ восторжествоваль надъ своими соперниками, въ числъ которыхъ быль и родной брать его, король Владиславъ.

Формальному избранію предшествовала виработка прелиминарныхъ статей договора, который долженъ быль быть заключенъ между Польшею и Литвою. Постановлено было, что Польша и Литва впредь будуть имёть одного общаго государя; этоть государь будеть избираться въ Польше, на общемъ польске-литовскомъ сеймѣ; оба государства будуть неразлучны въ счастіи и несчастіи; будуть имёть одну монету, но отдёльные суды и должности; прежніе договоры, заключенные однимъ государствомъ, будуть имёть обязательную силу и для другого; новоизбранный государь долженъ подтверждать права и вольности обоихъ государствъ. Когда уже состоялось избраніе и провезглашеніе Александра королемѣ Польскимъ, наинсанъ быль актъ уніи на оспованіи вышензложенныхъ прелиминарныхъ статей и подтвержденъ присягою чиновъ польскаго сейма. Литовскіе уполномоченные съ своей стороны дали клятвенное об'єщаніе въ томъ, что склонять великаго князя и остальныхъ братьевъ своихъ литовцевъ къ принятію, подтвержденію присягою и выполненію заключеннаго договора.

Но это объщание выполнено было только отчасти. Договоръ былъ принять и подтверждень присягою только Александромь и теми панами, которые находились при немъ въ Мельникъ, гдъ онъ поджидаль исхода дъла. Александръ объщалъ привести къ тому же и всъхъ осгальныхъ своихъ подланныхъ и побудить ихъ выдать соотвътственныя записи, скрепленныя нхъ печатями. Этого, однако, не удалось ему сдълать. Продолжавшаяся война съ Москвою и Крымомъ не давала возможности литовскому правительству созвать на сеймъ князей, пановъ и бояръ шляхту всёхъ земель великаго княжества, какъ требовалось важностью дела и установившеюся уже традицією: Мало того, въ сущности даже опасно было поднимать такой щекотливый вопросъ, какъ вопросъ объ унін съ Польшею. И безъ того уже много русскихъ княжествъ отнало отъ Литвы и добровольно пошло подъ власть Москвы. Провозглашение народно-политическаго единства съ католическою Польшею, -- ut sit una gens, unus populus et communia consilia еіdemque corporі unum caput, -- могло сділаться поводомъ къ еще большему отпаденію православнаго русскаго населенія, могло толкнуть въ объятія Москвы цёлыя русскія земли, особенно пограничныя съ Москвою, какъ Полонкая, Вызебская и Смоленская, болье другихъ расплачивавшіяся за върность литовскому государю. Когда же окончилась война, и заключено было перемиріе съ Москвою (23 марта 1503 геда), сами литовцы охладели къ уніп и не прочь были кассировать сделанныя уже записи. Унія вовсе не принесла великому княжеству той помощи со стороны Польши, на которую разсчитывали литовскіе паны при ея заключеніи. Поляки одинъ только разъ, весною 1502 года, отрядили значительный отрядъ жолнеровъ на помощь Литвъ. Но лишь только этоть отрядъ прибыль на театрь военныхъ дъйствій, его немедленно отозвали въ Польшу вслъдствіе приближенія турокъ къ границамъ государства. Поляки не только не помогли литовцамъ, но даже оказали на нихъ давленіе, понуждая ихъ къ миру во что бы то ни стало. Перемиріе, заключенное при ихъ посредничествъ, стоило Литвъ множества городовъ и волостей, которые она должна была уступить къ Москвъ. Поэтому, когда король Александръ, по настоянію поляковъ. сталь требовать оть своихъ литовскихъ подданныхъ "реверсаловъ" на заключенную унію, то тѣ, которые не были при заключеніи ея, а также многія земли, которыя къ великому княжеству "прислухали", не захотъли выдать желанныхъ "реверсаловъ". Такимъ образомъ, въ концъ концовъ великое княжество Литовское отвергло унію, заключенную его послами въ 1501 г. и полтвержденную господаремъ.

Унія не возстановлена была и по смерти Адександра, послѣдовавшей 19 августа 1501 года въ Вильнѣ. Тотчасъ же паны рада назначили сеймъ всѣмъ землямъ великаго княжества дли избранья и "поднесенья" на великое княженіе новаго господаря. Коронные сенаторы, получивъ извѣстіе о смерти Александра и о приготовленіи литовцевъ къ избранію новаго господаря, отправили въ Вильну посла напомнить литовцамъ о договорѣ 1501 года и просить, что бы они не приступали отдѣльно отъ поляковъ къ избранію господаря. Но литовцы не послушались, ссылаясь на тѣ опасности, кото-

рыя угрожали великому княжеству какъ извив, такъ и внутри (отъ пронековъ кн. Мих. Львовича Глинскаго и его партіи). 20 октября 1506 года вев литовскіе паны и княжата со всвии землями, принадлежащими къ великому княжеству, рединостайною волею" избрали на великое княженіе королевича Сигизмунда, дёдичнаго и прироженаго господаря своего. Поликамь ничего не осталось дёлать, какъ послёдовать примёру литовцевъ, и Сигизмундъ 6 декабря быль избранъ королемъ Польскимъ. Такъ возстановлена была личная унія великаго княжества съ короною Польскою при полной взаимной независимости обоихъ государствъ.

Необходимость сообща бороться съ Крымскими татарами и сообща уплачивать упоминки ихъ хану снова поставила на очередь вопрось объ уніи Польши и Литвы. Въ 1512 году коронные сенаторы предложили литовцамъ поновить и поправить постановленія уніи и на основаніи ихъ установить такую оборону, которая предохранила бы оба государства отъ паденія. Литовцы отвётили предложеніемъ простого оборонительно-наступательнаго союза съ обязанностью нести всё издержки пополамъ, сообща стараться о возвращеніи потерянныхъ земель и дёлить вновь пріобрётенния пополамъ. Поляки объявили литовскимъ посламъ, что они ожидали не такого отвёта отъ своихъ братьевь —литовцевъ, что они желаютъ возобновленія той уніи, которая уже была заключена при королё Александрѣ. Переговоры возобновились въ 1513 году, когда литовцы прислали въ Польшу просить помощи противъ москвитянъ, продолжались и въ 1514 году, но безъ всякаго результата.

Считая великое княжество совершенно независимымъ отъ Польши, литовскіе паны-рада вийсти со всими рыцарствоми на сейми 1522 года предъизбрали на великое вняжение по смерти Сигизмунда его сына Сигизмунда - Августа, не справинваясь поляковь, которые въ свою очередь предъизбрали Сигизмунда-Августа своимъ королемъ въ 1530 году. Для характеристики отношеній Литвы къ Польші въ то время иміють значеніе переговоры, которые вели паны-рада съ королемъ Сигизмундомъ въ 1526 г. по поводу слуховь о томь, что папа хочеть дать великому князю Московскому королевскую корону, и что поляки этому не препятствують. Они поручили своимъ посламъ наединъ передать королю, что бы онъ никоимъ образомъ не пропускалъ въ Москву этой короны. Поляки, не пропустивъ въ свое время короны для Витовта, теперь легко пропускають ее въ Москву: ясное дело, что они стараются держать великое кинжество "въ пониженье", что бы тыть легче оно было "втыено ими къ корунь". Указывая на то, что великое княжество Литовское настоящій оплоть династін, что литовцы давно уже избрали себв "за пана" королевича Сигизмунда, между темъ какъ номки до сихъ поръ и не подумали объ томъ, наны рада предлагали королю вытребовать у нихъ корону, которую они ивкогда перехватили у Витовта и вънчать ею королевича Сигизмунда: тогда и поляки не будуть имъть поползновеній унижать великое килжество и присоединять его къ коронф,-"бо коруна въ корону втелена быти не може", -- но будеть "ровное братство и пріязнь противъ всёхъ непріятелей; если же поляки не выдадуть

корони, пусть король пошлеть за нею къ папъ, а они, литовци, не пожальють никакихъ "накладовъ" на это дъло. Королевской короны литовцамь не удалось добиться для своего великаго виязя. Но ихъ представленія не остались безъ результата. Король Сигизмундъ, въ виду преклоннаго возраста своего и бользненнаго состоянія, въ 1529 году рішился еще при жизни своей возвести на великое княжение своего сына Сигизмунда-Августа. Опасаясь противодъйствія поляковь, овъ вступиль въ тайныя сов'єщанія съ лиговцами на Виленскомъ сеймъ. Всъ "стани" сейма отпеслись къ намъренью короля сочувственно, и 18 октября состоялся торжественный акть возведенія на велукое княженіе Сигизмунда-Августа. Полякамъ ничего не оставалось саблать, какъ и съ своей стороны признать Сигизмунда-Августа воролемъ Иольскимъ, что они и следали въ следующемъ 1530-мъ году. Съ 1544 году Сигизмундъ-Августь сталь фактическимъ правителемъ великаго княжества, тогда какъ въ Польше правиль его отецъ. Такимъ образомъ, вопреки унін 1501 года Литеа снова пріобрела отдельнаго отв Польши государя.

Итакъ, всѣ попытки, предпринимавшіяся при Казимирѣ и его сыновьяхъ къ осуществленію польско-литовской государственной уніи, не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Литовско-Русское государство, пребывая въ личной уніи съ Польшею, сохраняло полиую самостоятельность и независимость. Поэтому и въ борьбѣ за существованіе оно всецью предоставлено было своимъ силамъ и средствамъ. Эта напряженная борьба, какъ увидимъ, привела къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ во

внутренней формировкъ этого государства.

Но прежде, чёмъ переходить въ этой борьбё и ея послёдствіямъ, необходимо воистатировать, что и длительный споръ великаго княжества съ короною по вопросу объ уній не прошелъ безслёдно въ исторій государственнаго развитія великаго княжества. Мы видёли, что Казимиръ и его синовья для рёшенія такого важнаго вопроса, какъ унія, созывали не только пановъ радныхъ, но и князей, пановъ и боярь-піляхту всёхъ земель великаго княжества, созывали великій вальный сеймъ. Такіе же сеймы созывали паны радные и для избранія великихъ князей въ обходъ притязаній поляковъ. Господарь и паны радные во всёхъ этихъ случаяхъ не считали возможнымъ обходиться безъ согласія и содъйствія областей великаго княжества. До великокняженія Ситизмунда I на эти сеймы, по всёмъ даннымъ, вызывалась только аристократія земель аннексовъ — князья, паны или крупные бояре - землевладёльцы. Но при Сигизмундё I, какъ увидимъ, стала созываться и рядовая шляхта. Этогъ фактъ стоялъ въ связи уже съ внёшнею борьбою Литовско-Русскаго государства.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ; М. В. Довнаръ-Запольскій, Польско-литовскія унів на сеймахъ до 1569 года. Москва 1897; Mossbach, Россаткі цийі lubelskiej. Рогнай 1872; В. И. Пичета, Литовско-польскія унів в отношеніе къ нимъ литовско-русской шляхты. (Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому. Москва 1909); Caro, Geschichte Polens, B. IV, V, Theile 1—2.

XXXII.

Борьба Литовско-Русскаго государства съ Крымскими татарами и Москвою при Казимирѣ и его сыновьяхъ.

Нападеніе Крымских татарь на литовско-русскій земли; борьба съ пими.—Пропаганда церковной унін въ Литовско-Русскомъ государстві и обостреніе вражды между Литвою и Русью. Отпаденіе русских виняей отъ Литвы и переходъ ихъ на сторону Москвы. Военныя дійствія Москвы въ началії девяностыхъ годовъ.—Договоръ 1494 года и бракъ князя Алексардра съ Еленою Ивановною.—Новыя попытки унін въ конції девяностыхъ годовъ и новыя отпаденія русскихъ князей.—Возобновленіе войны съ Москвою; договоръ 1503 года и потеря Чернигово-Сіверской земли и верхнеокскихъ княжествъ.—Мятежъ Глинскаю и новая борьба съ Москвою при Сигнамундії; потеря Смоленска.

Въ XIV и первой половии XV въка главнымъ врагомъ, съ которымъ Литовско-Русскому государству приходилось вести напряженную борьбу, были Нъмцы Прусскаго и Ливонскаго орденовъ. Подъ Грюнвальденомъ силы Прусскаго ордена потерпъли страшный разгромъ, отъ котораго Орденъ не могь уже оправиться. Казимиръ довершилъ дъло Ягайла и Витовта, и Торунскій миръ 1466 г., обусловившій присоединеніе устья Вислы къ Польшъ и вассальное подчиненіе ей Пруссіп, знаменовалъ собою устраненіе съ арены борьбы этого давнишняго врага Литвы и Польши. Его мъсто по отношенію къ Литовско-Русскому государству во второй половинъ XV-го и въ XVI въкъ заняла Крымская татарская орда, объединившаяся подъ властью Гиреевъ и признавшая надъ собою власть турокъ, и новообразовавшееся Московское государство, объединившее въ себъ всю съверо-восточную Русь.

Крымскіе татары стали опустошать южныя области Литовско-Русскаго государства уже при Казимиръ. Въ 1482 году ханъ Менгли-Гирей взялъ Кіевъ и сжегъ его. Подъ натискомъ крымцевъ южные предълы Литовско-Русскаго государства, при Витовт'в придвинувшиеся было къ Черному морю и устью Дибира и Дибстра, отступили на свверъ, къ ръкамъ Тясмину (притоку Ливира), Синюхв и Савранкв (притокамъ Ю. Буга) и Егорлыку (притоку Дивстра). Менгли-Гирей быль вернымы союзникомы великаго князя Московскаго въ борьбъ его съ преемниками Казимира-Александромъ и Сигизмундомъ, не смотря на то, что добился отъ нихъ уплаты ежегодныхъ богатыхъ упоминковъ въ размере до 15 тысячь золотыхъ, не считая подарковъ натурою. Почти ежегодно Крымскіе татары нав'ящали Кіевщину, Подолье, Волынь, пробираясь иногда и глубже, въ Полесье, жгли, грабили и уводили въ иленъ жителей и скотъ. Нападенія бивали даже несколько разъ въ году. Преемникъ Менгли-Гирея Махметь-Гирей, хотя и саблался врагомъ Москвы, не переставалъ нападать и на литовскорусскія земли. Впрочемъ, отдільные татарскіе отряды нападали на литовскорусскую украйну и помимо воли хана, котораго плохо слушались разные князья и мурзы. Такъ обстояло дело до конца великокняженья Сигизмунда,

Послѣ разгрома подъ Могачемъ въ 1526 году венгровъ и ихъ союзниковъ Литвѣ и Польшѣ стали угрожать турки. Опасность со стороны турокъ увеличилась послѣ того, какъ въ началѣ сороковыхъ годовъ они заняли Венгрію и врѣзались въ средину среднеевропейскаго христіанскаго міра.

Но особеннаго напряженія силь потребовала за это время борьба сь Москвою. Борьба эта порождена была положеніемь вещей, создавшимся

какъ вив, такъ и внутри Литовско-Русскаго государства.

Къ концу XV въка почти закончилось политическое объединение свверо-восточной Руси подъ властью великаго князя Москорскаго. Этоть великій князь какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и въ общественномъ мивній сталь національнымъ русскимь государемь, призраннымъ властвовать надъ всею Русью, въ томъ числъ и надъ тою, которая находилась подъ властью великаго князя Литовскаго. Это національно-политическое притязаніе не разъ выражалось со стороны Москвы въ дипломатическихъ переговорахъ. Венгерскому послу, пріфакавшему вь Москву марить Ивана III съ его зятемъ, королемъ Александромъ, отъ имени великаго князя заявлялось: "Короли Владиславъ и Александръ-отчичи Иольскаго королевства да Литовской земли отъ своихъ предковъ, а Русская земля отъ нашихъ предковъ, изъ старини, -- наша отчина". На ряду съ этимъ, послѣ паденія Нарыграда, вы Москви все болые и болые укрыплялась мысль, что великій внязь Московскій не только единственный правый государь всея Руси, но и единственный православный царь, призванный оберегать и защищать православное христіанство. Между темъ въ державе великаго князя Литовскаго православная вера съ половины XV века стала подвергаться гоненіямъ и притесненіямъ въ связи съ понытками осуществить ту самую церковную унію, которая заключена была на Флорентійскомъ соборъ 1439 года. Эти гоненія и притесненія обострили національно-религіозную вражду въ нѣдрахъ Литовско-Русского госудорства и вызвали среди подвластной Литвь Руси тяготьніе и даже отнаденія на сторону единовърной Москвы. Великій князь Московскій не могь въ виду всего этого оставаться равнодушнымъ, не могъ не протянутъ руку помощи русскимъ людямъ великаго княжества, надъ которыми онъ и безъ того считалъ себя прирожденнымъ государемъ. Такъ возгорелась продолжительная, затяжная борьба между Московскимъ и Литовско-Русскимъ государствами.

Мысль объ уніи римскаго и греческаго закона зародилась въ Литовско-Русскомъ государствѣ еще при Ягайлѣ и Витовтѣ, въ эпоху соборнаго движенія на западѣ. Для переговоровъ объ этомъ предметѣ Витовтъ, какъ извѣстно, посылалъ на Констанцскій соборъ въ 1418 году Кіевскаго митрополита Григорія Цамблака съ нѣсколькими западно-русскими еписконами. Но эта миссія не привела ни къ какимъ результатамъ. Мысль о церковной уніи однако не умирала въ литовскихъ правящихъ сферахъ: эта унія представлялась желательною не только въ церковныхъ, но и въ государственныхъ интересахъ великаго кияжества, какъ средство для болѣе тѣснаго сближенія и объединенія Руси съ Литвою, для уничтоженія тяготѣнія Руси къ Москвѣ. Благопріятныя условія для про-

веденія уніи наступили посл'є Флорентійскаго собора 1439 года, на которомь и цареградскій патріархъ, и русскій митрополить Исидоръ приступили къ уніи съ римскою церковью. Но литовскому правительству пом'єтнали на первыхъ порахъ мятежныя движенія русскихъ земель великаго княжества, происшедшія всл'єдь за избраніемь Казимира. Чтобы не давать никакого повода къ раздраженію Руси, чтобы успокоить русскихъ людей, правительство Казимира посп'єтнило заявить себя благосклоннымъ къ старой русской вѣрѣ. Поставленный соборомь восточно-русскихъ епископовъ митрополить Іона былъ признань въ этомъ сан'є и въ Литовско-Русскомъ государств'ь. Въ 1451 году мы встр'єчаемъ его обозр'євающимъ православныя епархіи въ пред'єлахъ великаго княжества. Это быть тоть самый годъ, когда Казимиръ объ'єзкалъ области великаго княжества и подтверждаль русскимъ землямъ своего государства права и вольности.

Вскорь, однако, последовала попытка ввести церковную унію въ западной Руси, и на этоть разь по иниціатив'в изв Рима. Пост'в завоеванія Константинополя турками прибыль въ Римъ цареградскій патріархъ Григорій Мамма. Въ бытность его въ Рим'в возобновились старанія о подчиненін и русской церкви канъ. Православных восточной Руси, въ виду проявленной ими ръзкой враждебности къ уніи, ръшено было до поры до времени оставить въ поков. Но за Литовскую Русь сочли возможнымъ приняться вы виду содъйствія, которое могло вы данномы случай оказывать ея католическое правительство. По желанію Пія ІІ цареградскій патріарув Григорій Мамма посвятиль для Литовской Руси особаго митрополита Григорія Болгарина, бывшаго протодіакона при митрополить Исидорь. Григорій, принявшій унію, обязался привести къ ней и свою паству и получиль от папы грамоту въ воролю Казимиру, въ воторой папа просиль короля о принятін его митрополитомъ и о содействін въ подчиненін ему западно-русскихъ епископовъ. Казимиръ не осм'ялился ослушаться папы, не смотря на то, что уже выдаль грамоту на управление литовскими епархіями митрополиту Іоп'ь, не смотря на уговоръ свой съ великимъ княземъ Московскимъ Василіемъ-признавать митрополитомъ только того, кто имъ обоимъ будеть любъ. Подъ давленіемъ господаря западно-русскіе епископы признали надъ собою власть новаго митрополита.

Итакъ, оффиціально западно-русская церковь стала числиться въ уній съ римскою, разъ митрополить и подчиненные ему епископы признали эту унію. Но идея уній плохо воспринималась какъ православною наствою, такъ и самими католиками. Десять лѣтъ спустя послѣ прибытія митрополита уніата, въ 1468 году, король Казимиръ писалъ панѣ Павлу ІІ, что въ Литвѣ и соединенныхъ съ нею русскихъ областяхъ обитаетъ "великое множество еретиковъ и схизматиковъ, и число ихъ возрастаетъ со дня на день". Король просилъ у паны дозволенія основать какъ въ Литвѣ, такъ и въ западно-русскихъ областяхъ по два монастыря ордена бернардиновъ съ тѣмъ, чтобы "братья этихъ монастырей своею проповѣдью и жизнью могли приводить тамошнихъ еретиковъ и схизматиковъ къ единству церкви.

Съ другой стороны, латинское духовенство склонно было смотрѣть на православныхъ русскихъ людей, даже искавшихъ мира и любви съ римскою церковью, какъ на недовърковъ, и принимать въ отношении ихъ разныя пасильственныя міры. Преемникъ Григорія на митрополичьей каоедрів Мисанлъ вибств съ ибкоторыми духовными лицами, князьями и панами греческаго закона по этому поводу составиль цілое посланіе къ пап'я Сиксту IV (14 марта 1476 года). Въ этомъ посланіи русскіе люди завъряли папу, что они содержать семь вселенских соборовь, жь нимь же купно и осмый флорентійскій ухваляють", что они испов'ядують св. Духа, "исходяща отъ Огца прежде, также и Сыпа единымъ дуновеніемъ". Поэтому они просили папу оградить ихъ оть оскороленій латинянь, которые клевещуть на нихъ, будго они не истиниые христіане и не право върують въ св. Троицу, насильно принуждають ихъ къ своему исповеданию, дъйствуя яростью, крикомъ, побоями и мученіями и т. д. Дъло дошло до того, что самь король Казимирь, по просьов своего сына Казимира, въ 1481 году издаль указъ, конять запрещаль православнымъ строить новые храмы, возстановлять прежийе и поправлять обветшавшие. Такой натискь на православіе объясняется тёмъ, что не только православная паства, но и пастыри — митрополить и епископы не обнаруживали ревности къ унін. Уже митрополить Григорій Болгаринъ, не смотря на то, что посвящень быль патріархомь въ Рим'в, посылаль за благословеніемь и утвержденіемь въ сан'в къ патріарху въ Константинополь. Такъ же поступали и преемники Мисаила. Что васается самихъ цареградскихъ патріарховь того времени, то они, хотя и непрочь были оть "святого единенія", но не могли осуществить его, такъ какъ этому противились ихъ "овци", ненавильнийя латинянь.

Итакъ, попытка соединенія греческаго и римскаго закона въ Литовско-Русскомъ государствѣ вмѣсто мира и любви раздула только религіозно-національную вражду и ненависть и навлекла на государство внѣшнія опасности. Въ 1481 году противъ короля Казимира составился заговоръ, во главѣ котораго стали Слуцкій князь Михаилъ Олельковичъ, его двоюродный брать Оедоръ Ивановичъ Бѣльскій и одинъ изъ князей Гольшанскихъ. Заговорщики задумали погубить Казимира, а если не удастся сдѣлать это, "отсѣсть" отъ великаго княжества со всѣми землями по р. Березину и соединиться съ Москвою. Заговоръ этотъ стоялъ въ прямой причинной связи съ распоряженіемъ Казимира относительно православныхъ церквей. Объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство отъ сына Казимира, великаго князя Литовскаго Александра. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ брату, Польскому королю Яну Альбрехту, вспоминая объ этомъ заговорѣ, Александръ пишетъ, что князън возстали противъ ихъ отца не ради чего иного, какъ только ради вѣры.

Заговоръ быль своевременно открыть, Михаиль Олельковичь и князь Гольшанскій сложили головы на плах'в, а князь Більскій біжаль въ Москву и остался тамь навсегда съ своимъ потомствомъ. Уходъ Більскаго быль какъ бы сигналомъ къ отпаденію отъ Литвы и другихъ окраинныхъ

внязей. Уже въ 1487 году видимъ на служов въ Москвв князя Ивана Михайловича Воротынскаго; въ следующемъ, 1488-мъ году, отступилъ отъ Литвы внязь Иванъ Васпльевичъ Бълевскій. Въ 1490 году подладен Москвъ съ своимъ уделомъ и уделомъ брата своего Семена кн. Димитрій Оедоровичь Воротынскій. Эти переходы пограничныхъ килзей вызваны были, по всьмъ даннымъ, натискомъ со сторены Москвы. Узнавъ о внутреннемъ нестроеній и враждь въ Лиговско-Русскомъ государствъ, Москва стала нападать на пограничныя литовскія владінія. Прямыя военныя дійствія начались, какъ только умеръ король Казимиръ. Московскій отрядъ вступиль вы литовскія владінія на верхнеокской украйні, сжегь города Мценскъ н Любутскъ, Мосальскъ и увелъ въ плъчъ литовскихъ намъстниковъ, бояръ и многихъ другихъ людей. Въ то же время другой отрядъ вторгался въ съверные предълы Смоленской земли и занялъ города Хлъпень и Рочаговъ. Пограничные виязья посифинан спасти свое достояние переходомъ на сторону Москвы. Въ начали 1493 г. перешелъ къ Москвъ внязь Сеженъ Өедөрөвичъ Воротынскій, ири чемъ завладёль двуми литовскими горедами Серпейскомъ и Мещовскомъ. Литовцы отбили было назалъ эти города, но Московскіе воеводы взяли у нихъ Мещовскъ и увели въ пленъ жителей, а Серпейскъ сожили и разграбили; взять быль также ими и Опаковъ на Угръ. Въ то же время прібхаль на службу въ Москву князь Михайло Романовичь Мезецкій и привель плінными двухь своихь братьевь, которыхъ немедленно сослали въ Ярославль. Примъру верхнеокскихъ внязей посл'ядоваль и внязь Андрей Юрьевичь Вяземскій. Поссорившись съ своими родичами, онъ отъбхалъ въ Москву. Чтобы обезпечить за своимъ новымъ слугою его отчину, великій князь приказаль своимъ воеводамъ занять Вязьму. Воеводы исполнили прикать и привели въ Москву Вяземскихъ князей и пановъ. Великій князь пожаловаль ихъ же отчинами и велёль служить себь. Такъ Москва отрывала одну волость за другою оть великаго княжества Литовскаго.

Литовцы ясно увидали, что однимъ имъ не справитьси съ Москвою, и поневолѣ обратились за помощью къ полякамъ, съ которыми только что порвали унію. Но поляки взамѣнъ помощи прислали требованіе возобновить "записы" объ уніи. Время, однако, не териѣло, и литовцы, не получая помощи отъ поляковъ, должны были войдти въ мирные переговоры съ Москвою. По договору 1494 года къ Москвѣ отошли всѣ отчинныя владѣнія князей Вяземскихъ, Новосильскихъ, Одоевскихъ, Воротынскихъ, Перемышльскихъ и Бѣлевскихъ, часть владѣній князей Мезецкихъ и нѣ-которыя великокняжескія волости, лежавшія между этими владѣніями, напр., Козельскъ. Договоръ, какъ извѣстно, скрѣпленъ былъ бракомъ великаго князя Александра на дочери Ивана III—Еленѣ, при чемъ Иванъ III взялъ обязательство съ своего зятя не пудить Елену къ римской вѣрѣ.

Но это обязательство Александръ выполнилъ только отчасти. Онъ дъйствительно не принуждалъ Елену къ прямому переходу въ католичество, но хлопоталъ о томъ, чтобы она со всъми православными русскими людьми приступила къ уніи съ римскою церковью. Попытка къ утвер-

жденію унін возобновилась въ Лиговско-Русскомъ государствъ въ самомъ вонцѣ XV в. и имъла для него самыя пагуоныя последствія. Въ 1500 г. въ Москву явился посоль оть книзи Семена Ивановича Бъльскаго бить челомъ, чтобы государь пожаловалъ князя Бъльскаго, принялъ его на службу съ отчиною. Посланный говориль оть имени князя: "териять они въ Литвъ большую нужду за греческій законъ; великій князь Александръ посылаль къ своей великой княгнив Еленъ отметника православной въры-Тосифа, владыку Смоленскаго, да бискупа своего Виленскаго и черицовь бернардиновь, чтобы приступили къ римскому; посылаль и къ енязьямъ русскимъ, и къ виленскимъ мъщанамъ, и ко всей Руси, которая держить греческий законъ, принуждаеть ее приступить къ римскому закону. Вследъ затемъ перешли въ Москвъ съ богатыми волостями внязья, бывшіе до сихъ поръ заклятыми врагами Москвы: кн. Василій Ивановичь Шемячичь съ Рыльскомъ и Новгородкомъ Сфверскимъ, кн. Семенъ Ивановичъ Можайскій, сынъ пріятеля Шемяпина Ивана Андреевича Можайскаго, -съ Черниговомъ, Стародубомъ, Гомелемъ и Любечемъ. Разумфется, въ виду всего этого Московскій государь не могь остаться безучастнымь. Московскія войска вступили во влагенія Литвы, и 14 іюля 1500 года нанесли литовскимъ войскамъ полное поражение на ръчкъ Ведрошъ, близь Доробужа (въ Смоленской земль). Продолжавшаяся два года война кончилась шестильтніемъ перемиріемъ, заключеннымъ 25 марта 1503 года, при чемъ сверхъ городовъ и волостей, уступленныхъ Москвъ по договору 1494 года, Алевсандръ отступился въ пользу Москвы отъ всей верхнеокской украйны и оть Чернигово-Съверской земли (городовъ Чернигова, Стародуба, Путивля, Рыльска, Новгородка-Съверскаго, Гомеля, Любеча, Почепа, Трубчевска, Радогоща, Брянска, Мценска, Любутска, Серпейска, Мосальска), отъ значительной части Смоленской и части Витеоской земель (городовъ Дорогобужа, Білой, Торонца). Всего уступлено было Москві 19 городовъ, 70 волостей, 22 городища и 13 сель. Во время этой борьбы русское населеніе восточныхъ окраинъ Литовско-Русскаго государства обнаруживало наклонность къ отпаденію оть Литвы. Такъ, было, напр., въ Брянскі, который занять быль московскимь воеводою вследствіе прямой измёны жителей литовскому государю и перехода ихъ въ подданство въ великому внязю Московскому.

Съ тъми же явленіями встръчасмся и въ дальнъйшей борьбъ Литовско-Русскаго государства съ Москвою. Борьба эта возобновилась на другой же годъ по восшествін на великокняжескій престоль брата Александрова Сигизмунда, въ 1507 году. Ея возобновленію предшествовала присылка въ Москву челобитья отъ князя Михайла Львовича Глинскаго и отъ многихъ князей русскихъ и людей, которые держали греческій законъ, чтобы Московскій государь пожаловалъ ихъ, стать за нихъ и оборонялъ. Они сказывали, что нужда на нихъ пришла большая за греческій законъ, принуждають ихъ приступать къ римскому закону. Эти люди подъ начальствомъ Глинскаго собирались въ Бѣлоруссіи, подъ Минскомъ и Борисовомъ, для оказанія вооруженной помощії московскимъ войскамъ. Недостатокъ

средствъ и одновременныя нападенія изъ Крыма заставили литовское правительство пойдти на миръ съ Москвою, при чемъ Сигизмундъ уступилъ окончательно Москвъ города и волости, завоеванныя Иваномъ III (8 октября 1503 года).

Но уже въ концъ 1512 года московскія войска подъ личнымъ начальстволь великаго князя Василія снова вступили въ латовскіе предылы и облегли Смоленскъ. Поводомъ возобновленія непріязненныхъ дійствій быль союжь, заключенный Польшею и Литвою съ Крымомъ. Война на этоть разъ затянулась на цёлыя десять лёть. Въ 1514 году 30 іюля москвитяне взяли Смоленскъ. Московскіе лътописцы приписывають это разрушительному дъйствио московской артилиерии. Но это едва-ли такъ. По словамъ литовской летописи, смольняне сдались добровольно, по подговору внязя Михаила Глинскаго. Содъйствіе смольнянь утвержденію у нихъ носковскаго господства особенно ярко сказалось послѣ Оршинскаго пораженія московскаго войска 8 сент. 1514 г. Владыка Смоленскій Варсонофій, князья и паны смоленскіе обнаружили готовность возвратиться подъ власть Литвы и послали сказасъ Сигизмунду, чтобы онъ поскорве присылать къ нимъ вейско, а они сдадуть горедь. Но бояре и черные люди въ Смоленскъ пожелали остаться за Москвою и предупредили объ измънъ московскаго намъстника кн. Василія Шуйскаго. Шуйскій похваталь всьхъ изменниковъ посажать ихъ въ оковы и приготовился къ встрече литовскаго войска. Когда подошель къ городу гетманъ кн. Острожскій, Шуйскій, давая ему знать объ открытіп заговора, пов'єсиль на городскихъ стінахъ всіхъ изм'єнниковъ, кром'є архіерея. Тщетно посл'є того Острожскій посылать къ смольнянамъ грамоты сь ув'вщаніями предаться Сигизмунду, тщетно делаль приступь къ городу. Доброжелателей королевскихъ не существовало болбе, жители бились кръпко, и Острожскій должень быль отступить съ большимъ урономъ. Очевидно, въ награду за все это великій князь Московскій и выдаль смольнянамь грамоту на права п вольности, являющуюся подтвержденіемъ литовскаго земскаго привилея. Нодобная практика была не въ обычат Москвы по отношению къ областямъ, взятымъ силою оружія. Не смотря на страшное пораженіе, которое потерижи Московскія войска подъ Оршею, Литв'я не удалось отобрать назадъ новыя завоеванія Москвы. Въ 1522 году заключено было пятил'ьтнее перемиріе, при чемъ Смоленскъ остался въ фактическомъ обладаніи Москвы. Переговоры, начавшіеся при посредничеств'в императора Карла V въ 1526 году, опять кончились ничемъ; продолжено было только перемиріе до 25 декабря 1532, и затымь еще на годъ.

Смерть великаго внязя Василія Ивановича и неурядицы, начавшіяся посл'є того въ Москв'є, при малол'єтнемъ его преемник'є, побудили литовско-русскаго господаря сд'єлать попытку въ возвращенію того, что было захвачено Москвою. Возобновились военныя д'єтвія, которыя продолжались около четырехъ л'єтъ. Литв'є удалось воротить только Гомель и н'єкоторыя незначительныя волости на восток'є. Въ 1537 году ваключено было перемиріе на пять л'єть на основаніи statuque до 25 марта 1542 года. Это перемиріе продолжалось затімь до самой Ливонской войны. Вниманіе и силы Литовско-Русскаго государства вмісті съ Польшею отвлечены были отъ Москвы грозною Турецкою опасностью и борьбою съ Крымскими татарами.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ; Dr. Fryderyk Papée, Polska a Litwa na przełomie wieków średnich, tom I. Krakow 1903; K. Pulaski. Stosunki z Mendli-Girejem. Kraków 1881; Szkice i poszukiwania historyczne, Kraków 1887; Г. Ө. Карповъ, Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ (Чтенія въ Императ. Общ. Исторія и Древностей 1866, кн. 3 и 4); С. М. Солобъевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, кн. 1, изд. Товаращества "Общественная польза".

XXXIII.

Организація "обороны земской" при Александрі и Сигизмунді І.

Порядовъ отбыванія военной службы съ земсвихъ имѣрій въ XV вѣхѣ. Постановленіе Новгородскаго сейма 1502 года о размѣрахъ военной службы.—Сеймовыя постановленія на этотъ счетъ 1529 и 1544 годовъ.—Переписи врестьянскихъ службъ въ земскихъ имѣньяхъ.—"Уставы" противъ уклопенія отъ военной службы.—"Уставы" о власти гетмана.—Постановленія статута 1529 года объ оборонѣ земской.—Наемныя войска на службѣ Литовско-Русскаго государства; порядовъ ихъ вербовки и содержаніе.

Внъшняя борьба, въ которую вступило Литовско-Русское государство съ последняго десятилетія XV века, потребовала отъ него чрезвичайнаго напряженія всёхъ его военныхъ и матеріальныхъ рессурсовъ. Это напряжение выразилось въ целомъ ряде мерь и постановлений, имевшихъ цълью установить наиболье полное и равномърное отбывание военной повинности съ "земскихъ" имъній и вообще поднятіе боевой способности государства, а также въ рядъ мъръ и постановленій, имъвшихъ цёлью пополнение рессурсовъ государственнаго казначейства до уровня нуждъ, выдвигавшихся войною. Эти м'вры и постановленія проводились большею частью уже не простымъ распоряжениемъ господаря и пановъ рады, а ухвалами" великихъ вальныхъ сеймовъ, съ участіемъ князей, пановь и бояръ-шляхты всёхъ земель великаго княжества. Великій вальный сеймъ за это время следался частымь явленіемь, необходимымь политическимь фанторомъ въ государственномъ строительствъ великаго вилжества. Это обстоятельство въ свою очередь, какъ увидимъ, повело къ чрезвычайно важнымъ последствіямъ во внутреннемъ развитіи Литовско-Русскаго тосударства. Не опережая хода дёль, остановимь наше вниманіе прежде всего на тъхъ военныхъ и финансовыхъ мъропріятіяхъ, которыя вызваны были напряженною борьбою съ Москвою и татарами.

Въ теченіе всего XV віна военная служба, отправлявшаяся въ Литовско-Русскомъ государстві съ иміній, не была опреділена и регулиро-

вана никакимъ общимъ закономъ. Каждое имънье обязано было своею службою: одно выставлило одного ратника, другое-двухъ, трехъ и т. д., сообразно установившемуся обычаю или условіямъ пріобратенія иманья на земскую службу. Но такой порядокъ съ теченіемъ времени долженъ быль оказаться и неудобнымь, и несправедливымь. Во-первыхь, съ теченіемъ времени трудно было знать служебную старину имівній во всемъ ея разнообразін; съ другой стороны н'якоторыя им'янья возрасли въ доходности встраствие увеличения въ нихъ престыянскаго, рабочаго населения, а другія наобороть—захудали. Въ разгаръ борьбы, когда требовалось напряженіе всіху силь, и явилась потребность урегулировать военную службу съ земскихъ имъній, поставить ее на извъстныхъ, общихъ для всъхъ имъній основаніяхъ. Въ 1502 году на сейть въ Новгородкь съ прелатами и панами радными великій киязь Александръ установиль, чтобы виредь всв князья, паны, земяне и дворяне выставляли съ наждыхъ десяти служебъ крестьянъ ратника въ збров, на конв и съ древцомъ (коньемъ). Эта норма оставалась въ силъ долгое время и при Сигизмундъ I. Но въ началъ 1529 года на великомъ вальномъ сеймѣ въ Вильнѣ принята была уже другам норма: постановлено было, чтобы разникъ въ полябиъ уставномъ вооруженіч выставлялся сь каждыхъ восьми служов людей; у кого имівлось только восемь службъ, тоть обязанъ быль выбажать лично (женщиназемлевладелица - выставлять пахолка добраго); у кого крестьянь было меньше или совсёмь не было, тоть обязань быль выёзжать на войну сообразно со средствами, водив можности своее в счеть службь за одно сь врестьянами тяглыми шли слуги разныхъ наименованій, данники и службы волочныя подляшскія, какъ крестьянскія, такъ и м'ящанскія. Не шли въ счетъ бояре и мъщане владъльческие. Эта "устава" предположена была вы действію на десять лёть, после чего предполагалось, что каждый будеть служить военную службу "подле наболшее можности своее, какъ и передъ тымъ служили". Но въ концъ великокняженія Сигизмунда была издана новая устава на восемь лъть, чтобы съ девяти крестьянъ десятый отправлялся на войну, хотя "станы" на сеймъ 1544года и жаловались на обременительность этой "уставы".

Но недостаточно было установить норму военной службы съ земскихъ имѣній. Потребны были извѣстныя мѣры для того, чтобы эта норма дѣйствительно выполнялась. Здѣсь на первомь мѣсгѣ надо поставить "пописъ" земскихъ имѣній, т.-е. констатированіе количества крестьянскихъ службъ и, въ зависимости отъ этого, —числа ратниковъ съ каждаго имѣнья. На сеймѣ 1507 года было опредѣлено, чтобы всѣ паны, княжата, земяне, вдовы и вся шлихта переписали своихъ людей и списки отдали господарю подъ присягою, что ничего не утаили, чтобы господарь могъ точно знать, кто какъ долженъ служить. Въ 1528 году сеймъ принялъ другой порядокъ "пописа". Для этого въ каждомъ повѣтѣ дершавца долженъ быль выбрать двухъ земянъ, "годныхъ вѣры", которые вмѣстѣ съ дьякомъ должны были объѣхатъ всѣ имѣньи, переписать ихъ владѣльцевъ и отобрать у нихъ подъ присягою показанія относительно количества людей въ ихъ имѣнь-

яхъ, ихъ воловыхъ и конскихъ сохъ и вообще относительно "маемости" каждаго человека. Державцы вмёстё съ земянами и дьяками должны были представить реестры попису воевод'в или главному старост'в (напр., на Жмуди) и принести присяту вь томъ, что производили опись добросовъстно, никого и ничего не утанли. Для переписи людей въ господарскихъ имфиьяхъ разосланы были особые переписчики изъ центра. Результатомъ этой переписи быль реестръ князей, пановъ, земянь и бояръ-шляхты великаго княжества Литовскаго и техъ "почтовъ", съ которыми они должны были вывзжать на войну. Это тоть самый реестрь, который такъ много послужиль делу консолидаціи шляхетскаго сословія, стать своего рода дворянскою книгою въ Лиговско-Русскомъ государствъ. Какъ чисто военный реестръ, онъ, конечно, могъ имъть только временное, преходящее значеніе. Уже на Вилекскомъ сеймъ 1532 года "станы" заявляли, что они не могуть выблжать на войну съ тъмъ "почтомъ", который установленъ за ними на основаніи произведенняго "пописа" ихъ иміній, такъ какъ "мало не половицу того почту отмерло". Сигизмундъ отказаль на просьбу объ облегчени, на томъ основании, что землевладъльцу, у котораго умеръ подданный, достается "домъ и вси статки его и земля и вси пожитки". Но разумъется, и этотъ отказъ не могь повторяться безконечно, и реестръ 1528 года рано или поздно долженъ былъ замъниться другимъ. Переписи имъній производились періодически сборщиками серебщины, опредъляемой на сеймахъ также съ крестьянскихъ "служебъ" или "сохъ, " и этими переписями, очевидно, руководились и гетманы, когда производили смотръ собравшимся ратникамь.

Одновременно съ "пописами" земскихъ имѣній на сеймахъ вырабатывались строгія "уставы" противъ уклоненія землевладёльцевъ отъ военной службы и противъ неаккуратности въ службъ. На сеймъ 1507 года было постановлено, что неявившійся къ сроку въ сборный пункть войска подвергается штрафу въ 100 руб.; кто не выбдеть недълю спустя, падбючися на богатство свое и упоромъ своимъ", тогъ "шыю тратитъ"; кто убдеть съ войны безъ разръшенія, наказывается смертію. На сеймъ 1514 года постановлено было карать "шісю и им'вный тіхь, кто не посиветь къ сроку на военную службу. Практика убъдила въ нецълесообразности этого закона, и на Городенскомъ сеймъ 1522 года было опредълено наказывать отнятіемъ имънья всьхъ тъхъ, кто не явится къ сроку на положенное мъсто, конно и збройно, или кто, заявившись передъ гетманомъ и записавшись въ его реестръ, потомъ самовольно убдеть домой или отошлеть часть своихъ слугъ, а самъ останется "у маломъ почте"; имънья таковыхъ лицъ постановлено отдавать темъ отличившимся лицамъ, за кого будеть ходавайствовать нанъ гетмань. Кром'в этихъ "уставъ", вырабатывались "уставы" о правахъ и обязанностяхъ гетмана въ отношенін къ ратнымъ людямъ. Такія "уставы" были изданы на Минскомъ сейм'в 1507 года, на Берестейскомъ 1511 года и 1516 года. Всв воеводы, князья, паны, старосты, наместники-державцы и тивуны, дворяне и все рыцарство-шляхта должны были слушаться гетмана, какъ самого господаря; упорныхъ и непослушныхъ гетманъ имѣлъ

право карать, смотря по "выступу" "везеньемъ або шією"; о всёхъ отличившихся долженъ быль представлять господарю. Гетманъ, какъ уже было сказано въ своемъ мѣсгѣ, составлялъ реестръ явившимся на войну къ сроку и остававшимся на войнъ до роспуска войска. Онъ слѣдилъ за соблюденіемъ ратными людьми военной дисциплины, наказывалъ за ея нарушенія, судилъ ратныхъ людей въ ихъ взаимныхъ обидахъ и налагалъ взысканія, опредѣленныя въ "уставъв". Всѣ эти постановленія были обобщены, распространены и дополнены въ раздѣлѣ второмъ Статута 1529 года. Напряженная борьба, которая велась въ то время, такимъ образомъ, вызвала цѣлое систематическое законодательство о размѣрахъ военной службы съ земскихъ имѣній, о порядкѣ мобилизаціи, о взысваніяхъ за уклоненіе пли ненсправное отбываніе воинской службы, за нарушеніе военной дисциплины и т. д.

Это законодательство имкло своею цклью напвозможно полное использованіе военных силь, шедшихь съ земсьяхь иміній великаго княжества. Но этихъ силъ уже стало недостаточно для успъщнаго веденія наступательной и особенно оборонительной войны. Въ то время въ Польшъ и въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ пользовались услугами наемныхъ войскъ. Люди, посвящавшие себя военному ремеслу, солдатской профессін, оказывались въ битвахъ болье искусними и стойкими, чемъ рыпарская, дворянская, или городская милиція. При томъ же съ этою милицією трудно было оперировать во всёхъ, сколько-нибудь продолжительныхъ и затягивавшихся войнахъ. На западъ, какъ извъстно, существовали прямые сроки, по истеченій которыхъ рыцари могли убхать сь войны. Въ Польшь такихъ сроковь не было, но собиравшиеся на войну шляхтичи не ръдко разъъзжались по домами по необходимости, вслъдствие истощенія пригезенных пот дома събстных и боевих принасовь и денегь, или просто для свиданья съ семьями. Такъ же обстояло дъло и на Литвъ. Все это въ общей сложности заставило и литовско-русское правительство прибъгнуть къ вербовкъ наемныхъ "служебныхъ" уже при Казимиръ п Александръ. Жолиеровъ (Söldner) цънили не столько за количество, сколько за ихъ качество, за то моральное дъйствіе, которое они оказывали въ битвахъ своихъ искусствомъ и стойкостью на остальное войско. Пеэтому, отправляя своего посла въ Польшу въ марть 1493 года съ просьбою о помощи противъ Москвы, великій князь Александръ наказываль ему войдти въ переговоръ съ ротмистрами, т.-е. офицерами-профессіоналистами, которые собирали и нанимали на службу военныхъ людей по порученіямъ правительствъ, и на первыхъ порахі привести хотя бы 300 жолнеровъ. Какъ важно было ихъ участіе въ бою, показала Ведрошская битва, въ которой сражалось одно только земское ополчение великаго княжества: вь этой битв' литовцы были разбиты на голову, много людей было побито, много побрано въ пленъ. Недостатокъ стойкости обнаружился и въ другихъ пораженіяхъ, испытанныхъ въ томъ же году литовскими войсками, напр., подъ Мстиславлемъ. Послъ этихъ пораженій Александръ навербоваль для продолженія войны множество служебныхь въ Польшь, Моравіи

и Силезін за дорогую цену. Хотя эти служебные на первыхъ порахъ и не принесли той пользы, какая оть нихъ ожидалась, и только починили грабежи и опустошенія литовскимъ жителямъ, темъ не менфе Александръ не разочаровался вы нихъ, и въ последующее время мы видимъ у него на служов этихъ жолнеровъ. Въ походъ на мосивитинъ въ 1502 году служебные составили авангардь литовской армін. Вь то же время они были разставлены на пограничныхъ замкахъ, напр., въ Полодкъ и Смоленскъ, н оставались тамъ и по окончаніи войны съ Москвою, на всякій случай. Преемникъ Александра Сигизмундъ въ первой войнъ съ Москвою держалъ 5000 служебныхъ подъ начальствомъ Фирлея. Источники упоминають о служебныхъ, нанимавшихся и во время второй войны съ Москвою какъ для действія противъ москвитянь, такь и для охраны украинныхь замковъ. Число этихъ служебныхъ по даннымъ источниковъ лоходиле до 5000 человъкъ; на одной южной украйнъ содержалось ежегодно 2-3 тысячи человекъ. Всемъ этимъ служебнымь платилось жалованье по четвертямь года-конному 10 золотыхъ, пѣшему 5-6 или около того. Ротмистры к поручении (помощники ротмистровъ) получали за свои труды по вербовиъ н командованію усиленное вознагражденіе (ротмистры, напр., по 10 золотыхъ за каждые 30 человыть служебныхъ). Принимая во вниманіе, что золотой равилися 30 грошамъ, а покупная сила тогдашняго гроша равиялась приблизительно нынфшней полтинф, получаемъ огромныя суммы отъ 11/2 до 3 мил. рублей, которыя приходилось расходовать великому княжеству спеціально на насмъ служебныхъ.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-русскій сеймь.

XXXIV.

Финансовыя міропріятія въ эпоху борьбы съ Москвою и татарами при Александрі и Сигизмундії І.

"Заставы" господарскихъ имѣній.—Чрезвичайныя подати по опредѣленію сеймовъ—серебщины и поголовщины.—Уставы 1514 и 1529 годовь державцамь дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ и Жмудской земли; тенденція къ оброчной системѣ повинностей. Учрежденіе писарей-контролеровъ и инструкторовъ по управленію доменами.—Осада мѣстъ и сель на волокахъ и чиншѣ.—Распространеніе магдебургскаго и хельмскаго права въ городахъ.—Погоня за "готовизною", какъ движущая сила всѣхъ этихъ реформъ.

Текущихъ поступленій на уплату жалованья служебнымъ не хватало. Подъ давленіемъ неотложной нужды литовско-русскій господарь сталь обращаться къ займамъ у своихъ князей и пановъ подъ залотъ своихъ имѣній. Ссужавшіе его деньгами паны получали въ "заставу" господарскія имѣнья либо "въ суммѣ пенязей", съ правомъ брать съ нихъ въ свою пользу не только обычные нам'єстничьи доходы, но и господарскіе, ціликомъ или частью, въ уплату процентовъ, или "на выбиранье пенажа", т. е. въ уплату процентовъ и погашеніе долга. Къ такей операціи прибіть уже великій князь Александръ, въ конців своего великокняжевім позаложившій не мало своихъ господарскихъ имівній. Не въ особеннести широко использоваль эти рессурсы братъ его Сигнамундъ послів валія Смоленска москвитянами, въ 1515, 1516, 1518 и 1519 годахъ. Къ 1522 году почти всв господарскія имівнья и мыта "въ долзівхъ зашли". "Застава" нмівній и мытъ, конечно, выручали литовско-русское правительство въ критическія минуты, но они вмісті съ тімъ сокращали притокъ обычнихъ поступленій въ скаробь и грозили въ конців концовъ совершеннямъ прекращеніемъ этихъ поступленій. Значитъ, надо было изыскивать какія-нибудь новыя средства для удовлетворенія государственняхъ пуждъ, и средства эти найдены были въ чрезвычайныхъ податяхъ, которыми стали облагать себя всів землевладільцы великаго княжества Литовскаго.

Къ этому средству прибыть уже король Казимирь: въ 1473 году сеймь, собиравшійся въ Вильну, опреджиних дать ему субсидію со всёхь земель великаго княжестра по 6 пражскихъ грошей съ плуга. Это средство водсказано было литовско-русскому господарю и хорошо знакомою ему плактикою Польши, и самою логикою вещей. Въ Польше уже давно, со времени освобожденія шляхетских вижній оть платежа податей (кромь двухь прошей съ лана въ знакъ подланства) правительство обращалосъ къ шляхгъ на сеймахъ за денежными субсидіями на государственныя нужды. Литовскіе князья, паны, земяне и бояре шляхта съ 1447 года были тажже освобождены отъ платежа въ скарбъ постоянной серебщини съ събяхъ людей. Естественно поэтому, что рано или поздно и литовско-русскій господарь должень быль обратиться къ нимъ съ приглашениемъ нести матеріальныя жертвы на алгарь отечества. При Казимиръ, по всьмь даннимь, субсидія была опреділена панами-радою на литовскомъ сеймів. Но вогда началась напряженная борьба съ Москвою, немыслимо стало решать подобные вопросы безъ участія князей и бояръ изъ земель-аннелесьь великаго княжества. И безъ того эти князья и болре были недорозыны Литвою, пропагандировавшею церковную унію, и безъ того обнаруживали по временамъ шатость и стремленія въ отпаденію оть Литвы. Привлечь ихъ къ жертвамъ для государства, и при томъ тяжелымъ, легче всего, •ковечно, было, войдя съ ними въ переговоры, заручившись ихъ добровольнымь согласіемь. Поэтому съ самаго начала великокняженія Сигизмунда для "ухвалы" серебщины собираются великіе вальные сеймы съ участіемъ князей, пановъ, земянъ и бояръ-шляхты всёхъ земель великаго княжества.

Первая серебщина была опредѣлена на великомъ "соймѣ" 1507 года. Литовское правительство готовилось къ войнѣ съ Москвою и найму "служебныхъ". Между тѣмъ оставались еще долги отъ великаго князя Александра, который умеръ, не расплатившись со "служебными". Князъ-бискунъ и паны-рада, воеводы и княжата, земяне, вдовы и вся шляхта, собравшісся

на сеймь вь Вильнь "зволили" дать господарю серебщину съ своихъ людей за текущій годъ съ воловой сохи по 6 грошей, съ конской по 3; съ техъ, кто не имель ни воловь, ни кличь, но держаль землю, также по 3 гроша. Въ 1514 году, когда возобновилась война съ Москвою, великій вальный сейми въ Вильиъ постановиль начить семь тысичъ польскихъ жолнеровъ, а для уплаты имъ заслованья дать поголовщину въ размъръ одного гроша съ крестъянъ обоихъ половъ и всехъ возрастовъ, двухъ грошей съ бояръ и золотого съ урядниковъ и сановниковъ государства. Серебщина для уплаты жалованья служебнымь опредълялась затьмъ на Виленскомъ сеймъ 1516 года. На Берестейскомъ сеймъ 1518 и начала 1519 года опредблялась снова поголовщина не только въ срединныхъ, но и въ окраинныхъ областяхъ. Каждый панъ и каждый урядникъ долженъ быль дать сь головы своей, жены и детей по золотому, т. е. по 30 грошей, каждый шляхтичь — по 2 гроша; простые люди—по грошу. Въ 1520 году въ военномъ станъ подъ Минскомъ рыцарство-шляхта согласилось дать серебщину съ своихъ людей, за исключениемь Жмудской земли, воторая отказалась сделать, "выламываючи своими правы". Въ 1522 году на сеймахъ въ Городиъ и Вильит на все великое кинжество, не исключан и украинныхъ земель, была положена новая серебщина. Всв землевладыльцы вакь светскіе, такъ и духовные должны были отъ каждой сохи воловой дать 15 грошей, оть конской—вдвое меньше, оть людей, не выбющихъ сохъ, но держащихъ землю, 6 грошей, оть огородниковъ 3 гроша. Новая серебщина была положена на сеймь 1524 года и затычь на сеймь 1528 года. Последняя серебщина была наложена частью на уплату длужебнымь", частью на выкупъ "засгавленныхъ" господарскихъ именій. Размъръ ся быль опредъленъ въ 11 грошей и 2¹/2 пенязей со службы, или полторы копы грошей (90), съ каждыхъ восьми служебъ, выставляющихъ одного коннаго ратника на войну. Шляхтичи, не имъвшіе людей, ничего не платили, ибо вообще съ барской запашки ("съ домовыхъ сохъ") не взималось никакихъ налоговъ. Обложенію подвергнуты были и всь господарскія м'еста. На важдое м'есто была наложена определенная сумма, которую оно должно было внести въ скарбъ; раскладка же внутри мъста была уже деломь местных властей. Все еврен, жившее въ господарскихъ мъсгахъ, - Троцкіе, Городенскіе, Пинскіе, Берестейскіе, Кобринскіе, Клецкіе, Луцкіе, Владимірскіе и Новгородскіе должны были все вместь внести вь скаров 1000 копъ грошей, разложивь эти деньги "сами на себя, якъ въдаючи, водтъ можности кождого". Всего предложено было собрать 7000 копъ грошей. Но такъ какъ этихъ денегъ не было собрано, то въ октябръ 1529 года положена была новая серебщина, дополнительная, въ размъръ 2 грошей съ каждой службы людей. Предъ началомъ трегьей войны съ Москвою, на сеймъ 1534 года, была "ухвалена" серебщина на три года со всёхъ подданныхъ господаря, королевы, княжескихъ, панскихъ и земянскихъ: съ каждаго рабочаго вола 12 грошей, съ коня 6 грошей; съ того, кто имъть одну землю, но не имъть ни коней, ни воловъ, также 6 грошей; съ огородниковъ 3 гроша; на мъста господарскія серебщина была

положена общею суммою. Въ 1538 году на содержаніе "служебныхъ" на украинныхъ замкахъ паны-рада, княжата, панята и земяне, бывщіе на сеймъ въ Новгородь, "зволили" дать илать съ своихъ людей по 20 грошей "съ коня", т. е. съ каждыхъ восьми служебъ, которые выставляли одного коннаго ратника. Въ 1540 году Виленскій сеймъ "ухвалилъ" новую серебщину со всъхъ подланныхъ господарскихъ, княжескихъ, панскихъ, боярскихъ, кромъ слугь путныхъ, бояръ и слугь бояръ ихъ, на три года въ такомъ размъръ ето пашете одною сохою на двухъ волахъ или клячахъ должень дать 12 грошей; кто нашеть одною сохою на одномъ волъ или клячъ—шесть грошей; у кого нътъ воловъ или клячъ, а есть только земля, съ земли месть грошей; у кого есть только огороды, и нътъ ни скота, ни другой земли, три гроша; "воляне" которые "ново" осъли, но пашню уже запахали и хлъбъ съ своей земли ѣли, платятъ по общему правилу; тъ же изъ нихъ, которые еще пе ъли хлъба съ пашни своей, не должны платить ничего.

Изъ приведежныхъ данныхъ видно, что серебщина съ владѣльческихъ врестьянь, имѣвшал первонанально значеніе чрезвычайной подати, субсидін господарскому скарбу въ трудныя минуты государства, превратилась въ разсматриваемое время почти въ постольную подать, опредѣлаемую на сеймахъ. Трудное время, переживавшееся Лиговско-Русскимъ государствомъ, лишию землевладѣльцевъ великаго княжества матеріальныхъ благодѣяній привплея 1447 года. Но при всемъ томъ вся политико-юридическая цѣнность этого акта осталась въ силѣ. Серебщина даже въ качествѣ обычной подати осталась субсидіею, которая давалась господарю "станами" сейма добровольно, по крайней мѣрѣ въ идеѣ. Необходимость полученія этой субсидіи обусловила частые, черезъ годъ—два—три, а по временамъ и ежегодные созывы сеймовъ, что, какъ увидимъ ниже, должно было направить внутреннее развитіе Литовско-Русскаго государства въ томъ же направленіи, въ какомъ оно совершалось и въ Польшѣ.

Подъ давленіемъ хронической финансовой нужды литовско-русское правительство въ разсматриваемое время делало некоторыя попытки къ увеличенію поступленій въ господарскій скаров путемь улучшенія хозяйства и обложенія въ господарскихъ доменахъ, улучшенія порядка сборовь и усиленія контроля за ними. Первая крупная попытка въ этомъ направленіи была сделана въ 1514 году. Въ этомъ году разослана была "устава", т. е. инструкція державцамъ дворовъ Впленскаго и Троцкаго повітовъ. "Устава" предписывала державцамъ всв лишнія тяглыя и спеціальныя службы крестьянъ осадить "на пенязѣхъ", т. е. перевести на оброкъ. Это дълалось частью подъ давленіемъ нужды въ "готовизнъ", частью потому, что надельная повинность и натуральная подать легче ускользали оть контроля, чёмъ оброчное обложение. Вообще вся устава проникнута тенденцією сократить по возможности натуральное хозяйство въ господарскихъ доменахъ и замфинть его сборомъ денежныхъ оброковъ съ крестынъ. Кромв того дустава" стремилась точно определить, что съ господарскаго хозяйства долженъ быль получать державца, что должно было идти госно-

дарю. Въ 1529 году, когда долженъ былъ совершиться выкунъ "заставленныхъ господарскихъ имъній, и они снова переходили въ распоряженіе великокняжеской администраціи, издана была новая "устава" державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повътовъ и "устава" державцамъ н тивунамъ Жмудской земли. Въ этихъ "усгавахъ" оброчиая тенденція выступила еще ръзче и опредълените, чъмъ въ уставъ 1514 года, а господарскіе доходы и нам'ястничьи перечислены съ большею полнотою п обстоятельностью, охватывая не только села, но и мъста державъ. Для нандучшаго контроля и руководства державцевь учреждены были писари дворовъ Виленскаго повъта, Троцкаго, Жмудской земли и Поднъпрскихъ волостей. Эти писари два раза въ годъ должны были объёзжать господарскія держави и волости и брать "личбу", т. е. учитывать державцевъ и тивуновъ. Кромв того, имъ поручалось иногда собирать "капицинные" или "корчомные пенязи" въ господарскихъ волостяхъ, а въ Подпенрскихъ волостяхъ "недополнки" даней, которыя мъстные даначки вносили въ скарбъ либо черезъ руки намъстриковъ-державцегъ, либо черезъ руки своихъ "старцевъ". Писари не ограничивались, впрочемъ, принятіемъ "личбы" и сборомъ денегь, но вмъшивались въ управление и по существу, не только "пописывали", но и устанавливали вновь господарскіе пожитки, ръшали вопросы о повинностяхъ крестьянъ и т. под. Такъ подъ вліяніемь растущихъ нуждъ государства совершенствовалось и формировалось управление государственными имуществами великаго княжества и изивнялась финансовая практика.

Тенденція вь оброчной систем'в повинностей проявилась также и въ сфер'в колонизаціонной политики литовско-русскаго правительства. Осаживая пустыя земли на Подіяшь'в, въ Берестейской области, въ западныхъ частяхъ Волыни и на Пол'єсь'в, литовско-русское правительство изм'рряло эти земли на волоки и сажало колонистовъ на чиншъ, который зам'внялъ литовскія тяглыя службы и натуральныя даня цізикомь или въ большей части. М'єста и села, возникавшія на запад'в на "сыромъ корени", вновь, большею частью устраивались на н'ємецкомъ прав'в. Конечно, много туть значиль прим'єрь, вліяніе сос'єдней Польши, но путь этому прим'єру, этому вліянію облегчала усиленная погоня Литовскаго правительства за готовымъ грошемъ.

Эта же погоня несомпънно вліяла и на дарованіе по польскому примъру литовско-русскимъ городамъ "майтборскаго" или "хелминскаго" права. Изслъдователями отмъчено, что широкая раздача привилегій на магдебургское право началась какъ разъ въ разгаръ борьбы съ Московскимъ государствомъ, съ послъдняго пятильтія XV въка. Лихорадочная раздача этихъ привилегій, носящая характеръ какой-то моды, увлеченія, заставляетъ видъть здъсь не столько органическую реформу, подготовленную внутреннимъ развитіемъ литовско-русской городской жизни, сколько чисто внъшнюю, финансовую мъру.

Н'вкоторыми изсл'єдователями вс'є эти явленія ставятся въ связь съ развитіемъ денежнаго хозяйства на Литв'є и западной Руси. Конечно, нельзя отрицать въ данномъ случав значенія прилива драгоцвиныхъ металловъ, увеличенія денегь въ народномъ оборотв. Но при всемъ томъ тенденція къ замвив издвльныхъ повинностей и натуральныхъ податей денежною, шла несомъвано впереди совершавшейся эволюціи въ народно-холяйственной жизни. Эта тенденція вызвана была и полдерживалась потребностями международной борьбы, въ которую втяпуто было Литовско-Русское государство. Эта борьба заставляла правительство этого государства вытягивать изъ населенія "готовизну", т. е. деньги, во что бы то ин стало, не считалсь съ твмъ, увеличилось или нвть количество этой "готовизни" у населенія. Въ данномъ случав практика литовско-русскаго правительства была совершенно та же, что и практика Петра Великаго въ эпоху Съверной войны. И Петръ вводилъ своего рода поголовщину и серебщину въ своихъ чрезвычайныхъ сборахъ; и Петръ лихорадочно защилъ деньги изъ всёхъ карманосъ, лихорадочно улучшалъ управленіе и вводилъ городское самоуправленіе.

Литература.

М. Любавскій, Дитовско-русскій сеймь; М. В. Довнарт-Запольскій, Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ, т. І.

XXXV.

Великій вальный сеймъ при Сигизмундѣ I; начало политическаго возвышенія шляхты.

Привлеченіе шляхты къ сеймованію и организація ея представительства; отступленія отъ принципа представительства. — Составъ великаго вельнаго сейма къ концу великокняженія Сигизмунда І. — Избраніе госполаря и постановленіе уній, какъ первоначальная компетенція литовско-русскаго сейма. — Расширеніе ея постановленіями о начатій войны, о размѣрахъ военной службы съ имѣній и о сборѣ серебщины при Сигизмундѣ І. — Участіе сейма въ законодагельствѣ; изданіе статута 1529 г. — Преобладающая роль литовско-русской аристократіи на сеймахъ при Сигизмундѣ І. — Политическое воспитаніе шляхты и пробужденіе въ ней самостоятельныхъ стремленій къ концу правленія Сигизмунда І; требованія выборнаго суда и другихъ гарантій правосудія.

Напряженная борьба съ Москвою и татарами оказала решительное вліяніе на расширеніе состава и деятельности великаго вальнаго сейма Литовско-Русскаго государства. Этоть сеймь, вошедшій въ государственную практику великаго княжества при Казимире, составлялся, какъ мы уже видели, изъ пановъ радныхъ, "значнейшей" литовской пляхты и "старшихъ", т. е. князей и пановъ областей-аннексовъ. Но такъ продолжалось до техъ поръ, пока великій вальный сеймъ решалъ только политическіе вопросы, касавшіеся уній и избранія господарей. Но уже съ самаго начала великокняженія Сигизмунда великіе вальные сеймы стали созываться для решенія такихъ вопросовъ, которые прямо и непосредственно затрогивали

матеріальные интересы шляхты, какъ обложеніе земскихъ имѣній серебщиною на военныя нужды и установленіе размѣровъ военной службы съ этихъ имѣній. Обходить рядовую шляхту въ рѣшеніи такихъ вопросовъ, какъ уже сказано, было неудобно какъ по юридическимъ соображеніямъ, въ виду привилея 1447 года, такъ и по политическимъ, въ виду національно-религіознаго тяготѣнія русскихъ областей къ Москвѣ. Поэтому на великіе вальные сеймы при Сигизмундѣ І стала созываться не только литовско-русская аристократія, но и рядовая шляхта всѣхъ земель великаго княжества.

Сначала пляхта приглашалась поголовно. Представительства отъ нея не было, и пріважали всв, вто хотвль и пивль возможность или надобность до господаря. Воть почему и на Виленскомъ сеймь 1507 года имъть мьсто такой случай: присутствовавшие въ случайномъ составь жмудские бояре не рышились дать своего согласія на сборь серебщини, такъ какъ на сеймъ не было ни кого изъ ихъ "старшихъ". Поголовчимъ же привлеченіемь на сеймь шляхты объясняется и тоть факть, что начавшаяся мобилизація разстронла сов'єщанія Берестейскаго сейма 1511 года. Испытанныя неудобства отъ поголовнаго привлеченія пляхты на сеймы новели къ организаціи представительства отъ шляхты. Задумавъ собрать въ 1512 году новый сеймъ въ Вильнъ для ръшенія вопросовъ, не оконченныхъ на Берестейскомъ сеймъ 1511 тода, Сигизмундъ распорядился, чтобы державцы собради шляхту въ своихъ повътахъ и предложили ей выбрать двоихъ представителей на сеймъ, давши имъ "зуполную моцъ". Съ того времени избраніе шляхетскихь пословь входить вь обычай и окончательно усганавливается въ сеймовой практикъ. Выборы производились подъ руководствомъ мъстныхъ державцевъ, а иногда хоружихъ, которые обычно также прівзжали на сейми. Однако, не смотря на организацію правильнаго представительства, шляхть не возбранялось присутствовать на сеймахъ и лично. Всявдствіе этого ніжоторые сеймы, какъ напр., Берестейскій 1515-1516 г. и Берестейскій 1544 года отличались большимь многолюдствомъ. Господарь на сеймахъ решалъ множество текущихъ дель, выдаваль пожалованья на имьнья, производиль суды и т. д. Поэтому на сеймы многіе шляхтичи пріважали по личнымъ дъламъ и также принимали, по всемъ даннымъ, участіе въ запятіяхъ сеймовъ. Шляхта участвовала viritim на техъ сеймахъ, которые составлялись вы военномы лагеры во время сборовы земскаго ополченья великаго каяжества Литовскаго. Таковы были, напр., сеймы подъ Минскомъ въ 1507, 1520 и 1521 годахъ и подъ Новгородкомъ въ 1538 году.

Въ концъ концовъ въ великокняжение Сигизмунда установился такой составъ великаго вальнаго сейма: паны-рада, урядники (старости, державцы, тивуны, хоружие), княжата и панята и рыцарство-шляхта всъхъ земель великаго княжества Литовскаго. Сверхъ князей и пановъ, состоявшихъ въ различныхъ должностяхъ и званіяхъ и по нимъ имъвшихъ мъсто на сеймъ, туда вызывались лично князья Слуцкій и Дубровицкій, всъ князья Друцкіе, Лукомскіе, Свирскіе, Гедройтскіе, Сангушковичи, Збаражскіе, Заславскіе, Корецкіе, паны Хребтовичи, Кухмистровичи, Довойны, Сологубовичи, Зеновьевичи и другіе. Все это были лица старинныхъ княжескихъ и панскихъ

фамилій, предки которых участвовали еще на сеймах временъ Витовта и Свидригайла, въ большинствъ крупные землевладъльцы, даже паны хоруговные, выводившіе свои "почту" подъ собственными хоругвами. По отношенію къ этимъ фамиліямъ, пока ихъ не постигало окончательное захуданіе, держалась извъстная традиція, признававшая ихъ станами, "сойму належачими". Вызывались на сеймы и православные епископы съ митрополитомъ во главъ, какъ владъльцы имъній, съ которыхъ ила земсвая служба. Въ общемъ можно сказать, что при Сигизмундъ I составъ литовско-русскаго вальнаго сейма опредълися въ полномъ объемъ. Позднъйшія реформы воснулись только организаціи шляхетскаго представительства, но не коснулись самыхъ элементовъ, изъ которыхъ слагался сеймъ, если не считать введеніе на сеймъ Виленскихъ бурмистровъ съ совъщательнымъ голосомъ по вопросамъ, относившимся до Виленскаго мѣста.

При Сигизмундъ же на практикъ и частью въ теоріи намътилась и та компетенція великаго вальнаго сейма, которая нашла себф юридическое, хотя и не полное, выражение въ Лиговскомъ статуть 1566 года. Ко времени Сигнамунда I компетенція вальнаго сейма опредалилась въ двухъ вопросахъ: въ избраніи господаря и заключеніи уній съ Польшею. Когда предстояло избрание Александра, паны-рада сочли нужнымь обратиться съ циркулярнымъ приглашеніемъ на сеймъ въ князьямъ, панамъ и земянамъ всёхъ земель великаго княжества, въ когоромъ указывали, что они были завсегда "за одинъ посполу" съ великимъ княжествомъ Лиговскимъ, и выражали надежду, что и на этогъ разъ они будуть также "посполу" съ веливимь княжествомъ и сообща съ нямь выберуть одного изъ сыновей покойнаго короля. Значить, паны-рада признавали за землевладъльцами земельанненсовт прямое право участвовать въ избраніи господари. Такое же право признавали они за ними и въ ръшеніи вопроса объ уніи. На этомъ основаніи они отвазали полякамь въ ратификаціи договора объ уніи, заключеннаго въ 1501 году: на это де не соглашаются нѣкоторыя земли, "которыи жь прислухають къ великому князьству". При Спгизмундъ эти выяснившіяся права оставались въ сп. в, и общегосударственному сейму, какъ и ранбе, приходилось избирать господари и выступать въ качествъ договаривающейся стороны въ переговорахъ объ унін съ Польшею. Спгизмундъ Августь избрань быль преемникомь своему отцу на великомъ Виленскомъ сеймь 1522 года, а на великомъ Виленскомъ сеймь 1529 года быль уже возведенъ на великое княжение "за вольнымъ обраньемъ тыхъ же всихъ становъ и обывателей великаго князьства", по позднъйшему сознанію самого Спгизмунда-Августа. Переговоры о подтвержденій уній велись на вальномъ Берестейскомъ сеймъ 1511 года, на вальныхъ сеймахъ Виленскихъ 1512, 1514 и 1532 годовъ, и если это подтверждение не состоялось, то только потому, что Сигизмунду и полякамъ не удалось взять "порозумене" съ панами-радою великаго княжества, съ княжатами, панятамя и со всеми землями, которыя "привлащони" къ великому княжеству.

При Сигизмундѣ на вальныхъ сеймахъ стали рѣшаться вопросы о войнѣ. Такъ, на Виленскомъ сеймѣ 1514 года было рѣшено продолжать

войну съ Москвою; подобное же рѣшеніе состоялось и на Виленскомъ сеймѣ 1516 года. Точно такъ же и въ 1534 году рѣшеніе о начатіи войны съ Москвою состоялось на вальномъ Виленскомъ сеймѣ. Можно сказать, что за великимъ вальнымъ сеймомъ стало уже признаваться извѣстное право въ этомъ отношеніи. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что война съ Волошскимъ воеводою въ 1532 году не состоялась потому, что ея не захотілю шляхта-рыцарство, собранное на великомъ Виленскомъ сеймѣ.

Расширевіе компетенцій великаго вальнаго сейма въ этомъ направленіп было историческою необходимостью. Войны для литовского правительства въ XVI в. были уже почти немыслимы безъ наложенія экстраординарныхъ военных тягостей на землевладильневы великаго княжества, безы денежныхы субсидій съ ихъ стороны. Поэтому правительство и старалось заручиться предварительнымъ согласіемъ ихъ на начатіе или продолженіе войны, чтобы темь легче получить оть нихъ и самую субсидію или согласіе на более тяжелое обложение военною повинностью въ натуръ. Большая часть веливахт вальных сеймовъ въ великокняжение Сигизмунда созывалась именно сь этою последнею целью. "Ухвала" военных уставь и серебщины изъ области практики перешла въ право, признана была законимъ порядкомъ. Сигизмундь въ своей грамот 1528 года, изданной по поводу выкупа господарскихъ имъній изъ "заставы", торжественно призналь, что онъ не можеть, не нарушая законовъ, облагать серебщиною военнослужилыхъ землевладъльцевъ великаго княжества безъ ихъ воли и согласія; но эта воля и согласіе, конечно, могли быть получены только на сеймахъ. Статуть 1529 г. мимоходомъ призналь деломъ великаго вальнаго сейма и определение размёровь военной службы съ земскихъ вмёній. Первый артикуль II раздёла этого статута гласить, что каждый владьющій земскимь имьньемь должень служить съ него и выправлять на войну ратниковъ "подле уфалы земское". Станы сейма признавали за собою это право и дорожили имъ. Поэтому, когда господарь уже послѣ изданія статута 1529 года сталь отступать отъ установившагося порядка и опредёлять размёры военной службы по совъту только съ панами-радою, станы сейма, собравшагося въ Берестьъ въ 1544 году, не преминули сделать господарю по этому поводу представленіе. Они заявили, что и при предкахъ Сигизмунда, и при немъ самомъ оборона устанавливалась не иначе, какъ на вальномъ сеймѣ, при участіп вняжать, панять, старость, хоружихъ и шляхты, "съ которыхъ призволеньемь и радою завжды оборона была доконывана". Поэтому они просили, чтобы и на будущее время соблюдался тоть же порядокъ. Хотя господарь даль суровую отповёдь на эту просьбу, какъ на неумёстное будто бы притязаніе, но туть же косвенно призналь за станами сейма то право, на которое они претендовали, заявивь, что оставляеть въ силѣ свое прежнее ръшение объ отправлении на войну съ девяти человъкъ десятаго, "на што вжо сами есте зволили". Позже постановленія объ оборонъ земской дълались не иначе, какъ въ форм'в земскихъ "ухвалъ". Статутъ 1566 года уже устраниль всякія недоразумёнія и неясности въ этомъ отношеніи, опредёливъ, что господарь съ панами-радою не имеютъ "мочи" одни, безъ вальнаго сейма, устанавливать оборону земскую, налагать серебщину или какой либо люплать".

Изданіе военныхъ "уставъ" в наложеніе серебщины были видами частного законодательства, составлявшаго компетенцію великаго вольнаго сейма. Отсюда уже быль одинь шагь кь расширению компетенцін сейма и въ сферъ общаго законодательства. Одновременно съ опредълениями относительно количества ратныхъ людей, которые должны были выставляться съ земскихъ въдній, на великихъ ральныхъ сеймахъ стали вырабатываться постаповленія общаго характера о наказаніяхъ за неявку, опозданіе и другія неисправности по военной службь, о правахь и обязанностяхь гетмана и т. д. Господарь и паны-рада стали вносить на разсмотрение становъ сейма и другіе важные вопросы законодательства, которые и стали різнаться ухвалою сейма. Такимъ образомъ, напр., Городенскій сеймъ 1522 года ухвалиль" вонфискацію иміній за неправильный захвать господарскихь земель; на Виленскомь сейм'в 1529 года установлень быль ежегодный судовый сейчъ пановъ-рады для разбора неръшенныхъ господаремъ дълъ. Въ эсобенности на великомъ вальномъ сеймъ стали разръщаться тъ законодательные вопроем, которые и поставлены были по иниціативь "становь" сейма. Такъ, напр., въ 1509 году по просъбъ становъ сейма издана была устава о "пересудахъ", т. е. о судебныхъ пошлинахъ съ гражданскихъ дълъ. На сеймахъ 1514 и 1522 годовъ были поданы господарю просьбы о томь, чтобы онъ даль своимъ поданнымъ писаные права и законы. Внявъ этимъ просъбамъ, господарь и паны-рада позаботились о составлении проекта уложенія, или статута. Этоть проекть читался по статьямь и подвергался обсужденію на великомъ Виленскомъ сеймѣ 1522 года и до тѣхъ поръ не вошель въ заколную силу, пока не принять быль окончательно во всехъ "артикулахъ" станами сейма. Привлечение сейма къ подобной законодательной работь было почти необходимостью. Статуть должень быль не только кодифицировать письменные законы, но и формулировать существующие юридическіе обычап, пополнить педостатки въ законодательств'в по указаніямъ жизни. Поэтому уже Казимиръ издаваль свой судебникъ, "согадавши" съ князьями и панами-радою великаго княжества и "со всёмъ поспольствомъ". Подобнымъ же образомъ поступалъ и Сигизмундъ І. Разбирая въ январъ 1514 года одно казусное дело и не зная, какъ его решить согласно съ существующими обычаями, Спгизмундъ отложилъ его ръшение до будущаго великаго сейма, на которомъ пожелаль переговорить объ этомъ "со всею землею". Приступивъ къ кодификаціи существующихъ законовъ и юридическихъ обычаевъ, Сигизмундъ счелъ нужнымъ пользоваться въ этомъ дълъ экспертизою становъ сейма и ихъ прямымъ участіемъ. Такъ поступаль онъ и позже. На Берестейскомъ сеймъ 1544 года господарь издаль "уставу" относительно порядка переписи шляхетскихъ имбий въ томъ именно родь, въ какомъ пожелали станы сейма, и такія же уставы относительно несенія мъщанами военной службы съ земскихъ имъній, о прекращеніи выдачи изъ канцелярін "заручныхъ листовъ" по заочнымъ жалобамъ, о неподсудности шляхты суду духовному по светскимъ деламъ, о прявлечении мещанъ

къ земскому суду по дѣламъ о грабежахъ и ранахъ, нанесенныхъ шляхтѣ и ея поданнымъ, о прекращеніи вызововъ на судъ въ Польшу и т. д. Можно сказать, что участіе сейма въ законодательствѣ при Сигизмундѣ стало обычнымъ явленіемъ. Оставалось только формально признать за сеймомъ право участія въ законодательствѣ, что и сдѣлано было во второмъ Статутѣ 1566 года.

Такъ великій вальный сеймъ Лиговско-Русскаго государства при Сигизмундѣ I по значенію своему близко подошелъ къ польскому сейму. Но при всемъ томъ онъ все еще разнился отъ пельскаго сейма. Дъю въ томъ, что, хотя рядовая шляхта и заняла на немъ постоянное мъсто, но не играла еще первенствующей роли, какъ на польскомъ сеймъ. Починъ, главная роль, ръшающий голосъ вь сеймовыхъ постанскленіяхъ принадлежали большею частью панамъ-радь. Даже ть постановлечія, иниціатива которыхъ исходила оть шляхты, разрабатывались большею частью въ кругу пановърады. Если шляхта по временамъ выступала активно, то главнымъ образомъ потому, что въ ен "коль" была значительная часть аристократическихъ элементовь, не вошедшихъ въ раду, кляжать и панять. Въ кругу князей и наловь, такимъ образомъ, лежаль центръ политической тажести литовскорусскаго сейма при Сигизмундь І. Великій вальный сейми по существу своему въ разсматриваемое времи былъ полнымъ собраніемъ господарской рады, пополненнымъ всеми аристократическими элементами, не вошедшими въ ея составъ, совъщающимся въ присутствін шляхты и до извъстной степени прислушивающимся къ ея желаніямъ и мивніямъ. Какую роль играла знать на великихъ вальныхъ сеймахъ того времени, объ этомъ даеть понятіе заявленіе пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда одному поляку. Павъ говорилъ, что шлихта занимаеть на Литвъ иное положение, чъмъ въ Польшь; "и сеймы наши отправляются совершенно иначе: что рышается господаремъ и панами-радою, то шляхтою обязательно принимается къ исполнению; мы вёдь приглашаемъ шляхту на наши сеймы какъ будто бы для чести, на самомъ же дъть для того, чтобы всемъ явно было то, что мы рѣшаемъ". Въ этомъ заявленій несомивню есть преувеличеніе. Шляхта вовсе уже не была такою пассивною и по временамъ отказывала въ своемъ согласіи, разстранвая планы господаря и пановъ-рады. Такимъ образомъ, напр., на Виленскомъ сейм'в 1521 года шляхта отвергла проекть посылки ен на украинныя земли на гарпизонную службу на томъ основании, что она уже дала серебщину для найма на эту службу жолнеровъ. Въ 1532 году рыцарство великаго кинжества Литовскаго не захотело "призволить" на войну съ Волошскимъ воеводою, для которой король просиль у Литовцевь помощи, и Литва осталась въ мир'є съ воеводою. Но въ общемъ при всемъ томъ нельзя не признать, что при Сигизмундъ главную, преобладающую роль на сейм' играли вельможи, и многія постановленія выступають, какъ постановленія господаря и пановъ-рады на сеймахъ.

Но къ концу великокияженія Сигизмунда шляхта стала уже выходить изъ своей подчиненной, пассивной роли. Къ тому времени подъ вліяніемъ частаго сеймованія сдёлало уже значительные успёхи политическое восиц-

таніе штяхты. Шляхта втянулась въ курсь политической жизни, ознакомилась съ положеніемъ д'яль въ государств'я и прониклась изв'ястными политическими стремленіями. На сеймахъ конца великокняженія Сигизмунда Стараго шляхта не только совместно съ своею старшею братьею-княжатами и панятами подавала рядъ петицій господарю, клонившихся къ утвержденію и дальптишему "розмноженью" ся правъ и вольностей, но и выстунала отдельно, съ домогательствами, клонившимися къ ея пользе, къ огражденію ея отъ утіспеній со стороны старшей братын-князей и пановъ и въ сравненію ея въ правахъ съ этими князьями и панами. Такія тенденція обнаружились на Новгородскомъ сеймѣ 1538 года и особенно на Берестейскомъ сеймъ 1544 года. Рыцаретво-плихта въ составъ другихъ "становъ" сейма просила, чтобы господарь не раздаваля уриды въ великомъ княжествъ чужеземцамъ, чтобы не вызываль никого на судъ въ Польшу, чтобы не допускаль поляковь владёть по женамь имёньями въ великомь княжестве, чтобы не держаль по долгу вакантными мёсть въ своей радё, чтобы не установляль обороны земской бсть "опогаданья и призволенья княжать, панять и всего рыцарства, съ одними только панами-радою, чтобы несъ военную службу съ техъ именій, которыя на него "спали", чтобы духовные также отправляли военную службу, съ своихъ имъній качь отчинныхъ, такъ и церковныхъ, а равно и съ десятинъ, чтобы и мъщане отправляли военную службу съ земскихъ имъній наравить съ шляхтою, а съ "купель" своихъ и маетностей по оцънкъ и приказу господаря, чтобы военная служба отправлялась также и съ воеводствъ, старостъ и всякихъ "врядовъ" по стародавнему, "водле важностей врядовъ", а особливо съ имѣній стола господарскаго, отданныхъ въ "заставу" или въ какое-нибуль другое держанье. Последния просьба, направленная противъ литовскаго панства, указываеть несомнънно на активную роль, которую стала пграть пляхта въ составленіп петицій къ господарю. Еще болье характерна въ этомъ отношеніи просьба, поданная на Берестейскомъ сеймъ 1544 года, о томъ, чтобы въ каждомъ повътъ были избранные шляхтою судья и писарь, съ которыми бы воеводы, старосты и державцы, могли судить каждаго князя, пана и духовнаго въ своемъ повёте. Дело въ томъ, что князья и паны, владевшіе именьями не подъ господаремъ, не судились нам'естниками-державцами, которые судили только население господарскихъ доменъ, въ томъ числъ и бояръ-шляхту. Нъкоторые князья и паны не судились даже передъ воеводами и старостами. Все это создавало великія затрудненія для шляхты, которой приходилось добиваться правосудія на княжей и пановъ. Между тёмъ въ Польшт уже давно всё землевладёльцы безъ различія ранговъ подсудны были земскимъ выборяниъ судамъ, существовавшимъ въ каждомъ повёте, а по важнымъ уголовнымъ дъламъ-судамъ гродскимъ, во главъ которыхъ стояли старосты. Литовская шляхта и стала стремиться къ утверждению подобнаго же норядка въ великомъ княжествъ Литовскомъ. Кромъ учрежденія выборныхъ судовь, литовская шляхта на томъ же сеймъ подавала и другія просьбы, имъвшія цалью огражденіе своихъ правъ оть нарушенія со стороны "можныхъ" внязей и пановъ, напр., чтобы воеводы, старосты и державцы давали

ей судь въ своихъ повътахь, а не по своимъ имъньямъ, чтобы они не увозили съ собою изъ повътовъ судовыхъ книгъ, чтобы не сажали шляхту безъ вины "у везенье" и не всылали къ ней различныхъ лицъ на постой, чтобы приняты были мъры противъ сильныхъ и своевольныхъ людей, которые укрываются отъ "позвовъ" на суды и т. д. Все это въ общей сложности указываетъ на значительные успъхи политическаго вссинтанія рядовой шляхты, на повышеніе въ ней сословно-политическаго самосознанія. Съ этимъ повышеннымъ самосознаніемъ рядовой литовской шляхты пришлось особенно считаться преемнику Сигизмунда Стараго—Сигизмунду-Августу.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-русскій сеймь; М. В. Довнаръ-Запольскій, Спорные вопросы вы исторіи литовско-русскаго сейма (Журн. Мин. Народ. Просв. 1901, № 10); Н. А. Максимейко, Сеймы литовско-русскаго государства до Люблинской уніи. Харьковъ 1902; М. Любавскій, Новые труды по исторіи литовско-русскаго сейма (Журн. Мин. Народ. Просвыц. 1903, № 2, 3).

XXXVI.

Мъры по организаціи государственной обороны въ великокняженіе Сигизмунда Августа до Ливонской войны.

Усиленіе опасности со стороны турокъ.—Ревизія замковь въ 1545 году и ея данныя о состояніи государственной обороны.—Уклоненіе землевладѣльцевъ отъ несенія замковой и другихъ земскихъ повинностей.—Созывъ великаго вальнаго сейма въ 1547 для рѣшенія вопроса о земскихъ повинностяхъ; постановленія о пересмотрѣ привилеевъ на имѣнья.— Опустошенія южной украйны таларами въ 1549 и 1551 годахъ; усиленіе опасности со стороны Москвы.—Великій вальный сеймъ 1551 года и его постановленія о выполненіи земскихъ повинностей, о размѣрахъ военной службы съ имѣній и о сборѣ серебщины.—Описаніе украинныхъ замковъ 1552 г.—Размѣщеніе наемныхъ войскъ по южнымъ замкамъ и возобновленіе Браславскаго замка.—Сеймъ 1552 года и постановленіе о сборѣ поконевскихъ пѣнязей".—Сеймъ 1554 года для принятія мѣръ на случай войны съ Москвою.—Постановленія о размѣрахъ военной службы и о сборѣ серебщины.—Общая характеристика принятыхъ для обороны государства мѣръ.

Изнемогая подъ тяжестью лёть и бременемь государственных заботь, престарёлый король Сигизмундь еще при жизни своей, 8 октября 1544 года, съ согласія Берестейскаго сейма, передаль управленіе великимь княжествомь Литовскимь молодому королю Сигизмунду-Августу. Новому господарю въ первую очередь припілось позаботиться объ упорядоченіи и усиленіи обороны Литовско-Русскаго государства отъ виёшнихъ вторженій.

Вопросъ объ оборонѣ обострился въ то времи главнымъ образомъ благодаря наступленію турокъ. Въ 1541 году Турецкій султань Солиманъ, призванный на помощь противъ австрійцевъ, осаждавшихъ вдовствующую Венгерскую королеву Изабеллу въ Будѣ, вытѣснилъ австрійцевъ изъ Венгріи,

провозгласиль малольтняго Япа Сигизмунда королемь Венгріи, а до совершеннолітія его заняль большую часть Венгрін и посажаль въ ней своихъ правителей. Турки, такимъ образомъ, врезались въ средину христіанскаго міра Европы я грозили распространнів свое иго и далье. Вследствіе этого христіанскія государсява начали готовиться въ борьбѣ съ ними. Объ этомъ шли совъщанія на имперскомъ сеймь въ Шпейерь въ 1542 году, на чешскомъ сеймъ въ Прагъ, на польскомъ сеймъ въ Петрковъ въ 1542, 1543 и 1544 годахъ и на литовскомъ сеймъ въ Берестъъ въ 1544 году. Между прочимъ поляки въ виду угрожавшей опасности отъ туровъ возобновляли свои настоянія касательно осуществленія унін великаго княжества съ короною польскою. Но стяны литовскаго сейма и на этоть разъ предпочли уніи простой оборонительный союзь съ Польшею и вынесли рѣшеніе-помогать Польшё всёми силами, если турки поважутся со сторовы Бългорода и Волыни, и выставить 4000 наемной конницы, если турки будуть вступать въ Польшу черезъ Салезію или еть Кошиць. Этимъ ръшеніемъ вопрось объ оборонь Литовско-Русскаго государства, конечно, не исчернывался. Надо было привести въ надлежащее состояние собственныя его оборонительных средства, и прежде всего укрупленія, замки, которые, по доходившимъ до правительства сведеніямъ, уже давно находились въ чеисправномъ, заброшенномъ состоянін.

Съ этою целью господарь и паны-рада весною 1545 года разослали особыхъ посланцовъ съ порученіемъ на мёстё удостовериться въ потребностяхь и нуждахъ замковъ, сдёлать возможныя распоряженія касательно устраненія заміченных недостатковь, а если этого нельзя сділать, - доложить объ нихъ господарю. Посланцы должны были привести въ извъстность, кто обязанъ строить и чинить эти замки, кто долженъ мостить дороги и мосты, какіе доходы идуть на содержаніе укрыпленій и находящагося въ нихъ административнаго персонала, кто долженъ сторожить и оборонять замки, какіе въ нихъ военные запасы и т. д. До насъ дошли результаты "ревизін" только южныхъ украинныхъ замковъ, производившейся въ 1545 году бискупомъ Луцкимъ Юріемъ Фальчевскимъ и дьякомъ Львомъ Патеевичемъ Тышковичемъ. Замки эти были-Овручъ, Житомиръ, Луцкъ, Владиміръ, Кременецъ, Браславль и Вѣница. Но изъ записи дѣяній сейма 1551 года узнаемъ, что не только южные украпиные, но и "тутошніе", т. е. литовскіе, замки были осмотръны господарскими посланцами. и составлены были "репстры" со свёдёніями о томь, "которые князи, панове, бояре повинии замки робити, мосты мостиги, гаты гатиги, полводы и стацыи давати, сторожу при городахъ давати". Донесенія господарскихъ посланцовъ констатировали самое плачевное состояние южныхъ замковъ: укръпленія, особенно деревянныя, развалились; дороги и мосты находились въ невозможномъ состоянін; съёстныхъ и боевыхъ запасовъ было мало, а то и совсёмъ не было; орудія были старыя и негодныя. Опросъ мъстныхъ обывателей выяснилъ главнъйшіл причины такого неудовлетворительнаго состоянія укр'япленій. Въ этомь виноваты оказались отчасти мъстные старосты и державцы которые не заботились объ исправности

укръпленій и боевой ихъ готовности, потакали мъстнымъ обывателямъ, обязаннымъ ремонтировать замки, обращали въ свою пользу доходы, предназначенные на содержаніе укръпленій и т. д. Но еще болъе виновными объявились мъстные землевладъльцы, особенно крупные—князья и паны. Пользуясь своимъ значеніемъ, они перестали нести съ своихъ "выслугъ" не только тъ повинности, отъ которыхъ шляхта освобождалась въ силу общихъ привилеевъ, но и тъ, которыя обыкновенно оставлялись на шляхетскихъ имъньяхъ, т. е. ремонтъ замковъ, военныхъ дорогъ и мостовъ и доставку подводъ и кормовъ господарскимъ гонцамъ и посламъ. Остальнымъ уже не подъ силу было поддерживать въ исправности укръпленія, которыя и приходили отъ того все въ большій и большій упадокъ.

Такъ какъ многіе землевладальцы "закрывались" отъ несенія государственныхъ повинностей своими "листами", т. е. жалованими грамотами на имбиьи, въ которыхъ прописаны были ихъ льготы и изънтія, то господарскіе посланцы должны были пересмотръть документы на владенія. Но по этой части они встрътили ръшительный отпоръ. Землевладъльцы отказывались власть перед'я ревизоромъ свои привилен, заявляли, что они сдёлають это лишь на вальном сеймё, если послёдуеть соотвётствующій приказъ господаря, и если другія земли также будуть класть свои привилен передъ господаремъ. Инстиныть сословнаго самосохранения говорилъ имъ, что совопущными усиліями имъ болье удастся отстоять свои права и вольности, чёмъ порознь, по отдёльнымъ землямъ и повётамъ. Но разъ не предъявлялись документы на владенія, нельзя было дёлать и распоряженій о выполненіи замковыхъ повинностей, о приведеніи укрѣпленій въ исправное состояніе. Между тьмъ турецкая гроза не только не сходила съ горизонта, но стала вновь стущаться. Въ концъ 1546 года пошли слухи, что "цесарь" Турецкій собираеть огромное войско— десеть кроть сто тысячь" и хочеть идти въ Венгрію и на В'вну. Можно было опасаться, что эта гроза захватить и великое княжество. Кром'в того, близокъ быль и срокъ перемирію, заключенному съ Москвою въ 1542 году на семь лъть, и могла возобновиться война и съ этой стороны. Нужно было, слъдовательно, во что бы то ни стало, покончить съ вопросомъ о приведении въ исправность укръпленій. Уступая желаніямь, выраженнымъ военнослужилыми землевладъльцами при производствъ ревизіп замковь, Сигизмундъ-Авгуєть созвать въ январъ 1547 года великій вальный сеймъ въ Вильнъ.

Немногаго удалось добиться господарю на этомъ сеймѣ. Послѣ "намовы" относительно замковой, дорожной, подводной и кормовой повинности съ земскихъ имѣній, княжата, панята и все рыцарство просили пановъраду доложить господарю, что тѣ изъ нихъ, которые уже несли эти новинности съ своихъ выслуженныхъ имѣній, и впредь хотять выполнять эти новинности; тѣ же, которые вызволены отъ того особыми листами-привилеями, просять, чтобы не нарушались ихъ стародавнія права и вольности, которыя они пріобрѣли своею вѣрною службою господарю. Выслушавъ эту просьбу, паны-рада сообща съ остальными станами сейма порѣшили на томъ, чтобы господарь съ панами-радою сначала разсмотрѣли тѣ реестры,

въ которыхъ всѣ такія побинности по всѣмъ городамъ великаго княжества "пописаны", послѣ чего листами-мандатами потребовали бы представленія къ извѣстному сроку документовъ, "за чимъ хто што держитъ*, съ тѣмъ чтобы на еснованіи этихъ документовъ рѣшить, кто обязанъ нести повинности, и кто свободенъ оть этого.

Пока производилась эта свёрка реестровъ и привилеемъ, Литовско-Русскому государству пришлось пережить большій біздствія и опасности въ связи съ неудовлетворительнымъ состояніемъ обороны. Въ 1549 году, не смотря на дружественныя отношенія Крымскаго хана Саниь-Гирея въ королю Сигизмунду-Августу, татарскіе загоны натворили меого бъдъ на Волыни, увели въ плънъ много шляхты и побрали много имущества. Лътомъ 1551 года новый ханъ Јевлеть-Гирей, успоконвъ король собщаніями дружбы и присягою, безв'єстно вторгнулся въ преділы великаго книжества, спалиль замовъ Браславль и перебиль въ немъ весь его гарнизонъ. По слухамъ, доходившимъ до литовскаго правительства, онъ грозилъ еще новыми нападеніями; съ другой стороны наміревался вторгнуться въ великое вняжество Волошскій воевода Стефаница съ брагомъ стоимъ Ильяшемъ, Бългороденниъ сандияномъ. Вев эти опасности была темъ грозне дия великаго книжества Лиговскаго, что и отношенія къ Москвъ сдълались въ то время въ высшей степени нагинутыми. Посольство, снаряженное въ Москву въ 1549 году для заключенія въчнаго мира, еле добилось заключенія пятил'єтняго перемирія (до 25 марта 1554 года). На прежинма причинамъ вражды присоединилась еще новая-дарскій титуль, которымъ хотъль величаться Московскій государь, и котораго не хотым признать за нимъ господарь и паны-рада великаго княжества Литовекаго. Изъ-за этого титула чуть было не порвались переговоры о перемиум, съ большимъ трудомъ состоялась ратификація договора и происходили непріятныя объясненія по заключеній перемирія. Вопросъ объ оборонь государства вследствіе всего этого настойчиво потребоваль особеннаго въ себе вниманія. Для рішенія его Сигизмундь-Августь созвать великій вальный сеймъ къ 23 сентября 1551 года.

На этоть разъ князья, паны, бояре и вся шляхта великаго княжества Литовскаго, "милуючи рѣчь посполитую и добрый радъ и справу", торжественно подвердили, что люди ихъ, а также и люди пановъ духовныхъ римскаго и греческаго закона, которые передъ этимъ были къ тому повинны, "мають городы новые робити, старые оправовати, мосты мостити, гати гатиги тамъ, гдѣ того потреба и пожитокъ рѣчи поспольтое указовати будетъ", также "сторожу городовую и станы и стацыи, хто передъ тымъ полнивалъ, тотъ и теперь на то повиненъ". Постановлено было всѣхъ тѣхъ, кто будетъ уклоняться отъ несенія этихъ повинностей, понуждать къ тому силою. Господарь долженъ выбрать нѣсколько особъ, людей достойныхъ и годныхъ вѣры, и поручить имъ ежегодно объѣзкатъ замки и доносить ему и панамъ-радѣ объ ихъ состояніи и нуждахъ. На воеводъ и старостъ этихъ замковъ возлагалась обязанность тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не уклонялся отъ работь на замкахъ; въ случаѣ невозмож-

ности обойтись однёми работами обязанных землевладёльцевь, господарь съ панами-радою долженъ изыскать другія средства. Подобное же заявленіе сделали стапы сейма и относительно подводной повышности, при чемъ постановлено было взам'янъ ее уплачивать по щести грошей съ крестьянской службы для содержанія постоянныхъ наемныхъ подводъ. Для наи-лучшей обороны государства "станы" сейма опредълили, чтобы впредъ до отмъны всъ военнослужилые землевладъльцы выставляли на войну пахолка въ уставномъ одъяніи и вооруженін не съ десяти крестьянскихъ служов, какъ раньше, а съ девяти. Затъмъ для пополненія скарба денежными средствами на военныя нужды, станы сейма "поступили" господарю на три года серебщину съ своихъ людей въ размъръ 5 грошей со всъхъ, **кт**о пашеть на двухъ волахъ, 2¹/2 грошей съ тъхъ, кто пашеть на одномъ волъ или на одной лошади, кто не имъсть ни воловъ, ни лошадей, но держить землю на полную службу, и съ огородниковъ. И господарь съ своей стороны определиль такую же серебщину на военныя нужды съ своихъ людей. Впрочемы, сборы первой серебщины въ виду постигшаго Литовско-Русское государство неурожая быль отсрочень до осени 1552 года.

На средства скароа Сигизмундъ-Августъ пранялъ энергическія міры по оборонь прежде всего южной украйны. Здысь описаны были замки Чернобыльскій, Остерскій, Любецкій, Мозырскій, Кіевскій, Житомирскій, Луцкій, Кременецкій, Черкасскій, Каневскій, Вілицкій и Браславскій, т. е. зарегистрированы были всь повинности м'естнаго населенія, которыми оно тянуло къ этимъ замкамъ (изъ другихъ замковъ описанъ былъ такимъ же образомъ замокъ Полоцкій). Навербованы били "служебные" и раз-ставлены были въ Черкасахъ, Каневъ, Въницъ и другихъ городахъ подъ начальствомъ ротмистровъ и главнымъ начальствомъ пана Василія Тишковича. Сверхъ того, король распорядился посылкою на эти замки пункарей, пороха, свинцу и железа для гаковниць. Летомъ 1552 года начата была постройка вновь сожженнаго Браславскаго замка на Подольф силами господарскихъ людей съ Волыни и Подолья, на помощь которымъ нанято было 600 рабочихъ и 150 запряжекъ воловъ. Все это въ общей сложности вмёстё съ уплатою 7500 золотыхъ "упоминковъ" Крымскому хану поглотило въ значительной мъръ средства скароа и заставило господаря и пановъ-раду прибъгнуть къ чрезвычайной мъръ для его пополненія въ виду дальнъйшихъ большихъ трать.

Главный расходь въ будущемъ предстояль на уплату наемнымъ служебнымъ, которыхъ необходимо было содержать на украйнъ. Господарь и паны-рада стали на ту точку зрѣнія, что содержаніе этихъ служебныхъ является въ сущности замѣною военной службы для землевладѣльцевъ великаго княжества: не будь этихъ служебныхъ, военно-служилымъ землевладѣльцамъ припілось бы самимъ отправляться съ своими "почтами" на украйну и "лежать" тамъ долгое время въ ожиданіи непріятеля; поэтому вполнъ будегь справедливо и даже выгодно для этихъ землевладѣльцевъ— обложить ихъ извѣстною суммою денегь въ замѣнъ каждаго "конъ", котораго они ставять на войну. Задумавъ такую мѣру, господарь и паны-рада

не ръшились собственною властью привести ее въ исполнение и постановили для "ухвалы" ея созвать на сеймъ всёхъ более или мене значительных землевладельцевъ великаго княжества. На сеймъ, кроме пановърады, собирались (25 ноября 1552 года) урядники земскіе (старосты, державцы и тивуны Жмудскіе), вняжата и панята и пов'єтовые хоружіе; шляхетскихъ пословъ вопреки установившемуся уже обычаю не было. Сеймъ "ухвалилъ" дать господарю съ каждаго "кони" по копъ грошей на середопостье 1553 года. Этими ппоконевскими приязями" обложены были и вев господарскія м'вета и русскія волости сообразно числу выправлявшихся ими на войну конныхъ ратниковъ, а также и духовные греческаго и римскаго закона въ размъръ шести грошей съ каждой крестьянской службы. Постановление о сборь "поконевскихъ пънязей" возбудило сильное неудовольсткие вы средь шляхты. Шляхта была недовольна и самымъ опредъленіемъ сейма. состоявшагося безъ участія ея пословъ, и тыть, что сборь производился строго, черезь децкихъ и съ конфискаціями имъній у тъхъ, кто не платиль во время, и тьмъ, что деньси шли прямо въ скарбъ, минуя контроль избранныхъ шляхтою "головныхъ бирчихъ". Это неудовольствие выразилось на следующемъ великомъ вальномъ сеймъ, созванномъ въ Вильнѣ въ ноябрѣ 1554 года.

Сеймъ созванъ быль для принятія мірь на случай войны съ Мосьвою. Литовскимъ посламъ, Ездившимъ въ Москву въ концъ 1553 года, не удалось заключить мира, а только продолжить перемиріе на два года, до 25 марта 1556 года. Следовательно, въ недалекомъ будущемъ Литве угрожала война съ Москвою, къ которой надо было заранве готовиться. Собравшиеся на сеймь землевладёльцы великаго княжества постановили выставлять 73 девети чоловъковъ десятого пахолка на кони въ зброна. Господарь милостиво приняль эту "ухвалу" и сь своей стороны объявиль, чтобы вь виду скораго окончанія перемирія всь были готовы кь попису и смотру въ своихъ повътахъ на осень будущаго года. Не ограничиваясь духвалою васательно собственной военной повинности, станы сейма, по соглашенью съ панами-радою, для найма служебныхъ людей опредълили въ течение трехъ лъть давать господарю плать въ размъръ десяти грошей съ воловой или конской сохи, ияти грошей съ полсохи, т. е. съ одного вола, трехъ грошей съ огородниковъ и мъщанъ, которые не имъють земель и воловъ, пять грошей съ земель, сдаваемыхъ въ аренду или обрабатываемыхъ наймомъ, при чемь обложенію не подвергались дворныя сохи самихъ землевладѣльцевъ и сохи слугъ путныхъ или панцырныхъ, тадящихъ обыкновенно на войну съ своими панами. Господарь съ благодарностью приналь это постановление и по просьов становь сейма съ своей стороны обложиль такимъ же "платомъ" на нужды государственной обороны и своихъ врестьянъ и мъщанъ, исключая тъхъ, которые состоятъ подъ магдебургскимъ правомъ, и которые обязаны платить по давнему постановленію; такой же "плать" господарь наложиль на мъщанъ и врестьянь королевы Боны и духовныхъ нановъ римскаго и греческаго закона.

Таковы были мъропріятія, принятыя для обороны государства Сигиз-

мундомъ-Августомъ совмъстно съ сеймомъ въ первия десять лъть его великокняженія на Литвъ. Нельзя сказать, чтобы по существу сдълано было что-нибудь новое и ръшительное Великій внязь старался использовать лишь традиціонныя средства, предоставлявшіяся ему конституцією государства, т. е. установившимися отношеніями между нимъ и землезладъльцами великаго княжества, санкціонированными въ общеземскихъ и частныхъ привилеяхъ. Эта вонституція парализовала всякій сколько-нибудь широкій размахъ творческой дъятельности господаря и заставляла его обращаться за солъйствіемъ и согласіемъ землевладъльцевъ великаго княжества даже въ случаяхъ, гдъ право его власти было ясно и неоспоримо. А это обращеніе въ свою очередь давало поводъ и благопріятный случай землевладъльцамъ великаго княжества выступать съ сословно-политическими домогательствами и стремиться къ дальнъйшему расширенію своихъ правъ и вольностей на счеть господаря великаго князя.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-русскій сейнь; М. В. Довнаръ-Запольскій, Очерки по организаціи западнорусскаго крестьянства въ XVI въкъ. Кіевъ 1905: редензія на это сочиненіе М. Любавскаго въ "Отчетъ о третьемъ присужденіи премій П. Н. Батюшкова". Сиб., 1907; Alexander Jablonowski, Ziemia Wolyńska w połowie XVI wieku (Źródła dziejowe, tom VI. Warszava 1877); Владимірскій-Будановъ, Населеніе юго-западной Россіи съ половины XIV до половины XVII в. (Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. I).

XXXVII.

Сословно-политическія домогательства шляхты на сеймахъ 1547, 1551 и 1554 годовъ и результаты этихъ домогательствъ.

Просьба о подтверждении и выполнении земскихъ привилеевъ. - Двоекратное подтверждение этихъ привилеевъ. - Вопросъ о храненіи и публикованіи привилеевъ. - Ходатайства объ исправленіи статута; назначеніе особой комиссіи для этого д'вла.-Ходатайства о безмытномъ пропускъ продуктовъ изъ пляхетскихъ имъній и безпошлинномъ ввозб товаровъ нзь-за границы, освобожденін оть сторожевой и подводной повинности, оть частаю сбора серебщины, о привлечения духовныхъ, мещанъ и шляхты "сиздковыхъ" имений въ военной службь, с подчинении мъщанъ суду шляхетскому по дъламъ съ шляхтою, объ установленій постоянныхъ міръ и таксы на изділія ремесленниковъ, объ ограниченій юрисликцін и землевладінія духовенства, объ уравненін господаря съ шляхтою въ гразіданскомъ процессъ. -- Ходагайства о непремънноми участи сейма въ выпускъ новой чонеты, въ законодательствъ и въ расходовании серебщинъ. - Ходатайства о расширении состава рады, о неотнятін урядовъ и державъ безъ суда и следствія, о сохраненія за ними всёхъ нхв "пожитковь". - Ходатайства о таксацін, уменьшенін п отмент урядничанхь попыннъ.-Просьбы объ учреждени пинхетского выборного, болбе доступного и дешевого суда, съ юрисдинцією, простирающеюся на всёхъ землевладільцевь. - Результаты ходатайствъ: новыя уставы о "пересудахъ" п о "вижовомъ"; присяжные вижи; возстановленіе шляхетскихъ судей при воеводахъ и старостахъ; увеличеніе судебныхъ сессій и назначеніе особаго коммиссарскаго суда для жалобъ на нановъ.

Прежде всего шляхта озаботилась о новомъ юридическомъ закръпленіи уже занятой ею соціально-политической позиціи и о полученіи возможности быть всегда на страж'в своихъ правъ и вольностей. По ея просьов господарь на сеймы 1547 года приказаль доказати и вычести" передъ всёмъ сеймомъ "привилен и листы вольностей" ен и затъмъ торжественно подтвердилъ ихъ своею грамотою. Одновременно съ тъмъ Сигизмундъ-Августь подтвердиль особыя права и вольности Подляшской шляхты, Витебской, Полоцкой и Волынской, ходатайствовавшихъ о подтвержденіи своихъ привилеевъ. Но такъ какъ это подтвержденіе выдано было въ то время, когда Сигизмундъ-Августь им'влъ еще надъ собою наивысшаго господаря въ лицъ отца своего Сигизмунда, то посл'в смерти его, на Виленскомъ сейм'в 1551 года, Сигизмундъ-Августь уже въ качествъ суверена великаго книжества вновь подтвердиль права и вольности предатовъ, князей, пановъ и бояръ-шляхты, при чемъ, согласно ихъ просьбъ, выраженной на сеймъ, объщаль привести въ исполнение все, что не выполнено было изъ этихъ привилеевъ, въ частности объщалъ принять мёры къ тому, чтобы состоявшіяси назначенія на воеводства людей греческой, или русской, вбры не принесли вреда государству, и чтобы впредь такія назначенія уже не им'єли м'єста, чтобы свято выполнялось все, что содержится въ прежнихъ привиденхъ. Намъреваясь и впредь слъдить за ненарушеніемъ своихъ правъ и вольностей, шляхта на сеймъ 1547 года вошла съ ходатайствомъ, чтобы земскіе привилен хранились не въ скарбъ земскомъ, а гдъ-нибудь въ другомъ мъстъ для болье легкаго

къ нимъ доступа. Господарь исполнилъ эту просьбу и передаль на храненіе земскіе привилеи канцлеру великаго княжества. Но такъ какъ и этоть порядокъ храненія не даваль легкаго доступа къ привилеямъ для справокъ, то на сеймѣ 1554 года шляхта просила господаря просто вписать эти привилен въ статутъ. Господарь отложилъ это до окончательнаго исправленія статута.

"Поправа статута" была предметомъ шляхетскихъ просъбъ на каждомъ изъ сеймовъ, собиравшихся до Ливоиской войны. Еще на Берестейскомъ сеймъ 1544 года состоялось постановленіе о назначеніи для этого особой комиссіи изъ пяти лицъ римскаго закона и пяти греческаго. На Виленскомъ сеймъ 1547 года "станы" просили господаря наименовать этихъ особъ въ томъ разсчетъ, что, назначивъ комиссію, господарь будетъ выдавать и жалованье этой комиссіи изъ сьоего скарба. Но господарь предоставилъ самимъ "станамъ" сейма избрать эту комиссію и опредълить на ен содержаніе "податокъ" съ своихъ имъній. Дъло объ избраніи комиссіи дождалось слъдующаго сейма 1551 года, на которомъ состоялся компромиссъ: господарь и паны-рада назначили членовъ комиссіи, а станы сейма "поступили" съ каждой сохи по пенизю на содержаніе тъмъ лицамъ, которые будуть исправлять статуть.

Шляхетскіе станы добивались исправленія статута, конечно, въ своихъ сословныхъ, интересахъ. Но уже не дожидаясь окончанія этого исправленія, они выступили съ цёлымъ рядомъ ходатайствь, которыя клонились въ расинрению сословныхъ и политическихъ правъ пляхты, и которыя должны были вліять и на самое исправленіе статута въ этомъ именно направленіи. Отм'єтимъ прежде всего ходатайства, им'євшія въ виду матеріальные интересы шляхты. Подляшская шляхта на сеймі 1547 года просила, чтобы не взималось мыта съ хлёба и скота, отправляемыхъ изъ шляхетскихъ именій въ Польшу или Пруссію на продажу, и торговое съ тыхь же товаровь, продаваемыхь на мёстныхь рынкахь. На слёдующемь сейм' 1551 г. подобное требование заявлено было уже отъ лица Литовской шляхты, Жмудской и Волынской, при чемъ шляхта домогалась безмытнаго вывоза не только хабоа и скота изъ своихъ имбий, но и абсимъ товаровъ, а также и безмытнаго привоза различныхъ товаровъ изъ-за границы на собственныя надобности. Это же ходатайство предъявлялось и на Виленскомъ сеймѣ 1554 года землевладѣльцами великаго княжества, Жмудской и Вольнской земель. —Выше было указано, что на сеймъ 1551 года станы признали въ принципъ обязаность нести съ земскихъ имъній службы замковую, мостовую, сторожевую и подводную. Но при всемъ томъ они ходатайствовали, чтобы шляхта была освобождена оть сторожи въ замкахъ, въ частности отъ караула пленныхъ москвичей, и отъ кошенья сена на господаря и даванья подводъ. Освобожденія оть даванья подводь и стацій съ выслуженныхъ имъній добивались станы и на сеймъ 1554 года.--На этомъ сеймъ шляхта протестовала даже противъ частаго сбора серебщины, чемъ, по ея мивнію, наруппались земскіе привилен, освободившіе ее отъ платежа серебщины.

Стремясь къ облегченію себя въ несеніи государственныхъ повинностей, шляхта въ тоже время хлопотала объ усилении этихъ повинностей для другихъ сословій. На Виленскомь сеймі 1551 года станы просили, чтобы духовные отправляли военную службу съ церковныхъ имъній, чтобы мъщане съ каждыхъ шести доловъ отправляли на войну пъщаго ратника н за одно съ пляхтою служили съ купленныхъ земскихъ именій, и чтобы и самъ господарь несъ наравит съ прочими военную службу съ "спадковыхъ" (выморочныхъ) имбий. О томъ же самомъ ходатайствоваль и сеймъ 1554 года. Вообще по отношенію къ другимъ сословіямъ шляхта заняла боевое положеніе. Станы Виленскаго сейма 1547 года просили, чтобы мъщане за бон, пораненія и убійство шляхтичей, ихъ слугь и подданныхъ отвъчали не по магдебургскому праву, а земскимъ правомъвъ судахъ, воимъ подсудна шляхта; чтобы для искоренения влоупотребленій мінань установлены были опреділенныя міры при скупкі зернового хабоа и такса на изделія ремесленниковъ. По отношенію къ духовенству шляхта добивалась, чтобы духовные не заседали въ светскихъ судахъ и не привлекали ча своему церковному суду по дёламъ свётскаго карактера, чтобы имъ запрещено было вывозить и отказывать свое имущество за границу, чтобы вдовамъ запрещено было записывать свои имёныя духовнымъ апцамъ, чтобы пляхтъ предоставлено было самое широкое право выкупа имъній у духовныхъ (равно и у мъщанъ). Даже самого господаря шляхта не прочь была ставить на одну доску съ собою и ходатайствовала на сеймь 1547 года, чтобы быль исключень изь статута артикуль, гласящій, что господарь не подчиняется закону земской давности, а на сеймъ 1551 года просила внести въ статуть постановленіе, что въ земельныхъ тяжбахъ съ господаремъ доводъ (право рѣшающаго аргумента) принадлежить не исключительно господарской сторонь, а той, которая будеть имъть "годнъйшихъ" свидътелей.

На ряду съ сословными притязаніями выяхта предъявила рядъ ходатайствъ о распиреніи ея политическихъ правъ, ея участія въ управленіи. На сеймъ 1547 года станы сейма пытались установить свое право на участіе въ выпускі повой монеты. Они напомнили господарю, что отець его, задумавъ пустить въ великое княжество польскую монету, хотя паны радные и дали на то свое согласіе, не ръшился учинить этого безъ въдомости остальныхъ становъ и созвалъ ихъ на сеймъ, на которомъ и объявиль свое решеніе. Станы просили, чтобы и впредь господарь не "упослъживаль ихъ въ такихъ вещахъ, которыя касаются всей земли. Еще болъе важное ходатайство заявлено было на сеймъ 1551 года: станы просили, чтобы силу закона имёло только то, что будеть установлено на вальномъ сеймъ, съ въдома пановъ-рады и всего рыцарства. Наконецъ, шляхта стремилась и къ тому, чтобы взять подъ свой контроль расходованіе серебщинъ, собиравшихся по постановленіямъ сеймовъ на военныя нужды. На сеймъ 1547 года станы домогались, чтобы на будущее время серебщина отдавалась не въ скарбъ земскій, а двумъ избраннымъ особамъ и при нихъ писарю, которые должны хранить деньги за своими ключами

и не отдавать ихъ ни на какіе расходы, кром'в военныхъ, въ чемъ и должны давать отчеть передъ сеймомъ.

Въ составъ сеймовавшей шляхты были довольно разнообразные по своему общественному положению элементы: здёсь была и крупная землевладельческая знать-княжата и панята, и рядовая шляхта, и землевладельческая мелкота изъ Подлишья и Жмуди. Это обстоятельство не могло не отразиться на самомъ карактеръ подававшихся шляхтою просьбъ, отлечающихся большимъ разнообразіемъ. Съ одной стороны видимъ просьбы, въ которыхъ могли быть заинтересованы только высшіе слои пиляхетскаго народа". Такова была, напр., просьба Волынянъ (на сеймъ 1554 года) о томъ, чтобы господарь допустиль до своей рады старость Луцкаго и Выдимірскаго в маршалка Волынской земли, которые прежде всегда имбли въ ней мѣста; просьба, предъявлявшаяся на сеймахъ 1547 и 1551 головъ о томъ, чтобы господарь не отнималь ни у кого урядовъ и державь безъ суда и следствія, по заочному доносу или жалоб'є, чтобы уряды сохранялись во всёхъ ихъ правахъ и пожиткахъ и т. под. Съ другой сторовы видимъ рядъ ходатайствь, которыя шли несомитико отъ рядовой и визшей шляхты, и которыя имжин въ виду ограждение этой шляхты отъ притьсненій старшей братьи-клязей, пановь, уридниковь земскихъ и дворныхъ. Кромъ прямыхъ жалобъ на тъхъ или другихъ лицъ, въ даньомъ случав характерна просьба, поданная на сеймв 1551 года о томъ, чтобы паны-рада обращались съ должнымъ почтеніемъ къ шляхть въ судахъ и другихъ мъстахъ, и чтобы одни не судили своихъ слухъ пляхтичей въ дълахъ, касающихся шляхетской чести. Изъ нёдръ рядовой же и низшей шляхты несомненно вышель целый рядь просьбъ, касающихся таксалів, уменьшенія или отміны пошлинь, собиравшихся господарскими ураладвами частью въ пользу господаря, частью въ свою собственную. Тазъ, на сеймъ 1547 года Бъльская шляхта просила освободить ее оть уплаты урядникамъ такъ называемаго "припустного" при продажв имвній в писарской пошлины, а также и о томъ, чтобы установлена была спразедливая плата въ великокнижеской канцеляріи за написаніе листовъ и приложеніе въ нимъ печатей. Последняя просьба, предъявлявшаяся еще на Берестейскомъ сеймъ 1544 года, поддержана была на сеймъ 1551 года всею шляхтою и возобновлялась на сеймъ 1554 года.

Но самая важная просьба, клонившаяся къ обезпеченію младшей шляхты отъ гнета со стороны старшей и къ уравненію ихъ въ правахъ, была прос та объ организаціи болье доступнаго и дешеваго выборнаго суда съ юрисдикцією, простирающеюся на всёхъ землевладёльцевь дашего округа. Существовавшая судебная организація была крайне неудобна и разорительна для большинства шляхты. Вопервыхъ, многіє крупные землевладёльцы—князья и пани совсёмъ не судились въ повётахъ. Чтобы надати на нихъ судъ и управу, надо было обращаться либо къ самому господарю, либо въ судовый сеймъ пановъ рады, т. е. въ томъ и другомъ случав ёхать въ Вильну. Съ нёкоторыми князьями и панами можно было судиться у воеводъ и старостъ. Но и этоть судъ быль дорогь для шляхты, требоваль

оть нея большихъ "накладовъ". Занятые множествомъ другихъ дъть, воеводы и старосты почти не имели возможности лично отправлить правосудіе. При этомъ же они часто перебанали съ одного мъста на другое, не имъли определенных трибуналовь, такъ что тижущимся приходилось разыскивать ихь за 50 миль и более. Такъ же мало доступпы были и державцы, суду которыхъ подлежала шлихта, державшая имбиья подъ господаремъ. Шляхтъ чаще всего приходилось имъть дело съ намъстниками воеводъ, старость и державцевь; но, по свидьтельству Михалона Литвина, эти нам'встники были обывновенно люди, мало сведущие въ юриспруденции, умевшие только взыскибать свой "пересудь", засъдавшіе вывсто трибуналовь на шумныхь попойкахь. Въ интересахъ правосудія статутомь 1529 было предписано, чтобы эти намъстники воеводъ, старостъ и державцевъ судили шляхту не одни, а вибсть съ назначенными изъ мъстной шляхты судьями. Но этоть порядокъ не привилен въ жизни, и какъ сами воеводы, старосты и державцы, такт и наместники ихъ стали отправлять судъ по прежнему, въ присутствии случайно находившихся при нихъ лицъ, а иногда и безъ нихъ. Мало удовлетворяя требованіямъ безпристрастія и справедливости, судъ воеводъ, старость и держаецевь быль непомфрно дорогь для шляхты. Судья взималь десятую часть исковой суммы съ истца, доискавшагося своего, или такъ называемый "пересудь"; въ дълахъ о личныхъ обидахъ и насиліяхъ, объ имущественных убыткахъ судья браль съ виновнаго штрафъ въ томъ же размъръ, въ какомъ присуждать вознаграждение истцу. Велики были и побочные судебные поборы. Такъ, вижамъ, посылаемымъ воеводами, маршалками и старостами, уплачивалась полтина (50) грошей; вижамь ихъ намъстниковъ полконы (30 грошей) и т. д. Недовольная всъми этими порядками, шляхта на сеймъ 1547 года повторила свою прежнюю просьбу о томь, чтобы господарь даль ей судьями людей добрыхь, избранныхь самою шляхтою, и такого же писари присяжнаго. Вивств съ твиъ, жалуясь на то, что старосты, державцы и ихъ нам'естники посылають нередко вижами людей простыхъ, "въры негодныхъ", т. е. мъщанъ, тяглыхъ мужиковъ, "ходопью невольную", которые показывають вь пользу тъхъ, кто ихъ перекупить, шляхта просила о разръшении имъть выборныхъ вижей изъ мъстныхь боярь землевладельцевь, людей добрыхь и веры годныхь, которые бы брали "вижованья" по грошу на милю. На сейми 1551 года шлихта вновь возбудила ходатайство объ установлении въ повътахъ выборнихъ присяжныхъ судей и писаря и просила, чтобы передъ судьями повътовыми отвъчали паны-рада и духовные съ имбий, коими они владбють подъ земскимъ правомъ", чтобы и пылкта "спадковыхъ" именій была подъ темъ же правомъ. Вивств съ этимъ шляхта домогалась отмены "пересуда" и "винъ", за исключеніемъ тёхъ, которыя платятся за "головщину" и за нарушеніе "заруки", т. е. приказа господаря или добровольнаго соглашенія подъ страхомъ уплаты штрафа, и за пеподчинение судебному приговору.

Таковы были сословно-политическія домогательства, съ которыми выступала литовско-русская шляхта на первыхъ трехъ сеймахъ въ правленіе Сигизмунда-Августа. По актамъ этихъ сеймовъ ясно видно, какъ росли эти

домогательства, и какое значеніе им'йло въ данномъ случат общеніе шляхты на сеймахъ. Съ теми или другими просьбами выступала иногда не вся шляхта, а только ея часть, напр., княжата и панята или рядовая шляхтарыцарство. Отдъльныя заявленія становились, однако, сбщими просьбами либо потому, что не встръчали протестовъ со стороны другихъ "становъ", либо потому, что паходили общее сочувствее. Затымь: съ извъстными просыбами выступала первоначально шляхта только одной земли. Эта просьба, найдя себь сочувствие въ шляхть другихъ земель, на следующемъ сеймь предъявлялась уже оть лица шляхты великаго кинжества или другихъ земель. Напболъе видная роль въ возбуждении различныхъ ходатайствъ привадлежала Подляшской шляхть. Живя въ великомъ княжествъ подъ польскимъ правомъ, эта шляхта настойчиво стремилась къ устраненію всякихъ несоотвътствій въ своемъ положенін съ положеніемъ польской шляхты, стремилась къ полному и дъйствительному уравнению съ этою шляхтою въ правахъ и обязанностяхъ, служа для остальной шляхты примъромъ. Подлишская шляхта была какъ бы передагочною станціею для вогдействія на литовско-русскую шляхту идеаловъ польскаго шляхетскаго строя. Мы видели, что оть нея сначала вышло ходатайство о безмытномъ пропускъ за границу хлеба, скота и лесныхъ товаровъ изъ пляхетскихъ именій, ходатайство, заявлявшееся затёмъ и Литовскою, и Жмудскою, и Волынскою, шляхтою. На примъръ Подляшской земли ссылалась пляхта, ходатайствуя о выборныхъ судьяхъ и писаръ. Подляшская же шляхта проявила особую настойчивость вы домогательствахъ касательно уменьшенія и уничтоженія канцелярскихъ пошлинъ и т. д.

Немногія ходатайства шляхты, предъявленныя на сеймахъ 1547, 1551 и 1554 годовъ, получили удовлетвореніе до Ливонской войны. Господарь некоторыи изъ этихъ ходатайствъ примо отклонилъ, напр. ходатайство о безмытномъ пропускъ шляхетскаго хлъба, скота и лъсныхъ товаровъ за границу и о непремѣнномъ участін сейма въ выпускѣ монеты и въ законодательств'ь; по другимь ходатайствамь об'вщаль дать удовлетвореніе по исправленіи статута. Самымъ ціннымъ результатомъ шлихетскихъ домогательствъ на первыхъ порахъ была новая устава о "пересудъ" и о "вижовомъ". На сеймъ 1551 года, посовътовавшись съ панами-радою, господарь постановиль, чтобы впредь пересудь взимался въ половинномъ размъръ по сравненію съ прежнимъ, т. е. въ размъръ 50/о съ цъны иска, со всёхъ тёхъ, въ пользу кого присуждено взысканіе, за исключеніемъ кредиторовь, взыскивающихъ свои деныи: эти последніе должны платить судье только "памятное" въ размѣрѣ четырехъ грошей, а пересудъ должны уплачивать должники вмѣстѣ съ долгомъ. Относительно "винъ" господарь рѣшиль держаться вы общемъ стараго порядка и только за убійство шляхтича опредълиль вмъсто уплаты "вины" смертную казнь, если убійца будеть поймань на горячей крови, и строгое тюремное заключение вз течение цълаго года съ уплатою воеводъ или старостъ "повиннаго" 12 рублей гро-шей, если убійца будеть уличенъ въ преступленіи судомъ. Измъненъ быль также порядокъ выкуна "лица", конфискованнаго у вора и отбиравшагося

на дворъ господарскій. Господарь постановиль, чтобы каждое "великое лицо", хотя бы оно стоило и 100 конъ грошей, выкупалось со двора полтиною грошей (прежде оно выкупалось по действительной стоимости), а лицо стоимостью ниже 10 копъ — 12 грошами; если вору платить не чёмъ, лицо должно возвращаться владёльцу даромъ, а вора вёшать. Опредёляя согласно просьбё шляхты, что вижами должны быть мёстные шляхтичи-землевладёльцы, люди добрые и вёры годные, господарь постановиль, что за трудъ и проёздъ имъ должно платиться впредь по грошу на милю; служебникамъ же воеводь и старость за проходь и освидьтельствование на мысты шесть грошей, а служебникамъ ихъ намъстниковъ три гроша. Относительно вознагражденія писарей господарь оставиль въ силъ старый обычай: за запись въ книги всёхъ документовь, большихъ и малыхъ, платить 2 гроша, за выпись -12 грошей; если кто заражь пожелаеть и записать что-янобудь въ книги и получить выпись, платить только за одну выпись. Что касается выборнаго шляхетскаго суда, то сначала господарь попытался совсёмъ снять этотъ вопросъ съ очереди и объявилъ шлихтъ такое постановление: впредъ во всъхъ воеводскихъ и старостинскихъ повътахъ будуть судьи, установленные отъ воеводъ и старость согласно статуту; эти судьи будуть судить съ нам'встниками воеводь или подстаростами, съёзжаясь тамъ, гдё имъ укажуть воеводы и старосты, четыре раза въ году, каждый разъ на четыре недѣли; для разбирательства дъль по аппелляціи оть этихъ судей воеводы и старосты должны будуть прівзжать въ свои пов'єтовыя резиденціи два раза въ годъ; оть суда самихъ воеводъ и старость вольно отзываться до господаря или пановъ-рады "на роки судовые великіе", которые будуть отправляться одинъ разь вь году (на день св. Мартина), и на которыхъ будуть разбираться также тяжбы между панами хоруговными и вообще всеми, кто не судится въ пов'єтахъ; на этихъ "рокахъ" судъ будеть судить самъ господарь, а въ его отсутствіе паны-рада, оть суда которыхъ можно аппелировать потомъ къ самому господарю. Просъбу о подчиненіи юрисдивціи пов'єтовыхъ судей пановъ радныхъ и духовныхъ, имъющихъ недвижимыя имущества "подъ земскимъ правомъ", господарь отклонилъ и предоставилъ по старому привлекать ихъ на судъ самого господаря или пановъ-рады "на великихъ рокахъ". Но шляхта не удовлетворилась этимъ постановленіемъ. Бойкотируя новые суды, засаженные воеводами, шляхта на сейив 1554 года вновь подтвердила свои прежнія ходатайства объ учрежденіи выборныхъ пов'єтовыхъ судовъ съ юрисдикцією, простирающеюся на всёхъ землевладельцевъ повета. На этотъ разъ господарь не отклонилъ категорически ходатайство шляхты, а лишь отложиль дело до исправления статута, а пока для облегченія шляхть возможности получать судь и управу на пановь установиль вм'єсто однихъ два великихъ судовихъ рока (на св. Мартина и на седьмую субботу). Независимо оть того господарь предоставиль шляхть во всякое время привлекать пановь, которые не судятся въ повътахъ, къ суду двухъ коммиссаровъ изъ пановъ радныхъ, по назначению господаря или по выбору самого истца.

Итакъ, самыя завътныя желанія шляхты не получили на первыхъ

порахъ удовлетворенія. Но продолжительная и напряженная война, наполнившая собою всю вторую половину великокняженія Сигизмунда-Августа, истощившая всѣ рессурсы господарскаго скарба и заставившая господаря постоянно обращаться за матеріальною и моральною поддержкою къ землевладѣльцамъ великаго княжества, сдѣлала его гораздо уступчивѣе въ отношеніи сословныхъ и политическихъ притязаній шляхты и привела въ концѣ концовъ къ исполненію ея завѣтныхъ желаній.

На сеймахъ 1551 и 1554 годовь шляхта выступала съ цёлымъ рядомъ просьбъ и жалобъ, вызванныхъ начавшимся въ то время усиленнымъ введеніемъ такъ называемой волочной системы въ господарскихъ имѣніяхъ и сопряженными съ этимъ введеніемъ послѣдствіями. Реформа эта имѣла громадное значеніе во внутренней жизни Литовско-Русскаго государства, была крупнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ ассимиляція этого государства съ Польшею. Въ этомъ отношеніи она занимаетъ не меньшее мѣсго, какъ и послѣдовавшія въ шестидесятыхъ годахъ реформы шляхетскаго судоустройства и сеймованія. Поэтому и на ближайшей очереди должно быть поставлено разсмотрѣніе этой реформы.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ. Москва 1900.

XXXVIII.

Введеніе волочной поміры и уставы въ господарскихъ иміньяхъ при Сигизмундів-Августів.

Недостаточность мѣръ, принимавшихся при Сигизмундѣ для поднятія доходности господарскаго хозяйства. — Новая устава державцамъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ Сигизмунда-Августа; борьба съ уходомъ и обнищаніемъ крестьянъ и съ малодоходною эксплуатацією земель и угодій. — Невыгодныя стороны земельнаго и повинностнаго строя и разселенія, созданныхъ развитіемъ заимочнаго землепользованія и землевладѣнія. — Распространеніе волочной системы въ новыхъ поселеніяхъ на Подляшьѣ. — Переводъ старыхъ селъ на волочную систему при Сигизмундѣ І на Подляшьѣ. — Дѣятельность по этой части королевы Боны. — Волочная помѣра при Сигизмундѣ-Августѣ; время и районъ ея пронзводства. — Волочная устава 1557 года. — Новая земельная единица — волока; уничтоженіе черезполосицы и округленіе земельныхъ участковъ. — Уничтоженіе "входовъ" и "вступовъ" въ господарскія угодья со стороны и консолидація господарскихъ имѣній. — Тенленція къ равномѣрному разселенію крестьянъ. — Новое, болѣе правильное и равномѣрное обложеніе въ селахъ и мѣстахъ. — Волочная помѣра мѣсть въ Поднѣпрскихъ волостяхъ; "поровнанье грунговъ" и повинностей въ селахъ. — Мѣры для уравченія крестьянскихъ повинностей и увеличенія господарскихъ доходовъ на южной украйнѣ.

Уже Сигизмундъ I озабоченъ былъ поднятіемъ доходности господарскихъ имѣній и два раза, въ 1514 и въ 1529 годахъ, выдавалъ инструкціи державцамъ своихъ дворовъ съ указаніемъ различныхъ мѣръ къ повышенію доходовъ съ этихъ имѣній. Но эти инструкціи мало подвинули дѣло впе-

редь. Одною изъ самыхъ важныхъ мъръ, рекомендованныхъ въ нихъ державцамъ, была осада, переводъ на оброкъ тяглыхъ и другихъ крестьянъ, служба которыхъ оказывалась лишнею въ данномъ дворъ. Мъра эта однако не принесла желанныхъ результатовъ. Господарские урядники и писари слишкомъ механически приводили ее въ исполнение, -- не обращая вниманія на разм'вры и качество крестьянских земель и угодій и на старыя повинности крестьянь, одинаково облагали "коною осаднаго" п богатаго, и б'єднаго. Благодаря этому многіе крестьяне обнищали, и нізкоторые съ своихъ отчинъ прочь ушли. Загъмъ, давая опредъленныя указанія относительно лишнихъ служов, инструкціи не говорили ничего относительно организаціи недостающихъ службъ, не давали указаній, какъ бороться съ уходомъ крестьянь, съ ихъ обнищаніемъ. Были въ нихъ недомольки и по вопросамъ чисто хозяйственной администраціи. Въ виду этого Сигизмундъ-Августъ, принявъ бразды правленія въ великомъ княжествъ, поспъшиль разослать новую инструкцію державцамь великаго вняжества какъ Виленскаго, такъ и Троцкаго повътовъ.

Въ этой инструкціи господарь вооружился противъ взгляда на отчини крестьянь, какъ на своего рода собственность ихъ. Благодаря этому взгляду крестьянскія отчины, покинутыя владільцами, неріздко пустовали, никто нхъ не бралъ изъ боязни, что вернутся отчичи и сгонять новыхъ владъльцевъ. Поэтому господарь предписывать державцамъ крестьянскія отчины, покинутыя незасфянными, отдавать другимъ крестьянамъ и не отбирать у нихъ, если бы отчичи и вернулись на свои земли. Отчичи въ такомъ случав должны получить другія земли и быть отданы на поруки, чтобы больше не волочились по сторонамъ. Лишь въ томъ случать, если крестьяне покинуть отчины оть голода и засвявь ихъ, державца должень быль ждать святой недёли или дня св. Яна и даже цёлый годъ не отдавать крестьянской отчины инымъ крестьянамъ. Покинутыя земли предписывалось отдавать новымъ тяглецамъ со всёми посёвами и постройками, со всёмъ хозяйственнымъ обзаведеніемъ, взявъ поруку въ томъ, что новый тяглецъ не растратить имущества и не сбъжить. Самимъ державцамъ строго запрещалось присвоивать себь "отбытщины" и "отумерщины" крестьянъ. Предписывая такой рашительный образь дайствій по отношенію къ покинутымъ крестьянскимъ отчинамъ, новая устава вмёстё съ тёмъ давала рядъ распоряженій и указацій съ цілью прекращенія ухода крестьянь изъ госнодарскихъ волостей. Устава предписывала державцамъ следить за темъ, чтобы господарские крестьяне не продавали и не сдавали своихъ земель околичнымъ земянамъ и болрамъ и другимъ крестъянамъ, дабы одинъ участокъ не расширялся, а другой не уменьшался ко вреду господарскаго скарба; предписывала осадные ифиязи привести въ соотвътствие съ размърами и качествомъ земель и количествомъ прежнихъ повинностей, дабы крестьяне не разорялись отъ неномърнаго оброка. Въ голодные годы державцы должны были давать льготы крестыянамъ какъ въ "данинахъ" разныхъ, тавъ и въ работъ и подводахъ. Льготы должны даваться и отдъльнымъ крестьянамъ, потерпъвшимъ отъ пожара, эпидемія и падежа свота.

Для предохраненія крестьянь оть разоренія устава предписывала подати взыскивать своевременно, послѣ сбора урожая, съ неплатящихъ не взыскивать при помощи дециихъ, ибо въ такомъ случав убогому крестьянину приходиться платить столько же, столько и подати. Лучше въ такихъ случанхъ прибъгать къ бичу, къ тюрьмъ и къ порукъ; если уже нечего взять, лучше простить крестьянину подать и дать ему возможность поправиться къ следующему году. Крестьяне разорялись нередко безбожными процентами жидовъ. Устава требовала отъ державцевъ не дозволять жидамъ одолжать крестьянь безь ведома уряда. Крестьянь, быжавшихъ изъ господарскихъ имьній, не смотря на всь эти мьры, державци должны были энергически отыскивать и препоручить ихъ всему селу на его отвётственность. Для извлеченія наибольшаго кодичества доходовъ съ крестьянскихъ земель устава предписывала державцамъ не раздавать пустовщины ни земянамъ, ни слугамъ своимъ, ни врестьянамъ до воли господарской безъ установленныхъ платежей съ нихъ. Такъ какъ крестьяне предпочитали снимать пустовщины "на поклонь", т. е. въ краткосрочную аренду за деньги, пшеницу или медь, устава предписывала прекратить раздачу пустовщинъ на этихъ условіямъ и побуждать крестьянъ брать земли на ту или другую постоянную службу. Устава рекомендовала также брать у врестыянь зыновей и отдавать вы наученые ремеслу съ тёмъ, чтобы они потомъ могли обазаться полезными для замковъ и дворовъ господарскихъ. Устава предписывала державцамъ не оставлять безъ вниманія и челяди дворной, на содержание которой много выходить, и следить затемъ, чтобы она своею работою заслуживала свой хлъбъ. Для исправности сбора господарскихъ доходовъ и для наилучшей отчетности устава предписывала старостамъ и державцамъ составить главный реестръ, въ коемъ должно быть обозначено имя каждаго подданнаго, величина его земель и количество получаемых всь него господарских доходовь. Къ этому реестру державцы и урядники должны приложить свои печати. Въ остальномъ новая устава большею частью повторяла предписанія прежней уставы 1529 года.

И эта новая устава не могла значительно возвысить доходность господарскихъ имѣній, пока господствоваль въ нихъ старый земельный строй, созданный развитіемъ заимочнаго земленользованія и землевладѣнія. При этомъ строѣ крестьянскіе земельные участки отличались крайнимъ разнообразіемъ какъ по своей величинѣ, такъ и по хозяйственному составу, — разнообразіемъ, при когоромъ было трудно установить равномѣрное и справедливое обложеніе, какъ ни требовала этого изложенная "устава" Сигизмунда-Августа. При этомъ разнообразіи господствовала сграшная черезполосица нахотныхъ земель и угодій. Крестьянскія земли и угодья не только переплетались другь съ другомъ, но и съ землями и угодьями землевладѣльцевъ шляхетскаго сословія. Послѣдніе имѣли сплошь и рядомъ освященные стариною "входы" и "вступы" въ тѣ же господарскія пущи, озера и рѣки, гдѣ имѣли входы и вступы господарскіе крестьяне. Господарскіе крестьяне имѣли сервитуты на земляхъ панскихъ или шляхетскихъ, выслуженныхъ у господаря, и наобороть: князья, паны и бояре-шляхта

нижли сервитуты на земляхъ и угодьяхъ господарскихъ крестьявъ, составлявшихъ нъкогда одно цълое съ ихъ землями и угодъями. Разбросапность земель и угодій приводила къ напрасной трать рабочаго времени; черезполосность - по всевозможнымъ столкновеніямъ и непріятностямь съ сосъдими. Къ тому же приводило и совиъстное владъніе разными землями и угодьями ивсколькихъ владвльцевъ или ивсколькихъ селеній. Исторически создавшіяся крестьянскія земельныя единицы были, какъ уже сказано въ своемъ мъсть, во владъніи и пользованіи семейно-родовыхъ группъ или сябровъ-чужеродцевъ. Это обстоительство приводило къ неравном трному распредвленію крестьянской рабочей силы по землямь и угодьямь. На иныхъ участкахъ гибздилось черезчуръ много народа, на другихъ черезчуръ мало, встедствие чего либо оставалась безь надлежащаго приложения часть рабочей крестынской силы, либо оставалась безъ должной эксплуатаціи часть земель и угодій. Вообще исторически создавшееся врестьянское землевладвије и разселенје во многомъ уже не соотвътствовало потребностямъ господарскаго хозяйства. Въ нъкоторыхъ местностяхъ размножившееся крестынство испытывало уже земельную тесноту и волочилось по наймамъ, уходя въ эпокормъ4. Въ другихъ мъстностяхъ наоборотъ лежали дъвственные пустыри, которые ждали поселенцевъ для обработки. Въ нъкоторыхъ господарскихъ дворахъ чувствовался излишекъ тяглыхъ и спепіальныхъ врестьянскихъ службъ; въ другихъ наобороть нихъ не доставало; наконецъ, были и такія м'єста, гді могло препрасно идти дворцовое хозайство, по гдв не было совстви господарских врестьянь, и гдв нередко льтали захваты и заимки сосъдніе землевладъльци-князья, паны, боярешляхта и др.

Всв эти отрицательныя стороны создавшагося земельнаго строя довольно рано стали сознаваться литовскимъ правительствомъ, которое и стало замівнять этоть строй искусственнымь распреділеніемь земли на волови, или ланы, и сдачею ихъ на чиншъ по иъмецко-польскому образцу. Впервые такая раздача примънена была еще Витовтомъ при колонизаціи Подляшья. Его прим'тру стедовали на Подляшь в п преемники его до Сигизмунда I включительно. Сначала волочная система вводилось только "на сыромъ корню", при отводъ для заселенія и обработки пущъ. Но Сигизмундъ I сталъ уже переводить на волоки целыя группы старыхъ сель на Подляшьв. Его супруга королева Бона перемврила на волоки врестынскія земли и пущи въ своихъ имѣньяхъ, полученныхъ отъ мужа, въ Пинскомъ, Клецкомъ, Городецкомъ и Кобринскомъ староствахъ, въ Кременецкомъ старостев, въ Бельске, Сараже и Городие. Спизмундъ-Августь рышился провести волочную помыру въ собственной Литовской земль и на Жмуди. Въ лицъ Петра Фальчевскаго, Пильховскаго, Лашковскаго, Градовскаго и некоторыхъ другихъ поляковъ король нашелъ опытныхъ и усердныхъ исполнителей его воли, и къ концу шестидесятыхъ годовь вся Жмудь, Подляшье и Полъсье, повыты Виленскій и Троцкій, т. е. собственная Литва, им'єли на господарских землях волочвую систему. (По примъру господаря ввели эту систему въ своихъ

имѣньяхъ и многіе частные землевлатьльцы). Какія же основныя черты этой системы, и въ чемъ состояло ея преимущество передъ старымъ земельнымъ строемъ? Отвъты на эти вопросы можно получить изъ волочной уставы, выданной державцамь господарскихъ дворовъ и ревизорамъ въ 1557 году, съ позднъйшими дополненіями и изиъненіями и инструкцій отдъльнымъ ревизорамъ, а также и изъ нъкоторыхъ другихъ современныхъ актовъ.

Новая система вводила прежде всего опредъленныхъ размъровъ земельную единицу. Такою единицею была волока, состоявшая изъ 33 морговъ въ трехъ поляхъ (приблизительно около 21½ десятины). На волоки разбивались всё дворовыя нашни, крестьянскія земли и пущи, годныя для пашни. Въ идеалѣ волоки должны были быть "прогоняными", силошными, т. е. всё три поля должны были лежать рядомъ, при чемъ усадьбы крестьянъ должны были располагаться въ среднемъ полѣ, для того, чтобы "паренина" могла служить общимъ выгономъ для скота. Въ случаѣ невозмежности вымърить сплошныя волоки, онѣ должны были составляться изъ нѣсколькихъ участковъ. Земли, оставшіяся за вымъромъ волокъ, чазивались "застѣнками". Изъ нихъ вырѣзались участки огородникамъ (по три морга), а также крестьянамъ, которые брали неполныя волоки. Кромъ того, застѣнки шли подъ сѣнные покосы, сдававшіеся ежегодно за опредъленную плату».

При разбивы престынских земель на волоки всё эти земли сливались воедино, и уничтожалась или уменьшалась обычная черезполосица крестьянскихъ участковъ. Но среди этихъ участковъ могли попадаться и участки земель, принадлежавшихъ соседнимъ шляхтичамъ. Всё эти участки также забирались въ помъру, а въ потмъну давались другіе участки господарскихъ земель, лежавшіе по соседству съ именьемъ владельца, и по жере возможности одинаковаго качества. Если не было подходящей земли, давалась земля худшаго качества, но "съ надаткомь". Одновременно съ вымеромь вологь должны были ограничиваться и измеряться огуломь леса и пущи съ болотами и озерами, куда господарскіе подданные имѣли "входи" и "вступы" вмёстё съ шляхтою и ихъ подданными, и где были также и господарскіе "ловы" и "оступы" и боргныя деревья. Волочная устава имьла въ виду ликвидировать частновладьльческие "входы" и "вступы" въ господарскіе л'єса, пущи и озера для прекращенія заимокъ, хищничества и для установленія "покою" между господарскими и частновладѣльческими "подланными". Эта ликвидація, какъ показывають акты, производилась путемъ пожалованія земельныхъ "отмінь", а также и уплатою денегь по оценке (напр., за шляхетскія борти). Благодаря всёмъ этимъ мёрамъ господарскія иміньи консолидировались и обособлялись отъ шляхетскихъ имьній гораздо рызче, чымь прежде, что вы хозяйственномы отношеніи должно было представлять значительныя выгоды. Консолидировались вм'вств съ тъмъ и крестъпнскіе участки, что въ свою очередь представляло удобства для крестыянъ.

Волока предполагалась, какъ нормальный надёль для обычнаго кре-

стьянскаго хозяйства, ведущагося силами одного крестьянина со взрослымъ сыномь или двухъ братьевъ. Поэтому устава рекомендовала въ тъхъ случаяхъ, когда на маломъ грунгѣ оказывалось много людей, разселять ихъ, осаживать ими пустыя волоки, давая имъ льготы "для вспоможенья", на два - на три года, если пустыя волоки были при селахъ, на пять-шесть и даже десять лъть, если волоки были вы пущахъ, въ черныхъ и тяжкихъ для разработки лъсахъ. При общей земельной переверсткъ предвидълось переселеніе крестьянь и по потребностямь господарскаго хозяйства. Волочная устава не ограничивалась простымъ предписаніемъ переводить на оброкъ всь крестьянскія "службы", которыя оказывались при данномъ господарскоми двори лишними, но требовала, чтобы при каждоми двори было потребное число тяглыхъ и спеціальныхъ служебъ. Тяглыхъ волокъ при важдемь дворь должно быто быть въ семь разъ больше волокъ дворной пашни; требовалось извёстное число волокъ путныхъ бояръ, конюховъ, бортниковъ и т. д., смотря по потребностямъ каждаго даннаго двора. Если волокъ не доставало, онъ должны были быть "прилучены" къ дачному двору; если не доставало врестьянь, они должны были переводиться изъ другихъ мёсть. Устава предписывала заводить фольварки съ дворными пашнями всюду, гдѣ было возможно.

Введеніе геометрически опредъленныхъ земельнихъ надъловъ давало возможность установить и болье правильное, однообразное и равномърное обложеніе. Прежде каждый земельный участокъ пивлъ свое обложеніе, сверхъ основной "службы" несъ разныя другія повинности по старинъ. Эта старина повипностей далеко не всегда соответствовала старине размъровъ самаго участка, либо увеличившагося отъ "приробокъ" и прикуповъ, либо уменьшившагося отъ распродажи по частямъ. Да и вообще, устанавливаясь вы разное время и при разныхы обстоятельствахы, повинностная старина крестьянскихъ участковъ не давала равномърнаго обложенія. Теперь по этой части произошло значительное усовершенствованіе. Единицею обложенія основными службами стала волока. Но такъ какъ основныя службы крестьянъ цфиились не одинаково какъ въ отношенін своей тяжести, такъ и въ отношении важности, то и извъстными службами облагалось иногда не одна волока, а двъ. Такимъ образомъ, путные бояре, вонюхи съдельные, или дворные, стръльцы, одверные и другіе дворные слуги, осочники, сельскіе войты получали на свою службу по дв' волоки, а врестьяне другихъ спеціальныхъ служебъ и тяглые - по одной. Уравненіе между различными разрядами службъ производилось не только путемъ отвода разнаго количества волокъ, но и путемъ сложенія или наложенія разныхъ добавочныхъ повиниостей. Крестьяне перечисленныхъ спеціальныхъ службъ получали свои болоки вольными отъ всякихъ другихъ повинностей. Крестьяне другихъ спеціальныхъ службъ, какъ тесли, слесари, ковали, колодъи, бондари, грабари, гуменники, рыболовы получали только по одной вольной волокъ. Тяглые же люди съ своихъ волокъ несли не только свои спеціальныя повинности и работы на господарской пашив и угодыяхь, но сверхь того платили чиншь, давали овесь, свно, гусей, курь,

платили на неводи, вносили стацію деньгами или натурою. Размѣръ этихъ добавочныхъ повинностей варьировался въ зависимости отъ качества земли. Съ волоки добраго грунта чиншъ устанавливался въ размѣрѣ 21 гроша, средняго—12 грошей, подлаго—8 грошей, "вельми подлаго", песчанаго или болотистаго—6 грошей. Овса съ волоки добраго и средняго грунта полагалась бочка или 10 грошей (5 за овесъ и 5 за отвозъ); сѣна—одинъ возъ либо 5 грошей (3 за сѣно и 2 за отвозъ); съ подлаго грунта ни овса, ни сѣна не взималось, но взамѣнъ того гусь или 1½ гроша, 2 курицы или 16 иѣнязей, 20 яицъ или 4 иѣнязя. На неводы со всѣхъ волокъ взималось по 2 гроша, а за стацію 2½ гроша или же натурою съ каждыхъ 30 волокъ одна яловица и два барана, съ каждой волоки по курицѣ и десятку яицъ.

Не всѣ крестьяне брали полныя волоки: нѣкоторые доволъствовались моргами, которыя вырѣзались имъ изъ "застѣнковъ". Эти крестьяне не несли никакихъ служебъ, кромѣ уплаты за моргъ добраго грунта 3 грошей и 4 пѣнязей, средняго—3 грошей, подлаго—2, вельми подлаго $-1^{1/2}$ гроша. Огородники, получавшіе обыкновенно по три морга, обязаны были служить по одному дню въ недѣлю пѣчими, а жены ихъ въ теченіи лѣта шестъ дней на жнивѣ или полотъѣ.

Крестьяне, съ которыхъ работа не требовалась по условіямъ господарскаго хозяйства при данномъ дворѣ, осаживались на оброкѣ, при чемъ должны были платить вмѣсто работь по 30 грошей съ каждой волоки "осаднаго", за 12 толокъ 12 грошей и за "гвалты" бочку жита или 10 грошей. Такое же "осадное" платили и крестьяне нѣкоторыхъ спеціальныхъ службъ въ тѣ года, когда ее не служили, напр., борти, конюхи сѣдельные или дворные.

Волочная пом'вра охватила не тольго крестьянскія, но и м'вщанскія земли. И здісь введено било однообразное и равном'врное обложеніе. М'вщане непривилегированных в мість платили прежде всего прутовое оть усадебной земли: $7^1/_2$ півнязей оть прута на рынків, 5 півнязей оть прута на улицахь; 3 півнязя оть прута огородной земли вы місті; 1 півнязь сы прута гуменной земли на предмість, а сь морга 3 гропіа. Затімы мізщане платили чиншь сь пахотныхы земель: съ волоки добраго грунта—50 грошей, средняго—40, подлаго—30; кромів того съ каждой волоки 12 грошей за толоки. Другихъ повинностей съ земель мізщане уже не обязаны были отправлять.

Нельзя не признать, что изложениая система обложенія представляла больше опредѣленности, больше количественнаго соотвѣтствія, а слѣдовательно и больше равномѣрности, чѣмъ прежняя система, основанная на глазомѣрной оцѣнкѣ величины и доходности земельныхъ участковъ. Эта система представляла и больше удобствъ для взысканія платежей и повинностей, для учета и контроля урядниковъ, производившихъ взысканія. Такъ какъ волочная устава наряду съ этимъ приникнута была стремленіемъ къ болье правильному и равномѣрному распредѣленію крестьянской рабочей силы по земельнымъ участкамъ, къ округленію этихъ участковъ и

уничтоженію вредной въ хозяйственномъ отношеніи разбросанности и черезполосицы земель, къ заселенію пустыхъ земель и расширенію господарскаго хозяйства, къ округленію господарскихъ имѣній и къ огражденію ихъ отъ захвата и эксплуатаціи другими землевладѣльцами, то и введеніе волочной системы приходится считать крупною хозяйственною реформою, воторая могла сильно поднять доходность господарскихъ имѣній.

Волочная система введена была вь собственной Литвь, Жмуди, Подляшьь, Польсьь и въ западной части Вольни. Но отрицательные результаты стараго земельнаго и податного строи давали чувствовать себи и вь остальныхь областихь Литовско-Русского государства, между прочимъ н въ данническихъ Подибирскихъ волостихъ. Здесь также образовалось крайнее разнообразіе земельных участниковь крестьянь и несооткітствіе количества лежавшихъ на нихъ повинностей съ ихъ величинею; здъсь также много господарских земель было захвачено землевладильцами. Поэтому правительство Сигизмунда-Августа вознам врилось и здысь произвести извъстное уравнение какъ въ землевладънии, такъ и въ платежахъ и повинностяхъ каждой службы, другими словами-изв'естную переверстку землевладенія и обложенія, хотя и не такую радикальную, какъ въ вышеуномянутыхъ областяхъ. Волочная помера предпринята была здёсь только для городовь, а по селамь въ 60-хъ годахъ были разосланы ревизоры, которые должны были произвести "порядокъ и постановенье" господарскихъ "пожитковъ" и "поровнанье грунговъ" между господарскими подданными. Ревизоры эти производили описание и обмежевание крестьянскихъ земель частью по сгарымъ границамъ ихъ, частью заново для приведенія въ соотвътствіе съ повинностями, огиравлявшимися съ того или другого участка, и наобороть-регулировали и фиксировали повинности въ соответствие величинъ и качеству участковъ. Такимъ "поровнаньемъ" имълось въ виду между прочимъ уничтожить образование недоплокъ, которыя уплачивались здесь сообща волостными людьми, чемъ волости уже давно тяготились. При описании и ограничении крестынскихъ участковь обмежевывались господарскія пущи и л'єса съ цілью прекращенія захватовъ со стороны другихъ землевлодъзьцевъ. Полагая предътъ самовольнымъ заимкамъ, ревизоры въ нъкоторыхъ случаяхъ производили редукцію занятыхъ господарскихъ земель и облагали ихъ податьми. Нъкогорыя изъ такихъ огопраемыхъ земель ревизоры обращали даже подъ господарские фольвархи.

Даже и на южной украйнъ правительство Спгизмунда-Августа приняло пъкоторыя мъры, задачею которыхъ было уравненіе крестьянскихъ повинностей и увеличеніе доходовъ скарба. На югь быль полный земельный просторъ, и потому тамъ не было и настоятельныхъ побужденій къ прекращенію заимочнаго земленользованія и землевладънія. На южной украйнъ чувствозалась болье всего нужда въ рабочихъ рукахъ, въ удержаніи крестьянъ на ихъ участкахъ. Крестьяне тамъ свободно переходили не только изъ имънья въ имънье, но и изъ великато княжества въ корону. Поэтому въ 1560 году туда отправленъ былъ панъ Янъ Волчковичъ, которому дано было порученіе установить одинаковые "пожитки" со всъхъ подданных какт господарскихт, такт и земянскихт, применяясь кт польскимт порядкамт и даже вт меньшемт размере, ст цёлью прекратить крестьянскіе переходы. Волчковичу предписано было, кроме того, обложить десятиною зерна всёхт владёльческихт крестьянт, которые пользовались господарскими землями, а самыя земли и поля переписать.

Таковы были мфропріятія, предпринятыя при Сигизмундъ-Августь для увеличенія доходности господарскихъ имфній. Значеніе главнаго изъ этихъ мфропріятій—введенія волочной уставы вышло, однако, далеко изъ чисто хозяйственной области и имфло свои немаловажныя послідствія какъ въ соціальной, такъ и въ политической исторіи Литовско-Русскаго государства.

Литература.

М. Любавскій, Областное діленіе и містное управленіе Литовско-Русскаго госуларства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута, Москва 1894; М. В. Довнаръ-Запольскій, Государственное хозяйство великаго книжества Литовскаго при Ягелюнахъ. Томъ І. Кієвъ, 1901; Очерки по организаціи западнорусскаго крестьянства въ XVI вікъ, Кієвъ 1905.; М. Любавскій, Реценлія на это сочинечіе г. Довнара-Запольскаго (Олчеть о третьемъ присужденіи премій П. Н. Балюшкова), Спб. 1907; Новнарій, Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи (Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VI, т. 1).

XXXIX.

Перемѣны въ положеніи населенія господарскихъ имѣній въ связи съ волочною реформою.

Окончательное обособленіе шляхты и выходь ен изь состава населенія госполарскихь домень.—Паденіе крестьянскаго землевладьній и усиленіе прикръпленія крестьянь.—Превращеніе челяди невольной въ огородниковь.—Повыя поселенія крестьянь.—Стъсненія по части эксплуатацій пустыхъ земсль и угодій.—Строгая регламентація крестьянскихъ повинностей.—Установленіе одноображія въ платежахъ и повинностяхъ мъщанъ непривилегированныхъ мъстъ.

Со введеніемъ волочной помѣры и уставы произопіло еще болѣе рѣзкое отдѣленіе шляхты отъ остального населенія господарскихъ доменъ, чѣмъ было раньше. Волочная номѣра сопровождалась прежде всего пересмотромъ правъ состоянія, которымъ рѣшался вопросъ, подлежитъ ли данная земля помѣрѣ на волоки или нѣтъ, т. е. крестьянская ли она или шляхетская. Всѣ землевладѣльцы должны были предъявлять документы на владѣніе и званіе, при чемъ не только редуцировались самовольно захваченныя земли, но и возвращались въ простое состояніе шляхтичи, неправильно присвоившіе себѣ это званіе. Такъ было, напр., въ Жмудской землѣ, гдѣ много "простыхъ" людей вкунились въ боярство и хотѣли быть шляхтою. Піляхта на сеймахъ протестовала противъ предъявленія документовъ, но господарь настоялъ на томъ, чтобы документы предъявлялись ревизорамъ

и мърчимъ для снятія съ нихъ въ сомнительныхъ случаяхъ коній и отсылки этихъ коній господарю. Введеніе волочной системы сопровождалось вмъсть съ тьмъ подробною и точною регистрацією тяглаго населенія. Все это вмъсть углубляло и расширяло борозду между шляхтою и остальнымъ населеніемъ господарскихъ доменъ.

Обособленіе шляхты совершалось не однимь только вибшнимь путемь. При производстве волочной померы было установлено и резко подчеркнуто положение, что крестьянская земля есть земля собственно господарская, такъ какъ "кметъ и вси маетность его наша (господарския) есть". Поэтому волочная устава предписывала не церемониться съ мнимыми владельческими правами крестьянъ и забирать въ померу всякій крестьянскій грунть, купленный и заставленный. Но по отпошенію къ шляхетскимъ грунтамъ устава давала совершенно другія предписанія. Если для вым'вра волокъ нельзя было обойдтись безъ занигія шлихетскаго грунта, устава предписывала найдти предварительно справедливую "отм'єну". Очевидно, господарь руководился въ данномъ случать взглядомъ на шляхетскую землю, какъ на собственность шляхги. Взглядъ этотъ развивался постепенно во всёхъ земскихъ привиленхъ, и когда началась волочная помера, оказался въ полной силъ. Такимъ образомъ, при производствъ волочной помъры окончательно порвалось всякое единение шляхты и крестьянства на почвъ землевладенія. Крестьянское землевладеніе было аннуллировано, какъ таковое; признано было только одно крестьянское землепользование. Землевладение стало уделомъ только господаря и шляхетского сословия. Уничгоженіе черезполосицы и сервитутовь шляхты на крестьянских земляхь и обратно-сервитутовъ крестьянъ на шляхетскихъ земляхъ, прекращение "входовъ" и "вступовъ" шлихты въ господарскія угодья обособили шляхту отъ остального населенія господарскихъ доменъ и территоріально. Шляхта въ сущности вышла изъ состава населенія господарскихъ домень, сравиялась до извъстной степени съ самостоятельными землевладъльцами, князьями в панами, приблизившись въ этомъ своемъ положении къ польской пляхтъ. Этоть процессь происходиль не только помимо сознанія, но и помимо воли шляхты, которая одинаково протестовала и противъ занятія ея грунтовъ въ волоки, и противъ уничтожения входовъ въ господарския пущи и угодья.

Но особенно сильно отразилось введеніе волочной уставы на положеніи господарскихъ крестьянъ. Волочная устава не только упразднила окончательно крестьянское землевладініе, существовавшее и развивавшееся фактически съ давнихъ временъ въ господарскихъ доменахъ, но цілымъ ридомъ предписаній затинула крібпко узы крестьянской неволи. Въ прежнее время члены многолюдныхъ крестьянскихъ семей сплошь и ридомъ покидали свои отчины въ господарскихъ иміньяхъ, уходили на сторону и становились вольными "похожими" людьми. Волочная устава, какъ уже было указано, предписывала многолюдныя крестьянскія семьи и товарищества разселять въ господарскихъ же иміньяхъ. Такимъ образомъ, прекращалось выділеніе изъ крестьянь-отчичей вольныхъ похожихъ людей. Въ прежнее время господарскій крестьянинъ-отчичь, непохожій человікъ,

продавъ свою отчину и посадивъ на своемъ мѣстѣ другого тяглеца, становился вольнымъ похожимъ человъкомъ. Волочная устава прекращала и этоть выходь на волю. Крестьянинъ, продавшій свое "домовство" на волокъ, посадившій на своемъ мъсть другого, не могь уже идти, куда вздумается, но должень быль осъсть либо вь господарскомы мёсть, либо вь господарской волости на мустой волокв. Въ томъ случав, если бы такой волоки не оказалось, крестьянинь, взявь оть уряда удостовъреніе, что онъ вышель, осадивь волоку, должень быль идти вы другую господарскую же волость и тамъ искать себв мёсто для поселенія. Такимъ образомь, и по отношенію къ господарскимъ крестьянамъ пріобрель полную силу тоть же самый принципъ личнаго прикръпленія, какой уже давно дъйствоваль относительно частновладыльческихъ крестьянъ. Волочная устава повторила предписанія первой уставы Сигизмунда-Августа о томъ, чтобы б'ягые и самовольно ушедине господарские врестьяне непремённо отыскирались урядомъ и осаживались на пустыхъ волокахъ даже въ тъхъ случаяхъ, когда ихъ заскрки и все "домовство" были отданы другимъ крестьянамъ.

Если увеличилась врестьянская неволя, то за то челядь невольная приблизилась въ своемъ положения въ крестьянству. Волочная устава совсфиъ не знаетъ челяди, состоящей на иждивении двора. Литовское правительство уже и раньше сознавало всю дороговизну содержанія рабовъ, подневольный трудъ которыхъ не оплачиваль этого содержанія. Поэтому уже первая устава Сигизмунда-Августа предписывала державцамъ слѣдигь за тѣмъ, чтобы челядь зарабатывала свой хлѣбъ. Теперь челядь совсфиъ изчезла изъ состава населенія господарскихъ дворовъ, но за то появились огородники, которымъ нарѣзалось обыкновенно по три морга земли, и которые обязаны были работать одинъ день въ недѣлю на барщинѣ (женщины обязаны были работать шесть дней въ лѣто на жнивѣ или полотъѣ). Эти огородники несомнѣнно образовались изъ дворной челяди и малонмущаго крестьянства. На ряду съ другими разрядами тяглаго населенія они стали облагаться "податками" на нужды государства и такимъ образомъ оказались уже въ вѣдѣніи государства.

Со введеніемъ волочной уставы послідоваль и рядь другихь большихь перемінь въ жизни господарскихь крестьянь. Волочная устава перетасовывала не только земли и угодья крестьянь, но и самыя поселенія. Согласно ея требованіямь, усадьбы крестьянь должны были идти прямою линією черезь среднее поле волокъ, которыя иміли видь расположенныхъ рядомъ прямоугольниковь, разділенныхъ на три части ("різа"). Насупротивь должны были идти такою же прямою линією гумна, такъ что образовывалась прямая широкая улица. Селенія должны были выходить многодворныя. Такъ какъ существовавшія дотолів мелкодворныя и разбросанныя селенія не подходили къ этому типу, то приходилось переселять крестьянъ. Устава предписывала ревизорамъ назначать міста для поселеній, а урядъ должень быль настойчиво ("съ пильностью") понуждать крестьянъ къ переселенію на эти міста.

Съ раздачею опредъленныхъ и точно обмежеванныхъ участковъ пре-

вращалась для крестьянъ та вольная эксплуатація пустыхь земель и угодій, которая практиковалась въ предшествующее время. Въ прежнее время крестьяне неръдко брали пустовщины нахать "сь позему" или "за ноклоны". Волочная устава запретила раздавать пустын волоки на этихъ условіяхъ, а чепременно на служов. Прекратилась возможность делать "приробки" въ господарскихъ пущахъ, косить съно, бить звърей, ловить рыбу и т. д. такъ же свободно, какъ было раньше. Волочили устава обставила все это ограниченіями и условіями. "Приробки" можно было иміть въ "застінвахъ", но за определенную плату; косить сено тамъ же, но за опредеденную плату; бить зверей можно было только на собственных волокахъ, но не въ господарской пущъ, вслъдствие чего крестынамъ, имъющимъ тамъ "входы", запрещалось брать съ собою оружіе и собакъ; рыбу можно было ловить прыгою, удою, бреднемъ, трегубицею, оборомъ и другими малыми сътками, но не взами. Устава предписывала всв "входы" до пущъ н лесовь, озерь и рекь, забиванье езовь, дерево боргное, сеножати и другіе "пожитки" на господарскихъ грунтахъ сдавать господарскимъ подданнымь, а не кому иному, "на цыншахъ и платахъ", но не за "вкупы и поклоны".

Волочная устава опредълнла точные и равномырные не только платежи, но и повинности крестьянъ. Тяглые люди должны были работать два дня въ недёлю и, кроме того, четыре толоки, за что имъ должны отпускаться три недали-на святкахъ, масленница и на святой недаль. Становиться на работу должны были съ восходомъ солнца и уходить съ заходомъ; на отдыхъ полагалось три часа въ три пріема. Опоздавшій долженъ ограбатывать на другой день столько же часовъ, сколько опоздаль; неявившійся безь уважительныхъ причинъ карался штрафомъ въ грошъ за первый день и бараномъ за второй; если же и въ третій день не являлся, подлежаль наказанію бичемь на лавкі, а пропущенные дни должень быль отработать. Дякольный овесъ крестьяне должны были отвозить на 20 миль, а свио дякольное и дворное (по возу на каждую волоку) на 15 миль; если бы пришлось вести дальше, за это полагалось соответствующее отчисленіе изь чинша и другихъ платовъ. Крестьяне обязаны были ходить въ далекія подводы и на постройку замковь и дворовь, складывансь съ трехь или чегырехъ волокъ на одну подводу или на одного работника. Но за это опять таки полагалось отчисление изъ платовъ и чинша по уставъ. Для пробада пословъ и гонцовъ въ каждомъ селеніи крестьяне и м'вщане должны были держать по два коня съ волоки, чередуясь по неделямъ, при чемъ получали съ пробажающихъ плату-по гроту на милю за каждого коня, по полтора за возовую одноконную подводу, по 21/2 за возовую двухконную подводу и т. д.

Устава ввела единообразіе и въ систему податей м'вщанъ непривилегированныхъ м'єсть. Выше были указаны разм'єры платовь за усадебную землю и волоки м'єщанъ. Кром'є того, м'єщане были обложены и промысловымъ налогомъ, а именно: купцы, торговавшіе шелковыми товарами, должны были платить по четыре гроша, торговавшіе сукнами и другими мануфактурными изделіями по два гроша, золотари также по два гроша, корчмари по грошу, продавцы горелки по два гроша, резники по грошу, все ремесленники также по грошу; коморники, занимающиеся торговлей, по два гроша. Сверхъ того полагались особые платежи съ корчомъ-капщина, по коп' грошей съ пивныхъ и медовыхъ и за запись въ реестръ четыре пвиязя, по тридцати грошей съ корчомъ, продающихъ горвлку, и два пвиязи за запись. Резники также должны были уплачивать господарю за камень лою (сала) 15 грошей и уряду за лонатки въ торговые дни: за воловью и яловичью одинъ грошъ, за кабанью пять пънязей, за баранью, козью и телячью три пънязя и писчаго два пънязя отъ каменя лою. Съ демовъ, владъльцы которыхъ не имъли ни волокъ, ни шинку (торговли), полагалась подать въ два пенязя съ воротъ. Мещане обложены были и подводными пънязями: по два гроша съ дома, по три гроша съ волоки, по шести грошей съ фольварка или съ пашни тамъ, где земли не размерены были на волоки, по шести грошей съ престъпиской службы тамъ, гдь мъщане имъли своихъ людей, по четире пъиязя съ морга и по одному пънязю съ огороднаго прута на предмъстьъ. По части платежей съ мъщанъ вь прежнее время гесподствовало большое разнообразіе по отдільнымъ мъстностямъ. Теперь это разнообразіе и неравном рность устранялись и вводились всюду одинаковые платежи.

Литература.

Тѣ же труды, что и выше на стр. 231.

XL.

Перемѣны въ управленіи въ связи со введеніемъ волочной помѣры и уставы.

Новыя крестьянскія власти—войты и лавники; ихъ функціп.—Войты въ непривилегированныхъ мѣстахъ.—Функціп державцевъ по волочной уставѣ; пхъ регламентація и усиленіе отвѣтственности урядниковъ. Доходы державцевь.—Прекращеніе юрисдикціп воеводъ и старостъ въ округахъ державцевъ.—Мѣрники и помѣрчіе и ихъ функціп. Ревизоры; ихъ роль при организаціп господарскаго хозяйства на новыхъ основаніяхъ; надзоръ и контроль надъ дѣятельностью урядниковъ и крестьянскихъ властей.—Подскарбій земскій въ роли министра финансовъ и государственныхъ имуществъ.—Особое управленіе господарскими пущами.

Волочнал устава смёнила прежнихъ врестынскихъ властей, разнообразившихся по отдёльнымъ мёстностямъ Литвы, Руси и Жмуди—всёхъ этихъ приставовъ, деситниковъ, сорочниковъ, старцевъ, введл всюду по селамъ войтовъ и лавниковъ по нёмецко-польскому образцу. Войты назначались урядникомъ, т. е. державцею или старостою, совмёстно съ ревизоромъ, съ согласія крестьянъ, для ста и болёв волокъ, въ зависимости

оть того, какіе крестьяне сидели на этихъ волокахъ, тиглые или осадные. Тяглыя войтовства по разм'трамъ были обыкновенно меньше, чты осадныя, въ виду того, что тяглому войту было гораздо больше хлопоть, чемь осадному. Во внимание къ этому и размеръ ихъ земельнаго довольствия быль не одинаковъ: тяглому войту давалось дву вольныхъ волоки, а осадному одна; другую онъ могъ взять только на чинигь. Глазною обязанностью тяглаго войта было-выгонять людей на работы и падзирать за ихъ выполненіемъ. Войть должень быль находиться и при отправленіи крестьянами другихъ повинностей, напр., при отвозъ и сдачъ дяпольнаго овса. Онъ долженъ быль также выгонять людей своего войтовства съ чиншемъ и другими платами и быть при ихъ взнось; отъ него отбирались показанія объ нмущественномъ положении недонмициковъ, на осповании которыхъ могли дълаться имъ разныя льготы. На обязанности войта было ежегодно исправлять границы и концы волокъ принятыхъ и пустыхъ, стедить затемъ, чтобы не искажались межи отъ сосъдей, а обо всёхъ замеченныхъ по этой части фактахъ доносить уряду. Войту принадлежало ивкоторое участіе и въ судъ надъ крестьянами. Онъ долженъ быль по требованію урида ставить нхъ къ суду; деций посылался лишь въ томъ случат, когда крестъякичь не слушался войта. Войть обязань быль присутствовать и на самомъ судв н "справедивости подланому допомогати". Между прочимъ онъ долженъ быль следить за темь, чтобы урядь не браль лишнихъ "винъ" и "пересудовь", а о замъченныхъ злоупотребленіяхъ доносить ревизору, вести списокъ взысканныхъ "винъ" и представлять его ревизору. Вообще, ставя войта въ подчиненное положение въ уряду, требуя отъ него исполнения его приказаній, устава въ то же времи стремилась сділать войга органомъ надзора за действіями уряда. Войть подъ страхомъ жестокихъ каръ обязывался доносить обо всехъ элоупотребленіяхъ уряда, напр., объ освобожденіи за деньги оть работь, о сдачь въ аренду пустыхъ волокъ и т. под.-Что касается лавниковт, то они назначались вь числё двухъ, трехъ и большемъ въ каждомъ сель. Ихъ главная обязанность была — осматривать "шкоди" врестьянъ въ потравахъ и другихъ случаяхъ и давать показанія уряду. Къ нимъ обращались какъ сами крестьяне, такъ и урядъ и въ другихъ случаяхъ, напр., при разследовании причинъ неявки крестьянина на работу, имущественнаго положенія недонищика, при разследованіи объ утаенныхъ н захваченныхъ земляхъ, о злоупотребленіяхъ должностныхъ лицъ и т. д.

Кром'в селъ, войты учреждены были по волочной уставв и въ непривилегированныхъ м'встахъ, гдв дотол'в въ большинств случаевъ не было никакихъ аналогичныхъ властей, и гдв всвыъ распоряжался дворный урядъ. Устава не говорить подробно о положении и обязанностяхъ м'встевихъ войтовъ; они просто должны были "порадку въ м'вствхъ и пожитковъ (господарскихъ) примножати и догл'вдати". Надо думать, что ихъ положеніе и обязанности были приблизительно тв же самыя, что и сельскихъ войтовъ.

Въ качествъ приказчиковъ, управляющихъ господарскими имъньями волочная устава оставила по прежнему урядниковъ, т. е. державцевъ (кое-

гдъ старостъ и воеводъ), коимъ предоставила имъть намъстниковъ. Функціи урядниковь по волочной уставъ предполагались тъ же самыя, что п по прежнимъ уставамъ. Они обязаны были озаботиться, чтобы вся дворная пашня была своевременно засіжна, чтобы собранъ быль и обмолочень, какъ следуеть, урожай; обязаны были следить за темъ, чтобы сеножати дворныя не залегали, чтобы все стно было скошено и свезено, куда слъдуеть. Устава предписывала имъ разрабатывать и огороды дворные, разводить рогатый скоть, овець и козь, устраивать "стави" и рыбныя "сажавки", гдь было можно, также мельницы и фолюши (мельницы для обработки руды) и т. д. Всъ хозяйственныя распоряженія и приказы по этой части должны были исходить отъ урядниковъ. Они же должны были наказывать господарскихъ подданныхъ за неявку и нерадъніе въ отправленіи повинностей денежными штрафами и телесными наказаніями. Урадники реализовали на деньги доходы отъ дворней пашни, съножатей, огородовъ, скота. Они же сдавали на оброкъ разныя хозяйственныя статьи - бортные ухожан, рыбныя довли, пахотным земли и сънные покосы. Илконецъ, урядники обязаны были принимать на господарскомъ дворѣ или въ мѣстѣ, или въ определенномъ селъ чинши и всякіе другіе платежи отъ господарскихъ подданныхъ, начиная отъ дня св. Михаила до дня св. Мартина, при чемъ неисправныхъ плательщиковъ могли наказывать "вязеньемъ", а подать взыскивать черезъ дъцкаго. Устава предписывала, однако, освобождать отъ наказанія и взысканія тъхъ крестьянь, которые по разслідованію на мість не уплагили податей или оброковъ "за пожогою, за вымеретьемъ або за хворобою всего дому, за голодомъ, за побитьемъ граду и за убожествомъ", и требовала, чтобы во всякомъ случат не конфисковались у крестьянъ волы и кони, "за циншъ и ни за што иное... николи". Всемъ господарскимъ подданнымъ урядники обязаны были давать судъ и управу, а также и владельческимъ подланнымъ по жалобамъ и искамъ на господарскихъ, при чемъ виновныхъ обязаны были штрафовать, а съ выпгравшихъ тяжбу брать "пересудъ".

Отличіе волочной уставы отъ предшествующихъ касательно функцій урядниковъ состояло въ томъ, что волочная устава обставляла эти функцій большею регламентацією, большею отчетностью и отвътственностью, чъмъ прежнія уставы, и кромь того подчиняла ихъ контролю и руководству особыхъ экономическихъ инспекторовъ— ревизоровъ. Устава требовала, чтобы вся пашня дворная непремънно была засъяна; если урядникъ по небрежности не засъеть или сдасть въ аренду, подвергается штрафу по десяти копенъ хльба за каждый незасъянный моргъ. Хльбъ молотить урядникъ долженъ по возможности сыромолоткою, а не сушеный въ овинахъ, такъ какъ солома отъ несушенато въ овинахъ хльба болье полезна для скота, чъмъ отъ сушенаго. Овины должны дълаться поодаль отъ амбаровъ и скирдовъ для безопасности отъ огня. При каждомъ фолькаркъ должны содержаться по крайней мъръ двадцать коровъ, а то и болье, овцы и козы, которыми должны завъдывать бабы и дъвки подъ надзоромъ двормички, или ракуньи. Этой рыкуньъ полагалось жалованье по двъ копы

грошей на годъ и содержаніе по три бочки ржи съ господарскаго гумпа и четвертая съ урядничьяго гретьяго снопа. Всему скоту долженъ быль вестись тщательный реестръ, при чемъ отъ каждой дойной коровы урядникъ долженъ быль вносить двадцать грошей въ скарбъ, отъ каждой старой овцы за волну (шерсгь)—одинъ грошъ, отъ молодой—полгроша, отъ дойныхъ козъ и овецъ—по усмотрѣнію ревизора; за шкуру павшаго вола—пять грошей, за шкуру павшей коровы $2^{1/2}$ гроша и т. д.

Всв собранные доходы урядники должны были отвозить на крестьянскихъ подводахъ въ Вильну въ скарбъ своевременно, до Рождества, и сдать подскарбно или писарю скарбному, получивши оть него "квитъ". Затъмъ въ назначенные сроки, между первымъ миваря и 5 мая, должны учинить "личбу" въ скарбъ передъ писарями скарбными, т. е. представить приходо-расходный отчеть "по речстромъ и уставъ ревизорской" съ объясненіемъ причинъ недобора, если бы таковой оказался. Устава требовала строгой и неукоснительной отчетности и предписывала забирать въ казну имънье урядника, не собравшаго безъ уважительныхъ причинъ всъхъ господарскихъ доходовъ и не представившаго своевременно приходо-расходный отчеть, пока онъ не представить денегъ и отчета.

Подчиная державы непосредственному въдънію органовъ центральнаго управленія, волочная устава порывала тъ связи, которыя соединяли прежде державы съ областными центрами. Устава постановляла, что впредь ни воеводы, ни староста Жмудскій не имѣютъ давать "позвы" и посылать дъцкихъ въ державы, но всѣмъ подданнымъ будеть даваться судъ и управа на мѣстѣ урядниками.

Нѣкогорыя нововведенія послѣдовали вмѣстѣ съ волочною уставою въ доходахъ державцевь. Они имѣли впредь получать: весь плать съ каждой десятой волоки, кромѣ сѣна и овса, третій сношь всякаго хлѣба съ господарскихъ гуменъ, десятую рыбу при спускѣ господарскихъ ставовъ, пересудъ въ 5%, дѣцкованье и помильное слугамъ, выводную куницу въ 12 грошей, третій грошъ съ "винъ", за порчу межъ 12 грошей, штрафы съ крестьянъ за прогулъ, записного съ волоки 14 грошей, при сборѣ овса на господаря отъ бочки по пѣнязю.

Для проведенія волочной пом'єры и уставы въ жизнь созданы были особые органы, ставшіе на ряду сь обычною администрацією и отчасти надъ нею. Низшую, чисто исполнигельную роль среди нихь играли мюрмики, разбивавшіе земли на волоки. Въ м'єрники выбирались ревизорами люди ум'єлые и опытные; за свои труды они получали по десяти грошей съ каждой вновь вым'єренной волоки. М'єрники должны были оставаться и по окончаніи волочной ном'єры по одному на каждый дворь—для пров'єрки и возстановленія границь отд'єльных волекь и на случай нарушенія границь со стороны сос'єдней шляхты, при чемь за свой трудь должны были получать по 2 гроша съ волоки. Могь быть и для н'єсколькихь дворовь одинь м'єрникь, который получаль въ такомь случа три вольныхь волоки и одно войтовство. Работою м'єрниковъ при первоначальной разбивк'є волокь руководили помюрчіе, которые осматривали шляхетскіе

документы и грунты, отводили "отмѣны" вымѣрали волоки на церковь и т. д. Работу марниковъ и помарчиевъ проваряли ревизоры. Ревизоры не только стедила за исправностью технической стороны дела, но и устанавливали господарские "пожитки", опредъляли, напр., количество оброка, который доджень быль взиматься за разныя хозяйственныя статьи вь господарскихъ имфиьяхъ, указывали, гдф должны быть построены мельницы, рыбные садки, фольварки, корчмы, гдв могуть содержаться табуны лошадей и т. д. Вообще въ организаціи господарскаго хозяйства на новыхъ основаніяхъ ревизорамъ принадзежала діятельная роль. Они распреділяли села, грунты и съножати между господарскими дворами, приписывали людей въ господарскимъ "ловамъ" и "оступамъ", опредъляли потребное количество спеціальных служебъ для того или другого двора, вибств съ урядомъ осаживали людей на пустыхъ волокахъ или на сыромъ корню, санкціончровали льготы, дававшіяся новоселамь и т. д., и т. д. Возлагая такія обязанности на ревизоровъ, волочная устава требовала, чтобы они были люди добросовъстные, свъдующие въ волочной помъръ и въ хозяйствъ, для того чтобы могли все выведать и указать уряду, въ чемъ можеть быть господарскій пожитокь. Но дізтельность ревизоровь не ограничивалась только первоначальною организацією господарскаго хозяйства по новой системь: они должны были следить и за действіемъ новой уставы и контролировать съ этой стороны деятельность господарскихъ урадниковь. Волочная устава предписывала, чтобы всё урядники, кром'в пановъ радныхъ и лицъ, занятыхъ посольствами и другими государственными "послугами", ко времени прі'єзда ревизора находились въ своихъ державахъ. Они должны были обо всемъ давать ведомость ревизору и свои объясненія, если бы произошель какой убытокь господарскому хозяйству или какая обида господарскимъ подданнымъ. Урядники должны были отвѣчать передъ ревизоромъ по жалобамъ подданныхъ на ихъ намъстниковъ, даже если бы этихъ намъстниковъ не было на лицо, и дать по нимъ соотвътствующее удовлетвореніе. Если бы они не хотіли ділать этого, ревизоръ долженъ быль дать знать господарю или подскарбію земскому и ждать дальнійшихь инструкцій, не събзжая съ уряда. Ревизоръ долженъ быль проверять наличность хльба и зерна въ господарскихъ дворахъ, наличность скота, записи "винъ", т. е. взысканныхъ судебныхъ штрафовъ, оценивать правильность и цълесообразность произведенныхъ расходовъ, дов'ядываться о томъ, засъвается ли вся дворная пашия, убираются ли дворные сънокосы, не сдаются ли "въ поклоны" пустыя волоки, не сдаются ли въ аренду разныя хозяйственныя статьи мимо господарскихъ подданныхъ, не откупается ли вто отъ работъ, не взимаются ли "вины" и "пересуды" сверхъ уставы и т. д. При эгой проверке ревизоръ долженъ былъ пользоваться показаніями войговь, лавниковь и другихъ крестьянь. Дентельность войтовъ также подлежала контролю ревизоровъ, при чемъ войтовъ, оказавшихся неисправными, ревизоръ сообща съ урядникомъ отставляль и заменяль другими. На ревизоровь возлагалась обязанность составлять подробныя описанія хозяйственнаго состоянія господарских дворовь, преистры" ихъ ревизіи. Для того,

чтобы дъятельность ихъ отличалась единообразіемъ и систематичностью, имъ данъ быль общій руководитель въ лиць старосты Кнышинскаго Петра фальчевскаго. Съ этимъ фальчевскимъ, носившимъ титулъ "справцы пожитокъ и дворовъ господарскихъ", регилоры должны были събъжаться ежегодно и обо всемъ, что относилось къ ихъ должности, совыщаться и уговариваться. Фальчевскій и лично объбъжаль господарскіе дворы, гдъ вводилась волочная устава, и давалъ соотвытетвующія указанія и распоряженія. Когда было нужно, фальчевскій долженъ былъ обращаться къ первому члену господарской рады (пъъ свытекихъ), воеводы Виленскому, маршалку земскому и канцлеру великаго княжества Миколаю Радивилу, который уполнемоченъ былъ господарємъ давать надлежащія указанія и оказывать содъйствіе во всыхъ дълахъ, касавшихся пожитковъ и груптось

господарскихъ.

Со введеніемъ волочной уставы повышалось и значеніе подскарбія земскаго. Сигизмундъ-Августъ съ самаго начала, разсылал первую свою уставу, предназначалъ подскарбія къ болье актирной роли въ отношеніи своего хозяйства, чёмъ была роль государственнаго казначея. Предполагалось, что подскарбій объбдеть лично господарскіе дворы и установить на ивств всв уставы касательно замковь, державь и дворовь. Нъсколько позже, при введения волочной уставы, эта задача была возложена на ревизоровь и ихъ старшину - справду пожитковь дворовъ господарскихъ. Но эти новыя должностныя лица оказались въ сущности мъстными агентами подскарбія земскаго, которому отдано было въ руки центральное управление господарскими имѣньями в ведение центральной отчетности. Ревизоры должны были събзжаться съ своими докладами къ подскарбію, при которомъ въ это время долженъ быль находиться и главный "справца пожитковъ господарскихъ дворовъ". Подскаройй въ случат смерти какоголибо старосты и державцы посылаль ревизора для переписи оставшагося въ господарскомъ дворъ имущества и управленія державою впредь до назначенія новаго державцы; подскарбію въ случав отсутствія господаря ревизоры докладывали о тёхъ урядиппахъ, которые не пожелали отвёчать передъ ними по жалобамъ на нихъ господарскихъ подданныхъ; у подскарбія въ отсутствіе господаря ревизоры и державцы брали разрѣшеніе на возведеніе значительныхъ построекъ; подскарбій же даваль разръшеніе на заствъ дворной пашни старымъ зерномъ или купленнымъ, или взятымъ изъ другого двора, въ случай недостатка зерна новаго урожая; онъ же разрышаль давать хльов господарскимь крестиянамь "въ отсонь", сдавать въ аренду шинки и т. д. Новая устава подчинила подскарбію земскому въ отношении отчетности старость, державцевъ и тивуновъ, городничихъ, влючниковъ, неводничихъ, бобровинчехъ и т. д., которые прежде учитывались особыми коммиссіями. Теперь всь эти дворцовые управители должны были сдавать деньги и отчеты уже подскарбію земскому или одному изъ его ближайшихъ помощниковъ, писарю скарбному, и получать отъ нихъ квитанціи, уплачивая за нихъ по дла гроша. Для принятія отчетовъ въ скарбъ установлена была извъстная очередь. Подскарбію предоставлено было право по докладу господарю объ урядникахъ, не сдавшихъ въ срокъ денегь и отчета, отбирать у нихъ имѣнья и прилучать ихъ къ какомулибо господарскому двору или же отдавать ихъ въ заставу постороннимъ лицамъ въ извѣстной суммѣ впредь до сдачи денегъ и отчета, а въ томъ случаѣ, если бы имѣнье не стоило ожидаемой недоимки, отстранять урядниковъ отъ должности впредь до полученія указаній господаря, что далѣе дѣлать съ такими урядниками. Такимъ образомъ, подскарбій земскій статъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ министромъ государственныхъ имуществъ и финансовъ.

Одновременно съ обмѣромъ и перемѣромъ господарскихъ земель, находившихся въ державахъ, составленъ въ 1559 году Григоріемъ Воловичемъ обмъръ и описаніе лъсныхъ незаселенныхъ пространствъ—пущъ и находившихся въ нихъ звёриныхъ переходовъ. Эти пространства предназначались частью для колонизаціи, частью для эксплуатаціи находящихся въ нихъ угодій, непосредственной и оброчной. Всѣ эти пространства разбиты были на извъстные обруга, во главъ которыхъ поставлены были авсничие. Эти лъсничие должны были объъзжать свои лъсничества и наблюдать за тымь, чтобы господарю не чинилось никавыхъ "шкодъ" на въ дерев'в, ни въ зв'вряхъ, ни въ другихъ отношевіяхъ. Л'всничіе обязаны были следить за темъ, чтобы никто не вывозиль дерева стоячаго безъ разръшенія господаря, а кому дано это разръшеніе, вывозить бы не больше дозволенинаго количества; чтобы сухое дерево и хворость возили одни только господарскіе подданные; чтобы л'ясныя работы велись тамь, где было указано, и чтобы будники не портили и не брали дерево тамъ, гдъ имъ не было разрешено. Спеціальная устава, выданная лесничимъ, запрещала имъ самостоятельно выдавать лёсь, исключая тё случая, когда лёсь требовался на поправку плотинъ, мельницъ и другихъ построекъ на господарскомъ дворъ или на возобновление сгоръвшихъ крестьянскихъ избъ. Но отпуская въ такихъ случаяхъ льсь, льсниче должны были тщательно его регистровать. Надзору л'ясничихъ поручались с'яные покосы въ пущахъ, которые они должны были либо косить на господаря, либо сдавать за плату господарскимъ подданнымъ; на лесничихъ же воздагалась обязанность наблюдать за бортными деревьями, бобровыми гонами, зв риными и рыбными ловлями и эксплуатировать ихъ на господаря при помощи полазниковъ, бобровниковъ, осочниковъ и стръльцовъ. Наконецъ, въдьнію ихъ подчинены были и всв "воляне", т. е. крестьяне, вновь посаженные въ пущахъ на волокахъ. По отношению ко всемъ этимъ людямъ лесничие играли роль державцевь, отводили имъ волоки, собирали съ нихъ чиншъ и другіе поборы судили и т. д. Вообще лъсничества были въ сущности державами въ заселяемыхъ пространствахъ и превращались затъмъ въ настоящія державы, какъ только набиралось населеніе. Д'ятельность л'есничихъ пров'ерялась и направлялась, какъ и дъятельность державцевь, ревизорами. Но сверхъ того, было лицо, игравшее роль главнаго лесничія. Таковымъ былъ сначала панъ Станиславъ Довойна, а затъмъ ловчій господарскій Григорій Воловичь, Каждый лесничій получаль три волоки на фольваркъ и шесть

осъдлыхъ волокъ для работъ на фольваркъ, по одной бочкъ овса съ каждыхъ десяти волокъ и по грошу въ годъ съ каждой волоки, пользующейся

сухимъ деревомъ.

Хозяйственныя мѣропріятія Спгизмунда-Августа несомнѣнно подняли доходность госпедарскихъ имѣній. Но всѣ эти доходы стали уплывать еще быстрѣе, чѣмъ прибывали, благодаря войнѣ за Ливонію, въ которую втянулось Литовско-Русское государство.

Литература.

М. В. Довнаръ-Запольскій, Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI в. Кіевъ 1905. М. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ. Москва 1901.

XLI.

Присоединение Ливони къ великому княжеству Литовскому.

Наступленіе Москвы на Ливонію и необходимость для Литовско-Русскаго государства защитать ес.—Договоръ 1559 года о защить Ливоніи и начало военныхъ дъйствій.— Подчиненіе Ливоніи Сигизмунду-Августу.—Опустошенія и завоеванія москвитянъ на территоріи Литовско-Русскаго государства.—Назначеніе Ходкевича гетманомъ и администраторомъ въ Ливоніи.—Договоръ 1566 года объ уніи Ливоніи съ великимъ княжествомъ Литовскимъ.—Значеніе Ливонской войны въ исторіи Литовско-Русскаго государства.

Въ 1558 году московскія войска страшно опустошили Ливонію, взали Нарву, Лерпть, Нейгаузь и другіе города и грозили дальнъйшими завоеваніями. Не добившись помощи ни оть Германіи, ни оть Даніи, ни оть Швецін, ни оть Польши, ливонцы обратились въ Литв'в и нашли у нея сочувствіе и желанную поддержку. Расширеніе владіній Московскаго государя на счеть Ливоніи угрожало жизненнымъ интересамъ Литовско-Русскаго государства. Во первыхъ, завоевание общирной и, по признанию современниковъ, богатой по природъ, экономически благоустроенной и хорошо укръпленной области должно было усилить могущество и безъ того сильнаго и опаснаго врага; во вторыхъ, завоеваніе Ливоніи отдавало въ руки Московскаго государя отпускную торговлю Бізгоруссін и части Литвы: Рига стягивала къ себъ по ръкъ Двинъ разнообразное сырье изъ Полоцкой и Витебской земель, а по ръкъ Мушъ – изъ Жмуди; наконецъ, утвержденіе власти могущественнаго Московскаго государя въ Ливоніи могло повлечь за собою появление его флота на Балтійскомъ морѣ, что въ свою очередь грозило опасностями и отпускной торговав, шедшей черезь Данцигскій порть. Всё эти опасности ясно сознавались государственными людьми и господаремъ великаго книжества. Поэтому, когда ливонцы обратились къ нимъ за помощью, они поспъщили созвать великій вальный сеймъ, куда прибыль и Ливонскій магистръ Кеттлеръ (літомъ 1559 года). 31 августа

1559 года быль заключень договорь, вь силу котораго магистрь отдаваль себя, весь свой Ордень со всёми его владеніями подъ протекторать и опеку Сигизмунда-Августа, какъ великаго князя Литовскаго, а въ возмъщеніе военныхъ расходовь, могущихъ пасть на литовско-русскаго господаря, отдаваль ему пять замковь (Бовскь, Розитень, Люцень, Динабургь и Зельбургъ) со всеми ихъ территоріями, съ населеніемъ и со всеми доходами, оставляя за собою право по окончаніи войны выкупить эти замки за 600 тысячь золотыхъ польскихъ, а если войны не будеть, то получить эти замки обратно безъ выкупа. Съ своей стороны Сигизмундъ-Августъ обязался отправить пословь къ Московскому государю съ требованіемъ прекратить военныя действія противъ Ливоніи и возвратить награбленное имущество и плённыхъ, а если царь откажеть во всемъ этомъ, двинуть свои войска и защищать всеми силами Ливонію. 15 сентября въ этому договору присоединился и Рижскій архіепископъ съ вапитулою, сословіями и всёми подданными своихъ владеній, при чемъ уступиль Сигизмунду-Августу на тъхъ же основаніяхъ, какъ и магистръ, два замка (Маріенгаузенъ и Леневарде) и два двора (Лабонъ и Бирзенъ), оставивъ за собою право по окончанія войны выкупить эти замки и дворы за 100 т. золотыхъ. Какъ и следовало ожидать, дипломатическое предстательство за Ливонію потерпъло полное фіаско, и литовцы должны были взяться за оружіе.

Военныя действія начались въ ноябре 1559 года и продолжались и въ 1560-мъ, и 1561-мъ году. Въ нихъ участвовали какъ наемныя войска, разставленныя по ливонскимъ замкамъ, такъ и земское ополчение великаго вняжества, выступавшее три раза на защиту Ливоніи противъ москвитянъ. За это время обнаружилось съ полною ясностью, что страна, на защиту воторой выступило Литовско-Русское государство, находится въ состояния полнаго политическаго и моральнаго банкротства и разложенія, и что защитить ее, сохрания ея самостоятельность, въ сущности немыслимо. Еще въ началъ 1560 года Эзельскій епископъ поспъщиль продать свое владініе датскому королевичу Магнусу, который въ половинъ апръля 1560 года высадился въ Эзель, а затьмъ въ Гапсаль, гдь быль принять съ огверстыми объятіями населеніемъ. Приміру Эзельскаго епископа послідоваль вскор'в епископъ Ревельскій и фогть Зонненбургскій. Эти пріобр'втенія Данін возбудили аппетить и у шведскаго короля Эриха XIV, который въ іюнь 1561 года прислаль пословь вы Ревель склонять жителей вы подданству Швецін, об'ящая имъ помощь и защиту отъ Москвы. Посольство это увънчалось полнымъ успъхомъ, и ревельцы поддались Швеціи. Обыватели незанятой еще части Ливоніи сомніввались въ томъ, что магистръ и архіепископъ сумбють отстоять ихъ независимость, не имбли увбренности въ собственныхъ силахъ и тянули въ разныи стороны: часть склонялась въ Данін, другая — въ Швецін, нікоторые готовы даже были броситься въ объятія Москвы, остальные желали стать подъ владычество Польши и Литвы. Всв, впрочемъ, согласно осуждали Орденъ и сваливали на него причину всёхъ бёдъ. Рыцари Ордена, всёми ненавидимие, жаждали переміны формы правленія, отміны безбрачія (среди нихъ распространился

протестангизмъ) и избранія насл'ядственнаго князи. Дни Ордена были сочтены, и онъ уже не могъ существовать, какъ самостоятельное государство. Поэтому литовскому правительству надо было позаботиться объ обезпечении интересовъ великаго княжества. Посланный въ Ливонію съ н'эсколькими тысячами наемнаго войска воевода Виленскій и канцлеръ Николай Раливиль уговориль литовцевъ поддаться подъ власть короля Сигизмунда-Августа. Въ ноябръ 1561 года въ Вильну на сеймъ прибыли магистръ и архіепископъ съ своими советниками и депутаты отъ рыцарства и городовъ. 28 ноября быть составлень акть о подчинени Ливонии. Ливонии желали уни не съ однимъ великимъ княжествомъ, но и съ короною Польскою, полагая, что оть двухъ государствъ они получать больс върпую защиту, чёмъ огъ одного. Но такъ какъ для этого надо было имъть формальное согласіе поляковъ, а поляки сдержанно относились къ этому вопросу до осуществленія унів сь Литвою, то лизонцы подзались сначала лично Сигизмунду-Августу, вакъ королю Польскому и великому киязю Литовскому. Сигизмущат-Августъ съ своей стороны обязался склонить поляковь къ утвержденію договора и къ принятію Ливоніи подъ свою защиту. На тоть случай, если бы Польша отказалась сублать это, устанавливалось, что Ливонія присоединяется къ великому княжеству Литовскому. Какъ провинція Польши и Литвы, Ливонія им вла впредь управляться королевским в нам встником в и старостами нымецкаго происхожденія, съ сохраненіемъ правъ и вольностей сословій и самоуправленія городовъ. Магистръ Кетглеръ, сложившій съ себя свое званіе, получиль Курляндію и Семигаллію вь вассальное насл'єдственное владение съ тигуломъ герцога. Онъ же объявленъ былъ и королевскимъ намъствикомъ въ Ливоніи. Въ виду того, что предшествующею войною были совершенно исчерпаны силы и средства ливонскихъ землевладъльцевъ, Сигизмундъ-Августь обязался снабдить ливонскіе замки служебными людьми, об'вщаль кром'в того освободить магистра оть уплаты долговь Данцигу и Ригь, помочь обывателнив Вендена, Вольмара и Пернова въ уплать ихъ долговъ и доставкою для нихъ хлъба и другихъ предметовъ необходи-

Хотя ливонцы имѣли вь виду и польскую помощь, но вся тяжесть войны обрушилась на великое княжество Литовское. Въ то время какъ всѣ военныя силы великаго княжества стянулись въ Ливонію, раннею весною 1562 года москвитяне вторглись въ Бѣлоруссію и сильно опустошили окрестности Витеоска, Дубровны, Орши, Копыса и Шклова. Театръ войны перенесси такимъ образомъ на собственную территорію великаго княжества Литовскаго. Въ слѣдующемъ, 1563-мъ году Московскій царь внезапно напаль на Полоцкъ и 15 февраля взяль его. Въ 1564 году литовцы получили реванизъ литовскій гетманъ Миколай Юрьевичъ Радивилъ разбиль на р. Улѣ, на Чашницкихъ поляхъ, князя Петра Ивановича Шуйскаго съ 30-ти тысячнымъ войскомъ; другой отрядь въ 50 тысячъ подъ начальствомъ кн. Петра Серебрянаго, узнавъ о пораженіи Шуйскаго, бѣжалъ въ паникъ, побросавъ оружіе и съѣстные припасы. Но въ концѣ того же 1564 года москвитяне снова начали брать верхъ. Московскій воевода Юрій Токмаковъ

занялъ Витебскій замокъ Озерище. Москвитяне усівшно воевали и въ Ливоніи и уводили отгуда большіе полоны. Попытка литовцевъ перейдти въ наступленіе на московскія владёнія съ югозапада потерпъла неудачу: воевода Кіевскій кн. Конст. Острожскій и староста Чернобыльскій Филонъ Кмита, напавшіе на Черниговъ, были отбиты. Тяжесть борьбы за Ливонію для Литовско-Русскаго государства усилилась виступленіемъ шведовъ, которые въ томъ же 1564 году начали распространять свои завоеванія въ Ливоніи изъ Ревеля.

Чтобы всв жертвы, приносимыя для Ливоніи не пропали даромь, литовское правительство съ одобренія Берестейскаго сейма 1566 г. ръшило измънить систему управленія Ливонією. Вмѣсто Кетмера въ Ливонію назначенъ быль "гетманомъ и администраторомъ" панъ Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ, староста Жмудскій. Ходкевичу была представлена высшая военная и гражданская власть въ области съ чрезвичайными полномочіями. Онъ получиль право созывать на войну подъ свое начальство всёхъ военнослужилых землевладальцевь области, установлять для нихъ размары военной служом съ вкъ пивній, отопрать имінья у неявившихся на его зовъ и раздавать людвит взелуженнымь, докладывая королю. Ходкевичу подчинены были и всё ротмистры и наемныя войска: онъ должень быль принимать ихъ на службу и увольнять, выплачивать имъ жалованье, распределять по замкамъ, давать на нихъ судъ и управу по жалобамъ на обиды и притесненія сь ихъ стороны. Такъ какъ великое княжество и безъ того уже потратило много средствъ на Ливонію, то на будущее время предполагалось привлечь къ несенію финансовыхъ тягостей и обывателей Лифляндской земли. Ходкевичу предоставлено было право собирать областные сеймы въ Ливоніи н требовать оть нихъ субсидій. Косвенные же налоги, т. е. торговыя пошлины, Ходкевичу предоставлено было устанавливать и регулировать собственною властью, а равно также и чеканить монету извъстной формы и въса. Ходкевичъ получилъ право воздвигать новые замки, раздавать господарскіе замки и дворы въ Ливоніи въ держанье достойнымъ людямъ, смѣшать старость и державцевь съ ихъ должностей, издавать различныя предписанія по господарскому хозяйству, раздавать земельныя имінія заслуженнымъ людямъ по докладу королю, судить по анпелляціи оть м'єстныхъ судовь и издавать законы съ совъга мъстныхъ сословій и одобренія короля. Словомъ, Ходкевичъ получилъ, по выражению данной ему грамоты, ту же самую власть въ Ливонін, какою бы пользовался самъ господарь, если бы находился въ этой области. Передъ отправленіемъ на мѣсто назначенія Ходкевичь получиль инструкцію всически склонать ливонцевь на предстоящемь Рижскомъ сеймъ въ уніи съ великимъ княжествомъ Литовскимъ.

Ходкевичъ исполнилъ возложенную на него миссію. На сеймъ, собравшійся въ концѣ 1566 года въ Городнѣ, прибыли ливонскіе уполномоченные и привезли на утвержденье трактать, заключенный Ходкевичемъ съ ливонскими чинами. Въ силу этого трактата обыватели земли Лифляндской признали великаго князя Литовскаго своимъ верховнымъ и наслѣдственнымъ государемъ, обязались никогда не отдѣляться отъ великаго княжества, но

всегда быть съ нимъ въ подданствъ у одного государя, сообща избирать его и не иначе, какъ изъ рода настоящаго государя, не заключать никавихъ договоровъ отдъльно и помимо великаго княжества, отправлять общіе сь нимъ сеймы, на которыхъ должны быть отведены приличныя мъста чхъ сенаторамъ и посламъ. Для себя ливонцы выговорили: венарушимость своихъ старинныхъ правъ и вольностей съ добавлениемъ новыхъ, если это потребуется для уравненія съ великимъ княжествомъ, аугобургское исповъданіе въры и недопущеніе вновърной пропаганды, учрежденіе коллегіума иля подготовки образованных проповедникова и насторова, супера-интендентовъ, членовъ консисторіи, визитаторовъ, ректоровъ школъ, профессоровъ школь, начальствующихъ лицъ и т. д., учреждение школь и церквей для народа, преобразование женскихъ монастырей въ учебно-воспитательныя заведенія для девиць и въ пріюты для престарылых женщинь, для лишившихся крова и имущества отъ войны; зам'ящение всехъ замковыхъ и городскихъ должностей мъстными уроженцами, знающими нъмецкій языкъ, разжыение страны на четыре округа и учреждение для важдаго округа уголовногражданского трибунала изъ трехъ земскихъ судей и одного секретаря, старинное муницинальное устройство, аппелляціонный судь вь преділахь земли изъ четырехъ мёстныхъ сенаторовъ подъ председательствомъ адмивистратора, оффиціальное д'Елопроизводство на и вымецкомы и частью латинскомъ языкъ, монету, одинаковую по ценности и весу съ литовскою (для облегченія торговыхъ сношеній съ великимъ княжествомъ), назначеніе на должность администратора лица, знающаго нёмецкій языкъ, и право ходатайства о его смещении, буде онъ окажется неудобнымь, сохранение положенія, гарантированнаго настоящимъ договоромъ въ случай уніи великаго вняжества съ Польшею. Всв эти условія, сообщенныя канцлеромъ великаго княжества станамь сейма, заслужили ихъ одобрение, и король на другой же день (26 декабря 1566 года), по настоянію пановъ-рады, съ своей стороны утвердиль договорь и пожаловаль земль Лифляндской по примъру другихъ областей великаго княжества особый гербъ для изображенія на земской хоругви, урядовыхъ печатяхъ и монетахъ.

Такъ состоялось присоединеніе Ливоніи къ великому княжеству Литовскому не только de facto, но и de jure. Литовско-Русскому государству, однако, не удалось удержать и закръпить за собою исключительно эту область. Польша, почти не принимавшая участіе въ борьбъ за Ливонію въ то время, когда великое княжество Литовское изнуряло и обезсиливало себя этою борьбою, предъявила притязаніе на эту область и на само великое княжество Литовское, когда оно почти уже не въ силахъ было одиноко жить и бороться. Одновременно съ уніею великаго княжества Литовскаго съ короною Польскою осуществилась и новая унія Ливоніи съ соедьненною Рѣчью Посполитою.

Но продолжительная и напряженная борьба за Ливонію не прошла безрезультатно для Литовско-Русскаго государства. Вопервыхъ, въ связи съ этою борьбою обострились и ускорились и вкоторые внутренніе процессы, ассимилировавшіе это государство съ Польшею. Во вторыхъ, борьба, надо-

рвавъ силы Литовско-Русскаго государства, толкнула его въ объятія Польши, отъ которыхъ досель оно успышно уклонялось въ теченіе полутораста льтъ. Посмотримъ сначала, какъ отозвалась борьба на внутреннихъ отношеніяхъ Литовско-Русскаго государства.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-русскій сеймь. Москва 1901 г.: St. Karwowski, Wcielenie Inflant do Litwu i Pelski (1558—1561).

XLII.

финанзовое и взенное напряжение Литовско-Русскаго государства во время Ливонской войны.

Частые сейны во время Ливонской войны иля ассигнования съблицій и изданія военныхъ уставъ. — Постановление Виленскаго сейма 1559 года о сборф серебщины въ 1560 и 1561 г. — "Застави" господарскихъ именій въ 1560 и 1561 г.: принуд тельный заемъ у мещанъ.— Обложение новою серебщиною господарскихъ мищагъ и престъянъ на сейми 1561 года, "поконевскими пънязями" военно-служилыхъ землевладъльнегь; установление "побора" съ товаровь, вывозимыхь за границу и ввозимыхъ изъ-за граници, съ помола и матеріаловъ для спиртныхъ напитковъ. - Усложнение и возвышение должижти подскарбія земскаго. -Лефицитъ 1562 года.—Виленскій сеймъ 1563 года и его постановленія объ усиленномъ отбыванін военной повинности и о сборт серебщины въ тезеніе трехъ льть. - Тугое поступленіе этой серебщины и дефициты 1563 и 1564 годовь-Събздъ въ Трабахъ и его постановленія о наймь служебныхь. - Ухвала поголовщины ва Валенскомъ сеймь 1565-1566 г. — Постановленіе Берестейскаго сейма о взысканій двойвой серебщины за невзнось ея въ съжъ и объ увеличении поборовъ съ товаровъ. -- Новые заставы господарскихъ имъній въ 1566 году.-Наложеніе новой серебщины на голодарскихъ подданныхъ въ томъ же году.-Постановленія Городенскаго сейма 1566-1557 г. объ увеличеній численпости земскаго ополчения и наемныхъ войскъ и о сборь серебщины въ 1567 и 1568 г.-Уклоненіе землевладальцевь оть платежа этой серебщины; вламя заставы господарскихъ имъній и принудительный заемъ у мъщанъ и евреевъ.-Невоправное несеніе воинской службы землевладельцами великаго книжества въ 1567 году. - Постановление военно-полевого сейма объ ускореніи сбора второй серебщины, опреділенный на Городенскомъ сеймі.-Новыя заставы господарскихъ иміній. - "Ухвала" увеличенной серебщины на Городенскомъ сеймъ 1568 года. - Усложнение и возвышение должности гетмана наивысшаго.

Борьба за Ливонію потребовала отъ Литовско-Русскаго государства крайняго напряженія финансовыхъ и военныхъ сыль и заставила правительство почти каждый годъ обращаться къ "станамъ" государства за матеріальною и моральною поддержкою и созывать ихъ на сеймы. Сеймы собирались въ 1559, 1561, 1563, 1564, 1565, 1566, 1567 и 1568 годахъ; въ 1566 году собиралось даже три сейма—въ Вильнѣ въ началѣ года, въ Берестьѣ—въ срединѣ и въ Городнѣ въ вонцѣ года. Сверхъ того устраивались иногда экстренные съъзды для обсужденія и рѣшенія нѣкоторыхъ неотложныхъ вопросовъ, напр., въ Трабахъ въ 1565 году; проис-

ходили затемъ совъщанія и принимались извъстныя ръшенія въ собраніи шляхты на ратномъ поль, напр., въ Лебедевъ, Борисовъ. Главнымъ предметомъ этихъ совъщаній и ръшеній были мъры для покрытія военныхъ издержекъ и. для увеличенія войска.

Уже сеймъ 1559 года, на которомъ заключенъ быль договоръ о защить Либоніи, должень быль прибегнуть къ экстренному обложенію въ виду пустоты земскаго скарба. Дело въ томъ, что серебщина, определенная на сеймъ 1554 года, собрана была всего за одинъ только 1555 годъ, а за следующие два года не собиралась вовсе по случаю постигнаго въ то время великое кинжество неурожая. Въ течение последнихъ трехъ лёть всь государственные расходы великаго книжества покрывались поступленіями господарскаго скарба. А расходы эти были не малые, ибо за все времи на украинныхъ замкахъ стояли наемныя войска на случай нападенія татаръ и мосявитянь; кром'є того, въ 1557 году снаряжался походь противь Ливонского магисгра Фюрсгенберга, который засадиль въ заключение Рижскаго архіепископа, двоюроднаго брата короля Спгизмунда-Августа. Для понолненія скарба господарь еще вы конців 1558 года издать распоряжение о сбор' двухъ недобранных серебицинъ -- нервой къ Срвтенью 1559 года, а второй нь Срвтенью 1560 года, но въ половинномъ размерев. Теперь, вогда надъ великимъ княжествомъ пависла опасность тяжелой войны, стало очевиднымъ, что нельзя обойдтись безъ новаго обложенія на наемъ "служебныхъ". Поэтому станы сейма опреділили дать съ своихъ имъній "податокъ" на увеличеніе наемныхъ войскъ, а именно: къ пяти грошамъ съ сохи, которые они должны были выплатить къ Србтенью 1560 года, прибавить еще по ияти грошей и такой же податокъ дать и въ следующемъ 1561 году. Господарь съ своей стороны постановиль собрать такой же плать съ своихъ крестьянь, а мещань, какъ всегда, обложить известными суммами на каждое место.

Всв эти средства вмвств съ обычными поступленіями вт скарбъ быстро израсходованы были на содержание наемныхъ войскъ, разставленныхъ въ ливонскихъ замкахъ, и литовское правительство должно было прибъгнуть въ экстреннымъ займамъ въ счеть будущихъ поступленій. Въ теченіе 1560 и 1561 годовъ множество державь отдано было "въ заставу" внязьямь и панамь. Не довольствуясь этимь, Сигизмундь-Августь прибъгь въ принудительному займу у "мёсть". Мёщанамъ предписано было внести опредъленную сумму со всего мъста въ скарбъ къ 29-му іюня 1561 года нли, если найдуть это для себя неудобнымь, 10% съ своихъ мастностей подъ страхомъ конфискаціи имущества за неповиновеніе этому расноряженію, вызванному крайнею нуждою. Внесенныя суммы король об'єщаль вернуть послів осенняго сбора доходовь съ господарснихъ волостей. Недостатокъ денегъ въ скарбъ помимо большихъ расходовъ, сдъланныхъ въ 1560 и 1561 годахъ, происходилъ и отъ крайне неудовлетворительнаго поступленія доходовъ за предпієствующіє годы. Въ скаров не поступили еще сполна доходы съ господарскихъ волостей за 1556-1561 годы, серебщина съ господарскихъ мёсть за 1559 и 1560 годы, серебщина съ

владельческихъ крестьянъ за 1554-1556, 1560-1561 годы. Впереди предстояли еще новые и больше расходы вследстве техъ обязательствь, которыя приняль на себя литовско-русскій господарь по защить Ливоніи. Въ силу договора 1561 года о подчиненіи Ливоніи Сигизмунду-Августу последній браль все издержки по оборон'є ел на себя, т.-е. на средства земскаго скароа великаго княжества, ибо Польша, какъ уже было сказано, воздерживалась пока отъ поданія помощи Ливоніи. Для пополненія скарба господарь на сейм'є въ конц'є 1561 года обложиль новою серебщиною своихъ людей и мъщанъ по 20 гронией съ волоки или, гдъ не было во-19 грошей съ полволови или полсохи, по 10 грошей съ техъ, у кого не было воловъ и лошадей, но была полная земля, по 7 грошей съ тёхъ, у кого были морги (неполный надыль), по 5 грошей съ огородниковь. Боеннослужебныхъ землевладельцевъ господарь и паны-рады постановили привлекать къ уплать "поконевскихъ пънязей", по 2 копы съ коня, съ твить, кто не пофдеть на войну (предполагалось предоставить въ этомъ отношеніи свободу въ виду того, что опустошенкая Ливонія не могла про-кормить значительнаго вейска). Затімь господарь и паны-рада постановили собирать "поборъ" по известной такей со вебхъ товаровь, которые вывозились изъ великаго княжества за границу (съ воска, сала, кожъ и мъховъ, пеньки, льна, пряжи, хмѣля, ишеницы, овса, ячменя, гороху, крупъ, ишена, гречихи, рогатаго скота, домашней птицы, говядины, свинины, меда, простого субна и полотна и разнообразныхъ лъсныхъ товаровъ), а равно также и со всёхъ товаровъ, которые ввозились въ великое княжество (съ иностранныхъ винъ, пива и горълки, соли, рыбы, селедокъ, пряностей, сахара, олифы, красокъ, дорогихъ мъховъ, шелковыхъ и златотканныхъ матерій, дорогихъ суконъ и т. д.). Поборъ съ товаровъ, вывозимыхъ за границу, долженъ быль собпраться въ пограничныхъ мытныхъ коморахъ, а съ товаровъ, ввозимыхъ въ великое княжество либо на этихъ коморахъ, либо въ мъстахъ ихъ склада. Это дъю возлагалось на особыхъ бирчихъ, которыхъ должны были выбрать изъ среды себя мѣщане, при чемъ пикто не имѣть права отказываться отъ этой обязанности. Поборъ предлагалось взять не только съ техъ товаровъ, которые должны были впредь ввозиться въ великое княжество, по и съ тъхъ, которые уже были ввезены. Этотъ поборь должень быль собпратлея до техъ порь, пока не кончится война; при этомъ какъ сами купцы за утайку товаровъ, такъ и бирчіе за пособинчество подлежали конфискаціи всёхъ мастностей. Наконецъ, томъ же сеймъ господарь и паны-рада постановили взимать поборъ по определенной таксе съ помола со всехъ тёхъ, кто будеть молоть пшеницу, рожь, солодъ и крупу на мельницахъ или домашнихъ жерновахъ для продажи, а равно съ матеріаловъ производства пива, меда, и горълки, при-готовляемыхъ "на шинкъ". Этотъ поборъ въ господарскихъ мъстахъ должны были собирать войты и другіе мъстскіе урядники съ двумя достойными въры мужами и отдавать въ руки господарскому дворянину каждыя четыре недъли. Въ имъньяхъ князей, пановъ и бояръ-шляхты поборъ съ помола

долженъ былъ собираться ихъ урядниками и идти въ пользу владёльцевъ съ тёмъ, чтобы они лучше спаряжались на войну. Владёльцамъ запрещалось освобождать своихъ людей отъ эгого побора, дабы этою льготою не привлекать къ себё въ имёнья торговыхъ людей изъ господарскихъ мёстъ и селъ. Всё грамоты, въ силу коихъ отдёльныя лица или цёлыя общества освобождались отъ платежа пошлинъ съ товаровъ, кассировелись на все время войны.

Для большей успъшности сборовь руководство, вонтроль и все дълопроизводство по нимъ сосредоточены были въ рукахъ подскарбія земскаго. Всв поборцы ставились подъ его присудъ и "послушенство"; онъ имель судить ихъ по жалобамъ на злоупотребления и давать имъ "науку и приказанія". Господарь обязывался не отдавать поборовь въ аренду или въ чье-нибудь завъдыванье помимо представленія подскарбія земскаго. Последнему предоставлялось также вознаграждать побордевь за ихъ трудъ и старанье по своему усмотрению, смещать непсправных и нерадивых и поставлять другихь на ихъ мъсто, представлять господарю объ увольнении оть платежа поборовь по бъдности или по случаю разоренія оть служебныхъ людей. Собранныя деньги подскарбію предоставлялось расходовать по приказанію господаря, а въ его отсутствіе по решенію пановъ-рады на служебныхъ и оборону земли Лифляндской, а также на снабжение украиныхъ замковъ и на другія нужды господарскія и земскія. Такъ, еще божве усиливалось значение подскарбія земскаго, какъ министра финансовъ, намътившееся уже въ связи съ введеніемъ волочной уставы.

Благодаря усиленному взысканію недоимокъ за предшествующіе годы, а также займамъ у мѣщанъ и евреевъ подъ залогъ драгоцѣнностей, взятыхъ изъ дворнаго скаро́а, у пановъ подъ залогъ господарскихъ имѣній, къ началу 1562 года въ скаро́ь была наличность почти въ 51 тыс. копъ грошей. Но слѣдующій годъ войны, сопровождавшійся содержаніемъ большого наемнаго войска какъ въ Ливоніи, такъ и въ Литвѣ, и другими экстренными расходами, поглотилъ и эготъ остатокъ, и новыя поступленія и въ концѣ концовъ свелся съ дефицитомъ почти въ 17 т. копъ грошей. По неимѣнію денегъ, правительство задерживало "заслужоное" у жолнеровъ, стоявшихъ по ливонскимъ замкамъ. Между тѣмъ, войнѣ не только не предвидѣлось конца, но она какъ будго бы только еще вступала въ свой серьезный фазисъ. Москвитяне, не довольствуясь Ливоніею, вступили въ предѣлы великаго книжества Литовскаго и 15 февраля 1563 года езяли Полоцкъ. При такихъ обстоятельствахъ литовскому правительству не оставалось ничего дѣлать, какъ обратиться къ великому вальному сейму, который и созванъ былъ 12 мая 1563 г.

Станы сейма сознали, что значительная доля вины въ утратѣ Полоцка падаеть на военнослужилыхъ землевладъльцевь, которые не явились своевременно на войну или не привели сполна своихъ "почтовъ". Поэтому на сеймѣ принять былъ цѣлый рядъ постановленій объ отбываніи военной службы и опредѣлены были строгія кары (конфискація имѣній) за невыполненіе или неисправное выполненіе военной повиниести. Сверхъ того,

паны-рада, урядники земскіе и дворные, княжата, панята, хоружіе и шляхта, собравшиеся на сеймъ, види "кгвалтовную потребу ръчи посполитое", опредълили, чтобы всв военнослужилые землевладвльцы, имвющие свыше двадцати служебъ крестьянъ, выставили между двумя конными ратниками третьяго пешаго-съ ручницею, рогатиною или секирою. Станы опредълили также, чтобы всё взрослые сыновья шляхтичей и братья неотделенные не оставались дома, а ехали на войну въ вачестве жолперовъ или слугь вы панскихъ почтахъ; вто не побдеть, тотъ подвергается тюремному заключенію въ полземельт на двінадцать неділь. Для пополненія скарба станы изъявили готовность давать въ теченіе трехъ лёть серебщину съ своихъ людей въ размѣрѣ 30 громей съ каждой сохи, 15 грошей отъ земли съ техъ, кто не имбеть сохи, и 5 грошей съ огородниковь, но съ темъ, чтобы эта серебщина не шла въ уплату долговъ жолнерамъ, стоящимъ въ Ливоніи, и вообще употреблялась только на очищеніе оть непріятелей и защиту собственныхъ владеній великаго княжества, а въ те годы, когда войны не будеть, не собпралась и вовсе. Господарь изъявиль свое удовольствіе по поводу "ухвалы" серебщины и съ своей стороны постановиль собирать на нужды войны такой же "плать" и съ господарскихъ крестьянь. Но ходатайство становь о томъ, чтобы серебщина шла исключительно на оборону великаго книжества, а не Ливоніи, отклониль-вельдствіе невозможности разграничить объ эти государственныя потребности.

Частичныя победы, одержанныя литовцами въ 1564 году, не приблизили ихъ въ миру, и военно-финансовое напряжение государства не ослабъвало. 1563 годъ по отчету подскарбія земскаго быль заключень съ дефицитомъ въ 477 копъ грошей. Но въ 1564 году дефицить дошель уже до 16¹/2 т. копъ грошей. Между прочимъ надежда на серебщину, опредъленную на сеймъ 1563 года, не оправдалась: землевладъльцы крайне неисправно вносили ее, ссылаясь на разореніе своихъ иміній отъ жолнеровь. Такое же положение продолжалось и въ 1565 году, такъ что господарь и паны-рада вынуждены были "заставить" еще целый рядъ господарскихъ именій, чтобы набрать денегь. Въ сентябре 1565 года пришло извъстіе, что москвитяне собпраются врасплохъ напасть на Витебскъ и Суражъ и овладёть этими замками. Надо было защищать постоянными войсками и эту украйну. Поэтому въ октябръ 1565 года господарь наскоро устроиль вь Трабахъ съёздъ пановъ-рады, урядниковъ земскихъ и дворныхъ, княжатъ, панятъ и шляхты-рыцарства для решенія этого вопроса. Събхавшіеся на этотъ събздъ приным къ заключенію, что имъ съ "почтами" своими нельзя непрерывно находиться подъ оружіемъ, и что для обороны государства нёть другого средства, какъ только къ 4000 служебныхъ, уже нанятыхъ, принанять еще 4000. Но такъ какъ денегъ въ скарбъ не было, то чины Трабскаго съйзда упросили нёкоторыхъ богатыхъ пановъ сформировать на свой счеть отряды наемных служебных и дали имъ извъстную гарантію въ томъ, что всь имъ расходы будуть возм'вщены. Для этого они исходатайствовали у господаря созывь обычнаго великаго вальнаго сейма, который и собрался 18 ноября 1565 года въ Вильнъ.

Сеймъ определилъ собрать со всехъ, кроме людей шляхетскаго и духовнаго званія и несущихъ военную службу, а также грудныхъ млаленцевь поголовщину. Разм'ярт поголовщины опредълень быль разный, смотря по званію и состоянію, отъ 15 грошей (съ жидовъ) и до 5 пізнязей (съ челяди неволькой, имьющей свои дома и присывки). Съ владъльческихъ подданныхъ поголовщину должны были собирать владельцы или ихъ урядники шляхетского званія и отдовать пов'єтовымь "бирчимъ", а пов'єтовые бирчіе должны были сдавать главнымъ земскимъ бирчимъ, избраннымъ на сеймь. Земскимь бирчимь было предоставлено расходовать собранныя ими суммы на расплату съ панами, сформировавшими наемные отряды по просьбь Трабскаго събзда. Сборъ поголовщины въ госпедарскихъ волостяхъ и непривилегированныхъ мъстахъ возложенъ быль на старость, державцевъ и тивуновъ, а въ привилегированныхъ мфстахъ на выбранныхъ мъщанами лицъ, при чемъ тъ и другіе должны были собранную поголовщину представить уже непосредственно въ скароъ. Соязавшись внести поголовный податокъ съ своихъ подланныхъ, станы упросили господаря уже не взыскавать съ нихъ третью серебщину, которую они должны были внести за 1565 годъ по постановленію произлаго Виленскаго сейма, а вторую серебщину, которую они должны были уплатить въ 1564 году, взыскивать съ нихъ "водлугъ преможенья", въ виду разоренія ихъ имъній отъ жолнеровъ. На тотъ случай, если бы собранной поголовщины не хватило на расшату съ жолнерами, станы объщались на своихъ повътовихр сединелхр Аветились базмерь посотовшини и ер тваме сбошамр прибавить трегій. Это объщаніе было выполнено передъ собраніемъ Берестейскаго сейма въ апрълъ 1566 года.

На этомъ сеймѣ также состоялся рядъ постановленій для изысканія средствъ на расплату съ наемными "служебными". Сеймъ постановиль, чтобы всѣ, не отдавшіе серебщины за 1563 и 1564 г. и установленную на прошломъ сеймѣ поголовщину, а равно и поконевскіе пѣиязи, внесли все это бирчимъ повѣтовымъ не позже 8 сенгября; съ тѣхъ, кто не заплатитъ въ этому сроку, должны были взыскивать уже господарскіе посланцы вдвойнѣ и отдавать бирчимъ земскимъ. Съ жидовъ, которые также не отдали сполна прежнихъ налоговъ, паны-рада и всѣ станы опредѣлили собрать 6000 копъ грошей также къ 8 сентября, въ извѣстныхъ суммахъ съ каждаго "збора". Сверхъ того сеймъ опредѣлилъ увеличить на два года обложеніе предметовъ вывоза и ввоза, установленное на сеймѣ 1561 года, и кассировать всѣ льготы и изъятія по этой части, за исключеніемъ дарованной въ 1559 году шляхтѣ привилегіи отправлять за границу безпошлинно продукты своихъ имѣній, изготовленные на собственный счеть.

Ноголовщина, опредёленная на Виленскомъ сеймі 1565—1566 года взамінь серебщины, которая должна была собираться въ этомъ году, пошла въ значительной части на погашеніе расходовь этого 1565 года. Кътому же поступала она крайне неаккуратно, не смотря на постановленіе Берестейскаго сейма объ обязательномъ взносів ея и прежнихъ недоплать

въ 8 сентября 1566 года. Вслёдствіе всего этого и расплата съ служебными производилась въ высшей степени неаккуратно, и они постоянно грозили правительству уходомъ со службы. Чтобы достать денегь, господарь должень быль прибъгать опять таки къ займамъ у пановъ подъ залогь своихъ именій. Въ началь же септября, когда финансовая нужда эсобенно сильно обострилась, и когда служебыме, не получая жалованья, стали уже дыйствительно разыважаться по домамь, король для расплаты съ ними и удержанія ихъ на служов наложиль серебщину на всьхъ подданныхъ своихъ имъній по 15 грошей съ волоки или сохи воловьей, а у вого воловь нътъ, но есть земля, по 4 гроша отъ вороть (на Руси по 8 грошей съ дыма), съ огородниковъ по 2 гроша, съ безземельныхъ ко 2 гроша отъ воротъ. Серебщина должна была быть представлена не позднтве половины октября; кто не отдасть въ срокъ, съ того урядники должны были взыскивать съ децкованьемъ. Недостатокъ средствъ для войны и приготовленія непріятеля, не приславшаго къ сроку пословъ для заключенія мира и начавшаго строить замки на литовской территоріи, заставили Сигизмунда-Августа созвать къ декабрю 1566 года въ Городнъ новый сеймь для обмышленья обороны п валки потужное".

На этомъ сеймъ станы постановили прежде всего просить господаря перенести театры военныхъ действій изь великаго княжества въ землю непріятельскую и для этого принять личное участіе въ походъ. На этоть случай, разсматриваемый какъ conditio sine qua non, они приговорили увеличить численность "почтовъ" съ земскихъ имѣній. Постановлено было, чтобы съ каждыхъ десяти службъ литовскихъ или десяти волокъ, а съ им'євій на Руси, Пол'єсь'є, въ Кіевской землів и Поднівпреких волостяхъ съ каждыхъ двадцати дымовъ, ставился на войну пахолокъ добрый, шляхтичь, въ цвётномъ платьё и надзежащемъ вооружении, на коне стоимостью не ниже 10 копъ грошей, а при немъ парный возъ, управляемый возницею, съ живностью, жельзною допатою, мотыкою, съкирою и рогатиною. Относительно убогихъ шляхтичей, не имеющихъ крестьянь, какъ литовскихъ, такъ и подляшскихъ было постановлено, чтобы на этоть разь они всё ёхали на войну, кто какъ можеть, не наблюдая очереди. Затемъ, станы приговорили единогласно, чтобы землевладыльцы, за исключениемъ убогихъ шляхтичей, выставили порознь или въ складчину при двухъ конныхъ ратникахъ одного пѣшаго драба съ ручницею, мечомъ или вордомъ, или съ съкирою и рогатиною. Всь землевладывцы должны были лично выступать въ походъ; сеймъ сократиль до minimum'а число лиць, которыя по своимь служебнымь обязанностямъ им вли право не вхать на войну. За уклопеніе оть военной служом сеймъ на два года постановилъ наказывать не только конфискацією им'ьній, но и лишеньемъ шляхетства. Станы приговорили также, чтобы владъльческие мъщане выправили на войну съ десяти домовъ пъшаго воина съ ручницею и мечомъ и сверхъ того для трехъ человъкъ возъ одноконний подъ управленіемъ возници съ живностью, жел'єзною лопатою, мотыкою, секирою и рогатиною. Но примеру прежинкъ легь станы добивались, чтобы князьз-баскупы, митрополить, владыки, каноники, плебаны и всё вообще духолиме чины съ церковныхъ пиёній несли ту же самую службу, какъ и со свыскихъ. Но король обыцаль только созвать синодъ и передать на его разсмотрёніе просьбу становъ сейма; сверхъ того онъ нашель возможнимъ обязать всёхъ свытскихъ лицъ, получиванихъ свои имёнья отъ церков, нести съ нихъ военную службу и платить педатки наравнё со всёми гругими свытскими землевладёльцами.

Для болье устышнаго веденія войны и для лучшей охраны особы господаря станы половорили нанять 6000 конных жолперовъ и 4000 пізшихъ, а для уплаты ниъ жалованья давать съ своихъ нивній новий податокъ въ течение 1567 и 1568 годовъ въ размъръ 30 грошей съ каждой осъдюй волоки, техъ грошей съ огорода, интнадцать грошей съ дыма (въ волостяхъ Подебирскихъ, Русскихъ и Кіевскихъ). Съ кевнесшихъ серебщину въ стата постановлено было собирать ее принудительно к вдвойнь, а у тых вто будеть противиться этому взысканию, отбирать нивныя. Съ своей стороны и господарь постановиль дать на военныя нужды серебщину и съ своихъ людей, но въ меньшемъ размъръ, въ виду того, что съ пихъ педавно винмалась серебщина, а именно: съ волови-20 грошей, съ дита (на Руси, Польсьь, въ земляхъ Кіевской и Волынской, въ Подяжирских волостахъ) - по 10 грошей, съ мъщанъ, не имфющихъ волокъ, а тогько огороды и дома, по 5 грошей, съ имъющихъ одни только дома по 2 гроша оть вороть, съ огородниковъ 3 гроша и т. д. На следующій, 1568 годь господарь полагаль на своихъ подданныхъ уже ту же серебщину, выда положена была на владъльческихъ людей. Станы опредълили немедленно взыскать вдвойнъ черезь "увлячихъ" недоимки поголовщины и серезщинь, согласно съ постановлениемъ Берестейскаго сейма.

Въ расчеть да сборъ "податка", опредъленнаго на Городенскомъ сейм 1566—1567 года, произведенъ быль усиленный наборъ служебныхъ. Но въ этомъ разслета правительство сильно обманулосъ. Когда прошелъ срокъ взноса земевьго "податка", "головные бирчіе" донесли королю, что податковыхъ пънжа "праве згола ни одного гроша" къ нимъ не прислано повытовыми бирчими. Для расплаты съ служебными правительству пришлось делать взяме займы подъ залогь господарскихъ именій. Въ началь сентября празительство для расплаты съ служебными рышилось прибъгнуть опять въ планудительному займу у мъщань. Имъ предписано было сложиться на изв'ствую сумму и огдать ее въ скарбъ черезъ посланныхъ къ нимъ дворянъ Витую сумму господарь объщаль имъ вернуть изъ скарба, либо зачесть въ счеть будущихъ платежей мість. Всего, такимъ образомъ, предпользнось собрать 10870 конъ. Непривилегированныя мъста были также обложены известными суммами, но не въ виде принудительнаго займа, а въ шть уплаты за ть стацін (сормы), которыя они должны были поставить гостодарю по случаю его выступленія въ походъ. Съ непривилегированных месть въ общей сложности предположено было собрать около 2000 воль грошей. Принудительный заемъ наложенъ быль и

на "зборы" жидовскіе въ общей суммі 4170 копъ грошей. Но такъ какъ и эти деньги не могли быть доставлены немедленно, а нужда не терпіла ни малібішей отсрочки, то король въ сентябрі 1567 года прибіль къ новымь займамъ подь залогь госнодарскихъ иміній.

Не менье неисправными оказались военнослужилые землевладыльцы и въ отправлении военной службы за 1567 годъ. Они должны были собраться съ своими "почтами" въ Молодечи 17 мая. Прошли два мъсяца слишкомъ послъ этого, а гетманъ долосилъ, что изъ нъкогорыхъ повътовъ немногіе только прівхали, а изъ другихъ до сихъ поръ не явился никто. Между тымь начавшиеся было мирные переговоры съ Москвою прервались, и ясно было, что дело клонится къ усиленной войне. Поэтому въ началъ августа король разослалъ листы военнослужилымъ землевладъльцамъ, чтобы они немедленно выблежали съ своими "почтами" въ Молодечну, "днемъ и ночью, яко на кгвалть, поспешаючися". Король объявляль, что и самь онь, вже начого не мешкаючи", выступаеть изъ Городна прямо въ Молодечну. Не смотря на это, военнослужилые землевладъльцы не очень торопились выбажать на войну: при повальномъ запаздывания каждый боллся явиться раньше другихъ и потерять даромъ время и депьги. Кром'в того, уже много разъ тревога оказывалась напрасною, и потому приглашенія бхать, какъ "на кгвалть", уже не дъйствовали. Многіе и совсемъ не прівхали. Самъ король только пооб'єщаль немедленно вхать на войну изъ Городна. Въ дъйствительности во второй половинъ августа вороль убхаль въ свой любимый Кнышинъ на отдыхъ и пробыль тамъ вонецъ августа и весь сентябрь. Только въ началъ октября король отправился въ главный сборный пункть войска-Лебедево. Около мѣсяца съ 20 октября до 21 ноября простояль онь съ войскомь въ Лебедевь, а затвиъ передвинулся датве на юго-востокъ, въ Радошковичи, гдв пробылъ до половины декабря, посл'в чего, передвинувъ войско къ Борисову, самъ остановился въ Койдановъ. Здъсь онъ пробыль до 18 января включительно, а затыть отбыль въ Кнышинъ. Планъ наступательной войны не осуществился. Его парализовала большая московская рать, готовившаяся вторгнуться въ великое княжество съ съвера, изъ Великихъ Лукъ и Торонца. Литовскому войску поневоль пришлось остановиться на своей территоріи и не двигаться далье, въ непріятельскую землю, чтобы не оставить безъ защиты собственнаго государства и не быть обойденнымъ съ тыла. Но земское ополченіе великаго княжества не могло выдержать продолжительной стоянки безъ дела на одномъ месть. Поэтому, едва король увхалъ изъ Койданова, какъ шляхта-рыцарство стало самовольно разъбзжаться по домамъ. Донося объ этомъ господарю, паны-рада съ своей стороны прибавляли, что они не останутся въ Борисовъ, если другіе станы разъъдутся по домамъ. Вследъ за темъ король получилъ листь отъ шляхты-рыцарства, остававшагося еще въ Борисов'є, съ жалобою на то, что оно терпить и холодъ, и голодъ, и съ просьбою распустить по домамъ. Въ концѣ января король приказаль распустить шляхту-рицарство, а противъ людей непріятельскихъ предложилъ отправить пока Яна Еронимовича Ходкевича съ почтами пановъ-рады, въ сопровождении ивкоторыхъ пановъ-радныхъ "для рады" и "большого постраху непріятельского". Такъ разбилась попытка "потужной" наступательной "валки" съ Москвою.

Между тыть финансован нужда продолжала угистать литовско-русское правительство. Въ бытность въ Лебедевъ на расплату съ служебными господарю пришлось опять перехратывать деньги у пановь подъ залогь господарскихъ имбийй. Король не брезговаль при эгомъ даже такими суммами, какъ 40 копъ грошей; въ залогь пошли уже не державы и волости, а отдельныя села. Чтобы достать денегь, король обратился въ стапамъ, собравшихся въ военномъ лагеръ, съ просьбою изыскать средства на расплату съ служебными за последнюю четверть года. Ианы-рада, кияжата, панята и шляхта-рыцарство определили ускорить сборъ второй серебщины, опредъленной на постъднемъ сеймъ, назначивъ срокомъ ея взноса Рождество Христово 1567 года вм'ясто начала марта 1568 года. Такое постановленіе, странное на первый взилядь, въ виду того, что и первая-то серебщина выбиралась съ большимъ трудомъ, можно объяснить только крайностью нужды, темъ, что другого выхода и не было. Очевидно, сеймовая практика въ частыхъ "ухвалахъ" податковъ стала руководиться уже не илатежеснособностью всёхъ военнослужилыхъ землевладёльцевъ, а простымъ желаніемъ взять деньги на государственныя нужды съ техъ, у кого они еще есть, и кто ихъ платить.

Серебщиною, которая должна была поступить къ Рождеству 1567 года, правительство предполагало расплатиться съ служебными за ихъ прошлую службу. Но чѣмъ платить въ будущемъ? Опять пошли въ ходъ заставы господарскихъ имѣній, которыя все больше и больше сокращали поступленіе обычныхъ доходовъ въ ск грбъ. Перебиваться такъ до безконечности было нельзя, и король обратился къ станамъ, стоявшимъ въ Борисовъ, съ предложеніемъ обсудить вопросъ о содержаніи служебныхъ. Но станы не захотѣли совѣщаться объ этомъ въ военномъ лагеръ и просили короля созвать для этого обычный великій вальный сеймъ.

Сеймъ этотъ собрался въ Городив въ началв 1568 года. Станы опредвлили дать съ каждой крестьянской освдлой волоки или службы, считая въ литовской службв три обыкновенныхъ дыма, по 48 грошей, съ лишнихъ дымовъ по 16 грошей, съ большихъ дымовъ, двухъ или одного, которые нахобятся на полной службв, по 48 грошей, съ дымовъ Подивирскихъ, Кіевскихъ и Волынскихъ, по 24 гроша, съ огородниковъ по 4 грошей; съ мѣщанъ владѣльческихъ, сидящихъ на волокахъ по 48 грошей; съ мѣщанъ, владѣющихъ землею не болѣе, какъ на 10 бочекъ, или только огородами по 4 гроша; съ мѣщанъ, владѣющихъ только домами, по 2 гроша отъ воротъ. Бѣдные шляхтичи, не имѣвшіе крестьянскихъ службъ, а только огородниковъ, или совсѣмъ не имѣвшіе крестьянскихъ службъ, а только огородниковъ, или совсѣмъ не имѣвшіе поданныхъ и выставлявшіе на войну коня по очереди или въ складчину отъ нѣсколькихъ семей, обложены были копою грошей съ каждаго коня; шляхтичи подляшскіе подобной категоріи—по 30 грошей съ каждой волоки, находящейся въ ихъ владѣніи и пользованіи. Равнымъ съ шляхтою податкомъ

обложены били и духовные греческаго и римскаго закона со свётскихъ имѣній. Общее постановленіе по просьбѣ становь распространено было и на Лифляндскую землю, которая уже присоединена была къ великому княжеству, считалась его "члонкомъ" и имѣла своихъ представителей на сеймѣ, сенаторовъ и пословъ. Военнослужилые татары обложены были также на равныхъ основаніяхъ съ шляхтою. Податокъ должны были собирать избранные на сеймѣ поборцы повѣтовые, которые должны были взыскивать судебнымъ порядкомъ серебщину вдвойнѣ съ тѣхъ, кто не внесеть ее въ срокъ. Господарь съ своей стороны наложилъ такой же податокъ и на своихъ поданныхъ, мѣщанъ и волостныхъ людей; на жидовъ положилъ поголовщину въ размѣрѣ 12 грошей съ каждой голевы. Серебщину съ господарскихъ людей должны были собирать старосты, державцы или ихъ урядники и представить въ срокъ въ скарбъ, подъ страхомъ взысканія недоимокъ съ ихъ собственныхъ имѣній.

Податокъ опредёлень быль сеймомь взамёнь "посполитаго рушенья". Господарь обязался не вызывать шляхту на войну въ текущемъ году, если не произойдеть непріятельскаго вторженія въ великое княжество. Затёмъ станы поставили условіемъ, чтобы опредёленная ими серебщина шла на уплату жалованья только тёмъ жолнерамъ, которые будуть навербованы послѣ сейма для обороны государства. Расходованіе новой серебщины было предоставлено гетману наивысшему, на котораго возложена была обязанность вербовать жолнеровъ и имѣть ихъ подъ своею "справою и послушенствомъ". Бирчимъ повѣтовымъ строжайше, подъ страхомъ начета, было запрещено расходовать собранныя ими суммы на какія-либо иныя назначенія или по какимъ-либо иныяъ ассигновкамъ, кромѣ "квитовъ" гетмана.

Эти постановленія обнаруживають, что въ эпоху Ливонской войны усложнились обязанности и гетмана наивысшаго: онъ уже не только быль фельдмаршаломь, но стать превращаться въ военнаго министра, обязаннаго заботиться между прочимъ и о комплектованіи арміи. Эта эволюція гетманской должности констатируется и другими современными свидьтельствами. Такъ, еще въ 1566 году на гетмана быль возложенъ главный надзоръ надъ состояніемъ украинныхъ замковъ, для обозрѣнія которыхъ онъ долженъ быль отряжать доверенныхъ лицъ. Въ заботахъ о пополнении войска гетманъ сталъ раздавать даже земли до воли и ласки господарской въ тъхъ мъстностяхъ, гдъ въ данное время пользовался наивыещею властью : по военному положенію. Такая эволюція гетманской фельдмаршальской должности была естественнымъ последствіемъ усложненія дела военнаго управленія въ связи съ затянувшеюся войною. Война, сділавшаяся хроническимъ явленіемъ, потребовала постояннаго войска и интенсивной оборонительной діятельности, а эти обстоительства въ свою очередь вызвали и соотвътствующее развитие военной администрации.

"Ухвала" серебщины на Городенскомъ сеймѣ 1568 года была уже послѣднимъ финансовымъ усиліемъ самостоятельнаго Литовско-Русскаго государства. Истомленные и изнуренные продолжительною войною, станы

уже не захотьли дальше упорствовать вы литовской государственной самостоятельности, стоившей имъ такихъ большихъ жертвъ, и склонились на унію съ Польшею для того, чтобы уже сообща съ нею вести дальнъйшую борьбу за существованіе.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ. Москва 1901; М. В. Довкаръ-Запольскій, Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго при Ягелюнахъ, т. І. Кіевъ 1901 года.

XLIII.

Расширеніе сословных в привидегій дитовско-русской шляхты и учрежденіе земских родских и подкоморских судовь по польскому образцу.

Шляхетских программа реформь. — Освобожденіе шляхетских в товаровь оть платежа мыта на вибшнихь и внутренних в таможняхь. — Утвержденіе за шляхтою псключительного права на полученіе урядовь и достоинствь. — Уравненіе вы правахы шляхты вебхы христіанских в неповіданій. — Більскій привилей 1564 года; отказы магнатовь оты намістинчыхы прерогативь и привилегированной подсудности и утвержденіе новаго статута. — Виленскій привилей 1565 года и введеніе вы дійствіе новаго статута. — Новые судейные округа. — Составь, компетенція и діятельность новыхы земскихы судовь; суды подхоморскіе. — Уменьшеніе судебныхы пошлинь и расходовь. — Гродскіе суды, ихы организація и компетенція.

Напряженная и изнурительная борьба, въ которую вступило Литовско-Русское государство съ конца пятидесятыхъ годовъ XVI стол., не только не отодвинула на задий планъ стоявшія на очереди внутреннія реформы, но наобороть-ускорила ихъ осуществление. Реформъ жаждало консолидировавшееся къ тому времени шляхетское сословіе, стремившееся съ одной стороны въ умножению своихъ правъ и вольностей, а съ другой стороны въ установленію юридическаго равенства въ собственной средъ и къ уничтожению особенныхъ препмуществъ, которыми пользовались ея старшіе братья—врупные землевладільцы, князья и паны. Въ этомъ направленій шляхта выработала цёлую программу преобразованій, съ которою и обращалась къ господарю на сеймахъ. Какъ было уже сказано, шляхта добивалась освобожденія не только отъ прямыхъ, но и отъ косвенныхъ налоговъ, уменьшенія судебныхъ и канцелярскихъ пошленъ и расходовъ, учрежденія выборнаго суда, которому были бы подсудны всь землевладільцы шляхетскаго званія, безь всякихь исключеній; требовала привлеченія духовенства и м'вщанъ къ большему участію въ несенім государственныхъ повинностей, предоставленія урядовъ и достоинствъ (почетныхъ званій) только лицамъ шляхетскаго сословія и сохраненія этихъ урядовь вь ихъ прежнемь значенін и "пожиткахь", и, наконецъ, обязательнаго участія въ законодательствѣ великаго вальнаго сейма, какъ органа шляхетскаго сословія во всей его совокупности. Исполненіе всѣхъ этихъ желаній долженъ былъ дать новый статуть, куда шляхта просила вписать и старые привилеи, и новыя права и вольности. Но осуществленіе шляхетской программы требовало большихъ жертвъ какъ отъ господаря, такъ и отъ правящей аристократіи, и естественно, что исполненіе требованій шляхты отсрочивалось подъ разными предлогами и отговорками до послѣдней возможности. Начавшаяся Ливонская война, сопровождавшаяся постоянными обращеніями господаря и пановъ-рады къ шляхтѣ за матеріальною и моральною поддержкою, заставила ихъ быть сговорчивѣе и уступчивѣе, и шляхта въ это время получила удовлетвореніе по всѣмъ своимъ главнымъ просьбамъ.

Уже на сеймъ 1559 года, когда ръшался вопросъ о приняти Ливонін подъ защиту великаго княжества, получила удовлетвореніе одна изъ этихъ просъбъ. Господарь освободиль оть платежа мыта на пограничныхъ таможнихъ какъ лесные товары, такъ и хлебъ и скотъ, когорые будутъ отпускаться изъ шляхетскихъ имбий за границу, съ твиъ условіемь, чтобы служебники, сопровождающие товары, показывали подъ присигою на мытныхъ коморахъ, что отправляемые товары-шляхетские и приготовлены къ продажѣ на средства самаго владѣльца. Эта уступка была крупнымъ подаркомъ шляхетскому сословію не только за счеть земскаго скарба, но и за счеть торгово-промышленного сословія — м'ящанства, посредническая роль котораго въ отпускной торговле вследствие этого постановления необходимо должна была сильно сократиться. На следующемъ сейме 1563 года по просьбъ становъ госпедарь подтвердилъ эту новую привилегію шляхты и расширилъ ее и на "гребельное", взимавшееся частными владёльцами при пропускъ судовъ черезъ мельничныя плотины и загородки. Вгорой статуть (раздъль 1, арт. 26) подтвердиль эти права шляхты и расшириль ихъ въ томъ смысль, что освободиль собственные продукты шляхты оть мыта и на внутренних в путяхъ, а подводы съ домашними вещами и живностью для собственного потребленія шляхты и оть платежа "мостового".

Еще до Ливонской войны (на сеймѣ 1551 года) шляхта добивалась у Сигизмунда-Августа, чтобы онъ не повышаль надъ шляхтою простыхъ хлоповъ, и чтобы урядовъ не держали ни простые хлопы, ни сомнительные шляхтичи. Въ то время Сигизмундъ-Августъ уклонился отъ принципіальныхъ заявленій на этотъ счетъ, а просиль только указать ему изъ его практики примѣры назначенія на уряды такихъ лицъ. Во второмъ статутѣ дано было уже прямое и опредѣленное завѣреніе, разъяснявшее обѣщаніе стараго статута не повышать простыхъ людей надъ шляхтою въ томъ смыслѣ, что господарь не будетъ давать урядовъ и достоинствъ простымъ людямъ.

На сеймѣ 1563 шляхта добилась формальной отмѣны тѣхъ ограниченій, которыя установлены были въ земскихъ привилеяхъ для людей, не принадлежавшихъ къ римскому закону. Эти ограниченія подтверждены

были по просьбъ "становъ" не далье, какъ дввиадцать лъть тому назадъ, на Виленскомъ сеймъ 1551 года. По всъмъ даннымъ, тогдащияя просьба обязана была своимъ возникиосеніемъ инидіатив в литовской аристократін, которая наиболье заинтересована была въ томъ, чтобы не пускать на высшін должности въ государств' русскихъ православныхъ людей. Но за двънадцать лътъ, протекциихъ со времени сейма 1551 года, настроеніе шляхты и этого круга сильно изм'янилось. Лиговская шляхта охвачена была оппозиціоннымъ духомь въ отношеній къ римской церкви; среди литовскихъ пановь распространился протестантизмъ. Съ другой стороны, произошло несомивнное сближение между шлихтою разныхъ земель и въронеповеданій, собиравшеюся на великих вальных сеймахь, сознавшей общность своихъ интересовъ и сообща добиваршеюся себъ разныхъ правъ и вольностей. При такихъ обстоятельствахъ и на сеймъ 1563 года отъ лица всёхъ становъ подана была господарю просьба, какъ разъ обратная той, съ которою обращались станы на сеймъ 1551 года. Господарь исполниль желаніе становь и выдаль привилей, зь которомь, оставляя въ сплів всь статьи Городельского привилея относительно боярь-шляхты римского закона, предви которыхъ побрали гербы у поляковъ, добавлаль, что теми же правами и вольностями должны пользоваться и всё другіе "стану рыцаоского и шляхетского какъ русскіе, такъ и лиговци, безъ различія в роисповеданія, лишь бы были христіане, даже если бы предки ихъ не брали себъ гербовъ у поляковъ; ограниченія, содержащіяся въ Городельскомъ привилев, не будуть иметь по отношению къ нимъ силы, и господарь будеть раздавать имъ всякіе уриды и достоинства и допускать ихъ до рады согласно съ заслугами каждаго даннаго лица. Логическимъ послъдствіемъ уравненія въ правахъ подданныхъ великаго княжества римскаго и греческаго закона должно было бы быть и введение православныхъ епископовъ вь господарскую раду. Но когда на Городенскомъ сеймъ 1568 года, послъ подтвержденія изложеннаго привилея 1563 года, митрополить Іона сталь хлопотать, чтобы ему и другимъ православнымъ архіереямъ были отведены мъста въ господарской радъ, Сигизмундь-Августь отложиль отвъть до другого раза, и православная іерархія ни оть него, ни оть его преемниковь не получила удовлетворенія своей просьбы.

Особенно настойчиво добивалась шляхта учрежденія выборнаго земскаго суда съ юрисдикцією, простирающеюся не только на шляхту, но и на внязей и пановъ. Какъ выше било сказано, учрежденіе такого суда отложено было до исправленія статута. Это исправленіе долгое время затягивалось какъ по техническимъ трудностямъ дѣла, такъ и вслѣдствіе скрытаго противодѣйствія со стороны господаря и аристократіи князей и пановъ. Господарю съ учрежденіемъ земскихъ судовъ по польскому образцу предстояло ограниченіе прерогативъ власти и уменьшеніе доходовъ, а князьямъ и панамъ предстояло поступиться прерогативами намѣстничьей власти, доходами отъ суда и своею привилегированною подсудностью. Но когда въ разгаръ Ливонской войны литовско-русская шляхта рѣшительно повернула въ сторону Польши, ни господарь, ни магнаты не сочли воз-

можнымь противиться ея жемалію иміть новый статуть и свой выборный земскій судь по польскому об; элду; король, —чтобы не лишиться союзника въ дът установленія унін съ Польшею, магнаты, — чтобы не толкать еще болбе рыцарство-илляхту въ объттия Польши и не заставлять ее искать новыхъ правъ и вольностей въ подданствъ новому государству. Поэтому, когда на Бъльскомъ сеймъ 1564 года стало извъстно, что ковый статутъ готовь, и что "судовый" раздал исправлень въ немъ согласно желаніямъ шляхты, паны-рада, старосты, державцы и другіе урядники, отправлявшее дотоль судь, представъ добличне" передъ господаремъ, по своей доброй воль" заявили ему, что они, "милуючи рычь посполитую, а въ ней братью свою молодшую, народ шляхетскій и рыцарскій", отступаются и отрекаются отъ своей судебной власти, которою пользовались на основавін стараго статута и обычая, в гавже оть всёхъ "пожитковь", которыми пользовались сами они, ихъ уразмиви, слуги и децкіе, —дабы установленіе новым земским судовъ не ветрачало никаних препятствій. Вследъ затыт всь станы сейма-паны-тыз, маршалки и другіе урядники, княжата и павита и вся шляхта, духодяне и свътское, великаго и малаго рода, заявиль, что веб они безъ дельочения съ своими потомками поддаются "въ одно ровное право" года одниъ и тога же судъ и подчиняются юрисдикцій новыхъ земскихъ у дашковъ, иміющихъ быть избранными для отправленія правосудія. Вибсто съ темъ они просили, чтобы и господарь съ своей стороны отмениль все то, что стоить въ противоречии съ новымъ статутомъ со стороны верзозной господарской власти и сгародавнихъ господарскихъ судовъ. Господать исполниль это желаніе становъ и 1 іюля выдаль привилей, конмы утвержиль новый статуть и обязывался за себя и своихъ преемниковъ соблюдать этоть статуть и не допускать никакихъ нарушеній его другими лицами; если обнаружится надобность въ чемъ нибудь его дополнить и исправить, предоставляль сдёлать это общимъ совътомъ и соизволеньемъ всъхъ становъ на будущемъ вальномъ сеймъ.

На Бельскомъ сейме предплагалось назначить места для новихъ судовъ, опредълить ихъ округа и дорать урядниковъ; новый статуть долженъ быль войдти въ дъйствіе съ 11 в доря 1564 года. Но оказалось на дълъ, что сделать все это такъ споро ната никакой возможности. Не говоря о трудности разграниченія судовихь добітовь, оказалось, что новый статуть и не во всемъ еще удовлетворяетъ шляхту, требуетъ дальнъйшаго исправленія. Введеніе его въ дъйствіе постому замедлилось, а работа по организаціи новыхъ судовъ и исправлению статуга продолжалась на следующихъ сеймахъ. На Виленскомъ сеймъ 1565—1566 года станы просили господаря разръшить имъ "поровнать" възгорые повъты великіе и произвести выборъ "электовъ", т.-е. кандидамиз для замъщенія новыхъ должностей земскаго суда. Выбеть съ этимъ стави ходатайствовали объ учреждении подкоморіевь "для справъ граничныхь и земленыхъ" по польскому образцу, при чемъ просили предоставить имъ право избирать для замъщенія этой должности кандидатовъ, какъ п да другіе земскіе судовые уряды. Господарь изъявиль согласіе на удовлетвореніе ходугайствь, при чемь, однако, оставиль за собою право зам'вщать должности подкоморіевь по усмотр'внію. Такъ какъ одновременно съ этимъ господарь согласился и на установленіе пов'втовыхъ сеймиковь по польскому образцу, то станы сейма, считая свои главныя желанія удовлетворенными, просили уже "неотволочно" передъ роспускомь сейма ввести въ д'вйствіе новый статутт и вписать въ него наибол'ве важные прявилен земскіе, въ частности—привилей 1563 г., уравнивающій въ правахъ подданныхъ великаго княжества "разныхъ послушенствь в'ры христіанское", привилей Б'єльскій 1564 года и привилей Виленскій 1565 года о пов'єтовыхъ сеймикахъ. Король исполниль эту просьбу и объявилъ, что новый статуть, за исключеніемъ н'єкоторыхъ статей, входить въ силу съ 26 января 1566 года.

Учреждение земскихъ судовъ по польскому образцу повлекло за собою новое дъленіе государственной территоріи великаго кинжества. Собственная Литва съ Литовскою Русью вилючительно поделены были на пятнадцать судовых в поветовы: Виленскій, Ошменскій, Вилькомирскій, Браславскій, Троцкій, Городенскій, Ковенскій, Лидскій, Упитскій, Новгородскій, Слонимсвій, Волковыйскій, Метиславскій, Минскій и Річнцкій; Жмудь составила нока одина судовый повъть; Берестейско-Подляшская земля съ частью Польсья-пять: Дорогипній, Мельницкій, Бъльскій, Берестейскій и Пинсвій; Волынь сь Подольемъ четыре: Владимірскій, Кременецкій, Луцкій, Браславскій; Кіевщина—два: Кіевскій и Мозырскій; Витебская земля два: Витебскій и Оршанскій; Полоцкая земля-одинъ Полоцкій. Въ предълахъ каждаго изъ этихъ повътовъ присуду земскаго суда подчинены были всь мъстные землевладъльцы - паны-рада духовные и свътскіе, княжата, паны хоруговные, шляхта-бояре и земяне. Прежнія мелкія хоругви, подъ воторыми выходили на войну бояре-шляхта, теперь были соединены, такъ что всв шляхтичи даннаго судового повъта стали составлять теперь одну повѣтовую хоругвь.

Персональ новаго земскаго суда составился изъ земскаго судьи, подсудка и земскаго писаря. Кандидатовъ на эти должности на будущее время статуть опредъляль избирать на повътовыхь сеймикахь, при участіи всьхь землевладъльцевь даннаго повъта, по четыре лица на каждую должность; окончательный выборъ изъ представленныхъ кандидатовъ и утверждение вь должность предоставлены были уже самому господарю. Въ кандидаты могли избираться только светскія лица шляхетскаго званія, имеющія самостоятельную осёдлость въ даннома повётё и при томъ не занимающія въ немъ никакихъ другихъ урядовь. Земскій судъ получиль право судить землевладильцевь своего округа по всёмь деламь, за исключеніемъ техъ, которыя отнесены были къ юрисдикцій замковаго суда, т.-е. о насильственных натадахъ на шляхетские дома, о подобныхъ же действіяхь вы господарскихы местахь, о поджогахь, о разбояхь на протажихъ дорогахъ, объ изнасилованіи женщинъ, о воровстет, о подлогь, объ убійствь шляхтича. Другими словами: земскій судъ долженъ былъ стать гражданскимъ трибуналомъ шляхетскаго сословія по преимуществу. Но и въ качествъ гражданского трибунала земскій судъ

должень быль раздёлить свою д'вятельность съ спеціальными подкоморскима судомъ, на долю котораго отнесены были всъ судебно-межевыя разбирательства на м'встахъ. Сессін земскаго суда должны были происходить ве центральных замкахе или господарскихе двораме судовыме поветове три раза въ году и начиналься: первая въ понедельникъ после Троицы, вторая - 30 сентября, третья - послі Крещенья. Этоть порядокъ могь нарушаться только по случаю созыва великаго вальнаго сейма, войны или морового поветрія. Члены суда должны были являться на сессію въ полномъ составѣ подъ страхомъ потери своихъ урядовь за неявку безъ уважительныхъ причинъ; если бы кто-нибудь изъ нихъ не могъ участвовать по бользии или потому, что самь имыть вы этомы же судь дыю, должень быль посадить вивсто себя шляхтича, человъка добраго, въры годнаго и въ законахъ сведующаго, изъ мёстнихъ землегадельцевъ; а если господарь пошлеть кого-нибудь изъ нихъ въ посольствъ и на другія земскія "справы", то долженъ назначить ему временнаго замъстителя. Писарь въ составленіи протоколовъ судебнаго разбирательства и внесеніи ихъ въ земскія вниги могь заміняться подписками, но отвічать должень за все самь. Сессін должны были продолжаться дві неділи каждая, если діль много, а если мало - до окончанія ихъ. Судьи должны разбирать діла въ порядкі "позвовъ", по заранъе составленному реестру, не дълая никому особаго снисхожденія; судить должны съ ранняго утра и до вечерень. При этомъ писарь должень вносить немедленно каждое решенное дело въ земскія книги. Эти вниги должны храниться въ мъстахъ судебныхъ сессій въ особыхъ зданіяхъ, которыя должна была выстроить шляхта, за ключами судьи, подсудка и писаря и открываться за три дня до начала сессіи (для внесенія позвовь) и закрываться три дня спусти по окончаніи сессіи (дабы дать возможность тягавшимся взять изъ нихъ нужныя выписи). Опредълено было взимать штрафъ въ размъръ копы грошей въ пользу судьи, полконы-въ пользу подсудка и трехъ рублей-въ пользу противной стороны со всякаго, кто не захочеть судиться у земскихъ судей въ дълахъ, подлежащихъ ихъ юрисдикцій, и станетъ отзываться до замковаго, коммиссарскаго и другихъ судовъ, исключая тв случан, когда противная сторона добровольно поддается подъ другой судъ. Отъ приговора земскаго суда предоставлено было аппеллировать непосредственно на судъ господаря и пановъ-рады, минуя всъ посредствующія инстанціи, ибо еще на Бъльскомъ сейм 1564 года воеводы отказались оть юрисдикціи по аппеліяціямъ, которую установиль было для нихь новый статуть, и оть судовъ на областныхъ "въчахъ". Но и въ господарю нельзя было аппеллировать отъ ръшеній земскаго суда, основанныхъ на письменныхъ обязательствахъ стороны, проигравшей дело, или на добровольномъ ея сознаніи; запрещалось также аппеллировать, придираясь къ маловажнымъ нарушеніямъ формальностей при отправленіи суда. Аппелляція ни въ коемъ случай не могла идти за предълы великаго княжества: нарушившій это постановленіе и вызвавшій противную сторону на судь къ господарю въ Польшу, долженъ заплатить вызванному 12 рублей грошей.

Во всёхъ этихъ определенияхъ относительно земскаго суда ясно выразилось стремленіе законодателя облегчить и удещевить полученіє правосудія, чего неустанно добивалась шляхта на великихъ вальныхъ сеймахъ съ начала сороковыхъ годовъ. Это же намерение сказалось вполне опрежъленно и въ новой таков судебнаго вознагражденія. "Пересудъ" въ пользу судей съ 5% иска пониженъ быль до гроша съ каждой копы, т.-е. до 12/30 о. Точно также понижены были сильно и судебно-канцелирскія пошлины. Второй статуть определить писарямъ земскому и гродскому такой доходъ: за запись судебнаго "позва" грошъ, за выпись-грошъ, всего, такимъ образомъ, -- два гроша; за заявление "кривды" (т.-е. правонарушенія съ чьей либо стороны) -- грошъ; за судовые листы и выписи судебныхъ ръшеній-два гроша; за выписи на пергаченовыхъ листахъ-12 грошей, при чемъ пергаменъ, воскъ и шнуры (для печати) обязанъ быль дать берушій ихъ. Понижены были значительно и полилины, платившіяся прежде вижамъ, увязчимъ и дъцкимъ. Замънившіе имъ возные, которимъ для каждаго судоваго повъта должень быль назначать изъ мъстныхъ осъдныхъ шляхтичей воевода, имъли получать: за Ездъ-по грошу за милю въ одинъ вонець; за осмотрь следовь преступленія на месть и за удостовереніепо грошу; за вводъ во владение по приговору суда-по грошу съ каждой службы людей и по полгрошу съ каждой иустовщины, которую пашуть; за взысканіе денегь — по два пѣнязя съ каждой копы, т.-е. ²/₃%. Дороговизна прежняго суда завистла отъ того, что этотъ судъ находился въ рукахъ магнатовъ, которымъ раздавались державы, староства и воеводства. Теперь шляхта добилась своего сословнаго и выборнаго суда и потому естественно свела судебныя пошлины на обычное вознаграждение за трудъ, а не на источникъ обогащенія.

Паралієльно съ земскими судами оставлены были для шляхетскаго сословія и суди замковие или дворные, получившіе названіе гродскихт, по одному на каждый судовый повъть. Всъ господарские намъстники-державцы въ предълахъ судоваго повъта лишени били права судить шляхгу, кромъ одного, который держаль замокъ или дворъ, признанный центральнымъ въ судовомь повёге; остальные державцы оставались судьями только господарскихъ крестьянъ и мещанъ своего повета. Такимъ образомъ, замковый или дворный судъ надъ шляхтою оставленъ быль за воеводами Виленскимъ, Троцкимъ, Новгородскимъ, Витебскимъ, Полоцкимъ и Кіевскимъ; за старостами-Жмудскимъ, Ковенскимъ, Городенскимъ, Слонимскимъ, Волковыйскимъ, Иннекимъ, Берестейскимъ, Бельскимъ, Дорогицкимъ, Мельницвимъ, Владимірскимъ, Луцкимъ, Кременецкимъ, Браславля Подольскаго, Метиславскимъ и Оршанскимъ; за державцами Ошменскимъ, Вилкомирскимь, Браславля Литовского, Лидскимъ, Упитскимъ, Мозырскимъ, Минскимъ и Ръчицкимъ (эти державцы, впрочемъ, скоро переименованы были въ старостъ). Такое сокращение числа господарскихъ наместниковъ, имевшихъ право судить шляхту, вызвано было требованіями самой системы новаго судоустройства, предполагавшей нараллелизмъ земскихъ и гродскихъ судовъ. Что же касается общаго уменьшенія судебныхъ трибуналовъ для

шляхты, то оно было вызвано необходимостью создать для новыхъ шляхетскихъ судовь такіе общирные округа, которые могли бы вмёщать въ себь и крупныя княжескія и панскія имьнья, владыцци которыхь на этоть разъ потеряли свое право не судиться въ повътахъ. Впрочемъ, на дълъ это уменьшение едва ли было значительно, если только было. Во-первыхъ, и не статугу 1529 года далеко не все державцы имели право привлекать къ своему суду шлахту-бояръ; во-вторыхъ, въ тяжбахъ съ князьями и нанами шляхта все равно должна была обращаться прямо къ воеводскому суду. "Гродскому" суду такъ же, какъ и земскому, подчинены были всъ землевладальны даннаго судового повъта безъ исключенія по перечисленнымь выше уголовнымь преступленіямь и, кром'в того, по всемь деламьнеосъдые шляхгичи и "гости", чужеземцы, совершившіе преступленіе въ данномъ повътъ. Личний персональ "гродскаго" суда остался тогъ же самый, что быль и прежде, т.-е. судиль самь воевода или староста, а въ его отсугствие его нам'ястникъ съ гродскимъ судьею, назначеннымъ воеводою или старостою, или державцею изъ мъстныхъ осъдымхъ шляхтичей. Письмоводство находилось въ рукахъ гродскаго писаря. На неправий судь намъстника и гродскаго судьи предоставлено было жаловаться самому воеводъ или старость, или державць, а на судь этихъ последнихъ самому господарю. Гродскій судъ должень быль дійствовать непрерывно и давать правосудіе немедленно на всякаго, вто будеть поймань "на горячемъ учинку" безь предварительнаго "позва", вы противномъ случав долженъ посылать обвиняемому "позовъ" съ приказомъ явиться не позже двухъ недёль со дня его врученія; кто ослушается, подвергается "банницін", т.-е. объявляется внъ покровительства законовь, до тъхъ поръ, пока не дасть удовлетворенія потерпъвшему.

Таковы были перемѣны, внесенныя вь судопроизводство великаго книжества вторымъ статутомъ и вызванныя желаніемъ шляхты сдѣлать правосудіе болѣе доступнымъ и равнымъ для всѣхъ "становъ" сословія.—Не ограничиваясь всѣми этими пріобрѣтеніями, шляхта выступила съ домогательствами политическаго характера, клонившимися въ общемъ также къ сближенію ея съ князьями и панами и къ возвышенію ея роли и ея значенія въ государственномъ управленіи. Результатомъ ея усилій по этой части было учрежденіе новыхъ воеводствъ и каштеляній и должности повѣтовыхъ маршалковъ, установленіе повѣтовыхъ сеймиковъ и законодательныхъ правъ великаго вальнаго сейма.

Литература.

М. Любавскій, Антовско-русскій сеймь. Москва 1901 г.; Н. Н. Лаппо, Земскій судъвь великомь княжествь Литовскомь въ конць XVI в. Спб. 1897 (Журн. Мин. Народн. Просв. 1897, № 6); Подкоморскій судъ въ великомь княжествь Литовскомъ въ конць XVI и началь XVII въка. Спб. 1899 (Журн. Мин. Народн. Просв. 1899, № 9); Гродскій судъ въ великомъ княжествь Литовскомъ въ XVI стольтіп (Журн. Мин. Народн. Просвыц. 1904).

XLIV.

учрежденіе пов'ятовых всеймиковь, новых воеводствь и каштеляній по польскому образцу и расшираніе правь великаго вальнаго сейма.

Потребность в сеймикахъ по польскому образцу и ихъ установление. — Составь, порядокъ созыва и компетенція повътовыхъ сеймивовъ. — Составь великаго вальнаго сейма постъ введенія сеймиковъ; усиленіе значенія въ немь шляхты. — Опредъленіе Городенскаго сейма 1566—1567 г. о поскщеніи сеймиковъ и сеймовъ и о порядкъ совъщаній. — Учрежденіе новыхъ воеводствъ и капітеляній и вызвавшія его причины. — Новое военное дъленіе и новый порядокъ мобилизаціи; повътовые маршалки. — Признаніе за великимъ вальнымъ сеймомъ законодательнаго значенія. — Исключеніе частновладъльческой и "спадковой шляхты вазь "повътовъ". — Особыя права Виленскихъ мѣщанъ.

Кандидаты на должность земскихь судей и подсудковь на первый разъ намъчены были на великомъ вальномъ сеймъ. Шляхта, однако, не имъла вь виду узаконить такой поридокь и на будущее время. Желательнымь быть для нен польскій порядокь избранія кандидатовь всею шляхтою, viritim, на м'єстнихъ, "пов'єтовихъ" сеймикахъ. Пов'єтовые сеймики по польскому образцу представлялись для литовско-русской шляхты идеаломъ и въ томъ отношеніи, что они давали ей возможность обсуждать предварительно въ полномъ собраніи всё тё вопросы, которые долженъ быть рёшать ближайшій сеймь, и снабжать своихь пословь на этоть счеть изв'ястными инструкціями. Литовско-русская шляхта уже давно чувствовала въ этомъ потребность и уже давно старалась снабжать своихъ пословъ на сеймы инструкціями. Почти на каждомъ сеймѣ ея послы выступали съ петиціями вакь о местныхь, такь и обь общихь нуждахь сословія. Но общегосударственные вопросы заставали піляхетскихъ пословь до изв'єстной степени врасилохъ, и послы, не имъя указаній оть своихъ избирателей, большею частью шли послушно за своими "старшими братьями", панами-радою и урядниками земскими и дворными, княжатами и панятами. Теперь шляхта хогьта имьть свои самостоятельные голоса на великомъ вальномъ сеймъ н принимать болье активное участіе въ его совъщаніяхъ и постановленіяхъ. На Виленскомъ сеймь 1565—1566 года "станы" обратились съ просьбою въ господарю, чтобы онъ разръшиль имъ въ новыхъ судовыхъ повътахъ имътъ "сеймы повътовые" по примъру короны "для лъпшого и въчистого порадку въ ръчи посполитой". Господарь исполнилъ эту просьбу и 30 декабря выдаль особый привилей, конмъ учреждались въ великомъ внижествь Литовскомъ сеймики по новымъ судебнымъ округамъ, гдь уже засажены новые земскіе уряды, и гдь они будуть засажены впоследствіи. Сообразно съ этимъ и въ раздёль третій новаго статута "о вольностяхъ шляхетскихъ" внесенъ былъ новый "артикулъ" о повътовыхъ сеймикахъ. На эти сеймики имъли собираться всъ землевладъльцы шляхетскаго званія безъ исключенія—паны-рада, урядники земскіе и дворные, княжата, панята и вся шляхта повъта и совъщаться какъ о своихъ нуждахъ и потребностяхъ, такъ и "о потребахъ ръчи посполитое", о чемъ вмъ будеть объявлено особыми господарскими листами. Господарь обязался созывать повътовые сеймики всякій разъ передъ вальнымъ сеймомъ, не позже четырехъ недъль до его начала. "Зволившися вси одностайне", собравшиеся на сеймикт должим были выбирать изъ своей среды двухъ пословъ огъ каждаго судоваго повъта и отправлять ихъ на вальный сеймъ, снабдивъ иструкціями и полномочіями решать какъ те вопросы, о которыхъ было объявлено господаремъ, такъ ли иные приналые речы водлъ часу и потребы". Независимо оть того, станы, приглашавшіеся прежде лично на вальный сеймъ, т. е. князья, паны хоруговные, маршалки и всф другіе урядники земскіе и дворные и впредь иміли лично іздить на вальные сеймы, занимать свои мъста и подавать голоса по старому порядку. Для повътовыхъ пословъ расписаны были мъста и "воты" въ "радъ посполитой" въ порядъъ, основанномъ на іерархіи воеводствъ въ господарской радь. Такимъ образомъ, первыя мъста были отведены посламъ Виленскаго воеводства -- Виленскаго повъта, Ошменскаго, Вилькомпрекаго, Браславскаго; затъмъ повътовымъ посламъ Троцкаго воеводства — Троцкаго повъта, Городенскаго, Ковенскаго, Лидскаго и Упитекаго и т. д. Кром'в предсеймовыхъ сеймиковъ статуть предоставляль воеводамь созывать еще сеймики экстренные, для избранія кандидатовъ на открывшуюся вакансію въ земскомъ судъ.

Итакъ, на великомъ вальномъ сеймъ съ 1566 года стало гораздо меньше шляхетскихъ представителей, чёмъ на прежнемъ, когда съёзжались послы отъ множества мелкихъ поветовъ, особенно изъ великаго княжества въ тесномъ смысле. На новомъ сейме плихетскихъ представителей стало меньше, пбо уменьшилось число самыхъ повътовъ вслъдствіе соединенія въ одинъ поветь несколькихъ хоружествъ. Но при всемъ томъ несомненно, что значение шляхты на сеймы не только не понизилось, но повысилось. Благодаря введенію повітовых сеймиковь шляхта получила возможность принимать поголовное участіе въ обсужденіи тёхъ вопросовъ, для которыхъ созывался великій вальный сеймъ, и черезь инструкціи, даваемыя посламъ, вліять на его решенія. Разсылавшіеся прежде "сеймовые листы" обыкновенно содержали приказъ всъмъ станамъ, "сойму належачимъ", прибыть на сеймъ въ назначенное мъсто и время, безъ точнаго указанія вопросовъ, подлежащихъ обсужденію и рѣшенію, а просто "для великихъ а пильныхъ (настоятельныхъ) потребъ господарскихъ и земскихъ". Иногда даже прямо говорилось, что о предметахъ предстоящаго совъщанія будеть объявлено на самомъ сеймъ. При такихъ условіяхъ и рыцарство-шляхта, посылавшая своихъ пословъ на вальный сеймь, не имъла возможности вліять, насколько было для нея желательно, на рашение вопросовь, возбужденныхъ правительствомъ и должна была довольствоваться тёмь, что удавалось достигнуть ен посламъ въ собраніи, наполненномъ аристократическими элементами-панами радными, урядниками земскими и дворными, княжатами и панятами, собранными на сеймъ viritim.

Новый порядокъ сеймованія могь обезпечивать интересы "становь" лишь при условін правильнаго посъщенія сеймиковъ и сеймовъ и правильнаго совъщанія. Къ достиженію всего этого и были приняты извъстныя

мфри ва Городенскомъ сеймф 1566—1567 года. Было постановлено: сеймовые листы должны вручаться гродскому уряду, т. е. старость или его намъстенку, не посже двухь недъль до открытія сеймика, а гродскій урядъ уже съ своей стороны долженъ посылать съ этими листами возныхъ на домъ во всіму тімь станамь, къ которымь посылались и прежде сеймовые листы изъ гостодарской канцелярія, а шляхть объявлять по костеланъ в на торгахъ; за веявку на повътовые сеймики паны-рада подлежать штрафу въ пять воль (300) грошей, а уридники земскіе и дворные-вь двѣ коны; шляхтачи, владьющіе иміньями вь разныхъ повітахъ, могуть являться въ вак т угодно изъ этихъ повътовъ; кто изъ нихъ не прибдетъ къ сроку, тоть не можеть протестовать противь того, что безь него будеть решено; сеймизи должны продолжаться не долже трехъ дней; кто изъ бановь радныхъ сеть уважительныхъ причинъ не прівдеть на третій день по открытіи сейма, ть мессь о св. Духь, бывающей въ этоть день, тога теряеть право голоса на столько дней, на сколько опоздаль, и безъ возраженій должень принять все, что за это время будеть постановлено; кто же изъ остальныхъ становъ или пословъ земскихъ не явится во время безъ уважительныхъ причить тоть теряеть право голоса на всю сессію, съ которой онъ, однако, не должень отвъзжать. Относительно самаго порядка совъщаній станы постаноддии: пропозиція господаря и вотпрованіе пановь-рады должны происходить вы присутствии господаря и всыхы становы, "сойму належачихь", по польскому обычаю; по польскому же обычаю съ разрешенія господаря, должно происходить "схоженье стану рыцарского до пановъ-радъ".

Табь какъ на польскихъ сеймикахъ шляхтою предводительствовали сенатоты - воеводы и каштеляны, то и литовцы на Виленскомъ сейм в 1565 --1566 года подали господарю просьбу, чтобы онь "для лепшого порядку" на себилиахъ и для оздобы (украшенія) и помноженья преложоныхъ (высшахъ) становъ въ рѣчи посполитой увеличиль число мѣстъ въ своей радъ и учредилъ новыхъ воеводъ и каштеляновъ. Это учреждение новыхъ воеводъ в ваштеляній, помимо председательствованія на сеймикахъ, по всемъ даянымъ, вызывалось и готовящеюся уніею съ Польшею. Какъ одинъ изъ рестлытатовъ этой уніи, намічался общій сенать или, по меньшей мірь, соединенныя заседанія польскаго и литовскаго сената. Въ этомъ соединенномъ селать могли получить мъста далеко не всъ члены господарской рады веливате княжества, а только тв, которые были одинаковаго ранга съ польскими сенаторами, т. е. князья-бискупи, воеводы, каштеляны и ифкоторые министы (маршалокъ земскій и дворный, канцлеръ и подканцлеръ, подскарбій земскій). Но такъ какъ воеводь и каштеляновь въ Литвь было очень жало по сравнению съ Польшею, то станы и настапвали на учрежденін водыхъ воеводствь и капітеляній. Господарь исполниль эту просьбу н учрежить новыя должности воеводь - Берестейского, Мстиславского, Минскаго, Разынскаго, Браславскаго (Подольскаго) и каштеляновъ - Берестейскаго, Метиславскаго, Минекаго, Волынскаго, Браславскаго, Жмудскаго, Кіевстаго, Полоцкаго, Витебскаго, Новгородскаго и Подлишскаго. Всв эти новые сановники и заняли подобающія міста въ господарской разів въ

извѣстномъ порядкѣ, непосредственно послѣ старыхъ воеводъ и каштеляновъ. Въ отличіе отъ старыхъ воеводъ новые не были одновременно старостами-намѣстниками, такъ что наряду съ воеводою Берестейскимъ оставался староста Берестейскій, наряду съ воеводою Мстиславскимъ староста Мстиславскій и т. д. Въ даняомъ случаѣ новые воеводы были уже вполиѣ сходны съ польскими воеводами.

Съ учрежденіемъ новыхъ воеводствъ произведено было новое военное діленіе литовско-русской государственной территоріи и новое распреділеніе командованія. До учрежденія новыхъ воеводствъ вся Литва съ Русью, Польсьемъ и Подляшьемъ составляла два военныхъ округа, начальниками которыхъ били Виленскій и Троцкій воеводы; Жмудь, Полоцкая земля, Витебская, Кіевская и Вольнская сь Подольемъ образовывали пять военныхъ опруговъ подъ главнымъ начальствомъ старость Жмудскаго, воеводъ Полоцкаго, Витебскаго, Кіевскаго и маршалка земли Волынской. Теперь число этихъ округовъ возросло до тринадцати, сообразно съ увеличеніемъ числа воеводствь. Эти округа составились такимъ образомъ: воеводство Виленское — пзъ судовахъ повътовъ Виленскаго, Ошменскаго, Вилькомирскаго, Браславскаго; воеводство Тропкое—изъ судовыхъ повъговъ Тропкаго, Городенскаго, Ковенскаго, Лидскаго и Упитскаго; воеводство Новгородское — изъ повътовъ Новгородскаго, Слонимскаго и Волковыйскаго; воеводство Берестейское - изъ повътовъ Берестейскаго и Пинскаго; воеводство Подляшское-изъ повътовъ Дорогицкаго, Бъльскаго и Мельницкаго; воеводство Минское — изъ повътовъ Минскаго и Ръчицкаго; воеводство Мстиславское изъ судоваго повъта Метиславскаго; воеводство Жмудское-изъ Жмудской земли, Полоцкое-изъ Полоцкаго повъта, Витеоское-изъ повътовъ Витеоскаго п Оршанскаго, Кіевское-изъ пов'єтовъ Кіевскаго и Мозырскаго, Волынское-изъ повътовъ Луцкаго, Владимірскаго и Кременецкаго; воеводство Браславское-изъ Браславскаго и Вѣницкаго повѣта. Это новое областное дъленіе въ общихъ чертахъ просуществовало до самаго паденія Польско-Литовскаго государства. Главнымъ командиромъ земскаго ополченья въ каждомъ изъ этихъ округовъ быть мъстный воевода; подъ его начальство стягивались во время мобилизаціи всь военнослужилые землевладыльцы воеводства; подъ его командою пили они на театръ военныхъ дъйствій подъ главное начальство гетмана и подъ его же "справою и послушенствомъ" оставались во время войны. Воеводамъ подчинены были повътовые командиры, которые во время войны собирали подъ свою команду всехъ землевладельцевь повета, вели ихъ въ сборный пункть воеводства подъ команду воеводы, обо всёхъ нелвившихся докладывали воеводё и шли далее вмёстё сь воеводою на войну, сохраняя надъ своими отрядами ближайшій надзоръ и дисциплинарную власть. Такими командирами въ тъхъ судовихъ повътахъ, гдв находились главные города воеводствъ, были каштеляны, а въ другихъ-маршалки. Чисто придворное званіе маршалка соединилось теперь съ командованіемъ изв'єстнымъ территоріальнымъ отрядомъ земскаго ополчения великаго княжества. Подъ командою каштеляновь и маршалковъ должны были становиться какъ князья и паны хоруговные, такъ и бояре**шляхта и** земяне, при чемъ болре и земяне собирались и ставились подъ команду каштеляновъ и маршалковъ своими хоружими. Эти хоружіе назначены были теперь для каждаго судоваго пов'єта; сл'єдовательно, число ихъ по сравненію съ прежнямъ уменьшилось. Все это военное устройство почти ц'єликомъ было заимствовано изъ Польши, съ тою разницею, что у поляковъ во вс'єхъ судовыхъ пов'єтахъ были каштеляны и не было маршалковъ.

Такъ, не только на повътовыхъ сеймикахъ, но и въ повътовыхъ ополченіяхъ шлахта сблизилась съ своею арпстократіею — князьями и панами.

Вельній вальний сеймъ, опиравшійся на пов'ятовые сеймики, неизо'яжно получаль болье высокое мьсто вы государственной организаціи великаго внижества Литовскаго. Мы уже видели, что на Виленскомъ сейме 1551 года по одному частному случаю ставы ходатайствовали, чтобы господарь не издаваль никакихъ новыхъ "уставъ" помимо вальнаго сейма. Въ то время господарь отклониль это ходатайство, какъ неумъстное пригязаніе. Но во второмъ статугъ это ходатайство уже получило полное удовлетвореніе: господарь обязался не установлять вичего новаго для блага государства, никакихъ уставъ иначе, какъ на вальномъ сеймъ, съ въдома и совъта пановъ-рады и съ дозволенья всъхъ земель великаго княжества. Ограничение великовняжеской власти, установленное земскимъ привилеемъ и статутомъ Сигизмунда I въ пользу господарской рады, статутомъ Сигизмунда-Августа перенесено было въ пользу великаго вальнаго сейма. Надо заметить, впрочемь, что статуть 1566 года въ данномъ случае только обобщаль и санкціонпроваль установившуюся въ великомъ княжествъ Литовскомъ практику. Это справедниво и относительно того его артикула, конмъ узавонялось, что впредь господарь не будеть начинать войны самолично и по совъту съ панами-радою, ни установлять серебщинъ или какихъ либо налоговь, безъ согласія князей и нановъ хоруговныхъ и пословь земскихъ повътовыхъ, созванныхъ на великій вальный сеймъ. Въ виду того значенія, которое получиль сеймъ въ государственной жизни великаго княжества, новый статуть постановляль, что господарь долженъ созывать великій вальный сеймъ всякій разъ, когда потребуется, по сов'ту пановъ-рады или по просьбѣ шляхты-рыцарства.

Такъ существенно преобразился внутренній политическій строй Литовско-Русскаго государства. Новая конституція его, введенная статутомь 1566 года, давала большій, чёмъ прежде, вѣсъ рядовой, средней и мелкой шляхть. Необходимо впрочемъ оговориться, что въ составъ этой шляхты не включена была шляхта, находившаяся въ подданствѣ у князей и пановъ, и шляхта тавъ называемыхъ "спадковыхъ" господарскихъ имѣній, т. е. доставшихся господарю послѣ частныхъ владѣльцевъ. На шляхту этихъ категорій не распространялись ни статьи о новыхъ судахъ, ни статьи о повѣтовыхъ сеймикахъ. На сеймахъ 1567 и 1568 годовъ шляхта добивалась включенія снадковой шляхты въ повѣты, но господарь отклониль ея ходатайства.

За то получили м'єсто на великомъ вальномъ сейм'є бурмистры "столечнаго" Виленскаго мъста. Представители Виленскаго мъста стали приглашаться на сеймовыя совъщанія съ той поры, какъ діло стало клониться къ уніп великаго княжества съ короною. Такъ, они участвовали въ выработкъ инструкціи для лиговскихъ пословь, отправляршихся для переговоровъ объ унін на Варшавскій сеймъ 1563 года. Эта инструкція для наибельшаго уравненія великаго княжества Литовскаго съ Польшею предполагала сравнять въ правахъ мъщанъ великаго княжества съ польскими, въ частности мъщанъ столичнаго города Впльны съ Краковскими, и дозволить Впленскимъ мѣщанамъ посылать на сеймъ двухъ представителей для подачи голоса въ вопросахъ, касающихся ихъ мѣста. Наканунѣ заключенія уніи это предположение получило свое осуществление. 15 июня 1568 года Сигизмундъ-Августъ, не въ примъръ прочимъ мъстамъ, ет вознаграждение за върноподдавническую преданность и постоянную помощь, которую Виленскіе міщане оказывали государству деньгами въ теченіс послідней войны, выдаль Виленскому мъсту особый привилей, въ силу воего войть, бурмистры, радцы, лавники и писари мъста, происходящие изъ шляхетского сословія, не теряли своихъ иляхетскихъ правъ, отправляя означенныя мъстскія должности, а лица плебейского происхожденія пріобретали шляхетскія права пожизненно и могли даже передавать ихъ своимъ дътямъ, не занимающимся торговлею или ремесломъ, но либеральными профессіями или военною службою. Привилей обстоятельно перечисляль эти права а именно: выслужившінся на м'єстекихь урядахь лица и ихъ д'єти могли получать свътскія и духовныя должности, пріобрътать земскія имънья, брать гербы у шляхетскихъ родовь и пользоваться ими безь спеціальныхъ разрѣшеній господаря; съ оскорбителей могли искать шляхетского безчестья; дома ихъ освобождались отъ постоя пословь, гонцовь и становь сейма. Привилей предоставляль Виленскому мъсту по примъру самыхъ знатныхъ мъсть въ корон'в Польской принечатывать свои оффиціальныя бумаги краснымъ воскомъ и посылать на вальные сеймы двухъ или трехъ бурмистровъ съ правомъ подачи голоса по дёламь, касающимся мъста. Такъ, и представители капитала получили доступъ въ шляхетскому званію и мѣсто на вальномъ сеймѣ. Но дѣло, впрочемъ, какъ п въ Польшѣ не пошло дальше сейчась изложенныхъ начальныхъ шаговъ.

Реформы, произведенныя въ Литовско-Русскомъ государствъ въ связи съ введеніемъ въ дъйствіе новаго статуга, были послъднимъ этапомъ на пути внутренией ассимиляціи великаго княжества съ Польшею. Усиъхи исторической эволюціп въ этомъ направленіи были весьма значительны. Великое княжество имъло теперь господаря, получившаго престолъ такъ же, какъ и король Польскій, "за вольнымъ обраніемъ" всъхъ "становъ" великаго княжества, имъло господарскую раду, состоявшую такъ же, какъ и польскій сенать, изъ бъсбуповъ, воеводъ, каштеляновъ и министровъ, набиравшихся изъ крупной землевладъльческой знати (въ великомъ княжествъ въ раду входили и многочисленные дворные, или столовые урядники); имъло сеймъ изъ аристократіи и представителей шляхетскаго сословія

съ законодательною властью (особенностью дитовско-русскаго сейма было изобиліе въ немъ аристократическихъ элементовъ); имѣло совершенно такую же военную организацію, какъ и Польша, такое же приблизительно устрейство центральнаго и мѣстнаго управленія, тѣ же муниципальныя и крестьянскія учрежденія, тотъ же аграрный строй и тѣ же взаимоотношенія между сословіями. Эти успѣхи во внутренней ассимиляціи велктаго каяжества съ Польшею должны были облегчить и внѣшнее ихъ сліяніе въ одну рѣчь посполитую, что произошло на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-русскій сеймь; Н. А. Максимейко, Сеймы литовско-русскаго государства до Люблинской уніп. Харьковъ 1902.

XLV.

Польско-литовскія отношенія при Сигизмундь-Августь до Люблинскаго сейма.

Стремленія польской пляхты къ осуществленію унів великаго княжества съ короною Польскою в причины, ихъ порождавшія.—Противодъйствіе дитовской аристократів.—Предварятельные переговоры на сеймахъ 1551 и 1552 и ихъ неудача.—Просьбы дитовскихъ стяновъ, направленныя противъ поляковъ на сеймахъ до Ливонской войны.—Перемъна въ настроенія дитовцевъ въ разгаръ Ливонской войны; конфедерація шляхты подъ Витебскомъ съ цѣлью добиваться осуществленія уніи.—Избраніе на сеймѣ 1563 г. делегація для заключенія уніи; данная ей инструкція. Переговоры дитовскихъ делегатовъ съ поляками на Варшавскомъ сеймѣ 1563—1564 г.; крупныя разногласія между ними.—Продолженіе переговоровъ на Бѣльскомъ сеймѣ 1564 г. и въ Парчовѣ; тяготѣніе шляхты къ уніи и противодѣйствіе магнатовъ.—Просьбы шляхты о скорыйшемъ окончаніи уніи на сеймѣ 1565—1566 г.; особенное тяготѣніе къ уніи Подлашань и Вольнанъ.—Дѣло уніи на Берестейскомъ сеймѣ 1566 года; усилія магнатовъ отстоять государственную индивидуальность великаго книжества.—Постановленія шляхты въ военномъ станѣ въ Лебедевѣ и на Городенскомъ сеймѣ 1568 г. о непремѣнномъ созывѣ "спольнаго" сейма для заключенія уніи.

Когда усилилась опасность со стороны Турокъ, польская шляхта настойчиво стала добиваться осуществленія на дёлё давней уніи великаго княжества Литовскаго съ короною Польскою. Еще на Петрковскомъ сеймѣ, происходившемъ въ самомъ концѣ правленія Сигизмунда Стараго, въ декабрѣ 1547 и январѣ 1548 года, шляхетскіе послы требовали оть короля, чтобы онъ согласно давней уніи и соединенію съ Польшею земель Литовской, Мазовецкой, Прусской, Осветимской и Заторской привлекъ къ общимъ совѣщаніямъ объ установленіи совмѣстной обороны и рыцарство этихъ земель и созваль его на общій сеймъ въ Парчовъ, Люблинъ или Варшаву. Съ этимъ же требованіемъ обращалась шляхта и къ новому королю Сигизмунду-Августу на сеймахъ 1548 и 1550 годовь. Помимо уста-

новленія совм'єстной обороны, поляковь манили перспективы по части пріобретенія именій и полученія урядовь въ великомъ княжестве Литовскомъ. Въ коронъ шляхта уже давно испытывала земельную тесноту и недостатокъ доходныхъ должностей и званій, вслёдствіе чего все болье и болъе обращалась къ солдатскому ремеслу, пополиля собою въ качествъ "товарищей" наемныя роты "жолнеровъ". Между тъмъ въ сосъднемъ государствъ, особенно въ южныхъ украннныхъ его областяхъ, разстилались огромныя пространства лёсной заросли и "дикаго поля", ждавшія хозяевъ и насельниковь. Въ государствъ этомъ чувствовался также и недостатовъ культурныхъ работниковъ на разныхъ поприщахъ государственной, общественной и частной службы, и людямь съ опытомъ жизни и съ познаніями была возможность легче устроиться здёсь, сдёлать лучшую карьеру, чёмь въ Польшъ. Тяга изъ Польши въ великое княжество шла уже давно, выражаясъ въ томъ, что отдъльныя лица разными путями-получкою, браками и т. под. пріобретали въ великомъ вняжестве именья, поступали на службу въ господарю, внязьямь и панамь. Хоти литовцы и поставили барьемь этому Drang nach Osten въ видъ статей земскихъ привилеевъ и статута, обязывавших в господрря не раздавать замковь, имбній, урядовь и достоинствь чужестранцамъ, а только уроженнамъ великаго княжества, но нанболбе ловкіе пересканивали этоть барьерь и такъ или иначе становились и землевладельцами, и должноствими лицами на Литве. Унія должна была снять совсемь этоть барьерь, вслёдствіе чего поляки страстно желали ея, а литовцы, особенно правящій классь, наобороть всячески противплись ей. Зная это настроеніе правящей Литвы, Спризмундь-Августь отвічаль сначала нерѣшительно на предъявленныя ему съ польской стороны требованія и уклонился отъ созыва "спольнаго" сейма. Но когда осенью 1551 года собрался въ Вильнъ вальный литовскій сеймь, поляки отправили къ королю пословь уговаривать его, чтобы онъ согласно съ даннымъ объщаніемъ приводиль литовиевь къ чнін съ Польшею, оть которой можно ожидать большихъ выгодъ и обороны обоимъ государствамъ. Сигизмундъ-Августъ черезъ короннаго подканциера обратился къ сейму съ предложениемъ уни на основаніи старыхъ записей, какъ того требовали поляки. Но литовцы и слышать не хотели о такой уніи и выразили надежду, что государь сохранить свое отчинное государство при той цёлости, достойности и вольностяхъ, съ какими принялъ его изъ рукъ отца, согласно съ данною имъ присягою. Они соглашались только давать полякамъ помощь противъ непріятелей на основаніи "ухвалы" Берестейскаго сейма и категорически отказались събажаться съ полявами на общій сеймъ, такъ какъ со вежин вопросами они уже покончили на настоящемъ Виленскомъ сеймъ. Король, однако, не приняль этого заявленія за окончательный отказь к на слідующемъ неполномъ сеймъ 1552 года (на этомъ сеймъ были повътовые хоружіе, но не было пословь шляхты) снова подняль вопрось объ уніп. Станы поблагодарили короля за заботливость о великомъ княжествъ, но заявили, что въ виду различія правъ трудно великому княжеству соединиться съ Польшею, и потому дело это не можеть осуществиться. Что же васается обороны противъ нашествія турокъ, то они, литовцы, согласны помогать полякамъ всёми силами, согласны для постоянной обороны держать извёстное число войскъ или посылать полякамъ деньги на увеличеніе ихъ наемныхъ войскъ.

Вообще на первыхъ сеймахъ въ правление Сигизмунда-Августа, какъ и на последнихъ сеймахъ, собиравшихся при Сигизмунув Старомъ, литовскіе станы ревниво оберегали особность и самостоятельность великаго вняжества отъ посягательствъ поляковъ. На сеймъ 1547 года они ходатайствовали, чтобы господарь не раздаваль чужеземцамь урядовь земскихь н дворныхъ, а также замковъ, дворовъ, мъсть и волостей въ держанье, указывая на то, что такою раздачею всёмъ имъ наносится обида, какъ будто бы между ними нёть людей "годныхъ и верныхъ и справныхъ", а съ друтой стороны и государство терпить не малый ущеров отв того, что чужеземцы, разживаясь на урядахъ и державахъ, увозятъ съ собою не мало денегь изъ страны. Развивая эту просьбу и далбе, станы просили, чтобы госнодарь не поручаль чужеземцамы объежать и "пописывать" свои замки, дворы и волости и усчитывать господарскіе доходы, такъ какъ оть этого происходить затруднение и обременение старостамъ, державцамъ и ихъ урядникамь. Просьба эта направлена была противь группы поляковъ-Войтеха Ясеньскаго, Юрія и Станислава Фальчевскихъ, Станислава Коморовскаго, Станислава Райскаго и др., которые сделались близкими и довъренными людьми у Сигизмунда-Августа, "пописывали" замки и дворы, получили богатыя державы и т. д. Но такъ какъ они вмёстё съ тёмъ сделались землевладельцами, обывателями великаго княжества, пріобрёли индигенать, то господарь и отделался оть просьбы становь заявленіемъ, что ему неизвъстны случаи раздачи чужестранцамъ урядовъ и державъ; по поводу же ревизій замковъ и дворовъ заявиль, что и впредь онь будеть посылать по дворамь и волостямь своимь для выведанья и досмотрънья своихъ "пожитковъ", кого ему будеть угодно, кто только на это дело годится. Затемъ, станы ходатайствовали, чтобы коронные урядники не отправляли своихъ должностей въ великомъ княжествъ. Они указывали, на то, что въ прежнее время, когда господарь фхаль изъ короны въ веливое вняжество, воронные урядники сопровождали его до границы, а если н Вхали дальше, то только въ качествъ гостей; господаря на границъ встръчали дворные урядники великаго княжества-маршалки, подскарбій, подчаній, крайчій, конюшій, кухмистрь, подстолій, подкоморій и другіе и вступали въ отправление своихъ урядовъ; между тьмъ теперь они носить только титулы, а действительную службу за нихъ несуть коронные урядники, пользуясь и ихъ доходами. Господарь объщаль держаться въ этомъ отношеніи старины. О прекращеніи раздачи урядовь и державь чужеземцамъ, посылки ихъ на ревизіи литовцы просили и на сейм' 1551 геда; а такъ вакъ чужеземцы получали уряды черезъ индигенать, становясь предварительно землевладельцами великаго книжества, то станы вместе съ темъ просили господаря принять мёры въ тому, чтобы чужеземцы не "посёдали" имъній въ великомъ княжествъ Литовскомъ. Эта послъдняя просьба повторена была и на сеймѣ 1554 года съ указаніемъ на Волынь и Подляшье, гдѣ въ особенности развивалось землевладѣніе "чужеземцевъ". Господарь сначала отклониль было это представленіе, на томъ основаніи, что его государства не замкнуты, и всякому вольно пріѣхать и отъѣхать, купить и продать: если чужежицы пріобрѣтають имѣнья въ великомъ княжествѣ, въ этомъ виноваты сами литовцы, продающіе чужеземцамъ имѣнья. Но на сеймѣ 1554 года господарь уступилъ настояніямъ "становъ" и опредѣлилъ, что впредь чужеземцы не имѣють права пріобрѣтать имѣнья на вѣчность въ великомъ княжествѣ, а только въ "заставу" (подъ залогъ), въ пограничныхъ же повѣтахъ и этимъ правомъ не будуть пользоваться.

Лиговцы не оставляли безъ вниманія и литературныхъ посягательствъ на ихъ государственные интересы со стороны поляковъ. На сеймъ 1559 года опи жаловались ва "непристойныя" польскія хроники и просили господаря принять міры противь ихъ лживыхъ показаній. Налоба эта направлена была главнымъ образомъ противъ хроники Мартина Кромера, напечатанной въ Базель въ 1554 году. Въ этой хроникъ Кромеръ на основании актовь, которые ему пришлось ифосматривать и приводить въ порядокъ въ Краковскомъ архивъ, изложилъ исторію отношеній между Польшею и Литвою въ духћ благопріятномъ для польскихъ притязаній, и потому хроника его получила быстрое и широкое распространение (въ 1558 году вышло уже второе ея пзданіе). Хроника Кромера дала толчекъ, а отчасти и самый матеріаль для исторических варгументовь, съ которыми выступали лидеры пельской шляхты на Петрковскомъ сеймъ 1558 года, требовавшіе осуществленія унін, заключенной при Ягайл'ь, и обвинявшіе литовцевь вы невърности, вы неблагодарности и враждебности вы полякамы, отъ которыхъ они получили такъ много добра, въ присвоеніи Луцка, Ломазъ, Полюбичей и другихъ державъ и т. д. Все это не могло остаться неизвестнымъ литовизмъ, которые и выступили съ своей стороны съ протестомъ противъ "непристойныхъ хроникъ".

Ливонская война заставила литовцевъ перемънить свое отношение къ унін съ короною Польскою. Противъ унін съ Польшею стояла главнымь образомь литовекая аристократія, которая опасалась "ущинка" оть нея не только достоинству великаго княжества, но и своимы матеріальнымъ интересамъ, своему политическому преобладанію, которымъ она пользовалась въ великомъ княжествъ въ качествъ правящаго класса. Что касается рядовой шляхты, то она до поры до времени въ этомъ вопросв просто следовала за своею "старшею братьею", подчиняясь ея авторитету и давленію, но внутренно тяготья въ формамъ польской государственности (домогательства выборнаго шляхетскаго суда и расширенія власти сейма). Ливонская война, истощившая всь матеріальныя и моральныя силы этой шляхты, давшая бользненно почувствовать результаты политическаго одиночества Литвы и отчужденія ея отъ Польши, заставила шляхту занять самостоятельное положение въ вопросъ объ уни и выступить съ иниціативою ея осуществленія. Собравшаяся въ 1562 году въ военномъ лагерь подъ Витебскомъ шляхта составила своего рода конфедерацію съ

цвлью добиваться заключенія уніи съ Польшею. Акть этой конфедераціи, пересланный королю, гласиль, что шляхта покорно просить о заключении унін съ Польшею, дабы иміть возможность сообща сеймовать съ поляками, сообща избирать государя въ виду бездетности нынешняго короля, пользоваться одинавовыми съ ними правами и вольностями и сообида обороняться оть враговь. Для заключенія этой унін шляхта просить короле назначить общій польско-литовскій сеймь. Оть этого намеренія, - гласиль акть, шляхта согласилась не отказываться ни въ какомъ случав, какъ бы ни старались отклонить ее оть этого новымъ статутомъ или какими либо другими уступнами. Каждый изъ участниковъ настоящаго договора обязывается не вдаваться ни въ какія сов'ящанія, не определить серебщинь и никакихъ других в податковъ прежде, чемъ не будеть исполнено общее желаніе касательно сейма и унін съ поляками; ко всёму отсутствующимъ, особенне Жмудскимы ванамы, имфеты быть послано приглашение присоединиться лично пли заочно къ настоящему уговору, -а кто не присоединится или присоединившись отступить оть него, тогь будеть считаться недругомъ своего охечества и исключается изъ сообщества пляхты; земянинъ или сынь земянскій, состоящій на служов у пана, не сочувствующаго настоящему соглашению или отступившаго отъ него, не можеть отговариваться этимъ, но долженъ самостоятельно и мужественно стать за общее дёло; кто по этой причинъ подвергнется преслъдованію или обидь, за того должны стать всь другіе участники соглашенія и всячески ему помогать. Какъ бы въ отвъть на этоть акть литовско-русской шляхты, польская шляхта на Петрковскомъ сеймъ 1562-1563 года постановила назначить на 11 ноября общій польско-литовскій сеймь въ Варшавъ для заключенія уніи. Въ виду такого оборота дълъ и магнаты литовскіе не сочли возможнымъ прямо противиться унін. Поэтому на Виленскомь сеймі 1563 года рішено было приступить въ переговорамъ объ уніп. Но такъ какъ по случаю возобновленія военныхъ действій нельзя было ёхать на "спольный" сеймъ всёмъ станамъ, "сойму, належачимъ, то избраны были делегаты отъ пановъ радъ "передней" и второй "лавицы", оть княжать и панять, оть маршалковь, оть "значнъйшей шляхты", отъ шляхты земель Литовской, Жмудской, Волынской, Кіевской, Полоцкой, Витебской, Подляшской, Новгородскаго пов'та и Мстиславскаго и отъ Смоленскихъ землевладильцевъ. Въ виду того, что съ польской стороны въ качествъ участниковъ предстоявшаго сейма должны были выступить и мъщане столичнаго города Кракова, посылавшие свонхъ представителей на сеймы, и литовское правительство сочло нужнымъ привлечь къ извъстному участію въ установленіи унін представителей столичнаго мъста Вильны. Мъщане должны были подобно другимъ станамъ избрать оть себя делегатовъ на "спольный" польско-литовскій сеймъ. Делегатамъ дана была особал инструкція, читанная передъ всёми станами и получившая одобреніе сейма.

Эта инструкція составлена была несомнённо подъ вліяніємъ и руководствомъ пановъ радныхъ. Не имён возможности противиться уніи, которой требовала шляхта, паны постарались настоять на своемъ въ той

-наукъ", которая давалась литовскимъ делегатамъ для заключенія уніи. Инструкція насквозь проникнута была стремленіемь отстоять, насколько возможно, целостность, особность и самобытность великаго княжества Литовскаго. Первымъ условіемъ ставилось, что впредь у Польши п Литвы будеть одинъ общій государь, избираемый общими голосами изъ царствуюшей династіи. Избраніе его должно происходить на грапицахъ обоихъ государствъ, послъ чего должна совершаться его коронація въ Краковъ въ присутствій вежув польских встановь и литовских пословь, а векорф затъмъ-торжественное возведение на великое княжение въ Вильнъ въ присутствін всёхъ становь и повётовь великаго книжества и польскихъ пословь. Передъ коронацією въ Краков'я избранный государь долженъ подтверждать права и вольности обывателей Польской короны, а передъ возведеніемъ на великое княженіе - обывателей великаго княжества и приносить установленную присягу. Въ томъ случат, если геперепний гесударь или его преемники будуть иметь несколько сыновей, одина изъ нихъ можеть быть назначень правителемъ великаго княжества, безъ нарушенія уніп, по взаниному согласно поляковь и литовцевъ. Поляки и литовцы обязкваются никогда не покидать своего общаго государя и друга друга во вебять затрудненіяхъ и превратностяхъ, помогать другь другу противъ возней и нападеній вська врагова, не начинать распрей и война съ сосъдями беза взаимнаго совъта и согласія, исключая внезапныхъ и непредвидьнныхъ случаевъ, не заключать ни съ къмъ новыхъ договоровъ и не нарушать старыхъ, не посылать пословь безъ совета и согласія другь съ другомъ. Должны быть опредълены точно, сообразно съ сплами и средствами каждаго государства и съ требованіями данной войны, разміры той военной помощи, которую они должны оказывать другь другу какь посполитымъ рушеньемъ, такъ наемными войсками или деньгами. Литовцы выразили свое согласіе и на общіе сеймы съ поляками, но съ тъмъ условіемъ, чтобы эти сеймы созывались только для решенія важных вопросовь, касающихся обоих государствь; въ менье важныхъ случаяхъ, не касающихся или мало касающихся другого государства, должны собпраться по старому местные сеймы, на которые другое государство можеть присылать своихъ уполномоченныхъ. На общихъ польско-литовскихъ сеймахъ ни въ коемъ случав не должны решаться дела, васающіяся того или другого государства въ отдёльности. Въ каждомъ государствъ самостоятельно набирается сенать, замъщаются должности, отправляются суды, издаются и исправляются законы; въ каждомъ своя собственная верховная власть (merum et mixtum imperium). Делегатамъ поручались при заключеніи уніи охранять честь и достопиство великаго княжества, чтобы литовцы ни гдв и ни въ чомъ не были ниже поляковъ, чтобы въ войскъ, сеймахъ, торжественныхъ собраніяхъ и церемоніяхъ занимали одинаковыя съ поляками и подобающія ихъ достоинству м'єста. "Для большаго скрыпленія заключаемой унін" литовцы соглашались на отміну законовь, конми воспрещалось полякамь пріобратать иманья на въчность въ великомъ княжествъ, не вводить впредь никакихъ новыхъ пошлинъ, чеканить монету одинаковаго въса и достоинства, не допускать

никакого обмана, произвола, никакихъ стѣсненій и притѣсненій въ торговыхъ сношеніяхъ, соблюдать старинныя границы между обоими государствами и давать скорое и справедливое удовлетвореніе въ пограничныхъ обидахъ и столкповеніяхъ. Для большаго уравненія великаго княжества съ короною литовцы предлагали сравнять въ правахъ мѣщанъ великаго княжества съ польскими, въ частности дезволить мѣщанамъ Виленскимъ посылать на общіе сеймы двухъ представителей подобно Краковскимъ для подачи голосовъ въ вопросахъ, касающихся ихъ мѣсть. Во винманіе въ издержкамъ, понесенныхъ великамъ княжествомъ на Ливонію, литовцы требовали чтобы доходы съ этой страны всегда вносились въ скарбъ великаго княжества, но соглашались на то, чтобы герцогъ Курляндскій считался вассаломъ Польши и Литвы и получаль инвеституру отъ обоихъ государствъ.

Легко видъть по этой инструкціи, что руководящіе классы Литовскаго общества желали установить такую унію, которая совивщалась бы съ сохраненіемь государственной индивидуальности великаго княжества. Между тыт у поляковь уже давнымь давно сложьлся совершение иней идеаль унін. Этимъ идеаломъ была инкорпорація, "втіленіе" великате инашества въ корону, осуществление того, что уже было установлено при Ягайлъ и Витовув и подтверждено было съ ибкоторыми исправлениями при королъ Александръ. При Сигизмундъ-Августъ, съ вонца сороковыхъ годовъ XVI ст., осуществленія зав'ятной уніи съ особенною настойчивостью стала добиваться партія такъ называемыхъ "экзекуціонистовъ", не пропускавшая почти ни одного сейма безъ того, ттобы не поднять вопроса объ унін. Эта партія хлопотала объ увеличении военныхъ силь и финансовыхъ средствъ королевства Польскаго и въ этихъ цёляхъ настапвала между прочимъ и на томъ, чтобы унія съ Литвою, заключенная еще при Ягайл'ь, была приведена въ исполненіе. Какъ бы на подкръпление экзекуціонистамъ въ пятидесятыхъ годахъ выступиль съ своею описью документовъ, хранившихся въ Краковскомъ архивъ, и съ своею хроникою, писанною отчасти на основаніи этихъ документовъ, каноникъ Краковскій и Вармійскій Мартинъ Кромеръ. Кромеръ дать полякамь возможность выступить на Варшавскомъ сеймѣ 1563—1564 года во всеоружін историческихъ документовъ, подтверждавшихъ давнишнюю инкорпорацію великаго княжества въ корону Польскую. Особенную услугу полякамъ оказаль договорь объ унін, заключенный въ 1501 году, на который они и стали ссылаться въ доказательство исторической и юридической правоты своихъ требованій. Въ конців концовь эти требованія свелись къ слідующимь положеніямь: сеймы должны быть общіе для Польши и Литвы; отдільныхъ сеймовъ для того и другого государства не должно быть; элекція общаго государя Польши и Литвы должна быть вольная, не стесненная никакими династическими правами, и король долженъ гарантировать это съ своей стороны особымь письменнымь актомь; общій государь Польши и Литвы долженъ только короноваться въ Краковв, причемъ заразъ, въ одномъ акть, подтверждать права и вольности какь поликовъ, такъ и литовцевъ; особое возведение его на великое княжение не должно имъть мъсга. Шля-

хетскіе послы шли еще и дальше и требовали, чтобы въ Литвъ вообще не было отдъльныхъ отъ Польши урядовъ, чтобы была одна печать, одна ванцелярія, одна булава (гетманская), одна "ласка" (маршальскій жезль) и одинъ скароъ. Короче сказать полнки требовали какъ разъ уничтоженія государственной индивидуальности великаго вняжества, на сохранени воторой настанвали литовци. Лиговцы сдёлали только двё существенныхъ уступки — согласились на вольную элекцію вь виду того, что король отказался отъ своихъ наслъдственныхъ правъ на великое княжество, и на то, чтобы не было отдельнаго возведенія общаго государя на великое княженіе, но настанвали, однако, чтобы имкло мксто торжественное заскдание государя "на маестать", съ поднятіемь меча, въ присутствіи всёхъ становъ великаго вняжества. Во всемь остальномь они вренко держались данной имъ инструкции и требовали какъ отдъльныхъ сеймовъ для великаго княжества, такъ и отдельныхъ урядовъ, не признавали и соединенія обоихъ государствъ въ одну "речь поснолитую". При такихъ крупныхъ разногласіяхъ естественно, что и вопрось объ унів не могъ быть решенъ на Варшавскомъ сейм в 1563-1564 г. Чтобы покончить дело, король пророгиваль Варшавскій сеймь въ Парчовъ на 24 іюля 1564, а литовцамъ назначиль предварительный сеймъ въ Бѣльскѣ для новаго обсужденія уніи.

На Бъльскомъ сеймъ 1564 г., по донесенію бывшихъ на немъ польскихъ делегатовъ, рыцарство литовское охотно согласилось на ту унію, которую предлагали поляки, и желало имъть общіе сеймы и общую раду съ поляками. Но литовские "потентаты" сильно этому противились и отклоняли предложенія поляковъ. Въ конців концовъ "потентати" одержали верхъ, и тѣ "артикулы", съ которыми отправились въ Парчовъ для переговоровь съ поликами литовские делегаты, оказались дли поликовъ "несносными". Въ Парчовъ повторилось въ общихъ чертахъ то же самое, что происходило и въ Бѣльскъ. "Потентаты" долго спорили съ поляками и не соглашались на ихъ требованія. Послы оть рыцарства просили не обращать винманія на упорство магнатовь и договариваться объ уній съ ними на условіи общихъ сеймовь и общей рады, подавая надежды на то, что остальные спорные пункты будуть потомъ легко разръшены на общемъ совыть. Однако поляки не сочли возможнымъ пренебречь протестомъ магнатовь, хорошо зная, какую они представляють силу въ великомъ княжествъ. Рышено было, что король созоветь "спольный" польско-литовскій сеймъ сь участіемъ не делегатовь, а всёхь литовскихъ становь, "сойму належачихъ". Табимъ путемъ поляби надъялись скоръе довести до конца начатое дъло унін.

Какъ уже выше было сказано, на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 г. литовско-русская шляхта получила удовлетвореніе по всёмъ своимъ главнымъ домогательствамъ. Ей даны были выборные суды, повётовые сеймиви, новое военное устройство по польскому образцу; введенъ былъ въ дѣйствіе и новый статутъ. Но всѣ уступки нисколько не охладили литовско-русскую шляхту къ дѣлу упіп. На томъ же Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 года отъ лица всѣхъ становъ подана была просьба господарю, чтобы назначенъ

быль, наконець, "спольный съемь" съ короною Польскою, объщанный на Нарчовскомъ сеймъ 1564 года. О томъ же въ частности просили и Подляшане и Волыняне. Подляшане указывали на великіе "утиски, гвалты, мордерства" и захваты земель, которыя они териять съ польской стороны, и просили короля, чтобы онь выслаль своихъ коммиссаровь для учиненія справедивости, а для умиротворенія ихъ съ поликами на будущее время привель ихъ къ уніи съ ними; въ противномъ случав, - говорили она, -Подляшье станеть скоро украйною. Волыняне также ходатайствовали одновременно о защить ихъ оть обидъ со стороны поляковъ и о скоръйшемъ созваніи об'єщаннаго "спольнаго сейма" сь короною Польскою. Ассоціація этихъ двухъ просьбъ въ ихъ спискъ вскрываеть и ть чисто мъстныя побужденія, которыя заставляли сомвателей Волынской земли, какъ и Подляшань, жаждать чин съ Польшею. Очевидно, они желали выйдти изъ своего полсженія пограничных съ Польшею землевладільцевь, которое не давало имъ возможности получать легко и скоро удовлетворение по обидамъ и правонарушеніямъ со сторони сосідей — поляковъ. Они уже давно и часто жаловались на это на сеймахъ, собиравшихся при Сигизмундь I и Сигизмундь-Августь. Судебноразграничительныя комиссін, визыжавшія на границу съ польской и антовской стороны, сначала временныя, а затёмъ постоянныя (сь 1554 года), очевидно, мало удовлетворяли Волынянъ и Подляшанъ, и они стали видъть выходь изъ своего положенія въ тесной уніи съ Польшею, при которой они изъ пограничныхъ жителей могли бы стать внугренними и искать себъ удовлетворенія передъ обыкновенными судами и на основаніи обычныхъ законовь, а не передъ смѣшанными международными комиссінми, дѣйствовавшими по усмотренію, "водле Бога и справедливости". Король об'єщаль созвать "спольный" сеймь "водле потребы и часу".

"Спольный сеймъ" назначенъ былъ королемъ въ Люблинъ. Судя по выяснившемуся ходу переговоровъ, благополучное окончаніе дѣла уніи должно было повести къ прекращенію созыва отдѣльнаго вальнаго сейма великаго княжества. Между тѣмъ такой сеймъ согласно прежнему обѣщанію господаря долженъ былъ собраться для окончательной "поправы статута". Вслѣдствіе этого и для того, чтобы дать возможность литовцамъ предварительно сговориться между собою на счетъ предстоящей уніи и покончить съ своими чисто домашнями дѣлами, король созваль литовскій сеймъ въ Берестьѣ на 28 апрѣля.

Литовскіе "потентати" воспользовались этимъ сеймомъ для того, чтобы сдѣлать новое усиліе для спасенія своего положенія и государственной самостоятельности великаго кияжества. Подъ ихъ вліяніемъ сеймъ принялъ "поправу" статута касательно чужеземцевъ въ томъ смыслѣ, что выслужившіеся чужеземцы могуть получать отъ господаря имѣнья во временное и даже вѣчное владѣніе, но только непремѣнно на вальномъ сеймѣ, "за радою и позволеньемъ всѣхъ" паповъ-рады и "за позволеньемъ" всѣхъ становъ земскихъ, "сойму Литовскому вальному належачихъ"; что же касается урядовъ и достоинствъ, то они оставлены были только Литвѣ, Руси и Љмуди, "съ продковъ своихъ" уроженцамъ великаго княжества; кто же изъ иноземцевъ

выпросить себь что-нибудь подобное, тоть лишается не только уряда, но и имьныя и всей маетности. Не находя болье возможности противостоять унін, литовскіе паны выработали и добились утвержденія сеймомъ такихъ условій унін, которыя предполагали сохраненіе для Литвы отдільной администраціи и суда, особыхъ законовъ и установлений. Съ этими условіями дитовны отправили на Люблинскій сеймь пословь только для освідомленія поляковь. но не для переговоровъ объ чній, а сами не побхали на этоть сеймъ, отговаривалсь "небезпечными слухами", которые доходять до нихъ съ непріятельской стороны. Такъ и на этотъ разъ не состоялся "спольный сеймъ", на которомъ поляки разсчитывали провести унію. Осуществленію польскихъ желаній помішали несомніню не один только "небезнечные слухи", но и упорство литовскихъ магнатовъ, которые и слышать не хотели о такой уніи. вакую желали поляки. До насъ дошли некоторые отголоски речей, которые эни произносили на Берестейскомъ сеймѣ 1566 г. Оказывается, что они попрежнему домогались для великаго княжества особыхъ сеймовъ, особаго сената, церемоній возведенія на великое княженіе и т. д. Разоренные войною Витебскіе землевладівльцы обратились кь господарю съ просьбою о заключения уния съ Польшею. Король могъ только имъ ответить, что на этогь разъ относительно унін не могло состояться никакого постановленія, и это дело отложено до будущаго сейма, о которомъ они получать своевременно уведомленье; пусть только выбирають послами на этоть сеймъ людей, умфющихъ "вь томь з учетивостью и пожиткомъ земскимъ поступовати".

Но проволакивать дело уніи до безконечности при всемъ томъ оказалось уже невозможнымь. Доведенные до крайняго изнуренія войною, литовскіе станы на совещаніи въ военномъ станё въ Лебедевё зимою 1567 года въ отвёть на приглашеніе поляковь приступить, наконець, къ уніи, сдёлали постановленіе о непремённомъ созывё "спольнаго" польско-литовскаго сейма въ будущемъ 1568-мъ году. Это постановленіе они повторили и на Городенскомъ сеймё, собиравшемся весною 1568 г. Король об'єщалъ исполнить эту просьбу становь и своевременно разослать сеймовые листы. Такъ подошель знаменитый Люблинскій сеймъ, на которомъ осуществлена была, наконець, подготовлявшаяся всёмъ ходомъ внутренней и вн'єшней исторіи Литовско-Русскаго государства унія его съ Польшею.

Изъ обстоятельствь, предшествующихъ ближайщимъ образомъ заключеню Люблинской уніи, видно, что большинству литовско-русской шляхты стало уже не подъ силу сносить послёдствія одиночества великаго княжества въ борьбѣ съ могущественнымъ и упорнымъ непріятелемъ, и оно жаждало уніи, какъ единственнаго выхода изъ своего тяжелаго положенія, единственнаго средства къ облегченію себѣ несносныхъ "беременъ" войны. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ союзѣ съ польскою шляхтою, на "спольномъ" сеймѣ шляхта надѣялась получить большее значеніе, чѣмъ на своемъ литовскомъ сеймѣ, переполненномъ многочисленною и могущественною аристократіею. Отсюда само собою вытекало ея сочувствіе и содѣйствіе парламентарной уніи великаго княжества съ короною Польскою.

Литература.

Тѣ же труды, что и на стр. 209.

XLVI.

Пюблинскій сеймъ 1569 года и соединеніе великаго княжества Литовскаго съ короною Польскою въ одну Рѣчь Поспелитую.

Солыбъ "спольнаго" польско-литовскаго сейма въ Люблинъ. — Порядокъ совъщаній. — Різкое разногласіе между поляками и литовцами въ вопросъ уніи; интересы литовскихъ магнатовъ. — Отъбадъ литовцевъ съ сейма. — Хлопоты поляковъ о присоединеніи Поляшья и Вольни; универсать 12 марта о возвращеніи Подляшья и Вольни. Условія присоединенія Подляшья. — Негодованіе и безсиліе литовскихъ пановъ. — Полное запустьніе литовской казны, не смотря на всъ старанія о ея пополненіи; должность подскарбія земекато по привилею 1566 г. — Попытка литовскихъ пановъ отерочить заключеніе уніи и ея неудача. — Присята Подмискихъ и Вольнискихъ пановъ на върность Польшъ. Привилей 26 мая о возвращеніи Польшъ Вольни. — Присоединеніе Браплавскаго воеводства и Кієвщины къ Польшъ. — Возвращеніе на "спольный" сеймъ литовцевъ. — Акть уніи великаго княжества Литовскаго съ короною Польскою. — Присоединеніе Ливоніи къ соединенной Ръчи Посполитой. — Дополнятельный акть уніи 11 августа. — Причины, обусловившія осуществленіе уніи.

Объщанный "спольный" сеймъ открылся въ Люблинъ въ январъ 1569 года. Въ листахъ, разосланныхъ на литовскіе сеймики передъ этимъ сеймомъ, король указывалъ, что, не смотря на всъ жертвы кровью и имуществомъ, приносимыя обывателями великаго княжества Литовскаго, непріятель все болье и болье беретъ надъ нимъ силу, а потому необходимо великому княжеству соединиться съ Польшею, г бы "одностайною и спольною рукою", съ большимъ успъхомъ и съ меньшимъ "накладомъ", чинить ему отпоръ. Поэтому король просиль отправить пословъ на "спольный" сеймъ "зъ моцью зупольною" на заключеніе уніи.

Въ началѣ засѣданій польскіе шляхетскіе послы потребовали было, чтобы для переговоровь объ унін назначены были съ той и другой стороны депутаты, и чтобы совѣщанія происходили непремѣнно вь присутствій шляхетскихъ пословь обоихъ народовь. "По прежнимъ сеймамъ, — говорили послы, — мы знаемъ, какъ литовскіе сенаторы заботливо наблюдають, чтобы при совѣщаніяхъ не присутствоваль ихъ (шляхетскій) народъ, дабы, надлежащимъ образомъ узнавъ польскія права, не разлакомился на нихъ". Но эта попытка поляковъ сбить съ самаго начала литовскихъ сенаторовь съ ихъ позиціи не удалась. Литовцы вели свои совѣщанія отдѣльно и являлись къ полякамъ уже съ готовыми предложеніями или отвѣтами на ихъ предложенія.

Въ переговорахъ между ними снова сталъ ребромъ тотъ же контроверзъ, что и на Варшавскомъ сеймъ 1563—1564 года. Поляки, въ особенности шляхетскіе послы, настанвали на томъ, что унія уже заключена давнымъ давно, при Ягайлъ и Виговтъ, поновлена была затъмъ въ 1501 году, при королъ Александръ, и что не зачъмъ составлять новаго договора, а надо лишь вновь подтвердить и развить этотъ договоръ, чему начало уже положено на Варшавскомъ сеймъ; надо, слъдовательно договориться лишь по тъмъ пунктамъ, по которымъ не состоялось еще соглашенія. На этотъ

разъ поляки соглашались на отдёльные уряды для великаго княжества и оговаривали, что редукція столовыхъ иміній, предпринятая въ Польші, не распространяется на Литву. Литовскіе сенаторы отвергали всякое юридическое значеніе за прежними актами унін, которые не вошли въ жизнь, вследствіе чего и возникъ настоящій вопрось объ уніп. Не довольствуясь этими возраженіями, они представили свой проекть, основныя положенія котораго были тъ же самыя, что и въ инструкціи, данной на Варшавскій сеймъ 1563-1564, т. е. сохранение государственной особности великаго княжества, его границъ, отдъльнаго сейма, отдъльныхъ должностей и званій, отдельных законовъ и отдельной монеты, при общемъ государ в и общемъ сеймъ, созываемомъ для ръшенія общихъ дълъ. Къ этому добавлялось требование отъ поликовъ присяги въ томъ, что ни теперешний государь, ни его преемники, ни коронная рада, ни даже послы земскіе великаго княжества не будуть добивалься редукція вічных выслугь, доживотій и леновъ, а равно замковъ и дворовъ господарскихъ, заложенныхъ въ извъстныхъ суммахъ обывателямъ великаго княжества на нужды государства. Поляки должны были гарантировать, что никакое постановление въ этомъ смысль не состоится на сеймь, а если состоится, то не будеть имыть силы, и Литва не обязана ему подчиняться; если же ее стануть принуждать къ этому, то темъ самымъ расторгается и договоръ уніи. Изъ этого ясно видно, что литовскій проекть унін быль діломь литовских магнатовь, захватившихъ въ свои руки веденіе переговоровъ съ поляками. Проекть вскрываеть и ть матеріальныя побужденія, которыя заставляли ихъ всьми силами отстанвать государственную автономію великаго княжества. Автономное литовское государство было предпріятіемь, на которое магнаты затратили огромные фамильные вапиталы въ формъ ссудъ скарбу подъ залогь господарскихъ имъній, и имъ естественно хотьлось по прежнему хозяйничать и распоряжаться въ этомъ предпріятін. Унія, какъ ее понимали поляки, угрожала положить конець этому хозяйничанью, и потому магнаты такъ и противились ей. Самыми ярыми противниками унін были какъ разъ именно тв паны, которые потратили такъ много своихъ денегъ на нужды великаго княжества. Очевидно, они боялись не только за свое значение въ будущей соединенной Р'ячи Посполитой, но и за свои "п'янязи", отданные вь ссуду скарбу и гарантированные "заставами" господарскихъ имѣній.

Литовскій контръ-проекть возбудиль бурю негодованія въ польской посольской изов, ибо въ немь литовцы брали назадъ нѣкоторыя существенныя уступки, сдѣланныя на Варшавскомь сеймв 1563—1564 г., напр. возстановляли особое возведеніе общаго государя Польши и Литвы на великое княженіе. Еще ранѣе подачи литовскаго контръ-проекта послы русскаго воеводства говорили на сеймв, что никоимъ образомъ не надо допускать отдѣльной литовской рады, ибо эта рада и была причиною того, что до сихъ поръ унія не получила осуществленія. Ни за что послы не соглашались и на оставленіе отдѣльныхъ литовскихъ сеймовъ. Когда представлень быль литовскій контръ-проекть, послы стали жаловаться, что попусту тратять время, и приступили къ королю съ настойчивыми просьбами—при-

казать литовцамь засъсть съ поляками на сеймъ вмъстъ и понудить ихъ принять уню, которая уже ръшена предшествующими соглашениями и постановлениями Пословъ поддержали и коронные сенаторы. Но когда король, уступая настояниямъ поляковъ, собирался объявить литовцамъ приказание състь вмъстъ съ поляками, оказалось, что литовцы уже начали разъъзжаться съ сейма. Король котътъ привлечь на сеймъ тъхъ, кто еще не уъхалъ. Тогда и эти посиъчили покинуть Люблинъ (1 марта).

Посл'в того, какъ разоплась попытка присоединить великое княжество приком и сразу, полнки ухратились за мысль сделать это въ несколько пріемовъ, и на первых порахъ присоединить области, на которыя они издавна пикли притяванія. Еще до окончательнаго разрыва съ литовцами поляки на свеихъ совъщаніяхъ поговаривали о томъ, что Польшъ собственно нужны Подлишье и Волынь, и что изъ-за этихъ областей и надо мюнотать объ унін. Какъ только литовцы убхали изъ Люблина, послы сейчась же начали требовать от короля присоединенія Подлишья п Волыни. Паны радные съ своей стороны стали совътовать королю возвратить, наконець, въ коронъ Подляшье и Волынь и указывали, что тогда литовцы сами добровольно поворятся Польше. Въ своихъ требововнихъ полята несомнино стояли на реальной почев, опирались на настроение, господствовавшее въ массъ военнослужилаго люда Подляшья и Волыни. Подляшская и волынская піляхта, какъ уже было сказано, сама стремилась къ унін съ Польшею, отъ которой ожидала себ'є новыхъ правь и вольностей н прекращенія своего въ высшей степен. неудобнаго положенія пограничныхъ обывателей. Есть основание думать, что у поляковъ велись тайные переговоры съ подляшанами и волынянами на Люблинскомъ сеймъ. Этимъ и можно объяснить ть опредъленныя требованія, которыя они предъявили воролю для обывателей Подляшья, а именно, чтобы сняты были всъ литовскія тягости, поборы и подати, чтобы корчмы и мыта у нихъ не отдавались въ аренду жидамъ, и чтобы на нихъ не распространялось дъйствіе коронной конституція 1504 года о редукцій государственных имівній. Король для перваго раза согласился исполнить просьбу поляковь только относительно Подляшья и приказаль подляшскимь посламь и урядникамь, воторые еще не увхали съ сейма, състь вмъстъ съ поляками, принести присягу на върность Польшъ и принять участіе въ составленіи авта о присоединеній Подлишья къ Польшъ. Послъ нъкотораго колебанія и подучивъ увёреніе, что поляки будуть защищать подляшань, подляшскіе урядники и послы исполнили приказаніе короля. Только подканцлерь Остафій Воловичь, державшій на Подляшь Ломазы, Воинь и Ходыничи, категорически отказался отъ присяги, не смотря на то, что ему угрожали отнятіемъ этихъ державъ.

Событія ускорили присоединеніе Подляшья и Волыни. Паны-рада великаго княжества Литовскаго разослали по всему государству, въ томъ числь на Подляшье и Волынь, военные листы съ грознымъ приказавіемъ выъзжать на войну подъ страхомъ конфискаціи имьній. Когда слухъ объ этомъ дошелъ до Люблина, подляшане, прислгнувшіе на върность Польшь,

стали просить короля, чтобы онъ избавиль ихъ оть последствій ослушанія этимъ листамъ и издаль отъ себя контръ-приказъ по Подлящью. По настоянію поляковь вибсто контръ-приказа король 12 марта разослать универсаль о возвращении Подляшья и Волыни къ коронъ Польской. Въ этомъ универсаль король объявиль, что Подляшье и Вольшь de jure всегда были польскими областами, и приказывать всемъ сенаторамъ и посламъ Подляшья и Волыни, уёхавшимъ самовольно съ сейма, а также и всёмъ старостамъ и державцамъ явиться въ назначенные сроки въ Люблияъ и принести присягу на верность Польше. Акть о присоединении Подляшья закрыплень быль особымь привилеемь, составленнымь при участіи поддишскихъ пословь и принятымъ сеймомъ. Привилей начиналь съ историческаго оправданія присоединенія къ Польш'є Подіншья, которое де искони принадлежало Польше, составляя часть Мазовін. Отг. Мазовін оторваль его король Казимирь и присоединиль къ Литвъ, но поляки съ тъхъ поръ н до самаго 1569 года не переставали требовать возвращения его къ коронъ. Исполняя это желаніе, —гласиль привилей, —король возвращаеть Польшь ея законное достояніе, при чемъ обывателей Подминья освобождаеть оть всёхь податей, поборовь, мыть и всякихь иныхь литовскихь тягостей н сравниваеть ихъ во всякихъ правахъ и вольностяхъ съ остальными обывателями короны Польской, обязываеть ихъ, какъ и другихъ, давать по два гроша съ волоки въ королевскій скаров, но освобождаеть ихъ оть редукцін иміній, гарантируєть ненарушимость всіхъ жалованныхъ грамоть на имьнья, всьхь "заставныхъ листовь", полученныхъ тьми, кто даль деньги на нужды великаго княжества, въчное и спокойное владъніе землями, полученными въ обмѣнъ за грунты, занятые въ волоки. Привилей устанавливаль, чтобы впредь обыватели Подляниской земли по всемь деламь своимъ обращались въ польскому двору и коронной канцелярін, а оть судовь своихъ аппеллировали на генеральные "роки" воеводства и на вальный польскій сеймь или къ королю (оть магдебургскихъ судовъ) въ Польшу, чтобы все вообще судопроизводство ило вполнъ по обычаю короны Польской. Сенаторамъ и посламъ земскимъ Подляшья привилей отводилъ мъсто на сейм' между сенаторами и послами воеводства Мазовецкаго, а посламъ гарантироваль сверхь того и содержание по примфру всехь вообще коронныхъ земскихъ пословъ. Привилей оставлялъ ненарушнию всѣ права и обычан Подляшской земли, насколько они не противоречать возвращеню ея коронъ. Какъ символъ принадлежности къ коронъ Польской, привилей вводнать изображение орла на военныхъ хоругвяхъ подляшскихъ повётовъ.

Литовскіе паны пришли въ сильное негодованіе, когда узнали о королевскомъ универсаль 12 марта. По слухамъ, дошедшимъ до Люблина, двое изъ нихъ намъревались бхать въ Крымъ поднимать на Польшу татаръ. Но лиговская шляхта не раздъляла воинственнаго пыла своихъ магнатовъ. Для нея стала невыносима и одна война съ Москвою, и она чуть не повально уклонялась отъ несенія ея тягостей. Безъ сочувствія же и содъйствін шляхты магнатамъ нечего было и думать о борьбъ съ Польшею. Для борьбы, конечно, потребовалось бы увеличить наемное войско. Между

тымь рессурсы литовскаго скарба были исчернаны до крайности. Въ марты 1569 года подскарбій земскій великаго княжества Павелъ Нарушевичь писаль королю что на скаров пришли "потребы великие а кгвалтовные", какъ-то: снабжение всёмъ необходимимъ украинныхъ замковъ, расплата со служебными людьми, пушкарями, фурманами и т. д., а между темъ въ скаров не поступаеть никакихъ доходовь, и онъ не знасть, откуда достать денегь; для удовлетворенія государственных нуждь окть, подскарбій, позаложиль всь свои имбиья, набраль въ долгъ денегь по расчискамь и теперь не можеть расплатиться съ своими вредиторами. - Надо сказать, что подскарбій земскій въ то время быль уже настоящимь министромь государственныхъ имуществъ и финансовъ, которому даны были большія полномотія, большая власть (по привилею 10 марта 1566 года). На него возлежена была обязанность принимать оть мёстнымь урядниковь платы и пожитки съ господарскихъ замковъ и дворовъ, мъстъ и волостей, равно и со всёхъ мытныхъ коморъ на основании особыхъ ресстровъ. Вийсте съ темъ подскарбію дано было право налагать секвестра на именья техъ старость, державцевь и тивуновь, городничихь и другихь мёстныхь урядниковъ, которые растратять господарские доходы или не внесуть ихъ въ срокъ. Подскарбію поручено было всёми способами стараться о расширеніи и пріумноженій господарскихъ пожитковь, заводить напр., лісныя работы въ господарскихъ пущахъ, развивать торговлю продуктами господарскихъ нивній, устанавливать съ доклада господарю натуральные и денежные поборы съ населенія господарских вижній и т. д. Ему предписано было объежать господарскія именья и осматривать ведущееся въ нихъ хозяйство, а мёстнымъ урядникамъ-старостамъ, державцамъ, тивунамъ, справпамъ пожитковъ и дворовъ господарскихъ вмёнено было въ обязанность давать подскарбію обо всемъ відомость и отчеть, слушаться и подчиняться его суду по жалобамъ на нихъ господарскихъ подданныхъ. Опредёлено было затемъ, что льготы и уменьшенія въ податихъ и пошлинахъ будуть производиться впредь только по усмотренію подскарбія земскаго, и никакіе льготные листы не будуть выдаваться изъ канцелярін безь его въдома. Подскарбій получиль право выбирать и устанавливать мытниковь, и самь господарь обязался не раздавать мыть въ аренду или "къ върной руць" помимо лиць, избранныхъ подскарбіемъ. Мытникамъ вмінено было въ обязанность не выдавать никому денегь по "квитамъ" господаря и пановърады, безъ листовъ подскарбія земскаго за его подписью, и подскарбій с получилъ право не принимать въ отчетъ выданныхъ безъ его разрѣшенія суммъ. Подскарбію же дано было исключительное право судить мытниковь по должностнымъ злочнотребленіямъ и неисправныхъ отставлять и замёнять другими лицами. Подскарбій земскій получиль вь свое завёдыванье и "мынцу" великаго книжества вибетв со всеми "справцами" и слугами монетной мастерской, и господарь обласлся никому не поручать этого дела помимо подскарбія земскаго. Помощники подскарбія -- скарбный и писари скарбные обязаны были слушаться во всемь подскарбія, ничего не дълать въ скарбъ безъ его въдома и разръшенія, не выдавать и не

принимать денегь и отчетовь, не выдавать квитанцій и т. под.; эти урядники могли получать отставку и замъняться другими лицами только по представленію подскарбія земскаго. Но вся эта централизація управленія государственными имуществами и финансами, какъ оказалось на дълъ, мало помогла литовеко-русскому господарю. Война оказалось бездонною пропастью, которая погленала всв текущія и будущія поступленія казны, и воторую нельзя было заполнить никакими усиліями административной техники и хозяйственной сообразительности и предусмотрительности. Находясь вы крайности, подскарбій просиль короли разр'яшить ему заложить какое нибудь изъ господарскихъ имбий, находищихся въ его держаньъ. Король разръшилъ ему "завести" часть этихъ имъній, но не надолго, такъ какъ и безъ того уже большая часть господарскихъ именій "для великихъ потребъ земскихъ заставлена и заведена". Скароъ не могъ расилатиться даже съ скарбнымъ Иваномъ Семеновичемъ Заръцкимъ и братомъ его Зиновіемь, которые, добывая для него деньги, пришли сами въ великіе долги. Господарь выручиль ихъ тёмъ, что выдаль имъ 5 апреля "железные листы", конми отсрочивать взыскание съ нихъ всякихъ долговъ на три года. Скароъ не далекъ быль отъ полнаго банкротства вследствіе отдачи въ залогъ большинства господарскихъ именій, вследствіе общаго экономическаго разстройства, вызваннаго войною, при все большемъ и большемъ увеличении расходовъ. При такихъ обстоятельствахъ самостоятельность государства, его честь и достоинство могли быть сохранены, да и то не навърное, только дружными усиліями и жертвами со стороны землевлажыльцевь великаго книжества. Магнаты готовы были нести эти жертвы. ибо здісь замішаны были ихъ существенные питересы. Но шляхетская масса не обнаруживала уже къ тому готовности. По свъдъніямъ, дошедшимъ до поляковъ, "шляхта римской въры" удержала своихъ магнатовъ оть разрыва съ Польшею и настояла на посылей въ Люблинъ пословъ для переговоровъ съ поляками. Магнаты должны были смириться и исполнить ея желаніе.

Явившеся въ Люблинъ 5 апръля литовские послы отъ имени пановърады великаго княжества просили поляковъ не отгоргать отъ великаго княжества Подляшья, которое изстари было его достояніемъ и только на время отходило къ Мазовіи, и исконной литовско-русской области—Волыни, усѣянной имѣньями князей, потомковъ Олелька, Ольгерда, Наримунта, Корибута. Это отторженіе разрушаетъ братскую любовъ между обонми народами и отгалкиваетъ литовцевь отъ уніи. При подобныхъ поступкахъ поляковъ,—занвляли послы,—литовцы не могутъ быть увѣренными даже въ сохраненіи своихъ отчинъ. Они просили поберечь честь и достоинство ихъ государя, который при восшествіп на великое княженіе Литовское давалъ присягу соблюдать это государство въ цѣлости и неприкосновенности. Литовское посольство просило перенести рѣшеніе вопроса объ уніи на другой "спольный" сеймъ, а предварительно составить такой проекть уніи, который не вредиль бы чести и достоинству великаго княжества, не осуждаль бы одну рѣчь посполитую на погибель ради другой,

и вручить этотъ проектъ литовцамъ для предварительнаго ознакомленія съ нимъ на повътовыхъ сеймикахъ. Но поляки не согласились на это и потребовали, чтобы литовцы вернулись въ Люблинъ и кончали дъло уніи на томъ же сеймъ, объщаясь ждать ихъ четыре неділи.

Въ ожиданін возвращенія литовцевь на сеймъ поляки посившили принять меры въ окончательному присоединенію Подляшья и Волыни, ясно сознавая, что этимъ лучше всего можно будеть привести литовцесъ къ уніп. Магнаты, владівшіе иміньями на Подляшь, стали было укловаться подъ разными предлогами оть явля въ Люблинъ для принятія присяги Польшъ. Польскіе послы предложили отнять у нихъ уряды п именья. Подобныя же меры употребнии поляки, чтобы сломить сопротивление волынскихъ магнатовъ. Когда 16 мая получены были отъ нихъ письма съ извинениемъ въ томъ, что по болъзни не могли явиться въ срокъ н съ просьбою отсрочить имъ еще явку на сеймъ, послы предложили отнять у нихъ уряды и распространить экзектцію на ихъ имфиья, если они не прівдуть къ 23 мая. Эти меры возымели свое действіе, и магнаты Подляшья и Вольни одинъ за другимъ стали прибывать въ Люблинъ и приносить присяту на вфриость Польшь. Среди нихъ были такіе тузы, какъ кн. Чорторыйскій, воевода Волынскій, кн. Василій Острожскій, воевода Кіевскій, кн. Богушъ Корецкій, староста Луцкій, Браславскій и Візницкій, кн. Константинъ Вишневецкій, кн. Збаражскій и др. Принесъ присягу и Остафій Воловичь, оговорившись, что присягаеть, бакъ волынскій землевладілець, а не какъ подданный великаго княжества. Магнаты въ концъ концовъ сдавались на требованія поляковъ, очевидно, потому, что не чувствовали за собою поддержки шляхетского большинства, не видели помощи со стороны Литви и боялись поляковь, которые дже 23 апрыля объявили посполнтое рушенье для осуществленія уніп, и которые не прочь были определить налогь для присоединенія Подляшья и Волыни. 26 мая нзданъ быль привилей о возвращении Волынской земли къ коронв. Привилей начиналь съ историческихъ доказательствь правь Польши на Волинь и въ числъ другихъ данныхъ ссылался между прочимъ на грамоты Сигизмунда Кейстугьевича, въ которыхъ онъ признавалъ Волынь коронною областью. Привилей указываль, что поляки на сеймахъ никогда не переставали напоминать своимъ королямъ о возвращени Волыни и такимъ образомъ не потеряли правъ на нее въ силу давности. Возвращение Водыни къ Польшъ привилей опредъляль на следующихъ условияхъ: обыватели Волынской земли сравниваются въ правахъ и вольностахъ съ остальными коронными обывателями, освобождаются отъ всявихъ литовскихъ податковь и поборовь, отъ мыть, отъ городовой и мостовой повинности, и обязываются только платить по два гроща съ волоки, а беяре путные по грошу съ дыма; относительно военной службы и даванья податковъ на войну подчиняются конституціямъ вальныхъ коронныхъ сеймовъ, на которые имфють посылать своихъ пословъ; экзекуція относительно имбий, предпринятая въ коронь Польской, на нихъ не распространяется, ибо, находись въ великомъ кияжествъ, они не давали на нее своего со-

гласія, и всё привилен дарственные и заставные, выданные имъ изъ великовняжеской канцеляріи, будуть имъть силу; но впредь король и его преемники уже не будуть раздавать столовых имбий на Волыни; обывателямъ Волинскаго воеводства предоставляется во всёхъ судахъ судиться по литовскому статуту, который остается въ силъ со всеми сеймовыми дополненіями и изміненіями, за исключеніемъ второго разділа, какъ противнаго польскимъ шляхетскимъ вольностямъ; этотъ статуть имъ дозволяется исправлять на повътовыхъ сеймикахъ и новые артикулы воносить на утверждение на вальный коронный сеймь; актовымь языкомь остается по прежнему языкъ русскій; только по аппелляціямь отъ магдебургскихъ судовь и восоще по мъщанскимъ дъламъ дворные урядники будутъ пользоваться польскимь языкомь по коронному обычаю; паны-рада духовные и свытече и князья заодно съ шляхтою будуть подлежать юрисдикціи м'ястныхъ гродскихъ и земскихъ судовъ; уряды и достоинства и впредь, какъ и прежде, будуть раздаваться лицамъ шляметскаго званія, имінощимъ осёдность вы земль Волынской; сенаторы Волынской земли получають мёста въ коронной радь, а послы, избранные на повытовыхъ сеймахъ, между коронними послами; передъ отправлениемъ на сеймъ они имъютъ събзжаться во Владимірь; содержаніе назначается имъ въ томъ же размырь. что и посламь русскаго воеводства; въ знакъ принадлежности Волынскаго воеводства въ воронъ, на его военныхъ хоругьяхъ имъетъ изображаться польскій орель.

L'appetit vient souvent en mangeant... Въ засъданіи 28 мая посольскій маршалоть Чарнковскій потребоваль, чтобы было возвращено корон'в также и воеводство Кіевское на основаніи старыхъ, но ясныхъ привилеевь, изъ которыхь видно, что Кіевскіе князья подчинялись Польшів. Въ засіданіи 1 іюня Перемышльскій судья Орёховскій повториль это требованіе, распространия его и на Браціавское воеводство. Король об'єщаль переговорить съ сенаторами о Кіевскомь воеводствъ, а относительно Браціавскаго заявиль, что оно присоединяется къ коронъ, ибо всегда составляло часть Волыни, а Волынь уже принадлежить коронъ. Прибывшие на сеймъ сановники и крупные землевладельцы Брацлавскаго воеводства съ кн. Романомъ Сангушкомъ во главъ получили приказаніе присягнуть на върность воронь, что они послы ныкотораго колебанія и сдылали. Послы того и вопросъ о присоединения къ коронъ Киевщины пошелъ быстрыми шагами въ ръшеню. Этого присоединенія стали уже желать и требовать не одни поляви, во и сенаторы и послы новоприсоединенныхъ воеводствъ Волынскаго и Брацлавскаго. Князь Романъ Сангушко, напр., когда его пригласили въ присягь, сталъ умолять короля, чтобы Брацлавщину не отдълили отъ Кіевской земли, съ которою она была прежде въ тесномъ единеніп. Волиняне просили присоединить Кіевъ потому, что черезь Кіевъ литовци могутъ наводить на Волинь и Польшу татаръ, и потому, что Кіева давно уже добивается Московскій князь. Сенаторы польскіе не всв стояли за присоединение, указывая на то, что это присоединение ставить Польшу въ близкое сосъдство съ татарами и воилекаеть въ постоянную

борьбу съ ними, въ расходы на упоминки и т. под. Но послы шляхетскіе единодушно настанвали на присоединеніи Кіевщины, которая является воротами къ Волыни и Польшев. Король пристать къ мивнію пословъ, призналь нужнымъ присоединить Кіевъ для того, чтобы оценить Литву но возможности больше польскими владеніями. Вопросъ быль, такимъ образомъ, решенъ, и 5 йоня былъ написанъ привилей на возвращеніе къ короне Кіевской земли. Это возвращеніе оправдывалось темь, что Кіевътавное место Русской земли, а Русская земля издавна принадлежала Польше (?!), и только Владиславъ-Ягайло присоединиль ее къ Литве, безъ согласія коронныхъ чиновъ, которые впоследствіи, однако, никогда не переставали напоминать о принадлежности ея къ короне. Кіевщина присоединена была къ короне на техъ же условіяхъ, что и Волынь.

Шестого іюня явились литовскіе паны радные и послы. Староста Жиудскій Янт Еронимовичь Ходкевичь въ длинной річи излиль передъ поляками всю горечь литовцевъ по поводу ихъ дъйствій и отъ имени всёхъ становъ великаго вняжества просиль не отторгать отъ него Подляшья, Вольчи и Кіевщины. Коронные сенаторы отгічали, что поляки ничего не отгоргали отъ великаго княжества, а только вернули то, что изстари принадлежало коронв, и предложили литовцамь кончать поскорве дело унін. На это Ходкевичь зам'єтиль: "не знаю, какая это будеть унія, когда мы видимъ, что уже теперь между вами въ радъ сидять паны великаго вняжества: вы уже образали намъ крылья". Дайствительно, посла того какъ отъ Литвы оторвано было столько областей, ей уже трудно было заноситься далеко въ своихъ требованіяхъ. Великому княжеству и прежде уже не подъ силу было бороться съ Москвою, а теперь, послъ отгорженія оть него Подляшья и Малороссін, и темъ более. Литовскіе магнаты водею-неволею должны были распроститься съ своими мечтами о сохраненіи великаго княжества Литовскаго во всей его "чести и достоинствъ"; они пытались, впрочемь, спасти все, что было можно, изъ литовской самостоятельности и долго еще препирались съ поликами объ условіяхъ уніи. Наконецъ, 1 іюля соглашеніе состоялось, и объ стороны подтвердили присягою акть, унін.

Этоть акть гласиль, что великое княжество Лиговское и корона Польская сливаются въ одно государственное тёло и составляють не двё, а одну Рёчь Попослитую. Эта Рёчь Посполитая всегда будеть имёть одну главу, одного государя, избираемаго сообща панами радными и всёми станами Польши и Литвы въ Польшё, помазуемаго и коронуемаго въ Кракове; особое избраніе этого государя въ Литве и возведеніе на великое княженіе прекращается. Но такъ какъ остается титуль великаго княжества и особые уряды, то и общій государь после избранія провозглащается королемъ Польскимъ, великимъ княземъ Литовскимъ, Русскимъ, Прусскимъ, Мазовецкимъ, Жмудскимъ, Кіевекимъ, Вольнскимъ, Подляшскимъ и Ливонскимъ. Избраніе короля будеть виредь вольное, безъ всякихъ ограниченій, ибо король отступился отъ своихъ династическихъ правъ на Литву въ пользу короны Польской и выговорилъ только, чтобы его потомки, если

не будуть избраны на престоль, получали оть Рачи Посполитой пристойное обезпеченіе, безъ разчлененія, однако, самого государства. Избранный вороль при коронаціи будеть подтверждать въ одномъ листь права и вольности обоихъ народовь и приносить въ соблюдении ихъ присягу. Рада и сеймы впредь всегда будуть общее въ Польше и Литве, а отдельныхъ литовскихъ сеймовъ король уже не будеть созывать. Всв законы, судебныя опредъленія, права и вольности земскія и привилегіи частныхъ лиць остаются въ силъ. Всъ паны радные, дигнитаріи, урядники и старосты литовскіе им'єють приносить присягу королю и коронів согласно привилею короля Александра. Ианы радные и все станы обсыхъ народовъ обязываются принимать всякія ръшенія ко благу государства сообща и при возникающихъ разногласіяхъ стремиться всячески во взаниному согласію; договоры и союзы съ посторонними государствами впредь не могуть заключаться Польшею и Литгою порознь, а только сообща, по важнымъ дъламъ не могуть вестись порознь и дипломатическия сношения; договоры, заключенные одною изъ сторонъ до уніи и вредящіе другой, расторгаются. Устанавливается для Польшы и Литвы единообразная, одинаковая по ценности и въсу монета. Лица шляхетскаго званія и ихъ подданные въ Польшь и Литвь освобождаются отъ платежа всякихъ пошлинъ при предажь своихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ дома или вывозъ за границу. Кассируются всв постаповленія, направленныя протичь пріобретенія поляками земскихъ именій въ Литве, и отныне уже вольно будеть полякамъ пріобрвтать именья въ Литве и владеть ими, а литовцамъ въ Польше. Уряды и достоинства, существовавшія въ великомъ княжествь до унін, остаются безъ измъненія и послъ уніи. Экзекуція относительно столовыхъ имъній не распространяется на зеликое княжество, но король обязывается впредь не раздавать господарскихъ столовыхъ имбній на Литвь, не включая сюда имънья "спадковыя", т.-е. выморочныя, перешедшія въ нему за непмъніемъ наследниковъ: такія именья онъ воленъ раздавать, кому хочеть, полякамъ и литовцамъ, дабы служба военная не уменьшалась; кромъ того, по возвращении отъ непріятеля занятыхъ имъ владіній великаго княжества вороль должень будеть раздать въ нихъ имёнья тёмъ, его и раньше владъть ими, а данныя имъ во временное владение именья отобрать и привернуть снова къ столу господарскому.

Послѣ принесенія присяги литовци засѣли съ поляками виѣстѣ и сообща занялись обсужденіемъ и рѣшеніемъ различныхъ государственныхъ вопросовъ, между прочимъ и тѣхъ, которые связаны были съ только что заключенною уніею. Однимъ изъ этихъ вопросовъ было положеніе Ливоніи. Послѣ нѣкоторыхъ споровъ и пререканій взяло верхъ мнѣніе, что разъ Лифляндскую землю Польша и Литва обязаны будутъ защищать сообща, то и принадлежать она должна имъ сообща, быть ихъ общимъ достояніемъ. Въ этомъ смыслѣ 3 августа составлены были и акты о присоединеніи земли Лифляндской (съ Курляндіею и Семиталлією включительно) къ Рѣчи Посполитой, за которыми послѣдовало (8 августа) принесеніе присяги лифляндскими сенаторами и послами. Литовскіе станы подняли были во-

прось и о возвращении Подляшья, Волыни и Кіевщины обратно въ великому княжеству (въ засъданіи 5 августа). Но здісь они встрітнли энергическій отпоръ со стороны поляковь и самого короля, которые указали, что это дело уже решенное и подтвержденное присягами. Требование дитовцевъ имъло своимъ результатомъ только внесение въ дополнительный акть унін 11 августа и въ конституцій сейма статьи о возеращеній къ корон'в Польской земель Подляшской, Вольнской и Кіевской. М'ястом'я для общаго польско-литовскаго сейма была избрана по большинству голосовъ Варшава; литовскимъ панамъ раднымъ отведены были извъстныя мъста въ общемъ сенатъ Ръчи Посполигой, а земскимъ посламъ-въ посэльской избъ соотвътственно извъстной јерархін воеводствъ. Принятыя на этоть счеть постановленія также внесены были и въ дополнительный акть унів, и въ конституціи сейма. Въ созданенний сенать Ричи Посподитой попали только ть элены литовской господарской рады, которые имъли уряды и достоинства, соединенныя и въ Польшъ съ сенаторскими вресламя. Такимъ образомъ, въ сенать не попали гетманъ, какъ таковой, подскарбій дворный и разные другіе "столовые" урядники, т.-е. подчашій, крайчій, кухмистръ, стольникъ, подстолій и т. д. Сокращеніе произошло и въ рыцарскомъ "колъ" великаго княжества. Въ немъ остались только земскіе послы, а приглашавшіеся прежде лично княжата, панята, урядники земскіе и дворные перестали, какъ таковые, приглашаться на сеймъ. Поднимались и вопросы, связанные съ избраніемъ королей и неизбѣжнымъ при этомъ междуцарствіемъ, а также съ обезпеченіемъ королевскаго потомства, но эти вопросы не получили пока разрешения и отложены были до будущаго сейма.

Такъ закончилось самостоятельное существование Литовско-Русскаго государства, и произошло "втеленіе" его въ корону Польскую. Давнишнія вождельнія поляковь получили, наконець, полное удовлетвореніе благодаря Ливонской войнь, поставившей великое книжество почти въ безвыходное положение, и благодаря литовско-русской піляхть, искавшей въ уніп съ Польшею облегченія своего бремени и усиленія своего политическаго значенія. Хотя реформы шестидесятыхъ годовъ и дали ей большія сословныя и политическія права, но шляхта при всемь томь чувствовала себя слабою передъ своими магнатами, которые не только наполняли господарскую раду, но и сеймь въ лицъ княжать, панять, урядниковь земскихъ и дворныхъ. Поэтому литовско-русская шляхта и стала тяготъть въ парламентарской уніп съ Польшею, чтобы получить въ польской шляхть сильнаго союзника противъ своихъ магнатовъ. Нельзя не отмътить и недостатокъ государственной сплоченности великаго княжества, тоть политическій эгоизмъ, который обнаружили некоторыя области великаго княжества въ критическія минуты государства. Этоть политическій эгонзмъ въ значительной мирь быль воспитань эгоизмомь господствующей земли и властвовавшей въ ней литовской аристократіи. Когда государство оказалось въ опасномъ положении, автономныя области обнаружили стремления проимшлять каледан о себъ, вмъсто того, чтобы теснье сплотиться и грудью стать на защиту своего государства, стали искать спасенія и обезпеченія своихъ м'єстныхъ интересовъ въ сос'єднемъ государств'є, манившемъ ихъ въ свои объятія... Раздираемое внутреннею рознью въ тотъ моментъ, когда требовалось наибольшее единеніс и напряженіе силъ, Литовско-Русское государство и кончило свое самостоятельное существованіе.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ. Москва 1900; Н. Н. Лаппо, Великое княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской уній до смерти Стефана Баторія (1569—1586). Спб. 1901.

XLVII.

Общія наблюденія надъ ходомь внутренней исторіи Литовско-Русскаго государства.

Отличіе Литовско-Русскаго государства отъ Московскаго во внутреннемъ развитіи и его конечнымъ результатамъ.—Разница общественной почвы, на которой создавались и развивались оба государства.—Вліяніе связи съ Польшею на внутреннее развитіе Литовско-Русскаго государства.—Причины его слабости.

Прекратившее въ 1569 году самостоятельное существование Литовско-Русское государство въ ходъ своего внутренняго развитія и въ его конечныхъ результатахъ, какъ можно видъть теперь, было совершенно не похоже на современное ему и родственное Московское государство. Московское государство развивалось все время въ направленіи монархическаго абсомогизма и отлилось въ конце концовъ въ форму монархін, во главе которой стояль наследственный государь, неограниченный владыка и повелитель, свободно распоряжавшійся жизнью и достояніемъ своихъ подзанныхъ, которые въ отношеній его им'вли один обязанности и не им'вли никакихъ правъ, ни личныхъ, ни сословныхъ, ни корпоративныхъ. Правда, этоть государь въ управленіи государствомы пользовался совётомы и административными услугами вельможъ, составлявшихъ его думу, а по временамъ созывать на земскій советь и другихъ своихъ подданныхъ, но делаль онь это по своей вол'в и усмотренію, а не по своей политической обязанности, закръщенной какою либо хартіею, и не считаль себя de jure связаннымъ согласіемъ или несогласіемъ своего совъта. Онъ сосредоточиль въ своей резиденціи все высшее управленіе государствомъ и вель его при помощи целаго ряда учрежденій, которыя давали приказы местныма агентама, контролировали ихъ деятельность, давали на нихъ судъ и управу и т. д.-Литовско-Русское государство сделалось монархіею вонституціонною, во главь которой стояль избираемый великій киязь. Этоть государь съ самаго вонца XIV выка связываль себя разными хартіями, которыя онь выдаваль своимъ подданнымъ какъ всего государства, такъ и отдельныхъ его областей. Въ этихъ хартіяхъ землевладівльцамъ Литовско-Русскаго государства, преимущественно шляхетского, благородного сословія, даны были гарангін личной и имущественной свободы и неприкосновенности, многочисленныя вольности и изъятія оть повинностей и предоставлены были разныя другія сословныя пречмущества и политическія права. Въ силу этихъ харгій литовско-русскій господарь съ конца XV віла быль уже не самодержавнымъ государемъ, а ограниченнымъ de jure совътомъ и согласіемъ пановъ-рады, а со времени изданія статутовь 1529 и 1566 года и "ухвалами" всёхъ "становъ" шляхты, собранныхъ на великій вальный сеймъ. И любопытно, что напвысшее развитие литовско-русскаго конституціонализма совиадаеть по времени какъ разъ съ наиболье рызкимъ выражениемъ московскаго абсолютизма. Литовско-русскій господарь подаваль своимъ князьямъ, панамъ, боярамъ-шляхтъ я земявамъ больше всего гражданскихъ и политическихъ правъ (вторымъ статутомъ) дакъ разъ въ то самое время, когда Московскій государь устами Грозпаго царя Ивана Васильевича сталь открыто пропов'ядывать, что онъ воленъ жаловать и казнить своихъ холоповъ, что онъ имъетъ нужду только въ милости Божіей, а человъческаго наставленія не требуеть, что проссійское самодержавство изначала сами владівоть всеми парствы, а не бояре и вельможи". Литовско-русскій господарь, подобно Московскому соединившій подъ своею властью также нісколько "дарствъ", однако, раздълялъ управление ими не только съ литовскими вельможами, которые группировались около него въ центръ государства, въ его радъ, но и съ мъстными земскими князьями и боярами, которые продолжали отправлять въ областяхъ должности, составляли совъты при литовских нам'встникахъ, собирались на м'встные сеймы для высшаго суда и мъстнаго законодательства. Литовско-русскій господарь стянуль къ центру, взяль вь свои руки только напважныйшія правительственныя дыла, предоставивь текущую будничную правительственную работу м'ьстнымъ правителямъ и въ значительной мере землевладельнамъ. Вследствие этого и въ центрь Литовско-Русскаго государства не создалось такого мощнаго правительственнаго механизма, какъ въ центръ государства Московскаго.

Чѣмъ же объясняется вся эта разница историческаго развитія обоихъ государствъ и его результатовъ? Прежде всего тѣмъ, по всѣмъ даннымъ, что Литовско-Русское государство создалось и держалось на болѣе устойчивомъ и опредѣлившемся общественномъ матеріалѣ, чѣмъ государство Московское. Сѣверо-восточная Русь, послужившая матеріаломъ при постройкѣ Московскаго государства, какъ въ удѣльную эпоху, такъ и въ XVI вѣкѣ, представляла страну, населеніе которой переливало изъ врая въ край, расползалось вширь, захватывая все новыя и новыя пространства для своей осѣдлости на сѣверѣ, востокѣ и югѣ. Общество сѣверо-восточной Руси было жидкое, текучее, не кристаллизовавшееся въ устойчивыя ячейки. Заѣсь не отличались прочностью ни образовавшіяся мѣстныя политическія организаціи, ни слагавшіяся соціальныя отношенія. Развивавшееся крупное землевладѣніе пе вростало глубоко въ окружающую среду, не сдерживало ея своими корнями и нитими. Землевладѣнецъ здѣсь, какъ и земледѣлецъ,

неръдко уподоблялся "перекати поле", которое срывали порывы экономической или политической бури. Естественно, что Московскій великій князь, утвердившій свою власть надъ такимъ неустойчивымъ и подвижнымъ обществомъ, легко прибраль его къ своимъ рукамъ и сдавилъ его жельзными обручами административной дисциплины, придавая ему такія формы, какія подсказывались погребностями государственного целого. - Не таковь быль общественный матеріаль, пошедшій на образованіе Литовско-Русскаго государства. Литва и западная Русь сидели на староми корню, стушалсь на территорін, замкнутой со всёхъ сторонь владеніями сильныхъ соседей. При такихъ условіяхъ и всь общественныя отношенія и связи были здысь устойчивье и крыпче, чымь на Руси сыверо-восточной. Большинство крестыянь сидью здысь испоконь выковь на своихь мыстахь илеменними гнездами. Землевладёльцы - князья, паны и бояре были также исконными, давними обладателями своихъ вотчинъ: въ рукахъ многихъ изъ нихъ въ XVI въкъ были ть же самыя владьнія, какія были у пхъ предковъ въ XIII и XIV в. .Інтовскіе паны скопили поэтому огромные фамильные капиталы, которыми ени ссужали государственную казну въ то самое время, когда первостатейные московские бояре только что и жили государевымъ жалованьемъ и закладывали подчась платья своихъ женъ, чтобы снарядиться на войну. За все время самостоятельного существованія Литовско-Русского государства въ немъ преобладало устойчивое, "въчистое" землевладъніе. Хоти ему извъстны были и различныя формы временнаго, помъстнаго землевладънія, но эти формы не получили здъсь большого распространенія; помъстной системы, какъ средства обезпеченія большинства военнослужилаго люда, здісь не выработалось. Центры торговопромышленной жизни-города были здёсь также старые, исконные, видъвшіе у себя еще первыхъ русскихъ и литовскихъ внязей. Вслъдствіе всего этого и завязавшіеся мъстиме союзы землевладельцевь, горожань и земледельцевь, местныя политическия организации отличались также значительною крепостью и мощью. Надъ такимъ организовавшимся крепко обществомъ, можно было утверждать центральную власть поверхъ мъстныхъ организацій, не ломая, но санкціонируя и регулируя установившіяся отношенія, что и ділали великіе князья Литовскіе съ самого образованія Литовско-Русскаго государства. Въ организація этого государства они мало проявляли творческой воли и разума, ссылаясь постоянно на старину и пошлину: "мы старины не рухаемъ, а новинъ не уводимъ". Если же и приходилось вводить имъ новины, то большею частью лишь такія, которыя давали что-нибудь обществу, а не отнимали отъ него.

Здёсь мы подходимъ во второй ословной причине, оказавшей сильное вліяніе на ходь внутренняго развитія Литовско-Русскаго государства и его результаты, — къ установившейся связи его съ Польшею. Уже перван унія, состоявшаяся при Ягайле и Витовте, имела огромное значеніе. Она дала литовскимъ землевладёльцамъ многочисленныя гарантіи, коими ограничивалась великокияжеская власть. Но самое главное — она воспренятствовала установленію наследственности великокияжеской власти, предоставивъ замещеніе великокияжескаго престола избранію князей, нановъ и бояръ

великаго книжества. Хотя унія и была разорвана, но данныя при ея заключенін права и вольности остались и сділались основными законами великаго кияжества. Утвердившіяся послів того въ государственномъ правів великаго княжества избранія великих князей дакали благопріялный случай для новыхъ сословныхъ и политическихъ пріобретегій лиговеко-русскихъ землевладъльцевь, коими все болъе и болъе ственялась и ограничивалась великовняжеская власть и уменьшалось ен значение въ государствъ. Унія съ Польшею не осуществилась въ настоящемъ своемъ видь. Но при всемъ томъ установилась тесная связь между Польшею и Литвою благодаря тому, что большею частью у того и другого государства быль одинъ общій государь, проживавшій поперем'вино и въ Польш'в, и въ Литв'в. Это житейское общение обусловило вліяние польской государственности на Литву, заимствованіе разныхъ ея формъ, стремленія высшихъ классовъ литовскаго общества къ получению "правъ христіанскихъ, добрыхъ, какъ въ корунф польской короче сказать -- способствовало внутренней ассимиляціи. Інтовско-Русскаго государства, а затъмъ и соединечно его съ Польшею. Благодаря общенію съ Польшею соціально-политическій процессь, развивавшійся въ Литовско-Русском в государстве, сопровождался пепрерывным воридическимы оформленіемъ и запрыленіемъ его результатогь, что въ свою очерель обезпечивало ему дальнъйшие успъхи и преуспъяние.

На это же солижение съ Польшею обыло отчасти и причиною того, что Лиговско-Русское государство, создавшееся изъ болбе устойчиваго общественнаго матеріала, оказалось мен'ве устойчивымь въ борьб'в за самостоятельное существованіе, чемъ государство Московское. Польскія права и вольности, перенесенным на лиговскую почву, способствовали развитію и разцвъту литовско-русскаго феодализма, для котораго и безъ того была благопрінтная почва въ старомь и крѣпкомь землевладьній, въ экономическомъ и политическомъ засильъ землевладъльцевъ. Но феодализмъ разслабиль, разложиль государство, воспренятствоваль развитію сильной центральной власти, лишилъ ее должныхъ орудій и средствъ и въ кратическія минуты, когда требовалось приказывать и повельвать изъ центра, заставиль литовско-русскаго господаря сеймовать съ "станами" и приглашать ихъ къ добровольнымъ жертвамъ на алтарь отечества. Но воспитанные въ областномъ и вотчинномъ, а не въ общегосударственномъ патріотизм'в, землевлад'вльцы предпочли пожертвовать не "горлами" своими и "статками", а самостоятельностью своего государства, дабы съ меньшимъ "накладомъ" давать отпоръ непріятелю.

приложенія.

Привилен, выданные великому княжеству Литовскому.

Confirmatio, qua omnia magni Lituaniae ducatus priuilegia serenissimus princeps et dominus, dominus Sigismundus Augustus etc. ad sua vsque tempora recenset et confirmat.

In nomine Domini amen. Memoriae humanae imbecillitati litterarum adminiculis succurri certum est, ideo quae ad posteritatis noticiam peruenire debent, ea praesertim, in quibus salus et incolumitatis reipublicae consistere videtur, multo melius litterarum monumentis, quam hominum memoriae commendantur. Itaque nos Sigismundus Augustus Dei gratia rex Poloniae. magnus dux Lituaniae, necnon terrarum Cracouiae, Sendomiriae, Siradiae, Lanciciae, Russiae, Prussiae, Masouiae, Samogitiae, Culmensis, Elbingensis, Pomeraniae etc. dominus et heres. Arbitramur recte fecisse maiores nostros. serenissimos reges Poloniae ac magni ducatus Lituaniae duces, qui litteris consignanda, non memoriae humanae priuilegia huic Magno Ducatui tradenda putauerint. Quoniam tamen non tam ipsae quidem litterae, quam chartae, quibus inscriptae sunt, et sigilla, ex quibus auctoritatem obtinent, consenescere et corrumpi solent, ideo renouari ea et noua principum fide atque auctoritate interpolari est necesse. Cum itaque eae iam chartae et sigillorum caerae, in quibus maiores nostri amplissimo huic ducatui priuilegia descripta reliquerunt, iam magna sui parte vel temporis diuturnitate vel vsu consumi incipiant, renouandam eorum auctoritate nostra fidem putauimus, temporis ordine seruato. Priuilegiorum autem istorum tenor de verbo ad verbum sequitur et est tatis:

(I). In nomine Domini amen. Ad perpetuam rei memoriam. Debitores sumus spiritualis alimoniae salutaria illis pocula ministrare, quibus praesidentes, temporalium commodorum praestamus suffragia: ut quos ad corporis necessitatem sustentamus, salutis etiam ipsis, quantum nostra sufficit facultas, ministeria porrigamus; ne, dum temporalibus insistimus profectibus, vitae commoda negligere videamur: et unde dona benedictionis et bravium expectamus sempiternum, inde vitae detrimenta sentiamus, et praemiis destituti adoptatis, nulla laboris nostri commoda consequamur. Expedit exquirere et debita attendere ratione: ut dum hominibus impartimur carnis beneficia, meditemur, qualiter ipsis coelestia praebeamus alimenta; et quos in hoc

saeculo transitoriis rerum condimus copiis, illis viam beatitudinis aeternae demonstremus: quatenus et hic nostrae munificentiae cognoscant praesidia, et tandem futurae gloriae compendia. per exercitia directionis nostrae, apprehendant in omnium Salvatore.

Proinde nos Władisłaus Dei gratia Rex Poloniae, nec non terrarum Cracoviae, Sandomiriae, Siradiae, Lanciciae, Cuyaviae, Lithuaniae Princeps supremus, Pomeraniae, Russiaeque Dominus et hares (etc.) et Alexander, alias Withawdus, Magnus Dux Lithuaniae, nec non terrarum Russiae dominus et heres etc. Significamus tenore praesentium, quibus expedit, universis, praesentibus et futuris, praesentium notitiam habituris: quomodo terras Lithuaniae et earum incolas, nostro subditos dominio, in quos saepe liberalitatis nostrae dexteram (manum) extendimus, et profectui ipsorum intendentes, multa frequentia statum et conditionem eorum semper studuimus facere meliorem, ferventi desiderio cupientes in assumptae fidei devotione jugiter solidare et fundare, ut ipsos Aftissimus, quo praestante, lumen fidei per nostram operam receperunt, ad laudem et honorem sui nominis, et ejusdem fidei catholicae angmentum, gratiae suae charismate confirmaret; cum eos saepe munificentiae nostrae donis reficimus, summopere affectamus spiritualibus gratiis refovere, et per quaeque legitima studia et labores id firmius mancipare. Qui ut se in fidei constantia commodius exerceant, et crescant de virtute in virtutem, iugum servitutis, quo hactenus fuerunt compediti et constricti, de cervice ipsorum deponentes et solventes, ex innatae nobis benignitatis clementia ipsis libertates, immunitates, gratias, exemptiones et privilegia, dari Catholicis solita, iuxta continentiam articulorum subscriptorum, tenore praesentium conferimus et largimur.

(§ 1). Et primo, quamvis eo tempore, quo almo spiritu inspirante, fidei catholicae recepta claritate, coronam Regni Poloniae assumpsimus, pro christianae religionis incremento, et bono statu et commodo terrarum nostrarum Lithuaniae praedictarum, ipsas, et cum terris ac dominiis ipsis subjectis et connexis, praefato Regno nostro Poloniae appropriavimus, incorporavimus, conjunximus, univimus, adiunximus, confoederamus, de consensu unanimi nostro et aliorum fratrum nostrorum, et omnium baronum, nobilium, procerum et Boyarorum ejusdem terrae Lithuaniae voluntate accedente et assensu; volentes tamen terras praedictas Lithuaniae, propter hostiles insultus et insidias Cruciferorum et eis adhaerentima, ac aliorum quorumcunque inimicorum, qui praefatas terras Lithuaniae et Regnum Poloniae demoliri nituntur et in ipsorum destructionem machinantur, in certitudine, securitate et tutela melioribus reponere et eis perpetuum commodum procurare: easdem terras, quas semper cum pleno dominio, ac jure mero et mixto hactenus habuimus et habemus usque modo, a progenitoribus nostris, et ordine geniturae, tanquam Domini legitimi, baronum, nobilium, Boyarorum voluntate, ratihabitione et consensu adhibitis, praedicto Regno Poloniae iterum (de novo incorporamus, invisceramus, appropriamus; conjungimus, adjungimus, confoederamus et perpetuo annectimus: decernentes) ipsas cum omnibus earum dominiis, terris, Ducatibus, Principatibus, districtibus, proprietatibus, omnique jure mero et mixto, Coronae Regni Poloniae perpetuis temporibus irrevocabiliter, et irrefragabiliter volumus semper esse unitas.

- (§ 2). Caeterum omnes ecclesias terrarum Lithuaniae praedictarum, tam cathedrales quam collegiatas, parochiales et coventuales, videlicet Vilnensem, et ceteras in eis erectas, erigendas, fundatas et fundandas, in omnibus ipsarum libertatibus, immunitatibus, privilegiis, exemptionibus et consuetudinibus universis conservamus, harum serie litterarum mediante, juxta consuetudinem Regni Poloniae.
- (§ 3). Barones etiam, nobiles, Boyari terrarum nostrarum Lithuaniae praedictarum, donationibus, privilegiis et concessionibus, ipsis (per nos) datis, impartitis et collatis, duntaxat Catholici et Romanae ecclesiae subiecti, et quibus clenodia sunt concessa, gaudeant, participent et fruantur: prout barones et nobiles regni Poloniae suis potiuntar et fruuntur.
- (§ 4). Item barones et nobiles praedicti, bona ipsorum paternalia pari jure obtineant, sicut barones Regni Poloniae sua noscuntur obtinere, et donationes nostras, super quibus litteras obtinent a nobis efficaces et fulcitas perpetui roboris firmitate, similitet obtinebunt, et liberam habebunt ipsa vendendi, commutandi, alienandi, donandi et in usus suos convertendi facultatem, nostro tamen consensu ad hoc specialiter accedente, sic tamen, quod ipsa alienando, commutando, vel donando coram nobis vel nostris officialibus, juxta consuetudinem Regni Poloniae resignabunt.
- (§ 5). Item post mortem patrum liberi non debent bonis haereditariis privari, sed ea cum suis successoribus possidere, prout barones et nobiles Regni Poloniae sua possident et in usus convertunt beneplacitos.
- (§ 6). Similiter uxoribus suis dotalitia in bonis et villis, quas ex successione paterna, vel concessione nostra perpetua habuerint, vel fuerint habituri, poterint assignare, prout in Regno Poloniae assignantur. Filias autem, sorores, consanguineas et affines suas, praefati barones et nobiles terrarum Lithuaniae copulare poterint viris duntaxat catholicis, et tradere coniugio juxta beneplacitum eorun voluntatis, et juxta consuetudinem Regni Poloniae ab antiquo observatam.
- (§ 7). His autem libertatum concessionibus non obstantibus, barones ad constructionem et erectionem castrorum vias expeditionales facere et tributa dare, juxta antiquam consuetudinem astringantur.
- (§ 8). Hoc specialiter expresso, quod omnes barones et nobiles terrarum Lithuaniae fidelitatem et debitam ac christianicam fidei constantiam nobis, videlicet Wladislao Regi Poloniae et Alexandro alias Withawdo Magno Duci Lithuaniae et successoribus nostris tenere debebunt et servare, prout barones et nobiles Regni Poloniae suis Regibus tenere soliti sunt et servare. Super quo barones, Boyari et proceres terrarum Lithuaniae praedicti juramentum nobis jam praestiterunt; prout clarius in literis ipsorum, quas cum baronibus Regni Poloniae sibi invicem concesserunt, continetur. Pari modo sub fidei sacramento et sub bonorum suorum amissione, nullis Principibus aut baronibus, vel aliis cuiuscunque conditionis hominibus, terris regni Poloniae adversari volentibus, consilia, favores et auxilia ministrabunt vel praesta-

bunt; sed eos tanguam hostes terrae et Dominiorum Lithuaniae totis viribus persequentur, et ad nullum alium respectum habebunt, nisi ad nos, et nostros successores: prout hoc ipsum barones et nobiles praedicti pro se et pro suis posteris, per fidei sacramentun, cautionen praestiterunt et fecerunt.

- (§ 9). Item dignitates, sedes et officia, prout in Regno Poloniae institutae sunt, instituentur et locabuntur; in Valna scilicet palatinus et castellanus Vilnensis, et demum in Trokky et in aliis locis, ubi nobis videbitur expedire, juxta nostrae beneplacitum voluntatis, temporibus perpetuis duraturis. Et hujusmodi dignitarii non eligantur, nisi sint fidei catholicae cultores et subjecti sanctae Romanae ecclesiae. Nec etiam aliqua officia (terrae) perpetua, ut sunt dignitates, castellanatus etc. nisi christianae fidei cultoribus, conferantur, et ad consilia nostra admittantur et eis intersint, dum pro bono publico tractatus celebrantur: quia saepe dispares cultus diversitatem inducunt animorum, et consilia patent talibus divulgata, quae traduntur secreto observanda.
- (§ 10). Item omnes, quibus hujusmodi libertas et privilegia conceduntur, nunquam nos Władisłaum Regem Poloniae, et Alexandrum Withawdum Magnum Ducem Lithuaniae, quoadusque vixerimus, et nostros successores Reges Poloniae et Duces Lithuaniae, a nobis et nostris successoribus statuendos et locandos, deserant, vel recedant ab eisdem, sed sub fide et honore pariter (et onere) juramenti, fideliter et firmiter nobis et successoribus nostris adhaerebunt favoribus, consiliis et auxiliis perpetuis temporibus et in aevum.
- (§ 11). Hoc etiam addito, quod praedicti barones et nobiles (etc.) Lithuaniae, post mortem Alexandri alias Withawdi Ducis moderni, nullum habebunt aut eligent pro Magno Principe et Domino Lithuaniae, nisi quem Rex Poloniae et ipsius successores, cum consilio praelatorum et baronum Poloniae et terrarum Lithuaniae, duxerint eligendum, statuendum et locandum. Sic similiter Praelati, barones et nobiles Regni Poloniae, Rege Poloniae sine liberis et successoribus legitimis decedente, Regem et Dominium non debent ipsis assumere (eligere), sine scitu et consilio nostro videlicet Alexandri Magni Ducis, baronumque et nobilium terrarum Lithuaniae praedictarum, juxta tenorem et contenta priorum litterarum.

(§ 12). Praeterea praedictis libertatibus, privilegiis et gratiis tantummodo illi barones et nobiles terrae Lithuaniae debent uti et gaudere, quibus arma et clenodia nobilium regni Poloniae sunt concessa, et cultores christianae religionis, Romanae ecclesiae subjecti, et non schismatici vel alii

infideles.

(§ 13). Item omnes literas, quascunque Regno Poloniae et terris Lithuaniae ante septem vel octo annos, ac post vel citra (circa) coronationem nostram concessimus et dedimus, tenore praesentium confirmamus, ratificamus, approbamus et robur perpetuum imponimus eisdem, habentes ipsas praesentibus pro insertis.

(§ 14). Hoc etiam addito specialiter et expresso, quod praefati barones et nobiles Regni Poloniae et terrarum Lithuaniae conventiones et parlamenta, quantum (quere lo) necesse fuerit, in Lublin, vel in Parczow et aliis in locis aptis de consensu et voluntate nostra celebrabunt, pro commodo et utilitate Regni Polonias et terrarum Lithuaniae praedictarum meliori.

(§ 15). Fraeterea nos Alexander alias Withawdus, de consensu serenissimi Principas Domini Władisłai Regis Poloniae, fratris nostri charissimi, eligimus ad arma et clenodia nobilium Regni Poloniae, terrarum nostrarum Lithuaniae no les infra scriptos, quos ipsi Regni Poloniae nobtles, simul cum omnibus, qui ex corum stirpe originem suam ducunt, ad fraternitatis et ad consanguinitatis consortia receperunt. Et primo Lelywa nobiles Monywid palatinum Vilhersem; item Zadora Jawnum palatinum Trocensem; Rawa Minigal castellanum Vilhensem; Lyssy Sunigal castellanum Troczensem; Iastrambczy seu Lasanky allas Bolesty nagora vocati Nemir, Tramby Hosticonem, Topory Butrim; item Labancz alias Skrzinsczy Golygunth, Porave Nicolaum Bilimin, Dambno Korevan, Odrowasz Wyssegerth, Wadwycz Petrum Mondigerth, Drya Nicolaum Thawizerd, Habdanvecz Iohannem Gastoldi, Pelukoza Wolczkonem Culwa, Gryfeles Buthowdum, Srzeniava Iadath, Pobodze Kalonem, Grzymala Iohannem Rynowidowycz, Zaramba Gyneth Konczewicz, Pyrschala Dawkxa, Nowyna Nicolaum Boynar, Dzaloscha Wolczkonem Rokuthowicz, Kopacz Gethowth, Rola Dangvel, Srokomla Iacobum Myngyel, Cattus marinus Woysznar Wikolewycz, Powala Georgium Sangaw; item Pomyany Saka, Dolywa Naczkonem, Scharza Twerbuth, Dolanga Monstwyld, Bogoria Stanislaum Wyssigin, Janina Woyssym Danyevkowicz, Bychawa Monstold, Svinka Andream Dewki-Lowycz, Kolda Minimund Sesnikowycz, Sulima Rodywyl; item Nalancz Koczurum, Lodza Mykusz, Gyelithowye Gerdud, Korczakowye Czuppam, Byala Wardilonem Kussolowycz, Wanzik Koczanum Sukkowycz, Czolek Iohannem Gwill (Ewild), Godzamba Stanislaum Buthowthowycz, Osmorog alias Gerald Strutes de Reschkyny etc. Quibus quidem armis, clenodiis et proclamationil 3, praedicti nobiles, proceres et Boyari terrarum Lithaniae exnunc et inazza perpetuis temporibus ubilibet gaudeant, potiantur, prout ipsis (ipsi) pra-fati nobiles Regni Poloniae uti frui consueverut et potiri.

Ut autem corroborationis et cautelae uberioris omnia praemissa accipiant firmitatelle praesentes fecimus sigillorum nostrorum munimine roborare. Praesentibus et consentientibus ac ratum habentibus reverendis in Christo patribus dominis. Nicolao Gnesnensi archiepiscopo, Alberto Iastrzambyecz Cracoviensis, I Lanne Wladislaviensis, Petro Posnaniensis, Iacobo Plocensis, Nicolao Vilnensis, Iohanne electo Leopoliensis metropolis, Mathia Przemysliensis, Michaele Kyoviensis, Gregorio Wlodomiriensis, Sbigneo Camenecensis electo, ecclesiarum episcopis, Chelmensi et Ceretensi ecclesiis vacantibus; nec zon magnificis, validis et strenuis, Cristino Cracoviensi castellano, Iohanne de Tarnow Cracoviensi, Nicolao de Michaelow Sandomiriensi, Sandivegio de Ostrorog Posnaniensi, Mathia de Wanschosche Calissiensi, Iacobo de Konyeczpolye Siradiensi, Iohanne Liganza Lanciciensi, Mathia de Latrschyn Brestensi, Ianussio de Kosczyelecz Gniewkoviensi, palatinis; Michaele de Bogumilovicze Sandomiriensi, Iohanne de Sczekoczyno Lublinensi, Debeslao de Oleschnicza Woyniciensi, Floriano de Korythnicza

Visliciensi, Christino de Kozyeglowy Sandecensi, Martino de Krolikovo Gneznensi, Clemente de Mokrsko Radomiensi, Domaratho de Kobilany Byeczensi, Mosczicio de Stansow Posnaniensi, Ianussio de Thuliskowo Calisiensi, Martino de Kalinowo Siradiensi, Petro de Włosczowa Dobrinensi, Alberto de Kosczyol Brzestensi, Iobanne de Lankoschin Lanciciensi, Cristino Kruschwicensi, Iohanne de Laczuchow Zavienostensi, Martino de Lubnycza Brzezinensi, Stanislao Gamrath Polaneceusi, Iohanne de Bogumilowicze Czechowiensi, Mathia Koth Naklensi, Grothone de Iankowicze Malogostensi, Iwano de Obichoy Srzemensi, Ianussio Furman Myedzirzecensi, castellanis; Sbigneo de Brzezye Regni Poloniae marsalco, Petro Szaffranyecz succamerario, Martino de Wroczimowicze vexillifero, Cracoviensibus; Paulo de Bogumilowicze Cracoviensi, Nicolao de Strzelcze Sandomiriensi, Nicolao de Czarnkow Posnaniensi, Iaxa Calissiensi, Andrea de Ludbrancz Cuyaviensi, Petro de Widawa Siradiensi, Nicolao de Suchodol Lublinensi, Petro de Thur Lanciciensi, indicibus. Actum in oppide Hrodlo circa flumen Bug, in parl mento seu congregatione generali, die secunda mensis Octobris, sub anno Domini Millesimo quadringentesimo tredecimo. Datum per manus reverendi in Christo patris, domini Alberti episcopi Cracoviensis, Regni Poloniae supremi cancellarii, nobis sincere dilecti. Scriptum vero per manus Czolkonis Canonici Sandomiriensis, secreti nostri notarii.

(Перепечатано изъ Iohannis Dlugosz Senioris Canonici Cracoviensis Opera omnia, t. XIII, p. 153—159. Cracoviae MDCCCLXXVII; свърено съ текстомъ, изданнымъ Дзялынскимъ въ Zbiór praw litewskich, str. 7—20. Слова въ скобкахъ взяты изъ этого изданія).

(H) In nomine domini amen. Ad perpetuam rei memoriam. Quia tunc multis errorum et dubiorum occurrimus incommodis, dum gesra etatis nostre apicibus literarum et testium annotacione perennamus: proinde nos Sigismudus dei gracia magnus dux Lithvaniae necnon terrarum Russie dominus et heres, significamus tenore presencium quibus expedit universis presentibus et futuris, presencium noticium habituris: quomodo cupientes terras nostras Lithvanie et Russie in statu meliori reponere et commoda eorum quantum cum deo possumus procurare ac condicionem facere meliorem; volentes insuper, ne inter earundem terrarum populos divisio aut aliquod dispendium subsequatur in futurum, quo status terrarum predictarum ledi possit, sed ut paribus consolati graciis, in unitate animorum et indemnitate voluntatum eo fervencius et constancius pro statu huiusmodi terrarum et commodo feliciori conservando intendant mutuo et aspirent, ad nostraque eo fidelius servicia et obsequia debita invitentur: unde principibus et boiaris tam Lithvanis quam Ruthenis predictarum terrarum nostrarum Lithvanie et Russie de nostre liberalitatis gracia damus concedimus et irrevocabiliter tribuimus perpetue duraturum:

(§ 1). Et primo, quod ad nullius hominis delacionem manifestam vel occultam aut quamvis aliam suspicionem sinistram, prefatos principes et boiaros nolumus castigare et punire, nisi prius in iudicio manifesto iuris

ordine terre Lithvanie servato realiter fuerint convicti.

- (§ 2). Deinde, quod prefati principes et boiari eorumque liberi legitimi, omnia bona hereditaria et paterna pari jure obtineant, sicut alibi in christianitate dinoscuntur obtinere, et liberam habeant facultatem ipsa vendendi commutandi donandi alienandi et in usus suos beneplacitos, prout ipsis melius videbitur expedire, convertendi, sic tamen, quod ipsa alienando commutando vendendo vel donando, coram nobis aut nostris officialibus resignabunt.
- (§ 3). Si autem aliquem predictorum principum et boiarorum ab hac luce decedere contingat, uxor manens in sede viduali, in bonis paternis mariti sui permanebit, serviciis nostris et nostrorum successorum non diminutis. Si vero voluerit ad secundas convolare nupcias, dotalicio per maritum designato gaudebit, bona paterna liberis legitimis ipsius mortui relinquendo. Si vero pueri non fuerint, extunc germani fratres hereditaria bona possidebunt, serviciis nostris et successorum nostrorum similiter semper in omnibus salvis.
- (§ 4). De bonis autem et possessionibus per serenissimum principem dominum Alexandrum alias Vitowdum olim magnum ducem Lithvanie, germanum nostrum carissimum felicis memorie, et serenitatem nostrum datis, secundum tenorem privilegiorum a prefato germano et nobis obtendorum est tendendum.
- (§ 5). Ceterum omnes et singuli cmetones et subdicti (sic) dictorum principum et boiarorum terrarum nostrarum, ab omni dacione et solucione mensurarum, que dziakla nuncupatur, quas ab ante nobis et predessoribus nostris dare consueverant et astricti fuerunt, sint omnino soluti liberi et ab eisdem exempti.
- (§ 6). Nihilominus tamen in predictis principibus et boiaris et subtitis eorundem castrorum edificaciones et reformaciones et vias expedicionales in ipsorum propriis expensis, ad quas ab antiquo tenebantur, sine quibus eciam terre nostre bene stare non possunt, pro nobis et nostris successoribus reservamus, aliis laboribus castrorum nostrorum a sepe dictorum principum et boiarorum hominibus omnino exclusis.
- (§ 7). Preterea eciam concedimus et permittimus, ut principes et boiari Ruthenorum arma seu nobilitatis clenodia deferre possint et eis uti, quemod-modum Lithvani, prius tamen habito consensu fratrum sue genealogie de regno Polonie, per Lithvanos ad predicta clenodia assumantur.
- (§ 8). Postremo omnes literas privilegia et gracias, ecclesiis ducicus et boiaris terrarum nostrarum sub quibuscunque condicionibus articulis seu sentenciis, per superius expressum germanum nostrum datas et concessas, patrocinio presentis nostri privilegii denuo innovantes, confirmamus gratificamus ratificamus et approbamus, decernentes ipsas robur perpetue firmitatis obtinere.

In cuius rei testimonium et robur firmitatis sigillo maiestatis nostre subpendenti presentes fecimus communiri. Actum et datum in castro nostro Troki, ipso die ascensionis domini, anno eiusdem 1434. Presentibus magnificis strenuis Ostik castellano Vilnensi, Georgio alias Giedigold de Vissniowa, Bergal de Dewnyoltowo Chodkowe, et nobili Nicolao curie nostre notario,

qui presencia habuit in commissis, aliisque quam pluribus testibus fide dignis.

(Перепечатано изъ Monumenta medii aevi res gestas Poloniae illu-

strantia, t. XIV, p. 529-531. Kraków 1894).

- (III) In nomine Domini amen. Ad perpetuam rei menroriam. Omnia, quae geruntur in tempore, ad hominum memoria simul labuntur cum tempore, nec ad faturorum possunt venire noticiam, nisi in scripturis reposita conseruentur. Proinde nos Casimirus Dei gratia electus rex Poloniae et magnus dux Lituaniae, Russiae et Samogitiae etc. considerata fidelitatis constantia reuerendorum, venerabilium, illustrium, strenuorum, validorum et prudentium ac circumspectorum praelatorum spiritalium et saecularium principum, baronum, nobilium, boiarorum et ciuitatum terrarum magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiae, quam ad nos nostramque serenitatem ac personam, tanquam ad verum ac legitimum heredem ac dominum nataralem habuerunt et de facto habent habereque intendunt constanter et filideliter in futurum, prout hoc bene per experientiam in ipsis effectualiter est repertum, dignum duximus pro tanto bono gratiarum et libertatum muneribus, aliisque nostris fauoribas ipsis condignam et graciosam facere recompensam, quia tunc in posterum ad nos et nostra obsequia inuenientur promptiores, quando se viderint tantis gratiis consolatos.
- (§ 1). Inprimis igitur praedictis praedatis, principibus, baronibus, nobilibus et ciuitatibus dictarum terrarum magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiae etc. dedimus, concessimus et irreuocabiliter donauimus vigoreque praesentium damus, concedimus, donamus et inperpetuum largimur generaliter et omnia eadem iura, libertates et immunitates, prout habent praedati, barones, principes, nobiles et ciuitates regni Poloniae. Sed ne ex generalitate aliqua ambiguitas siue dubietas in posterum quoquomodo possit suboriri, ipsas libertates seu quasdam ipsarum hic decreuimus ponere per expressum.
- (§ 2). Et primo omnes donationes, priuilegia et immunitates ecclesiarum cathedralium, collegiatarum et conuentualium in terris nostris magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiae etc. erectarum et erigendarum, fundatarum atque fundandarum, volumus illaesas et inuiolatas conseruare et tueri ac protegere iuxta nostram omnimodam potestatem. Quas quidem ecclesias cathedrales, collegiatas, conuentuales tempore medio, per mortem vel resignationem si vacare contigerit, et eas pastore carere, quarum ius patronatus ad nos et successores nostros dignoscitur pertinere pleno iure, tunc ipsis de alio vel aliis pastore vel pastoribus prouidendo, non alium vel alios praesentare debemus, nisi magni ducatus nostri indigenam Lituaniae, si idoneitate et morum maturitate fuerit compertus; sin autem, tunc alterius nationis personam vtilem et honestam ac congruam, quae posset praeesse et prodesse, debebimus praesentare toties, quoties opus fuerit et oportunum.
- (§ 3). Item praedictis praelatis, principibus, baronibus, nobilibus et ciuitatibus praedictarum terrarum magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiae etc. dedimus, quod ad nullius hominis delationem siue accusationem publicam vel occultam, seu quamuis suspitionem sinistram ipsos principes,

barones, nobiles et ciues castigare volumus seu punire quacunque poena, scilicet bonorum ablatione, pecuniaria, carceris aut sanguinis, nisi prius in iudicio manifesto, iuris ordine catholico observato, actore et reo personaliter constitutis, realiter fuerint convicti. Qui post iudicium et convictionem huiusmodi iuxta consuetudinem et iura regni Poloniae debent castigari et sententiari secundum suorum excessuum qualitatem et quantitatem.

(§ 4). Item quod pro crimine cuiuspiam nullus alius, nisi is, qui peccauit et deliquit, semper tamen iuris catholici ordine observato, convictus iudicialiter et sententiatus, puniatur, ita videlicet, quod nec vxor pro crimine sui mariti, nec pater pro crimine filii et e converso, nec aliquis cognatus aut servus, nisi dum quis particeps esset criminis delinquentis, criminibus

laesae maiestatis solum exceptis.

(§ 5). Item concedimus, ut principes, nobiles et boiari supradicti liberam habeant facultatem exeundi de terris ipsis nostris magni ducatus etc. caussa vberioris fortunae adquirendae et actuum militarium exercendorum ad quaslibet terras exteras, partibus nostorum inimicorum duntaxat exceptis; ita tamen, quod de bonis ipsorum sic exeuntium, seruitia nostra non negligartur, sed nobis aut successoribus nostris tanquam ipsis praesentibus, toties, quoties fuerit oportunum, exhibeantur et ministrentur.

(§ 6). Item praefati principes, barones, nobiles et ciues bona eorum patrimonialia seu ipsis data siue donata per praeclarum principem dominum Alexandrum alias Vitoudum, diuae memoriae antecessorem et patruum nostrum carissimum, ac donationes per illustrem dominum Sigismundum etc. donatas et factas, quas tenentes, habentes et possidentes de eorum donationibus, priuilegiis vel priuilegio legitimo et sufficienti ac congruo testimonio testium vel munimine litterarum potuerint probare et docere, pari iure obtineant, sicut principes, barones, nobiles et ciues regni Poloniae sua noscuntur obtinere et liberam habeant facultatem ipsa vendendi, commutandi, alienandi, donandi et in vsus suos beneplacitos conuertendi, sic tamen, quod ea commutando, vendendo, alienando vel donando, coram nobis aut nostris officialibus iuxta consuetudinem regni Poloniae resignabunt.

(§ 7). Item post mortem patrum liberi masculi et femellae donis paternis hereditariis priuari non debebunt, sed ea cum eorum successoribus legitime, pleno iure possidebunt, prout principes, barones, nobiles et ciues regni Poloniae sua possident et in vsus beneplacitos conuertunt.

(§ 8). Item quando aliquem principum, baronum, nobilium et ciuium praedictorum ab hac luce decedere contigerit, extunc viduam in bonis seu possessionibus mariti sui volumus permanere, quamdiu in sede permanserit viduali. Quae si ad secundas nuptias conuolare voluerit, ipsa marito, quem ducendum elegerit, tradatur, pueris tamen in bonis et possessionibus paternis, si fuerint, sin autem, proximioribus eiusdem mariti prioris derelictis, prout et ceterae viduae regni Poloniae maritantur. Si vero prior maritus in praefatis bonis et possessionibus suis aliquod eidem vxori suae dotalitium assignauerit et de eo sufficienter probare potuerit, illo secundum ordinem iuris recepto, cui voluerit, nubat in domino.

- (§ 9). Item natas et cognatas et consanguineas ipsarum virgines et viduas libere possunt tradere maritis, nobis et nostris successoribus super hoc minime requisitis, ritum tamen catholicum in talibus observantes.
- (§ 10). Item emnes et singuli cmetones et subditi principum, baronum, nobilium, boiarorum et civium ipsarum terrarum magni ducatus Lituaniae ab omni datione et solutione collectae sine exactionis sierepczyzne dictae atque mensurarum, quae dziakla nuncupantur, ab emnique onere vectigalium, quae podwodi dicuntur, a ductione lapidum, roborum, sine lignorum pro exustione laterum sine cementi pro castris, foeni falcastrationis et aliis minus instis laboribus soluti sint, liberi omnino et exempti; laboribus tamen pro aedificatione castrorum denno oportunorum et antiquorum reformatione exceptis, principum, baronum, nobilium, boiarorum cmetonibus et subditis, per nos eis datis et donatis, similiter exceptis. Antiquas tamen et dudum consuetas pro nobis et successoribus nostris procurationes, collectas, stattiones, pontium nouorum erectiones, veterum refectiones et viarum reparationes illaesas reseruamus et eas volumus esse semper saluas.
- (§ 11). Item quod nos aut officiales nostri praefatorum principum, baronum, nobilium et ciuium terrarum nostrarum Lituaniae, Russiae, Samogitiae etc. homines tributarios, originarios, emetones, mancipiorum obnoxios, cuiuscunque sexus fuerint aut condicionis exstiterint, non suscipiemus, nec officiales nostros suscipere permittemus; quod et ipsi praelati, principes, barones, nobiles, boiari et ciues magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiae etc. nostros et successorum nostrorum homines, similiter cuiuscunque status, sexus aut conditionis exstiterint, non suscipiant, per se nec per alium suum officialem suscipere quoquomodo praesumant.
- (§ 12). Item super subditos praedictorum principum, baronum, nobilium et boiarorum ministeriales alias dzietzkie non dabimus, nisi prius a domino, cuius subditus fecerit iniuriam, iustitia fuerit postulata; qui si certo termino eandem facere renuerit, extunc noster ministerialis vel nostrorum officialium est dirigendus, et reus, qui poenam meruerit, illam domino suo et non alteri soluere sit astrictus.
- (§ 13). Item promittimus seu spondemus, quod dominia seu terras magni ducatus nostri praedicti non diminuemus, sed in suis limitibus, prout antecessores nostri et signanter Alexander alias Vitoudus patruus noster etc. tenuit et possedit, sic et nos easdem sanas et integras tenebimus, possidebimus et tuebimur, atque cum Dei auxilio pro cunctis nostris viribus studebimus dilatare.
- (§ 14). Item promittimus et spondemus, quod in terris ipsis nostris ipsius magni ducatus terras, castra, ciuitates seu quascunque hereditates, possessiones et tenutas et quaecumque officia siue personatus, dignitates nulli extraneorum, sed solum indigenis ipsarum terrarum nostrarum magni ducatus supradicti dabimus et nostri successores dabunt tenenda et possidenda.

Harum quibus sigillum nostrum praesentibus est subappensum, testimonio litterarum. Actum et datum per manus magnifici Michaelis Kieszgalowic de Dawiltowo, magni ducatus Lituaniae cancellarii, Vilnae feria tertia

ipso die sancti Sigismundi, anno Domini millesimo quadringentesimo quinquagesimo septimo. Scriptum per manus Martini de Luski notarium, qui praesentia habuit in commissis.

- (IV). In nomine sanctae Trinitatis et individuae vnitatis amen. Ad perpetuam rei memoriam. Omnia, quae geruntur in tempore, ab hominum memoria simul cum tempore labuntur, nec ad futurorum possunt venire noticiam, nisi in scriptis reposita conseruentur. Proinde nos Alexander Dei gratia magnus dux Lituaniae, Samogitiae, necnon terrarum Russiae dominus et heres etc. considerata fidelitatis constantia reuerendissimorum et ruerendorum, illustrium, strenuorum, magnificorum, generosorum, nobilium et circumspectorum praelatorum spiritalium ac saecularium principam, baronum, boiarorum et ciuium terrarum magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiae etc. quam ad nos nostramque serenitatem, tanquam ad verum et legitimum heredem ac dominum naturalem habuerunt et de facto habent, habereque intendunt constanter et fideliter in futurum, prout hoc bene res in eis probauit, dignum duximus pro tanto bonorum gratiarum et liberatum muneribus, aliisque nostris fauoribus ipsis condignam et gratiosam facere recompensam. Inprimis igitur praedictis praedatis, principibus, baronibus, nobilibus et ciuibus dictarum terrarum magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiae dedimus, concessimus et irreuocabiliter donauimus, vigoreque praesentium damus, concedimus, donamus et in perpetuum largimur generaliter et omnia eadem iura, libertates et immunitates, prout habent praelati, principes, barones, nobiles et ciutates in regno Poloniae. Sed ne ex has generalitate aliqua ambiguitas siue dubietas in posterum possit quoquomodo suboriri, ipsas libertates seu quasdam ipsarum hic decreuimus ponere per expressum.
- (§ 1). Et primo omnes donationes, priuilegia et immunitates ecclesiarum cathedralium et collegiatarum, conuentualium, parochialiumque in terris nostris magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiae erectarum et erigendarum, fundatarum et fundandarum, volumus illaesas et inuiolatas conseruare et tueri ac protegere iuxta nostram omnimodam potestatem. Quas quidem ecclesias cathedrales, collegiatas, conuentuales et parochiales tempore medio per mortem vel resignationem si vacare contigerit et pastore carere, quarum ius patronatus ad nos et successores nostros dignoscitur pertinere pleno iure, tunc ipsis de alio vel aliis pastore vel pastoribus prouidendo, non alium vel alios praesentare debemus, nisi magni ducatus nostri Lituaniae indigenam, qui idoneus fuerit repertus; sin autem, tunc alterius nationis personam vtilem et honestam, quae possit prodesse et praeesse, debemus praesentare totiens, quotiens opus fuerit et oportunum.
- (§ 2). Item praedictis praelatis, principibus, baronibus, nobilibus et ciuitatibus praedictarum terrarum magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiae dedimus, quod ad nullius hominis delationem seu accusationem publicam vel occultam seu quamuis suspicionem sinistram ipsos principes, barones, nobiles et ciues castigare volumus, seu punire quacumque poena, scilicet bonorum ablatione, pecuniaria, carcerum aut sanguinis, nisi prius in

iudicio manifesto iuris ordine catholico obseruato, actore et reo personaliter constitutis, realiter fuerint conuicti. Qui post iudicium et conuictionem huiusmodi iuxta consuetudinem et iura, sicut in regno Poloniae, debent castigari et sententiari, secundum suorum excessuum qualitatem et quantitatem.

- (§ 3). Item qued pro crimine cuiuspiam nullus alius, nisi is, qui peccauit et deliquit, semper tamen iuris catholici ordine observato, condictus iudicialiter et sententiatus, puniatur, ita videlicet, qued nec vxor pro crimine sui mariti, nec pater pro crimine filij et e converso, nec aliquis cognatus aut seruus, nisi dum quis particeps esset criminis delinquentis, criminibus laesae maiestatis solum exceptis.
- (§ 4). Item concedimus, ut principes, barones, nobiles et boiari supradicti liberam habeant facultatem exeundi de terris ipsis nostris magni ducatus etc. caussa vberioris furtunae adquirendae et actuum militarium exercendorum ad quaslibet terras exteras, partibus inimicorum nostrerum duntaxat exceptis, ita tamen, quod de bonis ipsorum sic exeuntium, seruitia nostra non negligantur, sed nobis aut successoribus nostris tanquam ipsis praesentibus totiens, quotiens fuerit opportunum, suppleantur, exhibeantur et ministrentur.
- (§ 5). Item praefati principes, barones, nobiles et ciues bona eorum patrimonialia seu ipsis data siue donata per praeclarum principem dominum Alexandrum alias Vitoudum etc. diuae memoriae ac donationes per illustrem dominum Sigismundum etc. donatas et factas, quas tenentes, habentes et possidentes de earum donationibus, priuilegiis et priuilegio legitimo et sufficienti ac congruo testimonio testium vel munimine litterarum potuerint probare et docere, pari iure obtineant, sicut principes, barones, nobiles et ciues in regno Poloniae sua noscuntur obtinere et liberam habeant facultatem ipsa vendendi, commutandi, alienandi, donandi, et in vsus suos beneplacitos conuertendi, sic tamen, quod ea commutando, vendendo, alienando vel donando, coram nobis aut nostris officialibus resignabunt.

(§ 6). Item post mortem patrum liberi masculi et femellae bonis paternis hereditariis priuari non debent, sed ea cum eorum successoribus legitimis pleno iure possidebunt, prout principes, barones et ciues in regno Poloniae sua possident, et in vsus beneplacitos conuertunt.

(§ 7). Item quando aliquem principum, baronum, nobilium et ciuium praedictorum ex hac luce decedere contingat, extunc viduam in bonis seu possessionibus mariti sui volumus relinquere seu remanere, quamdiu in sede permanserit viduali; quae si ad secundas nuptias transire voluerit, ipsa marito, quem ducere elegerit, tradatur; pueris tamen in bonis et posssessionibus paternis, si fuerint, sin autem, propinquioribus eiusdem mariti prioris derelictis, prout et ceterae viduae regni Poloniae maritentur. Si vero prior maritus in praefatis bonis et possessionibus suis aliquod eidem vxori suae dotalitium assignauerit, et de eo sufficienter probare poterit, illo secundum ordinem iuris recepto, cui voluerit, nubat in domino.

(§ 8). Item natas et cognatas ac consanguineas ipsarum virgines et

viduas libere possunt tradere maritis, nobis et nostris successoribus super hoc minime requisitis, ritum tamen catholicum in talibus observantes.

- (§ 9). Item omnes et singuli cmetones et subditi principum, baronum, nobilium, boiarorum et ciuium ipsarum terrarum magni ducatus Lituaniae ab omni donatione et solutione collectae siue evactionis sirepczizna dictae, atque mensurarum, que dziakla nuncupantur, ab omnique onere vectigalium, quae podwodi dicuntur, a ductione lapidum, roborum siue lignorum pro exustione laterum siue cementi pro castris, foeni falcastrione et aliis minus iustis laboribus soluti sint, liberi omnino et exempti; laboribus tamen pro aedificatione castrorum denuo oportunorum et antiquorum reformatione exceptis: principum, baronum, nobilium, boiarorum cmetonibus et subditis, per nos eis datis et donatis, similiter exceptis. Antiquas tamen et dudum consuetas pro nobis et successoribus nostris procurationes, collectas, stationes, pontium nouorum erectiones, veterum reparationes et viarum reformationes illaesas reseruamus, et eas volumus esse semper saluas.
- (§ 10). Item quod nos aut officiales nostri praefatorum principum, baronum, nobilium et ciuium nostrarum terrarum Lituaniae, Russiae, Samogitiae etc. homines tributarios, originarios et cmetones mancipiorum obnoxios, cuiuscunque sexus fuerint aut condicionis exstiterint, non suscipiemus, nec officiales nostros suscipere permittemus; quod et ipsi praelati, principes, barones, nobiles, boiari et ciues magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiae etc. nostros et successorum nostrorum similiter homines, cuiuscunque status, sexus aut condicionis exstiterint, non suscipiant, nec per se vel per alium suum officialem suscipere quoquomodo praesumant.
- (§ 11). Item super subditos praedictorum principum, baronum, nobilium et boiarorum ministeriales alias dzietzke non dabimus, nisi prius a domino, cuius subditus fecerit iniuriam, iustitia fuerit postulata. Qui si in termino certo eandem facere renuerit, extunc noster ministerialis vel nostrorum officialium est dirigendus et reus, qui poenam meruerit, illam domino suo et non alteri soluere sit astrictus.

Et praeterea cupientes praefatos praelatos, principes, barones, nobiles, boiaros et ciues pro ipsorum praerogatiua ac recreatione speciali nouis gratiis et concessionibus ac libertatibus reddere consolatos, et ad recentem fidelitatis praedictae perseuerantiam inuitare, de benignitatis nostrae gratia singulari nonnullos articulos infrascriptos eisdem concessimus concedimusque per praesentes.

(§ 12). Ac primo et principaliter promitimus et spondemus, quod dominia seu terras magni ducatus Lituaniae non diminuemus, sed in suis limitibus, prout antecessores nostri et signanter dux Alexander alias Vitoudus et Sigismundus tenuerunt et possidebant, sic et nos easdem integras tenebimus et possidebimus ac tuebimur, atque cum Dei auxilio pro cunctis viribus nostris studebimus dilatare et ampliare tempore competenti.

(§ 13). Item nuntios seu oratores mittere debemus in negotiis publici boni eiusdem Magni Ducatus nostri necessitate ad hoc imminente, de consilio nostrorum dominorum versus partes exteras, videlicet Moscouiam, ad Zanolska orda et Perekopska orda, Valachiam, regnum Poloniae, ducatum Masoniae, Prussiam, Linoniam, Pskow, Magnum Nonogrod, Twierza et Razan, secundum consuetudinem per nostros antecessores observatam necnon versus alias quasqunque provincias, quo necessitas et vtilitas dominiorum magni ducatus Lituaniae nostri postulabit. Item cum quibus terris et dominiis inscriptiones, confoederationes, ligas et iuramenta ad antiquo habemus pacis perpetuae, eas nolumus infringere, sed in melius cum Dei auxilio ducere atque adaugere.

(§ 14). Item quaecunque consilia et caussas cum dominis consiliariis nostris determinabimus et statuemus atque concludemus, ea cum nemine alio immutare, corrigere aut deordinare debebimus.

(§ 15). Item quando aliqua consilia et negotia in consultatione cum dominis nostris tractanda euenerint et ipsis dominis non placebunt, pro isto super eos commoueri non debemus, sed quaecunque nobis consulent pro nostra et communi vtilitate, istud nos efficiemus.

(§ 16). Item dignitates tenutas et alia omnia officia aut bona hereditaria nemini extraneo aut aduenae, sed solum indigenis tenebimur conferre. A prouisione autem ac dotatione seu collatione spiritualium et saecularium dignitatum, tenutarum et officiorum quorumcunque nihil debemus postulare, neque etiam ipsi domini palatini et capitanei ab officialibus et tenutariis quidquam recipere aut exigere debent, solum quod per aliquem nobis vel ipsis pro honestate sua libere condonatum fuerit.

(§ 17). Officia vero omnia et tenutae sine consilio nostrorum consiliariorum per nos non debent cuiquam conferri. Si quis autem officialium tanquam dissipator et damnificator nostrorum bonorum apud nos delatus fuerit, vtraque pars debet personaliter coram nobis constitui, auditaque caussa reus secundum demerita puniendus erit, sed absque culpa officia auferre non debemus.

(§ 18). Item palatini, capitanei, tenutarii villici, officiales et vniuersi vicesgerentes in Magno Ducatu nostro in primeua honestate et prouisionibus ac tenutis eorum, ut a praedecessoribus nostris, ducibus magnis Vitoudo, Sigismundo et genitore nostro teneantur et conseruentur, iudicentque et ordinent, census et prouentus suos in integrum repetant et exigant, velut ab antiquo, nec non ministeriales dirigant, defatigationesque ipsorum alias proiezdi solui faciant, iuxta consuetudinem prouinciae.

(§ 19). Item mortem obeunte tenutario aut villico quocunque in Vilnensi aut Trocensi districtibus, Vilnensis et Trocensis palatini in suis districtibus tenutas a nobis secundum exigentiam meritorum vel obsequiorum et qui etiam nobis videbuntur idonei, illis petant seu impetrent, et eodem modo fiat in aliis districtibus omnibus.

(§ 20). Item dignitates, tenutae et officia in castris et ciuitatibus, in metis remotioribus, si quae vacauerint et aperientur, habita deliberatione cum dominis consiliariis nostris talia officia vel tenutas conferemus secundum promerita, vel qui nobis videbitur magis valere et domini consiliarii nostri debent ita facere.

- (§ 21). Item viduae, quae remanserunt in bonis hereditariis post mortem maritorum, ad seruitia terrestria et bellicas expeditiones iuxta facultatem possessionum obligabuntur.
- (§ 22). Item donationes et concessiones olim genitoris nostri, quas alicui donauit aut prouidit et cum hoc literis suis confirmauit, perpetue tenebimus; sed cui idem genitor noster dedit ad arbitrium et voluntatem suam, illud et nos pro arbitrio et voluntate nostra et dominorum consilii nostri reseruamus. Nostras etiam donationes faciemus et dabimus ad arbitrium nostrum; et si alicui voluerimus confirmare ad perpetuitatem, istud etiam est in voluntate nostra.
- (§ 23). Item census teloniorum, tabernarum et alii ex poenis et vndecunque pobis prouenientes, recipiantur et reponantur in thesaurum nostram, qui quidem census secundum consilia dominorum consiliariorum nostrorum pro communi vtilitate terrestri debent conuerti; nulla vero necessitate imminente dicti census sine voluntate ipsorum dominorum per nos de thesauro tolli et recipi non debent, aut ex prouincia educi.
- (§ 24). Item jura saecularia non debemus inducere aut intromittere in jura spiritalia et e conuerso jura spiritalia seu caussas pertinentes ad ius spirituale, ad jura saecularia non ducere neque euocare, omniaque tenere ex antiquo, sicut erat viuente patre nostro.
- (§ 25). Item plebeios super nebiles non debenius extollere, sed totam nobilitatem conservare in sua honestate.
- (§ 26). Item super districtus et tributarios debemus mittere binos et binos dominos singulis annis pro exigendis tributis et reliquiis, in vulgari niedobirkow, et ipsi domini obuentiones eis concernentes debent recipere et etiam ipsorum seruitores, sicut fuit ex antiquo apud antecessores nostros.
- (§ 27). Item quicunque in vita genitoris nostri super iuribus suis et iustitia ministranda postulabant, illis volumus et debemus cum dominis de consilio nostro aequitatem facere omnimodam sine dilationibus.
- (§ 28). A iure etiam nihil debemus accipere simul et domini consiliarii nostri nec stare ad vnam partem ex fauore, sed simpliciter cuilibet iustitiam facere et noscere seu ministrare.
- (§ 29). Item si quando aliquorum caussae graues super bonis hereditariis vel famae seu honoris derogatione coram nostra Serenitate venerint, omnibus iustitiam facere debemus. Et dum contingat nos protunc negotiis arduis occupari, caussis talibus per annum concedimus et statuimus quattuor terminos; et si in primo, secundo vel tertio termino in huiusmodi caussis finis non fuerit factus, vltimo adueniente finalem iustitiam sine dilationibus cum dominis de consilio nostro faciemus.
- (§ 30). Item a consanguineis et propinquis bona hereditaria alicuius non redimemus, neque ea aliquis redimere debet in praeiudicium ipsorum consanguineorum et propinquorum, sed solummodo iste, qui propinquior exstiterit, repositis pecunijs bona hereditaria obtinebit et possidebit.
 - (§ 31). Item si aliqua virgo aut vidua voluerit nubere ad alienas partes

extra magnum ducatum Lituaniae etc. expeditione ac dote recepta bona hereditaria hic relinquat, ad eaque intromittere se non debebit.

- (§ 32). Item nouissime omnes litteras, priuilegia, gratias et immunitates, ecclesiis cathedralibus, collegiatis, conuentualibus et parochialibus, praelatis, principibus, baronibus, nobilibus, boiaris et ciuibus in terris magni ducatus Lituaniae, Russiae et Samogitiae etc. nostris, sub quibuscunque condicionibus, statutis, panctis, articulis seu sententijs per serenissimos et illustrissimos olim dominos Vitoudum, Sigismundum, regem Władisłaum nostrum auum, et progenitorem nostrum carrissimum regem Casimirum, magnos duces Lituaniae, antecessores nostros datas et concessas, patrocinio praesentis nostri priuilegii innouantes, confirmamus, roboramus, approbamus, gratificamus et ratificamus, decernentes ipsas perpetuae firmitatis robur obtinere.
- (§ 33). In omnibus vero caussis et disceptationibus tam pro bonis hereditariis, quam honoris et famae et aliis grauioribus, in quibus, sicut superius expressum est, si praeuenti negotiis publicis in primo termino finem non fecerimus, positi sunt et assignantur quattuor termini per annum, et si quis in quarto et finali termino non compauerit, caussam amittat sententiaque feratur pro illo, qui se in termino sistet: excepto, quod aliqua partium nostro seruitio vel terrestri occupata et retenta, aut aegritudine impedita, comparere non posset, in isto casu, vt nemini praeiudicum aut iniuria fiat, ad tempus oportunum omnes tales caussas volumus differendas. Quae omnia cum dominis consilii nostri debemus ordinare atque difinire.
- *In quorum omnium fidem et testimonium praesentes litteras sigillo nostro appenso iussimus communiri. Datum in Vilna feria secunda ipso die Transfigurationis Domini, anno a Natiuitate millesimo quadringentesimo nonagesimo secundo. Praesentibus ducibus, praelatis, baronibus magni ducatus nostri Lituaniae et signanter reuerendo in Chisto patre, domino Alberto episcopo Vilnensi, magnifico ac generosis Nicolao Radwilowic, palatino Vilnensi et cancellario nostro, Petro palatino Trocensi necnon marsalco terrestri, Ioanne Zabrzezinski castellano Trocensi ac tenutario in Poloczko, Stanislao Ianowic capitaneo terrae Samogitiensis, duce Alexandro de Holssany tenutario Grodnensi et aliis quam pluribus dignitariis, officialibus et curiensibus nostris, testibus circa praemissa. Commissio propria Domini Magni Ducis.
- (V). In nomine sanctae et indiuiduae Trinitatis amen. Ad perpetuam rei memoriam. Ea, quae magnifica principum decreuit auctoritas, dignum est, ipsa literarum apicibus confirmare et fidedignorum testimonio perennare. Proinde nos Sigismundus Dei gratia magnus dux Lituaniae, Samogitiae, terrarumque Russiae domirus et heres etc. Significamus tenore praesentium vniuersis, quibus expedit, praesentibus et futuris, harum noticiam habituris, quomodo reuoluentes in animo, qua quantaue synceritatis affectione et integrae fidei constantia praelati tam spiritales, quam saeculares, principes, barones, milites, proceres, nobiles, consiliarii ceterique subditi et incolae terrarum magni ducatus nostri Lituaniae personam nostram venerati sunt

atque dilexerunt, et tandem decedente felicis memoriae serenissimo principe et domino, domino Alexandro rege Poloniae, magno duce Lituaniae, germano et praedecessore nostro carrisimo, nos tanquam verum heredem et legitimum successorem ipsius in supremum et magnum ducem ac dominum concordibus votis et voluntatibus assumpserunt, elegerunt et sublimarunt, posteaquam igitur altissimo dirigente votis eorundem praelatorum spiritalium et saecularium consiliariorum et incolarum magni ducatus nostri Lituaniae auitum, paternum et fraternum eiusdem amplissimi ducatus nacti sumus solium, supplicarunt nobis ijdem praelati, consiliarii, incolae et subditi nostri, qui nostrae felici aderant sublimationi, quatenus iura, libertates et priuilegia ipsis per praedecessores nostros, magnos duces Lituaniae data et concessa, confirmare et ratificare ac articulos infrascriptos approbare dignaremur. Quorum articulorum tenor sequitur talis:

- (§ 1). Inprimis promitimus praelatos, principes, dominos consiliarios nostros magni ducatus Lituaniae, Samogitiae, Russiaeque etc. barones, nobiles Lituanos et Rutenos in ipsorum honoribus et dignitatibus non diminuere, sed secundum exigentiam idoneitatis et meritorum promouere et sublimare.
- (§ 2). Item omnia iura, libertates, priuilegia, litteras Latinas et Rutenicas, immunitatesque magni ducatus Lituaniae ecclesiasticas et sacculares, ecclesiis cathedralibus, collegiatis, conuentualibus, parochialibus et quibusuis sacris piisque locis ac magno ducatui eiusdemque praelatis, principibus, baronibus, nobilibus, ciuitatibus, ciuibus, incolis et quibuslibet personis, cuiuscunque status vel condicionis existentibus, per diuos praedecessores nostros, principes, magnos duces et quoscunque dominos ac heredes magni ducatus Lituaniae, praecipue vero per regem Wladislaum alias Iagiello auum nostrum, Vitoudum, Sigismundum, regem Casimirum parentem nostrum et germanum nostrum, regem Alexandrum, iuste, licite et legitime data et donata, datas ac donatas, etiam super bonis immobilibus hereditariis, quorum possessionem hactenus habuerunt et nunc ipso facto habent, signanter vero priuilegium generale terrestre Alexandri circa sui in magnum ducem sublimationem datum, manu tenebimus, conseruabimus, custodiemus ac attendemus in omnibus articulis, clausulis atque punctis.
- (§ 3). Item bona ducalia eiusdem Magni Ducatus non minuemus, sed iniuste alienata et illicite distracta, surrepticieque impetrata ad proprietatem eiusdem reducemus et reducere curabimus.
- (§ 4). Item si dominus Deus fauebit nobis assequi dominium tam regni Poloniae, quam aliarum terrarum, extunc dominia nostra magni ducatus Lituaniae et dominos consiliarios in nullo diminuemus, sed ab omni leuitate ac depressione, prout diuus genitor noster tempore felicis sui regiminis faciebat, omnia custodiemus.
- (§ 5). Item quicunque subditorum nostrorum in praedictis terris magni ducatus Lituaniae super suis bonis immobilibus, hereditariis litteras aut immunimenta non habentes, sufficienti tamen fidedignorum testimonio probauerint, bona huiusmodi tempore magnorum ducum Lituaniae, Vitoudi vel Sigismundi aut diui Casimiri parentis nostri, si vel suos legitimos parentes

aut praedecessores pacifice possedisse, remanebunt circa eadem perinde, acsi certas literas aut munimenta haberent super eisdem.

(§ 6). Item si quis obloquendo accusauerit quempiam ad infamiam aut capitis diminutionem nec probauerit, punietur poena talionis, acsi se

inscripsisset ad eandem.

(§ 7). Item super statutis et consuetudinibus approbatis et laudatis antiquis seruandis aut nouis condendis, promulgandisque et plurimis, quae erunt ordinanda pro communi vtilitate reipublicae ac nostra, nonnisi cum matura deliberacione ac cum scitu et consilio consensuque dominorum consiliariorum nostrorum magni ducatus Lituaniae tractabimus et disponemus.

Nos itaque Sigismundus magnus dux petitionibus praefatorum praelatorum, status vtriusque consiliariorum et subditorum nostrorum tanquam iustis, fauorabiliter annuentes, dignum duximus in ipsos oculos pietatis nostrae aperire, et eis hanc, quam actu et opere veluti atletae fideles in nos exhibuerunt synceritatem et constantiam gratitudine nostra, vt decet, compensare. Vnde ex certa nostra scientia, praehabitaque sufficienti deliberatione, animo beneuolo et voluntate nostra vltronea, ipsis praelatis, baronibus, dignitariis, militibus, proceribus, nobilibus, ciuitatibus et eorundem communitatibus, ceterisque subditis et incolis terrarum magni ducatus nostri Lituaniae, cuiuscunque status condicionisque existant, omnia ipsorum iura et priuilegia tam ecclesiastica, quam saecularia, quae a diuae memoriae regibus et magnis ducibus et ab olim genitore nostro Casimiro et fratre nostro Alexandro praedecessoribus nostris, super quibuscunque bonis et libertatibus habere dinoscuntur et habent, sub quibuscunque datis et characteribus, Latinis et Rutenis, in vita ipsorum donationes et libertates in se continentes, inste, licite et legitime emanata, data et concessa, quae perinde esse ac valere volumus, tanquam his nostris de verbo ad verbum inserta essent literis, ac articulos superius insertos, quos in verbo nostro ducali et sub iuramento corporali ad sancta Dei euangelia praestito, tenere et obseruare promisimus, prout et praesentibus promittimus ac spondemus, in omnibus eorum punctis, clausulis, positionibus, capitulis, conditionibus et articulis, de gratia, virtute ac munificentia nostris duximus confirmandum, approbandum et roborandum, prout confirmamus, approbamus et praesentis scripti patrocinio roboramus, decernentes ea et eos robur habere perpetuae firmitatis, tenore praesentium mediante in aeuum. In cuius rei testimonium sigillum nostrum praesentibus est subappensum. Actum et datum in Grodno, feria secunda in vigilia Conceptionis beatissimae virginis Mariae, anno Domini millesimo quingentesimo sexto. Praesentibus ibidem reuerendo patre et magnificis, generosis ac nobilibus: Alberto episcopo Vilnensi, Nicolao Nicolai Radziwilowicz, palatino Trocensi, duce Alexandro Iurgiewic castellano Vilnensi, Ioanne Zabrzezinski marsalco magni ducatus Lituaniae generali, Stanislao Ianowic castellano Trocensi et capitaneo terrae Samogitiae etc. Iwan Iwonic duce Hlinski, palatino Kijouiensi, Stanislao Ianowic Zabrzezinski, tenutario in Merecz, Alberto Narbutowic, tenutario ir Iaswony et Georgio Ilginicz marsalcis nostris ac aliis quam plurimis consiliariis nostris syncere et fidelibus dilectis, testibus circa praemissa. Per manus venerabilis Nicolai de Zukowo, praepositi Sredensis et canonici Vilnensis, secretarii nostri, qui praesentia a nobis habuit in commissis.

(VI). Sigismundus Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lituaniae, Russiae, Prussiae, Samogitiaeque dominus et heres etc. Significamus tenore praesentium, quibus expedit, vniuersis, praesentibus et futuris, harum noticiam habituris, quoniam vacante in praesentia palatinatu Trocensi per magnifici Alberti Martini Gastold, eius immediati possessoris, ad palatinatum Vilnensem, vacantem per mortem olim Nicolai secundi Radziwił exaltationem, licet hunc ipsum palatinatum Trocensem nulli Ruteno atque schismatico iuxta dispositionem priuilegii terrestris huius Magni Ducatus nostri, per diuos olim Władisłaum regem Poloniae, auum nostrum, et Alexandrum Vitoudum, magnum ducem Lituaniae, concessi et confecti, conferre debuerimus, sed duntaxat aliquem ex subditis nostris Romanae et catholicae fidei ad eundem palatinatum ceu ad alias dignitates eligere deberemus, quod etiam consiliariis nostris in felici exaltatione nostra ad magnum ducatum paternum et hereditarium nostrum facere promisimus, quia tamen modo praedictum palatinatum Trocensem magnifico Constantino duci Ostrouiensi, castellano Vilnensi et supremo eiusdem magni ducatus nostri exercituum capitaneo, Ruteno, certis de caussis legitimis, ad id nos permouentibus, contulimus dedimusque, cum fidelia eius merita contra hostes nostros Moschos et Tartaros. pluries et frequentius pugnando, in nos et hanc rempublicam exhibita animaduertimus, tum votis et intercessionibus consiliariorum vtriusque dominij nostri, praesertim vero huius Magni Ducatus, qui nos etiam a promissione nestra priuilegiali liberos, absolutosque dimiserunt et quoad personam duntaxat ipsius ducis Constantini eiusmodi condicionem relaxarunt. eo etiam attento, quod prius dignitati castellanatus Vilnensis fuit ordinatus, idcirco nos praesentibus literis nostris promittimus verbo nostro regio et spondemus, quia eiusmodi collatio nostra modo de palatinatu Trocensi et prius de castellanatu Vilnensi Ruteno de singulari gratia et ob singularia eius de nobis ac republica merita amplius prinilegio terrestri communi praeiudicari minime debet, sic quia et nos et successores nostri magni duces Lituaniae, deinceps futuris temporibus perpetuis non debebimus neque debebunt eiusmodi dignitates atque officia cuicunque Ruteno dare atque conferre, absque consilio maiorum consiliariorum, sed duntaxat Lituanis catholicae et Romanae fidei eaedem dignitates conferri debent, tenore praesentium mediante in perpetuum. Harum quibus sigillum nostrum est subappensum testimonio litterarum. Actum et datum Grodnae in conuentu generali feria tertia in die Annuntiationis gloriosissimae virginis Mariae, anno Domini millesimo quingentesimo vigesimo secundo, regni nostri anno sedecimo. Praesentibus: reuerendis in Christo patribus dominis Ioanne ex ducibus Lituaniae Vilnensi, Nicolao Mednicensi, Ioanne Kijouiensi episcopis, necnon magnificis et generosis praefatis Alberto Martini Gastoldo, palatino Vilnensi et capitaneo Mozirensi, duce Ostrowski Constantino palatino Trocensi et supremo exercituum atque Luceoriensi capitaneo, Andrea Niemirowic palatino Kijouiensi, Ioanne Nicolai Radziwil magno marsalco magni ducatus Lituaniae et Drohiciensi ac Slonimensi capitaneo, Petro Stanislai de Cziechanowiec palatino Polocensi, Georgio Nicolai Radziwil capitaneo Grodnensi, Georgio Hlinicz marsalco curiae nostrae et capitaneo Brzestensi ac Pincensi et aliis quam plurimis consiliaris et aulicis nostris syncere et fidelibus dilectis. Datum per manus reurendi patris domini Laurentii Miedzilieszki, episcopi Camenecensis et praepositi Vilnensis, qui praesentia ex commissione sacrae Maiestatis regiae scripsit. Sigismundus rex sst.

(VII). Sigismundus Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lituaniae, Russiae, totiusque Prussiae, Samogitiae ac Masouiae etc. dominus et heres, significamus tenore praesentium, quibus expedit, vniuersis, praesentibus et futuris, harum noticiam habituris, quia licet in praesentiarum habentes respectum ad benemerita et fidelia consilia nobis et reipublicae Magni ducatus nostri per Albertum Martini Gasztold, heredem in murata Gieranoiny, palatinum Trocensem exhiberi solita, dederimus sibi palatinatum Vilnensem, per mortem et obitum magnifici olim Nicolai Radziwil eius immediati possessoris vacantem, licetque ipse dominus Gasztoldus ex eiusmodi dignitate sua palatinatus Vilnensis, primum ac immediatum locum debet habere mox penes dominos episcopos Magni Ducatus nostri, vti est ex antiqua consuetudine observatum, tamen non minus ad vota nostra, quam ex speciali benevolentia et obsernantia eiusdem domini Gastoldi erga magnificum ducem Constantinum Ostrowski, cui etiam in praesentiarum palatinatum Trocensem pro benemeritis suis contulimus, ipse Gastoldus palatinus Vilnensis condescendit de eodem primo loco suo eidem domino duci Constantino vita eius duntaxat durante, qui tamen locus per alios futuros palatinos Trocenses, pro tempore existentes, morte eiusdem ducis Constantini interueniente, nullatenus vsurpari debet, sed suum locum quilibet alius palatinus Trocensis antehac consuetum, et similiter eiusdem ducis Constantini legitimi successores, inter duces etiam consuetum locum tenere debebunt. Nunc autem idem dominus palatinus Vilnensis ex mera sua voluntate penes ipsum dominum Coustantinum ducem habiturus est locum inferiorem eo, et est sessurus immediate sub eo; dux vero Constantinus sub dominis episcopis in loco palatini Vilnensis. Post mortem autem ducis Constantini moderni vti palatini Trocensis, palatinus Vilnensis tam modernus, quam alij yniuersi sessuri sunt in primo loco suo, vti paemissimus, immediate post dominos episcopos. Ceteri autem dignitarii et officiales, consiliarii nostri, obtinebunt loca sua iuxta antiquam consuctudinem et observantiam in perpetuum, tenore praesentium mediante. Harum quibus sigillum Magni ducatus nostri Lituaniae est subappensum testimonio litterarum. Actum in conuentione generali Grodnensi feria secunda festi sancti Petri in cathedra, anno Domini millesimo quingentesimo vigesimo secundo, regni vero nostri anno sedecimo. Praesentibus ibidem reuerendissimis in Christo patribus, dominis: Ioanne ex ducibus Vilnensi, Paulo Luceoriensi et Nicolao Samogitiae episcopis, necnon magnificis et generosis praefatis: Alberto Martini Gastold, palatino Vilnensi, Constantino duce Ostrouiensi, palatino Trocensi et supremo exercituum magni ducatus Lituaniae capitaneo, Georgio Radziuil castellano Vilnensi et capitaneo Drohiciensi, Georgio Hlinicz curiae nostrae marsalco et Brzestensi, Cownensi ac Lidensi capitaneo, et Nicmira Hrimalic capitaneo Mielnicensi et Mathia Woicziechowic tenatario in Volkouisko, marsalcis nostris, et aliis quam plurimis testibus ad praemissa, syncere et fidelibus dilectis. Datum per manus reverendi in Christo patris, domini Laurentii episcopi Camenecensis, praepositi et canonici Vilnensis, syncere nobis dilecti, qui praemissa habuit a nobis in commissis. Sigismundus rex sst.

(VIII). In nomine Domini amen. Quoniam ea, quae in humanis geruntur, facile ex hominum labuntur memoria et obliuionis abducuntur calignie, nisi litterarum ministerio ac munimentis posteritatis prodita relictaque fuerint notitiae, ad perpetuam proinde rei memoriam, nos Sigismundus Dei grafia rex Poloniae, magnus dux Lituaniae, Russiae, Prussiae, Samogitiae, Masouiaeque etc. dominus et heres, significamus tenore praesentium, quibus expedit, vniuersis et singulis, praesentibus et futuris, harum noticiam habituris, quia nos intentius reuoluentes singularem et intemeratam erga nos fidei constantiam indefessae virtutis reuerendorum, illustrium, magnificorum, generosorum, strenuorum plaelatorum, ducum, baronum, procerum, militum, nobiliumque seu boiarorum, subditorumque nostrorum terrarum magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiaeque incolarum, qui nobis, postquam solium ipsius magni ducatus Lituariae nostrum paternum, auitum feliciter conscendimus, semper ut domino suo vero, legitimo et natiuo gratos se et beneuolos exhibuerunt, necnon alacri et propenso obsequiorum suorum studio et insignibus virtutum suarum gestis saepius sese animose et viriliter contra insultus et impetus hostium nostrorum pro tutandis dominiis nostris non sine grandibus sumptibus suis, laboribus arduis atque vitae discriminibus opponendo, vnde victoriis et triumphis speciosis nomen nostrum decoratum est, optime de nobis et copiose meruerunt, feruentiorique sinceritatis suae erga nos et filium nostrum, praeclarum principem Sigismundum Augustum affectu ducti et voluntati nostrae beneuole et alacriter obsequendo, ipsum filium nostrum dominum Sigismundum Augustum sibi in dominum et magnum ducem vnanimis et concordibus votis elegerunt, et ad solium magni ducatus Lituaniae stemmate eo vitae nostrae periodo completo functurum cum celebritate et ceremonijs solitis euexerunt et sublimarunt. Horum itaque intuitu et contemplacione benemeritorum et gratitudinum, quae munificentiae nostrae dona merentur non indigne, volentes ut tam propensae beneuolentiae et fidei eorum erga nos et filium nostrum affectus, dignis pro nostrae regiae et ducalis celsitudinis virtute et celebritate compensentur gratiae et munificientiae nostrae praemiis et muneribus, supplicationi eorum benigne et gratiose annuentes, de certa scientia et gratia nostra omnia et singula eorum iura tam publica, quam privata videlicet privilegia et quaslibet literas, donationes, libertates, exemptiones et immunitates seu quascunque gratias et concessiones in se continentes, tam publice ac generaliter vniuerso Magno Ducatui ipsi, quam etiam prinatim et specialiter quibuscunque locis ac personis, videlicet ecclesiis cathedralibus, conventualibus et parochialibus, praelatis, ducibus, baronibus,

nobilibus, boiarisque, terrarum ipsius magni ducatus Lituaniae incolis, sub quibuscunque verborum tenoribus, quae eis dudum a nobis circa nostram ad insins magni ducatus Lituaniae solium sublimationem, et quae ante temporibus antiquis a serenissimis ac illustrissimis dominis Wladislao, Alexandro alias Vitsudo, Sigismundo, Casimiro et Alexandro secundo, regibus et magnis ducibus praedecessoribus ac progenitoribus, genitore et fratre nostris carissimis, datae sunt et concessae, in omnibus eorum tenoribus, sententiis, modis, condicionibus et articulis, eas hic pro insertis, expressis et specifice descriptis et perinde acsi de verbo ad verbum praesentibus insertae essent, habentes et haberi volentes ac decernentes, innouandum, approbandum, ratificandum et confirmandum duximus, per praesentesque innouamus, approbamus, ratificamus et confirmamus, necnon sub onere iuramenti corporaliter per nos ad sancta Dei euangelia praestiti, verbo nostro regio et ducali promittimus et spondemus, quod ea ipsa iura, priuilegia ac literas rostras et praedecessorum nostrorum taliter per nos nunc innouatas, ratificatas ac confirmatas, in omnibus earum articulis et punctis firmiter, integre et inuiolabiter tenebimus et observabimus, quodque et filius noster Sigismundus Angustus magnus dux praedictus, ea ipsa iura, priuilegia ac literas tam nostras, quam praedecessorum nostrorum etiam firmiter, integre et illibate atque inviolabiliter temporibus perpetuis tenebit et observabit, nec quouismodo eis contraueniet, necnon iuramento etiam suo corporali et literis suis specialibus postquam ad aetatem suam legitimam peruenerit, ea omnia approbabit et confirmabit, quod eum facturum omnino promittimus, et sub onere iuramenti nostri et conscientia eius obligatum eum esse volumus. E diverso vero insi praelati, duces, barones, nobiles, boiarique, quibus huiusmodi libertates, immunitates et priuilegia concessa sunt, nuncque innouata et confirmata, nunquam nos Sigismundum regem et magnum ducem, quoad vixerimus, et filium nostrum supradictum et successores eius, magnos duces deserent, sed sub fide et honore atque onere praestiti iuramenti firmiter et fideliter nobis et filio nostro praedicto, successoribusque eius obedient et abherebunt consiliis et obsequiis perpetuis temporibus et in aeuum. Harum quibus sigillum nostrum est subappensum tessimonio litterarum. Datum Vilnae feria secunda ipso die sancti Lucae euangelistae, anno Domini millesimo quingentesimo vigesimo nono. Praesentibus reuerendis in Christo patribus, magnificisque dominis: Ioanne Vilnensi, Paulo Luccoriensi, Nicolao Mednicensi et Nicolao Kiiouensi episcopis, duce Constantino de Ostrow, palatino Trocensi, capitaneoque generali exercituum nostrorum, Alberto Gastold de murata Gieranoiny, palatino Vilnensi, cancellarioque nostro, Georgio Radziwil castellano Vilnensi, marsalco curiae nostrae, Ioanne Zabrzezinski marsalco terrestri et Nouogrodensi, Perto de Czechanowiecz Polocensi, Ioanne Chlebowicz Vitebscensi palatinis, aliisque quam plurimis consiliariis nostris, sincere nobis dilectis. Sigismundus rex sst.

(IX). In nomine Domini amen. Ad perpetuam rei memoriam. Cum rebus tempora vetustatem afferant, quae numero annorum admirabiliores et sanctiores habentur, eas ne vlla vnquam obscurare possit obliuio, et praesertim,

quae a regibus et principibus ad communem subditorum vtilitatem fiunt, par est, ut literarum munimentis sempiternae memoriae mandentur, quarum adminiculo ab interitu vindicantur et immortales fiant. Proinde nos Sigismundus Dei gratia rex Poloniae et magnus dux Lituaniae, Russiae, Prussiae, Samogitiaeque dominus et heres etc. Notum facimus vainersis praesentibus et futuris, in quorum cognitione praesentium literarum series non erit aliena, ex quo hactenas in ducatu nostro Lituaniae nullis legum statutis, literis deformatis iudicia fiebant, alias iustitia sola consuetudine et iuxta vniuscuiusque capitis prudentiam atque conscientiam ministrabatur, prout vnicuique iudicanti iustius ac rectius vel etiam corruptius videbatur, propter quod multae oriebantur quaerelae ab his, a quibus non rectum accipiebatur indicium, et nos huiusmodi querelis et prouocationibus saepius ac saepius propter varietatem iudiciorum ex fauore, odio, largitione vel amore prodeuntium impulsabamur, idcirco nos ad aistantes totius nobilitatis supplicationes tum etiam miserati et tam crebris eorum querelis permoti, cupientes ut sub felici regimine nostro omnes et singuli nobiles ad vnum ius et vnanimem judiciorum formulam redigantar, quo meliori ordine justitia aequalis vnicuique ministretur, pax formidine scriptae legis augeatur, reproborum, nequitia compescatur et in maiori tranquillitate ac concordia iustitiaque status totius reipublicae magni ducatus nostri conseruetur, de vnanimi consilio et consensu vniuersorum consiliariorum nostrorum tam spiritalium, quam saecularium, nobiscum in praesenti conuentione congregatorum, pariterque baronum, procerum, et totius nobilitatis assensu, attenta etiam erga nos et illustrissimum filium nostrum Sigismundum Augustum minorennem constanti fidelitate, quem vnanimi voto in heredem et magnum ducem, feliciter post nos dominaturum, vti aequum erat, receperunt, eique fidelitatis et subiectionis iuramenta praestiterunt, quod bonum, felix, faustumque sit, eidem filio et Magno Ducatui nostris immo de singulari pietate innataque benignitate et virtute regia nostra decreuimus, omnibus et singulis incolis et indigenis, quacunque nobilitate et praeeminentia fulgentibus, vnum ius scriptum atque vuam legem snb constitutionibus et statutis certis in scripta redactis, communi deliberatione atque consilio vltro citroque communicato, pro celeriore ac aequiore administratione iustitiae vnicuique sancitis, laudatis et omni voto appropatis, dicere, dare et largire in perpetuum. Quoquidem iure omnes et singuli palatinatus, terrae et districtus, quique terrigenae et indigenae possessiones et hereditates siue ecclesiasticas siue saeculares in magno ducatu nostro habentes, videlicet domini episcopi et eorum capitula, caeterique spirituales, item palatini, castellani, consiliarii nostri, item duces, barones, proceres, patricii et vniuersi nobiles et indigenae magni ducatus nostri Lituaniae, quacunque, vti praemissum est, dignitate, praeeminentia, statu, sexu et ordine praefulgentes, eiusmodi statutis et constitutionibus in scripta redactis, more huius patriae iudicari omnino debent, aeque pauperi et diuiti, aperto libro et perlecto statuto, ad caussam, pro qua orietur lis et controuersia spectante, iustitiam ministrando, omnibus amputatis ambagibus et sumptuosis dilationibus, tenore praesentium mediante in perpetuum. Vt autem vnusquisque intelligat, nos ea in re functos esse boni principis officio et debito, quo celerius praemissa instituta a nobis gratiese subditis nostris concessa, executioni demandentur, utque ad noticiam singulorum baec insa statuta nostra deueniant, iussimus ea in numerosis voluminibus excudi literis. In cuius rei testimonium sigillam Maiestatis nostrae magni ducatus Lituaniae praesentibus est subappersum. Actum Vilnae in conuentione generali, sabbato in die s. Nicolai, anno Domini millesimo quingentesimo vigesimo secundo, regni vero nostri anno sedecimo. Praesentibus ibidem reuerendissimis in Christo patribus, dominis: Ioanne Vilnensi, Paulo Luceoriensi, Nicolao Mednicensi et Ioanne Kijoviensi episcopis, necnon magnificis et generosis Alberto Martini Gasztold Vilnensi palatino et magni ducatus nostri cancellario, Constantino duce Ostrouiensi, palatino Trocensi et supremo exercituum Lituaniae capitaneo, Stanislao Ioannis castellano Vilnensi et capitaneo Samogitiae, Georgio Radziwil castellano Trocensi et capitaneo Grodnensi, Petro Stanislai de Czechanowiec, palatino Polocensi et capitaneo Drohiciensi, Ioanne Zabrzezinski palatino Nouogrodensi et supremo terrestri marsalco, Georgio Hlnicz curiae marsalco et Brestensi, Cownensi, Lidensique capitaneo, Ianussio Koscziewiec, palatino Podliaszensi et Ioanne Radzivil pincerna nostro, et aliis quam plurimis ad praemissa testibus fidedignis, sincere nobis dilectis. Sigismundus rex sst.

(X). In nomine Domini amen. Quoniam ea, quae in humanis geruntur, facile ex hominum labuntur memoria et obliuionis obducuntur caligine, nisi literarum ministerio ac munimentis posteritatis prodita relictaque fuerint noticiae. Ad perpetuam proinde rei memoriam nos Sigismundus Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lituaniae, Russiae, Samogitiae, Masouiacque etc. dominus et heres, significamus tenore praesencium, quibus expedit, vniuersis et singulis, praesentibus et futuris, harum noticiam habituris, quod nos intentius revoluentes et recta rationis statera pensitantes singularem et intemeratam contra nos fidei integritatem, necnon constantiam indefessae virtutis reuerendorum, illustrium, magnificorum, generosorum, strenuorumque praelatorum, ducum, baronum, procerum, militum, nobiliumque seu boiarorum, subditorum nostrorum, terrarum magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiaeque incolarum, qui nobis, postquam solium ipsius magni ducatus Lituaniae nostrum paternum et auitum feliciter conscendimus, semper ut domino suo vero, legitimo et natitiuo gratos se et beneuolos exhibuerunt, necnon alacri et propenso obsequiorum suorum studio et insignibus virtutum suarum gestis saepius sese animose et viriliter contra insultus et impetus hostium nostrorum pro tutandis dominiis nostris non sine grandibus sumptibus suis, laboribusque arduis atque vitae discriminibus opponendo, vnde victoriis atque triumphis speciosis nomen nostrum decoratum est, optime de nobis et copiose meruerunt, feruentiorique sinceritatis sune erga nos et filium nostrum praeclarum principem dominum Sigismundum Augustum affectu ducti, et voluntati nostrae beneuole et alacriter obsecundantes, ipsum filium nostrum dominum Sigismundum Augustum sibi in dominum et magnum ducem vnanimibus et concordibus votis elegerunt, et ad

solium magni decatus Lituaniae stemmate eo vitae nostrae periodo completo functurum, cum celebritate et ceremoniis solitis euexerunt et sublimanerunt: horum itaque intuitu et contemplatione benemeritorum et gratitudinum, quae munificentiae nostrae dona merentur non indigne, volentes, vt tam propensae beneuolentiae et fidei corum erga nos et filium nostrum affectus dignis pro nostrae regiae et ducalis celsitudinis virtute et liberalitate compensentur gratiae et munificentiae nostrae praemiis et muneribus, supplicationi eorum benigne et gratiose annuentes, de certa scientia et gratia nostra omnia et singula eorum iura et priuilegia, quae eis dudum a nobis circa nostram ad solium ipsius magni ducatus nostri sublimationem et aliis postea momentis et temporibus et quae ante ab aliis magnis ducibus, praedecessoribus nostris, antiquis temporibus sunt concessa, innouanda atque iterum approbanda et confirmanda, necnon denuo quaedam libertatibus, praecogotiuis, exemptionibusque et immunitatibus eorum de vberiori benignitate et liberalitate nostra adiicienda duximus, horum, qui sequuntur, articulorum sub tenore:

- (§ 1). Inprimis promittimus, quod dominium nostrum magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiaeque, tam in corpore et amplitudine, limitibusque, quam etiam in statu, stemmateque et dignitate eius non diminuemus. neque diminui ac deprimi permittemus, sed prout antecessores nostri et signanter diuae olim memoriae dominus magnus dux Alexander alias Vitoudus tenuit et possedit, sic et nos eundem magnum ducatum in eius statu, dignitate et amplitudine ac limitibus pristinis sanum et incolumem possidebimus, conseruabimus et tuebimur, atque cum Dei auxilio pro cunctis viribus nostris dilatare et omnia in Magno Ducatu ipso quocunque modo alienata, e conuerso ad proprietatem magni ducatus ipsius, cum consilio et auxilio consiliariorum nostrorum et omnium baronum ac militum dominii eiusdem reducere et redigere studebimus, similiterque indigenas magni ducatus ipsius, praelatos, duces, barones, et nobiles in ipsorum statibus, dignitatibus et honoribus non minuemus, sed eos secundum exigentiam idoneitatis virtutum ac meritorum eorum promouebimus et sublimabimus, id ipsumque faciet filius noster praedictus, et tunc praecipue, dum ad solium regni Poloniae fuerit sublimatus, non omittendum id curabit.
- (§ 2). Item omnes dationes, priuilegia, donationes et immunitates ecclesiarum cathedralium, collegiatarum, conuentualium et parochialium in terris nostris magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiae erectarum et erigendarum, fundatarum et fundandarum, volumus illaesas et inuiolatas conseruare, tueri ac protegere, iuxta nostram omnimodam potestatem. Quas quidem ecclesias cathedrales, collegiatas, parochiales et alias supradictas tempore medio, dum eas per mortem vel resignationem contigerit vacare et pastore carere, quarum ius patronatus ad nos pleno iure pertinere dinoscitur, tunc ipsis ecclesiis de alio vel aliis pastore vel pastoribus prouidendum nec alium nec alios praesentare debemus, nisi magni ducatus nostri Lituaniae indigenam, si in idoneitate et morum probitate fuerit compertus; sin autem, tunc alterius nationis personam vtilem et honestam ac congruam,

quae possit et prodesse et praeesse, et hoc cum consensu et consilio consiliariorum nostrorum spiritalium et saecularium, totics, quoties opus fuerit

et oportunum, praesentare debebimus.

(§ 3). Item dignitates saeculares et officia, quemadmodum antiquitus a diuis olim praedecessoribus nostris, hic in magno ducatu Lituaniae ad instar regni Poloniae sunt instituta, in Vilna videlicet palatinatus et castellanatus Vilnensis, in Troki similiter, vel quae demum in aliis locis per nos vel successores nostros inssituentur, integre et in suo ordine conseruabimus et filius noster successoresque eius conseruabunt temporibus perpetuis. Quae quidem dignitates palatinatus, castellanatus nec non officia perpetua terrestria et curiae nostrae non conferantur a nobis et successoribus nostris, mis catholicae fidei cultoribus et Romanae ecclesiae subiectis, nec etiam dignitates officiaque praedicta vel tenutae aut bona hereditaria hic in Magno ducatu conferantur aduenis et alienigenis seu extraneis, sed magni ducatus ipsius indigenis veris, et ad consilia nostra, dum pro bono reipublicae tractantur, non admittantur, nisi ipsi catholici et indigenae magni ducatus huius, quia saepe disparitas cultus et diuersitas nationum diuersitatem inducit animorum, et consilia patent talibus credita, quae traduntur secrete obseruanda.

(§ 4). Item non debent officia et tenutae per nos sine consilio consiliariorum nostrorum a quoquam auferri; si quis autem officialium tanquam dissipator et damnificator bonorum nostrorum apud nos delatus fuerit, tunc vtraque pars debet coram nobis personaliter constitui, auditaque caussa, reus secundum demerita puniendus erit; sed absque culpa non debemus auferre nec diminuere officia, praesertim ea, quibus dignitates sunt adiunctae, sed possidebunt integre ad mortem eorum, quibus semel concessa fuerint, nisi forte quis officialium ipsorum in rempublicam deliquisse vel crimen laesae Maiestatis commisisse iuridice conuictus fuerit, tunc vna cum vita eius

officium seu dignitas eius adimenda erit.

- (§ 5). Item palatini, capitanei et tenutarii, villici, officiales et vniuersi vicesgerentes in Magno Ducatu nostro in primeua honestate et prouisionibus ac prouentibus officiorum suorum, et a praedecessoribus nostris, magnis ducibus Vitoudo, Sigismundo, genitore, germano nostris conseruabuntur ita et in ante ea perpetue manu teneantur et conseruentur, auctoritateque officiorum suorum et jurisdictione solita fruantur, census et prouentus consuetos integre percipient et exigent, velut ab antiquo prouentus ipsi percipiebantur, necnon ministeriales dirigent, et pro eorum fatigis, dictis vulgariter proiezdi, iuxta consuetudinem et statuta prouinciae ipsius solui facient.
- (§ 6). Item mortem obeunte tenutario aut villico quocunque in Vilnensi aut Trocensi districtibus, palatini disterictuum ipsorum Vilnensis et Trocensis tenutas a nobis secundum exigentiam meritorum vel obsequiorum, et qui etiam nobis videbuntur idonei, illis petant seu impetrent, et eodem modo fiat et in aliis districtibus.
- (§ 7). Item dignitates, tenutas et officia, quae in castris, ciuitatibus remotioribus et finitimis vacauerint et aperientur, habita deliberatione cum

consiliariis nostris conferemus secundum promerita, vel qui nobis videbitur ad id idoneus et magis valens; a prouisionibus autem ac donationibus seu collacionibus dignitatum spiritalium et saecubarium necuon tenutarum et officiorum quorumcunque nihil debemus postulare, neque etiam palatini et capitanei ab officialibus et tenutariis quidquam recipere aut exigere debent, nisi forte quis eorum nobis vel dignitariis ipsis pro honestate sua sponte aliquid offerendum duxerit.

- (§ 8). Item quaecunque consilia et caussas cum consiliariis nostris magni ducatus Lituaniae determinabimus et statuemus et concludemus, ea cum nemine alio corrigere, immutare ant deordinare debemus; et quando aliqua negocia et consilia in consultatione cum consiliariis nostris tractanda euenerint et ipsis dominis non placuerint, nos pro isto contra eos commoueri non debemus, sed quaecunque nobis consulent pro nostra et eorum vtilitate, istud nos suscipiemus et faciemus.
- (§ 9). Item super statutis et consuetudinibus approbatis et laudatis, antiquis seruandis et nouis condendis, promulgandisque et aliis, quae erunt ordinanda pro communi vtilitate reipublicae ac nostra, nonnisi cum matura deliberatione ac cum sciru, consilio consensuque dominorum consiliariorum nostrorum magni ducatus Lituaniae, tractabimus et disponemus hic in magno ducatu Lituaniae, in conuentione generali, conuentionesque ipsae generales pro necessitate reipublicae a praelatis, baronibus et omnibus consiliariis magni ducatus nostri Lituaniae tempore pacis celebrabuntur in loco capitaliori, videlicet Vilnae. Vbi vero necessitas reipublicae pro temporum condicione alium conuentioni ipsi elegerint locum, tunc conuenietur illic, quo ipsis consiliariis commodius et competentius visum fuerit.
- (§ 10): Item census teloneorum, tabernarum et alij ex poenis seu vndecunque nobis prouenientes, recipiantur et reponantur in thesaurum nostrum; quiquidem census secundum consilia consiliariorum nostrorum pro communi vtilitate terrestri debent conuerti; absque necessitate vero reipublicae et sine vtilitate (s) ipsorum consiliariorum census ipsi per nos thesauro tolli et recipi et ex prouincia educi non debent.
- (§ 11). Item inscriptiones pacis perpetuae, confoederationes, ligas et iuramenta, quae ab antiquo cum terris seu prouinciis ac principibus vicinis habemus, ea nolumus infringere, sed in melius cum Dei auxilio ducere atque redigere.
- (§ 12). Item dum nuntios seu oratores mittemus in negotiis publici boni eiusdem magni ducatus nostri necessitate id exigente versus partes exteras, videlicet Moscoviam et ad ordas Zanolska, Perekopska, Valachiam, regnum Poloniae, ducatum Masouiae, Prussiam, Liuoniam, Pskow, magnum Nouogrod, Twier et Rezan, necnon versus alias quascunque prouincias quo necessitas et vtilitas dominiorum magni ducatus nostri Lituaniae postulabit, faciemus id cum scitu et consilio ac consensu consiliariorum nostrorum et secundum consuetudinem antiquam.
- (§ 13). Insuper promittimus, quod praedictos praelatos, duces, nobiles et barones non debemus ad alicuius hominis delationem seu accusationem,

publicam vel occultam, seu quamuis suspicionem sinistram castigare seu punire quacunque poena, scilicet bonorum ablatione, pecuniaria, carceris aut sanguinis, nisi prius in iudicio manifesto, iuris ordine catholico seruato, actore et reo personaliter constitutis, realiter fuerint conuicti. Qui post iudicium et conuictionem huiusmodi juxta consuetudinem et iura regni Poloniae debent castigari et sententiari secundum suorum excessuum quantitatem et qualitatem.

(§ 14). Item pro crimine alterius nullus alter, nisi is, qui peccauit et deliquit, semper tamen iuris catholici ordine seruato, conuictus indicialiter et sententiatus puniatur, ita videlicet, quod nec vxor pro crimine sui mariti, nec pater pro crimine filii et e conuerso, non maritus pro vxore, nec filius pro patre, aut frater pro fratre, nec aliquis cognatus aut seruus, nisi dum quis particeps fuerit criminis cum delinquente, criminibus laesae maiestatis duntaxat exceptis.

(§ 15). Îtem si quis obloquendo accusauerit quempiam ad infamiam aut capitis diminationem, nec probauerit, talis panietur poena talionis, acsi

se inscripserit ad eandem.

(§ 16). Item concedimus, ut praefati duces, barones, nobiles, boiarique supradicti liberam babeant facultatem exeundi de terris nostris magni ducatus Lituaniae, caussa vberioris fortunae adquirendae vel caussa studii aut actuum militarium exercendorum ad quaslibet terras exteras, partibus duntaxat hostium nostrorum exceptis; ita tamen, quod de bonis ipsorum sic exeuntium, seruitia nostra non negligantur, sed debite et integre nobis et successoribus nostris, tanquam ipsi praesentes fuerint, toties, quoties necesse fuerit, exhibeantur et ministrentur.

(§ 17). Item promittimus, quod plebeios super nobiles non extollemus, sed conseruabimus nobilitatem in sua honestate. His autem libertatibus, gratiis et exemptionibus tantummodo illi barones et nobiles terrae Lituaniae vti et gaudere debent, qui sunt ex parentibus suis vere et ex antiquo nobiles.

(§ 18). Statuimus etiam et spondemus, quod nobiles magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiae, nobis subiectos, ipsos seu bona eorum nemini ducum aut baronum dabimus nec successoribus nostris dare licebit.

(§ 19). Item concedimus, quod praefati duces, barones, nobiles, bona eorum patrimonialia seu ipsis data siue donata per praeclaros diuae memoriae principes, dominos Alexandrum alias Vitoudum ac donationes per illustrissimum olim dominum Sigismundum donatas et factas, quas tenentes, habentes et possidentes de earum donatione priuilegiis vel priuilegio legitimo et sufficienti aut congruo testimonio testium vel munimine litterarum potuerint probare et docere, pari iure obtineant, prout duces, barones et nobiles regni Poloniae sua noscuntur obtinere et liberam habebunt ipsa vendendi, commutandi, alienandi, donandi et in vsus suos conuertendi facultatem, nostro tamen consensu speciali ad id accedente: ita, quod ipsa alienando, commutando vel donando, coram nobis vel nostris officialibus iuxta antiquam consuetudinem magni ducatus Lituaniae resignabunt.

- (§ 20). Quicunque vero subditorum nostrorum in praedictis terris magni ducatus Lituaniae super suis bonis immobilibus, hereditariis literas aut munimenta non habuerit, sufficienti tamen fidedignorum testimonio probauerit, bona huiusmodi tempore magnorum ducum Lituaniae Vitoudi vel Sigismundi, aut diui olim Casimiri parentis nostri se vel suos legitimos parentes aut praedecessores pacifice possedisse, remanebunt circa eadem perinde acsi certas literas ac munimenta haberent super eisdem.
- (§ 21). Item post mortem patrum liberi masculi et faeminae bonis paternis et maternis hereditariis priuari non debent, sed ea ipsi et eorum successores legitimi pleno iure possidebunt; vxores vero ducum, procerum, nobilium ex hoc saeculo decendentium, permanebunt in bonis maritorum suorum iuxta statuta seu iura nouiter per nos Magno Ducatui huic nostro concessa. Similiter et ad secundas nuptias viduae conuolare volentes, gaudebunt statutis ipsis noulter editis.
 - (§ 22). Item natas, cognatas et consanguineas suas, virgines aut viduas, ipsi duces, barones et nobiles possunt libere, nobis et successoribus nostris super hoc minime requisitis, tradere maritis, ritum tamen catholicum in talibus obseruando. Promittimusque, quod nullam virginem vel viduam coartabimus ad nubendum alicui inuitam contra voluntatem eius et amicorum eius. Si aliqua virgo vel vidua voluerit nubere ad aliquas partes extra magnum ducatum Lituaniae, tunc expeditione ac dote secundum statuta Magni Ducatus ipsius accepta, bona hereditaria propinquis suis hic relinquat, ad eaque se de cetero non intromittat.
 - (§ 23). Item viduae, quae remanserint in bonis hereditariis post mortem maritorum suorum, ad seruitia terrestria bellicasque expeditiones iuxta facultatem possessionum et laudum patriae erunt obligatae.
 - (§ 24). Item a consanguineis et propinquis bona hereditaria alicuius inuadiata seu impignerata non redimemus neque quisquam ea redimere debet in praeiudicium ipsorum consanguineorum vel propinquorum, sed solum modo iste, qui propinquior exstiterit, repositis pecuniis bona hereditaria obtinebit et possidebit.
 - (§ 25). Item omnes et singuli cmetones praefatorum ducum, baronum et boiarorum magni ducatus Lituaniae ab omni datione et solutione collectae siue exactione sirepczizna dictae, atque mensurarum, quae dziakla nuncupantur, et ab omni onere vectigalium, quae podwodi dicuntur, a ductioneque lapidum, roborum siue lignorum pro exustione laterum siue cementi pro castris et a faeni falcastratione et aliis minus iustis laboribus soluti sunt, liberi omnino et exempti, laboribus tamen ex antiquo debitis pro aedificatione castrorum denuo in locis solitis et antiquis oportunorum et pro antiquorum reformatione, exceptis ducum, baronum, nobilium et boiarorum cmetonibus et subditis, per nos eis datis et donatis, similiter demptis; antiquas vero et dudum consuetas pro nobis et successoribus nostris procurationes, collectas, stationes, pontium nouorum in locis antiquis erectiones, veterum refectiones et viarum reformationes, illaesas reseruamus et volumus semper esse saluas. Licet autem cmetones ipsorum baronum et nobilium

- a dandis poducodis nobis vel successoribus nostris sunt liberi et exempti, nihilominus tamen pro oratoribus, nuntiisque et cursoribus, tam nostris, quam etiam ad nos vudecunque venientibus, debent peducode ipse per eos, qui eas ex antiquo dare tenentur, et exnunc in futurum in numero solito dari et haberi semper parati, in custodiis, in locis solitis et consuetis.
- (§ 26). Item quod nos officialesque nostri praefatorum ducum, baronum, nobilium terrarum nostrarum Licuaniae, Russiae, Samogitiae, homines tributarios, originarios, cmetones, mancipio obnoxios, cuiuscunque sexus fuerint aut conditionis exstiterint, non suscipiemus nec officiales nostri suscipere permittemus, et ipsi praefati duces, nobiles, boiari magni ducatus Lituaniae nostros et successorum nostrorum similiter homines, cuiuscunque condicionis et status exstiterint, non suscipiant per se nec per officiales suos suscipere quoquomodo praesumant.
- (§ 27). Item super subditos praelatorum, ducum, baronum, nobilium et boiarorum ministeriales seu dzieczkie non dabimus, nec officiales nostri dare debent, nisi prius a domino, cuius subditus fecerit iniuriam, iustitia fuerit postulata; quam si in certo termino eandem facere rennerit, extunc ministerialis noster vel nostrorum officialium est dirigendus, et reus, qui poenam meruit, illam domino suo et non alteri sit astrictus soluere, et ministeriali pro fatiga iuxta statuta provinciae sati facere tenebitur.
- (§ 28). Item caussas pertinentes ad indicium saeculare non permittemus indicari in indicio spiritali et e connerso in a spiritalia sen caussas pertinentes ad in spiritale, ad indicium saeculare introducere sen enocare non permittemus, omniaque tenebimus more antiquo, sicut erat vinente olim dino parente nostro.
- (§ 29). Item quicunque in vita genitorum vel fratrum nostrorum super iuribus suis iustitiae ministrationem postulabant, illis volumus et debemus cum consiliariis nostris aequitatem facere omnimodam et celerem. A iure etiam nihil debemus accipere ab eis, similiter et consiliarii nostri, nec stare ad vnam partem ex fauore, sed simpliciter iustitiam cuilibet noscere, facere et ministrare debent. Et si quando aliquorum caussae graues super bonis hereditariis vel fama seu honoris derogatione coram nostram serenitatem venerint, ômnibus iustitiam facere debemus; et dum contingat nos protunc negotiis arduis occupari, caussis talibus per annum concedimus et statuimus quattuor terminos. Et si in primo, secundo, tertioque termino in huiusmodi caussis finis non fuerit factus, yltimo adueniente finalem iustitiam sine dilationibus cum consiliariis nostris faciemus.
- (§ 30). In omnibus vero caussis et disceptationibus tam pro bonis hereditariis et fama et aliis grauioribus, in quibus, sicut superius expressum est, si praeuenti negotiis publicis in primo termino finem non fecerimus, positi sunt et assignati quattuor termini per annum; et si in quarto et finali termino non comparuerit, caussam amittat, sententiaque feratur pro illo, qui se in termino sistet; excepto, quod aliqua partium seruitio nostro vel terrestri occupata vel retenta aut aegritudine impedita comparere non posset, in isto casu, ut nemini iniuria aut praeiudicium fiat, ad tempus opportunum tales caussas differendas esse volumus.

- (§ 31). Item ordinauimus, quod ad districtus et tributarios nostros debemus mittere binos et binos consiliarios nostros singulis annis pro exigendis tributis et reliquiis, vulgariter niedoimkow seu niedobirkow, quibus quidem exactoribus obuentiones eos concernentes percipere licebit, ita etiam et seruitores eorum, sicut fuit ex antiquo temporibus diuorum olim prae decessorum nostrorum.
- (§ 32). Et insuper omnia et singula ipsias magni ducatus Lituaniae iura tam publica, quam priuata, videlicet priuilegia et quaslibet litteras, donationes, libertates, exemptiones et immunitates seu quascunque gratias et concessiones in se continentes, tam publice ac generaliter vniuerso Magno ducatui ipsi, quam etiam pridatim ac specialiter quibusquique locis ac personis, videlicet ecclesiis cathedralibus, conuentualibus et parochialibus, praelatis, ducibus, baronibus, nobilibus, boiaris, terraramque ipsius magni ducatus Lituaniae incolis, sub quibusquaque verborum tenoribus per serennissimos et illustrissimos olim dominos Władisłaum, Alexandrum alias Vitoudum, Sigismundum, Casimirum et Alexandrum secundum, reges et magnos duces, praedecessores et progenitores, genitorem ac fratrem nostros carissimos, ac per nos ipsos datas et concessas, in omnibus earum tenoribus, sentenciis, modis, condicionibus et articulis, eas hic pro insertis, expresseque et specifice descriptis, et perinde acsi de verbo ad verbum insertae essent, praesentibus habentes et haberi volentes ac decernentes, innouamus, approbamus, ratificamus et confirmamus, necnon sub onere incamenti corporaliter per nos ad sancta Dei euangelia praestiti, verbo nostro regio et ducali promittimus ac spondemus, quod ea ipsa iura, priuilegia ac literas tam nostras, quam praedecessorum nostrorum taliter per nos nunc innouatas, ratificatas ac confirmatas, in omnibus eorum articulis et punctis firmiter, integre et inuiolabiliter tenebimus et observabimus, quinque et filius noster dominus Sigismundus Augustus Magnus dux praedictus, ea ipsa iura, priuilegia ac litteras nostras et praedecessorum nostrorum etiam firmiter, integre et illibate atque inuiolabiter temporibus perpetuis tenebit et observabit, nec quouismodo eis contraueniet, necnon iuramento suo etiam corporali et literis suis specialibus, postquam ad aetatem suam vltimam (s) peruenerit, ea omnia approbabit et confirmabit, quod eum facturum omnino promittimus, et sub onere iuramenti nostri et conscientia eius obligatum eum esse volumus. E diuerso vero ipsi praelati, duces, barones, nobiles boiarique, quibus huiusmodi libertates, imnunitatesque et privilegia concessa sunt, nuncque innovata et confirmata, nunquam nos Sigismundum regem et magnum ducem, quoad vixerimus, et filium nostrum supradictum et successores eius, magnos duces deserent, sed sub fide et honore atque onere praestiti iuramenti firmiter et fideliter nobis et filio nostro praedicto successoribusque eius obedient et adherebunt, consiliisque et obsequiis perpetuis temporibus et in acuum. Harum quibus sigillum nostrum est appensum testimonio literarum. Actum et datum Vilnae in conuentione generali feria secunda ipso die sancti Lucae euangelistae, anno Domini millesimo quingentesimo vigesimo nono. Praesentibus reuerendis in Christo patribus et magnificis dominis: Ioanne Vil-

nensi, Paulo Luceoriensi, Nicolao Mednicensi et Nicolao Kiiouensi eviscopis. Alberto Gastold de murata Gieranoiny, palatino Vilnensi et cancellario nostro, Georgio Radziwil castellano Vilnensi, capitaneo Grodnensi, Constantino Iwanowic duce de Ostrow, palatino Trocensi et capitaneo generali exercituum nostrorum, Stanislao Stanislai de Croze, castellano Trocensi capitaneo Samogitiae, Ioanne Ioannis de Zabrzezie marsalco terrestri, palatino Nowogrodensi, Andrea Iacobi Niemierz de Wssieliub, Kiiouensi, Petro Stanislai de Czechanowiec Polocensi, Ioanne Georgii Chlebowic de Sielcze Vitenscensi, Iwano Sapiha Podliaszensi palatinis, Alexandro Iwani Chotkiewic de Borestewicza, Bohusio Bohowitinowicz thesaurario terrestri et Slonimensi, Georgio Georgii Zienowic de Smorgony Mscislauiensi, Iwano Michalowic Pinensi capitaneis, Ioanne Nicolai Radziwil de Musniki pincerna, Gregorio Gregorii incisore seu praegustatore, Vasilo Bohdanowic magistro agasonum. Iwano Andrzeiowic de Poczepow, thesaurario curiae. Niemiera Grzymala de Ostromeczino, Alexandro Soltanowic de Poczepow, Mathia Alberti Kloczko de Pietuchowo, Ioanne Steczko de Holubliga, marsalcis aliisque dignitariis et officialibus, consiliariis nostris, sincere et fidelibus nobis dilectis. Per manus praefati magnifici Alberti Gastold palatini et cancellarii nostri.

(XI). In nomine Domini amen. Quoniam ea, quae in humanis aguntur, facile ex hominum excedunt memoria et obliuionis obducuntur caligine, nisi literarum ministerio et munimentis posteritatis podita fuerint memoriae. Ad perpetuam proinde rei memoriam, nos Sigismundus Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lituaniae, Russiae, Prussiae, Samogitiae, Masouiaeque etc. dominus et heres, significamus tenore praesentium, quibus expedit, vniuersis et singulis, praesentibus et futuris, harum noticiam habituris, quod constituti coram nobis personaliter praelati, barones, proceresque magni ducatus nostri Lituaniae, exhibuerunt in medium privilegium nostrum terrestre originale, a diuis olim principibus dominis Władisłao alias Iagiellone rege et Alexandro alias Vitoudo, magno duce, auis et praedecessoribus nostris pie recolendis, simul et sub vno eodemque contextu ab vtroque eorum ipsis praelatis, baronibus, proceribus et nobilibus magni ducatus nostri Lituaniae de et super libertatibus, praerogatiuis et immunitatibus eorum concessum, sigillis principum ipsorum veris maioribus, in zonis sericeis appensis, communitum, saluum et in nulla sui parte suspectum, nisi vetustate atque tractatione frequenti et minus curiose attritum, ita, quod cutis ipsa pargamenea propter sui tenuitatem et vetustatem sigillorum a se dependentium, grauitatem diutius a se detineri videbatur non posse, et eapropter ipsi praelati, barones et proceres cauentes, ne quid detrimenti obscuritatis et ambiguitatis iuribus, libertatibus, immunitatibus eorum, in eo ipso priuilegio descriptis, afferat vetustas, supplicarunt nobis, ut eis de remedio in hoc opportuno prouidere, priuilegiumque ipsum vetustum innouare, approbare iterum et confirmare atque nostris nouis inserere literis dignaremur. Cuius quidem priuilegii vetusti tenor est is, qui sequitur.

In nomine Domini amen. Ad perpetuam rei memoriam etc. Загѣмъ слъдуетъ Городельскій привилей въ сокращенномъ видѣ.

Nos itaque Sigismundus rex et magnus dux privilegio praeinserto viso, lecto et auscultato, petitioni praelatorum, baronum et procerum, subditorum nostrorum praedictorum, veluti iuste et rationabili, benigne annuentes, privilegium huiusmodi pracinsertum, propter vetustatem eius innovandum et iterum approbandum et confirmandum duximus, innouamusque, approbamus et confirmataus, decernimusque, ut priuilegii ipsius vetusti exemplum praesentibus vt praemittitur insertum, perinde acsi ipsummet originale in medium exhibeatur, valeat et ei stetur, habeatque robur debitum et sufficiens perpetuo et in acuam. Harum quibus sigilium nostrum est subappensum testimonio litterarum. Actum et datum Vilnae in conventione generali, feria quarta in vigilia sanctorum apostolorum Simonis et Iudae, anno Domini millesimo quingentesimo vigesimo nono. Praeseutibus reuerendis in Chisto patribus et magnificis dominis: Ioanne Viluensi, paulo Luceoriensi, Nicolao Mednicensi et Nicolao Kiiouensi episcopis, Alberto Castold de murata Gieronony, palatino Vilnensi et cancellario nostro, Georgio Radziwil castellano Vilnensi, capitaneo Grodnensi, Constantino Iwanowic duce de Ostrow palatino Trocensi et capitaneo generali exercituum nostrorum, Stanislao Stanislai de Croze castellano Trocensi, capitaneo Samogitiensi, Ioanne Ioannis de Zabrzezie marsalco nostro, palatino Nouogrodensi, Andrea Iacobi Niemier de Wsieliub Kiiouensi, Petro Stanislai de Cziechonowiecz Polocensi, Ioanne Georgii Chlebowic de Sielcze Witebscensi, Iwano Sapiha Podlascensi palatinis, Alexandro Iwani Chotkiewicz de Berestowicze, Bohusio Bohutinowic thesaurario terrestri et Slonimensi, Georgio Zienowic de Smorgonie Mscislauiensi, Iwano Michalowic Pinensi capitaneis, Ioanne Nicolai Radziwil de Musniki pincerna, Georgio Gregorii incisore seu praegustatore, Vasilio Bohdanowic magistro agasonum, Iwano Andrzeiowic de Poczepow thesaurario curiae, Niemiera Grzimala de Ostromieczino, Aiexandro Soltanowicz de Poczepow, Mathia Alberti Kloczko de Pietuchowo, Joanne Steczko de Ho-Inbla, marsaleis, aliisque dignitariis et officialibus, consiliariis nostris, sincere et fideliter nobis dilectis. Per manus praefati magnifici Alberti Gastold palatini et cancellarii nostri.

(XII). In nomine Domini amen. Quoniam ea, quae in humanis geruntur, facile a hominum labuntur memoria, nisi litterarum ministerio posteris prodita fuerint memoriae, ad perpetuam proinde rei memoriam, nos Sigismundus Augustus Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lituaniae, Russiae, Prussiae, Samogitiae, Masouiaeque etc. dominus et heres, significamus tenore praesentium, quibus expedit, vniuersis et singulis, praesentibus et futuris, harum noticiam habituris, quod nos intentius reuoluentes et recta rationis statera pensitantes singularem et intemeratam erga nos et praedecessores nostros fidei integritatem, indefessamque virtutis constantiam reuerendorum, illustrium magnificorum, generosorum, strenuorumque praelatorum, ducum, baronum, procerumque, militum, nobilium seu boiarorum, subditorum nostrorum terrarum magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiaeque incolarum, qui propensiore etiam et feruentiore sinceritatis suae affectu ducti, nos iam inde a tenera aetate nostra velut ligitimum natiuum dominum suum ad principatum et

solium Magni Ducatus ipsius vnanimis et concordibus votis euexerunt atque sublimarunt, et semper se ad obsequia nostra alacres praestare consueuerunt, saepius sese animose et viriliter contra impetus hostium pro tutandis dominiis nostris noa sine grandibus sumptibus suis laboribusque ac vitae discriminibus opponendo, vnde victoriis ac triumphis speciosis nomen progenitorum nostrorum et nostrum decoratum est: horum itaque intuitu benemeritorum, volentes, ut ea dignis gratiae et munificentiae nostrae compensentur praemiis, supplicationi eorum ipsorum subditorum nostrorum praedictorum benigne annuentes, nunc postquam videlicet perfectae actatis annos adepti, reali iam et actuali Magni Ducatus ipsius fungimur administratione, regimine et dominio, de certa scientia et gratia nostra omnia et singula eorum iura et priuilegia a praedecessoribus nostris concessa, necuon libertates, praerogatiuas, exemptiones ac immunitates eorum omnes innouandum, approbandum et confirmandum atque denuo etiam concedendum duximus, horum, qui sequuntur, articulorum sub tenore:

(§ 1). Inprimis promittimus, quod dominium hoc magni ducatus nostri Lituaniae, Russiae, Samogitiae tam in corpore et amplitudine, limitibusque, quam etiam in statu, stemmate et dignitate eius non diminuemus, neque diminui ac deprimi permittemus, sed prout antecessores nostri et signanter diuae olim memoriae dominus magnus dux Alexander alias Vitoudus tenuit et possedit, sic et nos eundem magnum ducatum in eius statu, dignitate, stemmate et amplitudine ac limitibus pristinis solidum ac integrum possidebimus, conseruabimus ac tuebimur, atque cum Dei auxilio pro cunctis viribus nostris ampliare, et omnia a Magno Ducatu ipso quoqunque modo alienata e conuerso ad proprietatem Magni Ducatus ipsius cum consilio et auxilio consiliariorum nostrorum ac omnium baronum ac militum dominij eiusdem reducere et redigere studebimus.

(§ 2). Similiterque indigenas magni ducatus ipsius, praelatos, duces, barones et nobiles in ipsorum statibus, dignitatibus et honoribus non minuemus, sed eos secundum exigentiam idoneitatis, virtutum atque meritorum eorum promouebimus atque sublimabimus, et tunc praecipue, postquam regimen regni Poloniae assecuti fuerimus, id omnino non ommittendum curabimus.

(§ 3). Item omnes donationes, priuilegia, dationes et immunitates ecclesiarum cathedralium, collegiatarum, conuentualiumque et parochialium in terris nostris magni ducatus nostri Lituaniae, Russiae, Samogitiae erectarum et erigendarum, fundatarum atque fundandarum, volumus illaesas atque inuiolatas conseruare, tueri ac protegere iuxta nostram omnimodam potestatem. Quas quidem ecclesias cathedrales, collegiatas, parochiales et alias supradictas tempore medio, dum eas per mortem vel resignationem contigerit vacare et pastore carere, quarum ius patronatus ad nos pleno iure dinoscitur pertinere, tunc ipsis ecclesiis de alio vel aliis pastore vel pastoribus prouidentes, non alium nec alios praesentare debemus, nisi magni ducatus Lituaniae nostri indigenam, si in idoncitate et morum probitate fuerit compertus; sin autem, tunc alterius nationis personam vtilem et honestam

ac congruam, quae possit et prodesse et praeesse, et hoc cum consensu et consilio consiliariorum nostrorum spiritalium et saecularium toties, quoties opus fuerit et oportunum, praesentare debemus.

- (§ 4). Item dignitates saeculares et officia, quemadmodum antiquitus a diuis olim praedecessoribus nostris, hic in Magno Ducatu ad instar regni Potoniae sunt instituta, in Vilna scilicet palatinatus et castellanatus Vilnensis et in Troki similiter, vel quae demum in aliis locis per nos aut successores nostros instituentur, integra in suo ordine conseruabimus temporibus perpetuis. Quaequidem dignitates, palatinatus, castellanatus necnon officia perpetua terrestria et curiae nostrae non conferantur a nobis et successoribus nostris, nisi catholicae fidei cultoribus et Romanae ecclesiae subiectis; nec etiam dignitates officiaque praedicta vel tenutae aut bona hereditaria in Magno Ducatu conferantur aduenis et alienigenis seu extraneis, sed Magni Ducatus ipsius indigenis veris, et ad consilia nostra, dum pro bono reipublicae tractatur, non admittantur, nisi ipsi catholici et indigenae Magni Ducatus ipsius, quia saepe disparitas cultus et diuersitas rationum diuersitatem inducit animorum et consilia patent talibus credita, quae traduntur secrete observanda.
- (§ 5). Item non debent officia et tenutae per nos sine consilio consiliariorum nostrorum a quoquam auferri; si quis autem officialium tanquam dissipator et damnificator bonorum nostrorum apud nos delatus fuerit, tunc vtraque pars duntaxat coram nobis personaliter constitui debet, auditaque caussa reus secundum demerita puniendus erit; sed absque culpa non debent auferri nec diminui officia, praesertim ea, quibus dignitates sunt adiunctae, sed possidebunt integre ad mortem eorum, quibus semel concessa fuerunt, nisi forte quis officialium ipsorum in rempublicam deliquisse et crimen laesae maiestatis commisisse iuridice conuictus fuerit, tunc vna cum vita eius officium seu dignitas adimenda erit.
- (§ 6). Item palatini, capitanei et tenutarii, villici, officiales et vigesgerentes in magno ducatu nostro in primeua honestate et prouisionibus ac prouentibus officiorum suorum, ut a praedecessoribus nostris magnis ducibus Vitoudo, Sigismundo et a progenitoribus nostris conseruabantur, ita et in antea manu teneantur perpetue et conseruentur, auctoritateque officiorum suorum ac iurisdictione solita fruantur. Census et prouentus consuetos integre percipient et exigent, velut ab antiquo prouentus ipsi percipiebantur, nec non ministeriales dirigent, et pro eorum fatigis, dictis vulgariter proieszdi, iuxta consuetudinem et statuta prouinciae ipsius solui facient.
- (§ 7). Item mortem obeunte tenutario aut villico quocunque in Vilnensi aut Trocensi districtibus, palatini districtuum ipsorum Vilnensis et Trocensis tenutas a nobis secundum exigentiam meritorum et obsequiorum, vel qui etiam nobis videbuntur idonei, illis petant seu impetrent; eodem modo fiat in aliis districtibus.
- (§ 8). Item dignitates, tenutas et officia, quae in castris et ciuitatibus remotioribus et finitimis vacauerint et aperientur, habita deliberatione cum consiliariis nostris conferemus secundum promerita, vel qui nobis videbitur

ad id idoneus et magis valens. A prouisionibus autem et donationibus seu collationibus dignitatum spiritalium et saecularium necnon tenutarum et officiorum quorumcunque nihil debenus postulare, neque etiam palatini et capitanei et ab officialibus et teuutariis quidquam recipere aat exigere debent, nisi forte quis eorum nobis vel dignitariis ipsis pre honestate sua sponte aliquid offerendum duxerit.

- (§ 9). Item quaecunque consilia et caussas cum consiliariis nostris magni ducatus Lituaniae determinabimus et statuemus atque concludemus, ea cum nemine alio infringere, immutare aut deordinare debemus; et quando aliqua consilia et negotia in consultatione cum consiliariis nostris tractanda euenerint et ipsis dominis non placuerint, nos pro eo contra ipsos commoueri non debemus, sed quaecunque nobis consulent pro nostra et communi vtilitate, istud nos suscipiemus et faciemus.
- (§ 10). Item super statutis et consuetudinibus approbatis et laudatis, antiquis sernandis et nouis condendis promulgandisque et aliis, quae erunt ordinanda pro communi vtilitate reipublicae ac nostrae, non nisi cum matura deliberatione ac cum scitu et consilio consensuque dominorum consiliariorum nostrorum magni ducatus Lituaniae tractabimus et disponemus hic in magno ducatu Lituaniae in conuentione generali. Conuentionesque ipsae generales pro necessitate reipublicae a praelatis, baronibus et omnibus consiliariis magni ducatus nostri Lituaniae tempore pacis celebrabuntur in loco capitaliori, videlicet Vilnae; vbi vero necessitas reipublicae pro temporum condicione alium conuentioni ipsi elegerint locum, tunc conuenient illic, quo ipsis consiliariis commodius et competentius visum fuerit.
- (§ 11). Item census teloneorum, tabernarum et alii ex poenis seu vn-decunque nobis prouenientes, recipiantur et reponantur in thesaurum nostrum, quiquidem census secundum consilia consiliariorum nostrorum pro communi vtilitate terrestri debent conuerti; absque necessitate vero reipublicae et sine vtilitate (s) ipsorum consiliariorum census ipsi per nos de thesauro tolli et recipi et ex prouincia educi non debent.
- (§ 12). Item inscriptiones pacis perpetuae, confoederationes, ligas et iuramenta, quae ab antiquo cum terris seu prouinciis a principibus vicinis habemus, ea nolumus infringere, sed in melius cum Dei auxilio ducere atque redigere.
- (§ 13). Item dum nuntios atque oratores mittemus in negotiis publici boni eiusdem Magni Ducatus nostri, necessitate id exigente, versus partes exteras, videlicet Moscouiam et ad Ordas Zawolska, Perekopska, Valachiam, regnum Poloniae, ducatum Masouiae, Prussiam, Liuoniam, Pskow, magnum Nowogrodek, Twer et Razan, necnon versus alias quascunque prouincias, quo necessitas et vtilitas dominiorum magni ducatus nostri Lituaniae postulabit, faciemus id cum scitu, consensu et consilio consiliariorum nostroium et secundum consuetudinem antiquam.
- (§ 14). Insuper promittimus, quod praedictos praelatos, duces, barones et nobiles non debemus ad alicuius hominis delationem siue accusationem publicam vel occultam seu quamuis suspitionem sinistram castigare seu pu-

nire quacunque poena, scilicet bonorum ablatione, pecuniaria, carceris aut sanguinis, nisi prius in iudicio manifesto, iuris ordine catholico observato, actore et reo personaliter constitutis, realiter fuerint convicti. Qui post iudicium et convictionem huiusmodi iuxta consuetudinem et iura regni Poloniae debent castigari et sententiari secundum suorum excessuum quantitatem et qualitatem.

- (§ 15). Item pro crimine alterius nullus alter, nisi is, qui peccauit et deliquit, semper tamen iuris catholici ordine obseruato, conuictus iudicialiter et sententiatus puniatur, ita videlicet, quod nec vxor pro crimine mariti, nec pater pro crimine filii, et e conuerso, non maritus pro vxore, nec filius pro patre aut frater pro fratre, nec aliquis cognatus aut seruus, nisi dum quis particeps fuerit criminis cum delinquente: criminibus laesae maiestatis duntaxat exceptis.
- (§ 16). Item si quis obloquendo accusaucrit quempiam ad infamiam aut capitis diminutionem, nec probauerit, talis punietur poena talionis acsi se inscripserit ad eandem.
- (§ 17). Item concedimus, ut praelati, duces, barones, nobiles, boiarique supradieti liberam habeant facultatem exeundi de terris nostris magni ducatus Lituaniae, caussa vberioris fortunae acquirendae vel caussa studii aut actuum militarium exercendorum ad quaslibet terras externas, partibus duntaxat hostium nostrorum exceptis; ita tamen, quod de bonis ipsorum sic exeuntium seruitia nostra et reibublicae non negligantur, sed debite et integre nobis et successoribus nostris, tanquam ipsi praesentes fuerint, toties, quoties necesse erit, exhibeantur et ministrentur.
- (§ 18). Item promittimus quod plebeios super nobiles non extollemus, sed conscruabimus nobilitatem in sua honestate.

His autem libertatibus, gratiis et exemptionibus tantummodo illi barcnes et nobiles terrae Lituaniae vti et gaudere debent, qui sunt ex parentibus suis vere et ex antiquo nobiles. Statuimus etiam et spondemus, quod nobiles magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiae nobis subiectos seu bona eorum nemini ducum aut baronum dabimus, nec successoribus nostris dare licebit.

(§ 19). Item concedimus, quod praefati duces, barones, nobiles bona eorum patrimonialia seu ipsis data siue donata per praeclaros olim dinae memoriae principes, dominos Alexandrum alias Vitoudum ac donationes per illustrissimum olim dominum Sigismundum donatas et factas, quas tenentes, habentes et possidentes, cum de earum donatione, priuilegiis vel priuilegio legitimo et sufficienti aut congruo testimonio testium vel munimine literarum potuerint probare et docere, pari iure obtineant, prout duces, barones et nobiles regni Poloniae sua noscuntur obtinere et liberam habebunt ipsa vendendi, commutandi, alienandi, donandi et in vsus suos conuertendi facultatem, nostro tamen consensu speciali ad id accedente, ita quod ipsa alienando, commutando vel donando coram nobis vel nostris officialibus iuxta antiquam consuetudinem magni ducatus Lituaniae resignabunt. Quicunque vero subditorum nostrorum in praedictis terris magni ducatus Lituaniae

super bonis suis immobilibus, hereditariis, literas aut munimenta non habuerint, sufficienti tamen testimonio fidedignorum probauerint, bona huiusmodi tempore magnorum ducum Lituaniae, et praesertim Casimiri, Alexandri et Sigismundi progenitorum et antecessorum nostrorum carissimorum, se vel suos legitimos parentes aut praedecessores pacifice possedisse, remanebunt circa eadem perinde, acsi certas literas et munimenta haberent super eisdem.

- (§ 20). Item post mortem patrum liberi masculi et feminae bonis paternis et maternis hereditariis priuari non debent, sed ea ipsi et eorum saccessores legitimi pleno iure possidebunt; vxores vero ducum, procerum, nobilium, ex hoc saeculo decedentium, permanebunt in bonis maritorum suorum, iuxta statuta seu iura per praedecessores nostros et parentem nostrum et nostra Magno Ducatui huic concessa. Similiter et ad secundas nuptias viduae conuolare volentes, gaudebunt statutis ipsis.
- (§ 21). Item natas, cognatas et consanguineas suas, virgines aut viduas, ipsi duces, barones et nobiles poss int libere, nobis et succesoribus nostris super hoc minime requisitis, tradere maritis, ritum tamen catholicum in talibus observantes; promittimusque, quod nullam virginem vel viduam coarctabinus ad nubendum alicui inuitam, contra voluntatem eius vel amicorum eius, et si aliqua virgo vel vidua voluerit nubere ad aliquas partes extra magnum ducatum Lituaniae, tunc expeditione ac dote secundum statuta ducatus ipsius accepta, bona hereditaria propinquis suis relinquat, ad eaque se de cetero non intromittat.
- (§ 22). Item viduae, quae remanserint in bonis hereditariis post mortem maritorum suorum, ad seruitia terrestria, bellicasque expeditiones iuxta facultatem possessionum et laudum patriae erunt obligatae.
- (§ 23). Item a consanguineis et propinquis bona hereditaria alicuius inuadiata seu impignerata non redimemus, neque quisque ea redimere debet in paeiudicium ipsorum consanguineorum vel propinquorum, sed solummodo iste, qui propinquior exstiterit, repositis pecuniis, bona hereditaria obtinebit et possidebit.
- (§ 24). Item omnes et singuli cmetones praefatorum ducum, baronum et boiarorum magni ducatus ab omni datione et solutione collectae sine exactione sierepczizna dictae, atque mensura, quae dziaklo nuncupant, et ab omni onere vectigalium, quae pedwodi dicuntur, a ductioneque lapidum, roborum siue lignorum pro exustione laterum sine cementi pro castris et a faeni falcastratione et aliis minus iustis laboribus soluti sint omnino, liberi et exempti: laboribus tamen ex antiquo debitis pro aediticatione castrorum denuo in locis solitis et antiquis opportunorum et pro antiquorum reformacione exceptis, ducum, baronum, boiarorum et nobilium cmetonibus et subditis, per nos eis datis et donatis, similiter demptis; antiquas vero et dudum consuetas pro nobis et successoribus nostris procurationes, collectas, stationes, pontium nouorum in locis antiquis erectiones, veterum refectiones et viarum reformationes illaesas reseruamus et volumus esse saluas. Licet autem cmetones ipsorum baronum et nobilium a dandis podwodis nobis et successoribus nostris sint liberi et exempti, nihilominus tamen pro

oratoribus, nuntiisque et cursoribus, tam (a) nobis quam etiam ad nos vndecunque venientibus, debent *podwode* ipsae per eos, qui eas ex antiquo dare tenentur et ex nunc in futurum in numero solito dari et haberi semper parati in custodiis, in locis solitis et consuetis.

(§ 25). Item quod nos aut officiales nostri praefatorum ducum, baronum, nobilium terrarum nostrarum Lituaniae, Russiae, Samogitiae, homines tributarios, originarios, emetones, mancipio obnoxios cuiuscunque sexus aut condicionis exstiterint, non suscipiemus, nec officiales nostros suscipere permittemus; et ipsi praefati duces, nobiles, boiari magni ducatus Lituaniae nostros et successorum nostrorum similiter homines, cuiuscunque conditionis et status exstiterint, non suscipiant per se nec per officiales suos suscipere quoquomodo praesumant.

(§ 26). Item super subditos praelatorum, ducum, baronum, nobilium et boiarorum ministeriales seu dzieczkie non dabimus, nec officiales nostri dare debent, nisi prius a domino, cuius subditus fecerit iniuriam, iustitia fuerit postulata; qui si in certo termino eandem facere renuerit, extunc ministerialis noster vel officialium nostrorum est dirigendus, et reus, qui poenam meruit, illam domino suo et non alteri sit astrictus soluere et ministeriali pro fatiga iuxta statuta prouinciae satisfacere tenebitur.

(§ 27). Item caussas pertinentes ad iudicium saeculare, non permittemus iudicare in iudicio spiritali et e conuerso, iura spiritalia seu caussas pertinentes ad iudicium spiritale, ad iudicium saeculare introducere seu euocare non permittemus, omniaque iure antiquo tenebimus.

(§ 28). Item quicunque felicis principatus tempore genitoris nostri super iuribus suis iustitiam ministrandam postulabant, illis volumus et debemus cum consiliariis nostris aequitatem facere omnimodam sine dilationibus.

(§ 29). A iure etiam nihil debemus accipere ab eis, similiter et consiliarii nostri, nec stare ad vnam partem ex fauore, sed simpliciter iustitia cuilibet ministrari debet; et si quando aliquorum caussae graues super bonis hereditariis vel famae seu honoris derogatione ad audientiam nostrae Serenitatis venerint, omnibus iustitiam facere debemus. Et dum contingat nos protunc negotiis arduis occupari, caussis talibus per annum concedimus et statuimus quattuor terminos. Et si in primo, secundo et tertio termino in huismodi caussis finis non fuerit factus, vltimo adueniente finalem iustitiam sine dilationibus cum consiliariis nostris faciemus. In omnibus vero canssis et disceptationibus, tam pro bonis hereditariis et fama ac aliis grauioribus, in quibus, sicut superius expressum est, si praeuenti negotiis publicis in primo termino finem non fecerimus, positi sunt et assignati quattuor termini per annum; et si in quarto et finali termino non comparuerit, caussam ammittet, sententiaque feratur pro illo, qui se in termino sistet: excepto, quod aliqua partium seruitio nostro vel terrestri occupata et retenta aut aegritudine impedita, comparere non posset; in isto casu, ut nemini iniuria aut praeiudicium fiat, ad tempus oportunum tales caussas differendas esse volumus.

(§ 30). Item ordinamus, quod ad districtus et tributarios nostros debemus mittere binos et binos consiliarios nostros singulis annis pro exigendis tributis et reliquiis, vulgariter niedoimkow, seu niedobirkow, quibus quidem exactoribus obuentiones eos concernentes percipere licebit. Ita etiam et seruitores eorum sicut fuit ex antiquo temporibus praedecessorum nostrorum.

(§ 31). Et insuper omnia et singula ipsius magni ducatus Lituaniae iura tam publica, quam priuata, videlicet priuilegia et quaslibet literas, donationes, libertates, exemptiones et immunitates seu quascunque gratias et concessiones in se continentes, tam publice ac generaliter vniuerso magno ducatui ipsi, quam etiam prinatim ac specialiter quibuscunque locis ac personis, videlicet ecclesiis cathedralibus, conuentualibus et parochialibus, praelatis, ducibus, baronibus, nobilibus, boiarisque terrarum ipsius magni ducatus nostri incolis, sub quibuscunque verborum tenoribus per serenissimos ac illustrissimos olim dominos Władislaum ac Alexandrum alias Vitoudum, Sigismundum, Casimirum et iterum Alexandrum ac Sigismundum reges et magnos duces, proanum, auum, patruum et patrem nostros carissimos, datas et concessas, in omnibus earum tenoribus, sentenciis, modis, condicionibus et articulis, eas hic pro expresse et specifice descriptis, et perinde acsi de verbo ad verbum insertae essent praesentibus, habentes et haberi volentes ac decernentes, innouauimus, approbauimus, ratificauimus et confirmauimus necnon sub onere iuramenti corporaliter per nos ad sancta Dei euangelia praestiti, verbo nostro regio et ducali promittimus ac spondemus, quod ea ipsa iura, priuilegia ac literas praedecessorum nostrorum taliter per nos nunc innouata, ratificata ac confirmata, in omnibus earum articulis, punctis, firmiter, integre et inuiolabiliter tenebimus et observabimus, nec quouismodo ipsis contraueniemus. E dinerso vero insi praelati, duces, barones, nobiles, boiarique, quibus huiusmodi libertates, immunitates et priuilegia sunt concessa et nunc innouata ac confirmata, nunquam nos Sigismundum Augustum regem et magnum ducem, quoad vixerimus, neque successores nostros, magnos duces deserent, sed sub fide et honore atque onere praestiti iuramenti firmiter et fideliter nobis et successoribus nestris obedient et abhaerebunt consiliis et obsequiis perpetuis temporibus et in aeuum. In fidem et testimonium omnium et singulorum praemissorum sigillum nostrum praesentibus subappensum est. Actum et datum Vilnae in conuentione generali, feria secunda ipso die (s) anno Domini millesimo quingentesimo quadragesimo

septimo. Praesentibus reuerendis in Christo patribus et magnificis dominis, strenuis ac generosis militibus: Paulo Vilnensi, Georgio Luceoriensi, Venceslao Mednicensi episcopis, Ioanne Chlebowicz palatino Vilnensi et cancellario nostro, tenutario in Bobroisko, Gregorio Osczikowic, castellano Vilnensi, tenutario Vpitensi, Ioanne Iurgiewicz duce de Olshani, palatino Trocensi, tenutario Mohilouiensi, Hieronymo Chotkiewic castellano Trocensi, capitaneo Samogitiensi, Nicolao Ioannis Radziwil, marsalco terrestri, praefecto Shawliensi, Stanislao Dowoino Polocensi, Alexandro Chotkiewic Nowogrodensi, Stanislao Petri Kiszka de Cziechanowiec Witepscensi palatinis, Andrea Sangashkowic duce de Koshir, capitaneo Luceoriensi, Ioanne Hornostai marsalco curiae et thesaurario terrestri, praefecto Slonimensi, Nicolao Georgii

Radziwil pincerna, Ioanne Ioannis Radziwil structore mensae, Stanislao Kieszgal dapifero, Gregorio Chotkiewic succamerario, Nicolao Petri Olechnowic gladifero, Nicolao Andrushowic praefecto agazonum nostrorum, tenutario Ozen. et Perelomiensi, Nicodemo Ioannis a Cziechanowice Mielnicensi, Nicolao Narburt, Alberto Crewensi et Mozirensi praefectis, marsalcis, aliisque officialibus et dignitariis atque consiliariis nostris, sincere fidelibus nobis dilectis. Per manus praefati magnifici Ioannis Chlebowic palatini Vilnensi et cancellari nostri.

(§ 32). Et quamuis edito hoc nostro iuste et legitime privilegii diplomate, fidem iam iusiurandi et paternae nostrae maiestatis liberasse videremur, tamen pro nostra singulari voluntate ac beneuolentia, qua erga huius magni ducatus homines sumus, pro eorum erga nos vicisssim summo studio ac observantia, posteaquam iam soli huic provinciae sublato ad superos dino parente nostro, praesumus, plenamque et non limitatam ac cum nemine communem iurisdictionem in hoc ducatu et merum imperium habemus. tunc enim, cum has privilegiorum ac libertatum, immunitatumque huius ducatus literas edidissemus, supremum ducem diuum parentem nostrum agnoscebamus et auctore illo maiore vtebamur, ne propterea eius diplomatis nostri auctoritas in dubium a quoquam vocari possit, illud ipsum iam de plenitudine et integritate potestatis nostrae veraeque ac indubitatae iurisdictionis et meri imperii ac sigilli maioris vsu confirmamus, ratificamus, approbamus, vimque ac robur eius firmitatis, eandemque fidem atque auctoritatem habere decreuimus debere, quam erat habiturum vel si tunc ederetur. cum nullum supremum ducem agnouissemus, solique huic ducatui praeessemus, vel si nunc demum editum esset, illudque pro nunc edito ac eisdem verbis sub hac data descripto habere volumus, promittentes pro nobis et successoribus nostris verbo et fide nostra regia, nos illud plene ac inuiolabiliter in omnibus articulis, clausulis, punctis seruaturos, omniaque in illo contenta realiter et in effectu adimpleturos, et adimpleri curaturos. Quod si autem hactenus aliquid adimpletum et in executionem positum non est, vel si quid contra ius priuilegii praescriptum commissum, vel ante ea vuquam vel nobis regnantibus videatur, praesertim vero in collatis palatinatibus quibusdam hominibus ritus Graeci, et a catholicae religionis communione seiunctis, id omni ratione curaturos nos, ne reipublicae aliquid detrimenti afferatur, pollicemur ac promittimus pro nobis et successoribus nostris fide verboque nostro regio ac ducali iureiurando nostro mediante, nemini postea nos vel successores nostros ritus Graeci seu Rufenici, a fideque ecclesiae Romanae homini alieno, vllas dignitates, praeeminentias concessuros, nec eos ad consilia secretiora admissuros, in eoque maiorum nostrorum ac nostra privilegia et a nobis confirmata, nos firmiter observaturos, nec ea vel eodem exemplo vel alia vlla re eorum sententiae contraria labefacturos, sed religiose omnia et singula in eis expressa, manutenturos ac in executionem adducturos et adimpleturos, Ipsi autem praelati, duces, barones, nobiles et boiari, terrarum magni ducatus Lituaniae incolae, quibus huiusmodi libertates, immunitates ac priuilegia sunt concessa et nunc innouata ac confirmata per nos, vicissim nunquam nos

Sigismundum Augustum regem et magnum ducem, quoad vixerimus, nec successores nostros, magnos duces, deserve debent, sub fide, honore ac onere praestiti iuramenti, sed firmiter ac fideliter nobis et successoribus nostris obedient et adherebunt consiliis et obsequiis perpetuis temporibus et in acuum. In fidem huius rei et perpetuum testimonium praescates nostras confirmationis literas manu nostra subscripsimus et sigiilo nostro maiore obsignauimus. Actum et datum Vilnae in conuentione generali, feria tertia post festum Omnium Sanctorum proxima, anno Domini millesimo quingentesimo quinquagesimo primo, regni vero nostri vigesimo secundo. Praesentibus reuerendis, illustribus, magnificis et generosis: Paulo Vilnensi, Olshanensi duce, Valeriano Luceoriensi, Venceslao Mednicensi, Ioanne Andrussowic Kiiouiensi episcopis, Nicolao Radziwil in Olica et Nieswierz duce, palatino Vilnensi, et magni ducatus Lituaniae supremo marsalco et cancellario, Shawlensi, Brzestensi et Borisouiensi tenutario, Gregorio Oscikowic in Czadosczi herede, castellano Vilnensi et tenutario Vpitensi, Nicolao Radziwil in Dubinki et Bierze duce, palatino Trocensi, ac in Lida, Vasiliszki, Bielicza et Koidanow tenutario, Hieronymo Chotkiewic castellano Trocensi, terrarum Samogitiae generali, necnon Plotellae, Vilkia et Telza, Friderico duce Prunskie, palatino Kiiouiensi et in Czarnobil, Stanislao Dowoino, palatino Polocensi et in Drissa, Ioanne Hornestai palatino Nowogrodensi, curiae marsalco et magni ducatus Lituaniae thesaurario, in Slonin et Mscibow, Stanislao Kiska de Cziechanowiec, palatino Vitepscensi, Nicolao Narburt de Koltiniani, palatino terrarum Podlassiae, in Krewo et Mozir, Andrea Michalowic duce Sendziskowic (s), Luceoriensi generali, Stanislao Kieszgal comite in Croze, magni ducatus Lituaniae pocilatore, in Mohilow et Tikoczin, Georgio Chotkiewic, magni ducatus Lituaniae camerario et Cawnensi capitaneis, Hieronymo Koriczki stabuli nostri praefecto, Iwan Soltanowic, curiae nostrae thesaurario, in Vielona capitaneo, Felice Siruczowicz gladifero, Nicolao Kucziak vexillifero terrestribus, Andrea Falkowic Drohicensi, Ioanne de Backi Mielnicensi capitaneis, et aliis baronibus, consiliariis, marsalcis, capitaneis et officialibus nostris, sincere et fideliter nobis dilectis. Datum per manus superius recensiti illustris domini Nicolai Radziwil in Olika et Nieswiesz ducis, palatini Vilnensis, et magni ducatus Lituaniae supremi marsalci et cancellarii, Shawliensis, Brzestensis, Borisouiensis capitanei, sincere nobis dilecti.

quo Graeci ritus cultores catholicis et insigniis ex Poloniae regno non promanatis vtentes, vtentibus exaequantur.

In nomine Domini amen. Quoniam res actionesque omnes lapsu temporis in obliuionem venire solent, proptereaque litterae sunt adinuentae, ut iis acta hominum memoriae sempiternae commendentur. Itaque nos Sigismundus Augustus Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lituaniae, Russiae, Prussiae, Samogitiae, Masouiae, Liuoniaeque etc. dominus et haeres, notum esse volumus ac iisce litteris testatum vniuersis et nostri et futuri saeculi, quorum interest, hominibus, quod cum in primaria magni ducatus Lituaniae

vrbe Vilna, postulantibus id a nobis omnibus ordinibus, comitia frequenti senatus et populi conuentu, litteris nostris indicta, de granissimis reipublicae rebus haberentur, precibus horum ipsorum omnium ordinum annuimus. consensimus, permisimusque, ut privilegia, quae iura, libertatesque Magni Ducatus continent, ad leges statuti, nouissime editi ac promulgati, adiicerentur, adscriberenturque, peraeque ac in Polonico statuto factum esse videmus. quo nomine nobis gratiae ab vniuerso illo conuenta actae sunt. Petitumque praeterea est, ut quosdam privilegiorum illorum articulos, interpretationem clariorem desiderantes, illustraremus, ea praesertim in parte, vbi diui olim maiores nostri Wladislaus Iagello proauus ac Alexander Vitoudus propatruus magnus, tempore vnionis cum regno Poloniae in Grodlo factae, eos duntaxat libertatibus publicis gaudere voluerunt, qui catholicae fidei Romani et Graeci ritus professores, ac qui insigniis nobilitatis stemmatibusque essent decorati. Deinde eo quoque loco, vbi dignitates et praelaturae nonnisi catholicae Romanae ecclesiae cultoribus conceduntur, ac in senatum legi ii, qui extra huius ecclesiae communionem essent, prohibentur. Quod quidem etsi a diuis Cazimiro avo, Alexandro patruo, Sigismundoque patro nostro ac nouissime a nobis ipsis, nouis diplomatibus confirmatum est, et in diplomata insertum, quoniam tamen supplicatum nobis est, ut re cognita inaequalitatem hanc complanaremus, nos itaque cum consiliariis nostris animo revoluentes, ante privilegium illud Grodli editum, fuisse in Lituania familias nobiles et meritis erga rempublicam ac erga maiores nostros illustres ac decoras et eminentes, quod ex ipsius priuilegii initio apparet, quin et non solum fidei ac religionis catholicae Romanae, sed etiam Graecae cultores in senatus consessum a maioribus nostris lecti, ac ad alias reipublicae functiones et munia asciti, fidem ac constantiam suam, vti fortes ac fideles viros decet, probauerunt, non iudicamus insignia illa nobilitatis Grodli, Lituanae genti communicata, viliores eos reddidisse, quibus communicata non sunt, praesertim optime de republica meritos, Graecae religionis professores, quoniam tunc in illo conuentu Grodlensi non omnes adfuerunt. Proinde in nullo derogantes prinilegiis majorum nostrorum nostrisque, sed in suo robore ea conservantes, hos duntaxat duos artículos excipimus ac declaramus, consentientibus et consiliantibus senatoribus nostris status spiritalis et saecularis, atque decernimus ac promulgatum esse volumus, iam hinc non solum eos eorumque posteros in omnibus Lituaniae partibus degentes, qui sunt Romanae fidei cultores, quique insignia nobilitatis Gtodli in Polonia sunt consecuti, prinilegiis illis, libertatibus ac immunitatibus esse dignatos ac decoratos, sed et omnes in militari nobilique statu constitutos, tam Lituani, quam Rutheni generis, sint modo Christianae religionis professores, quamuis eorum majores stemmatibus ex Poloniae regno insigniti non sint, participes esse debere ex aequo omnium libertatum, honorum ac dignitatum ita, vti antea priscis temporibus hactenus participes erant, ac dignitatibus omnibus muneribusque tam senatoriis, quam terrestribus iam hinc omnes militares nobilesque viri Christiana religione initiati, pro meritisque quisque suis insigniri a nobis ac in senatum legi debent, nec quisquam praetextu horum

duorum articulorum hic a nobis declaratorum et nomine ritus Christianae fidei. Christianus modo sit, amouendus a participatione libertatum ac dignitatum est. Quoniam vero privilegium hoc praenominatorum maiorum nostrorum serenissimorum Władislai Jagellonis et Alexandri Vitoudi in regno Poloniae editum ac promulgatum est, quod ex eius insius prinilegii literis constat, ideo in proximis iam indictis communibus vtrique et Polonae et Lituarae nationi comitiis hanc statuum exacquationem, si fuerit opus, cum maioribus adhuc libertatum accessionibus alio dinlomate nostro ex publico senatus consulto et plebiscito confirmaturos et corroboraturos nos pollicemur, nihil tamen de praesenti declaratione aut immutando aut imminuendo, sed illam in suo robore et firmitate conseruando perpetuis temporibus. In cuias rei fidem chirographo nostro hoc diploma subscriptum, sigillo majore majoris Majestatis gratia obsignari mandauimus. Praesentibus senatoribus nostris: reuerendo domino Valeriano Vilnensi, Ioanne Andrussewic Luceoriensi et Brestensi, Nicolao Pacz Kiiouiensi episcopis, Nicolao Radiuil in Olica et Neswies duce, palatino Vilnensi, magni ducatus Lituaniae terrestri marsalco et supremo cancellario, Brestensi, Cawnensi, Borisouiensi capitaneo, Nicolao Radiuil in Bierze et Dubingi duce, palatino Trocensi, sumano exercituum magni ducatus praefecto, Mozirensi, Lidensi, Bielicensi capitaneo, Gregorio Chotkiewic castellano Trocensi, stipendiariorum militum campestri duce, administratore capitaneatus Samogitiae, capitaneo Carniolouiensi, duce Constantino Constantinowic palatino Kiiouiensi, marsalco Volhinensi, capitaneo Włodimiriensi, Paulo Iwanowic Sapiha, palatino Nouogrodensi, duce Andrea Stephanowie Zbaraski, palatino Vitepscensi, Basilio Cziskowie palatino Podlasiae, Minscensi capitaneo, Liskouiensi, Miedzirzecensi, Ainscensi tenutario, Eustachio Volowic marsalco curiae ac magni ducatus Lituaniae thesaurario et notario. capitaneo Mohilouiensi, Nicolao Kishka a Cziechanowiec pincerna magni ducatus Lituaniae, capitaneo Drohiciensi, Georgio Alexandrowic Chotkiewic magni ducatus Lituaniae incisore, capitaneo Bielscensi, duce Romano Chwiedorowic Saudiuscono (s) dapifero magni ducatus Lituaniae, Plotelensi et Zitomiriensi capitanco, tenutario Telsouiensi, Hieronymo Koriczki agasonum et stabuli nostri in magno ducatu Lituaniae praefecto, Miednicensi capitaneo ac tenutario Gieranoinensi, Stanislao Zachariassowic Włossek, in magno ducatu Lituaniae curiae thesaurario, Punscensi et Zizmoriensi capitanco, Felice Sirushewic in magno ducatu Lituaniae gladifero, Felice Hercik tenutario Radunensi, Ioanne Shimkowic marsalco et notario nostro, capitaneo Ticocinensi, Ioanne Nicolaiowic Hajko notario nostro et stabuli praefecto, Grodnensi, Osmianensi, Vielciscensi et Crasnosielscensi tenutario, Nicolao Narussewic Marcouiensi et Miedzialensi tenutario, ac aliis compluribus marsalcis, capitaneis, tenutariis, officialibus terrestribus et curiensibus. Datum Vilnae anno Domini millesimo quingentesimo sexagesimo tertio, mensis Iulii die septima.

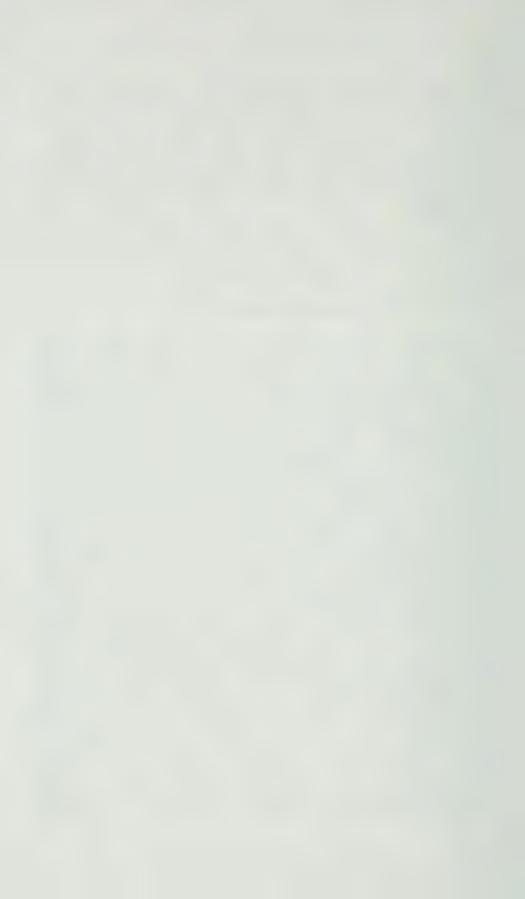
(XIV) Diploma quo ius cogendorum conuentuum prouincialium ante comitia generalia conceditur.

Sigismundus Augustus Dei gratia rex Poloniae magnus dux Lituaniae. Russiae, Prassiae, Samogitiae, Masouiae, Liuoniaeque etc. dominus et heres. Significamus iisce litteris nostris, quorum interest, vniuersis, praesentibus et futuris, quod cum in primaria vrbe nostra Vilna comitia cum senatoribus nostris spiritalibus et saecularibus, ducibus, proceribus, officialibusque terrestribus et curialibus ac cum omni militari ordine ex omnibus huius magni ducatus Lituaniae prouinciis congregato, haberemus, ij ipsi omnes supra expressi status de negotiis huius reipublicae deliberantes, communi omnium consensu inter cetera a nobis humili supplicatione postularunt, ut propter meliorem et celeriorem iustitiae expeditionem statutum nouum a nobis in superioribus praeteriti anni comitiis editum et priulegio confirmatum, in realem et actualem executionem deduceremus, ac ad eius praescriptum iudicia exerceri mandaremus, atque ut in hac republica omnia ordine fieri possent, permitteremus in illis territoriis, in quibas iudiciis terrestribus locus designatus est eligendorum nuntiorum ad generalia comitia ablegandorum, conuentus particulares agi, ad quos omnium ordinum et statuum nobilitas, senatores, duces, proceres, officiales terrestres ac curiales in suo quisque territorio, tempore literis nostris designato confluant, exemplo, more ordineque eo, quo eiuscemodi conuentus in regno Poloniae solent agi. Nos igitur perspecta toto imperii nostri tempore et explorata habentes et memoria merita omnium istius magni ducatus ordinum supra expressorum erga nos et maiores nostros a vetustissimis temporibus repetentes, quibus se nobis majoribusque nostris commendatos reddiderunt, fidemque suam et omnem virtutem, vti fortes viros ac strenuos ducumque suorum amantes decet, multis fortiter gestis cum rerum fortunarumque suarum dispendio et vitae sanguinisque profusione probauerunt, opibus, consiliis, corporum obiectu contra omnia pericula magnifice, grauiter animoseque parati et instructi, non solum annuendum eorum precibus duximus, sed et maioribus semper gratiae nostrae ornamentis dignos iudicamus. Promittimus ergo iam huius statuti noui legibus omnes status esse iudicandos et gubernandos eodem processu iudiciario in territoriis ad iurisdictionem designatis, apud judices ad id electos et consitutos, secundum privilegium, quo id a nobis institutum cautumque est; atque in iisdem territoriis, in locis iurisdictioni destinatis, licere volumus ducibus, dominis, senatoribus, officialibus terrestribus ac curialibus omnique equestri ordini in territorio immobilia possidentibus, per litteras nostras euocatis, conuenire et de republica consultare, ac de iis rebus deliberare, de quibus a nobis per litteras nostras propositum fuerit, atque in illo conuentu licebit cis, quos visum fuerit, de consensu mutuo nuntios eligere et ad comitia generalia in hoc ducatu nostro vsitata, literisque nostris designata mittere, qui necessitates, quibus premi rempublicam ac territorium suum existimabunt, nobis exponant, in omnibus iis rebus morem et consuetudinem in regno Poloniae receptam imitando. Quod quidem et iudiciorum et comitiorum conuentuumque agendorum institutum, a nobis et successoribus nostris, magnis Lituaniae ducibus perpetuis temporibus inuiolabiliter manuteneri debebit, neminemque ab hac ordinatione nostra exempturi sumus. In cuius rei fidem huic priuilegio nostro manu nostra subscripto, sigillum nostrum appendi iussimus. Datum et actum in comitiis generalibus Vilnae celebratis, praesentibus senatoribus nostris spiritalibus et saecularibus, officialibusque terrestribus et curialibus, anno Domini millesimo quingentesimo sexagesimo quinto, mensis Decembris die trigesima.

Областные привилеи.

I. Priuilegium terrestre Bielscense.

In nomine sanctae et individuae Trinitatis, amen. Omnia. quae inter mortales homines sunt agunturque negotia, cum homine ipso mortali edax vetustas simul absumeret, ad posterosque nulla factorum notitia perueniret, nisi immortalitate litterarum et testium fideli ad hoc testimonio perhennentur. Proinde nos Alexander Dei gratia Magnus Dux Lithuaniae, nec non terrarum Samogitiae, Russiae, Kiiouiae etc. Dominus et haeres. Significamus tenore praesentium, quibus expedit, praesentibus et futuris, horum notitiam habituris. Quomodo ad praesentiam nostram veniens Nobilis Petrus Luka Iudex protunc terrestris Bielscensis nomine et commissione omnium terrigenarum eiusdem districtus humiliter supplicauit, vt ipsis iura et consuetudines huiusmodi, quales terrigenis districtus Drohiciensis genitor noster Charissimus, diuae memoriae Serenissimus princeps et Dominus Casimirus Rex Poloniae, Magnus Dux Lithuaniae etc. dederat, genitor noster charissimus, et priuilegiis suis confirmauerat, quae nos postea specialibus priuilegijs nostris confirmauimus et approbauimus. Nos, conditionem terrigenarum Districtus Bielscensis cupientes meliorem et ut iure optato gauderent, ipsis eadem jura prout terrigenis Districtus Drohiciensis ulata sunt, damus et dedimus et praesentibus litteris significamus nunc et in posterum: sed tamen voluimus, ut huiusmodi iura et consuctudines sic a nobis datae articulatim conscriberentur. Proinde supradictos terrigenas districtus Bielscensis) eximimus et eliberamus a consuctudinibus cittandi per praecones, wlgariter per Dzieckie, ita, quod cittari per eos non debent et tenebuntur, sed per Ministerialem, alias Woznego ipsius Districtus. Et vt expressi terrigenae non opprimantur aliquo iure indebito et iniusto, et maxime castrensi, insis ius Polonicum terrestre scriptum admissimus et praesentibus admittimus, et damus, in eo ipso conservare volentes in omnibus ipsius juris consuetudinibus, punctis, articulis, casibus duntaxat aliquibus exceptis. Quarum primus est, quod decem homines in castro nostro Bielscensi, per (pro) custodia, septimanatim teneri debebuntur, sine tamen aliqua solutione pecuniae, excepto

belli ardua expeditione, ubi tunc plures fieri opportunum esset. Admittimus per praesentes, quod terrigenae expressi Districtus bona sua haereditaria, aut pecuniis empta, cadem vendere, commutare et in vsus suos beneplacitos conuertere, prout alicui ipsorum melius videbitur expedire, possint et valeant, nostro tamen aut Capitanei nostri consensu, quicunque pro tempore fuerit. pro admissione wlgariter dopustlinego pais emens sexagenam dare tenebitur, Item, nata, per parentes viro in matrimonium tradita, mortuo viro, si dotalitium non habeat, ex tunc dotem suam, cum qua tradita viro fuerat, secum recipere debet, et e contra ad parentes suos, si eos habuerit. vel fratres. et sorores dotem eandem secum importare et restituere ipsis, per quos exdotata fuerit. Quod si noluerit restituere, ex tunc ius propinquitatis et sortem paternalium amittit, et non maternalium, in quibus sortem et portionem habebit. Excepto tamen, quod parentibus, fratribus, sororibus careat, ybi tunc ad restitutionem huiusmodi dotis non tenebitur, sed in paternalia et maternalia bona succedit. Relicta insuper huiusmodi et cum dote, vt expressum est, reuertens ad parentes, de omni grano, pecoribus, et pecudibus et alijs suppelectilibus domus diuisionem aequam cum superstitibus et successoribus viri debebit habere; exceptis tamen armis et equis bellicis, qui propter seruitia nostra bellica ex eadem domo tolli non tenebuntur. Item expressi terrigenae Rothnego non tenebuntur Judici et subiudici plus dare, praeter duos grossos. Si quis terrigena cum vicino suo granicies innouare exposcat, ex tune fertonem Ministeriali soluere tenebitur, et eum pro graniciebus ponendis et sipandis terriginae inter se concorditi fuerint, de licentia et admissione Judicis et subjudicis, de jure recepta, poterint hujusmodi granicies innovare, et sipare. Item post mortuam manum propinquis agentibus pro bonis jure propinquitatis ab eisdem nihil recipi debet a Capitaneo, Judice et subjudice. Quando aliquis terrigena in aliquo per Ruthenum inculpauerit (inculpatus erit), pro quacunque re sit, huiusmodi terrigena cittari debet ad iudicem et subiudicem, et non alibi. Si etiam aliquis Ruthenus pro mellificiis, alias o Barć, Polonum cittauerit, Capitaneus noster cum Judice et subjudice eundem Polonum judicare debent. Capitaneus noster solum quatuor articulos in castro iudicare debebit: primus articulus, quando pro depredatione, seu spoliatione in via libera autem (aut) de futuro (furto) agitur, secundus articulus, pro violenta invasione domus; Tertius articulus, pro virginum aut mulierum violenta oppressione; Quartus, pro incendio. Judex autem cum subiudice omnes alias iudicare debebunt, ad Capitaneum nihil remittentes exceptis articulis supradictis pro Capitaneo reservatis. Casu vero, quod Judex cum subiudice aliquem terrigenam iudicarent, vt ex eorum sententia, sibi videretur grauamen, ex tunc talis terrigena Judicem, et subiudicem euocare et cittare ad nostram praesentiam poterint. Item, quando aliqui terrigenae muttuo inter se contenderint, etiam (ad) cruenta vulnera, posito, quod pro eadem contentione inter se composuerint, Judici et subiudici quinque duntaxat persoluere tenebuntur. Similiter pro omnibus generaliter articulis mutuo inter se possunt concordari, iudici et subiudici quinque grossos dando, exceptis tamen articulis Castrensibus, quae sunt de iudicio Capitanei. Si quis

metam et limites alicuius parauerit (perarauerit), aut in alterius terram messuerit, aut falcastrauerit, si pro eo connictus fuerit, luere debet poenas terrestrem et alteram actori wlgariter powodowy, exceptis graniciebus perpetnis. Et si aliquis terrigena anes in horto habueric, in graniciebus suis debet recipere examen, alias boy (roy) et swyepiotho, et pro se talia reseruare. Saepius Rutheni terrigenas kuiusmodi districtus vexabant pro arboribus mellificiorum, wgariter barthne, pinatis et quercenis. Unde nos ita hoc statuimus: quando aliqua arbor pinata seu quercina fracta fuerit, supra alueum, alias nad dzienem, ex tunc nullus terrigenarum huiusmodi arborem tangere praesumere debebit, si autem inferius alueum fracta fuerit, ex tunc terrigena pro trunco, alias o pień, huiusmodi arboris nullam poenam luet. Et si aliqua arbor mellifica, alas Barthne, cum apibus de terra funditus cuerteretur. Rutheno, cuius arbor est, terrigena, qui de ea euersione sciuerit, debet Rutheno dicere, vt damnum suum prouideat. Terrigena vero potest excidere apistrum, alias vl, et statuere debet in sulco, alias w Brozdzie, per tempus unius anni, et residuitatem arboris pro se recipere poterit. Ruthenus etiam arborem huiusmodi mellificialem tribus sirreptis, alias suziemiony, conscendens (conscindens) sursum signare tenetur, vt ad laborandum nota fieret, arborque ea per tres annos stare debet. Expiratis demum tribus annis, si arbor sic ligata, per Ruthenum non elaborata fuerit, ex tunc terrigena huiusmodi arbore poterit vti pro necessitate sua, sine aliqua poena Judicii. Si alicui Rutheno aliquis terrigena arborem siccauerit alias vezierzsił, aut succenderit in terra aut campo cuiuscunque terrigenae; si terrigenam pro eo inculpagerit et iudicialiter recognouerit, ex tunc iuramento proprio terrigena pro se ipso et pro familia euadet ipsum Ruthenum. Si autem idem Ruthenus eundem terrigenam tertio pro huiusmodi siccatione aut vstione cittauerit, ex tunc huiusmodi terrigena tenebitur et astringi debebit ad solutionem secundum consuetudinem antiquam. Item terrigenae eiusdem districtus pro mellificiis arboris, alias o barci, cittare non debent nec quouis modo tenebuntur ad exactorem exactionis nostrae mellis wlgariter haiownik, sed vt prius expressum est, debent cittari ad iudicem et subiudicem terrestrem suum, coram quo respondere tenebuntur. Ruthenis huiusmodi se quaerulantibus, animalia errantia, wlgariter bladne, vt sunt equus, bos etc., huiusmodi terrigena ad tertium diem ad castrum praesentare tenebitur. Capitaneusque huiusmodi terrigenae, qui errantia, bladne, ad castrum adduxerit, a quolibet aut pecude grossum dare tantum tenebitur. Capitaneus cum iudice et subiudice ad pignorandum terrigenam possessionatum Ministerialem solum cum duobus terrigenis mittere debet et non plures. Si autem inobediens et incurabilis fuerit, ex tunc per capitaneum detineri et incarcerari debet, et hoc dum non bene possessionatus fuerit. Possessionatus incarcerari non debet, tantum in poenis sententiari, poena post poenam, per trinos terminos. Elapsis autem trinis terminis debet per Capitaneum et Judicem pignorari. Item, dum aliquis terrigena incarceratus fuerit in Turrim, ex tunc custodi turris, videlicet wiesznemu, duos grossos incarceratus powiesznego soluere tenebitur, exceptis tamen articulis Castrensibus, quos et cum poenis eorum pro Capitaneo relin-

quimus. In mortuo viro, vxor terrigenae defuncti per spacium anni et septimanae a jure in pace fieri debet. Excepto, quod mulier non expectato huiusmodi tempore, alium virum saperduceret, Tempore Witholdi felicis memoriae, dum ad possessionem seu locationem kmethones vocabantur, ex tunc quatuordecim dies in anno (quilibet kmetho de manso laberabat in districtu. Nos vero statuimus, quod) (un)usquisque kmetho de manso possessionato per eum, in septimana vnam diem laborare tenebitur, de medio vero manso in duabus septimanis duos dies (diem). Insuper et huiusmodi kmethones, ad quatuor tlokas in anno vocati, laborare tenebuntur. Et si kmetho alicuius terrigenae sub alium terrigenam aut Ducem Magnum, aut Ciuitatem surgere voluerit, et fideiussus pro eo fuerit, ex tunc surrectionis, alias wstanego, de manso integro, alias Włoka, sexagenam terriginae, a quo recedit, in ortualium, alias stodolnego, mediam sexagenam soluere tenebitur; de medio vero manso, medium huius. Si quis terrigenarum causa possessionis melioris kmethones leuiori datia et labore in terra sua locare vellet, in damnum commune terrigenarum, talis terrigena non observans huiusmodi instituta nostra, camerae nostrae pro poena centum sexaginas soluere tenebitur. Ministerialem, alias sluzebnika, et custodem, straze, oprawcą Judex cum subjudice eligere debent. Post maturam (matatinarum) vero vsque ad vesperarum iudicare debent Judex cum Subiudice, et post resignationem iuris, cui necessarium fuerit rescripta, seu minutas, de libro terrestri recipere, recipiet. Quilibet terrigena cittatus ad primum terminum si non paruerit, pro poena non comparationis, wlgariter niestannego, fertonem soluere tenebitur. Item, quicunque ex sententia Judicis liber pro eo, pro quo ad judicium tractus fuerit, pronunctiatus fuerit, ex tunc pomocnego quinque grossos Judici et subiudici soluere tenebitur. In quorum omnium et singulorum robur et fidem sigillum nostrum praesentibus est appensum. Actum et factum Vilnae Feria secunda ipso die Sancti Petri ad Cathedram (22 феврадя) Anno Domini Millesimo Quingentesimo Primo. Praesentibus ibidem Reuerendo, Magnificis, Generosis et Nobilibus: Alberto Episcopo Vilnensi, Nicolao Radziwiłowicz Palatino Vilnensi et Magni Ducatus nostri Lithuaniae Cancellario, Johanne de Zabrzezie Palatino et Castellano Trocensi et Magni Ducatus nostri Supremo Marschalco, Alexandro Juriewicz Castellano Vilnensi et Capitaneo Grodnensi, Stanislao Janowicz Capitaneo Samogitiensi et Castellano (Capitaneo) Vilnensi (Velunensi?), Stanislao Hlebowicz Marschalco et Capitaneo Witepscensi, Georgio Ilinicz Marschalco et Tenutario Lidensi, Alberto Kłoczko Magistro Curiae Ducatus nostri et Marschalco, Ioanne Steczko Capitaneo Drohiciensi, Matthia Steczko Tenutario illius curiae, alias Wisczegrod et alijs quam plurimis, per manus Stanislai Veneti notarij, qui praesentia habuit in commissis.

(Литовск. Метрики кн. Записей XXV, л. 18—22. Варіанты курсивомъ въ скобкахъ изъ текста, напечатаннаго въ изданія Дзялынскаго Zbiór praw litewskich, str. 82—91).

Привилей владыце, бояромъ и всимъ мещаномъ Смоленскимъ, на права и вольности ихъ.

Во ими Божье аминь. Бысокихъ нановъ подданые господорства редностью справа посполнтая речь и знаменитое чти доступають. Про то ку всчной тое то речи памяти, Мы Александръ Божью милостью король Польский и великий киязь Лиговский, Руский, кияжа Пруское, Жомойтский и иныхъ. Ченимъ знаменито симъ нашымъ листомъ, хто на него посмотрить або чтучи его вельшить, нинешнимь и напотомь будучымь, кому будеть потреба того ведати. Били намъ чоломъ владыка Смоленский Иосноъ и околничии Смоленскии, и вси килзи и панове, и бояре, и мещане, и чорние люди и все поспольство мъста земли Смоленьское, и клали передъ нами привилей моестать счастное намяти отца нашого Казимера короли его милости, штожъ отецъ нашъ, будучы ещо великимъ кияземъ, порозумевшы и убачившы ихъ къ его милости и театъ ку предкомь нашымъ верную а справединеую службу, ижъ предкове ихъ и они завжды у въре своей заховалися и инчоли часу пригоды на нихт и нологи оть розмантыхъ неприятелей великого книзства Лиговского завиды неотступни были, а тому господару, который седель на Вилни а на Троцехъ, всякою верною послугою служили и противу его неприятелей руку свою подносили ажъ до горла своего, -- отецъ нашъ, доброе памяти король Казимеръ, за тую вышей писаную верность ихъ, хотечы имъ зъ особливое своее ласки досыть вчинити, даль имь привилей свой. И после того, вы колку летехъ его милость. вко паномъ корунованымъ будучы, со всими предаты и паны радами своими ихъ смотрелъ съ наномъ Миколаемъ Радивиловичомъ, въ тотъ часъ какъ отъ его милости Смолнескъ держалъ, и судовые листы свои на то имъ подавалъ, которогожь привилья маестатного и листовь судовыхь его милости вси члонки выбравшы, казали есмо вписати въ сесь нашъ листь, и такъ ся въ собъ мають, тымъ обычаемъ. На первей, штожъ намъ хрестилиства Греческого Закону не рушити, налоги имъ на ихъ въру не чинити, а въ церковъные земли и въ воды не вступатися, такежъ въ монастыри и въ отмерщины не вступатися. А по смерти мужней, жоны зъ дому не двигнути и по неволи замужъ ихъ не давати. А хто отходя съ того света кому прикажеть свой статокъ, того не рушити. Такежъ и въ татиное беремя (намъ) не вступатися, ни наместнику Смоленскому, нижьли опять отдати тому, къ кого што украдено. Тежь тамга горожаномь Смолняномь не надобъ, нижьли на гостехъ тамга брати. А корчмы въ городъ Смоленску не держати. А такежъ въ роки выдавки, што одинъ выдасться, а другий не выдасться, туть вины четь; а коли оба выдадуться, ино судомъ дошодъ, на виноватомъ вина взяти, а децкованье по старому. Тежь весь медовый, соляный, музелки, коромысль, тымъ его милость Смолнянъ пожаловалъ. А сто рублевъ, што зъ города данвали на годъ, то его милость имъ на въки отпустилъ; а што Тоеричи, мъстичи Смоленские, двадцать рублевъ грошей данвали, и то его милость нив такежь отпустиль. А бояромъ Смоленскимъ въ закладни людей своихъ

не казаль его милость приймати. А подводь горожаномъ не велель давати, казаль его милость подводы держити зъ волостей на свои погребы; а къ приезду своему, и горожаномъ подводы велелъ его милость давати, погому, какъ и при великомъ князи Витовте даивали. А што волости держивали бояре Смоленские, то таки имъ держати по старому, какъ пожалуемъ которого боярина Смоленского которого волостью. А што Швитригайло отвернуль быль волости отъ Смоленска, тые волости зася его милость привернуль въ Смоленску; и што великий киязь Витовть обернуль быль ко Мстиславлю Смоленское волости Молоховский люди, и тые люди его милость опять привернуль къ Молохвѣ по старому; а тыхъ волостей Смоленскихъ никому не держати, нижьли бояромъ Смоленскимъ же. Тежъ и то его милость выписаль имъ въ правилен своемъ: естли бы Полочане брали на Смолнянехъ мыто отъ соли и отт воску, и его милость такежъ Смолняномъ велель брати на Полочанехъ оть соли и оть воску; а естли бы Полочане на Смолнянемъ не брали, ино и Смолняномъ на Полочанемъ не брати. А которое право даль его милость княземъ и паномъ и болромъ Литовскимъ, тоежъ право даль его милость княземъ, паномъ, бояромъ Смоленскимъ. Далей его милость въ томъ привилен своемъ выписалъ а наые члонки, ву поленшенью земли Смоленское. А што его мплость смотрель ихъ съ паны радою своею о томь, ижъ панъ Миколай Радивиловичъ, воевода Виленский, канцлеръ нашъ, какъ отъ его милости Смоленскъ держалъ, хотелъ нмь новины уводити тые: коли зъ города Смоленска еждживаль по дворомъ Смоленскимъ а любо въ ловы, тогды въ нихъ подводы бирывалъ зъ мъста подъ себе и подъ свои ръчи, и околничие Смоленские, и намъстникъ, и слуги пана Миколаевы такежъ въ нихъ подводы зъ мѣста бирывали; а коли на Глушицы панъ Миколай мешкивалъ, ино слуги его много въ нихъ зъ жеста чоликовь зъ людми бирали подъ его речи, которые коли до него въ Глушицы проваживали; таксжъ, коли самъ мещкивалъ въ городе въ Смоленску, тогды велель имъ сторожы давати на свой дворь со всего мъста, чогожь здавна, за великого князя Витовта и за Жыкгимонта и за отца нашого короля его милости, николи не бывало, нижьли только данвали по два сторожы до скарбу наместниковъ Смоленскихъ, въ тотъ часъ, коли они зъ города зъеждждали, и то съ тяглыхъ людей, которые здавна тую службу служывали; такежъ слуги пана Миколаевы, и владычнии и околничихъ слуги децкованья почали были много на нихъ брати, не по тому, какъ передъ тымъ опрано, отъ рубля по четыри грошы, а отъ полтины по два грошы, а на милю децкованья по грошу; а коли на справу пошлются, ино по два гроши на милю на нихъ бирано; а коли который человекъ внадеть у вину, а любо на которомь человець заплату присудять кому, и въ иншихъ малыхъ дълехъ слуги пана Миколаевы и владычни и околничыхъ слуги ихъ въ доводню сажають, а на поруку не дають; которое жъ дело его милость на той мере поставиль: коли кого вина обойдеть, а любо который человекь кому будеть чимь виновать, и тежь до права черезь поруку, тыхъ всихъ не казалъ его милость въ доводню сожати въ таковыхъ малыхъ дёлахъ, а велель ихъ за поруку давати, кромъ своего великого дела, въ которомъ же не пригодител на поруку давати.

Такожъ рядпичий пана Миколаевъ биралъ взвёстку въ гостей въ кунновъ, которые приежджають со Мстиславля, съ Крычова и зъ иншихъ городовъ, чогожъ передъ тымъ не бывало, а противъ того на Смолиянехъ во Метиславли и въ Крычове и въ иныхъ городехъ възвёстку бирали: и здавна рядничый нам'єстниковъ Смоленскихъ на Метиславцахъ и на Кричовцахъ и на иныхъ купцовъ нашихъ городовъ и месть взвестки не бирали, нижли бирали взейстку на Мосивичахъ, на Тверичахъ и на иныхъ купцовъ чущеземцохъ. Такежъ околничие Смоленские врадилки наместниковъ Смоленскихъ нево увели: на тыхъ кущцохъ, котерые зъ Вязмы и зъ Дорогебуща и зо Метиславля и зъ сель привозять къ городу мясо продавати цельми стяги, бирали съ стягу по полугрошку; а того здавна не бивало, нижьли съ тыхъ резниковъ, которые въ месте живуть и мяса продають, тогъ доходъ околничии бирали. Тежъ и ловчый пана Миколаевъ новину имъ втелъ быль-судиль ихъ и рядиль по всему мёсту и дециин свои на нихъ даваль, чогожь здавна не было, нижли наместникь Смоленский и съ окольничими и зъ иншими вредники сужывалъ ихъ на нашомъ дворъ, а ловчии при томь же бывали и доходдовь своихъ врочныхъ смотривали. Такежь и тую новину панъ Миколай ввель биль-велель имъ со всего места люди выганяти на Есеную прудовъ сыпати, а здавна того мещане не дъливали, нижли тяглые люди пруды сыпылали. И отець илив король его мелость съ нани радою своею, доведавлыся того достаточне ото на нихъ (отъ нихъ?) и отъ князей и пановъ и бояръ земли Смоленское, икъ тые пошлины всп имъ ново уведени, и зася тые вси новины вышенисаные его милость имъ отложыть, а вчиниль все по старому, какь передь тымь бывало. Такежь влали передъ нами третий листь отца нашого, короли его милости, который его милость писаль до нана Миколая жъ Радивиловича о привдамъ и о новинахъ, которые месту Смоленскому часу его держанья дълалися. На первей, што ся тычеть ябединновь, которые ходечы из мёсту людей соромотить и боемь вленлють, и зараживають зариды великий; и коли хло бою, а любо и зарядовъ отгишется, отъ того пересуды велише на нихъ напестники и околничие въ оний часъ биринали: ино въ томъ своемъ листе его милость писать: которые бы ябединки людей дармо клепали боемь, а любо заряды великие закладали, а приподими на судъ того си не допидутъ, ни бою, ни зарядовь, абы тыхъ ябедниковь винами нарано подле ихъ наслуги, который чого будеть заслужиль. Тежь вы томы листь его малости инипсано, абы конюшие брали съ конского и зъ жиготинного стада зъ м'ястегого куницу по двадцати грошей на лъго подле давного обичал, какъ передъ тимъ бивало са великого имам Виговта и за Жыкгимонта. Да и то въ топъ листе его милости выписано, аби килзи и ополничие, в болре Споленские у своихъ лесехъ, которие ополо Диепра мають, и въ дуброгать скоихъ не бородоны (ли) имъ хородовь рубити а дрогь сечы подле далного обичая, камъ передъ тимъ битало. А хто коли почостное заведають на городе, тогь бы съ тихъ людей, которияв делища сказатся, а заел замостить, но трошу брамь; а чыя ділиння мосту будоть ціла, на томь бы интого не браль. А куницы смирские, срадобные брано бы въ нихъ по шести грошей, а

вдовью куницу по дванадцети грошей. А люди кинзские и околничихъ, и боярские, и игуменские, которые въ месте живуть и торгомъ ся обыходить, тые бы вси сторожовиции зь мъстомъ илатили по силамъ. А хто коли человека держить въ пенязехъ, тые бы сами тыхъ людей своихъ судили и рядили, а околничие бы и иншие врадники Смоленские въ тое ся не встунали. Такежъ которыхъ людей церковныхъ и князскихъ и боярскихъ маршалокъ нашъ нанъ Литаворъ Хребтовичъ привернулъ зъ мѣстомъ службу тяглую тягнуги, кром'в досп'вшныхъ и служебныхъ мещанъ, тые люди вси зася отъ мёста отнималися и не хотели посполь зъ мёстомъ намъ служити: и коли будеть потреба человека або дву къ нашей службе, подъ посла або подъ гонца нашого, а любо на которую на иншую нашу потребу, ино ден подвойский зъ околничихъ слугами все мъсто обходять, для одного человека або для двухъ рекучи, а зъ людей по грошу поберуть, для чогожъ тому мъсту нашому шкода и тялкость великая дълалася. Ино вжо мы писали о томъ до нана Юрья Глебовича, канъ отъ насъ Смолнескъ держалъ, приказуючы ему, абы тымъ людемъ церковнымъ и болрскимъ велелъ посполъ зъ мёстомъ служити, потому, какъ маршалокъ нашъ панъ Литаворъ ихъ къ мъсту привернуль; а подвоискихъ бы которыхъ збродневъ отставиль и обраль бы на подвойщанье добрыхь людей, не збродневь, которые бы мешаномъ любы были; а люди бы давали на службу чергами, и околинчихъ бы слуги не казали имъ людей драневанти. И тотъ листь нашъ, который есмо до нана Юрья писали, тыми разы они передъ ними вказывали и били намь чоломь, абыхмо имь тое все потвердили нашимъ листомъ. Ино мы, не только на то маючи взглядь, имъ продкове ихъ били върни и у службахъ поволни проднамъ нашымъ, але вно и часу щасного панованья нашого противу неприятелей нашыхь они досыть чинили и намъ верне служили, яко господару своему отчинному и дединному, а прото, зъ ласки нашое, для ихъ верное службы вси тые вышейнисаные доброволенства подлугъ привылея и листу судового отца нашого, короля его милости, и подлугь того листу, который его милость до нана Миколая Радивиловича писалъ о кривулхъ и о новинахъ мъста Смоленского, и текть подле нашого листу, которий есмо до нана Юрья Гльбовича писали, маемъ мы и наши наместинен иль и по нихъ будучимъ дергати, и потвержаемъ имъ то симъ нашимъ листомъ, въчно и непорушно, и на въки въкомъ. А при томъ были панове рада наша: нанъ Мартинъ, биенутъ Жомойтекий; а воевода Виленский, ганилерь, нанъ Миколай Радипиловичь; воевода Троцкий, маршалокъ земсний, нань Миколай Миколаевич ; нань Троцинії, староста Жомойтский, панъ Станиелавъ Яновичъ; воевода Полоцини панъ Станиелавъ Глебовичъ; а гетимив и маршалокъ панъ Станиславъ Петровичь; а маршалокъ дворный, нам'я типет Бальский, киязь Мехайло Львовичь Глинский; а подчашый, намъстнияъ Повгородский, нанъ Олбрактъ Мартиновичъ и иные многие князи и наполе, рада наши. А для лъпшого сведомы и болное твердости и нечать нашу маестатную казали есмо привъсити къ сему нашому листу. Инсань и данть въ Берестън на сойме, въ лъто 7013 (1505), месеца марта 1 день, индикть 8.

(.laто. л. Метрики ки. Записей V, л. 307-310).

III. Terra Drohiciensis juri Polonico adscribitur.

In nomine domini, amen. Ad perpetuam rei memoriam. Ordinationes regum et principum pro subditorum commodo quomodolibet factae, ut potissimum firmae ac stabiles essent, tam litterarum munimentis, quam testium fide dignorum annotatione perhennari consucuerunt. Proinde nos Sigismendus. dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lithuaniae, Samogitiaeque dominus et haeres significamus tenore praesentium, quibus expedit universis, praesentibus et futuris, harum notitiam habituris. Quod licet nobiles et terrigenae nostri districtus Drohiciensis, de speciali concessione praedecessorum nostrorum, huius magni ducatus nostri Lithuaniae ducum, jure terrestri Polonico, more nobilium terrigenarum, in regno nostro Poloniae degentium, gauderent et uterentur, haberentque desuper litteras et munimenta eorundem praedecessorum nostrorum, videlicet, serenissimorum olim principum, foelicis recordationis, Kazimiri genitoris, et Alexandri germani nostrorum charissimorum, Poloniae regum et hujus ducatus Lithuaniae ducum, successive concessa: quia tamen in eisdem literis seu privilegiis, coram nobis ad praesens originaliter productis et exhibitis, multa comperimus articulatim superuacanee descripta, quae in libris statutorum regni nostri Poloniae specifice et per expressum continentur, et juxta nonnulla, quae in perniciem, jacturam et oppressionem non modicam eorundem subditorum nostrorum fuere adjecta, hoc idem jus Polonicum eisdem subditis nostris nobilibus et terrigenis, privilegiatis et non privilegiatis, hoc est, jus habentibus et non habentibus, districtus praefati Drohiciensis, praesentibus et futuris eorumque successoribus, conjunctim et diuisim, de certa scientia et gratia fauoreque speciali ducalibus nostris, de nouo iterum dandum et conferendum duximus, damusque et conferimus, in omnibus punctis, articulis, et conditionibus, prout in libris statutorum regni Poloniae latius continentur, in eodem districtu nostro tenentes et observantes, omnes et singulos articulos juri praedicto Polonico, ac justiciae quomodolibet contrarios, in literis et priuelegiis praefatis praedecessorum nostrorum praedictorum, uti praefertur, expressos et specificatos, oppressionem huiusmodi subditorum nostrorum praefatorum in se continentes, et in nihilum redigentes, cassantesque et mortificantes ac extinguentes perpetuo, et in aeuum, tenore praesentium mediante. Praeter illum articulum, quo mediante, praefati praedecessores nostri officiales seu ministeriales, uulgo Lithuanico Dzyeckye nuncupatos, contra ipsos nobiles et terrigenas ejusdem districtus, nunquam deinceps fore dandos, prohibuerant, quos quidem officiales primo expressos nos quoque dandos esse praesentibus prohibemus quomodolibet in futurum: volentes et districte praecipientes, ut omnes et singuli officiales terrestres et castrenses districtus predicti Drohiciensis, pro tempore existentes, quilibet corum pro suo interesse, nobiles et terrigenas nostros praedictos, ad cuiuscunque instantiam, videlicet tam nobilis, quam ignobilis, Rutheni, Iudaei, Armeni, Christiani et Pagani, citatos, ac literis citationum intercisis, non nisi sermone et caracteribus latinis, iuxta consuetudinem iuris terrestris Polonici conficiendis, legitime euocatos, pro causis,

tam paruis quam magnis, nullis exclusis, secundum hoc idem ius Polonicum, et ordinationes in libris statutorum regni nostri Poloniae specifice contentas, non aliter, quam nunc et in futurum judicarent temporibus aeviternis. Et quamuis iure inso Polonico laudabiliter prouisum sit, ut in singulis terris einsdem regni nostri, homines possessionati et indigenae, ex incolis cuiuslibet terrae seorsum, et non extraneae personae singulis officiorum terrestrium et castrensium in casu vacationis praeficiantur in hactenus: pro maiori tamen cautela et saecuritate praedictorum subditorum nostrorum Drohiciensium, praesenti priuilegio nostro id ipsum singulariter instituimus et ordinamus, ut in eodem districtu Drohiciensi huiusmodi officiales terrestres, per liberam electionem indigenarum et universorum nobilium convetionaliter congregatorum, de jure communi regni fieri solitam, ad eadem officia sua, totiens quotiens per decessum uacatura, non nisi cum ratihabitione nostra ducali successorumque nostrorum magni ducatu Lituaniae ducum; castrenses vero pro arbitrio nostro duntaxat ex eisdem incolis et indigenis districtis praedicti Drohicensis, per nos et successores nostros Lituaniae duces, dum modo uterque ipsorum officialium romanae religionis essent, deinceps institueruntur: de omnibus et singulis causis subditorum nostrorum praedictorum coram se legitime exortis, motis et mouendis, statutis a iure temporibus modo praemisso cognituri, confirmantes esse: nihilominus in hoc moribus et consuetudinibus approbatis, et approbandis terra cracouiensis, tam diu, quoadusque omnes aliae consuetudines iudiciariae uniuersarum terrarum regni nostri praedicti, per nos vel successores nostros Poloniae reges, aut eos, quorum interesset inuicem coaequarentur. Casu vero quo aliquis terrigenarum nostrorum Drohiciensium praedictorum, aut quispiam alius, in judicio terrestri vel castrensi Drohiciensi, sententiam contra se latum reportanerit, qua mediante crederet sibi quomodo libet praejudicatum iri: extunc instituimus et ordinamus, ut in eiusmodi praeiudicio, liceat unicuique taliter condemnato, a sententia judicis et capitanei nostrorum predictorum, velut iniqua et erronea, ad nos et successores nostros Lituaniae duces, cum parte sua aduersa legitime appellare, et coram nobis successoribusque nostris, cum eadem parte aduersa iusticiam suam experiri meliorem, iudice et capitaneo illaesis, quietisque propterea manentibus, prout in terris Mazoniae et praesertim in terra nostra Plocensi, teneri et observari est consuetum. De poenis vero iudicialibus, per partes uictas legitime luitis, ad sortem nostram et successorum, officialiumque nostrorum, et etiam partis uincentis ex ui perlucrorum, vel quomodo aliter spectantibus, per officiales nostros castrenses, et terrestres, praesentes et futuros Drohicienses exigendis, ac de kmethonihus eorundem terrigenarum nostrorum Drohiciensium fouentes (fouentur), manu tenentes (tenentur). Mellificiis quoque seu apiasteriis, ac iniuriariis et damnis quomodolibet inde secutis et iusticia uicinis, cum subditis nobilium et terrigenarum pro quacunque re ministranda, cujuscunque ritus utrinque aut conditionis essent, nec non captiuandis et non euocandis ad quodcunque iudiciorum nostrorum eisdem terrigenis de proprio eorum districtu Drohiciensi pro quibuscunque eorum excessibus, totoque

processu iudiciario, ac inscriptionibus et aliis rebus quibuscunque, per singulos iudices et capitaneos nostros Drohicienses, pro tempore existentes, non aliter volumus observari, nisi quemadmodum iure ipso Polonico iuxta constituciones praedecessorum nostrorum, in toto regno hactenus teneri et observari solitum est ac consuetum. Ordinamus etiam ac instituimus, ut in singulis citationibus literalibus, terrestribus, sigillum terrestre districtus Drohiciensis, infra depictum, equum sellatum uno homine armato, litera S., ad perpetuam memoriam nominis nostri praecincto, in se continens, applicaretur subimpremeturque, totiens, quotiens fuerit opportunum. Quod quidem sigillum supra descriptum, praesenti priuilegio nostro ipsi districtui Drohiciensi et incolis ejus, pro tempore existentibus, quo ad praefatam necessitatem iudiciariam, ac pro armis terrestribus Drohiciensibus de nostrae celsitudinis clementia tribuendum, concendendumque duximus, prout tribuimus et concedimus perpetuis temporibus, per eos quorum interest observandum. Ut itaque praemissa omnia per nos concessa robur obtineant perpetuae firmitatis praesentes literas nostras scribi, sigillique nostri magni ducatus Lituaniae, iussimus et fecimus appensione communiri. Actum et datum Vilnae, die dominica lastare (2 martii) anno domini 1516. Praesentibus ibidem: reuerendo in Christo patre domino Alberto episcopo; ac magnificis et generosis: Nicolao Radzivilowicz palatino vilnensi et cancellario, Gregorio Ossczykovic trocensi et marschalco curiae, Alberto Gastold polocensi, Iohanne Zabrzezinski nouogrodensi, palatinis; Andrea Douovnovic succamerario, Georgio Hlinicz capitaneo brzestensi, Iohanne Szytouic, Nicolao Iundylouic, et Iohanne Hlebowic marschalcis caeterisque dignitariis et officialibus curiae nostrae, circa praemissa testibus fide dignis, syncere nobis et fidelibus nostris dilectis. Datum per manus praefati magnifici Nicolai Radziuilouicz palatini vilnensis et magni ducatus cancellarii, syncere nobis dilecti.

Sigismundus rex significat.

Relatio eiusdem magnifici Nicolai Radziuilouic palatini vilnensis et magni ducatus Lituaniae cancellarij.

(Перепечатано изъ сборника Дзялынскаго "Zbiór praw litewskich", стр. 118—121, варіанты въ скобкахъ изъ Volumina legum I, р. 384—387).

Привилей отъ короля его милости Жикгимонъта всимъ обывателемъ шляхте земли Киевское на права о вольности ихъ.

Жикгимонть, Божью милостью и далей. Во имя Светмя Жывоначальные и нерозделимыя Троицы. Аминь. Мы, Жикгимонть, Божью милостью король Полский, великий князь Лиговьекий, Руский, Пруский, Жомойтский, Мазовецький и иныхъ. Чинимъ знамениго симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ або чтучы его услышыть, нинешнимъ и напотомъ будучимъ, кому будеть потребъ гого ведати. Били намъ чоломъ слуги наши, князи и панове, и бояре, и земяне вся шляхта Киевская о томъ, што

перво сего доброе намяти отецъ нашъ Казимиръ, король Польский и ведикий князь Литовъский, и потомъ братъ нашъ Александръ король, и мы сами дали имъ право добровольное хрестияньское и привилы нашими то имъ потвердили, потому, какъ отецъ нашъ далъ былъ имъ: потомъ, какъ въ Божьего допущенья замокъ нашъ Берестей згорель, тые права вси трои были въ захованые писара нашого, державьцы Дорсунишъского пана Ивашка Горностаевича зъ речъми его въ дому нашомъ господаръскомъ, и въ тотъ часъ отнемъ згорели, -- онъ, будучи при насъ на служъбе нашой въ Кракове намъ то объявилъ; потомъ, будучи намъ въ отчине нашой великомъ киязстве Литовъскомъ на великомъ вальномъ сойме, они жъ били намь чэломь, абыхьмо имъ водлугь тыхь первыхъ правъ ихъ знову дали имъ право тоежъ доброволное и потвердили листомъ нашимъ на вечъность. Мы зъ ласки нашое за ихъ верные а знаменитые къ намъ служъбы, ижъ они пилне а охотъче и верне намъ заслуговали и крови своее не мало за насъ и за паньства наши съ поганьствомъ и зъ иными неприятелми нашими розлили, и въ поганьскихъ рукахъ многие съ нихъ, у везеньи будучи, округными смертьми и нетствы и обтяжени надзу приймовали и терпели, и веру свою стале а цастливе и непорушно заховали и заховывають къ намь, яко къ пану своему прирожоному дедичному, тые права водле первое данины славъное памяти отъца и брата нашего, королей ихъ милости, имъ всимъ знову даемъ и даруемъ духовънымъ и светскимъ. Напервей, церквамъ Божимъ-въ церьковъные люди и въ земли и во вси доходы и приходы намъ не вступатися. А безъ права дюдей намъ не казнити ани губити, ани именей не отнимати; а коли который завинить што, ино, осадивъ право, што вкажеть виноватого, того по его вине казнити. А хто кого обадить а любо объмовить тайно ли, явно ли, ино того виодною виною не казнити, ни нятствомъ, ани шиею, олижъ поставити его на явьномъ суде хрестияньскомъ, который вадить, и того, на кого важено, досмотревъ межи ними, право вчинити; а хто будеть какъ заслужиль, тоть тое и втерпить, выменяя зрадцы, хто иметь на насъ лихо мыслити або на землю нашу, того казнити шпею п именьемъ. А который будеть какую вину заслужиль, ино того самого казнити по его вине, а жоны и детей въ именьи не рушати: проступить отецъ, ино отъца казнити, проступить сынъ, ино сына казнити, а отца сынцею виною не казнити, а сына отцовою виною не казнити, только самого того казнити, хто будеть виновать, а хто того вчастень. А отчинь и выслугь не отынимати, што которые будуть выслужили у великого князя Витолта и у великого князя Жикгимонта, што придаль великий князь Витовьть и великий князь Жикгимонть, и отець нашь, и потомъ князь Александръ и князь Семенъ, а не отчины чужын, и съ того ихъ не рушаемъ и то все имъ потвержаемъ. А по животе жоне и детемъ именья держати; а въ кого детей не будеть, ино ближънему; а жона тая, покуль усхочеть по мужи вдовети, и она мужънимъ володееть. А записати жоне пенязи на именьи не на всемъ, но на подобъной части, а именья не записывати; и похочеть за иного мужа поити, и она съ тымъ идеть, што будеть мужъ ен записалъ, а именье

детемъ зоставити, а детей не будеть, ино ближънему; а будеть пустый человекъ-ни детей, ни племени, ино на пасъ тое именье. А князи и панове, которые выслуги держать, кому погвердиля листы нашими, въ томъ волни: въ церки по души дати, заменити, продати и отдати зъ нашимъ прозволеньемь; а примажеть кому статьки свои, ино намь того из рушати. А на церъколъные дюди и на князские, и паньские, и боярские децькихъ не давати, перво обослати листомъ, штобъ ву праву сталь а любо человека поставиль; а не станеть ли альбо человека не поставить, до кого дело, ино повьторе обослаги; не станеть ли и повторе, тогды децъкого дати, а вину господаръскую осужоную заплатити, чий будеть человекъ. А коли проступить бояринъ, ино воеводе нашому осудивъ и за поруку дати, до насъ отъложити: мы цакъ оудемъ вольни въ той вине взяти и отъпустити. И которые княжата и панята хотять ехати до чужихъ земль, и они, узрестивъщися намъ а любо нашому воеводе чоломъ вдаривъши, а въ своемъ именьи служьбу осадивъщи такъ добрую, какъ бы и самъ, а безъ себе и зъ своими людми до кого будеть дело, кому право велети давати, тогды чожеть (ехати) зь докладомь, ажь земьское служьбы не будеть; а безъ нихъ именей ихъ не рушити, толко въ неприятельскую землю не ехати противъ насъ и нашое земли. Такъ же, хто иметь на кого гонити (сочити), ино того сока съ нимъ поставити; альбо слуга добре врожовый шляхтичь на папа своего што иметь сочити, а не доведеть, ино намъ того казнити, какъ потварцу; а коли будеть чоловекъ или холонь, или роба на господара своего сочити, ино съ чоловекомъ и съ холопомъ, и зъ робою суда негь, а чоловека и холона, и робу господару выдати. А Киенина, какъ и Литвина держати въ чъсти и во всихъ врадехъ, ни въ чомъ не понижити; а городби и волости Киевъские Кииномъ держати, а иному никому: будемь ихъ давати, кому ся будеть годити. А воторые князи и панове, и бояре Литовьские держать именья въ Киевской земли, тымъ служъба заступовати съ тыхъ именей съ Кияны самымъ своими годовами. А церъковнымъ людемъ и князскимъ, и паньскимъ село оть села подводъ не давати. А выдавъку, коли ся оба выдадуть, и оба шапъками вергнуть, ино то выдавъка; а одинъ ся выдасть, а другий ся не выдасть, то не выдавъка. А тать што въ кого вкрадеть, а допщуться тое татьбы, а татьба будеть великая, не узможегь ли того заплатити, ино татя на виселицу; а къ жоне будеть носиль, а жона будеть ведала а поживала зъ детьми, ино и жона винъна зъ детьми; а што взялъ, то господару вернути, въ кого вкрадено; а коли узможеть заплатити, ино истъпу заплатити татинымъ именьемъ, а лице на дворъ. А церъковънымъ людемъ и внязскимъ и паньскимъ езовъ не езити и сена не косити, и дворовъ нашихъ не селити, толко имъ знати своихъ господарей, хто кому служить; наши дворы нашими людми селити. А што придаль люди князь Александро и князь Семенъ, тымъ людемъ такъ же езовъ не езити а сена не косити и дворовъ нашихъ не селити. А городки Киевъские по старому: делати города кожъдому надобе. А бобровъ по церъковнымъ и но князскимъ, и по паньскимъ, и по боярскимъ селамъ не гонити: (гонити) напимъ бобровъ-

никомъ по нашимъ землямъ и водамъ. А людей нашихъ тамошнихъ ани Литовъскихъ имъ за себе не приймовати, а намъ великому князю церъковныхъ людей и книзскихъ и начыскихъ за себе не приймовати, отчизныхъ людей непохожихъ. А въ облаву церъковънымъ людемъ и князскимъ и паньскимъ не ходити. А княземъ, паномъ и бояромъ съ послы къ орде не ходити, слугамъ ходити; будеть ли потреба пъ орде съ аихъ кого послати, мы маемь того обослати, а онь маеть ехати въ посельстве. Такъ же просили насъ князи и панове, и земяне Кперъские, ижъ бы имъ новины уводили врадники наши, воеводы Киевъские, зъ ихъ людей куницы свадебъные на себе беруть, и тежъ на именья ихъ слугъ насылають и безъ кожъдого права грабять ихъ самыхъ и людей ихъ; такъ же, хто бы ся заложиль о которое право до насъ господара, и они ихъ до насъ не допущають: и тежь о мыта новые, где здавъна не бывали, а ново уставленые; —и били намъ чоломъ, абыхъмо имъ тые новины отъложили. И мы, о томъ номысливънии съ паны радою нашою, уставляемъ такъ: што ся дотычеть куниць свадебыныхь, коли нашь чоловекь въ князского чоловека а любо въ паньского, а любо въ земяньского подметь девъку, ино выводная куница господару, въ члего чоловека девъку пойметь; а пойметь князекий або паньский, або земяньский чоловекъ въ нашого чоловека дезьку, ино куница выводная нашому воеводе зъ нашого чоловека. А о грабежи безправъные такъ уставляемъ: коли бы ся который князь або панъ, або чоловекъ нашъ пожаловалъ нашому воеводе на князя або на пана, альбо на боярина Киевъского, ино ему обослати листомъ по два кротъ, абы передъ нимь ку праву сталь; а паклибь на листы его не сталь, ино третий разъ послати децъкого и поставити ку праву, и седши съ жизи и паны и бояры Киевъскими того досмотреть, и хто въ томъ зостанеть виненъ, на виноватомь сужоное отправити; а хто бы не уступал въ право передъ нашымъ воеводою отозвалься до насъ господара, того пустити передь насъ, а призвавили ихъ, обеюхъ сутижихъ, передъ себе, и дати имъ рокъ подобъный передъ нами стати; а который бы съ нихъ на тоть рокъ передъ нами не стать, выйменяя служьбы нашое, або Боже вховай немощы, а отволокая правомъ, тогды воевода нашъ маеть моцьно его передъ собою ву праву поставити, беть кожъдого отъзыванья передъ насъ, и справедливость маеть тому вчинити наконець. А о мыта новые такъ уставляемъ: где бы здавъна не бывали за предковъ нашихъ, за великого князя Витовта и за Жикгимонъта и перво сего за отъца и брата нашого, королей ихъ милости, тугъ и теперь не потребъ воеводамъ нашимъ мыть вовыхъ уставляти, нижьли старые звечьные мыта мають браны быти по давьному. Такъ же зъ щедро(б)ливости нашое господарское хочемъ заховати князей и пановъ и ихъ людей отъчизныхъ и выслуженыхъ во всихъ именьяхъ ихъ въ таковыхъ волностяхъ, ижъ воеводы Киевъские иннешние и потомъ будучие не мають въ именья ихъ всылати по пасекамъ и по землямъ бортънымъ медовъ на себе брати, а но рекамъ не мають бобровъ гонити и озеръ ихъ волочити, ани по лукамъ ихъ осетровъ брати, ни по ловомъ всякого зверу ловити, ни стрелити, ни птахъ не ловити, ани стрельцовъ

своихъ не мають въ ихъ именьяхъ всылати. А на служъбахъ нашихъ въ княжатъ и панятъ Киевскихъ силою языковъ воеводе Киевъскому не отънимати. А по подборьямъ въ замку и въ месте Киевъскомъ по князъскимъ и паньскимъ слугамъ воеводинимъ и жолънеромъ нашимъ безъ воли ихъ не стояти. И езовъ ихъ по Диенру и по Принети и по всимъ рекамъ въ именьяхъ ихъ десятое рибы на себе гоеводамъ не брати. А на месте Киевекомъ и но инъщимъ замъкомъ нашимъ, што кольвекъ люди ихъ на продажу привезуть медовъ, жить и яринъ, и бобровъ, и куницъ, и лисиць, и рибъ свежихъ и вялыхъ, того всего воеводы Киевъские, непязи не заплагивъ или силою не мають брати, и людей ихъ и чолновъ ихъ въ нихъ не мають брати и въ подводы посылати. А на пословъ нашихъ и на татарскихъ и иныхъ, которые до насъ черезъ Киевъ идуть и зася насодь, люди ихъ не мають стацей и подводь давати. А коли воеводы наши Киевъсине отъ насъ до Киева едуть або съ киева до насъ, або по пригороднамъ нашимъ ездять, або слугь своихъ посылають, ино людемъ церьповынымь, князьскимы и паньскимы и болрскимь на воеводы становы не радити и стацей имъ и слугамъ ихъ и подводь не давати. А што люди церъковъные и князьские, и паньские, и боярские стерегивали педели въ Чорнобыли и подводы дапрали воеводамь и постомъ, и гоньцомъ нашимъ и татарскимъ, мы имъ и людемъ ихъ зъ ласки нашое то вечьно отпустили. А подымщини людемъ ихъ намъ господару не давати, чикъли мають они наномь своихъ давати, хто кому служить. А сокольнхъ гнездъ людемъ ихъ не стеречи. А войть и мещане Киевъские въ пущи, то естъ въ лесы и дубровы церъковъные и князьскии и паньские своволие не мають всылати, дерева и дровъ безъ упроса ихъ брати, а мають брати дерево и дрова въ селехъ нашихъ, где будуть передъ тымъ бирази. А людей ихъ, которые въ месте нашомъ мешкають, не мають ани судити ани радити: судити тыхъ людей господаремь ихъ, хто кому служить; а (въ) право местьское и вь служьбы, и въ поплатъки людей ихъ не маютъ привлащаги, кромь, хто будеть вь ринку клегьку мети и кунчити, а торгомъ ся обыходиги, тоть будеть повинень зъ местомь поплатым наши господаръские платити, а поборовь ихъ местенихъ, што они будуть межи себя на скои потребы пожиздати, не будуть повиньии вь томь мещаномъ помогати ами передъ ними въ жадъное право не мають ся становити. И тое право, дамое имъ отъ насъ и отъ предковъ нашихъ, маемъ во всемъ твердо держети и ни въ чотъ не рушати. А естъли би воеводы наши Киевъские иписшние и потоиз будучие хотели иль вы чомы кольве кривъду и втиснешье влинити, тогды мы и потомъкове наши будемъ повлитии того сорологи и ведопускати инкоторыхъ чложьновъ съ тыхъ правъ рушиги, и предси масть иль супольне а моцьке дершити и боронити, абы были въ тої гольности заходани. А на твердость того и печать нашу маестатьчую гелигого вилиства Литовьского казали есмо привсенти ка сему нашому листу. И при томъ были нанове рада нава: князь Инъ бискунъ Виленьсийй; виняь Навель бискунь Луцький и Берестейский; князь Миколай бискупъ Жомойнский; воевода Троцъкий, гетманъ нашъ навышъщий, староста

Браславъский и Веницкий, князь Костянътинъ Ивановичъ Острозский; воевода Виленъский, канъцлерь нашъ, староста Белский и Мозырский, панъ Олбрахть Мартиновичь Кгаштолгь; пань Виленьский, староста Городеньский, маршалокъ нашъ дворный, державъца Лидекий и Белицкий, панъ Юрын Миколаевичъ Радивиловича; панъ Троцкий, староста Жомойтский, панъ Станиславъ Станиславовичъ Яновича; маршалокъ земъский, воевода Новьгородскай, державьца Мерецкий и Ошменьский и Довькговьский, пань Янъ Яновичъ Заберезеньский; воевода Полоцъкий, староста Лорогицъкий, державьца Ожьский и Переломьский, пань Петръ Станиславовичь; воебода Витебъский, маршалокъ нашъ, нанъ Янъ Юревичъ Глебовича; староста Берестейский, маршалокъ нашъ, державъца Вилкейский и Остринский, панъ Александръ Ивановичъ Ходкевича; воекода Подляшъский, маршалокъ нашъ, панъ Иванъ Богдановичъ Сопега; подскарбий земъский, маршалокъ и писаръ нашъ, державъца Слонимъский и Каменецкий, панъ Богушъ Боговитиновичь; подскарбий дворный, державьца Веленьский, панъ Иванъ Андреевичъ и иные панове рада наши велимого князьства Литовъского. Иисанъ у Вильни подъ леты Божего Нарожени тиемча пятьсоть двадцать девятого месяца сепьтибра первый день, инъдиктъ третий. Рука королевъская. Олбрахть Кгаштолть Канцлерь. Копоть писарь.

(Литовск. Метрики ки. Заинсей XXV, л. 157—162. Слова въ скобкахъ-изъ Акт.

3an. Poc. II, A 30).

V. Привилей всимъ обывателемъ воеводства и места Полоцкого на права и вольности, имъ наданые.

Во имя Божье станься. Ижъ всякие вчинъки циотливые, которые зъ обычаевъ люденихъ походять и бывають въ заховалостяхъ ихъ делани, которые жъ на знаимость стрияю вчинного часы своими явие ся черезь досветьченья оказують и верие а стале долонують, годно есть, абы слушие тежъ вчинъности своей поживали и били бы ознаймены на писмехъ выложоные и потвержоны для ведомости потемъ пришлое людское, абы часу поснолнтого съ намяти не сходило. А прото мы Жикгимонтъ Августь Божью милостью король Иолский и великий князь Литовский, Русский, Пруский, Жомойтский и пиыхъ. Чанимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрить або чтучи услышить нинешнимъ и на потомь будучимь, кому будеть потребъ того ведати. Били намъ чоломъ бояре Иолоцкии к мещане и весь городъ, вся земля Полоциая, и клали передъ нами листы деда нашого Казимира и дяди нашого Александра и нана отца нашого, королей и великихъ князей ихъ милости, штожъ ихъ милость перво сего пожаловали имъ, дали имъ права вольпая добрая христиниская, какъ въ коруне Польской, какъ жо и перво того которое доброволеньство мели оть продвовь нашихъ великихъ князей, отъ великого киязя Витовта и Жикгимонта и Скиркгайла, и просили насъ, абыхмо имъ вси тые права и доброволеньства нашимъ привильетъ потвердили. Мы бачачи, ижъ яко

продкове ихъ, такъ и они завжды у суполной верности заховалися ку продкомъ наинимъ и къ намъ, хотячи имъ тую сталость ихъ веры и послугъ щедробливостью нашою панскою отдати, зъ особливое ласки нашое господарское вси тые доброзоленьетва, листы предъковь нашихъ, деда и дяди и отца нашого, королей и велицихъ князей ихъ милости симъ нашимъ листомъ потвержаемъ и права вольная християнская добрая и справедливая симъ нашамъ привильемъ на вечные часы даемъ. Напервей, въ церкви Божьи и въ именья церковные намъ не вступатися въ домъ Божий Светого Сооея и въ домъ Божий Светого Спаса и въ иные домы церковные намъ не вступатися. А хто кого обадить явно а любо тайно, ино намъ его не карати ни одною виною, апи именьемъ, ни нятьствомъ, ни серебромъ, ни горломъ, олижъ поставити его очи на очи на явномъ суду хрестинискомъ, и того хто вадилъ, и того на кого вадилъ, и досмотревши межы ними право вчинити; а хто будеть што заслужиль, какъ право вкажеть, такъ его карати, по его вине, а жоны и детей не займати, а именья не рушати; нижли который будеть въ томъ деле а то ведаль, тыхъ карати: проступить ли отець, ино отыда карати; проступить ли сынь, ино сына карати, а отца за сыньиюю вину не карати, н сына за отцову вину не карати, толко того самого карати, хто виновать будеть. Такъ же хто держить отчизная именья своя, а любо што кому будеть велакий князь Витовгь даль, и великий князь Швитригайло даль, и дедъ и дядя и отецъ нашъ короли ихъ милость што кому дали, и мы што кому дали, то ему и держати, какъ у королечстве Полскомъ килзи, панове и мещане держать: всхочеть хто свое именье продати, или отдати, или заменити съ кимъ, ино намъ або наместникомъ нашимъ явивши, продати и заменити. А въ купленины намъ Полоцкие не вступатися, такъже и во бедъзащины (беззадщины) ихъ и въ вотумерщины не вступатися намъ. Такъже который бояринъ, а любо мещанинъ отойдеть съ сего света, ино жона тая вдова, доколе на вдовьемъ столцы седить, и именьемъ мужнимъ володаеть; и коли всхочеть пойти за иного мужа, ино ее силою замужь не давати, а пойти ей съ тымъ, што ей будеть мужъ записалъ, и штобы то было сведомо племени первого мужа або инымъ добрымъ людемъ, а именья зоставити детемъ, а не будеть дети, ино братьи, а не будеть братьи, ино ближнимъ первого мужа. Тежъ на боярские люди и на мещанские себры децкихъ намъ и наместникомъ нашимъ не давати; а будеть ли кому кривда, ино перво у господаря его искати правомъ; наки ли не всхочеть господаръ его подобнымъ рокомъ права вчинити, ино намъ и наместникомъ нашимъ децкихъ давати; а вина которая будеть осужона, ино господару своему заплатити, а въ люди намъ боярские не вступатися. А (воеводе нашому Полоцкому) мещанъ одному не судити, сулити ему зъ бояры и зъ мещаны; а черезъ наруку въ нятьство не сажати, а по муще веры не иняти. А холопу и робе веры не иняти. А въ подводы намъ коней въ Полочанъ не рати, ни въ посельскихъ путниковъ, ни въ сябровъ городскихъ; такъже зъ болрекихъ и зъ мещанскихъ сель людемъ непадобе никакою службою тигнути къ нашимъ кнежимъ дворомъ. А старыхъ судовъ намъ

не посуживати, ани своихъ судовъ судивши не посуживати. А въ заставу намъ бояръ и мещинь Полоцкихъ и поселскихъ путниковъ не посылати; а заставъ намъ въ Полтескъ никоторыхъ Полочаномъ николи не давати безъ имъ во ш. А съ нами имъ быти готовымъ на войну. А по волости нашой воеводе нашому Полоцкому не ездити; а поедеть ли коли въ ловы, нно по станомъ не даровати. А станеть ли ся въ которого Полочанина татьба, а дочнуть ли ся татьбы, ино господару отдати; а чого не достанеть, ино тати выдати. А бобры гнати по старой пошлыне. Такъ же важницу въ замъку, або въ месте нашомъ Полоцкомъ, которую перво того держали бояре посполь зъ мещаны, за предковъ нашихъ, за деда нашого Казимера короля его милости, а потомъ съ тое важницы дяда нашъ Александръ король его милость плать быль взяль ку скарбу его милости: ино король его милость старший, панъ отецъ нашь, зася тую вагу и плать съ нее бояромь и мещаномъ дати рачиль. А такъ и мы зъ ласки нашой при той важницы ихъ заховываемъ: мають они на полы, по давному, подле уставы предковъ нашихъ ее мети: то естъ мають въ кождый годъ держати по два боярины а по два мещанины и плать съ нее выбирати, и свою полозину мають обернути на свен потребы. Такъ же которые домы и местца церквамъ Боламъ наданы здавна отъ предковъ нашихъ, або владыка и игуменья, и иные князи и бояре, и мещане, и люди добрые прикупили къ церквамъ Божимъ, и тые домы и местъца суть въ замку, або середь места Полоцкого; и будуть ли за панованья щастливое памети деда нашого Казимира короля его милости, владыка и игуменья на тыхъ звечныхъ местцахъ церковныхъ за собою слуги и иные закладни мели: мы и теперь владыце и игуменьи дозволяемь на тыхъ местьцахъ ихъ и въ тыхъ перковныхъ домехъ слуги и иные закладни за собою мети и ихь судити (садити), а то тымь обычаемь: ижь мають имь служити, а поземъ имъ, господаремъ своимъ, съ тыхъ местецъ мають давати; и будуть ли ся которые съ нихъ торгомъ обыходити, они мають серебъщизну и ордынщину зъ местомъ нашимъ илатити. А которые за местомъ фольварки и поля и сеножати церковные владыка и игуменья мають, на тыхъ полнхъ и на сеножатехъ не мають торговыхъ людей, ани ремесныхъ за собою садити, нижли мають садити людей селскихь, которые бы тамъ хлебъ нахали. Такежъ бояре Полоцкие, тымъ жо обычаемъ, которые съ нихъ отчизные свои домы и местца внутры города мають або на месте Полоцкомъ, и тежъ естли будуть еще за деда нашого Казимира и за дядка нашого Александра и за отца нашого, королей ихъ милости, отцы ихъ и они слушнымъ а ряднымъ обычаемъ которые дворыща покупили або зъ данины ихъ милости мають, тымъ и тепере мы дозволяемъ на тыхъ дворищахъ слугъ и людей за собою садити и ихъ судити потомужъ; который бы съ нихъ хотель купетьствомъ або ремесломъ которимъ ся обыходити, тые мають зъ мещаны нашими серебъщину и ордынъщину платити и иные слушные поплатки, къ пожитку нашому и земъскому.. А што са тычеть серебщины, которуюжъ войть и бурмистры и радцы на свои потребы кладуть на место нашо, того церковнымь людемъ и боярскимь помагати не надобеть. И тежъ которые

бояре будуть мети близько места зъ стародавна свои лесы и боры, и дубровы, и ган, въ тыхъ ихъ лесехъ и борехъ и дубровахъ и въ гаехъ не мають мещане на свои потребы местские дерега брати на будованье домовъ и на дрова, нижли мають мещане на свои потребы дерево брати около места, по нашихъ борехъ и лесехъ и дубровахъ и гаехъ, где здавна будуть бирали, а въ боярскихъ не мають брати: а естли бы который бояринъ своею доброю волею дозволиль мещаномь у своемь лесе и въ боремь, и дубровамь дерево брати, ино то есть въ его воли. Такежъ въ которого Иолоченина загудать воскъ въ Ризе или инде, а прийдеть до Полоциа: ино Полочаномъ взяти тоть воскъ къ собе въ городъ, а карати его Полочаномъ по своему праву, а намъ въ то не вступати. А Полочаномъ нашихъ рекъ и озеръ не танти; а хто потанть, и мы ихъ карати маемъ. А Полочаны намъ не даритися никому. Такъ же есмо и мыта имъ отпустили по всей нашой державе, и тежъ и серебъщину отпустили есмо вечне. А которые Полочане межи собою побыотъца, а за децкимъ поеднаютца, ино намъ куница шерстью зъмирщини; такъ же, коли посварятьца Иолочане и выдадуться оба въ кольце, ино та вина наша; а естли одинъ выдасться, а другий не выдаеться, того есмо имъ отпустили. А за закладиую куницу брати по десети грошей, а борцу по два гроши; такъ же децкоганья отъ рубля по чотыри гроши, а помилного по грошу; а владычнему слузе и боярскому погомужъ децкованье. А воеводинымъ слугамъ тивунства городского не держати, а съ тивуномъ воеводинымъ слугамъ по волости Полоцкой не ездити; а тивуну городскому на нашъ дворъ по три гроши на день. А на Черсвете воеводинымъ слугамъ не судити, судити тивуну по старой пошлине; такъже на Невли судьи не быти и по всей волости Полоцкой, судити воеводе на городе. А тамъ же владыце на попехъ Полоцкихъ куница соборная шерстью; а въ пригонъ попомъ и игуменомъ и (къ) владыце не ходити; а церковныи домы присмотрати старостамъ городскимъ; а церковныхъ земль владычнымъ слугамъ не держати. А гривострымъцу по волости не ездити, ани лну брати. Такъ же намъ господару давати намъ воеводу нашого Полочаномъ по ихъ воли; а который будеть воевода нашъ нелюбъ имъ, и намъ воегоду дати по ихъ воли; а приехавши воеводе нашому къ Полоциу первого дня кресть целовати Полочаномъ на томъ, штожъ безъ ихъ справи Полочанина не карати ни въ чомъ. А воеводу городомъ не даровати. Темъ Полочаномъ всимь жити въ Полоцку доброволно, покуль хто хочеть; а будеть ли которому Полочанину отъ насъ насильство, намъ его силою не держати: ино ему путь чисть, куды хто хочеть, безь всякое заченки; а во своемь именьи во всемь волень, идучи прочь, продати або которому прилтелю своему приказати, въ то намъ не вступатися. А которий Полочании иметь намъ о чомъ жалогатися о насильи на Полочанина, присхадини до Литви одинъ, безъ истца: намъ зъ Литвы децкого не слати, писати намъ листъ свой къ воеводе нашому, хотя бы о смертной вине: ино ему судити по целованью, осудивни его, въ Иолоцку жъ карати виноватого по ихъ праву, съ Иолочаны по испросу. А воеводе нашому отъ пригоновъ городскихъ посула не брати. А чоломъбитье намъ въ Полочанъ приймовати. Такъ же воеволе

нашому отъ варь имати гостинца по полуконью грошей отъ всякой вары. А на твердость того всего и печать нашу казали есмо привесити. А при томъ были панове рады наши великого князьства Литовского: бискупъ Виленский князь Навелъ, княже Голшанское; воевода Виленский, канцлеръ великого князьства, державца Бобруйский и Борисовский, панъ Янъ Юревичъ Глебовича; панъ Виленский, державьца Упитьский, панъ Григорей Григорьевичъ Остикъ; воевода Троцкий князь Япушъ Юревичъ, княже Голшанское; панъ Троцкий, староста Жомойтский, державца Плотелский и Телшовъский, панъ Еронимъ Александровичъ Ходкевича; маршалокъ земъский, державца Иновленский, панъ Миколай Яновичъ Радивилъ; воевода Кневъский князъ Оредрыхъ Глебовичъ Пропский: воевода Полоцкий панъ Станиславъ Станиславовичъ Довойно и инме панове рады наши. Писапо и дано у Вильни лета Божего нароженъя тисеча пятьсотъ сорокъ семого году месяца оевраля двадцать первого дня, индикта пятого. Sigismundus Augustus Rex.

(Литовск, Метрики кн. Записей XXXI, л. 31-34. Слова въ скобкахъ вляты изъ

синска 1511 г. См. Акты Зап. Рос. II, N 70).

VI. Tenor priuilegij ratificatorij territorij Drohiciensis.

In nomine Domini Amen. Ad perpetuam rei memoriam. Sigismundus Augustus, Dei gratia Rex Poloniae, Magnus Dux Lituaniae, Russiae totiusque Prussiae, Samogitiae, Masouiae etc. dominus et haeres. Significatum esse volumus vniversis et singulis, praesentibus et futuris, harum notitiam habituris. Quia, inherentes maiorum nostrorum magnorum Ducum Lituaniae vestigiis, qui, volentes subditis suis ex suae Regiae clementiae Liberalitate et beneficientia gratificari ipsosque sibi ad optime de se merentes magis fidos et promptiores efficere, ipsis aut libertates et privilegia Publica et priuata clementer denuo concedere aut concessa confirmare soliti fuerant: quare nos etiam, quamuis omnia iura, priuilegia omnium ordinum incolarum huius magni Ducatus Lituaniae speciali diplomate nostro in vniuersum in praesenti conuentu generali huius Magni Ducatus Lituaniae approbauerimus. tum, cum instantissime esset nobis suplicatum nomine vniuersae Nobilitatis Territoriorum Drohiciensis et Melniciensis per quosdam e medio eorum huc ad praesentem Conventum ad nos missos, vt ipsorum quoque iura, leges, constitutiones, libertates, priuilegia et praerogatiuas priuatas et publicas a majoribus nostris datas et concessas approbare, ratificare et confirmare dignaremur; ob id itaque supplicationibus pro clementia nostra annuentes incolarum vniuersorum ordinum ipsorum Territoriorum supramemoratorum. nempe Drohiciensis et Meluicensis, inra, libertates, leges, constitutiones, prinilegia et prerogativas onmes publicas et prinatas, a maioribus et praedecessoribus nostris ipsis datas et concessas ac legittime emanatas, in omnibus et singulis earum punctis et clausulis et conditionibus, quae et quas hic pro expressis habere volumus, Approbandum, confirmandum et ratificandum decernimus cum vniuerso senatu nostro, ipsas omniaque in eis contenta firma et valida esse debitamque vim et vigorem habere et obtinere debere perpetue et in aeuum. Harum testimonio litterarum quibus sigillum nostrum est appensum. Actum et Datum Vilnac in Conventione generali die vigesima tertia Mensis Februarii Anno Domini Millesimo quingentesimo quadragesimo septimo. Praesentibus Reuerendis in Christo Patribus et Magnificis dominis, strenuis ac generosis militibus: Paulo Vilnensi, Georgio Luceoriensi, Venceslao Mednicensi Episcopis; Ioanne Hlebowicz Pallatino Vilnensi Cancellarioque nostro et Tenutario in Bobroisko, Borisow; Gregorio Oscikowicz Castellano Vilnensi, Tenutario Vpitensi, Ioanne Iuriewicz, Duce Dubrowiensi, Pallatino Trocensi, Tenutario Mohilouiensi, Hieronimo Chodkiewicz Castellano Trocensi, Capitaneo Samogitiensi, Nicolao Iohannis Radinil Marschalco Terrestri, Tenutario Soulensi, Stanislao Dowoino Polocensi, Alexandro Chodkiewicz Nouogrodensi, Stanislao Petri Kiszka de Cziechonowicz Viteblensi Pallatinis: Andrea Sanguszkowicz duce de Koszir Capitaneo Luceoriensi, Iwano Hornostaij Marschalco Curiae et Tesaurario Terrestri, Praefecto Slonimensi; Nicolao Georgij Radziwil Pocillatore, Ioanne Ioannis Radziwil Structore mensae, Stanislao Nicolai Kieszgal Dapifero; Gregorio Chodkiewicz Succamerario; Nicolao Petri Olechnowicz Gladifero, Nicolao Andrusszowicz Praefecto Equisonum nostrorum, Tenutario Ozensi et Perelouiensi: Nicodemo Ioannis a Czechonowicz Mielnicensi, Nicolao Alberti Narbut Kreuensi et Moziriensi praefectis, Marschalcis Alijsque officialibus dignitarijs ac consiliarijs nostris fidelibus, nodis dilectis. Sigismundus Augustus Rex.

(Литовск. Метрики ви. Записей ХХХІ, л. 89, 90).

VII. Tenor priuilegij districtus Bielscensis.

In nomine Domini Amen. Ad aeternam rei memoriam. Sigismundus Augustus, Dei gratia Rex Poloniae, magnus dux Lituaniae, Russiae totiusque Prussiae, Samogitiae etc. Dominus et haeres. Significamus tenore praesentium, quibus expedit vniuersis, praesentibus et futuris, harum notitiam habituris. Quia quum in hoc conuentu generali ex elementia nostra singulari ad petitiones supplicationesque vniuersorum ordinum magni huius Ducatus nostri Priuilegia omnia et singula a maioribus nostris habita, omnium hominum incolarum eiusdem approbauerimus, id quod ex literis seu diplomate nostro super his per nos illis dato et concesso videre est; tamen, cum esset nobis specialiter suplicatum nomine vniuersae Nobilitatis terrae Bielscensis et Territoriorum eius per quosdam e medio eorum videlicet Ioannem Mienskij et Martinum Viszenskij Ialbrzyk, huc ad praesentem conuentum missos; quia quamuis habeant priuilegium ex concessione serenissimi olim Alexandri Regis Poloniae et Magni Ducis huins Ducatus nostri Lituaniae, Patrui nostri desideratissimi, quibus illis permissum fuerat, vt consuetudinibus et jure Polo-

nico vterentur et gauderent, prout et hactenus vsi sunt et gaudebant, sed quia in eius modi Priuilegio essent quaedam, quae a iure, legibus et consuetudinibus Polonicis discrepant et diuersa sunt, Quare summo studio a nobis orauerunt, yt sublatis exceptionibus eiusmodi omnibus, quae a iure legibus et consuctudinibus iuris Polonici, quo ipsi sic vtuntur, discreparent et disconvenirent, potius illis permitteremus, vt et in vniuersum et vt dicitur totaliter et plene consuetudinibus et iuribus Polonicis vterentur ipsi et eorum posteri perpetuo. Quorum nos supplicationibus elementer annuentes et inherentes majorum nostrorum Magnorum Ducum Lituaniae vestigiis volentesque eosdem obligatiores et alacriores ad optime de nobis et Reipublicae huius magni Ducatus nostri Lituaniae benemerendum facere cum vniuerso senatu nostro decernimus, vt deinceps semper perpetuis temporibus vniuersa nobilitas incolae terrae Bielscensis et eius territoriorum et districtuum omnium gaudeant et vterentur Iuribus, legibus et consuetudinibus Polonicis, perinde atque nobilitas terrae seu districtus Drohiciensis ex speciali concessione majorum seu predecessorum nostrorum foelicis memoriae Magnorum Ducum Lituaniae ex praerogatiuis ipsis datis concessis et legitime emanatis, Quas et hic volumus habere pro expressis, hactenus vtitur et gaudet. Decernentes insuper omnes alios quoscunque abysus isthic contra leges, constitutiones et iura polonica hactenus existentes, et siue ex priuilegijs aut consuctudine seu potius desuctudine aliqua aut improbitate etiam aliquorum officialium aut cuiusvis magistratus siue quacunque alia ratione exceptos, specificatos vel reservatos et introductos, esse tollendos et abrogandos, prout eosdem et per praesentes tollimus et abrogamus perpetuo. Volentesque deinceps semper futuris perpetuis temporibus vniversos et singulos dignitarios seu officiales terrestres et castrenses et alios quosuis praesentes et futuros, iam constitutos et imposterum constituendos, non aliter se debere nec posse gerere erga illorum Territoriorum incolas, quam secundum praescriptum jurium, legum et consuetudinum Polonicalium praesentium et futurorum, quibus Districtus Drohiciens gaudet. Alioqui si quid contrarium fuerit in premissis per quempiam hominum attentatum, id decernimus nullum et invalidum eiusque modi attentatores penis seu mulctis, in iuribus Polonicis constitutis et contentis, puniendos et mulctandos semper perpetuo. In quorum omnium fidem et testimonium praemissorum sigillum nostrum est appensum. Datum Vilnae in Conuentione generali die vigesima tertia mensis Februarii Anno Domini Millesimo quingentesimo quadragesimo septimo. Praesentibus Reuerendis in Christo Patribus ac Magnificis dominis strenuis ac generosis militibus: Paulo Vilnensi, Georgio Luceoriensi, Venceslao Mednicensi Episcopis; Ioanne Hlebowicz, Palatino Vilnensi Cancellarioque nostro et Tenutario in Bobroisko et Borisow; Gregorio Oscikowicz, Castellano Vilnensi, Tenutario Vpitensi; Ioanne Iuriewicz Duce Dubrouiensi Pallatino Trocensi, Tenutario Mohilouiensi; Hieronimo Chodkiewicz, Castellano Trocensi, Capitaneo Samogitiensi; Nicolao Ioannis Radziuil Marschalco Terrestri, Tenutario Schowlensi; Stanislao Dowoino Polocensi, Alexandro Chodkiewicz Nouogrodensi, Stanislao Petri Kiszka de Czechonowiecz Viteblensi Pallatinis;

Andrea Sanguszkowicz Duce de Koszir Capitaneo Luceriensi, Iwano Hornostay Marschalco Curiae et Tesaurario Terrestri, Praefecto Slonimensi; Nicolao Georgij Radziuil Pocillatore, Ioanne Ioannis Radziuil structore mensae, Stanislao Nicolai Kiezgal Dapifero; Gregorio Chodkiewicz succamerario, Nicolao Petri Olechnowicz gladifero, Nicolao Andruszowicz Praefecto Equisonum nostrorum, Tenutario Ozensi et Peroloniensi. Nicolamo Ioannis de Cziechonowicz Mielnicensi, Nicolao Alberti Narbuth Kreuensi et Moziriensi Praefectis Marschalcis Alijsque offiicialibus dignitarijs ac Consiliarijs nostris fidelibus nobis dilectis. Sigismundus Augustus Rex.

(Литовск. Метрики ки. Записей XXXI, л. 90, 91).

VIII. Привилей всей земли Волынской на права и волькости ихъ.

Во вмя Божье станься. Ижъ всякие вчинки цнотливме, которые зъ обычаевь людскихъ походять и бывають въ заховалестяхъ ихъ деланы, которые жъ на знаимость звычаю вчинного часы своими явие ся оказують и верне а стале доконують, годно есть, абы слушне тежъ вчинъности своей поживали и были бы ознаймены на писмахъ выложеные и потвержоные для ведомости потомъ пришлое людское, абы часу посполитого съ памети не сходило. Прото мы, Жикгимонть Августь, Божью милостью король Польский, великий князь Лиговский, Руский, Пруский, Жомойтский, Мазовецкий и иныхъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, кому будеть потребъ того ведати. Били намъ чоломъ духовные и светьскиевладыка Володимерский и владыка Луцкий и князи, и панове, и земяне, и вся шляхта Вольнское земли и покладали передъ нами привилей короля его милости старшого и великого киязя Жикгимонъта, пана отца нашого, въ которомъ пишеть, ижъ они клали передъ его милостью отцомъ нашимъ листы деда нашого Казимира и дяди нашого Алексапъдра, славное памети королей ихъ милости, на права и вольности свои, которые листы, права ихъ, его милость король старший, панъ отецъ нашъ, рачиль имъ, всей земли Волынъской, потвердити и при моцы заховати, и на то его милость привилей свой имъ дать, — и били они намь чоломь, абыхмо и мы водле того привилья отца нашого заховали и на то привилей нашъ имъ дали и потвердили быхмо имъ тые права напимъ привильемъ, и держали ихъ подлугъ права ихъ земли. А такъ мы, углянувин у привилей короля его милости старшого, нана отца нашого, на прозбу ихъ то есмо вчинили и тые права и вольности ихъ, какъ было за деда и дяди нашого, королей ихъ милости, и за отца нашого короля его милости старшого, при моцы ваховываемъ и тымъ привильемъ нашимъ потвержаемъ: Ижъ старосты и наместьники наши не мають на нихъ децкихъ своихъ слати первымъ разомъ: коли на кого жалоба прийдеть, пно того первымъ листомъ и другимъ обослати; а коли на тые два листы не станеть, тогды децкого послати; а коли за тымъ децкимъ не станеть, ино децкованье маеть заплатити, а

старосте и наместьникомъ нашимъ на томъ всказати и отправити. И тежъ воторый слуга або чоловекъ князьский и панский а любо земяньский убьеть кого, ино старосты и наместьники наши и маршалокъ земъский, и ключникъ, и конюший на нихъ головщины бирали, и дедъ и дядя, и отецъ нашт те имъ отнустили и листы права ихъ милости на то передъ нами г даль. Ино мы, тыхъ лястовъ и правъ выслухавши, и такъ то подажувь тыхъ листовъ деда и дяди нашого и отца нашого то есмо имъ отпустили: нехай они зъ слугь и зъ людей своихъ, хто въ головщину виадеть, сами головщину на слугахъ и на людехъ своихъ беруть, а старостамъ и наместьникомъ нашимъ не надобе зъ ихъ слугь и зъ людей головщины брати. А князей и пановъ, и земянъ старосте нашому злыми словы не соромотити, въ казнь и въ вежу ихъ не сажати; а естли бы который провиниль што князь або панъ а любо земянинъ, ино старосте насъ обослати: какъ мы его навчимъ листомъ або посломъ нашимъ, што бы пмелъ съ тымъ вчанити, ино ему подле начки нашое то вчинити. А такежъ, што били челомъ и жаловали деду и дяди нашому, ижъ старосты и наместъпчки наши вины и заруки на нихъ беруть и людей ихъ судять и рядять, ино дедъ и дядя нашъ то имъ отпустили: старосте и наместьянкомъ нашимъ вины и заруки на нихъ самыхъ и на ихъ людехъ не брати и людей ихъ не судити, судити имъ самымь люди свои и вины брати каждому зъ своего человека; нижли кому хто заручить келчо конъ на насъ, а тая бы зарука доведена была на кого справнымъ доводомъ, ино то есть въ нашой воли. А далей, старосте на замъку нашомъ судити князьскихъ або панскихъ, або земянъскихъ людей, пто ся дотычеть розбою приличного, кгралгь, шляхетская рана, пожога, абы ся влодейство не множило. А влодея приличного, где колвекъ имуть на чиемъ именьи, тамъ жо его мають судити и тамъ же маеть каранъ быти подлугь давного обычая; а поличное тому, на чиемъ именьи зымають. А приличного злодея не пускати; а хто бы его пустиль або на окупъ даль, а на него доводь справный быль, тоть маеть вину заплатити по давному, какъ передъ тымъ было. А слугамъ старостинымъ, ездячи по селомъ, зарукъ не заручати; нижли хто бы хотелъ на чне именье моцно наехати а любо кого збити, а онъ будеть заручати, а на то доводъ вчинить, то есть справная зарука. Такъ жо о армаръки о Жидичинъские и о Дорогобужские, што староста даеть отъ себе слугамъ своимъ тые ярмаръки въ жалованье -- намесинцъства по годомъ держати, и тые дей его наместъпики самыхъ ихъ и людей ихъ судять и рядять на тыхъ ярмаркохъ и потварные заруки и вины на людехъ ихъ беруть, ино дедъ и дядя нашъ то имъ установили подъ того мерою: на ярмаръки старостины наместъники мають ездити по давному, а людей ихъ одинъ наместъникъ не масть судити: маеть тоть, чий человекъ, судью собе съ своее руки посадити, которого земянина обравни; а потварнымъ зарукамъ и светъкомъ не верить; а которого злодея имуть на ярмарку або въ городе и въ месте нашомъ зъ лицомь, заслужить ли вибеницы, ино шкода тому платити, а вина тому, чий чоловекъ. Тежъ, што дядя нашъ подаваль княземъ и наномъ Волынъ-

скимъ новые торги, ино лей въ тыхъ торзехъ мыта беруть зъ людей килзьскихъ и панскихъ, и дядя нашъ его милость ихъ новые мыта имъ отпустиль и о то имъ у привильи своемъ выписаль: хто бы взяль мыто въ новомъ торгу або ярмаръку на князьскомъ або на панскомъ чоловеце, ино тоть маеть чотпре коны грошей заплатили силу моць тому, чий чоловекъ; нижли мають тые старые мыта давати, где будуть передъ тымъ давали. А и мы ихъ такъ же при всемъ томъ составили и тые мыта имъ новые отложили. Такежъ, што били чоломъ дяди нашому его милости о томъ, што жъ которие люди церковные, князьские, панские и земянские хоживали на работу къ замъку Луцкому и къ дворамъ нашимъ орати и жати, и сено косити, и его милость то имъ отпустиль; и тежь вейту Луцкому на людей кинзьскихъ и панъскихъ померного не велель брати, нижли казаль его милость ему по старому тое померное брати зъ мещанъ и зъ гостей; а далей въ томъ его милости привилью выписано: который внязь або панъ и земянинъ, стоечи у праве передъ старостою або передъ наместыники отзоветься до насъ господаря на вышъщое право, ино старосте и наместьникомь нашимь того имь не забороняти, а къ намъ ихъ пускати, рокъ положивши, коли мають передъ нами стати; а киязя и пана и земянина старосте и наместникомъ нашимъ одному ихъ не судити, маеть при собе посадити князей и пановъ и земянь, тожъ маеть его стдити. И тыхъ привильевъ правъ деда и дяди и отца нашого выслухавши, и такъ же есмо ихъ при всяхъ тыхъ вышейписанныхъ речахъ зоставили, которыи жъ выписаны и менованы въ тыхъ правехъ деда и дяди и отца нашого, и то имъ потвержаемъ симъ нашимъ листомъ привильемъ, ижъ то имъ маеть держано быти. А къ тому тежъ мы зъ особливое ласки нашое, бачечи ихъ верную а пилную накладную, николи не вмешканую службу, которую жъ ся они завжды, не литуючи горлъ своихъ, циотливе предкомъ нашимъ и намъ, нану своему дедично(му) ся оказовали, зъ ласки нашое на ихъ покорную прозбу и чоломъбитье пожаловали есмо ихъ п отпустили есмо имъ зъ ихъ людей воловщину, всей Волынской земли, которую жъ воловщину здавна, за предковъ нашихъ, люди ихъ даивали; а пожаловали и отпустили есмо имъ то вечно и на веки вечные, и тое воловіцины міз вжо господаръ не маемъ зъ людей ихъ брати ани погомъкове наши: нижли, коли панове рада наша великого киязьства Литовского для которое великое потребы земъское зволять который плать съ своихъ людей дати, тогды князи и панове и вся пыяхта Волынское земли мають намь такъ жо тоть плать съ своихъ людей давати. А на твердость того всего и печать нашу казали есмо привесити. А при томъ были нанове рада наши ихъ милость великого князьства Литовского: князь Павелъ, княже Гольшанское, бискупъ Виленский; воевода Виленъский, канцлеръ великого князьства, державца Бобруйский и Борисовский папъ Янъ Юревичъ Глебовича; панъ Виленский, державца Упитьский, панъ Григорей Григорьевичь Остиковича; воевода Троцкий, державца Могилевский, киязь Янушъ Юрьевичъ Гольшанский; папъ Троцкий, староста Жомойтский, державца Илотелский и Телшовский, папъ Еронимъ Александровичъ Ход-

кевича; а маршалокъ земский, державца Шовленский панъ Миколай Яновичь Радивиль; воевода Киевьский князь Оредрыхъ Глебовичь Проньский; воевода Полоцкий нанъ Станиславъ Станиславовичъ Довойно и иные панове рада наша. Инсано и дано у Вилни подъ леты Божего Нароженья тисеча интьсоть чотырдесить семого, месяца марта двадцать семого дня, инъдикла пятого. Подпись руки господарское. Иванъ Горностай, маршаловъ дворный, подскарони земъский и писарь, староста Слопимский, Метибоговский, державца Бириганский, Дорсунишский, Зельвенский. (Лиговск. Метрики вн. Записей XXXI, л. 56—58).

ІХ. Привилей всимъ обывателемъ, мещаномъ и всему поспольству места и земли Витебъское на права и вольности, имъ отъ королей ихъ милости першихъ наданые.

Жикгимонтъ Авъгустъ Божью милостью etc.

Чинимъ явно симъ листомъ нашимъ, хто на него посмотрить або чтучи его услышить, нинешнимъ и напотомъ будучимъ, кому будетъ потребъ того ведати. Што перво сего король его милость славное памети отецъ нашъ зъ ласки своее господаръское рачилъ былъ дати привилей всимъ княземъ и бояромъ и слугамъ Витебъскимъ и войту и мещаномъ места тамошънего и всей земли Витебъской на права и вольности ихъ, водле привильевъ деда нашого Казимира и дяди нашого Александра, королей и великихъ князей ихъ милости, которое вольности князи и бояре Витебъские зъ войтомъ и мещаны тамошъними посполу за однымъ привильсят черезь немалый чась вживали. Нижли, ижъ тоть привилей войть и мещане Витебъские въ захованью своемъ мевали, а княземъ и болромъ заховати его не давали, они, менуючи оть нихъ собе въ томъ быти кривду, очевисте около того зъ собою передъ паны радами нашими мовили; а панове рада ихъ милость, того межъ ними досмотревьши, на томъ зоставили и сами они угодинвымъ обычаемъ къ тому призволили, ижъ оный привилей отца нашого вси посполите въ захованью своемъ за двема ключами и за печатями своими держати, и коли потреба будеть имъ того привплья головъного вказывати, тогды они ку потребе своей его брати мели, а для инъшихъ борздыхъ потребъ съ того привилья на обе стороне копен подъ нечатью его королевское милости имъ были подаваны. А потомъ князи и бояре оную конею только на одны свои особы за чоломбитьемъ своимъ на тую жъ вольность у насъ потвердили, за которымъ листомъ, потверженьемъ нашимъ, потому жъ, яко и за онымъ спольнымъ привильемъ, тое вольности уживають. То пакъ войть и мещане места Витебъского, оказавъши передъ нами конею зъ оного жъ привилья, подъ печатью отца нашого имъ дапую, били намъ чоломъ, абыхмо месту тамошънему всему поспольству по тому жъ, яко княземъ и бояромъ листъ нашъ дали, за которымъ бы они такежъ, яко за онымъ спольнымъ привильемъ, тое вольности вживали; и тежь, што придано имъ на седибу и на выгонъ Коньтинь ворь а Михайловскій ворь, Заручевский ворь, ино, ижь бояре Витебъекие тоть кгрунть местекий у насъ господара, и въ пановъ воеводъ Витебскихъ упрошиваючи, подданыхъ своихъ, людей похожихъ на тыхъ пляцохъ осаживають, которие вжо, не будучи въ присуде замковомъ, зъ ними заровьно службы не выполняють и въ поплатехъ нашахъ господоръскахъ и въ подачъкать и въ повинностихъ местскихъ имъ помочъни (пе) были,жебы того кирунъту не было никому болщъ давано, только на поселенье дому, и хотя (хто) на томъ кгрупъте поселить, абы тые вси службу зъ ними служили, и въ повиненостяхе нашихе и ве подачекахе и ве повиненостяхъ местьскихъ имъ номочьни были. А такъ мы, тое конен, въ которую листь короля его милости Жингимонъта отца нашого на вольности тамъ уписанъ, оглядавши, велели есьмо слово отъ слова въ сесь нашъ листь улисати, который такъ се въ собе маеть: "Жикгимонть, Божью милостью король Полский, великий князь Литовъский, Руский, Пруский, Жомойтский, Мазовенкий и иныхъ. Чинимъ явъно симъ листомъ иминимъ, што перво сего дали есьмо привилей нашъ всимъ кияземъ и бояромъ и слугамъ Витебъскимъ и войгу и мещаномъ места тамошънего и всей земли Витебъской на права и вольности ихъ водле привилья отца нашого Казимира и брата нашого Алекъсандра, славное памети королей ихъ милости, который же привилей нашь держать въ себе въ захованью войть и мещане места нашого Витебского, а княземъ и бояромъ и слугамъ и всей земли Витебъской ховати его не поступують и часу пригоды ку обороне и помочи оный привилей нашъ имъ всимъ потребенъ быти не можеть: ино тыхъ часовь они обе две стороне были въ насъ и въ томъ межи себе споръ мели, князи и бояре допиралисе, абы тоть привилей головъный въ нихъ быль въ захованью, а войть и мещане предся имъ того поступити не хотели. И мы на то нановъ радъ нашихъ высадили, абы ихъ милость того межи ими досмотрели, а нанове рада напиа на томъ ихъ застановили, а потомъ они и сами вгодинвымъ обычаемъ къ тому призволили, што мають они тоть привилей нашь вси посполите въ захованью своемъ держати за двема ключами и за своими печатьми; и коли потреба будеть имъ того привилья вказывати, тогъды они мають его ку потребе своей брати; а для инъшихъ скорыхъ потребъ били намъ чоломъ, абыхъмо съ того привилы казали на обе стороне копен подъ нечатьми нашими подавати. И мы на ихъ чоломъбитье велели есьмо оный привилей въ сесь нашъ листь уписати и такъ ся онъ отъ початъку до коньца въ собе маеть: "Жикгимонть, Божью милостью король Польский, великий князь Литовский, Руский, вняжа Пруское, Жомойтский и иныхъ. Чипимъ знаменито тымъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрить, або чтучи его услынить, нинешънимъ и напотомы будучимы, кому будеть потреба того ведати. Били намы чоломы князи и бояре и слуги Витебские и вси мещане места Витебъского и вся земля Витебъская и поьедили передъ нами, штожъ приподни злоден зъ Великого Новагорода покрали въ ниль церковъ Пречистое Богоматери и въ той церкви привилья ихъ украли, котории же они отъ отца нашого,

короля его милости, мели, и конею того привилья передъ братомъ нашимъ, королемъ Александромъ, клали и его милость на то имъ свой прявилей даль, и тогь они привилей передь нами вказывали и били намъ челомъ, абыхъмо имъ на то листь нашъ привилей дали потомужъ. Ино мы зъ ласки нашое, за ихъ къ намъ верную службу, ножаловали есьмо ихъ тымъ, дали есьмо имъ нашъ листь потомужъ, яко отецъ нашь король его милость имъ быль далъ, и какъ тежъ у привилью брата нашого Александра короля его милости выписано, штожъ намъ въ домы церковные, въ домъ Божий Светое Богородицы и въ домъ Божий Светого Духа и тежъ въ домъ Божий Благовещенья Пречистое и въ иные церкви не вступалисе (не вступатисе) и въ купленые (купленины), которие будугь куплены зъ нашимъ дозволеньемъ, и въ безатщины, и въ отмерщины Витебъские тежъ не маемъ уступатисе. А жонъ ихъ замужъ выдавати сплою не маемъ. А которий Витолянинъ вмирал отъкажеть кому остатокъ своего именья, и въ то намъ не вступоватисе. Ани въ подводы коней въ городскихъ людей и въ посельскихъ путьныхъ не брати. А холопу робе вери не няти. А (о) обаде исправа дати. А предковъ нашихъ, великихъ киязей, судовъ не посуживати (пересуживати), чинити намъ зъ Видбланы по испросу, а безъ исправы Видблянина не казнити (карати); а своихъ судовъ судивши не посуживати. А вина прийдеть, ино намъ ихъ по вине казнити (карати). А чоломъбитье намъ у Видблянъ приймати, черезъ паруку въ железа ихъ не сажаючи, а ни въ которую муку. А отчинъ въ нихъ не отнимати, такежъ въ села ихъ, въ поли купъленые не вступатисе. А на заочъное поведанье не верпти; а хто иметь ихъ обмовъляти, того намъ Сидбляномъ объявити. А въ заставу нигде Видблянъ не сажати (не посылити); а на войну быти имъ посполу съ нами готовымъ. А по волости Витебъской воеводе нашому не ездити; а поедеть въ ловы, ино его по станомъ не дарити. А станеться въ которого Видблянина тадьба, а допщутся лицомъ тадьбы, ино Видблянину тадоа вся лицомъ вернути; а чого лицомъ не доищутца которое тадбы, ине истъцу съ татиного дому жоною и детьми заплатити гибель его, а въ томъ тати мы вольни; а не будеть въ татя чимъ платити татбы, ино его отцу (истиу) выдати: и где его усхочеть, тамъ его денеть. А сябровъ городскихъ у пригонъ нашъ не гнати, ани въ подводы, ни въ ловы. Такежъ и у весы Витебъские, ани въ локоть намъ не вступатисе; а коли которий Видолянинъ у весехъ проступить або въ локъти, ино Видблининомъ самымъ казипти (карати) виноватого по своему праву, а намъ въ то не вступатисе. А въ которого Видблянина загудять воскъ въ Ризе або инде и приедеть до Витебъска, ино Видбляномъ самымъ казнити виноватого, а намъ въ то не въступатисе. А где чин отчина сельца, реки або озера, намъ и въ то не въступатисе; а Видоляномъ нашимъ (нашихъ) рекъ або озеръ не танти; а хто потанть, ино намъ того карати. А Видбляны намъ не даритесе никому. Такежъ есьмо имъ и мыта отъпустили по всей нашой отчизие вечно. И еще пожаловали есьмо ихъ, придали имъ на седибу и на выгонъ Койтинъ воръ а Михайловский воръ, Заручевский воръ. Тежъ которие Видоляне побъються а межи собою, а за децкимъ

поеднаються, ино намъ куница шерстью змирщины; а коли о чемъ посвараться и выдадяться въ кольце (оба), то на насъ вина; а видастьсе одинъ, а другий не выдастьсе, за то ихъ намъ не казлити. А за закладную куницу по десяти грошей на насъ брати, а борцу по два гроша. Такежъ и децвованья оть рубля по четыри гроша, а на милю (помилного) по грошу, а владычьному слузе и боярекому потому ать децькованыя. И тежъ владыце на попехъ Витебъскихъ зборная куница. Такъже и намъ давати воеводу по старому по ихъ воли; а которий имъ будеть нелюбъ воевода, а вмовить его передъ нами, ино намъ воеводу имъ яного дати по ихъ воли. А приехавши воеводе нашому первого дня къ Витебъску цаловати ему кресть въ Видбляномъ, штожъ безъ права акъ не вазнити (карати) по вадамъ ни въ чомъ. Также Витъбляномъ жити у Витебъску добровольне всякому по старому, чокуля всхочеть хто; а которому Витолянину оть насъ будеть насильно, а будеть ему нелюбо, намъ его силою не держати, ино ему путь чисть, вуды усхочеть, безъ всивое зачелами. А поити ему въ нашу отъчизну въ Литву не тайно, светому Благовещенью чоломъ ударивъши и нашому воеводе объявивьшисе и своей братьи и мужомъ Витоляномъ; а въ своемъ именью воленъ во всемъ, иди прочъ, продасть або отъкажетъ, намъ въ то се не въступати. Такежъ которий отъ насилья жаловати будеть намъ Витьблянинъ на Витьблянина, приехавъ у Литву, а безъ истца намъ на него децкого не слати зъ Литвы, давати ему нашъ листь инъшому (къ нашому) воеводе, хотябы о смертной винв. А ему судити по целованью, нашимъ судомъ досмотрети права съ князи и бояри, и зъ мещаны; а осудивъши его, казнити (карати) его по ихъ праву у Витебъску. Тежъ которий будеть князь або бояринъ або слуга або мещанинъ што выслужилъ на предвохъ нашихъ, великихъ князей, того намъ у Витблянъ не отънимати по грамотамъ тыхъ князей. А местичовъ Витебъскихъ зъ города Вптебъска не вести вопъ. Такежъ которие будеть литьвинъ або ляхъ крещеным были у рускую веру, а хто съ того роду и теперь живеть, того намъ не рушати, права ихъ хрестианьского не ломити ни въ чомъ. А на твердость тыхъ всихъ речей и печать есьмо нашу привесить казали въ сему нашому листу. Инсанъ у Городъне въ лего семое тысечи семое надцать, месеца оевраля осмыйнадцать день, индикта второгонадесять". А такъ мають войть, мещане места тамошънего Витебского въ себе держати и тымъ листомъ въ потребахъ своихъ оборону чинити и во всемъ томъ заховатисе подле тыхъ артыкуловъ, которие суть въ немъ описаны. А естлибы имъ коли потреба вказывала того привилья нашого головъного, они мають ку потребе своей брати его ховати его такъ, яко панове рада наша межи ними зоставили. И на то есьмо войту и мещаномъ места Витебского дали сесь нашъ листь зъ нашою печатью. Писанъ у Вильни подъ леты Божего Нароженья тисеча пятьсоть чотырдесять первый месяца июля девятый день, инъдикта четьвертагонадцать". И зъ ласки нашое господаръское на чоломъбитье ихъ то вчинили есьмо, на то войту и мещаномъ и всему поспольству места Витебъского даемъ сесь нашъ листъ: мають они за симъ листомъ нашимъ, яко и за онимъ привильемъ короля его милости

Жикгимонъта отца нашого, которие они спольный (съ) киязи и бояре Витебскими мели, тое вольности уживати водле привильевъ деда нашого Казимера и дяди Александра и отъца начного Жикгамонта, королей и великихъ внязей ихъ милости, потому жъ, яко и внязи и болре тамошъние за листомъ, на ихъ особы оть насъ даннымъ, оное жъ вольностей вживають. А штеся дотычеть того кгруньту Койтина вору, Махайловъского вору, Заручевского вору, на седибу и на выгонъ месту тамопінему Витебъскому даныхъ, того кгруньту не маеть быти никому большъ давано, только на поселенье дому; а тые вси, которые на ономь кгруньте осядуть, мають быти у присуде замъковомъ и зъ мещаны тамошъними Витебъскими заровно службы заміжовые служити и въ поплатехъ нашихъ господаръскихь и во всихъ почалекахе и повиненостихе местескихе помогати име повинни будуть. Якожт на твердость того и печать нашу казали есьмо привесити ка сему нашому листу. Писанъ у Вильни. Лета Бож. Нарож. 1561, месеца июня 6 дия. — Подпись руки господарское. Nicolaus Radziwił pallatinus Vilnensis.—Останей, маршаломъ, писарь.

(Литов. Метр. кн. Записей XLI, л. 203—206; варіанты курсивомъ въ смобкахъ взяты изъ подтвердительнаго привидов 21 февр. 1547 г., пом'єщ, въ книг'в Записей

XXXI, J. 34-36).

X. Przywiley wszystkim obywatelom Zmudzkim na różne prawa y wolnosty od królów ich Mci Zdawna nadane.

In nomini Domini Amen. Ad perpetuam rei memoriam. Nos Sigismundus Augustus etc. Notum facimus hisce litteris nostris vniuersis et singulis, praesentibus ac futuris, ad quorumcunque notitiam praesentes literae nostrae peruenerint. Quod et antea saepissime humillimis ac continuis precibus et instantijs supplicatum nobis est ab generosis Cinonijs, Tenutarijs, praefectis et ab vniuersis ordinibus equestris status terrarum nostrarum Samogitiae, vt libertates, iura et immunitates terris Samogitiae a maioribus nostris, nominatim vero a Ducibus Alexandro Magno Duce Lituaniae Patruo nostro, concessas et a Sigismundo, Rege Poloniae et Magno Duce Lituaniae, parente nostro, confirmatas in omnibus saluas ipsis conseruaremus, et nunc iterum in hac conuentione generali, quae cum vniuersis statibus tam Regni Poloniae, quam Magni Ducatus Lituaniae a nobis instituta est Lublini, nuncij terrarum Samogitiae, a nobilitate ad Comitia oblegati, videlicet Generosi Nicolaus Stankiewicz Bilewicz, Cammerarius totius terrae Samogitiae, Ciuonus Euagoliensis, Sebestianus Mikolaiowicz, Tribunus Samogitiae, Ciuonus Birzinensis, Iwan Ilgowskij, Ciuonus Weyswaniensis, Marcus Wnuczko Ciuonus Rethouiensis, Casimirus Bortkowicz et Petrus Gradowskij, veteribus supplicationibus fratrum suorum insistentes, cum summa instantia sua ab vniuersae nobilitatis Cinonorum, tenutariorum atque omnium ordinum terrarum nostrarum Samogitiae nomine humiliter supplicati sunt nobis, vt ipsorum iura, priuilegia, libertates, immunitates, a maioribus nostris con-

cessa et a diuis Patruo nostro Alexandro Magno tunc Duce Lituaniae, tum et a parente nostro Sigismundo, Rege Poloniae et Magno Duce Lituaniae. prinilegiis confirmata, in omnibus articulis, punctis, clausulis et conditionibus, prout in prinilegijs tam patrui nostri Alexandri Magni Ducis Lituaniae, quam paremis nostri Sigismundi Regis Poloniae et Magni Ducis Lituaniae, latius continentur, non conservarentur solum, sed etiam literis nostris corroborarentur in perpetuum, et simul priuilegia praedicta diuorum Alexandri Patrui nostri et aliud Sigismundi Regis, Parentis nostri, de data Grodnae feria secunda in vigilia sancti Andreae Apostoli Anno Salutis Millesimo quingentesimo septimo super iura et libertates suas in pargameno scriptas et sigillis pensilibus obsignata nobis obtulerunt. Quae cum nos regidissemus ac merito illis esse per dium Alexandrum aliosque magnos Duces Lituaniae (quorum nobis etiam priuilegia ostendebant) concessa et per parentem nostrum Sigismundum confirmata et speciali privilegio approbata indicassemus, repetitis supplicationibus praedictorum nunciorum ad commitia Lublinensia missorum victi, unum ex priuilegiis praedictis '(quod a caeteris tam Witowdi et Casimiri, magnorum Ducum Lithuaniae, quam concessa et per Parentem nostrum Sigismundum confirmata, Sigismundi Regis et Magni Ducis, genitoris nostri minime discrepat, verum omnia unam eademque rem et sensum contestantur ac obloquuntur), Magni scilicet Ducis Alexandri patrui nostri cum omnibus articulis punctis clausulis et conditionibus hic fideliter de verbo inseri mandauimus, cujus tenor latino est idiomate eiusmodi. Nos Alexander Dei gratia Dux Lithuaniae, Samogitiae Russiaeque dominus et haeres. Significamus tenore praesentium quibus expedit vniuersis. Quomodo omnibus et singulis nobilibus et boiaris cmethonibus, viris senibus et iuuenibus, ac toti Communitati per et infra terram et Dominium Samogitiense et districtus eiusdem videlicet Mednensem Chrosnensem et Betigolensem vbilibet constitutum, libertates et gratias infra scriptas dedimus et concessimus damusque et concedimus per praesentes, prout et quemadmodum tempore praeclari principis domini Vitowdi et serenissimi olim Casimiri, genitoris nostri charissimi, magnorum Ducum Lituaniae habuerunt et tenuerunt. In primis itaque volumus, quod nullus illis obicere debet, quod gladio et armis essent expugnati et acquisiti ad nostramque reducti obedientiam, sed quia nobis beneuole adhaeserunt. Item volumus eos gratijs donis et fauoribus prosequi, quibus eos domini Duces Magni Vitowdus et genitor noster Casimirus in dando et donando sunt prosequuti. Item quilibet potest venari, vbi prius venabatur, exceptis venationibus, in quibus domini Duces Vitowdus et Casimirus sunt venati. Item obligatio vadium alias vidawsczyzna, nec etiam judiciales, alias przesudy, de coetero inter ipsos fieri non debent. Item qui tempore dominorum ducum Vitowdi et Casimiri praefatorum fenum non falcarunt, isti modo etiam falcare non tenentur. Item ad labores castrorum ambulare non debent sicut et tempore Ducum Vitowdi et Casimiri non ambulabant. Item donationes, quas nobilibus et boiaris duces Vitowdus, Swidrigall et Sigismundus ac genitor noster donauerunt, tenere et seruare volumus. Item Ministeriales, alias dzieczkie, vltra fluuium Nieswieza mittere

non debemus. Item Capitaneum, quem habere voluerint, eis dabimus, nostra tamen voluntate etiam ad hoc accedente. Item viduas nobilium et Boiarorum in bonis Maritorum dimittemus, quamdiu in sede permanserint viduali: quere vero ad Secundas Nuptias convolauerint seu alios maritos duxerint. dotalicijs, si quae eis priores mariti assignauerint, solum modo gaudebunt, bonis ad proximiores ipsorum Maritorum omnibus devolutis. Item omnibus nobilibus Boiaris et toti Communitati districtus Kniethowiensis similiter dedimus et concessimus, praesentium tenore mediante,-concedimusque et damus omnia iura et libertates Christianitatis, prout terrae Lituaniae concessimus, et quemadmodum genitor noster praefatus corum praedecessoribus Boiaris videlicet Butrimo, Sthrupi et Gieruido cum cacteris boiaris et Communitati districtus Knietouiensis dederat et concesserat, et boiaros ac nobiles eiusdem districtus in eadem primaeua honestate et prouisionibus tenebimus eodem modo, quo serenissimus dominus Wladislaus Rex et praeclarus Dux Witoudus nec non genitor noster tenuit et habuit cum omnibus cmetonibus et tota communitate districtus praefati. Item, qui nobiles fuerunt tempore Wladislai Regis et ducis Witowdi et genitoris nostri, eos omnes et ex nunc pro nobilibus cenebimus et habebimus. Quicunque vero homines de communitate seruitutes suas quomodo exhibeant tempore Wladislai Regis, Ducis Witowdi et genitoris nostri, parimodo nobis easdem seruitutes debent ex nunc impendere. Item, si alicui ex nobilibus et boiaris etiam nobilem contingat occidere vel similem sibi fratrem, debet occisor pro homicidio perpetrato sexaginta sulos (scudos?) reponere et exsoluere. Nam cos omnes circa omnia praemissa reliquimus et relinquimus, quae per Diuum Wladislaum et Ducem Witowdum ac genitorem nostrum erant eis concessa. Praetereaque dedimus et concessimus omnibus boiaris et toti communitati Knitouiensis Pernarouiensis, Rosiouiensis, Chrosnensis, Mednicensis, Ghosuiensis et Postouiensis districtus ejusdem terrae Samogitiae ea omnia, quae ab antiquo tempore Wladislai Regis, Ducis Witowdi et genitoris nostri tenebant et possidebant, villas et alia, quae eos pro praesenti volumus tenere et possidere irreuocabiliter et perpetue. Item Accusationes contra eos confectos non audiemus et nouitates eis non imponemus; vbi vero fuerit quis Accusatus, puniri non debet, donec sit in iudicio legitime conuictus. Item nullos alios woiewodos et Ciuonos eis dabimus, solum modo quos ipsi eligerint vel eligent de districtibus suis et quos a nobis petant. Item dicti Boiari ad labores castrorum ambulare non debent nec tenebuntur neque etiam ad expeditionem terrestrem alias na zastawe. Curize nostrae nouae in ipsorum districtibus per nos non sunt erigendae aut aedificandae, nisi illae, quae tempore ducis Witowdi erant ab antiquo, reficiendae et reformandae. Item feras et bestyas silvestres in siluis et pisces in ripis et fluviolis vt ab antiquo eis venari permittimus. Et equi nostri per eos non debent pabulari. Qui vero contributiones mardurum tempore Ducis Witowdi soluebant et contribuebant, illos et nunc dictos Mardores contribuere et exolaere volumus. Item, quando de liberalitatis nostrae gratiae quid dabimus aut providebimus alicui, ab illo, respectu eiusmodi nostrae donationis et provisionis, nullus Ciuonorum

euxemia, alias possuly, repetere et exigere non debet. Et haec omnia supra scripta sub iuramento promittimus firmiter eis seruare et tenere. Item et nouissime omnes litteras, priuilegia, gratias et libertates boiaris Nobilibus et toti Communitati in terris Samogiciae nostris per Serenissimos dominos Wladislaum et Casimirum Reges, Vitowdam, Sigismundan Magnos Duces Lituaniae ceterosque datas et concessas, patrocinio praesentis nostri priuilegii de nouo innouantes confirmantesque, approbamus, gratificamus, ratificamus et roboramus decernentes eisdem perpetuum robur obtinere. Harum quibus sigillum nostrum subappensum est testimonio literarum. Datum Vilnae feria quarta in octava assumpcionis Marie Anno domini Millesimo Quadringentesimo Nonagesimo Secundo. Praesentibus ibidem Magnificis, generosis, strenuis et nobilibus Dominis: Reuerendo Patre domino Alberto, Electo Vilnensi Contirmato: Nicolao Radziwilowicz Vilnensi et Magni Ducatus Lituaniae Cancellario, Petro Ianowicz Trocensi Pallatinis, Ioanne Zabrzezinsky Polocensi, Stanislao lanowicz Samogitiensi, duce Alexandro Horodnensi, Stanislao Cosciewicz Kownensi, Georgio Paczewicz Nowodrognensi, Ioanne Dowoynowicz Wolkouiensi, Stanislao Iwaskowicz et Stanislao Hlebowicz Mercensi capituneis, tenutarijs et marschalcis nostris pluribusque alijs fide dignis testibus circa praemissa. Et quam saepius antea vniuersi ordines terrarum Samogitiae atque nunc denuo pro conuentione generali cum ordinibus Regni instituta humilimis precibus apud nos supplicati sunt, vt omnes et singulas libertates, ab antiquo terris Samogitine concessa et priuilegijs Alexandri Patrui et Sigismundi parentis, Regum Poloniae Magnorumque Ducum Lituaniae, confirmatos in suo robore conservaremus. Quemodmodum hucusque sub tempus foelicis nostrae gubernationis non modo ylla ex parte libertates a majoribus nostris concessas vniuersis et singulis subditorum nostrorum non diminuere, sed etiam munifice gratioseque augere ac concedere consucuimus, ita tanto magis adducti singulari fide, virtute ac praeclaris ijsdemque continuis in nos et Rempublicam Magni Ducatus nostri Lituaniae meritis et obsequijs generosorum ciuonorum, tenutariorum, praefectorum et omnium in summa ordinum equestris status terrarum Samogitiae, quibus diuorum antecessorum nostrorum et nostram gratiam demerebantur ac quotidie demerentur, omnes libertates iura et immunitates, quaecunque ipsis a maioribus nostris et ab Alexandro magno Duce Lituaniae patruo nostro donatae ac postea a Sigismundo Rege Poloniae et Magno Duce Lituaniae, parente nostro piae memoriae, speciali privilegio innovatae temporibus confirmatae sunt, similiter et omnes libertates ac iura sub tempus felicis regiminis nostri terris Samogittiae et illarum vniuersis indigenis equestris status donatas et optimo iure concessas, decernentes vniversis equestris status ordinibus atque alijs terrarum illarum indigenis illaesas, attribuimus et conservarius conservarique volumus promittendo verbo nostro pro nobis et serenissimis successoribus nostris, nos et serenissimos successores nostros illas ipsas libertates iura et immunitates in omnibus Articulis, punctis et clausulis, satis late in priuilegijs tam Alexandri Patrui Magni Ducis Lituaniae, quam Sigismundi parentis nostri, Regis Poloniae et Magni

Ducis Lituaniae, descriptos integre ac perpetuo conseruaturos esse. Quaequidem omnia ad meliorem et perfectiorem effectum fidem et testimonium deducendum, vt perpetuo in suo robore conservarentur, per praesentes Articulatim pronunciare, repetere et approbandum recognos ere voluimus. Primum vt optimo omnium abolecitur et inuscio famae eorum pulcherrime caucatur cos non vi nec impulsi aliquo, sed beneuole et studiose, salua mente. nobis adhaesisse compertum sit. Item volumas eos gratijs donis et fauoribus prosequi, quemadmodum praedecessores nostri Dominus Dux Witowdus et alij Magni Duces Lituaniae in dando et donando sunt prosequuti. Item donationes, quae nobilibus et boiaris Magni Duces Witowdus Swidrigal Casimirus Alexander et Sigismundus, piae memoriae genitor noster, nosque ipsi faelicis nostrae regiminis ipsis donauimus et quaecunque possidebant, ea omnia volumus tenere et quiete eis conservare perpetuo. Item Capitaneum eis dabimus, quera ipsi volaerint, nostra tum ad hoc voluntate accedente. Item ea omnia, quae antiquo a praedecessoribus nostris piae memoriae et a genitore nostro ac nobis ipsis tenebant, possidebant villas, Commutationes earum et alia volumus perpetuo eos obtinere et possidere pacifice. Item nullos atios Woiewodos, Ciuunos eis dabimus, tantum quos illi ipsi ex suis districtibus elegerint ac a nebis petierint. Atque haec et coetera omnia superius in praemissis descriptas literas priuilegia donationes gratias libertates Boiaris et nobilibus ac omnium Disttictuum Communitati in terra Samogitiae per Serenissimos dominos Władisłaum, Casimirum, Alexandrum, Sigismundum genitorem nostrum ac nos ipsos Magnos Duces Lituaniae tum alios praedecessores nostros datas et concessas in omnibus suis punctis, clausulis et conditionibus, nullis denique exceptis et excipiendis, praesentium innouatione, approbatione et ratificatione decernimus et sub iuramento promittimus perpetuis temporibus ipsis robur inviolatum relinquendo, Nos et serenissimos successores nostros firmiter eis tueri et conseruare. Harum testimonio literarum quibus manu propria subscripsimus et sigillo nostro appenso Magni Ducatus Lituaniae Communiri fecimus. Datum Lublini in conventione generali tam Regni quam magni Ducatus Lituaniae ordinibus indicta, feria secunda ante festum Sancti Mathia Apostoli proxima (19 сентября) Anno Domini millessimo quingentesimo sexagesimo nono. Praesentibus Reuerendo, illustribus, magnificis et generosis dominis: Victorino Verzbiczkij, episcopo Luceoriensi, Nicolao Radziwil duce in Dubingi et Bierze Vilnensi Magnique Ducatus Lituaniae Cancellario, Borrisouiensi Mozirensique Capitaneo, Stephano Duce Zbarazensi Trocensi Palatinis; Ioanne Chodkiewicz comite in Szklow et Mysz, Capitaneo generali terrarum Samogitiae, Magni Ducatus Lituaniae Supremo Marschalco, administratore et gubernatore nostro per Liuoniam, Cownensi, Plotellensi, Telszouiensi Capitaneo; Constantino Duce Ostroiensi Kiowensi, terrarum Woliniae marschalco, Wlodimiriensi Capitaneo; Stanislao Dowoino Polocensi, Paulo Sapieha Nouogrodensi, Hawrilone Hornostai Minscensi Palatinis, Melchiore Schemioth Samogitiae, Gregorio Wolowicz Nowogrodensi et capitaneo Slonimensi, Nicolao Talwosz Minscensi et capitaneo Dynemburgensi Castellanis; Eustacho Wolowicz Magni Ducatus

Lituaniae vicecancellario et curiae nostrae Marschalco Brestensi Cobrinensique, Nicolao Naruszewicz Magni Dacatus Lituaniae thesaurario terrestri, Vszpoliensi, Pienianensi Madzialensique capitaneis et alijs multis fide dignis circa praemissa existentibus.

Sigismundus Augustus Rex etc. (Литовск. Метрики кн. Записей L, л. 274—278).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		crpsk
Предисловіе		1-11
І. Научное значеніе исторін Литовско-Русскаго гозударства		1-4
 Общественный быть литовцевь по древибійний в извістія; 		511
III. Образованіе великаго княжества Литовскаго		11-16
 Присоединеніе въ Литвѣ Полоцкихъ княжествь. Полѣсья и 		16-22
 Распространеніе литовскаго владычества въ клинорусскихъ 		22-29
VI. Распространеніе литовскаго владачества въ Смоленской зег	arign beca-	
неокскомъ краћ. Причины успћховъ Литвы		29-34
VIII. Внутренній строй лиговско-гусскаго госу претва въ XIV		3439
въ XIV въкъ и инкорпорація его въ корону Польскую	ocynar-cier	39-43
 IX. Возстановленіе великаго княженія на Литві додъ суве 	DEHUTET: VI	99-40
Польской ьороны	pennicztas	44-50
 X. Возвышеніе великокняжеской власти при Витовті. 		50-55
XI. Соціально-политическіе результаты унін съ Польшею;	привил-гія	
литовскаго боярства		56-60
 XII. Національно-политическая борьба внутри Литовско-Русека 	to tockitab-	
ства въ тридцатыхъ годахъ XV въка и ея результаты		6066
ХІН. Политическія дваженія въ Литовеко-Русскомъ государствь	BP HULLIP	
великокняженія Казимира и изданіе общеземскаго привиле и областныхь.	я 144 года	67—75
XIV. Областное діленіе Литовско-Русскаго государства при І	Sasuvenie a	07-10
его сыновьяхъ и политическое значеніе этого діленія	toonantes a	76-82
ХV. Областная автономія въ Литовеко-Русскомъ государствъ		
половинь XV и первой половинь XVI выса		82-88
XVI. Великокняжескіе домены и ихъ тяглое населеніе при К	азимирѣ н	· ·
его сыновыяхъ		88-95
XVII. Крестьянское землевладение и земленользование въ великов		
доменахъ до половины XVI въка		95—100
XVIII. Непохожіе и похожіе крестьяне и вольные слуги въ госі имъньяхъ при Казимиръ и его сыновьяхъ	TO THE LETT	100 107
XIX. Мъщане и евреи въ господарскихъ имъньяхъ до половины		
XX. Шляхта въ господарскихъ доменахъ при Казимиръ и его		
XXI. Землевладаніе и повинности шляхты въ господарскихъ		113-116
. при Казимиръ и его сыновьяхъ	дожетьяв	119-123
XXII. Килжеское и панское землевладъніе и его значеніе въ		7
политической организаціи Литовско-Русскаго государст	Ba; heredb-	
ныя нивныя		123-127
XXIII. Населеніе кчяжескихъ и панскихъ именій и права надъ	HHMS RIG-	****
дъщевъ; элементы феодализма на Литвѣ и Западной		128—133
XXIV. Организація мъстнаго управленія при Казимиръ и его сословныя власти въ господарскихъ доменахъ		133127
XXV. Управление мъсть съ магдебургскимъ правомъ		
ALLE . Subarrente muero en margeoyprenunt ubaront		100-149

XXVI.	Намфетники-державны, какъ органы холліственнаго и финансовато управленія въ господарскихъ доменахъ	
XXVII.	Намъстники-державцы, какъ военно-администрацивные и судебные	
A 9777777	органы вы госполарских в доменахы	
	Старосты и воеводы, камъ ерганы общегосударственчаго управления въ областяхъ	154-160
XXIX.	Высшіе урадники земскіе и дворчые пра литовиче-русскомъ госпо-	161-168
XXX.	Господарская рада, ея составь и правительственное значение въ XV и первой половинѣ XVI вѣка	
XXXI.	Литовско-польскія отношенія при Казимир'в и его сыновьяхъ; угвержденіе великаго вальнаго сейма	
XXXII	Борьба Литовеко-Русскаго государства съ Крымскими татарами и	
11111111	Москвою при Казимиръ и его сыновъяхъ	
	Организація "обороны земской" при Александрії и Сигизмундії I	193-197
XXXIV.	Финансовыя мёропріятія вы эпоху борьбы съ Мосявою и гатарами при Алексалдов и Сигизмундік I	197-202
XXXV.	Великій вальный сеймъ при Сигамундѣ I; начало политическаго возвышенія шляхты	202-209
XXXVI.	Мъры по организаціи государственгой обороны въ великокняженіе Сигизмунда Августа до Ливонской войны	
XXXVII.	Сословно-политическія домогательства шляхты на сеймахъ 1547, 1551	
1	н 1554 годовь и результаты этихь домогательствъ	216 - 223
XXXVIII.	Введеніе волочной пом'єры и уставы въ господарских в им'єньяхъ при Сигнамундів-Августів	223-231
XXXIX.	Перемъны въ положении населенія господарскі хъ имъній въ связи	
27	съ волочною реформою	
XL.	П еремѣны въ управленіи въ связи со введеніемъ волочной помѣры и ус тавы	
XLI.	Присоединеніе Ливоніи къ великому книжесть у Литовскому	
XLII.	Финансовое и военное напряжение Литовско-Русскаго государства	
/	во время Ливопской войны	247-258
ALIII.	Расширеніе сословныхъ привилегій литовско-русской пляхты и учре- жденіе земскихъ, гродскихъ и подкоморскихъ судовь по польскому	
	образцу	
XLIV.	Упрежденіе повътовыхъ сеймиковъ, новыхъ боеводствъ и каштеляній	
	по польскому образну и расширеніе правъ великаго вальнаго	9èe 979
XLV.	сейма	200-212
254371	сваго сейма	272-281
XLVI.	Люблинскій сеймъ 1569 года и соединеніе великаго книжества Литов-	
	скаго съ короною Польскою въ одну Рачь Посполитую	282-293
XLVII.	Общія наблюденія надъ ходомь внутренней исторіи Литовско-Русскаго государства	293-296

. .

Приложенія.

Привилен выданные ветикому княжеству Литовскому:
І. Городельскій привылей 1413 года
И. Привилей великато килзя Сигизмунда Кейстутьевича 1434 года 302-30-
НІ. Привилей короля и великато князя Казимира 1457 (1447) года 304—30
IV. Привилей великаго коязя Александра 1492 года 307—31:
V. Привилей великаго виязи Сигизмунда 1506 года 312—31
VI. Привилей 1522 года по поводу назначенія кн. К. Острожеваго вое-
водою Троцкимъ вопреки Городельскому привилею 315-31
VII. Привилей того же года по новоду предоставленія кн. Острожекому
перваго места вы раз в тоснодарской после еинепоновы 31631
VIII. Подтвердитель из привыдей 1529 года по случаю возведения на ве- ликое княжение Сигизмунда-Августа
IX. Привилей 1522 года, предоставляющий вефмь обывателямь ведикаго
княжества виредь судиться однимь писаннымь правомъ 318—32
Х. Подробный правилей короля и великаго князя Сигизмунда 1529 года. 320—32
XI. Привилей 1529 года, возобновляющій и подтверждающій Городель-
скій привилей
XII. Привилей Сигизмунда-Азгуста 1547 года съ подтвержденьемъ 1551 года. 329—33
XIII. Привилей 1563 года, уравнивающій въ правахъ всёхъ христіанъ 338—34
XIV. Привилей 1565 года о введенія земскихъ судовъ и пов'єтовыхъ сей-
инковъ по польскому образну
Привилен, выданные областямъ:
I. Привилей Бъльскому повъту 1501 года
П. Привилей Смоленской земль 1505 года
III. Привилей Дорогицкой земль 1516 гота
IV. Привидей Кіевской земліі 1529 года
V. Привилей Полоцкой земя 1547 года
VI. Подтвердительный привилей Дорогицкой земль 1547 года 361—36
VII. Подтвердительный привилей Бѣльскому повѣту 1547 года 362—36
VIII. Привилей Волынской землѣ 1547 года
IX. Привидей Витебской земль 1561 года
Х. Привилей Жмудской земль 1569 года
Поправки

важнъйшия поправки.

- Стр. 65, строка 3 сверху: надо "Свидригайлу" вм. панечат. "Сигизмунду".
- Стр. 71, строка 6 сверху: надо "вальный" вмѣсто напечатани. "вольный".
- Стр. 124, строка 16 сверху: послѣ "Шишевскихъ и др. а также" пропущено: "виязья *Сънскіе*; въ Смоленской землѣ остались".
- Стр. 132, строка 17 и 18 сверху: надо "судебныя пени" витето напечат. "судебныя пошлины".
- Стр. 183, строка 7 снизу: надо "1506" вмъсто "1501".
- **Стр.** 192, строка 4 сверху: надо "1508 года" вибето "1503 года".
- Стр. 297, строка 11 снизу: "talis" вм. напечат. "tatis".
- Стр. 375, строка 5 сверху: "vt optime omnium abolecitur et inuscio famae eorum" (мъсто, испорченное въ рукописи).

Цвна 2 р. 50 кон.

Обращаться въ Императорское Общество Исторін и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетъ.

Тажь же можно получать следующие труды того же автора:

Областное дъленіе и мъстное управленіе Литовско-Русскаго Государства но времени изданія перваго Статута. Историческіе очерки съ картою Литовско-Русскаго государства въ концѣ XV и началѣ XVI вв. Стр. VIII+884+C+VI+I карта. Помъщено въ Чтеніяхъ въ Ими. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1892 г., кн. ІІІ и IV, и за 1893, ки. ІІІ и IV. Цфна 12 рублей.

Литовско-русскій сеймъ. Опыть по исторіи учрежденія въ связи съ внутренничь строемъ и вибшиею жизнью государства. Стр. 850+232+LXXII. Москва, 1901. Ціла 4 рубля.

Литовскій нанцлеръ Левъ Сапѣга о событіяхъ Смутнаго времени. Цівна 30 коп.

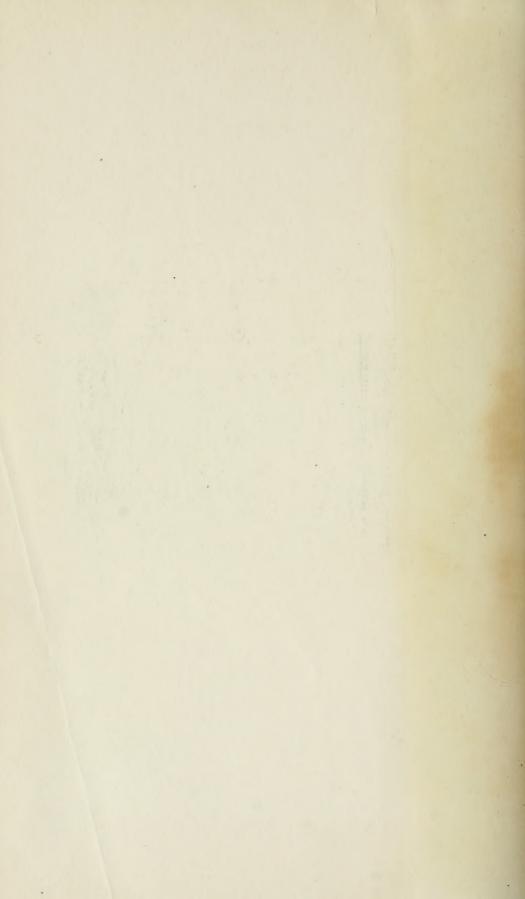

DK 511 L23L5 Liubavskii, Matvei Kuz mich Ocherk istorii Litovsko-Russkago gosudarstva do Liublinskoi unii

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

